

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Юридический факультет
Кафедра теории и истории государства и права

Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика

*Сборник материалов
Республиканской научно-практической конференции
с Международным участием*

Брест, 25 ноября 2016 г.

**Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2016**

УДК 341.41(082)
ББК 67.40

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения
образования «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»*

Редакционная коллегия:

О. В. Чмыга, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»,
кандидат юридических наук, доцент

Е. А. Коротич, доцент кафедры теории и истории государства и права УО «Брестский
государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук

Р. Н. Ключко, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и
криминалистики УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Рецензенты:

Л. А. Краснобаева

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории
государства и права УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Н. И. Ретнёва

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и
криминологии УО «Академия МВД Республики Беларусь»

**Проблемы правового регулирования общественных отношений : теория,
законодательство, практика : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. (с междунар.
участием), Брест, 25 нояб. 2016 г. / БрГУ имени А. С. Пушкина ; кафедра теории и
истории государства и права; редкол.: О. В. Чмыга (отв. ред.) [и др.]. – Брест : Изд-во
БрГУ имени А. С. Пушкина, 2017. – 563 с.**

В сборник вошли материалы Республиканской научно-практической
конференции, посвященной актуальным проблемам правового регулирования
общественных отношений, в которых представлены результаты исследований
белорусских и зарубежных авторов в указанной области.

Материалы конференции предназначены студентам, аспирантам,
преподавателям юридических факультетов, практическим работникам, а также всем,
кто интересуется проблематикой правовой регламентации современных общественных
отношений.

УДК 341.41(082)
ББК 67.40

© УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», 2017

*ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ И ЧИТАТЕЛЯМ*

25 ноября 2016 года кафедрой теории и истории государства и права УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина» была организована и проведена очередная **Республиканская научно-практическая конференция «Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика»**. Начиная с 2012 года данная конференция проводится кафедрой с периодичностью один раз в два года.

Несмотря на то, что конференция имеет статус республиканской отличительной особенностью конференции, организованной и проведенной кафедрой 25 ноября 2016 года, стало то, что в ней приняло участие значительное число зарубежных исследователей и ученых (в том числе докторов и кандидатов наук) из Украины (Киев, Харьков, Одесса, Запорожье, Львов, Днепропетровск) и России (Москва, Рязань, Новгород). Всего в работе конференции приняло участие 8 докторов наук, 35 кандидатов наук, 8 профессоров, а также достаточно высокое число правоприменителей, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов.

Формулируя конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, выделяя и обосновывая основные направления правового регулирования общественных отношений, авторы, чьи работы представлены в настоящем сборнике, как представляется, смогли внести определенный вклад в развитие отечественной юридической науки. Хочется верить, что результаты их исследований получат и дальнейшее практическое приложение.

Настоящее научное издание, подготовленное по итогам работы указанной конференции, можно считать одним из значимых результатов научно-исследовательской и организационной работы, проделанной кафедрой теории и истории государства и права в 2016 году. В нем удалось представить весьма широкую географию авторов, а также систематизировать их аргументированные позиции по вопросам, отражающим тематические поля конференции (актуальные проблемы теории и истории государства и права, конституционного, административного, таможенного, гражданского, семейного, гражданско-процессуального, уголовного права, международного публичного права).

Выражаю искреннюю благодарность всем участникам Республиканской научно-практической конференции «Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика» за интерес к мероприятию и личный вклад в его проведение, а также пожелания дальнейших профессиональных успехов.

С надеждой на новую встречу на нашей конференции!

*О.В. Чмыга,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
кандидат юридических наук, доцент*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

М. В. АНДРИЯШКО

Барановичи, Учреждение образования «Барановичский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В АСПЕКТЕ УКРЕПЛЕНИЯ СЕМЬИ

Согласно п. 7 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [1], *национальные интересы Республики Беларусь* охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития.

Согласно абзацу четвертому ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности» (далее – Закон «О демографической безопасности»), *национальные демографические интересы* представляют собой совокупность сбалансированных демографических интересов государства, общества и личности на основе конституционных прав граждан Республики Беларусь [2]. В частности, конституционными правами граждан в обозначенной сфере является право на защиту государством институтов брака, семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 32 Конституции Республики Беларусь) [3].

При этом, под *демографическими интересами государства и общества*, согласно абзацу пятому ст. 1 Закона «О демографической безопасности» [2], понимается формирование типа воспроизводства населения, основными характерными чертами которого являются отсутствие депопуляции, сознательно регулируемая рождаемость, направленная на полное замещение родительских поколений, устойчиво снижающаяся смертность и увеличение продолжительности жизни, прогрессивная возрастно-половая структура населения, оптимальные внутренние и внешние миграционные процессы, укрепление семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации сложившейся потребности в детях, их воспитания.

Под *демографическими интересами личности*, согласно абзацу шестому ст. 1 Закона «О демографической безопасности» [2], понимается формирование условий, обеспечивающих здоровую и продолжительную жизнь, полную реализацию существующей индивидуальной потребности в детях, свободу территориальных перемещений.

В настоящее время отмечается положительная динамика формирования таких условий, хоть и не позволяющих в полной мере говорить об устойчиво снижающихся показателях смертности. Так, в соответствии с официальными статистическими данными численность населения Республики Беларусь на 1 января 2015 г. составляла 9 481 тыс. человек; на 1 января 2016 г. – 9 498 тыс. человек [4]; на 1 октября 2016 г. – 9 505,2 тыс. человек [5], что свидетельствует об увеличении численности населения и о приостановлении продолжавшейся с 1996 г. до 2015 г. тенденции к депопуляции, сокращавшей в отдельные годы численность населения страны на 57,9 тыс. человек (2002 г.), 41,7 тыс. человек (2006 г.), 29,1 тыс. человек (2010 г.) [6]. В связи с

особенностями методики обработки статистической информации в настоящее время недоступны актуальные статистические данные о структуре причин прироста населения в 2016 г. Такими причинами могут быть как самостоятельно, так и в совокупности: миграция, увеличение рождаемости и снижение смертности.

Демографические интересы общества и государства в аспекте укрепления семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях отражены, в том числе, и в содержании Указа Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [7], в котором в качестве одного из предполагаемых результатов реализации государственной семейной политики предусмотрена наиболее полная реализация репродуктивной функции семьи и улучшение на этой основе режима воспроизводства населения.

В целом, согласно абзацу третьему п. 1 Указа «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [7], объектами семейной политики являются сама семья, а также государственные и общественные институты, непосредственно влияющие на ее функционирование и развитие, что обусловлено пониманием важности роли семьи в жизни общества, в воспитании и социализации новых поколений, сохранении и передаче культурных и нравственных ценностей, традиций нации, достижении общественной стабильности и прогресса.

Укрепление семьи в Республике Беларусь предусматривается не только как демографический интерес государства и общества (абзац пятый ст. 1 Закона «О демографической безопасности») [2], но и как одна из задач законодательства Республики Беларусь о браке и семье. Так, согласно абзацу второму ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [8], укрепление семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей являются задачей семейного законодательства. Однако содержание понятия «укрепление семьи» не являлось объектом самостоятельного научного исследования, несмотря на то, что каждый из перечисленных в настоящей работе нормативный правовой акт оперирует этим понятием, ставит цели по укреплению семьи, декларирует непреходящую ценность этого института для развития общества и обеспечения стабильности государства. Например, в соответствии с п. 3 Указа Президента Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [7], государственная семейная политика базируется на принципах сочетания общегосударственных и региональных мер по укреплению и развитию семьи с учетом специфики социально-экономического и демографического развития территорий.

Суды Республики Беларусь, согласно частям второй – пятой ст. 36 КоБС [8] при приеме искового заявления о расторжении брака предоставляют супругам трехмесячный срок для принятия мер к примирению, а также для достижения соглашения об общих несовершеннолетних детях и разделе имущества. При этом суд не вправе сократить этот срок и рассмотреть дело до его истечения согласно абзацу второму п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [9]. По истечении трехмесячного срока брак расторгается, если судом будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными. При рассмотрении искового заявления суд принимает меры, направленные на сохранение семьи, и вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам дополнительный срок для примирения в пределах шести месяцев [8].

Таким образом, механизм расторжения брака судами в общем порядке предполагает реализацию мер, направленных на сохранение семьи путем предоставления основного и дополнительного сроков для принятия мер к примирению, при этом, согласно абзацу второму п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [9], отложение разбирательства дела для примирения супругов в пределах дополнительного срока может быть неоднократным. В соответствии с п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [9] областным и Минскому городскому судам поручено усилить надзор за рассмотрением дел о расторжении брака с целью предотвращения судебных ошибок и правильного применения законодательства систематически обобщать судебную практику по делам этой категории, принимать меры по повышению роли судебных процессов в деле укрепления семьи. Например, по данным официального сайта Верховного Суда Республики Беларусь за первое полугодие 2016 г. судами Республики Беларусь было рассмотрено 12 204 дел о расторжении браков, из них с удовлетворением иска 12 158 [10].

С другой стороны, в соответствии со ст. 37 КоБС [8] предусматривается особый порядок расторжения брака. При этом особый порядок расторжения брака не предполагает предоставления срока для принятия мер к примирению и брак расторгается судом по заявлению одного из супругов, если другой супруг: признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим; признан в установленном законом порядке недееспособным; осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет [8].

По всей видимости, с точки зрения законодателя можно говорить о браках первого и второго приоритетов. Об этом свидетельствуют даже размеры государственных пошлин, взимаемых при рассмотрении судами дел о расторжении браков. Так, согласно пп. 4.1, 4.2 Приложения 20 к Налоговому кодексу Республики Беларусь (Особенной части) при рассмотрении судом дела о расторжении первого брака в порядке искового судопроизводства размер государственной пошлины составляет 4 базовые величины, повторного брака – 8 базовых величин [11], при рассмотрении же браков в особом порядке размер государственной пошлины составляет 1 базовую величину. При расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния по взаимному согласию супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей и спора об имуществе размер государственной пошлины составляет 4 базовые величины (п.2¹ Приложения 20 к Налоговому кодексу Республики Беларусь (Особенной части) [11]. При этом процедура регистрации брака во всех случаях была идентичной и оплачивалась государственной пошлиной в унифицированном размере – 1 базовая величина.

Полагаем установление различных ставок государственной пошлины в зависимости от числа расторгнутых браков не достигает цели укрепления семьи. Более того, может способствовать моральному обнищанию такой семьи и эмоциональному накалу в среде ее членов. В органах загс может расторгаться и повторный брак, однако ставка государственной пошлины остается неизменной и при первом расторжении брака в загсе и при последующем. Видится целесообразным в целях укрепления брака, а также руководствуясь принципом свободы заключения и расторжения брака установить единые ставки государственных пошлин, уплачиваемых за расторжение брака.

Полагаем, укреплению брака и повышению правовой культуры граждан также будет способствовать соблюдение юридической техники при подготовке нормативных

правовых актов. В тексте действующего КоБС достаточно нарушающих логический ряд неточностей. Например, часть первая ст. 211 КоБС содержит следующую неточность: «Для регистрации заключения брака лицами, вступающими в брак, подается совместное заявление о регистрации заключения брака. Если *один из супругов* по уважительным причинам не может явиться в орган, регистрирующий акты гражданского состояния...» [8] – при том, что лица, желающие вступить в брак, еще не успели вступить в брак, соответственно именовать их супругами преждевременно.

Укреплению семьи по нормам советского семейного права, полагаем, способствовало разнообразие видов алиментных обязательств между различными членами семьи. В настоящее время КоБС 1999 г. предусматривает пять видов алиментных обязательств: между супругами, между бывшими супругами, между родителями и несовершеннолетними детьми, между совершеннолетними детьми и нуждающимися в помощи нетрудоспособными родителями, между родителями и совершеннолетними нетрудоспособными детьми. В соответствии со ст. 94 – 99 Кодекса БССР о браке и семье 1969 г. [12] обязанность по содержанию несовершеннолетних детей, если они не имели родителей, могла быть возложена на других родственников – деда, бабуку, брата, сестру, а также на отчима и мачеху ребенка. Обязанность по содержанию нетрудоспособных совершеннолетних членов семьи, нуждавшихся в помощи, если они не имели супругов, родителей или совершеннолетних детей, могла быть возложена на внуков, а также на пасынков и падчериц. Таким образом, кроме традиционных, предусматривались алиментных обязательств других членов семьи: обязанности отчима и мачехи по содержанию пасынков и падчериц; обязанности пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи; обязанности братьев и сестер по содержанию своих несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер; обязанности деда и бабуки содержать внуков; обязанности внуков содержать деда и бабуку. Полагаем, укреплению семьи будет способствовать, в том числе, и легальное закрепление в действующем белорусском законодательстве алиментных обязательств других членов семьи, предусматривавшихся советским семейным законодательством, что будет соответствовать решению задач законодательства Республики Беларусь о браке и семье в части укрепления семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества на принципах недопущения ослабления и разрушения семейных связей, а также построения семейных отношений на взаимной любви, уважении и взаимопомощи всех членов семьи.

Концептуальные ориентиры национальных интересов Республики Беларусь в демографической сфере в аспекте укрепления семьи нуждаются в уточнении, в частности:

1) необходимо совершенствование социальной и демографической статистики в целях обеспечения всесторонней информацией органов государственного управления и населения;

2) содержание Указа Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» нуждается, во-первых, в актуализации, во-вторых, в легальном закреплении понятия «укрепление семьи»;

3) следует установить единые ставки государственных пошлин за расторжение первых и повторных браков в общем и особом порядках расторжения брака в суде, а также за расторжение первых и повторных браков в органах загс;

4) второе предложение части первой ст. 211 КоБС следует изложить в новой редакции следующего содержания: «Если один из лиц, желающих вступить в брак, по

уважительным причинам не может явиться в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, для подачи совместного заявления, подлинность его подписи на таком заявлении должна быть засвидетельствована в порядке, установленном Правительством Республики Беларусь.»;

5) представляется целесообразным дополнить КоБС 1999 г. новой главой 11⁰ «Алиментные обязательства других членов семьи» и предусмотреть в ней обязанность отчима и мачехи по содержанию пасынков и падчериц; обязанность пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи; обязанность братьев и сестер по содержанию несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних пономородных и неполнородных братьев и сестер; обязанность деда и бабушки содержать внуков; обязанность внуков содержать деда и бабушку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г., № 49 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 30.01.2014. – 1/14788.

2. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12. 2009 г., № 114-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 15. – 2/1666.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

4. Статистический сборник. Демографический ежегодник Республики Беларусь = Demographic yearbook of the Republic of Belarus : стат. сб. / редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – 444 с.

5. Население Республики Беларусь (на 1 октября 2016 г.) : Официальный сайт Нац. стат. комитета Респ. Беларусь, 1998 – 2016 [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа : 20.10.2016.

6. Численность и естественный прирост населения : Официальный сайт Нац. стат. комитета Респ. Беларусь, 1998 – 2016 [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/chislennost-i-estestvennyy-prirost-naseleniya/. – Дата доступа : 20.10.2016.

7. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 янв. 1998 г., № 46 : в ред. Указа Респ. Беларусь от 28.12.2007 г., № 676 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 5. – 1/9268.

8. Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г., № 331-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 29.12.2015. – 2/2329.

9. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2000 г., № 5 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.03.2013 г., № 3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 11.04.2013. – 6/1274.

10. Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 1-е полугодие 2016 года : Официальный сайт Верховного Суда Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://www.court.by/justice_RB/statistics/. – Дата

доступа : 20.10.2016.

11. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г. № 71-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 г., № 372-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.06.2016. – 2/2370.

12. Об утверждении Кодекса о браке и семье Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 13 июня 1969 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорус. ССР. – 1969. – № 17. – Ст. 278.

А. А. АБДУРАХМАНОВ

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Демографическая безопасность является системообразующим элементом национальной безопасности государства. Вместе с тем, с начала 90-х годов прошлого столетия в результате сочетанного влияния внутренних и внешних негативных социально-экономических факторов Республика Беларусь столкнулась с проблемой ускорения депопуляционных процессов, старения населения и, как следствие, ухудшением количественных и качественных показателей населения страны.

Проблема демографического спада не является для новой Республики Беларусь. По мнению ученых, начало этому процессу положено еще в 60-70-е годы двадцатого века [1, с.133]. Но размах, создающий непосредственную угрозу национальной безопасности государства, данная проблема приобрела в последнюю четверть века.

Причин создавшегося положения достаточно много. При их устранении необходимо учитывать, что основной особенностью демографических процессов, одновременно создающей наибольшую сложность, является как их высокая инерционность, так и малоизученный механизм влияния на эти процессы со стороны государства и общества в случае их неблагоприятного развития.

С учетом этого, в Беларуси был предпринят определенные действия правового и организационного характера. Так, Республика Беларусь, первой из бывших республик СССР приняла закон о демографической безопасности, в стране разработаны Национальная и региональные программы демографической безопасности, издан ряд Указов Президента Республики Беларусь по вопросам демографической безопасности. Вступление в силу таких значимых нормативно-правовых актов должно было коренным образом изменить демографическую ситуацию в государстве [2]. Однако до сих пор остановить процесс депопуляции, а тем более обеспечить прирост населения не удается. Причины этого видятся в том, что являясь в сущности статутным актом указанный выше закон не получил логического развития в других законодательных актах, нормы которых явились бы специальными по отношению к нормам Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности».

В научных кругах постсоветского пространства проблема демографической безопасности получила достаточно широкое обсуждение среди представителей

социально-экономических наук. По указанному вопросу написан ряд работ, выработаны рекомендации, заслуживающие самого пристального внимания [3].

К сожалению, представители юридической науки в освещении данной проблематики оказались менее продуктивны. Из работ фундаментального характера, посвященных правовым аспектам обеспечения демографической безопасности, можно выделить, пожалуй, лишь диссертационное исследование российского автора С.И. Тиводара «Демографическая безопасность России», затрагивающая, в том числе и политико-правовые аспекты проблемы [4].

В связи с этим, полагаем закономерным тот факт, что ввиду отсутствия полноценного и последовательного правового обеспечения, фрагментарного использования элементов механизма административно-правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере, большинство рекомендаций научного сообщества остается в статусе благих пожеланий.

Причина видится, в первую очередь, в отсутствии правового и организационного механизмов реализации положений соответствующих законодательных и подзаконных актов.

Представляется, что ключ к разрешению сложившейся ситуации лежит в правовом поле, а именно в сфере действия отрасли административного права, юридически опосредующей деятельность органов государственного управления.

Данная позиция обусловлена тем, что основная нагрузка по воплощению в реальную жизнь законодательных установлений возлагается на исполнительно-распорядительные органы государственной власти, в том числе органы внутренних дел. Практика деятельности должностных лиц этих органов по применению мер обеспечения демографической безопасности позволяет выявить недостатки и пробелы законодательства и подзаконных актов, что обуславливает необходимость их совершенствования.

В настоящее время деятельность государственных органов, должностные лица которых уполномочены решать вопросы в области демографической безопасности, осложняется отсутствием значимых научно-практических комментариев и рекомендаций по применению норм административного права в указанной выше сфере.

В современных условиях органы государственной власти при осуществлении правотворческой и правоприменительной управленческой деятельности, при выполнении иных возложенных на них функций в области обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь испытывают затруднения, связанные с несовершенством законодательства и массива подзаконных актов, отсутствием инструктивных, обобщающих и аналитических материалов правоприменительной практики.

Законодатель определил демографическую безопасность как состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами.

Легальное определение демографических угроз подразумевает под ними демографические явления и тенденции, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь. Представляется, что административному праву силу отраслевой специализации должна быть отведена ведущая роль именно в противодействии угрозам демографической безопасности государства.

В целом юридическая составляющая устранения демографических угроз видится в

административно-правовом обеспечении трех направлений:

- повышение рождаемости до уровня простого, а в дальнейшем и расширенного воспроизводства населения;
- снижение смертности, особенности сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста;
- контроль миграционных процессов в контексте интересов национальной безопасности.

Каждая, указанная выше макропроблема делится на ряд более мелких проблем, которые можно разделить на три блока:

а) в области рождаемости: деятельность организаций и общественных объединений, пропагандирующих идеи планирования семьи, а именно: контрацепцию, аборты, стерилизацию, движения чайлд-фри, ЛГБТ-сообществ, коллективных субъектов, организующих половое «просвещение» в школах и дошкольных учреждениях, пропаганду в средствах массовой информации половой распущенности, «свободных отношений», целесообразности малодетной, но обеспеченной семьи, пропаганда повышения возрастного порога материнства, ювенальной юстиции и тому подобных деструктивных явлений.

б) в области рождаемости смертности: алкоголизм, наркомания, дорожно-транспортные происшествия, уровень медицинского обслуживания, смертность новорожденных и матерей.

в) в области миграции: бесконтрольная иммиграция с притоком населения с чуждыми социальными и религиозными установками с одновременной высокой мотивацией к многодетности.

С учетом вышеизложенного мерами административного принуждения и, в первую очередь, административно-предупредительными и административно-пресекательными мерами, а также мерами административной ответственности должны быть достигнуты следующие результаты нейтрализации угроз демографической безопасности:

В направлении повышения рождаемости:

- запрет деятельности центров планирования семьи и других подобных организаций, минимизация количества абортов, постепенное сведение к минимуму оборота контрацептивных средств, проведение стерилизации исключительно по медицинским показаниям;

- запрет полового просвещения в школьных и дошкольных учреждениях, введение уголовной ответственности с административной преюдицией за пропаганду ЛГБТ-сообществ и их взглядов.

- возвращение в уголовное законодательство нормы об ответственности с административной преюдицией за однополые отношения, организация на государственном уровне пропаганды традиционных семейных ценностей, многодетности, христианского взгляда на семью и детей.

- введение административной ответственности за пропаганду взглядов чайлд-фри, планирования семьи, ограничения рождаемости.

- запрет на пропаганду и внедрения элементов ювенальной юстиции как угрозы демографической безопасности, укрепление советской системы охраны прав материнства и детства как доказавшей свою эффективность,

- внедрение передового опыта зарубежных государств с высокой рождаемостью при низкой младенческой смертности.

В направлении снижения смертности:

– повышение мер юридической ответственности медицинских работников за случаи детской и материнской смертности.

– введение уголовной ответственности с административной преюдицией за управление транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического, токсического и иного опьянения, а также управление транспортным средством лицами не имеющими (лишенными) этого права, а также конфискации транспортного средства за подобные деяния как меры уголовного наказания;

– усиление мер административной ответственности за нарушение правил дорожного движения водителями и пешеходами,

– запрет оборота пневматического и газового оружия, усиление контроля за оборотом служебного и гражданского оружия, обеспечение неотвратимости наказания за совершенные правонарушения.

В направлении контроля миграции:

– предупреждение массового притока населения из государств с высокой рождаемостью, низким уровнем правосознания и общественной безопасности и высоким уровнем террористической опасности с целью недопущения создания крупных диаспор с высоким уровнем закрытости и чуждым коренному населению менталитетом.

Необходимо учитывать, серьезные причины, которые не позволяют иммиграционные процессы в качестве возможности повышения демографической безопасности государства. Одна из них видится в том, что иммиграция в Республику Беларусь решение проблемы демографической безопасности имеет ряд скрытых негативных моментов политической, социальной и этнокультурной сферах.

Опыт свидетельствует, что интегрировать мигрантов в социальном, культурном и политическом смысле весьма непросто. Мигранты могут выступать в двух ипостасях - как объект и как субъект безопасности. В первом качестве они могут рассматриваться как реальные или потенциальные конкуренты на рынке труда. Неконтролируемый приток мигрантов, готовых работать за любую плату, способен дестабилизировать этот рынок, т.е. оказаться источником угрозы для экономической безопасности. В мигрантах также могут видеть источник повышенной социальной агрессивности, роста преступности, в том числе организованной, снижения культурных стандартов и пр.

С другой стороны, очень часто мигранты сами оказываются источником повышенной экономической или криминальной опасности для принимающего населения. Попытки нивелирования возникающих в связи с этим противоречий приводят к тому, даже в самых толерантных социумах представления о гражданских правах и свободах личности подвергаются общественной переоценке и пересмотру на уровне государственно-правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ящук, А. И. Социальная защита матери и ребенка в Республике Беларусь в контексте демографической безопасности / А. И. Ящук // Новая экономика. – 2009. – № 3-4. – С. 133-141.

2. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/o-demograficheskoy-bezopasnosti.pdf/>. – Дата доступа: 10.11.2016.

3. Рыбаковский, Л. Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты / Л. Л. Рыбаковский. – М. : РАН, Ин-т социал.-полит. исслед.,

2003. – 55 с.; Осипов, Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика / Г. В. Осипов. – М. : Издательство Норма, 2000. – 543 с. и др.

4. Тиводар, С. И. Демографическая безопасность России : автореф. дис. ... д-ра юридич. наук : 12.00.02 / С. И. Тиводар ; ФГОУ ВПО РЮИ МВД России. – М., 2008. – 57 с.

А. Н. АПАРОВ

доктор юридических наук, доцент,

Киев, Украина, Киевская государственная академия водного транспорта имени гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного

О. Н. ОНИЩЕНКО

Киев, Украина, Киевская государственная академия водного транспорта имени гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного

**К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К УРЕГУЛИРОВАНИЮ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УКРАИНЕ**

С целью надлежащего понимания изучаемого в этой работе вопроса следует рассмотреть некоторые общие аспекты теории права, правовой системы и юридической природы отраслей гражданского и хозяйственного права, что позволит выявить соотношение между собой последних, а также отраслей хозяйственного и гражданского законодательств, в т.ч. касательно порядка и условий применения норм гражданского права и гражданского законодательства к регулированию хозяйственных отношений.

Итак, начать следует с констатации того общего обстоятельства, что вопросы, связанные с правильным определением и применением норм права и норм законодательства к урегулированию общественных отношений в условиях функционирования той или иной правовой системы играют очень важное значение в плоскости правоприменительной практики, ведь обуславливают наступление юридически значимых последствий для участников соответствующих отношений. Такое правоприменение определяет направление для развертывания соответствующих общественных отношений, которые в связи с этим приобретают форму правовых. Достигнутый при этом определенный результат реализации норм права и норм законодательства, а также установленный таким образом в обществе правовой порядок есть теми объективными критериями, определяющими направления дальнейшего развития юридической науки и совершенствования действующего законодательства, а потому и критериями, которые определяют содержание дальнейшей нормотворческой деятельности органов власти, а также деятельности государства в целом, ведь основными инструментами воздействия последнего служат право и закон.

Не является исключением из указанного также вопрос определения норм права и норм законодательства, подлежащих применению к урегулированию хозяйственных (экономических) отношений, возникающих и разворачивающихся в рамках сферы рыночно-конкурентной экономики Украины. При этом актуальность рассматриваемого вопроса в значительной степени усиливается современными довольно противоречивыми условиями самой экономики, которая, с одной стороны, направлена на обеспечение частных интересов субъектов экономической деятельности касательно получения прибыли и т.п., а с другой – интересов иных субъектов, в т.ч. публичных

интересов государства в обеспечении национальной экономической безопасности и наполнении бюджетов путем взимания с предпринимателей различных видов налогов, сборов и других платежей; интересов местной общины в создании благодаря деятельности предпринимателей рабочих мест; интересов потребителей касательно постоянного наличия на рынке безопасной и высококачественной продукции и т.п. Указанные виды интересов является зеркально противоположными по своему содержанию, в связи с чем в праве было беспрекословно признано то обстоятельство, что одной из основных функций хозяйственного права и хозяйственного законодательства является конструирование механизма согласования и сбалансирования между собой частных и публичных экономических интересов.

Указанное обстоятельство, то есть наличие в хозяйственных отношениях публичных и частных интересов, привело к нормативной разработке и внедрению в практику применения частно-правовых и публично-правовых механизмов регулирования хозяйственных отношений, которые находят свою нормативную фиксацию в частно-правовых и публично-правовых нормах права и законодательства.

Не углубляясь в вопрос дискуссионности относительно критериев деления права на частное и публичное, отметим лишь, что на уровне доктрины общепринято разграничивать соответствующие сферы правовой системы, а именно – частное и публичное право и соответственно – частно-правовые (гражданское право, семейное право и т.п.) и публично-правовые (административное право и т.д.) отрасли права.

Вместе с тем, на рубеже последних лет общественные отношения начали очень интенсивно развиваться и существенно изменяться в своем содержании, приобретая при этом качественно новых и нетипичных признаков и характеристик, в том числе и в части тесного и неразрывного сочетания в их пределах частных и публичных интересов, отражающих потребности различных слоев и институтов общества. Это, в свою очередь, актуализировало перед представителями юридической науки и субъектами нормотворчества вопрос о разработке новых правовых конструкций и юридических механизмов регулирования таких новых сфер возникающих общественных отношений. При этом также появилась объективная потребность в гармоничном сочетании в рамках таких правовых конструкций и юридических механизмов частно-правовых и публично-правовых регулирующих средств.

В связи с указанными обстоятельствами начались фундаментальные трансформационные процессы изменения ключевых акцентов в правовых системах различных государств, следствием чего стало усиление специализации правовых норм, направленных на регулирование качественно новых общественных отношений, которые возникают и развиваются в обществе. Указанное касается и хозяйственных отношений, которые в последние годы приобрели новые формы и содержание и на регулирование которых направлены нормы хозяйственного права и законодательства. Причем последние, учитывая комплексный характер предмета их регулирования – комплексность хозяйственных отношений, принято признавать комплексными отраслями. Однако, следует упомянуть, что такой подход не является единственным в юридической науке, что прежде всего связывается с наличием мыслей, по содержанию которых отрицается признание правовых отраслей комплексного характера.

Истинность концепции комплексности отраслей хозяйственного права и хозяйственного законодательства Украины очевидна, ведь сами хозяйственные отношения, возникающие и разворачивающиеся в рамках рыночно-конкурентной экономической системы нашего государства, не могут регулироваться только в частно-правовом или публично-правовом ключе, поскольку их существенной чертой является

именно комплексность. Из этого следует, что комплексными должны быть также право и закон, которые направлены на регулирование таких отношений, потому что другое не может обеспечить их (права и закона) надлежащего и эффективного действия, а также предотвращает формальный «разрыв» и разделение хозяйственных отношений на частные и публичные, а потому – исключает потерю ряда существенных аспектов понимания характера и содержания этих отношений, создавая возможность рассматривать их как единое целое. При этом очевидно, что право, как и закон, учитывая свои назначения и функции, должны регулировать общественные отношения, обеспечивая при этом гармоничное и эффективное их развитие, а также достижение удовлетворенности интересов всех их участников. Таким образом, право и закон выступают теми комплексными и одновременно унифицированными инструментами, с помощью которых в гармоничном единстве балансируются частные и публичные аспекты хозяйственных отношений. По этому же поводу отметим, что поскольку право и закон являются определенными системными конструкциями, то очевидно, что с точки зрения их юридической природы это допустимо, ведь задачей системы является ничто иное как интегрирование и комплексное сочетание определенных явлений, в нашем случае – это гармоничное сочетание частно-правовых и публично-правовых норм с целью эффективного регулирования комплексных хозяйственных отношений.

Вместе с тем, указанное не означает, что комплексный характер приобретают сами правовые нормы, хотя и это не исключено. Частно-правовые и публично-правовые нормы главным образом гармонично сочетаются, дополняя друг друга и формируя механизмы правового регулирования с целью максимально эффективного и надлежащего упорядочения общественных отношений, то есть такого регулирования, которое соответствовало бы содержанию этих отношений и способствовало бы их развитию. При этом разграничение частно-правовых и публично-правовых норм, а в отдельных случаях и частно-правовых и публично-правовых регулирующих средств, механизмов, конструкций и т.п. является достаточно полезным, ведь это создает возможности для фундаментального исследования их юридической природы, существенных черт и других эссенциальных аспектов и соответственно – определения путей их совершенствования на основе полученных таким образом знаний.

Итак, отметим, что хозяйственное право и хозяйственное законодательство, как отдельные самостоятельные отрасли правовой системы Украины, являются комплексными, в связи с чем системно и гармонично сочетают частно-правовые и публично-правовые конструктивные элементы (механизмы, средства, нормы). При этом частно-правовые аспекты таких регулятивных конструкций обеспечивают участникам общественных отношений реализацию их частных интересов, очерчивая для них широкие рамки свободы и возможности для проявления и реализации инициативы и соответственно – свободного выбора и применения различных средств достижения поставленной цели. Яркой иллюстрацией частно-правовых механизмов регулирования хозяйственных отношений служит конструкция хозяйственного договора. Касательно публично-правовых механизмов регулирования хозяйственных отношений следует отметить, что такие применяются для обеспечения публичных интересов, в том числе для обеспечения безопасности, а также защиты прав и интересов государства, местного самоуправления и потребителей. Примером таковых служат механизмы публичного регулирования хозяйственных отношений: механизмы разрешительной системы, хозяйственно-правовая ответственность и т.п.

Хозяйственное право, как и хозяйственное законодательство, имея в своем арсенале ряд собственных хозяйственных правовых конструкций, по объективным

причинам, связанным с комплексностью своей юридической природы, активно применяет для регулирования хозяйственных отношений правовые механизмы, средства и нормы других отраслей, в т.ч. гражданского, административного, финансового и др. Рассмотрим этот вопрос подробнее в плоскости правовой системы Украины. При этом следует иметь в виду, что поскольку гражданское право и гражданское законодательство являются частными отраслями, то соответственно их конструкции, механизмы и нормы имеют характер и признаки частно-правовых. Однако, и в их системах имеют место т.н. публичные включения, ведь вполне чистое выделение отраслей права и/или законодательства является невозможным.

Итак, осуществлять обзор рассматриваемого вопроса стоит в двух плоскостях: во-первых, в соотношении между собой отраслей хозяйственного и гражданского права, а во-вторых, в соотношении между собой отраслей хозяйственного и гражданского законодательства. При этом следует помнить о неразрывной взаимосвязи указанных «плоскостей», которая кроется прежде всего в том, что системы законодательства являются формами (источниками) отраслей права.

Итак, прежде всего следует упомянуть о дискуссионной проблеме, связанной со спорами цивилистов и хозяйственников касательно юридической природы отрасли хозяйственного права. Еще в период функционирования командно-административной экономической системы были развиты идеи о том, что хозяйственное право вообще не является отраслью права, поскольку не имеет собственного предмета регулирования. Такой подход его представителями объясняется тем, что предмет регулирования хозяйственного права якобы охватывается предметом регулирования гражданского права, а потому хозяйственное право составляет лишь часть гражданского права, что, по их мнению, подтверждается включением отдельных норм хозяйственного права в акты гражданского законодательства. В связи с этим сторонники такого подхода выдвигают утверждение о необходимости отмены Хозяйственного кодекса Украины.

Не разделяя очерченную точку зрения, считаем, что хозяйственное право, как вполне самостоятельная и комплексная по своему содержанию отрасль правовой системы, по объективным причинам уже возникла, существует и продолжает динамичный путь своего дальнейшего развития. Наряду с этим, убеждены в том, что имея в своей системе собственные механизмы и средства регулирования, хозяйственное право также применяет правовые элементы других самостоятельных отраслей права, в т.ч. гражданского. При этом применение к регулированию хозяйственных отношений гражданско-правовых механизмов и средств обуславливается сходством и приоритетностью частно-правовых составляющих предметов регулирования отраслей хозяйственного и гражданского права, в т.ч. частных интересов, и отсутствием необходимости в конструировании (дублировании) в хозяйственном праве механизмов и средств регулирования, подобных к гражданским. В частности, достаточно очевидно, что более рационально не дублировать нормы законодательства в различных отраслевых актах, а применить механизмы заимствования, подобные аналогии права и закона. Такой подход представляется рациональным и эффективным с точки зрения предотвращения возникновения пробелов и других несовершенств правового регулирования.

В то же время, указанное в части сходства отраслей хозяйственного и гражданского права не следует воспринимать в пользу признания их тождества или в пользу мнений о непризнании самостоятельности отрасли хозяйственного права. Гражданское и хозяйственное право – это вполне самостоятельные отрасли права и правовой системы, которые разграничены между собой.

В вопросе разграничения отраслей хозяйственного и гражданского права уместно вспомнить и о таком существенном их отличии как системность предмета (системность общественных отношений). В частности, если предмету хозяйственного права присуща систематичность (систематичность хозяйственных отношений и хозяйственной деятельности, что обусловило разработку и внедрение чисто хозяйственных механизмов правового регулирования, отсутствующих в других отраслях права), то для гражданского права – одноразовость (гражданское право регулирует каждый единичный случай совершения сделок и не принимает во внимание их совокупность).

Как представляется, наличие предмета для дискуссий в вопросе самостоятельности отрасли хозяйственного права обусловлено наличием в системах хозяйственного и гражданского права ряда подобных правовых конструкций. Однако, не следует забывать, что это является следствием специализации того или иного общего и универсального правового образования в рамках определенной отрасли. В качестве примера отметим правовую универсальную конструкцию договора, которая находит свое проявление в различных отраслях права, как частных, так и публичных, которые она обслуживает с учетом содержания отраслевых общественных отношений (гражданский договор в гражданском праве, хозяйственный договор в хозяйственном праве, административный договор в административном праве и т.п.). Следовательно, как гражданское, так и хозяйственное право, включают ряд подобных универсальных правовых конструкций (конструкции договора, вещных прав, защиты и охраны, ответственности и т.п.), что обусловлено приоритетностью частной составляющей в рамках этих отраслей. В то же время, в системах каждой из указанных отраслей права такие конструкции находят свои особенности. При этом отметим, что в рамках хозяйственного права такие приобретают специфические черты публичности, что объективно обусловлено публичностью самых хозяйственных отношений.

По аналогии с указанным можно говорить и о некоторых публичных отраслях права. В частности, наличие ряда сходных признаков между конструкциями административного и уголовного отраслей права (подобная структура состава правонарушения и т.п.) не должна ставить под сомнение вопрос самостоятельности любой из указанных отраслей, ведь каждая из них эффективно регулирует свой круг общественных отношений, составляющих ее предмет. По этому же поводу выскажем мнение о том, что право – это искусственное образование, которое непрерывно расширяет рамки своей специализации с целью надлежащего, эффективного и оперативного регулирования возникающих общественных отношений нового формата, содержания и характера, ведь такие новые для общества и права отношения не всегда могут в совершенстве регулироваться ранее созданными правовыми механизмами.

Итак, комплексная отрасль хозяйственного права достаточно адекватно и эффективно регулирует хозяйственные отношения, выходящие за пределы предметов других отраслей права, и при этом достаточно эффективно применяет к регулированию хозяйственных отношений юридические механизмы других правовых отраслей, в т.ч. гражданского, нормы которого применяются для упорядочения «хозяйственно-частных» отношений (например, для урегулирования хозяйственных договорных правоотношений в части, которая не регулируется хозяйственным законодательством).

Указанные тенденции нашли свое непосредственное закрепление в нормах гражданского и хозяйственного законодательства. В ч.2 ст.9 Гражданского кодекса Украины [1] зафиксировано правило, согласно которому законом могут быть предусмотрены особенности регулирования имущественных отношений в сфере хозяйствования. Итак, указанная норма диспозитивно предусматривает, что

имущественные отношения в сфере хозяйствования (имущественно-хозяйственные отношения) могут регулироваться Гражданским кодексом Украины, если специальные нормы отдельного закона не предусматривают иное. При этом о видах неимущественных хозяйственных отношений упоминания вообще отсутствуют. Следует обратить внимание, что в ст. 1 этого же кодекса предусмотрено, что гражданским законодательством регулируются личные неимущественные и имущественные отношения (гражданские отношения), основанные на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении, имущественной самостоятельности их участников. Также отмечается, что к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой стороне, гражданское законодательство не применяется, если иное не установлено законом. По этому поводу не можем не отметить, что хозяйственные отношения достаточно часто возникают и существуют именно на основе подчинения одной стороны другой, а потому не всегда основываются на принципе юридического равенства. Ярким примером таких видов хозяйственных отношений служат организационно-хозяйственные и внутривладельческие отношения.

Рассмотренное выше положения ч. 2 ст. 9 Гражданского кодекса Украины корреспондируется с содержанием ч. 2 ст. 4 Хозяйственного кодекса Украины [2], согласно которой особенности регулирования имущественных отношений субъектов хозяйствования определяются Хозяйственным кодексом Украины. Итак, нормы Хозяйственного кодекса Украины, устанавливающие особенности регулирования имущественных отношений субъектов хозяйствования, подлежат преимущественному применению перед подобными нормами Гражданского кодекса Украины.

Такая же позиция имеет место в судебной практике. В частности, согласно п. 1 письма Высшего хозяйственного суда Украины от 7 апреля 2008 № 01-8 / 211 «О некоторых вопросах практики применения норм Гражданского и Хозяйственного кодексов Украины» [3] специальные нормы Хозяйственного кодекса, устанавливающие особенности регулирования имущественных отношений субъектов хозяйствования, подлежат преимущественному применению перед теми нормами Гражданского кодекса, которые содержат соответствующее общее регулирование.

Как обобщение, отметим, что нормы гражданского законодательства Украины, в т.ч. Гражданского кодекса Украины, применяются к урегулированию хозяйственных отношений таким образом: в случаях урегулированности хозяйственных отношений специальным хозяйственным законом, в т.ч. Хозяйственным кодексом Украины, Гражданский кодекс Украины применяться не должен. Однако, в случае недостаточности правового регулирования хозяйственных отношений положениями Хозяйственного кодекса Украины и/или других актов хозяйственного законодательства следует применять нормы Гражданского кодекса Украины.

Учитывая неразрывную взаимосвязь отраслей хозяйственного и гражданского права соответственно с отраслями хозяйственного и гражданского законодательства, которые выступают формами внешнего выражения первых, можно утверждать, что аналогичным образом конструируется порядок применения норм гражданского права к регулированию хозяйственных отношений. При этом не вызывает никаких сомнений то, что такое правило тесно взаимосвязано с комплексным характером хозяйственного права, которое в связи с этим, имея в своем юридическом арсенале ряд собственных механизмов и средств регулирования, также эффективно применяет правовые элементы других самостоятельных отраслей права, в т.ч. гражданского, о чем речь шла выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс]: Закон Украины, 16 января 2003 г., № 435-IV. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/435-15>. - Дата доступа: 15.11.2016.

2. Хозяйственный кодекс Украины [Электронный ресурс]: Закон Украины, 16 января 2003 г., № 436-IV. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/436-15> (дата обращения: 15.11.2016).

3. О некоторых вопросах практики применения норм Гражданского и Хозяйственного кодексов Украины [Электронный ресурс]: Письмо Высшего хозяйственного суда Украины, 7 апреля 2008 г., № 01-8/211. Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v_211600-08. - Дата доступа : 15.11.2016.

М. Ю. БУРДИН

Украина, Харьков, Харьковский национальный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Одним из проблемных моментов правового регулирования, который остается актуальным в любых исторических условиях, является решение задачи надлежащего обеспечения его результативности, действенности, эффективности. Круг вопросов, решаемых при этом, достаточно широк. Среди прочего, это и соблюдение разнообразных содержательных, системных, технико-юридических требований, предъявляемых к разработке нормативно-правовых актов; и учет политических, социально-экономических, культурных реалий, в которых осуществляется целенаправленное правовое воздействие на общественные отношения; и устранение или блокирование факторов, препятствующих эффективному действию права. Немаловажное значение имеет также учет фактора времени, его влияния на реализацию регулятивных качеств права.

В последние годы юридическая наука уделяет достаточно много внимания различным аспектам взаимосвязи времени и права. Начата разработка феномена правового времени, его сущности и свойств, а также роли в правовом регулировании. Предпринимаются попытки исследовать возможность использования физического, социального, исторического времени при регулировании общественных отношений посредством права. Изучаются виды темпоральных категорий в праве, прежде всего оценочные. Исследуется роль и значение времени при осуществлении правотворческой и правореализующей деятельности. Не менее актуальными для современной правовой действительности являются разработки проблем «право во времени» и «время в праве», влияние времени на развитие правовой системы конкретного государства, изучение взаимодействия и взаимовлияния времени на функционирование и развитие явлений правовой сферы [1, с. 153-154]. О злободневности данного направления исследований свидетельствуют слова П.М. Рабиновича: «время в правовом регулировании – одна из тех проблем, исследуя которые, теория государства и права ныне может внести ощутимый вклад в научно-правовое обеспечение стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны», и поскольку «временные показатели поведения регламентируются, пожалуй, всеми отраслями права, постольку проблема

«право и время» имеет общеправовой характер и, следовательно, должна полномерно войти в предмет общетеоретического правоведения» [2, с. 19].

Темпоральные требования к правовым предписаниям связаны с тем, что право функционирует в условиях текучести времени, динамики общественных отношений. По нашему мнению, одним из наиболее важных условий эффективности правового регулирования является обеспечение его непрерывности.

Непрерывность является философской категорией, которая отражает временное единство реальности и означает целостность того или иного процесса, непрекращаемость какой-либо деятельности. Противоположной категорией является «фрагментарность», характеризующая процесс, связь между отдельными стадиями которого разорвана или носит случайный, неупорядоченный характер.

Право, по своей природе, – постоянно действующий социальный регулятор. Непрерывность правового регулирования является объективным свойством последнего, отражающим социальную потребность в постоянном присутствии правовых нормативов в повседневной жизни общества. Фрагментарное, разрозненное действие правовых норм сводит их эффективность практически к нулю. По словам Ю. А. Тихомирова, непрерывность регулирования – это важный индикатор его жизнеспособности. Для обеспечения эффективности правового регулирования нужно правильно определять наборы регуляторов. Неверно или поспешно создаваемые нормы, правила не способствуют устойчивой и последовательной регуляции и многообразной деятельности в ее русле. При этом следует учитывать воздействие на общественные отношения не только норм, но и принципов права, правовых доктрин и концепций, а также неправовых регуляторов [3, с. 29]. Непрерывность правового регулирования предполагает устойчивость и преемственность правовых принципов, норм и процедур. По словам М. В. Сильченко, содержание норм права будет адекватным содержанию общественных отношений лишь в той мере, в какой в нормах права отражены сохраняющие сегодня свое значение закономерности предыдущего человеческого опыта [4, с. 64]. Таким образом, наиболее важной составляющей непрерывности правового регулирования является его преемственность.

По мнению болгарского правоведа Н. Неновски, под преемственностью в праве следует понимать такую связь между разными этапами (ступенями) в развитии права как социального явления, при которой определенные элементы или стороны права (его сущность, содержание, форма, структура, функции и др.) сохраняют свое значение при соответствующих его изменениях [5, с. 21]. Преемственность предполагает развитие права в хронологической последовательности, временное следование событий, соприкосновение этапов развития права, через которое старое переходит в новое, а каждая последующая ступень непосредственно вырастает из предыдущей. Она выступает как связывающее звено спиралей развития, в соответствии с диалектическими законами отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей. Соединяя прошлое и будущее, преемственность предполагает реальное временное следование, «временной шлейф». Именно временная последовательность порождает возможность преемственности.

Преемственность в развитии права представляет собой механизм «памяти общества», осуществляющий накопление и хранение информации прошлого, на основе которой создаются новые ценности. Преемственность объективна, однако, это не исключает ее осознанности, субъективного к ней отношения. Практика формирования правовых систем доказывает, что процесс использования старого материала

осуществляется под контролем государства и определяется политическими целями [6, с. 58-61].

В общем, как подчеркивает Ю. А. Тихомиров, следует констатировать, что преемственность как способ развития права представляет собой историческую связь этапов его развития, которая является: а) связью диалектической, потому что обусловлена диалектическими законами отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные; б) связью временной, так как соединяет три временных координаты права — прошлое, настоящее и будущее; в) связью генетической, так как каждый последующий этап в развитии права обусловлен предыдущим; г) связью объективной — ее существование не зависит от усмотрения законодателя [3, с. 65].

Мировой опыт свидетельствует о национальном своеобразии и неповторимости национального права различных государств. Каждая национальная правовая система является продуктом исторического развития конкретной страны и отражает особенности ее истории, экономики, политической системы, культурные и местные традиции, климатические и природные условия, стереотипы массового сознания населения, национальный менталитет народа. Самобытность, однако, не превращает законодательство в абсолютно замкнутую систему, живущую только собственной жизнью, исключаяющей взаимодействие с другими законодательными системами. Вместе с тем, такое взаимодействие должно происходить с учетом особенностей национальной правовой культуры.

Таким образом, обеспечение эффективности правового регулирования является проблемой сложной, комплексной, решение которой требует учета большого количества условий и обстоятельств. Среди прочего, обеспечение непрерывности правового регулирования, преемственности права является важным условием повышения эффективности и социальной значимости законодательства как средства управления процессами общественной и хозяйственной жизни страны. Преемственность в праве характеризует имманентную способность развивающейся системы права к самосохранению своей внутренней основы, благодаря тому, что обеспечивает относительную стабильность и устойчивость и в то же время сообщает ей в качестве внутреннего детерминанта импульс для изменения. Тем самым преемственность в праве соединяет в себе способность к самосохранению и самоизменению права, эта черта определяет преемственность в праве как совершенно необходимый элемент механизма возникновения нового в праве. Понять новизну возникающих сегодня проблем, выработать ясную программу действий невозможно без опоры на серьезный, основательный анализ исторического опыта, вне единства прошлого и настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрашевич, Н. М. Преемственность в праве как одно из направлений исследования проблемы права и времени в 70-80 гг. XX в. / Н. Юрашевич // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім цывілізацыйным кантэксце: зб. навук. прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхо / рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бизнесофсет, 2012. – С. 153–158.
2. Рабинович, П. М. Время в правовом регулировании: философско-юридические аспекты / П. М. Рабинович // Правоведение. – 1990. – № 3. – С.19–27.

3. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2010. – 400 с.
4. Сильченко, Н. В. Проблемы предмета правового регулирования / Н. В. Сильченко // Государство и право. – 2004. – №12. – С.61–64.
5. Неновски, Н. Преемственность в праве / Н. Неновски; пер. с болг. В. М. Сафронов; общ.ред. Ю. С. Завьялов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 168 с.
6. Рыбаков, В. А. Рецепция права : общетеоретические вопросы / В. А. Рыбаков. – Омск, 2009. – 250 с.

А. И. ЗАБЕЙВОРОТА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», доктор юридических наук, профессор

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была создана из соображений нанесения ударов по «трем силам» - терроризму, сепаратизму и экстремизму. Но это вовсе не означает, что ШОС является военной организацией. Главной задачей региональных структур ШОС по борьбе с терроризмом является сбор и анализ информации, а не военные мероприятия.

Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан приняли Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, руководствуясь целями и принципами Устава ООН, прежде всего касающимися поддержания международного мира и безопасности; осознавая, что терроризм, сепаратизм и экстремизм представляют угрозу международному миру и безопасности; признавая, что указанные явления серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности сторон, а также их политической, экономической и социальной стабильности; руководствуясь принципами Алма-Атинского совместного заявления от 3 июля 1998 г., Бишкекской декларации от 25 августа 1999 г., Душанбинской декларации от 5 июля 2000 г., Декларации о создании «Шанхайской Организации Сотрудничества» от 15 июня 2001 г., будучи твердо убеждены в том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм, как они определены в Конвенции, вне зависимости от их мотивов не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, а лица, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности в соответствии с законом.

События 11 сентября 2001 года показали, что в случае широкомасштабного террористического акта с тяжелыми последствиями любая реакция малоэффективна, если ее не подкрепляют меры материального, прежде всего военного характера. Поэтому, по мнению Чжао Хуаш Эн, директора Центра изучения России и Центральной Азии Фуданьского университета, заслуживает внимания вопрос о собственных военных средствах ШОС для борьбы с террористами. Конечно, речь не идет о создании объединенного военного контингента. Более подходящим вариантом является координированная система военных действий против терроризма в рамках ШОС.

По мнению Д. Уайнера, созданные на тот момент институты и организации, предполагали разрешение проблем по основным направлениям, которые отражали недостатки существующей системы регулирования. Тем не менее, создание новых универсальных режимов финансовой деятельности, направленных на обеспечение глобальной финансовой стабильности, не решило задачи защиты мировой системы от рисков, связанных с отмыванием денег и финансированием транснационального терроризма [4]. Отсюда следовал вывод о необходимости структурных изменений, связанных с финансовой глобализацией, которые позволили бы решить проблему глобального терроризма. В этих целях и была создана ШОС.

Таким образом, ШОС не является военным блоком (как, например, НАТО) или открытым регулярным совещанием по безопасности (как, например, Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ)).

ШОС занимает промежуточную позицию, ибо согласно статье 1 основополагающего документа ШОС – Хартии Шанхайской организации сотрудничества (далее – Хартия) – основными целями и задачами ШОС (помимо основных – противодействие терроризму, сепаратизму) являются:

укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;

развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;

совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией;

поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;

содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов;

координация подходов при интеграции в мировую экономику;

содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством;

поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями;

взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании;

совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке.

По словам Генерального секретаря ШОС Б. Нургалиева, «изначально ШОС задумывалась как структура, способная эффективно обеспечить безопасность; сейчас же акцент все больше переносится на координацию и углубление региональной интеграции. Есть понимание того, что прогресс в решении социально-экономических проблем, существующих во всех государствах, будет залогом того, что будут решаться и проблемы безопасности и стабильности в регионе» [2].

Шанхайская организация сотрудничества является региональной международной межгосударственной организацией и отвечает всем критериям международного права, позволяющим считать ШОС обладающей международной правосубъектностью, привилегиями и иммунитетами. На это прямо указывает статья 15 Хартии: «ШОС в качестве субъекта международного права обладает международной правоспособностью. Она пользуется на территории каждого государства-члена такой правоспособностью, которая необходима для реализации ее целей и задач».

Помимо этого следует учитывать такой признак, как наличие в ШОС организационной структуры, что в современной отечественной и зарубежной доктрине международного права рассматривается как важный отличительный признак, определяющий понятие международной организации.

Исследование В. С. Лаврова [1] показывает динамичное развитие ШОС как международной региональной организации широкой компетенции, что находит выражение в интенсивном формировании и развитии институтов ШОС, а также в развитии нормативно-правовой базы по различным направлениям деятельности между участвующими в ней государствами.

Итак, Шанхайская организация сотрудничества согласно статье 15 Хартии ШОС является субъектом международного права и обладает международной правоспособностью. Она пользуется на территории каждого государства-члена такой правоспособностью, которая необходима для реализации ее целей и задач.

ШОС пользуется правами юридического лица и может, в частности:

- заключать договоры;
- приобретать движимое и недвижимое имущество и распоряжаться им;
- выступать в судах в качестве истца или ответчика;
- открывать счета и совершать операции с денежными средствами.

О. Ж. Саматов верно подчеркивает, что евразийское измерение ШОС делает закономерным поиск путей к взаимодействию с многосторонними механизмами сотрудничества как в Европе, так и в Азии [3]. Этому способствует успешная трансформация механизма регулярных многосторонних встреч лидеров России, Китая и государств Центральной Азии в рабочие механизмы полноформатной международной организации. Взаимосвязь между ШОС и другими международными организациями объективно предопределена и тем, что все страны-члены организации в той или иной форме уже участвуют в многосторонних объединениях глобального и регионального уровня. Так, Россия и Китай являются Постоянными членами Совета Безопасности ООН. В практике каждого из членов ШОС – разноплановый формат участия в таких институтах международного сотрудничества, как ОБСЕ; форум «Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество» (АТЭС); СНГ; ЕврАзЭС; ОДКБ; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Асеановский региональный форум по безопасности (АРФ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лавров, В. С. Статус и деятельность Шанхайской организации сотрудничества : международно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / В. С. Лавров; Институт государства и права Российской академии наук. – М., 2008. – 30 с.

2. Организационное становление ШОС произошло. Интервью с Генеральным секретарем ШОС // Азия-Стратегия, 3 апреля 2007. Режим доступа: http://www.asiastrategy.ru/?tm&mat_id=492&PHPSESSID=f5da72f00d421c981680781da6cacf32.

3. Саматов, О. Ж. Международно-правовые основы ШОС как инструмента стабильности и развития в Центрально-Азиатском регионе СНГ / О. Ж. Саматов // Право и политика. – 2005. – № 12.

4. Winer J.M. Globalization, Terrorist Finance and Global Conflict - Time For a White List? // Financing Terrorism / Mark Pieth Ed. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2004. – P. 12-13.

Г. В. РОССИХИНА

Харьков, Украина, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, доктор юридических наук, профессор

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Общеизвестно, что проблема реализации норм права и финансового, в частности, является далеко не новой. Однако комплексный анализ и изучение норм финансового (налогового) права и их реализация (правоприменение) было разработано совсем недавно. Однако, невзирая на данный аспект, широкий круг вопросов в данной сфере остается не решенными. Разработкой этой тематики занимались и занимаются представители как теории права, так и отраслевых наук, например, С.С. Алексеев, П.Е. Недбайло, В.С. Нерсесянц, А.П. Коренев, Н.П. Кучерявенко, М.Н. Марченко, И.В. Михайловский, Г.П. Толстопятенко, Р.А. Халфина, Л.С. Явич и др.

Правоприменение осуществляется компетентными органами государственной власти и местного самоуправления и выражается в виде специального решения, которое устанавливает на основании финансово-правовых норм – права и обязанности участников конкретных финансовых правоотношений. Например, применением реализуется норма ст. 95 Налогового кодекса Украины о принудительном взыскании налога за счет имущества плательщика. Так, орган государственной налоговой службы осуществляет за налогоплательщика и в пользу государства меры по погашению налогового долга такого налогоплательщика путем взыскания средств, находящихся в его собственности, а в случае их недостаточности – путем продажи имущества такого налогоплательщика, находящегося в налоговом залоге. Необходимость данной формы реализации финансового права обусловлена тем, что государство играет ведущую роль в определении круга и статуса субъектов финансового права.

Применение права, – по мнению С.С. Алексеева, – если дать ему юридически глубинную характеристику, представляет собой властную индивидуально-правовую деятельность, которая направлена на решение юридических дел и в результате которой в ткань системы включаются индивидуальные предписания [1, с. 235]. Общеизвестно, что любая деятельность правоприменительных органов завершается и оформляется соответствующим актом, который фиксирует принятое решение и придает ему официальное значение и властный характер. В данных актах находят свое отражение практически все стадии правоприменительной деятельности, которые предшествовали его принятию, а именно: изучение фактических обстоятельств дела, выбор и анализ правовой нормы, на основании которой должен рассматриваться конкретный

жизненный случай и т. д.

Содержание, цель и назначение применения правовых норм, по мнению П. А. Недбайло, определяют собой и средства их применения. Сущность же применения правовых норм как особого способа проведения их в жизнь состоит в установлении конкретных правоотношений и в воздействии на субъектов этих отношений в целях выполнения ими своих обязанностей. Это особый вид правомерной организаторской деятельности по реализации правовых норм, в результате которой возникают, изменяются или прекращаются правоотношения. Именно средства применения правовых норм – это индивидуальные правомерные акты государственных органов, должностных лиц, общественных организаций и граждан, т.е. акты, которые общих правил не устанавливают, а лишь вызывают, изменяют или прекращают конкретные правовые отношения и воздействуют на поведение обязанных в них лиц. Своим содержанием они всегда имеют реализацию норм права применительно к определенному случаю и в отношении определенных субъектов [7, с. 472–473].

В качестве одного из наиболее значимых средств воздействия современного финансового права на систему общественных отношений выступают правоприменительные акты, которые обеспечивают индивидуально-конкретное действие механизма финансово-правового регулирования. Эта разновидность правовых актов составляет важную форму реализации конкретных действий по выполнению задач по формированию, распределению и использованию финансовых ресурсов государства. Индивидуальная финансово-правовая регламентация общественных отношений, ее сущность состоит в выработке на основе норм финансового права обязательных установок, которые адресованы персонально определенным субъектам. Данного рода деятельность выражена в определенных формах, а ее результатом является индивидуальный финансово-правовой акт, содержащий властные веления, и который входит в механизм финансово-правового регулирования в качестве одного из самостоятельных звеньев. Финансово-правовые акты чаще всего принимаются органами государственной власти (особенно финансово-кредитными органами), местного самоуправления, должностными лицами исполнительной власти, руководителями законодательных и судебных органов (различные распоряжения и приказы).

Исходя из основных положений теории государства и права необходимо знать, что акт применения финансово-правовой нормы является по своей сути индивидуально-правовым актом, который наряду с нормативно-правовым является разновидностью правового акта. Известные ученые в области финансового права классифицируют финансово-правовые акты в зависимости от определенных критериев. Например, по юридическим свойствам выделяют нормативные и индивидуальные финансово-правовые акты. К нормативным относятся акты, которые регулируют группу однородных финансовых отношений и содержат общие правила их участников, т.е. правовые нормы. Общие правила, установленные в нормативных актах, конкретизируются в индивидуальных финансово-правовых актах, каждый из которых предусматривает один какой-либо конкретный случай, обращен к точно определенным участникам финансовых отношений, ведет к возникновению, изменению и прекращению конкретных финансовых правоотношений. Сфера деятельности органов финансовой деятельности не может функционировать без данного вида правовых актов вследствие того, что наряду с нормативной регламентацией общественной жизни необходимо оперативное повседневное влияние на систему общественных отношений.

Необходимо заметить, что в финансовом праве акты применения норм

финансового права составляют особый вид правовых актов, имеют двойственную природу. Так, с одной стороны, они обладают свойствами, которые присущи нормативно-правовым актам, и одновременно, получая свойства самостоятельного элемента механизма финансово-правового регулирования, принципиально отличаются от них.

Многие специалисты в области общей теории права, административного права, уголовного права и других отраслей права посвятили внимание вопросам теории правовых актов, практики использования различных их видов. Правовой акт является универсальной формой реализации государственной власти, которая является выражением государственно-властного волеизъявления и направлена на регулирование общественных отношений посредством возникновения, изменения и прекращения правоотношений или установление правовых норм. По мнению О. Ф. Скакун, правовым является акт волеизъявления уполномоченного субъекта, который регулирует общественные отношения посредством установления правовых норм, а также определение на основе этих норм прав и обязанностей участников конкретных правоотношений, меры ответственности конкретных лиц за совершенное ими правонарушение [9, с. 656].

В качестве правового акта выступает многогранная правовая категория, которая включает всю совокупность актов, имеющих нормативный и индивидуально-правовой характер. Те же из правовых актов, которые имеют нормативный характер, принято называть нормативно-правовыми актами. На сегодня вопрос определения понятия «нормативно-правовой акт» на законодательном уровне остается открытым, поскольку в действующем законодательстве Украины нет основополагающего закона, который бы регулировал сферу нормотворчества. Термин «нормативно-правовой акт» содержится в Конституции Украины, а именно (в статьях 8, 57, 58, 135-137, пункт 1 раздела XV «Переходные положения»). Исходя из научно-теоретического анализа положений Конституции Украины можно сделать вывод, что законодатель, используя термин «нормативно-правовые акты», не дает его определения, ибо только указывает на некоторые его особенности. Например, Конституция Украины содержит норму, согласно которой «законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе Конституции Украины и должны соответствовать ей» [3, ст. 8].

Таким образом, нормативно-правовые акты выступают формой реализации компетенции органов государственной власти, органов местного самоуправления и других субъектов нормотворчества. Они могут издаваться исключительно по вопросам, которые относятся к компетенции уполномоченного органа. Срок, компетенция определяется на основании Конституции и законов Украины (ст. 6, 19, 140, 146 Конституции). В соответствии с указанными критериями устанавливается конкретная правовая форма нормативно-правового акта. Так, принятие законов является компетенцией Верховной Рады Украины (ст. 85 Конституции Украины); указов Президента Украины – Президента Украины (ст. 106 Конституции Украины) и т.д. Необходимо отметить, что именно четкость, простота и ясность терминологии лучше способствует уяснению сущности вопроса и устраняет почву для разночтений.

Вопрос о юридической природе и особенностях применения права в советской юридической науке решались в процессе научных дискуссий в связи с проблематикой разработки форм реализации правовых норм, а также механизма правового регулирования (1954-1955 годы). В ходе данной дискуссии был сделан также вывод, который состоял в том, что «советское законодательство связывает, как правило, термин «применение» с тем средством осуществления юридических норм, который

характеризуется властными действиями компетентных государственных органов в отношении других государственных организаций, общественных организаций и граждан. Данное положение подчеркивало властный, организующий характер применения права, указывало на специальных субъектов, уполномоченных заниматься этим видом юридической деятельности [10, с. 50]. Некоторые авторы ставили под сомнение положение о властном, организующем характере применения права, но новая концепция применения права не была разработана. Также в процессе данной дискуссии поднимался вопрос о значении термина «акт» именно в русле применения норм права, применение норм права вообще. А. Е. Пашерстник отмечает, что понятие «акт» имеет разные значения. Так, иногда под этой категорией понимают действие, выражающее веление определенных органов или должностных лиц: издание закона, постановления, распоряжения, принятие решения и т.п. Актом называют также внешнюю форму, в которую облакается действие, документ, который фиксирует [8, с. 73–78].

На наш взгляд, наиболее удачным и полным является определение правового акта, которое предлагает С. С. Алексеев, по мнению которого термином «правовой акт» определяются:

1) действие (поведение), как правило, правомерное, то есть юридический факт, являющийся основанием тех или иных правовых последствий;

2) результат правомерного поведения, т.е. юридически значимый содержательный элемент правовой системы (юридическая норма, индивидуальный предписание, акт «автономного» регулирования), вошедший в правовую ткань вследствие правотворческой, властной индивидуально-правовой или автономной деятельности субъектов;

3) юридический документ, то есть внешнее словесно-документально оформленное выражение воли, которое закрепляет правомерное поведение или его результат. По мнению автора, правовым актом является надлежащим образом (словесно-документально) оформленное внешнее выражение воли государства, его органов, отдельных лиц, которое выступает в качестве носителя содержательных элементов правовой системы - юридических норм, правоположений практики, индивидуальных предписаний, автономных решений лиц [1, с. 427].

Акты применения норм финансового права, также как и финансовые нормативно-правовые акты, принимаемые органами государственной власти и органами местного самоуправления, могут исходить от одних и тех же органов и должностных лиц. Например, форму указов приобретают президентские решения нормативного и ненормативного характера, министерства принимают нормативные и ненормативные акты и т.д. Однако, можно с определенной уверенностью утверждать, что акты применения норм финансового права выступают в качестве особого вида финансово-правовых актов. Их своеобразие состоит в следующем:

1) в актах применения норм финансового права четко прописан и официально определен адресат индивидуально властного воздействия;

2) акты применения норм финансового права устанавливают строго определенные права и обязанности физического или юридического лица, которые имеют место в условиях, указанных в акте правоприменения (или вытекают из действующего финансового законодательства);

3) акты применения норм финансового права направлены на регулирование конкретно-определенного правоотношения. Так, в отличие актов применения, нормы финансового права распространяют свое действие на множество типичных правоотношений.

Исходя из общего анализа научных взглядов, касающихся характерных признаков правоприменительной практики, имеет смысл содержательно наполнить и творчески обосновать полное определение акта применения норм финансового права. Например, В. В. Лазарев отмечает, что отличительным признаком правоприменительных актов является их властность, беспрекословность, охраняемая государством. Каждый правоприменительный акт преследует цель решения данных конкретных обстоятельств, влияния на вполне определенных лиц. Основная цель актов состоит в индивидуальном регулировании, казуальном влиянии на общественные отношения. И только в силу диалектической связи отдельного, личного и всеобщего, а также по той причине, что применение права осуществляется на основании нормативных актов неизбежно более широкое действие актов применения правовых норм, чем один случай [5, с. 61]. И. Я. Дюрягин в качестве основных признаков выделяет следующие:

- 1) правоприменительные акты издаются на основании и в соответствии с нормами права, которые применяются;
- 2) принимаются компетентными органами (органами государства и уполномоченными на то некоторыми общественными организациями);
- 3) содержат индивидуально-конкретные правовые предписания;
- 4) носят государственно-властный характер;
- 5) имеют юридическую силу;
- 6) вызывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений;
- 7) служат одним из средств выполнения организующей деятельности государства;
- 8) документально оформлены [2, с. 134–135].

В качестве основных признаков актов применения норм административного права А. П. Коренев определяет следующие:

1. Имеют индивидуальный характер, т.е. направлены на решение определенного управленческого дела и на конкретного адресата.
2. Имеют юридическую природу и государственно-властный характер.
3. Издаются в результате или согласования воли субъекта применения с волей другого участника правоотношений, или одного волеизъявления субъекта применения.
4. Влекут возникновение, изменение или прекращение административных отношений.
5. Субъект правоприменения обязан выбрать оптимальный вариант индивидуальной регламентации, т.е. акт правоприменения носит творческий характер [4, с. 113–115].

Исходя из проведенного анализа, имеет смысл дать следующее определение. Акт применения норм финансового права – это квалифицированное действие компетентного субъекта, основанное на законе, и влияющее на состояние финансово-правовых отношений, которое имеет своей целью возникновение определенных правовых последствий, а также выраженное в документально оформленном конкретном юридически властном велении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: Учеб. / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2009. – 576 с.
2. Дюрягин, И. Я. Применение норм советского права / И. Я. Дюрягин. – Средне-Уральское книжное издательство, 1973. – 256 с.
3. Конституция Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. – № 30. – ст. 141
4. Коренев, А. П. Нормы административного права и их применение /

А. П. Коренев. – М. : Юрид. лит-ра, 1978. – 141 с.

5. Лазарев, В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.

6. Налоговый кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2011. – № 13. – Ст. 112.

7. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. – 510 с.

8. Пашерстник, А. Е. По поводу обсуждения вопроса о применении права / А. Е. Пашерстник // Сов. гос-во и право. – 1954. – № 5. – С. 73-78.

9. Скакун, О. Ф. Теория государства и права: Учебник / О. Ф. Скакун. – Харьков : Консум, 2006. – 656 с.

10. Советское государство и право. – 1955. – № 3. – С. 50.

В. В. РОССИХИН

Харьков, Украина, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, доктор юридических наук, доцент

ИДЕЙНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ УКРАИНЫ

Разрушение имперских правовых традиций было связано с формированием принципиально нового по идейным направлениям правовой системы государства – большевистской Украины. При отсутствии той или иной нормы как источник права применялось революционное правосознание. Приоритет революционного правосознания над другими источниками права основывался на господстве психологической ориентации на признание важнейшим аспектом правовой действительности не нормы права, а правосознания.

Украинская Социалистическая Советская Республика определялась как организация диктатуры трудящихся и эксплуатируемых масс пролетариата и беднейшего крестьянства для победы «над их исконными угнетателями и эксплуататорами-капиталистами и помещиками». Эта концептуальная идейная основа нового государственного устройства предусматривала, что органы диктатуры пролетариата должны были решить принципиально важную задачу – осуществить переход от буржуазного строя к социализму путем проведения революционных преобразований и подавления контрреволюционных намерений со стороны эксплуататорских классов. Предполагалось, что после осуществления этих задач диктатура исчезнет, а за ней, до окончательного оформления будущего коммунистического строя, исчезнет и государство, уступив место свободным формам общественной жизни, построенной на основе организации совместного труда на общую пользу и братскую солидарность людей.

Правовая доктрина с ее отраслевыми направлениями была едва ли не важнейшей сферой общественнознания, которая должна раскрывать содержание революционных преобразований большевиков в государстве. Советская юридическая наука УССР начала развиваться после Октябрьской революции как органичная часть единой советской юридической науки. Огромную роль в идейном становлении и развитии юридической науки сыграли труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Становление

юридической науки происходило одновременно со строительством советского государственного аппарата, разработкой советского законодательства, созданием новой социалистической обществоведческой теории, в борьбе против так называемых буржуазных концепций и националистических тенденций.

Непосредственно рассматривая историю формирования уголовно-правовой доктрины на начальном этапе становления советской государственности в Украине, следует заметить, что ее идейные принципы основывались на общих принципах новой советской государственной идеологии. Отметим, что хотя исправительно-трудовое право как отрасль права начало зарождаться еще с 1918 г, когда был принят первый модельный нормативный акт о деятельности исправительно-трудовых учреждений в РСФСР [1, с. 89] (Временная инструкция НКЮ РСФСР «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового»), уголовно-исполнительная доктрина как таковая находилась лишь в самом начальном, зачаточном состоянии. Несмотря на это, еще до начала новой экономической политики и принятия первого Уголовно-исполнительного кодекса 1925 г. основы уголовно-исполнительной доктрины были сформированы. Их идейное содержание было, в основном, производным от общеполитических лозунгов. Это обуславливалось тем, что решения в сфере пенитенциарной политики принимались советским государством хаотично – как ответ на задачи конкретного момента. Это, собственно, не представляется странным, учитывая напряженную обстановку периода первых лет существования новой власти. Как представляется, во многом это делалось без расчета на реальное исполнение, а ряд решений имел в большей степени предупредительный характер. Вместе с тем и здесь, по нашему мнению, не должно быть места для каких-то крайних, радикальных оценок. Ведь суровые и даже жестокие меры наказания, применявшиеся к «классовым врагам», нередко сосуществовали с достаточно гуманными, социально оправданными видами уголовного наказания и его исполнения.

Так или иначе, но уголовно-исполнительная доктрина ранней советской Украины основывалась на идейном оформлении института наказания, его конечной цели и задачах. Особенностью доктринальной разработки этого института стало то, что его сущность на уровне официальной доктрины признавалась бинарной. Как отмечал М. Д. Шаргородский, «в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции партия создала учение о двойственности природы наказания» [2, с. 8]. Первой составляющей было политическое задание, которое сводилось к «подавлению контрреволюции», что логично вытекало из Конституции УССР 1919 г. Вторая составляющая заключалась в нацеленности на реализацию воспитательной функции наказания. Приоритет отдавался реализации первичной цели. Это приводило к тому, что уголовно-исполнительная доктрина развивалась несколько противоречиво, со значительным влиянием политико-идеологического фактора.

Доминирование в содержании уголовно-исполнительной доктрины советской Украины тогдашних программных установок большевистской партии дает последней статус основателя уголовно-исполнительной доктрины. Весь опыт большевиков как представителей правящей партии ориентировал их на силовые методы решения внутривопросных вопросов, прежде всего, вопрос о власти. Соответственно, он подталкивал их к созданию эффективного «механизма подавления» свергнутых «эксплуататорских» классов. Средством реализации такого подхода советская власть объявила «красный террор» (как ответ на «белый террор»), направленный против лиц, которые совершали «контрреволюцию, спекуляцию и преступления по должности».

Метод «прореживания» населения советского государства предлагал своим

подчиненным председателем Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии в течение 1919-1921 гг. М. И. Лацис: «Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс ... не ищите на следствии материалов и доказательств того, восставал он против Советов оружием или словом. Самый первый вопрос, который мы должны ему предложить, – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования и профессии. Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора» [3, с. 97]. Именно такая позиция и была положена в основу репрессивной практики, распространенной в советской Украине в первые годы ее существования.

Следует согласиться с тезисом Г. М. Ивановой, что советскую пенитенциарную политику, которая ярко отразилась в уголовно-исполнительной доктрине, нельзя рассматривать как «революционную импровизацию», как спонтанное порождение социалистического эксперимента. Она имела глубокие идеологические корни и прочное теоретическое основание в виде марксистско-ленинского учения о власти и государстве. Согласно с этим учением сущностью любого государства, в конечном итоге, является классовая диктатура. В. И. Ленин раскрывал содержание понятия «диктатура класса», в том числе и «диктатура пролетариата», через три главных признака: власть, насилие, свободу от любых законодательных ограничений: «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не сжатую власть, опирающаяся непосредственно на насилие». Не менее известна и другая ленинская дефиниция: «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами». Такое понимание сущности государственной власти беспрекословно исключало любые апелляции к праву, закону, закладывало насилие в основу государственной политики [4, с. 112]. Принцип беспощадного подавления определенных категорий населения на основании классового признака надолго приобрел доминирующее значение и был заложен как идейно-доктринальная основа формирования советской уголовно-исполнительной науки. Одновременно следует заметить, что из этого вполне естественно вытекала максимальная политизация всей пенитенциарной сферы.

Обращаясь к советской пенитенциарной доктрине уже начального периода существования большевистского режима, можно утверждать, что она в значительной мере определялась теми подходами, которые были связаны с новым пониманием задач уголовно-исправительной политики. В данном контексте следует иметь в виду чрезвычайно важное обстоятельство: во время революционных событий, а затем гражданской войны особенно заметной стала непосредственно политическая составляющая уголовного наказания. Это проявлялось в том, что меры уголовной репрессии использовались советской властью прежде всего для подавления «классовых врагов», а уже потом – для решения задач, которые обычно ставятся перед этим институтом государства. Следовательно, разграничение между преступлением уголовным и политическим стало достаточно условным и под «контрреволюцию» на практике легко подпадал любой состав преступления [5, с. 26]. Такой подход в полной мере отразился и на уголовно-исполнительной доктрине. Соответственно, общество получило специфическую модель уголовно-исполнительного воздействия на преступность. Идеологический компонент в значительной степени нивелировал сердцевину уголовно-исполнительной доктрины, которую М. М. Яцишин справедливо определяет как «защита человека от деструктивных посягательств на жизнь, здоровье и другие естественные права» [6].

Нельзя не добавить, что в местах лишения свободы находилось большое

количество невинных людей, которые были осуждены. Даже Наркомат юстиции был вынужден признать, что существующая судебная практика фактически мало чем отличалась от полного беззакония. Так, за убийство человека в большинстве случаев (62,4%) виновный наказывался заключением на срок «не менее 1 месяца лишения свободы». В свою очередь, за дезертирство в 1919 г. суды зачастую давали срок лишения свободы на 30 лет, а в 1920 г. – даже на 35 лет. Чрезвычайно большой разброс отличал приговоры по делам, связанным с преступлениями против нравственности. Одни судьи назначали за подобные преступления от трех до шести месяцев (12%), а другие – от пяти до десяти лет лишения свободы (25%) [7, с. 37].

Современная российская исследовательница Л. В. Хохлова утверждает: «Советское уголовное законодательство было максимально политизированным и идеологизированным. Уголовная политика выступала как необходимый инструмент для обеспечения господства правящей элиты, сохранения политических, экономических, идеологических условий, которые поддерживали это господство» [8, с. 211]. По мнению А. С. Смыкалина, «за своими зверствами репрессивные органы большевиков далеко превзошли царскую охранку» [9, с. 81]. Одну из наиболее радикальных оценок реализации уголовно-правовой доктрины дал С. С. Босхолов, который отмечал: «С первых же дней Советской власти уголовное право стало одним из инструментов подавления идейного врага, классового противника большевиков. В основу уголовно-правовой доктрины было заложено человеконенавистническую идею тотального насилия. Далеко не случайно начался красный террор, появились концентрационные лагеря, осуществлялись раскулачивание и геноцид над целыми народами» [10, с. 48]. Таким образом закладывалась теоретическая база под практику произвола и массовых репрессий по отношению к так называемым «классовым врагам». Вместе с тем стоит заметить, что в указанных выше суждениях относительно господствующей на первичном этапе советской власти уголовно-правовой доктрины преобладают политические оценки. Отсюда вытекает и излишняя эмоциональность авторов.

Иллюстрацией бескомпромиссной борьбы советского государства с «классово чуждыми» и «несогласными» служат архивные данные. Согласно официальной статистике Государственного политического управления в первой половине 1922 г. в УССР за «контрреволюцию» и «бандитизм» приговорили 7004 лица, из которых 746 было расстреляно, а 590 – заключено [11, с. 24]. Вместе с тем уже с первых месяцев функционирования Советской власти видим довольно много определенных проявлений гуманизма. Прежде всего, это касается правовой регламентации условий отбывания наказания в местах лишения свободы.

Именно в то время пенитенциарная политика начала получать определенное теоретическое обоснование, заложенное известными юристами С. В. Фойницким, М. С. Таганцевым, С. П. Мокринским, С. В. Познышевым и др. Однако через отрицание всего старого, буржуазного много идей не было воспринято новой советской наукой исправительно-трудового права. На рубеже 1917-1918 гг. шел процесс постепенной трансформации пенитенциарной политики в политику исправительно-трудовую, основная идея которой заключалась в перевоспитании осужденного путем использования общественно полезного труда как ведущего средства исправления. Именно эта идея и была положена в основу нового наименования – «исправительно-трудовое право». В то же время советская пенитенциарная политика имела определенные признаки гуманизма, которые находили свое проявление в различных актах советского государства. Прежде всего, по хронологии, отметим их наличие во Временной инструкции «О лишении свободы как меры наказания и о порядке

отбывания такового» от 23 июля 1918 г., в дальнейшем – в УК УССР 1922 и 1927 гг., «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» от 31 октября 1924 г., в ИТК УССР 1925 г. и т. п.

Например, проявлением гуманизма можем считать включение в УК УССР 1922 г. норм права, которые давали возможность применения условного осуждения. Его применение было возможным только до тех лиц, которые совершили преступление впервые в условиях тяжелого стечения жизненных обстоятельств, а степень общественной опасности была такой, что нарушитель не нуждался в изоляции от общества. Продолжительность испытательного срока устанавливалась судом с учетом конкретных обстоятельств дела в пределах от трех до десяти лет. Законодатель не позволял использовать условное осуждение к лицам, которым назначалось дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Определенный гуманизм уголовной политики советского государства проявляется и в ряде решений об амнистии. В дополнение к этому следует упомянуть, что уголовно-исполнительная доктрина советского образца отказалась от телесных наказаний: наказания розгами, применение металлических кандалов, смирительной рубашки.

Как метко отметил А. С. Смыкалин, пенитенциарная доктрина ранней советской Украины с самого начала закладывалась как политика «с двойным дном». С одной стороны, большевики подчеркивали, что в социалистическом государстве места содержания должны иметь целью перевоспитание осужденных. С другой стороны, тайные инструкции и циркуляры по линии партии и ВЧК подробно регламентировали проведение массовых репрессий, причем не только в отношении «классово чуждых элементов», но и в отношении бывших политических противников и даже просто научной и творческой интеллигенции, которая не приняла советскую власть. Подобно айсбергу пенитенциарная система советского государства с первых дней была скрыта от глаз непосвященных за густой завесой секретных инструкций и циркуляров политико-программного характера [9, с. 205]. Опираясь на изложенное выше, отметим, что уголовно-исполнительная доктрина советской Украины на начальных этапах становления советской власти была направлена на идеологическое обеспечение доминирования правящей большевистской верхушки, сохранение политических, экономических, идеологических условий, которые поддерживают такое доминирование. Это непосредственно повлияло на формирование нового советского исправительно-трудового законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меликян, А. М. Советская исправительно-трудовая политика: 1921–1941 гг. : дис. ... докт. истор. наук / А. М. Меликян. – М., 2006. – 466 с.
2. Шаргородский, М. Д. Наказание по советскому уголовному праву / М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1958. – 240 с.
3. Ярмиш, О. Н. Соціальний вимір права в історико-правових дослідженнях / О. Н. Ярмиш // Право в системі соціальних норм : історико-юридичні аспекти : матеріали XIII іст.-прав. конф. 20–22 травня 2005 р. – Чернівці:Рута, 2005.
4. Иванова, Г. М. История ГУЛАГа (1918-1958): социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г. М. Иванова. – М. : Наука, 2006. – 438 с.
5. Детков, М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. / М. Г. Детков. – М. : Акад. МВД России, 1992. – 156 с.

6. Яцишин, М. М. Историко-правові засади кримінально-виконавчої політики України : монографія / М. М. Яцишин. – Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2010. – 440 с.

7. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации / ред. И. Л. Трунов. – М. : Эксмо, 2005. – 768 с.

8. История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.) : заметки с научной конференции // Отечеств. история. – 1998. – № 4. – С. 206–211.

9. Смыкалин, А. С. Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны / А. С. Смыкалин // Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. : тезисы докл. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1995. – С. 116–118.

10. Босхолов, С. С. Конституционно-правовой кризис и уголовная политика / С. С. Босхолов // Правоведение. – 1999. – № 6. – С. 46–52.

11. Архирейський, Д. Антирадянська національна опозиція в УСРР в 20-ті роки: погляд на проблему кризь архівні джерела / Д. Архирейський, В.Ченцов // 3 архівів ВУЧК–НКВД–КГБ. – 2000. – № 2/4 (13/15). – С. 16–54.

Д. И. ЧУЛКОВ

Харьков, Украина, Адвокатское объединение «Тихоненков, Надоля, Шадрин и Соратники»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ Ч. 12 СТ. 290 УПК УКРАИНЫ ПРИ ОТКРЫТИИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРИЗНАНИЯ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НЕДОПУСТИМЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ

Проблемным и недостаточно урегулированным в сложившейся практике является вопрос об открытии видеоматериалов стороной уголовного производства после окончания досудебного расследования и признание таких доказательств недопустимыми в соответствии с ч. 12 ст. 290 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины).

Цель: проанализировать нормы Уголовного процессуального кодекса Украины, регулирующие порядок открытия материалов уголовного производства, выделить актуальные неурегулированные вопросы, возникающие при проведении такого процессуального действия на практике. Исследовать особенности открытия иной стороне таких материалов уголовного производства, как видеоматериалов и проблемные вопросы практики применения ч. 12 ст. 290 УПК Украины.

Объект: объектом исследования являются нормы Уголовного процессуального кодекса, регулирующие понятия доказательств, документов и видеоматериалов, как доказательств, процедуры открытия иной стороне материалов уголовного производства и признание таких доказательств недопустимыми, а также непосредственно дела, находящиеся в производстве адвокатского объединения, в которых были допущены процессуальные ошибки во время открытия материалов уголовного производства.

При более подробном изучении конкретных дел, которые находятся в производстве адвокатского объединения «Тихоненков, Надоля, Шадрин и Соратники», становится явной практика не однородного применения ст. 290 УПК Украины (Открытие материалов другой стороне) сторонами уголовного производства.

Исходя из ч. 2 ст. 84 УПК Украины: процессуальными источниками доказательств являются документы. В тоже время ч. 2 ст. 99 УПК Украины гласит, что к документам, при условии наличия в них сведений, предусмотренных частью первой настоящей статьи, могут относиться: материалы фотосъемки, звукозаписи, видеозаписи и другие носители информации (в том числе электронные). Таким образом, видеоматериалы являются документами и доказательствами, в связи с чем должны быть открыты в соответствии со ст. 290 УПК Украины сторонам уголовного производства, в частности по окончании досудебного расследования. Однако на практике стороны уголовного производства применяют ст. 290 УПК Украины по-разному. К примеру, часть следователей, прокуроров прилагают только протокол об ознакомлении с материалами дела с описью и дают знакомиться только с письменными документами. Что в свою очередь приводит к противоречию в суде, когда обвиняемые заявляют, что были ознакомлены только с письменными материалами дела, но не был ознакомлен с видеоматериалами. По сути данные заявления обвиняемых влекут за собой признание доказательств недопустимыми в соответствии с ч. 12 ст. 290 УПК Украины, если сторона обвинения не докажет безосновательность данных заявлений, что по сути невозможно, поскольку обвиняемые фактически не были ознакомлены с видеоматериалами. Также в практике встречаются случаи, когда сторона обвинения прилагает подписанный протокол об ознакомлении с материалами дела и опись. Однако при изучении материалов в суде выявляется несовпадение дат: когда был опечатан конверт с диском (видеоматериалами) и когда происходило ознакомление с материалами уголовного производства. А именно конверт с диском был опечатан ранее, чем происходило само ознакомление стороны уголовного производства с собранными в ходе досудебного расследования материалами. В других случаях протокол ознакомления составляется и подписывается, но не подается в суд как доказательство, что в свою очередь приводит к одному и тому же результату, когда сторона защиты просит суд признать собранные видеоматериалы недопустимыми в соответствии с ч. 12 ст. 290 УПК Украины, поскольку данные материалы не были открыты стороне уголовного производства и не могут использоваться как доказательства. Связано это с тем, что часть обвинителей приносят в суд все материалы, собранные в уголовном производстве, а некоторые подают в суд лишь ту часть собранных материалов, которую считают доказательствами по делу. Дело в том, что при анализе практики, в некоторых судах при изучении материалов уголовного производства нет протоколов об ознакомлении и судам не на что ориентироваться при решении вопроса о недопустимости доказательств, когда видеоматериалы не были открыты сторонам. В указанных случаях суды становятся на сторону обвинения и продолжают изучение.

В редких случаях работники следствия и прокуратуры ввели в практику следующее, когда во время открытия и ознакомления с материалами уголовного производства они подробно описывают, с какими именно видеоматериалами была изучена сторона уголовного производства и на каких носителях. Но и в таких случаях возникают проблемы, когда по протоколу время изучения с материалами уголовного производства намного меньше, чем общая длительность всех видеоматериалов. В большинстве таких случаев судьи пишут, что обвиняемый был ознакомлен с материалами путем прочтения. Это наглядный пример того, когда суд занимает сторону обвинения, хотя должен скрупулёзно относиться к правам обвиняемого и исходить из того, что любое сомнение должно трактоваться в его пользу. Однако в указанных выше случаях, ссылаясь на ч. 12 ст. 290 УПК Украины, сторона защиты,

аргументируя свою позицию, также обращает внимание суда на то, что если бы материалы были открыты, то проанализировав их содержание она могла бы прийти к выводу о необходимости заявления дополнительных ходатайств, в том числе и о проведении перекрёстного допроса. Таким образом не открытие стороной обвинения материалов уголовного производства грубо нарушает право обвиняемого на защиту и на перекрестный допрос. Указанные выше нарушения согласно п. 3 и 5 ч. 2 ст. 87 УПК Украины являются существенными. Причем суд обязан признать их такими, поскольку идет речь о нарушении прав человека и его основоположных свобод. В соответствии с ч. 1 ст. 87 УПК Украины доказательства, полученные в следствии таких нарушений являются недопустимыми. Судебная практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев, судья или коллегия судей откладывает разрешение вопроса о допустимости доказательств на момент принятия окончательного решения в совещательной комнате, опираясь на ч. 1 ст. 89 УПК Украины.

Таким образом, суд фактически становится на сторону обвинения, потому что в противном случае дела лишаются доказательной базы и становится очевидной необходимость постановления оправдательного приговора. Здесь сказывается практика прошлых лет и не готовность судейского корпуса к принятию радикальных, но справедливых и законных решений в пользу обвиняемых. Вероятно, поэтому судьи в редких единичных случаях применяют ч. 2 ст. 89 УПК Украины, которая предписывает в случае установления очевидной недопустимости доказательства в ходе судебного разбирательства признавать его недопустимым и не исследовать. Если такое «доказательство» уже исследуется, то суд обязан прекратить его исследование.

Важно отметить что, хотя ч. 2 ст. 89 УПК Украины носит императивный характер, судьи, как правило, оставляют за собой право выбора – решить вопрос о допустимости доказательства сразу или в последствии в совещательной комнате. Такая практика противоречит прямым требованиям уголовного процессуального законодательства и нарушает права и основоположные свободы человека. Изменить подобную практику возможно путем внесения изменений в уголовный процессуальный кодекс Украины, в соответствии с которыми обязанности суда и необходимость вынесения соответствующего определения сразу регламентировалась бы более четко, не оставляя альтернативы. Кроме того, уголовное процессуальное законодательство нуждается в более подробном изучении, модернизации и внесении дополнений в статьи УПК Украины, регулирующие стадию открытия материалов уголовного производства в части видеоматериалов и в статьи, регулирующие признание доказательств недопустимыми.

Т. З. ШАЛАЕВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Информационные ресурсы (ИР) государственной системы научно-технической информации (ГСНТИ), правовые основы которой заложены в таких законодательных актах, как: Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-ХІІ (в ред. 11.05.2016 № 364-3) «Об основах государственной научно-технической политики», Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ (в ред. 11.05.2016 № 364-

З) «О научной деятельности», Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 159-З (в ред. 11.05.2016 № 364-З) «О Национальной академии наук Беларуси», Закон Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. № 250-З «О научно-технической информации», Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 года (в ред. 11.05.2016 № 364-З) «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь от 9 марта 2009 г. № 123 (в ред. 21.02.2014 № 92) «О некоторых мерах по стимулированию инновационной деятельности в Республике Беларусь», Директива Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» и др.

Наиболее значимой составляющей ГСНТИ являются ИР инновационной и научно-технической деятельности. Агрегирование данных ресурсов осуществляется в большей степени в подчиненных организациях Государственного комитета по науке и технологиям (ГКНТ), Национальной библиотеке, библиотеках научной и научно-технической специализации, отраслевых библиотеках, а формирование – в организациях НАН Беларуси, Министерства образования, отраслевых министерств [1]. Условно огромное количество ИР ГСНТИ можно подразделить на: ИР, формируемые с целью обращения в среде научного сообщества для генерирования нового знания; ИР, формируемые для коммерческого обращения в целях перехода к производству новой продукции, созданию инноваций и пр.

В базе данных (БД) «Информационные ресурсы ГКНТ» в настоящее время содержится информация по следующим ИР: Реестр высокотехнологичных товаров; Реестр высокотехнологичных производств и предприятий; Реестр аккредитованных научных организаций; общедоступные ИР по Государственному реестру НИОКР; Система электронной регистрации НИОКР, ресурс-сервис, позволяющий производить электронную регистрацию он-лайн; Информационно-аналитические материалы ГКНТ; БД по науке и инновациям в Республике Беларусь; БД «Белорусские ученые за рубежом».

Организованы поисковые системы по ИР не только ГСНТИ, но и по другим хранилищам оцифрованной полезной информации, к примеру: по БД объектов промышленной собственности; по реестру изобретений; по реестру полезных моделей; по реестру промышленных образцов; по реестру товарных знаков и знаков обслуживания [2].

ГКНТ на своем сайте разместил ИР, изобретенные белорусскими специалистами в качестве коммерческой продукции, которые включают библиографические записи на отечественные и иностранные книжные издания, статьи из отечественных и иностранных периодических изданий, предоставленные Республиканской научно-технической библиотекой, Департаментом общественной информации Представительства ООН в Республике Беларусь и другими программами и проектами.

В режиме он-лайн доступны на 1 января 2016 года пять коммерческих БД: «Устойчивое развитие», в состав входит более 4,5 тыс. документов; БД «Энергосбережение», количество документов: более 25,5 тыс.; БД «Путеводитель по электронным библиографическим и справочным ресурсам» – 230 документов; БД «Изобретатели Беларуси – более 2,5 тыс. документов; БД «Белорусские имена в истории развития техники» – более 80 документов [3].

Безусловно, что основными ИР Республики Беларусь в области инновационной и научно-технической деятельности, все-таки остаются: ИР, включающие в свой состав

отечественные и зарубежные издания в печатной и электронной формах, представленные как журналы, книги (включая монографии, разовые сборники, труды конференций, препринты и пр.); депонированные научные работы, стандарты, отчёты о НИОКР, диссертации, патентные документы. К ним же необходимо отнести фонды, включающие вторичные издания: реферативные журналы, сигнальную информацию, экспресс-информацию обзорно-аналитическую информацию, библиографические указатели и пр. Нельзя не отметить в составе ИР государственной системы научно-технической информации, генерируемые в Беларуси базы и банки данных различного инновационного и научно-технического направления, а также базы и банки данных международные (INIS) и зарубежных стран, к которым Беларусь имеет доступ.

Одной из важнейших составляющих ИР ГСНТИ является Республиканский патентный фонд Беларуси, созданный при Республиканской научно-технической библиотеке (РНТБ). Республиканский патентный фонд (РПФ) имеет статус с 1987 г. межреспубликанского базового территориального патентного фонда. Комплектование РПФ направлено на реализацию всего диапазона Международной патентной классификации, но основой формирования патентных ИР является экономика. К настоящему времени РПФ, в сущности, единственный центр, который располагает полным ИР патентных документов и насчитывает более 26 млн. экз. документов 69 стран и 6 международных организаций на 40 языках [4], на различных видах носителей: бумаге, микрофильмах, микрофишах, оптических дисках CD-ROM и DVD.

В библиотеке имеется более 6 тысяч дисков с различными базами данных, которые содержат более 7 млн. патентных документов [3]. БД представляют собой структуру ИР, состоящую из первоисточников, реферативной или библиографической информации с необходимой справочно-поисковой системой и программным обеспечением оперативного поиска и выдачи копий. С 2000 г. РНТБ, выполняя постановление Правительства Республики Беларусь о создании областных филиалов, приступила к возобновлению комплектования патентных фондов в 5-ти областных научно-технических библиотеках.

В комплексный массив ИР, связанных с деятельностью НЦИС, включены Международные регистрации, действующие на территории Республики Беларусь, к которым следует отнести достаточно важные и неизменно актуальные ИР для специалистов: Реестр евразийских патентов на изобретения; База данных международных регистраций товарных знаков ROMARIN; Информационно-справочный портал WIPO GOLD (базы данных международных заявок и регистраций, международные классификации, международные договоры в области охраны интеллектуальной собственности, стандарты ВОИС); Всемирная БД патентной документации Esp@cenet (патентная информация и документация более 90 стран мира и международных организаций); Евразийская патентная информационная система EAPATIS (патентная документация ЕАПВ, стран СНГ, Австрии, Австралии, Германии, Великобритании, Канады, США, Франции, Швейцарии, Японии, ВОИС, ЕПВ); Патентно-информационные ресурсы Российской Федерации (патентная документация России, международные классификации, международные договоры в области охраны интеллектуальной собственности, стандарты ВОИС) [5]. Эти БД, как правило, доступны для внешних пользователей, в том числе и через сеть Интернет.

Следует отметить, что состояние ИР в подчиненных организациях ГКНТ, НАН Беларуси, отраслевых органах государственного управления примерно одинаковое.

Информационные ресурсы в области технического нормирования и стандартизации. Обеспечение безопасности и качества продукции или услуг, полноты

и достоверности предоставляемой о них информации достигается путем соблюдения всеми участниками рынка, будь то в республике или за ее пределами, действующих правил, которые устанавливаются в технических нормативных правовых актах (ТНПА). К ним относятся технические регламенты, технические кодексы установившейся практики, государственные стандарты, ветеринарные, ветеринарно-санитарные нормы и правила, санитарные нормы, правила и гигиенические нормативы, нормы и правила пожарной безопасности, нормы и правила по обеспечению технической, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, нормы и правила по обеспечению безопасной перевозки опасных грузов, а также иные правовые акты, отнесенные законодательными актами Республики Беларусь к техническим нормативным правовым актам.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 июля 2007 г. № 318 «О порядке доведения до всеобщего сведения технических нормативных правовых актов» в целях предоставления юридическим и физическим лицам полной, достоверной и своевременной информации о технических нормативных правовых актах Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь на базе эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь создан и интегрирован в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» банк данных «Технические нормативные правовые акты».

Информационный массив банка данных включает более 1600 действующих технических нормативных правовых актов [6], в числе которых: технические регламенты; авиационные правила; геодезические, картографические нормы и правила; квалификационные справочники; государственные классификаторы технико-экономической информации; формы государственных статистических наблюдений; формы ведомственной отчетности и указания по их заполнению; проекты зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей; иные нормативные правовые акты, отнесенные законодательными актами Республики Беларусь к техническим нормативным правовым актам.

Исследуя данный республиканский ИР необходимо отметить, что для удобства использования в работе правовые акты банка данных систематизированы по тематическим разделам. Единым информационным центром, где аккумулируются все технические нормативные правовые акты, в нашей республике является Национальный фонд технических нормативных актов, созданный в рамках выполнения Указа Президента Республики Беларусь от 16 июля 2007 года № 318. Наличие такого центра, многовекторное развитие его ИР, оперативный и удобный доступ к ним с учетом интересов различных категорий пользователей чрезвычайно актуальны в инновационном развитии государства. Исследуемые республиканские ИР включают международные документы ИСО и МЭК, ЕЭК ООН, Кодекс Алиментариус, директивы и стандарты Евросоюза, межгосударственные стандарты, стандарты Российской Федерации и государств – участников СНГ и других стран – торговых партнеров нашей республики. Документы поступают в НФ ТНПА и хранятся в виде копий оригиналов на бумажном носителе и в электронном виде. Электронные ресурсы включают: компьютерный банк данных в составе ИПС «Стандарт»; сайт Госстандарта и НФ ТНПА; Каталог «Periporm», электронные ресурсы и сайты зарубежных организаций по стандартизации. На официальном сайте НФ ТНПА реализован доступ к трем республиканским ИР: национальные ТНПА; ИР международных и региональных стандартов; ИР в форме тематических перечней.

Количественно-качественные показатели объема и вида документов ТНПА следующие: технические регламенты Таможенного союза – 34 ед.; технические регламенты – 10 ед.; технические кодексы установившейся практики – 1037 ед., 184 документа; безопасность пищевой и сельскохозяйственной продукции – 17656 единиц стандартов и правил; ресурсосбережение – 909 единиц; энергоэффективность и энергосбережение – 1474 документа [4].

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения объективность наращивания ИР, по поводу которых у достаточно большого класса субъектов права (если практически не у каждого) возникают определенные информационные права, обязанности, компетенция, регламентация которых требует, в том числе, правовых механизмов. Объективность ИР создает основу в возникновении, изменении, прекращении объективных общественных отношений, правовое регулирование которых возможно с помощью реально существующих во времени и пространстве правовых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтов, И. В. Создание инфраструктуры для предоставления электронных услуг в сфере научно-технической и инновационной деятельности / И. В. Войтов. – Минск. – «Проблемы управления». – № 4 (45) 2012 [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://178.124.138.97:8080/opencms/opencms/ru/v8einter/4-45-2012/>. Дата доступа : 05.10.2016.

2. Информационные ресурсы ГКНТ / Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/resources/resscst/>. Дата доступа : 25.10.2016.

3. Информационные ресурсы ГКНТ / Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/resources/resscst/>. Дата доступа : 25.10.2016.

4. Информационные ресурсы / Национальный фонд технических нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://www.tnpra.by/index.php> Дата доступа : 01.04.2016.

5. Информационные ресурсы интернет в сфере интеллектуальной собственности / Официальный сайт Национального центра интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://www.belgopatent.org.by/index.php?option=com_content&view=article&id=76&Itemid= Дата доступа : 05.09.2016.

6. Информационные ресурсы / Национальный фонд технических нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://www.tnpra.by/index.php> - Дата доступа : 25.10.2016.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. А. ВЕРГЕЙЧИК

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Различные проблемы законоотворчества, такие как качество законов, соблюдение правил юридической техники, законотворческие ошибки, на сегодняшний день остаются актуальными. Количество принимаемых нормативных правовых актов постоянно растет, а их качество не всегда соответствует нормам. Данная проблема особо значима, поскольку от правового качества нормативных правовых актов зависит качество национального законодательства в целом. Так, одним из механизмов, который позволит избежать подобных нарушений в ходе законодательной деятельности, можно считать проведение лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь понятие лингвистической (от лат. *lingua* – язык) экспертизы проектов нормативных правовых актов отсутствует.

Основные языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта указаны в главе 8 «Языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта, и его терминология» Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон о НПА), а также главе 5 «Общие вопросы нормотворческой техники» Правил подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» (далее – Правила подготовки проектов НПА).

В соответствии со статьей 39 Закона о НПА текст нормативного правового акта излагается лаконично, простым и ясным языком, исключаям различное толкование норм, с соблюдением официально-делового стиля литературного языка и юридической терминологии [1].

В Правилах подготовки проектов НПА определены основные требования, предъявляемые к содержанию проектов нормативных правовых актов. К ним относятся:

- логическое построение проекта акта;
- краткость и точность изложения норм, в том числе названий проектов;
- ясность, простота и доступность языка изложения проекта акта, исключаям различное толкование его норм;
- оформление проекта акта в соответствии с установленными правилами делопроизводства.

Краткость и точность изложения нормативных предписаний проекта нормативного правового акта обеспечиваются отсутствием как чрезмерно обобщенных, так и чрезмерно детализированных формулировок, а также дублирования нормативных предписаний и их множественности по одному и тому же вопросу.

При изложении текстов проектов нормативных правовых актов следует использовать простые предложения, избегая длинных сложносочиненных предложений, перезагрузки специальными терминами и однородными членами в простых предложениях. Проекты нормативных правовых актов следует излагать простым понятным языком.

В пунктах 48-49 Правил подготовки проектов НПА закреплён и порядок использования терминологии проекта акта. Так, терминология должна быть единообразной. Для обозначения одних и тех же понятий должны использоваться одинаковые термины. При использовании терминов следует исходить из их общепринятых определений. В случае необходимости в проекте акта дается расшифровка малоизвестных юридических, технических и других специальных терминов.

Определение термина указывается в нормативном положении проекта акта, где данный термин употребляется впервые. Определения терминов должны быть понятными и однозначными, излагаться лаконично [2].

К сожалению, часто в конкретной сфере деятельности применяется свой понятийный аппарат, раскрывающий смысл и содержание применяемых в акте терминов. В качестве примера можно привести употребление слов «дед, бабушка», «дед, бабка», «дедушка, бабушка».

Так, в статье 35 Закон Республики Беларусь от 17 апреля 1992 года «О пенсионном обеспечении» к нетрудоспособным членам семьи относятся *дед и бабушка* [3].

В статье 60 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 года закреплено понятие близкого родства, под которым понимаются отношения, вытекающие из кровного родства между родителями и детьми, родными братьями и сестрами, *дедом, бабкой* и внуками [4].

Согласно подпункту 1.10 пункта 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 20 марта 1998 г. № 3 «О приватизации государственной собственности в Республике Беларусь» к близким родственникам относятся родители, дети, супруги, родные братья и сестры, внуки, *бабушки, дедушки*, свекровь, свекор, тесть и теща [5].

Следует учесть, что в проектах нормативных правовых актов нельзя использовать сокращенные слова. Например, и.о. управляющего делами областного исполнительного комитета (исполняющий обязанности управляющего делами областного исполнительного комитета). Также недопустимо употребление сокращенных слов типа «финуправление», «зампред», «сельхозпредприятия» («финансовое управление», «заместитель председателя», «сельскохозяйственные предприятия»).

Кроме того, в тексте проекта нормативного правового акта не допускается употребление:

- иноязычных заимствований при наличии равнозначных слов и терминов в белорусском или русском языке;
- нечетких словосочетаний, обобщенных рассуждений, восклицаний и призывов, образных сравнений, эпитетов, метафор;
- аббревиатур, кроме общеизвестных;
- ненормативной лексики [2].

Правильное построение предложений, использование терминов, употребление знаков препинания обеспечивает адекватное толкование норм нормативных правовых актов правоприменителем.

Необходимо отметить, что часть третья статьи 136 Регламента Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь (далее – Регламент)

определяет, что одновременно с направлением в постоянные комиссии проект закона представляется головной комиссией для проведения обязательной юридической экспертизы в структурное подразделение Секретариата Палаты представителей, осуществляющее экспертно-правовую деятельность, и для проведения *лингвистической экспертизы* в структурное подразделение Секретариата Палаты представителей, осуществляющее редакционную деятельность. Срок для проведения юридической и лингвистической экспертиз предоставляется, как правило, не более десяти рабочих дней, а по проектам кодексов – не более двадцати рабочих дней, если иное не предусмотрено Регламентом [6].

Подпунктом 2.2.6 пункта 2.2 Положения о Секретариате Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [7] закрепляется полномочие Секретариата Палаты представителей по проведению правовой и *лингвистической экспертиз* проектов нормативных правовых актов.

Следовательно, можно отметить, что термин «лингвистическая экспертиза» получил свое формальное выражение в Регламенте Палаты Представителей Национального Собрания Республики Беларусь и Положении о Секретариате Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

В связи с тем, что отсутствует понятие лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов, полагаем, что под ней следует понимать исследование и оценку содержания проекта правового акта в целях выявления в нем логических, стилистических, орфографических и пунктуационных ошибок или недостатков с точки зрения филологии, правил построения правовых норм, требований юридической техники. Вместе с тем считаем возможным выделение лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов в качестве вида экспертизы проектов нормативных правовых актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 января 2000 г., №361-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – 2/136.
2. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359: с изм. от 29.11.2013 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 92. – 1/4856.
3. О пенсионном обеспечении : Закон Респ. Беларусь, 17 апреля 1992 г., № 1596-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь – 10.06.2015 – 2/2272.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. О приватизации государственной собственности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 20 марта 1998 г. № 3: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Палаты представителей Национального собрания Респ. Беларусь, 18 дек. 2015 г., № 707-П5/VIII // ЭТАЛОН.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Об утверждении Положения о Секретариате Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Палаты представителей Национального собрания Респ. Беларусь, 24 июня 2009 г., № 168-П4/П // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

И. А. ВИШНЕВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Законодательный процесс – это упорядоченная процедура принятия законов, включающая в себя ряд последовательных, логически завершенных этапов: от разработки законопроекта до мониторинга его реализации в качестве закона. Любые «неполадки» в законодательной процедуре отрицательно сказываются на качестве принимаемых законов, на эффективности правового регулирования в целом. Поэтому проблемам, возникающим в ходе законотворчества, и путям их должно уделяться повышенное внимание.

Одной из ключевых проблем законодательной политики является отсутствие какой-либо концепции развития законодательства. Оно развивается методом проб и ошибок, а также за счет механического копирования западных образцов. Ясно, что движение по этому пути имеет свои пределы и рано или поздно встанет вопрос: какую правовую систему мы хотим у себя иметь.

Эффективность законодательного процесса в настоящее время во многом снижается из-за отсутствия законодательно урегулированных механизмов, направленных на обеспечение ответственного поведения каждого из участников законодательного процесса, а процесс принятия законов на данном этапе развития государства и его институтов пока нельзя отнести к деятельности государства, не имеющей резервов совершенствования.

Праву законодательной инициативы с точки зрения его конституционно-правовой природы применительно ко всем участникам законодательного процесса должна корреспондировать обязанность по надлежащему обеспечению общества и государства таким законодательством, которое в полной мере направлено на обеспечение и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также на эффективное закрепление признаков Белорусского государства, как суверенного.

На данном этапе развития законодательства и законодательной деятельности нужно добиваться повышения взаимной ответственности органов конституционного контроля, чтобы все эти органы в качестве собственного приоритета определили качественное повышение эффективности участия в законодательной деятельности.

Резервы повышения эффективности этой деятельности очевидны. В первую очередь необходимо восполнить систему белорусского законодательства в части органических законов, обеспечивающих прозрачные и понятные обществу правила взаимодействия органов государственной власти по принятию законов.

В целях упорядоченности законотворческого процесса, придания ему определенной стабильности и предсказуемости необходима глубокая проработка и принятие Концепции правовой реформы. Предлагаемая Концепция должна содержать укрупненные блоки массивов правовых актов, структурированных по отраслевому признаку.

Проблемы юридической техники. Отсутствие законодательной дефиниции нормативного правового акта существенно затрудняет функционирование всех ветвей власти, фактически препятствует осуществлению правосудия и нарушает права граждан. Негативное влияние неопределенности важнейшего правового понятия сказывается на всей системе законодательства. Неопределенность родовых признаков правового акта препятствует дифференциации между нормативными и индивидуальными правовыми актами. Правотворческая практика не в полной мере воспринимает те признаки нормативного правового акта, которые выработаны юридической наукой. Конфликт между теорией и практикой привел фактически к низвержению тех доктринальных тезисов, которые еще не так давно казались незыблемыми.

Актуальной проблемой является неторопливость законодателя, что создает все условия для судейского творчества. Судебная система, работая в направлении выработки определения и признаков нормативного правового акта, фактически была вынуждена заняться восполнением пробела в праве.

До сих пор имеются определенные пробелы в действующем законодательстве, подчас приходится сталкиваться с отсутствием четкого механизма реализации содержащихся в законах правовых норм. Имеют место случаи непоследовательности в действиях законодателя, когда вновь принятый закон уже через короткое время проявляет отсутствие жизнеспособности, требует корректировки, а то и отмены своих положений. Все перечисленное свидетельствует о некотором несовершенстве законодательных процедур, а также подрывает авторитет права.

Среди прочих технико-юридических проблем также остается актуальной и проблема правильного употребления юридического языка. К сожалению, в действующем законодательстве образовалось немало пробелов, связанных с терминологической составляющей юридического языка, присутствует много дискуссионных нормативных положений, определяемых неверным использованием юридических терминов, присутствуют очевидные языковые неточности.

Для того чтобы добиться резких позитивных сдвигов в законотворческой деятельности, наладить процедуру подготовки действительно качественных законов, нужно начать с изменения самого отношения субъектов, вовлеченных в законотворческий процесс к итоговым результатам своей деятельности. Пожалуй, это является первостепенной задачей. Уже при формировании первичной концепции законопроекта, следует думать о будущем законе как об окончательном акте, способном эффективно функционировать на протяжении длительного временного периода, соответствовать направлениям развития общества и государства.

Необходимо определить критерии материальной и моральной ответственности за недобросовестную разработку каждого законопроекта. Основным условием наступления такой ответственности является наличие в тексте законопроекта весомых упущений или ошибок, связанных с незнанием действующих правовых норм и (или) с неправильным использованием юридического языка. Для этого возможно установить комплексную балльную оценку законопроектов. Основанием для применения

соответствующих дисциплинарных (штрафных) санкций должны служить результаты проведения соответствующих независимых экспертиз.

Также, важным шагом вперед стало бы создание специализированного органа, который рассматривал бы спорные аспекты употребления юридической терминологии в нормативном тексте.

А. А. ГАНЗЕНКО

Запорожье, Украина, Запорожский национальный университет, кандидат юридических наук, доцент

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА» В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Механизм правового регулирования украинского государства находится в процессе реформирования и дальнейшего совершенствования. В условиях демократизации украинского общества и государственной власти, повышения роли общественности в построении социального правового государства особую роль должны играть конкретные правовые инструменты достижения частных и публичных целей общественного развития. Такие инструменты в теории государства и права охватываются понятием «правовые средства», что позволяет обобщить все элементы правового регулирования и видеть в праве не просто систему обязанностей, разрешений и запретов, а реальный механизм реализации и защиты прав и свобод человека, интересов общества и государства в целом. Именно поэтому актуальным является исследование правовых средств как составляющих механизма правового регулирования.

Подробно исследовали категорию «правовые средства» отечественные ученые: А. В. Онуфриенко в работе «Правовые средства в контексте инструментальной теории права» [1] и А. М. Денисова в диссертационном исследовании на тему «Механизм и средства правового воздействия (теоретико-правовое исследование)» [2].

По мнению А. В. Онуфриенко, правовые средства – это система субстанциональных и деятельностных правовых явлений, с помощью которых конкретные субъекты правоотношений достигают частных и публичных целей. Инновационность предложенной А. В. Онуфриенко дефиниции определяется введением в ее понятийное пространство признака системности, комплексным обоснованием современного целевого назначения правовых средств. Использование категории «система» подчеркивает, во-первых, системообразующий характер правовых средств в отношении правовых целей и, во-вторых, означает, что именно правовые средства выступают отдельными реально функционирующими элементами правовой системы в целом. Целевое назначение правовых средств детерминируется выявленной ролью права в обществе, постепенно приобретающем постмодернистский характер. Рассмотрение правоотношений как специфической инструментальной игры позволяет подчеркнуть особую состязательность, что является присущей правоотношениям в современных условиях [1, с. 14-15].

Следовательно, правовые средства – это ключевая категория инструментальной теории права, которая является системой предусмотренных нормами права методов, способов и приемов достижения частной или публичной цели субъектами правоотношений. То есть понятия «правовые средства» и «правовые инструменты»

являются фактически синонимами. Такой методологический подход к изучению и восприятию права позволяет видеть в любом правовом явлении не просто систему разрешений, запретов и обязательств, а совокупность реальных и действенных инструментов достижения частной или публичной цели.

В юридической литературе средства правового регулирования классифицируют по определенным критериям.

В зависимости от степени сложности различают: простые (субъективные права и юридические обязанности; поощрения и наказания; льготы и запреты) и сложные правовые средства (норма; институт). В зависимости от функционального назначения: регулятивные (разрешения) и охранные (средства защиты). В зависимости от предмета правового регулирования: конституционные, административные, гражданские, уголовные и др. По характеру: материальные (рекомендации) и процессуальные (иск). По времени действия: постоянные (гражданство) и временные (премия). В зависимости от вида правового регулирования: нормативные (запреты, установленные нормами права) и индивидуальные (акт применения права). В зависимости от информационно-психологической направленности: стимулирующие (поощрение) и ограничивающие (принуждение) [3, с. 536-537].

К субстанциональным правовым средствам А. М. Денисова относит обязательства, разрешения, запреты, поощрения, льготы, нормы права, принципы права и т.д., в то время как к действенным – акты реализации права, акты применения права, акты толкования права и все процессы юридической деятельности. Все правовые средства, по ее мнению, в результате обобщения (трансформации), делятся на правовые стимулы и правовые ограничения. Правовой стимул определяется как средство формирования у субъекта необходимого законопослушного поведения путем создания необходимых условий для удовлетворения субъективных интересов субъекта благодаря выполнению правовых предписаний. А правовые ограничения – это правовое средство сдерживания противоправного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов уполномоченного субъекта и общественных интересов в охране и защите [4, с. 191-192]. В целом можно согласиться с таким подходом, ведь по своей сути разрешения, рекомендации, поощрения (как способы правового регулирования) – это правовые стимулы, а запреты и обязанности – это правовые ограничения, оставляющие для субъекта единственно возможный вариант поведения.

Таким образом, правовые средства являются основными элементами механизма правового регулирования и позволяют видеть в праве реальный инструментальный достижения частных и публичных целей участниками правоотношений. Перспективность дальнейшего исследования данной темы обусловлена популярностью инструментальной теории права, ее прикладным характером и универсальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Онуфрієнко, О. В. Правові засоби у контексті інструментальної теорії права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. В. Онуфрієнко; Національний ун-т внутрішніх справ. – Харьков, 2004. – 18 с.
2. Денисова, А. М. Механізм і засоби правового впливу (теоретико-правове дослідження) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. М. Денисова; Національна академія внутрішніх справ МВС України. – Киев, 2012. – 230 с.
3. Зайчук, О. В. Теорія держави і права. Академічний курс: [підручник] / О.В. Зайчук (відп. ред.), А.П. Заєць, В.С. Журавський, О.Л. Копиленко, Н.М. Оніщенко. – Киев : Юрінком Інтер, 2006. – 685 с.

4. Денисова, А. Правові засоби: поняття та види / А. Денисова // Право України. – 2010. – № 7. – С. 190-195.

И. А. ГЛЕБКО,

Минск, Белорусский государственный экономический университет

О. П. МАРИКОВ,

Минск, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА

Институт правовой ответственности государства, его органов должен играть заметную роль в становлении и функционировании в Республике Беларусь правового государства. Вместе с тем данный вид юридической ответственности (его правовая основа, научное обеспечение) ещё не полностью отвечают требованиям времени, не является эффективным средством защиты прав и свобод граждан, укрепления законности, преодоления бюрократизма в государственном аппарате. Нам видятся следующие направления совершенствования института правовой ответственности государства и его органов.

1. Углубление теоретической основы правовой ответственности путем создания целостной и эффективной научной концепции.

Многие годы институт правовой ответственности развивался без должного общетеоретического обеспечения, при отсутствии, например общего понятия этого вида ответственности, без всестороннего освещения его сущности, правовой основы и оснований наступления. Проблемы юридической ответственности решались в основном на отраслевом уровне. Но и здесь еще много нерешенных проблем. Дискуссионным по-прежнему остаются вопросы конституционной ответственности, ее санкций и оснований наступления [1]. В административно-правовой науке – это вопросы, связанные с административной ответственностью юридических лиц, государства и его органов в сфере государственного управления т.д.

Для устранения пробелов, имеющих в исследовании правовой ответственности государства и его органов, необходимо, во-первых, в теории права рассматривать эту ответственность как самостоятельный вид правовой ответственности. Требуется сформулировать понятие такой ответственности, очертить задачи и принципы, исследовать характерные черты, отличающие ее от юридической ответственности граждан, а также юридических лиц, раскрыть особенности реализации этой ответственности и т.д. [2].

При решении общетеоретических проблем, связанных с понятием правовой ответственности государства, следует исходить из того, что данный вопрос не только юридический, но и политический, поскольку он тесно связан с положением и ролью государства в обществе, с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, с состоянием законности в государственном аппарате. Следует подчеркнуть, что ответственность государства служит важным средством реализации осуществляемых в обществе преобразований, а её содержание выражается в обязанности государства, его органов подвергаться установленным законом санкциям за правонарушения, связанные с их компетенцией.

Во-вторых, в отраслевых юридических науках с учётом новых теоретических представлений и изменений, произошедших в законодательстве, нужен дополнительный научный поиск, посвященный ответственности государства и его органов. Так, в науке конституционного права особое внимание следует обратить на исследование конституционной ответственности через призму государственно-правовых конфликтов. Подобный подход к исследованию правовой ответственности государства – путь к правильному уяснению ее природы. С этих позиций такие меры, как роспуск парламента, признание выборов или их результатов недействительными, признание работы государственных органов неудовлетворительной, выступают своеобразными санкциями именно конституционно-правовой, а не политической или иной социальной ответственности.

2. Упорядочение правовой основы ответственности государства и его органов.

Перемены, произошедшие в национальной правовой системе, направлены на обеспечение реформ в нашем обществе, защиту прав и свобод граждан. Об этом, в частности, свидетельствуют положения Гражданского, Уголовного, Избирательного кодексов, устанавливающих соответствующую ответственность, акты президента Республики Беларусь. Однако правовая основа ответственности государства и его органов по-прежнему содержит ряд пробелов и недостатков. В частности, Конституция Республики Беларусь практически не содержит норм, устанавливающих основы такой правовой ответственности. Полагаем, что Конституцию Республики Беларусь следует дополнить новеллой, посвящённой ответственности государства и закрепить основные положения этого института. Не исключен и другой вариант, который связан с дополнением ст. 21 Конституции Республики Беларусь положением о том, что нарушение государством прав и свобод человека и гражданина влечет для государства ответственность в установленном порядке. На основе этого конституционного положения целесообразно подготовить и принять закон «Об основах ответственности государства и его органов».

Следует также кодифицировать нормативные правовые акты, устанавливающие дисциплинарную ответственность государственных служащих – принять Дисциплинарный кодекс. Для этого уже созданы все необходимые предпосылки, в частности, принят закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь», где закреплено правовое положение государственного служащего, который служит основой названной кодификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добрынин, Н. М. К вопросу о конституционной ответственности / Н. М. Добрынин // Государство и право. – 2010. – № 10. – С. 17-25; Гаджиев, Г. А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовой ответственности / Г. А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2014. – № 1 – С. 7-15; Авакьян, С. А., Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности / С. А. Авакьян // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран; под ред. С. А. Авакьяна. – М., 2001. – С. 9-14.

2. Пирбудагова, В. И. Проблемы законодательного обеспечения юридической ответственности государства и должностных лиц Российской Федерации. / В. И. Пирбудагова // Современное право. – 2011. – № 4 – С. 8-11; Романова, В. В. Юридическая ответственность государства: дис. ... канд. юрид. наук. - Тольятти. – 2007. – С. 19.

Е. В. ГРИГОРОВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

После образования суверенного и независимого государства Республика Беларусь наши законодатели, регламентируя компетенцию трёх ветвей власти, учитывало и опиралось на опыт государства-предшественника – СССР. Поэтапно, продуманно и систематизировано была регламентирована деятельность судебной власти. Создана система судов, с определённой юрисдикцией и компетенцией. Казалось бы, созданная система безупречна и на практике эта безупречность будет находить своё отражение. Но, как и всё в этом мире, теория и практика находятся на разных полюсах. Задача учёных-юристов как теоретиков, так и практиков состоит в максимально возможном сокращении этого расстояния и приближение двух взаимодополняющих структур к условному экватору. В системе по-прежнему сохраняется достаточно значительный уровень судебной нагрузки, в особенности в судах II инстанции, т.е. в областных (Минский городской) судах. В ряде случаев гражданами и представителями юридических лиц высказываются обоснованные негодования по поводу организации работы отдельных судей и работников аппарата суда, медленное течение дела, осложняемое выполнением мелких формальностей, коллизии при разрешении конкретных дел.

Только детально продуманная и обоснованная теоретически, а также одобренная практически, реализация комплекса правовых и организационных мероприятий, дальнейшего развития законодательства и формирования правильной правоприменительной практики способствует эффективному с точки зрения права, учитывающего настроения общества, функционированию всей судебной системы.

Так, продолжается работа по совершенствованию законодательства, обеспечивающего судебную деятельность. В частности, имеет под собой основание о разумном упрощении некоторых процессуальных процедур; совершенствовании законодательного регулирования вопросов, связанных с судебными пошлинами и процессуальными издержками.

В плане общей организации работы судов продолжается проведение мероприятий по предупреждению фактов задержки в рассмотрении дел, допущения нарушений законодательства при рассмотрении дел, проявлений неделикатной, а иногда резкой формы обращения по отношению к гражданам в ходе судебного разбирательства. С ещё большим энтузиазмом успешно реализовывается внедрение в судебный процесс современных информационных технологий, включая их широкое использование для извещения участников процесса о времени и месте судебных заседаний, фиксации хода судебных разбирательств, обеспечения дистанционного участия в судебных заседаниях, доведения до сведения общественности наиболее важной информации о деятельности судов. Данные новшества становятся необходимостью в настоящее время, что в ещё большей степени способствует реализации принципа процессуальной экономии с минимально необходимыми затратами времени, сил и средств.

В своей деятельности суды Республики Беларусь руководствуются принципами законности, гласности, состязательности, равенства граждан и организаций перед законом и судом, принципом участия граждан в осуществлении правосудия [1].

Система судов Республики Беларусь состоит из:

- Конституционного Суда;
- Системы судов общей юрисдикции.

Система судов общей юрисдикции состоит из:

- Верховного Суда Республики Беларусь;
- областных (Минского городского) судов;
- экономических судов областей (города Минска);
- районных (городских) судов.

В системе общих судов могут создаваться специализированные суды: по делам несовершеннолетних, семейные, административные и др.

Правовая основа судебной власти регламентируется: Конституцией Республики Беларусь 1994 года, главой 6 Суд; Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь»; Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 529 «О некоторых вопросах деятельности судов Республики Беларусь»; Указом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов»; Кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 139-3 «О судоустройстве и статусе судей»; Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-3 «О государственной службе в Республике Беларусь».

В 2014 году была проведена судебно-правовая реформа, которая реорганизовала действующую систему судов в составе: судов общей юрисдикции, специализированных судов по хозяйственным спорам и судов по административным спорам, Конституционного суда.

С 1 января 2014 в соответствии с положениями Декрета Президента от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» (далее – Декрет), согласно которым, в целях совершенствования судебной системы Республики Беларусь, объединить Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд, образовав единый высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным и экономическим делам – Верховный Суд, возглавляющий систему судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Вся система судов общей юрисдикции возглавляется Верховным Судом. В состав Верховного Суда входит судебная коллегия по экономическим делам. За экономическими судами сохраняется компетенция хозяйственных судов; компетенция разделяется в рамках судов общей юрисдикции согласно следующему принципу: споры между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, носящие хозяйственный (экономический) характер (ст.ст. 39, 41-47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК)). Экономические суды при рассмотрении подсудных им споров продолжают руководствоваться Хозяйственным процессуальным законодательством, в том числе ХПК.

С 1 января 2014 г. создана единая система органов принудительного исполнения судебных постановлений, в состав которой вошли исполнители общих и хозяйственных судов. Возглавляет всю систему органов принудительного исполнения Министерство юстиции Республики Беларусь.

Исполнение постановлений экономических судов осуществляется по правилам, предусмотренным хозяйственным процессуальным законодательством (ХПК, Инструкцией по исполнительному производству и др.).

Обжалование постановлений, деяний (действий/бездействий) судебного исполнителя в случаях, предусмотренных ХПК, будет осуществляться в вышестоящий орган принудительного исполнения (вышестоящему должностному лицу) – Главное управление принудительного исполнения Министерства юстиции Республики Беларусь, а в случае несогласия с его решением – в суд по месту исполнения исполнительного документа.

В соответствии с п. 11 Указа Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» (далее – Указ № 530) расширяются права судебных исполнителей. Например, исполнитель вправе обращаться в организацию по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним для осуществления государственной регистрации, создания принадлежащего должнику недвижимого имущества, возникновения, перехода либо прекращения прав, ограничений (обременений) прав на него и сделок с ним.

Таким образом, наличествующий на сегодняшний день пакет актов, направленный на объединение общих и хозяйственных судов, не несет глобальных изменений в части судопроизводства при рассмотрении споров между субъектами хозяйствования. В дальнейшем объединение судов, вероятно, приведет и к унификации как процессуального законодательства, так и судебной практики.

В качестве основных предметов обсуждения в деятельности судов можно указать: высокую нагрузку судей; падение престижа профессии судьи, вследствие общего падения престижа всей правоохранительной системы; отдельные факты формализма и общего упрощенства в применении норм процессуального права в деятельности судов; затянутое разрешение дел по заявлениям граждан, когда наблюдается отсутствие всей полноты доказательственной базы; необходимость дальнейшего совершенствования уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданского процессуального, административного и иного законодательства.

Представляется, что совокупный человеческий потенциал системы судов общей юрисдикции позволит вывести ее работу на качественно новый, более совершенный уровень [2].

Основываясь на выше предположенных проблемах в деятельности судов, предполагается последовательным внести следующие предложения по модернизации судебной системы Республики Беларусь:

1) упростить процедуру судебного разбирательства в плане сокращения сроков, где это видится обоснованным. При этом, не нарушая принципов, регламентирующих деятельность судебного разбирательства.

2) предоставить гражданам право обоснованно обращаться в Конституционный суд в случае нарушения их конституционных прав и свобод в нормативных правовых актах, изданных органами власти, а также Президентом Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебная система Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2016. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1501>. – Дата доступа: 20.11.2016.

2. Калинкович В., Организация работы судов – на новый уровень / В. Калинкович // Судовы веснік. – 2016г. - № 3. – с. 3-8.

А. А. ЗАГОРНОВ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат исторических наук, доцент

РАСКРЫТИЕ РОЛИ СУДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА БЕЛАРУСИ

Развитие органов государства, осуществляющих правосудие в форме рассмотрения и разрешения различных категорий дел в установленном законом порядке, играет важную роль в понимании истории государственности в Беларуси. По существу, такие органы в полной мере отражают специфику правосудия на каждом историческом этапе.

В современных условиях раскрытие роли судов в функционировании государства играет особую роль. Связано это с глубоким усвоением концепции разделения властей, возможностью правильного определения природы суда и его значимости в общественном развитии.

В предшествующий, советский, период, который объективно наследует наша государственная и общественная жизнь, суд, в основном, рассматривался как один из инструментов единой командно-административной системы. Поэтому научная разработка вопросов, связанных с определением самостоятельности судебной власти, с раскрытием правосудия как основного способа разрешения конфликтов, не была в качестве основных.

В этой связи сегодня можно констатировать, что в отечественном правоведении еще идет накопление теоретических знаний о сущности судебной власти, а дефицит фундаментальных общеправовых знаний о судебной сфере и правосудии имеет место быть.

Учитывая сложную правовую природу судебной системы, представляющей собой совокупность всех судов государства, следует отметить, что судебные отношения, в отличие от административных, по команде в нужный порядок не выстраиваются и здесь необходим учет внутренних закономерностей, определение приоритетов и уровня правовой культуры общества.

Вопросы истории правосудия в Беларуси важны сегодня еще и потому, что в условиях глобализации появляются новые инструменты власти, в том числе и судебной, а это влечет за собой модификацию сущности судебной власти. Адекватному пониманию этого процесса способствует усвоение опыта прошлого, так как знание традиции является фактором устойчивости в быстроменяющемся мире.

Изучение развития судов в хронологическом порядке занимает значительное место в учебных программах по истории государства и права Беларуси. Так, в соответствии с программой дисциплины разработанной, утвержденной и действующей на юридическом факультете Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, судебная проблематика рассмотрена в рамках тем «Древние государства и право в IX-первой половине XIII вв.», «Судебная система Великого княжества Литовского», «Беларусь в составе Российской империи», « Государственно-правовое развитие БССР в 1920-1930-е гг.», «БССР в период Великой Отечественной войны», «БССР во второй половине 1940-х-первой половине 1980-х гг.», «Государство и право Республики Беларусь».

Для понимания сути трансформации судебной системы в учебном процессе следует обратить внимание на вопросы судебного реформирования. В курсе истории государства и права Беларуси рассматриваются реформа судебной системы ВКЛ,

проведенная в 60-х гг. XVI в.; судебная реформа 1864 г. и ее реализация на белорусской территории; изменения в судебной системе БССР в 1920-1930-е гг.; особенности судебно-правовой реформы в современной Республике Беларусь.

В данных преобразованиях выделим несколько общих моментов, которые с разной мерой успешности решались применительно к конкретным историческим ситуациям и которые сохраняют свою актуальность и ценны для будущего.

Во-первых, реформы представляли собой ряд взаимосвязанных изменений в области судоустройства и судопроизводства для повышения эффективности функционирования судебной системы. Связь между формой и содержанием при серьезных переменах в судебной области заключается в том, что новая судебная организация обязательно должна соотноситься с сущностным обновлением судебного процесса. В таком случае можно говорить о реальном реформировании.

Во-вторых, модернизация судебной системы, как правило, сопровождалась столкновением двух тенденций: первая – сохранение преемственности и национальной специфики, вторая – копирование готовых зарубежных моделей. Абсолютизация одной из них только усложняла преобразования. Сочетание нового и традиционного порядка организации судебного дела предполагает определенную решительность реформаторов двигаться в четком направлении и настойчивость руководства государства в поддержке этого движения. Условием успешности преобразований становится общее единообразное понимание в правительственных кругах целей и задач предполагаемых изменений. Исторический опыт судебного реформирования на территории нашей страны свидетельствует о том, что достижение такого понимания являлось сложной проблемой.

В-третьих, подготовленность являлась важным условием успешности реформирования. Поэтому разработка и публикация программы изменений, а также анализ отзывов на такую программу сами по себе стали важными элементами преобразований, как это было, например, при подготовке судебной реформы 1864 г. Наличие временного ресурса для глубокой проработки проектов нововведений позволяет рассчитывать на их качество. Наличие указанного ресурса важно и при проведении реформирования, так как результат, как правило, отложен во времени.

В-четвертых, комплексный характер повышал эффективность судебных преобразований. Изменения в различных областях общественной жизни стимулировали изменения и в судебной сфере. В качестве примера можно привести программу широкой модернизации во второй половине XIX в., когда судебная реформа сочеталась с отменой крепостного права, городской, земской, университетской реформами.

В-пятых, реформы, безусловно, нуждались в новом кадровом ресурсе. В силу этого, построение системы специальной подготовки кадров для судебных органов, действующих в новых условиях, обеспечивало реализацию плана преобразований.

Таким, образом, суды, являясь потенциальными носителями судебной власти, сыграли и продолжают играть важную роль в истории и современном состоянии отечественной государственности. Сама судебная власть рассматривается как разновидность государственной власти и как совокупность уникальных общественных отношений.

Успешность судебных реформ, которые отражают вступление страны в новый исторический этап, определяется не только использованием апробированных в других странах законоположений, численным увеличением судейского корпуса и укреплением материально-технического обеспечения судов, но и разумным сочетанием отечественного и зарубежного опыта, а также выстраиванием, прежде всего, через

университетское образование системы подготовки новых кадров для судебных учреждений.

С. В. ЗЛАТАН

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КАЧЕСТВА СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Общеизвестно, что правотворчество – это форма реализации правоохранительной функции государства, которая, наряду с экономической, является наиважнейшей.

Правотворчество – основной механизм права как главного регулятора общественных отношений.

Правотворчество есть форма государственной деятельности, направленная на создание правовых норм, а также на их дальнейшее совершенствование, изменение или отмену. Это процесс создания и развития действующего права как единой и внутренне согласованной системы общеобязательных норм, регулирующих общественные отношения, специальная, имеющая официальное значение деятельность по установлению правового регулирования [1, с. 307].

В широком смысле правотворчество включает в себя не только создание нормативных правовых актов, но и иных источников права (судебный прецедент, правовой обычай, нормативный договор и т.п.). В узком смысле правотворчество означает создание нормативного правового акта, способного регулировать возникающие в обществе отношения юридического характера [2, с. 292].

В отечественном законодательстве понятие правотворчество фактически представлено термином нормотворческая деятельность, что в своем роде является белорусской спецификой. В статье 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» сказано, что «нормотворческая деятельность – научная и организационная деятельность по подготовке, экспертизе, изменению, дополнению, принятию (изданию), толкованию, приостановлению действия, признанию утратившими силу либо отмене нормативных правовых актов» [3]. А, например, в проекте, аналогичного федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в статье 2 планируется легально определить именно термин правотворчество – как «...деятельность компетентных органов по разработке и принятию (изданию) нормативных правовых актов» [4, с. 11]. Анализ содержания этих обоих понятий, позволяет сделать вывод об их принципиальном сходстве.

Динамизм экономических, политических и социально-культурных запросов постсоциалистического общества выдвигает все новые и новые задачи правового регулирования фактических общественных отношений [5, с. 206]. Что, без сомнения, и решается правотворчеством.

Наиболее общей проблемой правотворчества, в любой правовой системе, в любую историческую эпоху, является качество принимаемых нормативных актов, их адекватность требованиям времени, справедливый характер, полнота правового регулирования общественных отношений, за развитием которых законодатель зачастую не успевает.

Представляется, что здесь в качестве положительного примера можно привести состояние уголовного законодательства Республики Беларусь. В частности, достаточно оперативное реагирование законодателя на сложившиеся, сравнительно недавно, негативные тенденции роста смертности населения в результате несчастных случаев на дорогах по вине пьяных водителей. На что, справедливо, последовало значительное усиление уголовно-правовых санкций в виде частей 4 и 5 статьи 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» касательно пьяных за рулем, а также усиление уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 317¹ УК «Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)» [6].

Но еще более значительную степень наглядности в этом вопросе демонстрируют достаточно своевременные профилактические мероприятия государства в ответ на вызовы современности – локальные и региональные вооруженные конфликты последних лет, происходящие в мире. В этой связи, были введены уголовно-правовые нормы новой статьей 361³ УК «Участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании или вооруженном конфликте, военных действиях, вербовка либо подготовка лиц к такому участию», что, бесспорно, послужило предупреждением совершению авантюрных поступков лицами, вознамеривавшимися принимать участие в военных противостояниях, в составе любых противоборствующих сторон.

Без сомнения, такие оперативные предупредительные уголовно-правовые меры позволяют сохранить не одну человеческую жизнь.

Вместе с тем, правовое регулирование гражданских и гражданских процессуальных отношений, нередко сталкивается с некоторыми моментами неопределенности и неясности. Это хорошо видно по наличию многочисленных постановлений, принятых Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения гражданского, трудового, брачно-семейного, жилищного, гражданского процессуального законодательства, где высшая судебная инстанция государства вынуждена, достаточно часто, разъяснять правоприменителям смысл тех или иных правовых норм, необходимость их определенного толкования, что, несомненно, в значительной степени вызвано недоработками со стороны законодателя.

То, как Пленум, в частности, восполняет пробелы правотворчества, хорошо можно продемонстрировать, на примере норм, регулирующих надзорное производство в гражданском процессе Республики Беларусь, при их исследовании.

Итак, нам известно, что в проверочных производствах – кассационном и надзорном, проверяется правильность обжалуемого или опротестовываемого судебного акта, как с *фактической* так и с *правовой* сторон. В кассационном производстве: п. 1 ч. 1 ст. 401 ГПК (необоснованность судебного акта) – фактическая сторона и п. 2 ч. 1 ст. 401 ГПК (незаконность судебного акта, т.е. неприменение или неправильное применение судом норм материального либо процессуального права) – правовая сторона [7]. Необоснованность и незаконность (фактическая и правовая сторона) являются, согласно ч. 1 ст. 401 ГПК, *основаниями* отмены судом кассационной инстанции проверяемого судебного постановления.

В суде надзорной инстанции, в силу ч. 1 ст. 448 ГПК, аналогично проверяются основания для возможной отмены опротестовываемого судебного акта на предмет

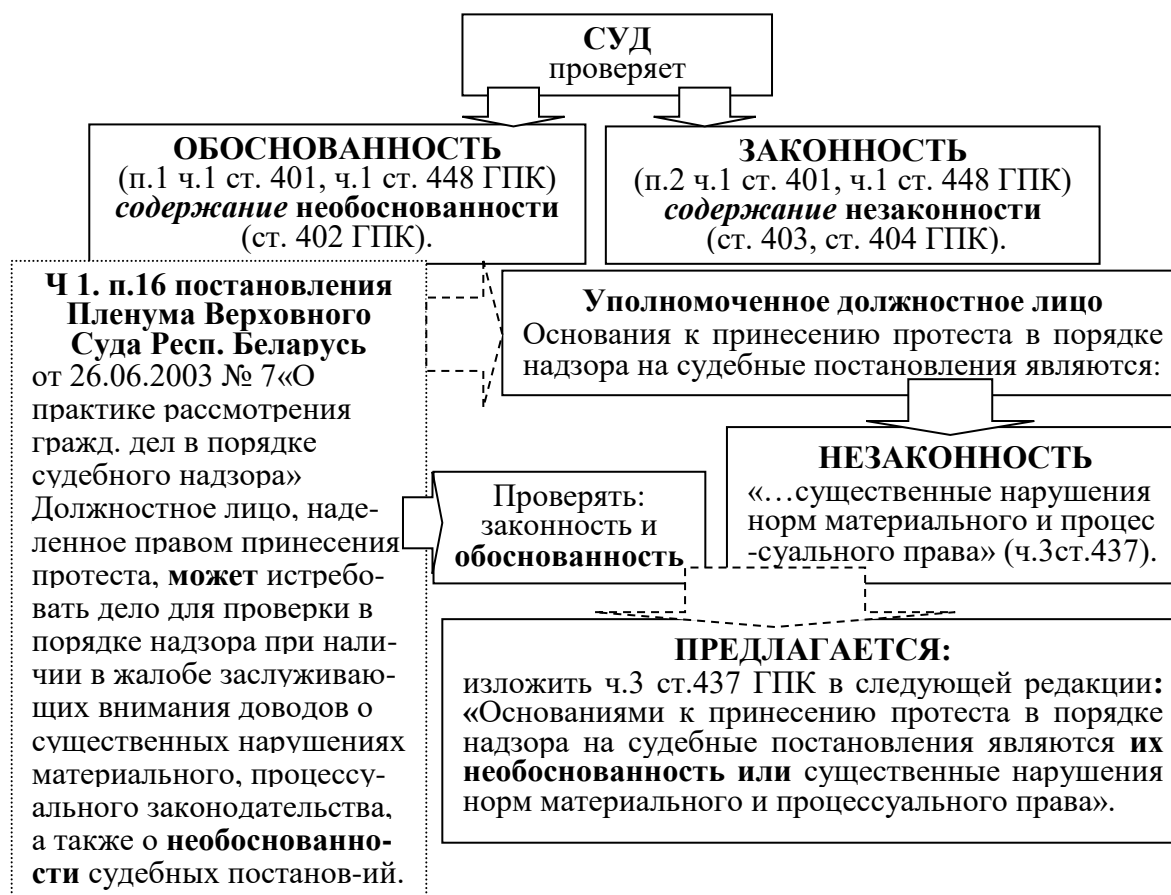
обоснованности или наличия либо отсутствия существенных нарушений норм материального или процессуального права, то есть законности.

Однако, поступлению изложенной в надзорной жалобе аргументации в суд надзорной инстанции предшествует ее проверка (при истребовании дела) уполномоченными должностными лицами, которые согласно ст. 437 ГПК «Поводы и основания к истребованию дел и принесению протестов в порядке надзора», принесут протест на обжалуемое судебное постановление в суд при наличии определенных оснований, где в буквальном толковании ч. 3 ст. 437 ГПК такими основаниями будут только *существенные нарушения норм материального и процессуального права* (т.е. незаконность).

Возникает вполне логичный вопрос, а где момент фиксации в процессуальном законе предсудебной проверки и оценки *фактической* стороны дела (т.е. обоснованности обжалуемого судебного акта) уполномоченным должностным лицом? Как попадет в суд надзорной инстанции обжалуемое судебное постановление из-за его необоснованности? Гражданский процессуальный кодекс не дает такой возможности.

И, здесь уже, должностное лицо, изучающее гражданское дело на предмет принесения протеста, должно руководствоваться прямыми указаниями постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.06.2003 г. № 7 «О практике рассмотрения дел в порядке судебного надзора», где ч. 1 п. 16 говорит о необходимости проверки заслуживающих внимания доводов о существенном нарушении норм права и *обоснованности* проверяемых судебных актов [8].

Поэтому, анализ нормы права (ч. 3 ст. 437 ГПК) обнаруживает, по крайней мере, очевидный технический изъян, который, как представляется, должен быть исправлен (схема).

Данный случай, приведен в качестве примера из-за его очевидной наглядности, и является далеко не единственным.

Безусловно, решение извечной проблемы качества правотворчества, точнее его результата, выражающегося в нормативных правовых актах – дело не одномоментное. Главные усилия, в этом вопросе, несомненно, должны быть направлены на повышение профессионализма юридических кадров, часть которых, либо в качестве парламентариев, либо как консультанты и эксперты, так или иначе, участвуют в нормотворческой деятельности.

По-видимому, одним из упущенных моментов решения этой задачи являлось отсутствие преподавания в ВУЗах страны, на юридических факультетах, учебных предметов, прямо ориентирующих обучающихся на освоение правил нормотворческой (юридической) техники.

В настоящий момент этот перекоп в образовательном процессе устраняется, например, в программу подготовки, с недавнего времени, введена принципиально новая дисциплина – «Техника юридического письма».

Полноценной эффективности предпринимаемых шагов в этом направлении, их всесторонней оценке, будет способствовать проведение мониторинга такой работы, что позволит сделать объективные выводы и скорректировать общее движение вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц [и др.] : под ред. В. С. Нерсесянца. — М. : Норма, 2004. — 832 с.
2. Проблемы теории государства и права : учебник / В. М. Сырых [и др.] : под ред. В. М. Сырых – М. : Эксмо, 2008. – 528 с.
3. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361- З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О нормативных правовых актах в Российской Федерации : проект федерального закона. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 70 с.
5. Рассолов, М. И. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2011. – 447 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г., № 238 - З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. О практике рассмотрения дел в порядке судебного надзора [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Д. А. ЛАГУН

*Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент*

ПРОБЛЕМАТИКА СПОСОБОВ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Действие нормативных правовых актов имеет объективные временные рамки своего действия.

Следует признать, что вопрос вступления нормативных правовых актов в силу достаточно полно и системно урегулирован белорусским законодательством, в частности, Конституцией Республики Беларусь [1], Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [2], Декретом Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов» [4], Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» [5].

В противовес этому проблема прекращения действия нормативных правовых актов не получила комплексного регулирования и лишь фрагментарно подвергнута правовой регламентации.

Анализ национального законодательства позволяет выделить следующие способы прекращения действия нормативных правовых актов:

- 1) признание нормативного правового акта утратившим силу;
- 2) отмена нормативного правового акта;
- 3) автоматическая утрата нормативным правовым актом силы;
- 4) признание нормативного правового акта неконституционным;
- 5) признание нормативного правового акта недействительным (аннулирование акта);
- 6) истечение срока действия делегированных полномочий, на основании которых нормативный правовой акт был принят;
- 7) неприменение нормативного правового акта в силу его архаичности.

Наиболее распространенным способом прекращения действия нормативного правового акта выступает его прямая отмена государственным органом, ранее принявшим (издавшим) этот акт (либо его правопреемником). В Республике Беларусь в соответствии с правилами юридической техники применяется единая лингвистическая формула такого прекращения действия акта: «*признание акта утратившим силу*».

Утратившими силу признаются, как правило, постоянно действующие (бессрочные) акты. Национальному законодательству, кроме признания акта утратившим силу, известна и другая лингвистическая формула: «*отмена акта*», которую необходимо отличать от первой.

Разница между отменой нормативного правового акта и признанием его утратившим силу производится по субъектному составу и по основаниям.

Субъектом признания акта утратившим силу выступает сам государственный орган, принявший акт. Отмену акта производит уполномоченный законом (как правило, вышестоящий) государственный орган либо народ через референдум.

Перечня конкретных оснований для признания акта утратившим силу не установлено. Решение принимается государственным органом по своему усмотрению с учетом фактических условий действия акта. Отмена нормативного правового акта

осуществляется только в случаях, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь или законодательными актами. Так:

1) Президент имеет право отменять:

- любые акты Правительства (п. 25 ст. 84 Конституции);
- решения местных исполнительных и распорядительных органов в случае несоответствия их законодательству (п. 26 ст. 84 Конституции);

2) Палата представителей Национального собрания вправе отменять любые распоряжения Председателя Палаты представителей (п. 10 ст. 97 Конституции);

3) Совет Республики уполномочен отменять решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству (п. 5 ст. 98 Конституции);

4) Национальное собрание может отменить квалифицированным большинством голосов (двумя третями от полного состава каждой палаты) временные декреты Президента Республики Беларусь (ч. 3 ст. 101 Конституции);

5) Правительство наделено правом отменять акты министерств и иных республиканских органов государственного управления (абз. 9 ст. 107 Конституции);

6) вышестоящие представительные органы отменяют несоответствующие законодательству решения нижестоящих местных Советов депутатов (ч. 2 ст. 122 Конституции);

7) соответствующие Советы депутатов, а также вышестоящие исполнительные и распорядительные органы вправе отменять решения местных исполнительных и распорядительных органов, не соответствующие законодательству (ч. 3 ст. 122 Конституции).

Способ автоматической утраты нормативным правовым актом силы применяется исключительно к временным актам, которые прекращают свое действие в связи с истечением срока, на который они были приняты, наступлением определенной даты либо возникновением иного юридического факта, с которыми временный акт связывает прекращение своего действия.

Автоматичность утраты актом силы означает, что для прекращения его действия не требуется принимать специальное решение компетентного государственного органа.

Вместе с тем, необходимо помнить, что до истечения установленного срока орган, принявший акт, может принять решение о продлении действия нормативного правового акта на новый срок, о придании ему бессрочного характера либо о признании его утратившим силу.

Признание акта неконституционным необходимо выделить в качестве самостоятельного способа прекращения действия нормативного правового акта из-за его специфики.

Единственным государственным органом, признающим акт неконституционным (то есть противоречащим Конституции и актам большей юридической силы) выступает Конституционный суд Республики Беларусь, принимающий такое решение в форме заключения в порядке реализации конституционного судопроизводства.

При этом следует отметить, что заключение Конституционного суда, согласно национального законодательства, непосредственно не влечет прекращение действия акта, но является обязательным для государственного органа, который должен признать неконституционный акт утратившим силу либо внести в него изменения (ст. 85 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-3 «О конституционном судопроизводстве») [3]. Решение суда дает вышестоящим органам право отменить неконституционный акт

Полагаем, что такая двухступенчатая процедура прекращения действия неконституционного акта чрезмерно усложнена и принижает авторитет Конституционного суда как важнейшего органа судебной власти, осуществляющего конституционное правосудие. На наш взгляд, законодателю следует вернуться к ранее существовавшему механизму утраты неконституционным актом силы именно по заключению Конституционного суда с даты, указанной этим органом.

Способ признание нормативного правового акта недействительным (аннулирование акта) не знаком ни национальному законодательству, ни отечественной юридической практике. Суть его сводится к тому, что акт, признанный в установленном порядке недействительным, считается недействующим с момента его принятия (издания), и не порождает юридически значимых последствий. Отношения, возникшие на основе такого акта, признаются ничтожными, а в предусмотренных случаях – оспоримыми.

Учитывая всю значимость, важность последствий признания акта недействительным, а также возможную необратимость уже наступивших последствий, введение в законодательную практику данного механизма прекращения действия акта может признаваться допустимым только в исключительных случаях и лишь с подробной детализацией всех юридических нюансов такого механизма, который может осуществляться в рамках конституционного судопроизводства. При этом должно обеспечиваться безусловное соблюдение и приоритет прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

В качестве примера, когда допустимо признавать нормативный правовой акт недействительным, можно назвать принятие (издание) заведомо неправового акта, издание акта с грубым нарушением процедуры его разработки и принятия (издания), принятие (издание) акта неуполномоченным органом.

Способ прекращения действия акта в связи с истечением срока действия делегированных полномочий, на основании которых был принят акт, выработан доктринально Конституционным судом и официально отражен в его решении от 15 декабря 2010 г. № Р-524/2010 «О действии нормативного правового акта во времени при прекращении делегированных полномочий на его принятие (издание)» [6].

В рамках осуществления конституционного правосудия Конституционный суд отметил, что законодательство Республики Беларусь, с одной стороны, регламентирует вопросы делегирования нормотворческих полномочий, а с другой стороны, существует пробел в правовом регулировании механизма прекращения действия нормативных правовых актов, изданных на основании утратившего силу акта о делегировании нормотворческих полномочий. Это, по мнению суда, порождает неопределенность в правовом регулировании и правоприменении и требует устранения возникшего пробела.

Проанализировав юридическую практику, Конституционный суд пришел к выводу, что при прекращении делегированных полномочий на принятие акта, момент признания утратившим силу акта, принятого на основании делегирования полномочий, должен, как правило, совпадать с моментом прекращения делегированных полномочий. Такой порядок позволит исключить неясности и возникающие в связи с этим споры, касающиеся применения нормативных правовых актов.

Конституционным судом также допускается возможность продолжения действия акта делегированного законодательства в случае утраты силы делегирующего акта либо до принятия компетентным государственным органом вместо него другого

нормативного правового акта, либо в течение определенного времени, если это оговорено в акте о признании утратившим силу делегирующего акта.

При этом важным является установление разумного по продолжительности срока действия такого акта с учетом того, что правовое регулирование общественных отношений с отменой делегирования изменено.

В целях устранения пробела в законодательстве по данному вопросу Конституционный суд вышел с предложением регламентировать на законодательном уровне вопросы, связанные с признанием утратившими силу актов делегированного законодательства в связи с утратой силы делегирующего акта.

Способ неприменения акта в силу его архаичности является не столько механизмом прекращения действия акта, сколько прикладным механизмом, позволяющим правоприменителю не руководствоваться нормами права, не отмененными, но признанными устаревшими. Решение о признании норм архаичными должно быть обосновано ссылками на действующее законодательство с указанием, в чем выразилось устаревание, каким современным актам законодательства архаичная норма противоречит, какова действующая правоприменительная практика, каково актуальное толкование рассматриваемого вопроса, предлагаемое государственными органами, правовой доктриной и т.д.

Важно помнить, что данный способ не прекращает действие акта, а только позволяет его не использовать.

Считаем, что проблема правовой регламентации прекращения действия нормативных правовых актов требует комплексного решения в национальном законодательстве с целью формирования единых подходов в юридической теории и практике правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 06.10.2016.
2. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 06.10.2016.
3. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. №124-З «О конституционном судопроизводстве» // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 06.10.2016.
4. Декрет Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов» // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 06.10.2016.
5. Указ Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 06.10.2016.
6. Решение Конституционного суда от 15 декабря 2010 г. № Р-524/2010 «О действии нормативного правового акта во времени при прекращении делегированных полномочий на его принятие (издание)» // <http://www.pravo.by> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 06.10.2016.

К. Д. ОЗИМКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СКРЫТАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ ЧЕРЕЗ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из наиболее важных составляющих национальной безопасности Республики Беларусь является информационная безопасность, ведь именно информационная сфера сегодня существенным образом влияет на политическую и социальную стабильность, общественное мнение и даже на демографические показатели. В дальнейшем роль информационной безопасности будет только возрастать. Данный процесс усугубляется еще и повсеместной модернизацией жизни людей, заменой наличных денежных средств на электронные, увеличением объемов электронного документооборота и вытеснением бумажного.

Процесс информатизации имеет как положительные, так и негативные стороны. К положительным можно отнести доступность любой информации из разных точек мира, развитие электронной демократии, информационной экономики и цифровых рынков. Помимо этого, каждый отдельно взятый пользователь сети Интернет имеет возможность создать свое электронное средство массовой информации, беспрепятственно делясь собственными записями с другими пользователями сети.

Однако информатизация несет в себе и ряд угроз, в том числе национальной безопасности. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента от 9 ноября 2010 г. № 575, закреплено следующее: «Информационные технологии нашли широкое применение в управлении важнейшими объектами жизнеобеспечения, которые становятся более уязвимыми перед случайными и преднамеренными воздействиями. Происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы глобальной конкуренции. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам» [1].

Действительно, пользуясь возросшим уровнем значимости средств массовой информации в жизни человека, некоторые структуры, угрожающие национальной безопасности Республики Беларусь, преследующие определенные политические либо экономические цели, прикладывают силы для формирования определенного общественного мнения в нашем государстве, дабы их достигнуть «руками белорусов», без открытого вмешательства. С этой целью используется создание определенного информационного контента, направленного на белорусского потребителя. В ход идут не только методы открытой пропаганды, но и гораздо менее изученные и более опасные методы скрытой манипуляции общественным мнением или скрытой пропаганды. Существует много различных формулировок манипуляции. В рамках данного исследования остановимся на определении психолога Е. Л. Доценко: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [2, с. 23].

Цель манипуляции – это воздействие на одно лицо либо группу лиц мыслями, идеями и действиями другого лица либо группы лиц. Самый простой способ заставить кого-то делать то, что нужно другому – это внушить манипулируемому мысль о том,

что всё что он делает является его собственной инициативой. По конечным целям манипуляций СМИ можно выделить три направления:

Маркетинговые манипуляции – манипуляции, направленные на популяризацию определённых товаров и услуг.

Идеологические манипуляции – манипуляции, направленные на формирование национального сознания и патриотических чувств.

Деструктивные (диссидентские) манипуляции – формирование образа мыслей, направленных на разрушение или самоуничтожение. Подобными манипуляциями долгое время в СССР, а после и в странах СНГ с помощью кинематографа формировалось мнение о русских – как о пьющей нации. Сцены с употреблением алкоголя формировали в сознании общественности мнение, что употреблять алкоголь в некоторых случаях необходимо. А сцены насилия в так называемых «бандитских» сериалах давали людям понять, что проблемы нужно решать силой кулаков или оружия.

Методов манипуляции сознанием, используемых СМИ для достижения вышеуказанных целей, довольно много, однако следует остановиться на двенадцати основных, которые выделил в своих трудах российский психолог и писатель Сергей Зелинский.

Неполная информация – это сведения, которых заведомо недостаточно для полноценного понимания какого-либо события или явления, что может привести потребителей информации к ошибочному выводу или решению.

Ложный накал страстей. Этот метод используется за счет преподнесения якобы сенсационного материала, в результате чего психика индивида не успевает должным образом среагировать, создается ненужный ажиотаж, и преподносимая манипуляторами информация оказывается в фаворе при оценке ее индивидами. То есть, в данном случае заметно снижается критичность выдвигаемая цензурой психики, а значит манипуляторы достигают ожидаемого результата.

Одобрение мнимого большинства. Использование этого метода заключается в тонком психологическом свойстве человека допускать какие-либо действия после одобрения другими индивидами. То есть недовольного политической обстановкой в стране человека гораздо проще спровоцировать на участие в противоправных действиях, если он прочтет одобрительные призывы к этому со стороны других людей, хотя без нее он бы почувствовал себя одиноким в недовольстве и неуверенным в надобности решительных хулиганских действий.

Искусственный образ врага. Дело в том, что в случае искусственного создания угрозы массы погружаются в состояние схожее с измененным состоянием сознания. В результате такими людьми гораздо проще управлять и воздействовать на психику.

Показная проблематика. Суть данного метода заключается в выпячивании одной новости, выгодной спонсорам СМИ или иным политически ангажированным лицам, и скрытии другой, не менее важной, но невыгодной для распространения.

Использование «лидеров мнений». Суть данного метода манипуляции заключается в том, что СМИ используют достаточно известных для определенной группы населения (или всего населения) личностей, которые высказывают свои политические взгляды, тем самым косвенно агитируя своих поклонников.

Эффект правдоподобия. Как известно, когда читатель наталкивается на информацию, не противоречащую его чувствам, эмоциям и мировоззрению, он автоматически воспринимает ее как правдивую. Однако если основной посыл противоречит его чувствам, воспитанию и эмоциям, он подсознательно отторгает ее и

воспринимает как ложную. Этим пользуются и многие СМИ, тиражируя популистские статьи, предрасполагая к себе читателей, а после по незаметно для невооруженного глаза вклинивают в контент нужную им манипуляционную дезинформацию.

Экспрессивный удар. Выражается в том, что СМИ транслируют самые негативные стороны жизни некоторых граждан, воздействуя на самые глубокие эмоции и чувства читателей.

Диверсии против логики. Один из самых опасных методов. Отличается тем, что происходит искажение причинно-следственной связи. Логика не прослеживается никоим образом, но манипуляторами преподносится как истина.

Целенаправленное повторение одних тезисов. Этот метод заключается в многократном повторении одних и тех же тезисов максимально простым текстом. Так информация прочнее оседает в подсознании людей

«Очевидцы» событий. Довольно распространенный обман, применяемый с целью воздействия на аудиторию в нужных манипуляторам целях, когда находятся якобы очевидцы событий, которые с необходимой искренностью сообщают информацию заблаговременно переданную им манипуляторами, выдавая ее за свою собственную.

Имя подобных «очевидцев» зачастую скрывается якобы в целях конспирации, или же называется ложное, что наряду с фальсифицированной информацией, тем не менее зачастую достигает эффекта у аудитории, т.к. воздействует на бессознательное индивида, вызывая в нем накал чувств и эмоций, в результате которых цензура психики ослаблена, и способна пропустить информацию, не определив ее ложную сущность.

Смещение акцентов. В данном случае способ подачи материалов может показаться весьма любопытным: новость, не совсем желательная для манипуляторов, преподносится на втором плане, а наиболее явно высвечивается необходимое им [3].

Если открыть некоторые СМИ, можно с легкостью в этом убедиться. Несмотря на опасность, которую способны причинить национальной безопасности каждый из данных методов манипуляции сознанием, в законодательстве Республики Беларусь никак не закреплена защита от них. Однако в нынешнее время, характеризующееся огромной ролью информации и ее способностью причинить вред национальной безопасности, назрела такая необходимость. В связи с вышесказанным, было бы целесообразно закрепить в Законе о СМИ запрет использования методов скрытой манипуляции сознанием, что убергло бы национальную безопасность нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 "Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь" [Электронный ресурс] / Комитет Государственной Безопасности Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://kgb.by/ru/ukaz575/>. – Дата доступа: 11.11.2016.

2. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 2000. – 448 с.

3. Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование в СМИ [Электронный ресурс] / Пси-фактор. – Режим доступа : <http://psyfactor.org/lib/zel3.htm>. – Дата доступа : 11.11.2016

О. В. ПОЖАРНАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НЕИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ВСЛЕДСТВИЕ
ДЕЙСТВИЯ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В РИМСКОМ ПРАВЕ И ЕГО
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX ВЕКА**

На начальных этапах развития римского права должник всегда отвечал за неисполнение договорного обязательства. Во внимание не принималось ни отсутствие вины, ни действие случая или непреодолимой силы. При этом зачастую неисполнение возложенного на себя по договору подразумевало личную ответственность должника: кредитор мог заковать его кандалы и удерживать в своем доме, обратить в рабство и даже убить.

Однако с течением времени ситуация изменилась. С IV века до н.э. должник отвечал перед кредитором лишь своим имуществом и, как правило, только за виновные действия. Несколько позже появились и нормы о действии непреодолимой силы как основании освобождения от ответственности за неисполнение договорного обязательства.

Четкого определения непреодолимой силы римское частное право не выработало. Допускаем, что это связано с тем, что римские юристы вообще с большой осторожностью подходили к закреплению дефиниций, так как допускали вероятность злоупотреблений и ошибок в этом сложном процессе. Тем не менее анализ статей памятников права позволяет сделать вывод, что под непреодолимой силой (*casus major*) понималась некая чрезвычайная ситуация, которая не подлежала устранению даже тогда, когда ее можно было бы предвидеть, предсказать. При этом в круг обстоятельств непреодолимой силы попадали:

- порождения стихийных сил природы (наводнение, буря, землетрясение и др.);
- тленность и конечность существования всего материального (смерть животного, болезнь раба);
- некоторые явления социального характера (нашествие врагов, нападение пиратов и т.д.).

Если любое из этих обстоятельств помешало должнику надлежащим образом исполнить договорное обязательство, то он по общему правилу освобождался от ответственности.

Однако существовали и исключения из этого правила. Так, Дигесты Юстиниана предусматривали, что должник несет ответственность, если действию непреодолимой силы предшествовали его виновные действия. В качестве примера приводилась следующая ситуация. Если снесенная ветром черепица стала причиной причиненного ущерба, то в этом нет ничьей вины, так как «сила ветра – сила Божественная» [1]. Но если при проведении кровельных работ имели место небрежность или непрофессионализм мастера, то констатировалась его вина, и, следовательно, возникала обязанность возмещения причиненного вреда.

Кроме того, действие непреодолимой силы не освобождало должника от ответственности в случае неисполнения им обязательства, предметом которого выступали деньги или иные вещи, определенные родовыми признаками.

Изложив понимание непреодолимой силы в римском праве, обратимся к анализу этой категории в российском законодательстве XIX века.

Основные положения Свода законов Российской империи не содержали обширных и конкретных представлений об институте освобождения от ответственности за неисполнение договорных обязательств. Напротив, статьи 569 и 570 Свода предоставляли кредиторам право в любом случае требовать того, что было постановлено в договоре [2].

Такая позиция законодателя критиковалась многими видными русскими цивилистами. К. Анненков писал, что нормы этих статей, предполагавших неукоснительное выполнение договорных обязательств были излишне категоричны, поскольку не принимали во внимание «побочных обстоятельств, т.е. как бы обстоятельств внешних, посторонних, в наступлении их от воли должника не зависящих» [3].

В дальнейшем эта позиция была поддержана Сенатом, который, толкуя статьи Свода законов, отметил, что безусловное признание должника виновным за неисполнение обязательства, безотносительно к жизненным обстоятельствам было бы несправедливым.

Эта общая посылка получила свое развитие в отдельных постановлениях Свода законов Российской империи и иных актах. Так, например, статья 1689 Свода содержала норму, в соответствии с которой условие о продаже уничтожалось, если неявка к совершению акта была обусловлена лишением свободы, смертью родителей или детей, внезапным разорением от несчастного случая и некоторыми другими обстоятельствами [2].

Торговый устав (ст. 182) прекращал договор общих хозяев судна без каких-либо имущественных санкций для них, если корабль уничтожался или насильно захватывался.

Статья 1205 Свода гражданских законов устанавливала случаи, когда поклажеприниматель, не выполнивший договор, освобождался от ответственности. К таким ситуациям относились насильственное отнятие вещи, переданной на хранение, или ее повреждение вследствие иных «чрезвычайных приключений», под которыми законодатель склонен был понимать наводнение, пожар и т.д. Отметим, что освобождение поклажепринимателя от ответственности происходило лишь тогда, когда действию непреодолимой силы не предшествовало «какое-нибудь с его стороны нерадение» [2].

Таким образом, проведенный анализ показал, что нормы римского права о действии непреодолимой силы как обстоятельстве, исключающем ответственность должника, не исполнившего обязательство, во многом были реципированы гражданским законодательством Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дигесты Юстиниана [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/index. – Дата доступа : 11.11.2016.
2. Анненков, К. Н. Система русского гражданского права. Том 3. Права обязательственные / К. Н. Анненков [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/elib/books/36/> – Дата доступа : 11.11.2016.
3. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> – Дата доступа : 11.11.2016.

Е. А ПОПКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА И МЕРА СОЦИАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

В соответствии с тем, что личность может рассматриваться в общечеловеческом аспекте, в плане принадлежности к определенному государству, к известной социальной группе и как отдельный индивид, права и обязанности личности могут подразделяться, на права и обязанности человека, гражданина (подданного), а также члена определенной социальной группы и лица (конкретного субъекта права).

Основные права, свободы, обязанности человека получают государственное признание в виде юридических прав, свобод и обязанностей граждан (подданных). Права, свободы и обязанности человека, закрепленные в нормативных правовых актах определенного государства, составляют правовой статус гражданина (личности) [1, с. 206].

«Согласно В. А Кучинскому, правовой статус «представляет собой совокупность закреплённых в нормах действующего права определённых прав и обязанностей, устанавливающих пределы возможного и должного поведения, общие для всех лиц, подпадающих под определённые признаки»[2, с. 399].

«А. Б. Венгеров под правовым статусом видит «совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности личности, устанавливающих ее правовое положение в обществе» [3].

Исходя из правового статуса личности и общественного положения необходимо рассматривать его на различных социальных стадиях. Права, свободы и обязанности, относящиеся ко всем гражданам, т.е. носящие всеобщий характер, должны рассматриваться как общий правовой статус гражданина. А группы, коллективы и слои граждан, выполняющие определённую социальную роль и юридические их оформляющие должны рассматриваться как (специальные) правовые статусы.

Непосредственно правовой статус личности исходит из свободы человека, являющейся предпосылкой реализации его природы, его сущности как величайшей ценности. И именно право, такое законодательство, которое олицетворяет общесоциальную политическую справедливость, призвано своими принципами и нормами определить юридическое состояние личности вообще в ценностном ракурсе и отдельного человека в конкретном обществе на соответствующем этапе его развития. В связи с этим правовой статус личности необходимо рассматривать в двух аспектах-широком, в плане субъекта права (личности как важнейшей ценности), и узком, в русле субъекта правовых отношений, в которых практически реализуется юридические права и обязанности правосубъектного индивида[2, с. 399].

Правовой статус юридически определяет положение человека— гражданина, а субъективные права и обязанности характеризуют фактическое правовое состояние уже совершенно конкретной личности, выступающей в роли отдельного субъекта права.

Право защищает интересы человека не только в тех случаях, когда он является полноценной личностью, а также признаются лицами, права которых гарантируются законом. Однако они являются субъектами права[1, с. 208].

Все описанное ранее говорит о том, что правовое положения человека в обществе не может рассматриваться в отрыве от таких качеств, которые позволяют свободную

деятельность личности. В частности, проблемы обеспечения прав и свобод человека и раскрытия всех его физических и духовных возможностей – это прежде всего проблема обеспечения подлинной свободы личности.

Быть свободным – значит действовать сознательно и по своей воле в пределах достигнутых социальных возможностей, руководствуясь выявленными наукой закономерностями и открывая новые. Такое понимание свободы имеет методологическое значение для теоретического анализа положения личности в обществе, в том числе и ее правового положения. Дело в том, что вывод, согласно которому свобода есть познанная необходимость, охватывает два существенных момента: с одной стороны, условия деятельности индивида (объективные законы развития природы и общества, фактически сложившиеся общественные отношения, действующие социальные нормы поведения людей), а с другой - характер, свойства самой личности и ее деятельности (способность принимать решения со знанием дела, соответствие волевых поступков реальным возможностям и социальным нормам, понимание ответственности) [1, с. 208].

Эти два момента при взаимодействии друг с другом представляют собой объективный и субъективный аспекты свободы личности, составляющие ее социальную и индивидуальную стороны, т.е. свобода личности возможна, если индивидуальная деятельность определяется правильно понятыми объективными условиями, потребностями и закономерностями (соответствует им), а также, если господствующие социальные отношения не изжили себя, и не носят регрессивную функцию для свободы отдельных членов общества и различных его слоев.

Свобода личности отнюдь не является производной от юридических прав, свобод и обязанностей и тем более не сводится к ним. Она обуславливается характером объективных общественных отношений, приобретающих соответствующую нормативную форму. Но это, однако, не означает, что право, закрепленные в нем статутные права и обязанности граждан не могут качественно воздействовать на содержание социальной свободы. Но для того чтобы право действительно могло существенным образом влиять на развитие социальной свободы, должны быть достигнуты, как минимум, следующие условия:

- созданы экономические предпосылки для социальных преобразований;
- ликвидированы антагонистические классовые отношения;
- народ становится реальным субъектом государственной власти, ее источником [1, с. 211].

В современных условиях правовой статус личности приобретает значение важнейшего фактора в обеспечении социальной свободы. Он устанавливает границы возможного и должного поведения людей, их свободу деятельности. Достигается это путем закрепления в нормативных актах прав, обязанностей и юридической ответственности, исходя из достигнутого уровня социальной свободы и обеспечивающих этот уровень и даже способствующих в его дальнейшем развитии. Исходя из этого, можно определить характерные черты правового статуса гражданина:

«Во-первых, в нем выражается государственная воля, и его содержание, отличающееся определенной стабильностью, меняется по воле законодателя, а не отдельных субъектов, на которых он распространяется.

Во-вторых, составные части (элементы) правового статуса – статутные права, обязанности, юридическая ответственность – формируются и функционируют в виде правовых предписаний, т.е. относятся к объективному (позитивному) праву.

В-третьих, элементы правового статуса обладают свойствами всеобщности, масштабности, в силу чего ими и определяются те границы, в пределах которых складывается правовое положение конкретных лиц, формируются субъективные (личные) права и обязанности отдельных граждан» [1, с. 211-212].

Наличие у правового статуса признаков стабильности, всеобщности, масштабности и является тем необходимым условием, которое позволяет ему служить юридической мерой социальной свободы [1, с. 212].

Некоторые авторы полагают, что понятие «понятие правового статуса» включает в себя следующие элементы: а) правосубъектность; б) общие права и обязанности; в) общие правоотношения; г) состояние гражданства; д) систему правовых гарантий положения личности в обществе [4, с. 11].

Нельзя однозначно утверждать, что юридическое равенство это только означает существование единого для всех правового статуса. Именно социальные различия между людьми объективно определяют необходимость конкретных особенностей правового положения граждан, относящихся к различным слоям.

Особенности правового положения граждан зависят также от их природных (половых, возрастных и некоторых других) признаков.

Делая вывод, можем говорить о существовании общеправового и специальных статусов гражданина, в которых не только конкретизируется положения общего правового статуса, но и устанавливаются специальные права, а также закреплены обязанности и ответственность определенных социальных групп населения.

В специальных правовых статусах соответствующим образом отражается социальная свобода различных слоев общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая теория государства и права / Учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; Под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2004.– 640 с.
2. Общая теория права: учеб. пособие для вузов/ С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 2-е изд., исправл. и доп.– Минск: Амалфея, 2007.– 480 с.
3. Понятие Правового Статуса Личности: Вопросы теории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/111100/1/57-61.pdf>. – Дата доступа: 14.10.2016.
4. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъектного права / Н. И. Матузов. – Юридическая лит, 1988. – 295 с.

О. М. ПУХОВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ювенальная юстиция – это юридическая система, сложившаяся в странах Западной Европы, Канаде, США и других, целью которой декларируется защита прав и законных интересов несовершеннолетних. Юридической основой системы является ряд международных конвенций ООН и ЕС по правам ребенка (Конвенция ООН о правах

ребенка, руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, «Пекинские правила», Европейская социальная хартия и др.). При этом наибольшее внимание уделяется детям, совершившим какое-либо правонарушение (уголовное, административное), детям, находящимся в трудной жизненной ситуации (дети бездомные, безнадзорные, сироты и т.п.) и детям, пострадавшим от насилия в семье. Организационной основой системы является ювенальный суд, объединяющий вокруг себя социальные службы, органы опеки и попечительства, органы государственной системы профилактики правонарушений, общественные организации. К этой же системе можно отнести и институт уполномоченных по правам ребенка различного уровня.

В нашей стране присутствуют некоторые элементы ювенальной юстиции. Это, прежде всего, инспекции по делам несовершеннолетних, приемник-распределитель, воспитательные колонии для несовершеннолетних. Однако в работе государственных органов и общественных организаций, осуществляющих профилактическую деятельность среди подростков, можно отметить неупорядоченность и неурегулированность их отношений. Следует отметить и отсутствие в Республике Беларусь единого республиканского органа по вопросам детства.

Ювенальная юстиция - правовая основа западной модели системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними. Ее цель - защитить ребенка от посягательств взрослых, включая родителей. В соответствии с этой моделью государство имеет право вмешиваться в воспитательный процесс в семье вплоть до лишения родительских прав, основываясь на жалобах ребенка на своих близких.

Так как главной целью в системе ювенальной юстиции является защита прав подростков, то их правам и интересам отдается приоритет над правами взрослых, а именно - родителей. Это касается и права на воспитание. Несовершеннолетний является самостоятельным субъектом, а права и обязанности родителей играют второстепенную роль и лишь принимаются во внимание. Данная система придерживается мягкого правосудия над подростками и отрицает такой вид наказания, как лишение свободы. Большое внимание она уделяет общественно полезному труду, вовлечению несовершеннолетних в бесплатные секции, клубы, кружки. Немалое значение здесь имеет и социально-экономическое положение страны, поэтому слепо следовать опыту стран, в которых развита система ювенальной юстиции, не стоит. Однако свобода в собственном поведении, снисходительное и терпимое отношение к несовершеннолетним преступникам, чувство безнаказанности за собственные поступки лишь способствуют росту преступности среди них. Об этом свидетельствует неблагоприятный опыт стран Запада: рост подросткового алкоголизма, распространение наркотиков, игромания, свободное ношение оружия [3].

Существует несколько моделей ювенальной юстиции: англо-саксонская, континентальная, скандинавская. В отдельных государствах юстиция является частью ювенальной системы органов занимающихся вопросами семьи и правами детей.

Англо-саксонская модель ювенальной юстиции представляет собой гибкую систему мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетнего, дифференцированная в зависимости от возраста подсудимого и тяжести совершенного преступления. Например, к детям, совершившим преступление в возрасте 10-14 лет, применяются меры связанные с помещением под надзор работника пробации, с возложением обязанности регулярно присутствовать в специальном Центре посещения в течение установленного срока.

Особенностью континентальной системы является возможность медиации, т. е. альтернативного урегулирования споров с участием третьей нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в данном конфликте стороны - медиатора, который помогает сторонам выработать определённое соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения, примирения жертвы с правонарушителем [3]. В некоторых странах процедура медиации, предполагаемая на законодательном уровне, не применяется на практике, и соответствующая организационная структура тоже отсутствует, так произошло в Польше, Румынии и Чешской Республике. В случае примирения возможен вывод дела о правонарушении из системы уголовного правосудия и полное прекращение уголовного преследования без применения санкций.

Скандинавская система использует идею восстановительного правосудия с воспитательными мерами по отношению к малолетним правонарушителям. Главенствующая роль принадлежит социальному работнику, отсутствует уголовная ответственность до 15 лет, крайне редкие приговоры с лишением свободы до 18 лет [2].

Существует громадное количество точек зрения на необходимость введения или не введения данной системы в практику в Беларуси. Условно все эти точки зрения можно разделить на две категории: сторонников и противников введения ювенальной юстиции. Противники говорят о том, что ювенальная юстиция ведет к необоснованному изменению семейного законодательства; созданию ювенальных судов, которые примут на себя функции контролирующих, воспитательных и правоохранительных органов; ювенальная юстиция разрушает авторитет родителей, традиционные семейные духовно-нравственные ценности. Кроме того, она узаконивает незаконное вмешательство в жизнь семьи различных органов социальной защиты. Сторонники ювенальной юстиции говорят, что наше законодательство слишком жестокое и необходимо его ориентировать на воспитательные, а не карательные функции в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления.

Таким образом, сторонники и противники введения ювенальной юстиции зачастую делают акцент на разных сторонах проблемы. Защитники рассказывают больше о специализированных судах по делам несовершеннолетних. Противники же подчеркивают угрозу повсеместного вмешательства государства в жизнь семьи, правда, ратуя за усиление наказаний для подростков.

Сама зарубежная система ювенальной юстиции несовершенно и имеет ряд негативных черт. При этом в ней есть положительные моменты (например, меры воспитательного характера, привлечение психологической службы и т. д.). Существующие механизмы защиты прав детей можно усовершенствовать, не перенимая негативный опыт западных стран, при этом, необходимо учитывать культурную специфику и менталитет белорусского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смилович Н. Ювенальная юстиция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://juvenilejustice.ru/files/attachements/documents/261_389.doc. – Дата доступа: 14.10.2016.
2. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/legal/JUvenalnaja-JUsticija-21855.html>. – Дата доступа: 11.10.2016.
3. Ювенальная юстиция: мать ли я дрожащая или право имею? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://renome-mag.ru/nasha-zhizn/iuvenalnaia-iustitsiia-mat-li-ia-drozhashchaia-ili-pravo-imeiu>. – Дата доступа: 13.10.2016.

А. С. РУДИС

Новополоцк, Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

О РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

В условиях современной мировой политики охрана окружающей среды является приоритетным направлением. В Республике Беларусь проблема загрязнения окружающей среды также является актуальной. Создаются все возможные условия для реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду. Так Конституция Республики Беларусь в статье 46 провозглашает право граждан на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права [1, с. 12]. В государстве действует такая система управления, при которой задача охраны и защиты окружающей среды решается наиболее эффективно.

В Республике Беларусь имеется широкий спектр организационно-правовых механизмов, среди которых можно отметить следующие: экологическая экспертиза (государственная и общественная), экологический контроль, экологический мониторинг, государственный учет в области охраны окружающей среды, оценка воздействия на окружающую среду. Изучив данный перечень механизмов, можно выделить экологический контроль как необходимый и важнейший элемент в осуществлении охраны окружающей среды.

Так, М. А. Бучакова, указывает, что именно экологический контроль является наиболее действенной мерой административно-правового регулирования в области охраны окружающей среды, поскольку именно посредством экологического контроля осуществляется выявление нарушений законодательства и пресечение экологических правонарушений [2, с. 95].

По мнению Г. В. Выпхановой, экологический контроль наряду с мерами стимулирующего характера способствует формированию у предприятий экологически ответственного поведения при осуществлении хозяйственной деятельности [3].

Цель экологического контроля совпадает с конечной целью всей политики государства по охране окружающей среды – созданием благоприятной для жизни людей экологической обстановки, поддержанием экономической безопасности страны в части рационального потребления ее природоресурсового потенциала [4, с. 37].

Осуществление экологического контроля в Республике Беларусь закрепляется в законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 года № 1982-ХІІ. В нем содержатся положения о субъектах контроля и их полномочиях, закрепляются виды контроля. Однако данный нормативный правовой акт не содержит определения понятия «экологический контроль», что, несомненно, необходимо для уяснения сущности данного явления.

В законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. N 7-ФЗ содержится определение данного понятия. Под экологическим контролем понимается система мер, направленная на предотвращение, выявление и пресечение нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, на обеспечение соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований, в том числе нормативов и нормативных документов, в области охраны окружающей среды [5].

Таким образом, экологический контроль выступает правовой формой экологической деятельности, одним из механизмов экологического управления,

гарантией правового обеспечения экологической безопасности. Реализуется экологический контроль различными способами, например, посредством оценки воздействия на окружающую среду, проведения мониторинга состояния окружающей среды, проведения проверок на соответствие деятельности юридических лиц нормативам, устанавливающим экологические требования.

Экологический контроль является необходимым звеном в осуществлении государством и обществом поддержания экологической безопасности в государстве. Однако эффективность государственного и общественного экологического контроля является недостаточной в силу существующих недостатков.

В числе таких недостатков можно выделить проблемы, связанные с реализацией информационной функции экологического контроля. Они возникают, в первую очередь, в связи с недостаточным законодательным регулированием вопросов, касающихся поиска, получения и использования экологической информации при осуществлении государственного и других видов экологического контроля [3].

В законе Республике Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 года №455-3 содержатся положения, отражающие право на получение информации, ее поиск, передачу и распространение. Эти положения указывают на общие требования ко всем сферам деятельности, однако специфика эколого-правовых отношений не учитывается. В экологическом законодательстве содержатся лишь общие положения об экологической информации, к возможности ее получения, использования и распространения различными субъектами. Подробнее данные вопросы регулируются в специальных нормативных правовых актах, содержащих положения об отдельных видах экологических правоотношений.

Информационные особенности появляются на всех стадиях проведения экологического контроля: при планировании, подготовке, проведении контрольных мероприятий, оформлении, учете и анализе результатов [3]. В законодательстве Республике Беларусь отсутствует закрепление общих требований к экологической информации при проведении экологического контроля. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» содержит законодательное определение понятия «экологическая информация» под которым понимается документированная информация, содержащая сведения о состоянии окружающей среды, воздействиях на нее и мерах по ее охране, а также о воздействиях окружающей среды на человека, состав которой определяется настоящим Законом, иными законодательными актами Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь [6]. Данное определение достаточно широкое и включает в себя все предметные области экологических отношений. Однако отсутствует какой-либо перечень, определяющий состав экологической информации.

Экологическая информация является неотъемлемым элементом экологического контроля, так как именно с ней его субъекты производят работу на всех стадиях. Поэтому необходимо законодательное закрепление правового режима экологической информации, а именно точная регламентация процедуры ее получения, работы с ней на всех стадиях экологического контроля и это все будет помогать в эффективности его осуществления.

Для повышения качества экологического контроля необходимо провести усовершенствование законодательства в области экологической информации. Установить перечень сведений в нее входящих, разработать регламентацию работы с экологической информацией на всех стадиях экологического контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 6-е изд., стер. – Минск: Национальный центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 64 с.
2. Бучакова, М. А. Экологический контроль как мера административно-правового регулирования в сфере охраны окружающей среды / А. М. Бучакова // Вестник Омского университета. Сер.: Право. – 2014. - № 2 (39). – С. 95-98.
3. Выпханова, Г. В. Экологический контроль и экономическое развитие: информационно-правовые аспекты [Электронный ресурс] / Г. В. Выпханова // ELBARY.ru. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/99318520.pdf>. - Дата доступа: 29.10.2016.
4. Голиченков, А. К. Экологический контроль: теория и практика правового регулирования / А. К. Голиченков. – М., 1992. – 138 с.
5. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : федеральный закон Российской Федерации, 10.01.2002 г., N 7-ФЗ // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/. - дата доступа: 01.11.2016.
6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 ноября 1992г., № 1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 декабря 2015 года № 333-3 // Эталон 6.0 – Беларусь / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2%2F360>. – Дата доступа : - 03.11.2016.

Ю. Ю. САВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Е. А. ЛАГУНОВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат философских наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Р. ДАРЕНДОРФА

Англо-германский философ, социолог, политолог и общественный деятель Ральф Густав Дарендорф (нем. Ralf Gustav Dahrendorf; 1 мая 1929, Гамбург – 17 июня 2009, Кёльн) исследовал анализировать социальные системы в состоянии их непрерывных изменений, происходящих естественно и постоянно, если только какая-то сила их не задерживает. Изменения в общественных отношениях могут приобретать различные формы, в том числе и конфликтные. социального конфликта. По мнению Р. Дарендорфа, вся общественная жизнь является конфликтом, поскольку она изменчива. В человеческом обществе не существует постоянства, поскольку нет в нем ничего устойчивого. Поэтому именно в конфликте находится творческое ядро всяких сообществ и возможность свободы, а также вызов рациональному овладению и контролю над социальными проблемами.

Одним из важных открытий Р. Дарендорфа является теория социальных (кассовых) конфликтов. По его мнению, люди, обладающие властью, способны с помощью различных средств, среди которых главным является принуждение, добиваться выгоды от людей, обладающих меньшей властью. Возможности распределения власти и

авторитета крайне ограничены, поэтому члены любого общества борются за их перераспределение. Эта борьба может не проявляться открыто, но основания для нее существуют в любой социальной структуре.

Р. Дарендорф выделяет разные уровни, на которых может происходить конфликт: 1) между несогласующимися ожиданиями, которые предъявляются к человеку, играющему ту или иную роль; 2) между социальными ролями, которые мы должны играть одновременно; 3) внутригрупповые конфликты; 4) между социальными группами; 5) конфликты на уровне общества в целом; 6) межгосударственные конфликты.

В соответствии с уровнями, Р. Дарендорф выделил 3 этапа образования конфликтных групп: 1) выделение в социальном обществе «двух источников социальных позиций», в которых смутно предугадываются две противоборствующие стороны будущего конфликта; 2) осознание членами общности скрытых интересов и, как следствие, появление действительных групп; 3) наличие самих сформировавшихся конфликтов, которые предстают как открытое столкновение между противоборствующими сторонами (между нациями, политическими партиями и т.д.).

В своей работе «Элементы теории социального конфликта» Р. Дарендорф выделил три основных способа регулирования конфликта: подавление; отмена путем ликвидации противоречия; регулирование.

Подавление конфликта исторически всегда предпочиталось властвующими силами, хотя практика свидетельствует о негативных последствиях такого решения. Пропорционально стремлению подавить конфликт растет его злокачественность. Кроме того, насилие порождает рост сопротивления и эскалацию насильственных действий, в конечном счете, аккумулирует энергию, которая порождает социальную революцию. В свою очередь революция высвобождает из-под социального контроля энергию насилия, которая оказывает на общество разрушительное действие. Метод подавления не может использоваться как единственное средство решения проблемы, поскольку приводит к накоплению потенциала разрушительных сил.

По мнению Р. Дарендорфа, второй способ – отмена конфликта – также нельзя назвать эффективным. Под отменой понимается полное устранение или ликвидация противоречий и противоположностей путем вмешательства в существующие структуры. Такие действия создают лишь иллюзию разрешения конфликта. «Можно устранить предмет конфликта, но нельзя ликвидировать сам конфликт. Поскольку мы выяснили, что неравенство постоянно в обществе как основа его социальной структуры, то нельзя и разрешить конфликт как таковой, уничтожить различие людей. Единство народов и бесклассовое общество, – пишет Дарендорф это только два из многих проявлений подавления конфликта под видом их разрешения» [1].

Сам автор данной концепции отдает предпочтение регулированию конфликта, которое не претендует на его разрешение, но смягчает его течение, снижая возможность прямых кровавых столкновений, делая их контролируемыми, а высвободившуюся энергию можно использовать на созидательные изменения социальных структур. Но успешному регулированию поддаются не все конфликты, а лишь те, которые предполагают следующие условия:

- осознание конфликта, его естественной природы;
- регулирование конкретного предмета конфликта;
- манифестирование конфликта, то есть организация конфликтных групп как условие для его возможного успешного урегулирования;

- соглашение участников на определенные «правила игры», в соответствии с которыми они хотят решить возникшую проблему [2].

Формы социальных конфликтов изменяются в зависимости от действия переменных и факторов вариабельности. Выделяется переменная насильственности, под которой подразумеваются средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы. На одном полюсе шкалы насильственности находятся война, гражданская война, вообще вооруженная борьба с угрозой для жизни участников, на другом – беседа, дискуссия и переговоры в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией. Между ними находится большое количество поливариантных форм взаимодействия: забастовки, конкуренция, ожесточенно проходящие дебаты, драки, попытка взаимного обмана, угроза, ультиматум и т.д.

Переменная интенсивность относится к степени участия сторон в данных конфликтах. Она определяется значимостью предмета столкновения. Р. Дарендорф поясняет данное положение следующим примером: борьба за председательство в футбольном клубе может проходить бурно и даже с применением насилия, но она, как правило, не означает для участников так много, как в случае конфликта между предпринимателями и профсоюзами по поводу заработной платы.

По мнению Р. Дарендорфа, важным параметром, влияющим на уровень интенсивности общественных отношений, является социальный плюрализм, то есть напластование или разделение социальных структур. Для сложных обществ характерно сочетание множества интересов и конфликтов, представляющий собой некий уравновешенный механизм, предотвращающей нестабильность. Интенсивность конфликта снижается по мере того, как структура общества становится плюралистической. Пересечение интересов разнообразных социальных институтов порождает множество разнообразных конфликтов, за счет чего снижается их интенсивность.

Ученый отмечает, что конфликты не исчезают посредством регулирования и не обязательно утрачивают свою интенсивность, однако, в этом случае они становятся, по меньшей мере контролируемы, а их творческая мощь ставится на службу постепенному развитию социальных структур.

Р. Дарендорф выделил ряд форм регулирования социальных отношений. К ним относятся переговоры, посредничество, арбитраж, обязательный арбитраж. Переговоры предполагают создание специального органа, в котором конфликтующие стороны могли бы встречаться и обсуждать наиболее острые и неотложные вопросы, связанные с урегулированием (подавлением) конфликта. В свою очередь под посредничеством подразумевается, что противоборствующие стороны время от времени выслушивают посредника и рассматривают его предложения. Следует различать две формы регулирования общественных отношений «арбитраж» и «обязательный арбитраж». Первая форма регулирования представляет собой обращение к третьей стороне и обязательное выполнение предлагаемых ею решений, а вторая – представляет собой либо окончательное урегулирование конфликта, либо его подавление. Данная форма эффективна для сохранения целостности государств, а также для обеспечения мира в международной области.

Таким образом, в исследованиях Р. Дарендорфа большая часть проблематики конфликта разрабатывается на макроуровне в контексте крупномасштабных теоретических построений, связанных с задачами объяснения социокультурных изменений в современном обществе. Представляется целесообразным широкое применение разработок Р. Дарендорфа в современном белорусском обществе при

решении вполне конкретных ситуаций, в которых наблюдается столкновение интересов двух или большего числа сторон. Также необходимо отметить, что для нашего общества характерно нарастание конфликтности, что соответствует общемировым тенденциям общественно-политической практики. Миграция русскоязычного населения, инфляция, рост безработицы – все это обещает нам нелегкое и конфликтное будущее. Важно накапливать опыт цивилизованного решения социальных конфликтов. Умение управлять ситуацией, находить компромиссы – необходимое качество для любого современного специалиста, тем более руководителя, политического или общественного деятеля. Общественные отношения – это сложные социальные взаимодействия, содержанием которых является процесс развития и разрешения непримиримых противоречий, т.е. таких, которые невозможно разрешить без изменения основных условий и факторов взаимодействия. Из этого следует – разрешение конфликта требует изменений в социальной жизни людей и в основе конфликтов человеческих интересов лежат не экономические причины, а стремление людей к перераспределению власти. Подводя итог, можно отметить, что в своих исследованиях Р. Дарендорф пришел к выводу, что «конфликт» не выступает в роли гаранта политической свободы. Острота конфликта и оперативность его регулирования зависит от типа социальной структуры, степени ее открытости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дарендорф, Р. Общество и свобода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://read.virmk.ru/d/Darendorf.htm> – Дата доступа: 10.11.2016.
2. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/968/645/1216/019_darendorf.pdf – Дата доступа: 10.11.2016.

К. А. САЦУТА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРОБЛЕМЫ ИЕРАРХИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В повседневной жизни практикующие юристы, а также граждане, обращаясь к правовым нормам, вынуждены решать прежде всего такую задачу, как определение юридической силы акта, его места в общей системе права. Определение их иерархии имеет важное значение для правоприменителя (например, с учетом приоритета соответствующего акта разрешается юридический спор).

Юридическая сила нормативного правового акта - характеристика нормативного правового акта, определяющая обязательность его применения к соответствующим общественным отношениям, а также его соподчиненность по отношению к иным нормативным правовым актам. Юридическая сила актов определяется статусом органа, их принимающего и степенью сложности процедуры их принятия. Иерархическая структура законодательства может либо определяться Конституцией, которая непосредственно устанавливает ранжирование актов, либо исходить из анализа природы, роли и места того или иного органа в общей системе государственной власти. Ведь определение юридической силы акта не может носить произвольный характер.

Более детальное развитие конституционных норм может быть осуществлено путем принятия специального закона. В настоящее время в Республике Беларусь действует Закон от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (с последующими изменениями и дополнениями).

В ст. 10 указанного выше Закона указываются общие правила определения юридической силы правовых актов.

На верху пирамиды располагается Конституция – основной закон государства. Далее следуют указы и декреты Президента – так как закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа предоставлены законом. На ступеньку ниже располагаются Кодексы. Еще ниже – законы. Законодательные акты имеют большую юридическую силу по отношению к подзаконным актам.

Однако на практике, в связи с определением юридической силы, у правоприменителей возникает ряд трудностей, а именно, вопросы, касающиеся: 1) определения верховенства в системе нормативных правовых актов между Конституцией и общепризнанными принципами международного права; 2) соотношения актов Президента и законов.

В ст. 8 Конституции Республики Беларусь указано, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. При этом не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции. По нашему мнению, для разрешения рассматриваемой проблемы, необходимо сконцентрировать внимание на определениях таких терминов, как «общепризнанные принципы международного права» и «международный договор».

Принципы международного права — это наиболее важные и общепризнанные нормы поведения субъектов международных отношений по поводу наиболее важных вопросов международной жизни, так же являются критерием законности других норм, выработанных государствами в сфере международных отношений, а также законности фактического поведения государств.

Международный договор – это регулируемое международным правом соглашение, заключенное государствами и/или другими субъектами международного права. Для квалификации соглашения в качестве международного договора не имеет значения, заключено ли оно в устной или письменной форме, содержится ли такое соглашение в одном или нескольких документах. Статус международного договора не зависит от его конкретного наименования: соглашение, конвенция, устав международной организации, протокол. Для определения того, является ли документ договором, необходимо проанализировать его содержание, то есть выяснить, имели ли стороны намерение взять на себя международно-правовые обязательства.

Проанализировав вышеизложенные понятия, становится очевидно, что они имеют различное смысловое содержание. Исходя из этого, иерархия нормативных правовых актов, на наш взгляд, должна выглядеть следующим образом: 1) общепризнанные принципы международного права; 2) Конституция; 3) конституционные законы; 4) законы о ратификации международных договоров; 5) законы, декреты, указы, изданные на основе Конституции.

Изучению правотворческого аспекта деятельности Президента Республики Беларусь уделяется достаточно много внимания различными учеными и практиками. Между тем, достаточно проблематичным и актуальным является вопрос об определении их иерархии в системе нормативных правовых актов Республики Беларусь. В особенности, остается неопределенным место декретов Президента в

данной иерархии.

Декрет – нормативный правовой акт Главы государства, имеющий силу закона, издаваемый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на основании делегированных ему Парламентом законодательных полномочий либо в случаях особой необходимости (временный декрет) для регулирования наиболее важных общественных отношений.

Исходя из этого, выделяется два вида декретов, имеющих силу закона: временные и делегированные декреты, которые имеют принципиально разную правовую природу и различное предназначение: временные декреты являются экстраординарными правовыми актами и издаются исключительно по инициативе Президента либо Правительства с последующим представлением в трехдневный срок для рассмотрения в Парламент; обычные декреты издаются на основании специального закона о делегировании законодательных полномочий от которого они имеют производный от характер. Однако, не смотря на это, в вышеупомянутом законе место в иерархии нормативных правовых актов им дается одинаковое и определяется как равное закону.

Среди ученых мнения по этому поводу разделились: первые считают, что как временный, так и делегированный декрет по своей юридической силе равны закону; другие полагают, что временные декреты носят надзаконный характер, а делегированные – подзаконный. Согласно второй точки зрения надзаконных характер временного декрета обосновывается следующими обстоятельствами: 1) полномочия на издание временного декрета предоставлены Конституцией, а делегированного – законом Парламента о делегировании полномочий; 2) временный декрет может быть отменен только квалифицированным большинством голосов полного состава каждой из палат Парламента, а обычный закон принимается всего лишь простым большинством голосов от полного состава каждой из палат. Приверженцы первой точки зрения полагают, Конституция не содержит нормы о большей юридической силе временных декретов. Более того, ч. 2 ст. 85 Конституции четко говорит о юридической силе декрета и закона. А юридическая сила правового акта в теории права напрямую не увязывается с процедурой его принятия.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что, учитывая экстраординарный характер временных декретов, а также доводы ученых по рассматриваемому вопросу, в ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» необходимо внести изменения и разграничить временные декреты, наделив их надзаконным характером, и делегированные, имеющие силу закона, так как оснований для придания им подзаконного характера в законодательстве не имеется.

Таким образом, изучив основные проблемные вопросы, связанные с определением юридической силы нормативных правовых актов, а также мнение ученых по данной проблематике, мы пришли к выводу, что система верхнего слоя актов должна выглядеть следующим образом:

- общепризнанные принципы международного права;
- Конституция;
- конституционные законы;
- законы о ратификации международных договоров;
- временные декреты Президента;
- законы, делегированные декреты, указы, изданные на основе Конституции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2008. – 48с.
2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361 – 3 : с изм. и доп. : текст по состоянию на 2 июля 2009 г. № 161. – 2/1583 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009 г. – № 161. – 2/1583.
3. О Президенте Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 1 февраля 1995 г. № 3602 – XII : с изм. И доп. : текст по состоянию на 6 октября 2006 г. № 166. – 3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006 г. – № 166. – 2/1263.
4. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : Учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. —768 с.
5. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский : под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – Минск : Тесей, 1998. – 576 с.
6. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневский. – 6-е изд. – Минск : Тесей, 2012. – 370 с.
7. Василевич, Г. А. Источники белорусского права : принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г. А. Василевич. – 2-е изд. – Минск : Тесей, 2008. — 218 с.
8. Реут, В. И. Нормотворческая деятельность главы государства: Республика Беларусь и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. И. Реут; Бел. гос. унив. – Минск, 2003. – 22 с.

А. Ф. СВИБ

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А.Кулешова», кандидат юридических наук, доцент

РУССКАЯ ОБЩИНА МОГИЛЕВА: ИСТОРИЯ И ИСТОКИ

Наиболее ранние сведения о появлении в Могилеве русских относятся ко 2-й половине XV в., когда наряду с Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ) в Восточной Европе появился второй объединительный центр, сложившийся в Северо – Восточной Руси, вокруг молодого Московского государства. Великий князь московский Иван III (1462 – 1505 гг.) сумел сбросить монголо – татарское иго (1480 г.) и добиться присоединения Новгорода (1478 г.) и Твери (1485 г.). Феодальная элита Новгородской земли и особенно Тверского княжества, не желавшая оказаться в положении зависимых служилых князей, бояр и дворян, а проще говоря «холопей государевых» эмигрировала в ВКЛ. И сейчас и в XV в. эмиграцией было принято считать выезд жителей своей страны на проживание (постоянное или длительное) в другое государство по экономическим, политическим или личным мотивам, на которые всегда накладывает свой отпечаток историческая эпоха.

Оба «великих княжества» – Литовское и Московское создавались преимущественно на восточнославянской основе в условиях единой природно – климатической среды и земледельческого уклада, а к господствующей в Северо–

Восточной Руси христианско–православной конфессии принадлежало подавляющее большинство населения ВКЛ. Правящие династии княжеств хотя и относились к различным этническим, религиозным и ментальным общностям и по–разному воспринимали свое политическое положение в восточнославянском ареале европейского пространства, но не чурались династических браков и в социально–бытовом отношении не так уж и сильно различались между собой. Наконец, и в постмонгольский период, и в XIV и в XV вв. продолжало существовать этнокультурное пространство Русь, которое по мнению некоторых историков и филологов сохранялось до XVII в. [1, с. 12]. Волей исторических обстоятельств это этнокультурное пространство было политически разделено сначала на Русь Литовскую и Русь Московскую, а затем и на Великую, Малую и Белую Русь и развивалось в составе различных государственных организмов, сохраняя на элитарном уровне память о былом единстве, но постепенно отдаляясь друг от друга, хотя так до конца и не разделившись [2, с. 10, 31]. Этнические процессы в XV в. еще только обозначились, в XVI в. они еще были далеко не завершены, точных межгосударственных границ на таком этническом поле провести было невозможно. Достаточно вспомнить сцену «Корчма на литовской границе» из бессмертной трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», когда хозяйка корчмы – уроженка тех мест в диалоге с самозванцем сама толком не может сказать, где оканчивается «Русь» и начинается «Литва». По обеим сторонам таких размытых рубежей проживало этнически однородное население [3, с. 38], которое, если и дистанцировалось друг от друга в период многочисленных войн XVI – XVII вв., то в XIX – XX вв. выглядело вполне комплиментарным. На порубежье и в приграничных Полоцке, Витебске и Могилеве в XVI в. это население продолжало называть себя «русскими людьми» [4, с. 32–33], хотя не так уж и не правы те историки, которые полагают, что в средние века значительная часть населения была вообще безэтнической в современном понимании этого слова [5, с. 37].

Такая преамбула необходима для того, чтобы лучше уяснить, что русская эмиграция в ВКЛ не испытывала какого – либо бытового и прочего дискомфорта и пересекая условные рубежи, продолжала оставаться «на Руси», в рамках общего, по большей части схожего этнокультурного пространства. А тем временем объединительная политика московских князей продолжала приносить свои результаты. При Василии III (1505–1533 гг.) успешно продолжалось формирование государственной территории Московского государства и национального ядра великорусской народности. Присоединение через систему тайных соглашений, политических интриг и договоров с местной княжеско–боярской верхушкой и военные захваты в результате войн 1492 – 1494, 1500 – 1503, 1512 - 1522 гг. с ВКЛ верхнеокских территорий и Вязьмы, Чернигово–Северской земли, Пскова (1510 г.), Смоленска (1514 г.), Рязани (1523 г.) выводило Московское государство в число крупнейших монархий Европы. Когда – то независимая аристократия и окружавшее ее мелкие и средние феодалы этих территорий, помнивших иные времена, превращались в подданных служилых князей, бояр и дворян великого князя московского. Не согласные с таким положением делались изгоями, что еще больше увеличивало эмиграцию в ВКЛ. Здесь они становились частью военно–служилого сословия, приносили «крестное целование» на верность королю, уравнивались в правах со шляхтой и получали землю с крестьянами под условием службы и дани.

Первые свидетельства о появлении в Могилеве выходцев из соседнего Московского государства относятся к последней четверти XV в. Это были служилые дворяне, для которых бегство «в Литву» являлось единственным способом сохранить

свой статус, а зачастую и жизнь. Один из таких перебежчиков упомянут в «Записи земельных дач короля Казимира» при подтверждении земельного пожалования: «У Могилеве село Бородчичи опять Якову Москвитину достало» [6, с. 15]. После взятия войсками Василия III Смоленска компактная группа смолян появилась и в Могилеве. В недатированной части Баркулабовской летописи содержатся известия (которые хронологически можно связать со смоленскими походами московских ратей 1512, 1513 и 1514 гг.) о постепенном заселении торгово–промышленной части города: «А которые сели на слободе на Гривце, на берегу около Кошоваго, коло Десятинныя, продки их з Смоленска пришлые смоляне, то есть Гаврило Дристун, Иван Белый, Максим и иных много, также Овтушко Богатый – тые вси з Смоленска пришли» [7, с. 174]. Наличие в Могилеве определенного числа выходцев из Смоленска прослеживается и по другим источникам. В «листе» Сигизмунда I от 21 августа 1525 г. сообщается: «Били нам чолом тые люди смоляне, которые ново сели блиско места нашего Могилевского на Гривцы, межы Стружки а Днепра – Моисей а Иван с потужники своими и поклали перед нами лист воеводы виленского канцлера нашего старосты бельского и мозырьского пана Ольбрахтов Мартиновича Кгаштольд...» [8, с. 201]. И летопись и «лист» указывают на одни и те же топонимические ориентиры и позволяют наряду с более поздними документами локализовать поселок переселенцев из Смоленска правым берегом Днепра – территорией, примыкающей с юга к городскому замку.

В Могилевское Поднепровье пытались проникнуть и уроженцы национальной периферии Московского государства, находящиеся на службе у Василия III. Любопытный инцидент произошел на могилевском направлении порубежья, когда весной 1527 г. отряд служилых марийцев попытался перейти на территорию ВКЛ между Оршей и Могилевом. Русские пограничные воеводы обратились к оршанскому наместнику «... ко князю Федору с приставом, который с нами ездит с Андреем с Хвалковым, чтобы послал к государя нашего пограничные города и бы ту Черемису не пропустили, да их бы изымали, да к нашему государю отослал». Из донесений русской порубежной администрации в Москву следовало, что «... князь Федор ... с Андреем к нам отказал, что он в порубежные города в Могилев, в Пропореск, в Любинч, в Чичерск, в Кричев, во Мстиславль к наместником послал, чтобы с люди собравши да ту Черемису не пропустили» [9, с. 753–754].

Очередная война между ВКЛ и Московским государством 1534–1537 гг. привела в Могилев эмигрантов более высокого ранга. В августе 1534 г. в ВКЛ перебежали, бросившие службу в Серпухове и Коломне князь Семен Бельский и окольный Иван Лядский, а с ними и их ближайшее окружение. Путь именитых беглецов пролегал через Могилев. «В то время – сообщает Евреиновская летопись – приехали с Москвы князь Семен Бельский и Иван Луцкий, а с ними было чetyреста коней и стретили войско живущее литовское в Могилеве. Там же в Могилеве гетман литовский Юре Радивил лежал пят дни» [10, с. 236]. Перебежчики такого ранга встречали теплый прием, жаловались землями и даже небольшими городами и охотно принимались на службу [11, с. 27].

Непосредственно в Могилеве и близ города оседали и представители ремесленного и торгово–купеческого сословия. Языковая, конфессиональная и культурно – бытовая близость, которая культивировалась православной церковью, позволяла им быстро сливаться с местной средой [12, с. 58], но и не забывать о своей этнической идентичности, которая воспроизводилась на протяжении поколений через название, данное человеку по какой–либо характерной, в данном случае этнической, отличительной особенности или свойству. В Могилеве еще долго сохранялись следы

той первой эмигрантской волны, например «колодец Костромина за Днепром» [13, с. 646], которая хорошо прослеживается по местным источникам.

В годы Ливонской войны, на ее заключительной стадии, в Могилеве в результате набегов специально организованных отрядов горожан появились пленные из порубежных областей соседнего Русского государства. Эта группа пленников продавалась на невольничьем рынке и также пополняла население города. Пленные, особенно ценились «московки», хорошо прослеживаются по городским магистратским книгам военного периода и даже позднее [13, № 142, № 249, № 277, № 342, № 400, № 677 и т.д.]. Срок такого «рабства» не превышал 2–4 года, когда невольник должен был отработать затраченные на него деньги, а затем мог оставаться в услужении уже в качестве свободного человека, но мог быть и досрочно выкуплен. В сравнении с «литовским полоном», попадавшем на аналогичные рынки Москвы в ходе военных действий это была капля в море. Так, например, согласно Никоновской летописи только в 1564 г. войска Ивана Грозного «... воевали Мстиславские места и Кричевские и Радомльские и Могилевские и многих людей побили и в полон взяли воинских людей и шляхтычь и з женами и з детми черных людей всяких 4787 душ» [14, с. 385].

Ливонская война также дистанцировала население этно–культурного «русского» пространства по политико–государственным предпочтениям, закрепляя подвижки и по его этносамоидентификации. «Несмотря на тот факт, – утверждают белорусские историки националистической ориентации – что нами проработан массив всех могилевских магистратских книг за вторую половину XVI - XVII вв. ни одного случая отождествления населения Московского государства с «Русью» со стороны могилевских горожан не зафиксировано. Наоборот эти два понятия в актовых книгах последовательно разводятся и противопоставляются. Устойчиво самоидентифицируя себя с «Русью», называя себя русинами, русскими, как и свой язык, книги да изделия искусства, в отношении соседей с востока могилевчане устойчиво употребляли термины «москва», «москвичи», «москали», «московитины», а их язык, книги и вещи называли «московскими» [15, с. 68]. Это правда, но не вся. Дело в том, что и восточнославянское население междуречья Волги и Оки и прилегающих территорий, Москвы, Рязани, Ярославля, Костромы, Пскова, Новгорода также именовали себя русскими, и так же устойчиво самоидентифицируя себя с «Русью». Русскими для этого населения были прежде всего они сами и в отношении соседей с запада в том числе и могилевчан также устойчиво употреблялись термины «литва», «литовские люди», реже «литвины», и еще реже «ляхи». Вместе с тем и те и другие в XVI в. в качестве самоназвания употребляли термин «русский», как производный от «Русь» – общей этнической матрицы и этнополитического сообщества, а в собственно, в так и не завершеном до конца размежевании по отношению к друг другу пользовались политонимами. Но при этом мы наблюдаем одну существенную разницу, для этнического восточнославянского ареала в державе Ивана III, Василия III и Ивана IV Грозного этнополитоним «Русь» был предъявляем к пользованию и во внутрь и во вне, тогда как последние Ягеллоны хотя и носили в титуле имя «русский», не прибегали к этому термину в титуловании как к приоритетному во вне. Великий князь Литовский никогда не выступал выразителем интересов «всёя Руси» и не пытался действовать от ее имени. В средневековом, уже тогда полиэтничном Могилеве немногочисленные судебные тяжбы коренного населения с выходцами из соседнего Русского государства не выходили за рамки юридического, по большей части имущественного конфликта, тогда как постоянные столкновения горожан с еврейской диаспорой покоились на ярко выраженной антагонистической межэтнической вражде. Если мы, например,

рассмотрим «Справу Селивона Прали с Максимом Москалем на слободе ... о краже лошади» [16, № 184, с. 86–87], то ни в судебной процедуре, ни в решении суда не встретим никаких этнических предпочтений и вообще никакой этнической составляющей. Могилевский магистрат не препятствовал притоку новых поселенцев в город. Такое отношение магистрата к беглецам – новопоселенцам объясняется прежде всего тем, что он был заинтересован в увеличении мещанского сословия, несшего повинности перед городом и государством [17, с. 20-21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнерусское единство : парадоксы восприятия. – Круглый стол (с участием А. А. Горского, И. Н. Данилевского, Н. Ф. Котляра, В. А. Кучкина, Н. А. Макарова, А. В. Назаренко, В. В. Седова, В. Л. Янина) – «Родина» – 2002. – № 11–12. – С. 5–13.
2. Трещенок, А. И. История Беларуси : Ч. 1. Досоветский период. / Я. И. Трещенок. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 176 с.
3. Сидоренко, Б. И. Самоидентификация населения белорусско–русского приграничья в XVI – начале XVII века / Б. И. Сидоренко. – Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации : материалы международной научно–практической конференции, Витебск, 27 мая 2011 г. / Вит. гос. ун-т; редкол. : А. П. Солодков [и др.]. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2011. – С. 36–38.
4. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско–литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – 2–е изд., испр. и доп. – М. : Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 320 с.
5. Иванченко, Л. И так разошелся славянский народ ... / Л. Иванченко, А. Моця // «Родина». – 2002. – № 11-12. – С. 33–37.
6. Документы Московского архива Министерства Юстиции. – Т. 1. - М. : Товарищество типографии А.И.Мамонова, 1897. – 567 с.
7. Полное собрание русских летописей. – Т. 32. – Хроника Литовская и Жмойтская, Хроника Быховца, Баркулабовская летопись / Изд–во АН СССР. Ин–т истории. – Сост. и авт. предисл. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1975. – 234 с.
8. Акты Литовско–Русского государства / изд. М. Довнар–Запольским. – М. : Универс. тип., 1899. – Вып. I. (1390–1529 гг.). – 258 с.
9. Сборник Императорского Русского исторического общества в 148–ми томах. – СПб. : Петроград, 1867–1916. – Т. 35 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско–Литовским (с 1487 по 1533 гг.) / Под ред. Г. Ф. Карпова. – СПб. : Типография Ф. Г. Елконского и Компании, 1882. – Т. I. – 869 с.
10. Полное собрание русских летописей. – Т.35 – Летописи белорусско–литовские / Сост. и авт. предисл. Н.Н.Улащик. – Изд–во АН СССР. Ин–т истории. – М. : Наука, 1980. – 305 с.
11. Сідарэнка, Б. І. Эміграцыя з Маскоўскай дзяржавы у Вялікае княства Літоўскае у канцы XV – першай трэці XVI ст. / Б. І. Сідарэнка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 8. – С. 21–29.
12. Сидоренко, Б. И. Могилев и эмиграция из Великого княжества Московского в Великое княжество Литовское в конце XV – первой трети XVI веков / Б.И.Сидоренко; Шляхі Магілеўскай гісторыі: зборнік навуковых прац / Уклад І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілеў : Могилев. Обл. укруп. Тип., 2005. – С. 55–59.
13. Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. – Т. XXXIX. – Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580 гг.) – Вильна : Типография «Русский Почин», Георгиевский просп. – 1915 – № 25.

14. Полное собрание русских летописей. – Т. 13. – Патриаршая или Никоновская летопись / Изд-во АН СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1965 – 532с.

15. Марзалюк, И. А. Гандаль нявольниками у Магілеве XVI стагоддзя./ И. А. Марзалюк. – Шляхі Магілеускай гісторыі : зборнік навуковых прац / Уклад. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілеу : Могилев. Обл. укруп. Тип., 2005 – С. 65-69.

16. Историко–юридические материалы извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Вильне и изданные под редакцией Дм. Ив. Довгялло. – Выпуск 32 – Витебск : Типо–Литография П. А. Поземского, 1906.

17. Мелешко, В. И. Могилев в XVI - середине XVII века / В. И. Мелешко // под ред. З. Ю. Копысского – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.

А. Н. СЕРЕДА

Запорожье, Украина, Запорожский национальный университет, кандидат исторических наук, доцент

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КНЯЖЕСКИЙ ПЕРИОД

Защищенность как обвиняемого, так и потерпевшего является отражением демократичности и гуманности уголовно-процессуального законодательства в том или ином государстве. Достаточно важным является обобщение и изучение исторического опыта судопроизводства. В данном контексте интересна эволюция системы правосудия в княжеский период.

Судебный процесс в Древнерусском государстве назывался «тяжей». Судебное заседание проводилось публично. Сторонами выступали как юридические (церковь, община), так и физические лица.

Составными элементами судебного процесса, несомненно, являются принципы. Первым, основным принципом, считалась презумпция виновности. Если были сомнения в преступности или противоправности того или иного деяния, то бремя доказывания своей невиновности полагался на ответчика. Истец мог только зародить подозрение в том, что обвиняемый является преступником, и ему даже не обязательно доказывать вину. Если у подозреваемого не находилось доказательств своей непричастности к преступлению, то он считался виновным и нес наказание. Таким образом, презумпция виновности в древнерусском праве указывала, что сторона, обвиняемая в противоправном деянии, считается «злодеем», пока не докажет обратное.

Вторым важнейшим принципом был принцип состязательности. Правом голоса были наделены обе стороны, они состязались между собой в словесной баталии по формуле «слово против слова», умении обосновать свою точку зрения, подтверждая свои заявления и каждая из сторон не имела существенных преимуществ на отстаивание своего мнения.

Третьим принципом судопроизводства следует считать обязательность исполнения решения, принятого судом. В случае недовольства принятого решения обеими сторонами, назначалась другая процедура - поединок. В «Русской правде» не предусматривалось повторное рассмотрение дела, однако можно предположить, что неудовлетворенная сторона обращалась с жалобой к князю.

Четвертым важным принципом является принцип пропорциональности преступления и наказания. Договор в 911 г. прямо устанавливал: «Да елико яве боудуть показании явлейными да имеют верное» [1].

Высшей судебной инстанцией в Киево-Русском государстве был великий киевский князь, который самостоятельно, будучи судьей, принимал решение виновности и невинности подсудимого. Как зафиксировано в «Повести временных лет», князь Владимир, мог карать разбойников как казнью, так и заменять ее денежным штрафом [2]. То есть, князь имел достаточные полномочия для участия в судебном заседании, принятии решений по гражданским делам, объявлении приговора по уголовным.

«Русская Правда» предусматривала детальную процедуру розыска с помощью «заклича», «свода» и «гонения следа». В случае кражи оружия или одежды, похищения или исчезновения челядина, следовало объявить о пропаже на торге. Это называлось «закличем» (один из возможных способов разыскивания вора) (ст. 32, 34). Если в течение трех дней после объявления вещь находили у кого-либо, то он становился ответчиком. На него возлагали обязанность вернуть вещь ее владельцу и оплатить штраф за правонарушение [3].

Вторым способом розыска ответчика был «свод». «Свод» начинали, если пропажа была выявлена после «заклича» или человек, у которого была найдена вещь, отрицал обвинение. Владелец вещи должен был предложить подозреваемому «пойди на свод, где есть взял» (ст. 35). «Свод» продолжался, пока не находился очередной ответчик, который не смог объяснить, как он приобрел данную вещь и соответственно его считали вором [3].

Третья стадия – «гонение следа» заключалась в погоне за вором по оставленным им следам. Если следы терялись, владелец прекращал розыск. В противном случае, к кому «след заводил», тот считался преступником [3].

Система доказательств в Киевской Руси, судя по всему, была развита слабо. К ним относились собственное признание подозреваемого, показания свидетелей, «суды Божьи».

В уголовных делах достаточными доказательствами считались прямые доказательства (раны, кровоподтеки) или свидетельства двух очевидцев факта. Согласно «Русской правде» свидетели делились на две категории видоков и послухов, которыми могли быть только свободные люди (ст. 85). Видок - это непосредственный очевидец факта, послухами же именовались люди, которые слышали от кого-то о том, что произошло и свидетельствовали не о факте преступления, а о «доброй или злой славе» процессуальных сторон [3].

Система формальных доказательств – «судов Божьих» (присяга, жребий, ордалии, судебный поединок) была достаточно развита. Так, одним из видов доказательств была присяга. Договоры 911 и 944 гг. неоднократно упоминают о практическом ее применении «о процессе да роте ходит своею верою, яко никакож иному помощи ему» [1]. С принятием христианства присяга проходила в устной форме и сопровождалась целованием креста.

Ордалии зафиксированы в трех статьях «Русской правды». Испытание железом происходило по делам, сумма которых превышала шесть гривен. В таком случае подозреваемому давали в руки раскаленный кусок железа и невиновным оказывался тот, у кого раны быстро заживали [3]. Таким образом, обращение к «суду Божьему» можно считать традиционным для раннефеодальных государств, когда возможностей для настоящего розыска и сбора доказательств фактически не было.

Анализируя все доказательства, предоставленные сторонами, суд выносил приговор в устной форме. Приговоры по уголовным делам осуществлял в основном князь или его чиновники - вирники, которые собирали штрафы и емцы, которые конфисковывали имущество. В период XII - XIV ст. есть сведения о непрофессиональных адвокатах. Кроме того, потерпевший мог удовлетворить свои интересы за счет имущества осужденного или заставить его отработать причиненный вред.

Таким образом, древнерусский процесс не был хаотическим нагромождением процессуальных действий, а основывался на правовых идеях, таких как: проведение судебных заседаний на основе состязательности сторон, обязательности выполнения решений и приговоров суда. Кроме перечисленных, несомненно, существовали и другие принципы уголовного процесса, но в связи с недостаточным количеством источников княжеского периода, определить их достаточно сложно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор Руси с Византией (911 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.bibliotekar.ru/rus/1.htm>.
2. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr.ht>
3. Русская Правда. Тексты на основе 7 списков и 5 редакций / Составил и подготовил к печати проф. С. Юшков. – К., 1935. – 193 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://izbornyk.org.ua/yushkov/ya.htm>.

А. С. СЕРЕДА

Минск, Республиканский Институт Высшей Школы

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г. НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯН-КОМОРНИКОВ

Претворение крестьянской реформы 1861 г. было весьма трудоёмким занятием, растянувшимся по времени до 1866 года. Это не удивительно – сам закон (Положения) о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, подразделялся на 17 отдельных крупных «положений» и дополнительных правил, касавшихся различных категорий крестьянства Российской империи, объединённых по социальным, территориально-географическим, экономическим причинам [5, с. 135–136]. Однако данные дополнительные правила распространялись, очевидно, только на наиболее крупные категории крестьянства, не затрагивая малочисленные крестьянские группы.

Институт мировых посредников – государственное учреждение, существовавшее в Российской империи с 1861 г. для улаживания поземельных отношений между крестьянами и помещиками, при реализации реформы столкнулся с группой юридических трудностей, связанных с приспособлением некоторых местных обычаев и реалий крестьянского землепользования под существующие законы.

Для земель Гродненской губернии таковой проблемой стал вопрос о положении одной из крестьянских категорий – коморников.

Крестьяне-коморники – беднейшие крестьяне, существовавшие на землях бывшей Речи Посполитой. Коморники не имели ни своего двора, ни земли, за добровольно-условную плату и предоставленное жильё-коморку (светёлку) находились в услужении

помещиков или отдельных крестьян, отбывая барщину и иные сельскохозяйственные работы. В местном положении не содержалось никаких инструкций по их обустройству.

Проблема происходила из-за того, что часто помещики в имениях строили двойные дома, рассчитанные для двух семей, комнаты которых не пересекались и даже входы которых были отдельными. В одной части дома жила полноценная крестьянская семья, владевшая наделом земли, в другой части жил сам (либо с семейством) безземельный коморник [4, л. 179]. После отмены крепостного права временнообязанные крестьяне стали выгонять коморников из домов, стремясь присвоить остальную часть дома себе, утверждая, что все строения на крестьянской усадьбе должны находиться в пользовании крестьян, имеющих надел. Крестьянство раздражал и тот факт, что оно вынуждено было отрабатывать повинности за дома коморников, в связи с чем крестьяне, как вариант, требовали от коморников вознаграждения за помещение в доме, занимаемом в половине с хозяевами [4, л. 179].

Проблема неустроенных коморников поднималась в административных органах ещё летом 1861 г. Изначально мировые посредники, проводя ревизию сельского населения и составляя уставные грамоты, пытались записывать их либо в качестве батраков, либо огородниками. Сложность ситуации обострялась тем, что, в таком случае безземельные коморники «по законам собственности», вынуждены были бы платить за отсутствующую у них землю «самомалейший чинш, даже в несколько копеек в год, что едва бы соответствовало нравственным понятиям народа». Поэтому звучали предложения рекомендовать помещикам выделить коморникам земли хотя бы в размере от 400 до 800 саженей [3, л. 21]. Однако летом 1861 г. губернские власти постановили не принимать ничего и не облагать их каким-либо чиншем [3, л. 22]. Когда проблема вновь заявила о себе, грозя более тяжелыми последствиями, мировые посредники не смогли чем-либо помочь.

Согласно закону помещения коморников предоставлялись в полное пользование крестьян, владеющих усадьбой – ни помещик, ни крестьяне-коморники не могли чего-либо требовать от крестьянина-домохозяина – однако домохозяин, пожелавший выдворить коморников против их воли, обязан был выставить вопрос на обсуждение сельского схода, который бы разбирал данный вопрос на основе ст. №51, п. 8 Общего положения об общественных нуждах, благоустройстве и призрении [5, с. 148]. Таким образом – официальное законодательство упустило из виду положение такой мелкой категории крестьянства, как коморники.

Необходимо отметить, что в Российской империи правовые обычаи, традиции и нормы были признаны официальным источником права, выступали, нередко, основным регулятором общественных отношений в крестьянском обществе – решать судьбу коморников были призваны сельские сходы.

Получить угодья и обустроиться на селе коморники и прочие низы сельского общества могли, в основном, за счёт помещиков, у которых были соответствующие ресурсы. Так ряд дворовых людей и коморников имения Илоск, принадлежавшему помещику Шемиоту Бруно, получили земельные угодья и обосновались в отдельном поселении [2], которое носит и поныне название Шеметовка (расположено в Дрогичинском районе, Брестской области РБ). Необходимо признать, что крестьянская община, при наличии весьма скудных ресурсов, относилась к коморникам более сурово, создавая условия для их ликвидации либо превращения в категорию сельского пролетариата.

Один из мировых посредников в своих воспоминаниях по этому поводу писал: «...в петербургских кабинетах...было упущено из вида, что борьба страстей и столкновение интересов существуют и среди крестьян» [1, с. 220].

Таким образом, при реализации аграрной реформы приходилось сталкиваться с комплексом юридических проблем, обусловленных несоответствием законодательных актов местным условиям. При разрешении противоречий исполнительным органам приходилось обращаться к обычному праву, согласно которому решалась значительная часть крестьянских вопросов. Сочетание новых социально-экономических условий и обычного права приводило к трансформации крестьянского общества, изменяя или ликвидируя некоторые прослойки крестьянского сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т. 242. – №№ 1, 3, 4, 7, 11.
2. Дело об освобождении от крепостной зависимости дворовых людей имения Илоск помещика Шемиота Бруно // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 381. – Оп. 1. – Д. 30
3. Дело о составлении уставных грамот в имениях Кобринского уезда // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 382. – Оп. 1. – Д. 5. (л. 21)
4. Мировой посредник Брестского уезда 4-го участка. Дело о ходе проведения реформы 1861г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 391. – Оп. 1. – Д. 2. (л. 179)
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1863. – Т. XVI. Отд. 1: 1861. №№ 36490–7190.

О. В. ТЮРИНА

Киев, Украина, Национальная академия внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Правовое регулирование представляет собой сложный и важный процесс, в рамках и благодаря которому осуществляется необходимое нормативное воздействие на общественные отношения, требующие и подлежащие упорядочению со стороны государства и гражданского общества.

Правовое регулирование как непрерывный процесс включает определенные самостоятельные и последовательные стадии, направленные на достижение конечного результата, соответствующего целям данного процесса, а именно упорядочение, развитие и охрану общественных отношений в интересах гражданского общества и правового государства. Каждая стадия процесса правового регулирования выступает предпосылкой следующей, поскольку завершение одной стадии есть началом другой.

Анализ юридической литературы свидетельствует об отсутствии среди научной общественности единого подхода относительно перечня стадий правового регулирования. При этом, не вызывает сомнения выделение такой стадии правового регулирования, как правотворчество, задачей и социальным предназначением которого есть введение в правовую систему юридических норм, регламентирующих поведение участников общественных отношений, и соответственно от качества которого непосредственно зависит эффективность всего процесса правового регулирования.

Правотворчество, в свою очередь, представляет собой определенный процесс, состоящий из соответствующих стадий, одна из которых – разработка (подготовка) проектов нормативно-правовых актов. Считаем, что целесообразным и практически значимым есть сопровождение данной стадии правотворчества определенным методологическим инструментарием в форме проведения сравнительно-правовых исследований нормативно-правовых актов или их проектов.

Сравнительно-правовые исследования нормативно-правовых актов предусматривают их сопоставление с целью выявления общих и отличительных положений, схожего и разного в юридической технике, терминологии, способов изложения норм права в статьях нормативно-правовых документов. Такие сравнительно-правовые исследования могут проводиться на различных уровнях, в частности быть: синхронными (сравнение нормативно-правовых актов или отдельных их статей в пределах одного временного периода) и диахронными (сравнение нормативно-правовых актов в их исторической ретроспективе); внутренними (в пределах одной правовой системы) или внешними (между разными правовыми системами), причем внешнее сравнение может быть как в рамках правовых систем одного типа права (правовой семьи), так и различных.

Сравнительно-правовые исследования нормативно-правовых актов относятся по своему содержанию и предназначению к нормативному сравнению, которое иначе именуют формально-юридическим или догматическим, доктринальные традиции которого заложены юридическим позитивизмом еще на заре возникновения сравнительного правоведения в XIX в. При этом, современный этап развития сравнительного правоведения дает возможность расширить восприятие нормативного сравнения через призму соответствующих методологических подходов, и в частности культурологического.

Благодаря культурологическому подходу есть возможность выделения типологически схожих и отличительных культур в зависимости от базовых принципов основания их социальной организации, что способствует очерчению той социальной атмосферы, в которой есть или был действующим определенный нормативно-правовой акт. Методология сравнительно-правового исследования нормативно-правовых актов формируется из констатации того, что социальные конструкты нормативно-правовых актов понимаются как элементы объективной действительности, отображающие уровень жизнедеятельности гражданского общества и функционирования правового государства. Как справедливо отмечает Н. В. Варламова: какое-либо сравнительно-правовое исследование должно развиваться (и всегда развивается явно или имплицитно) в рамках определенного типа правопонимания и иметь дело с правом (позитивным правом), базирующемся на единой (сущностно единой) системе принципов. Сравнительное правоведение способствует взаимопониманию и взаимообогащению различных культур, наведению между ними «правовых мостов» благодаря сопоставлению ответов на аналогичные социальные вызовы, возникающие в рамках национальных правопорядков. Вместе с тем культурологический подход в

сравнительном правоведении выявляется необходимым, в первую очередь, в качестве предварительного этапа исследования [1, с. 81]. Тем самым, при проведении сравнительно-правовых исследований нормативно-правовых актов целесообразно учитывать комплекс социальных и правовых явлений, оказывающих влияние на процесс их разработки и принятия, что может выступать существенным фактором для формирования объективных критериев оценки результатов исследовательской деятельности.

Несомненно, при проведении сравнительно-правовых исследований необходимо руководствоваться методическими рекомендациями, разработанными относительно сравнительного анализа законодательства государств-участников Содружества Независимых государств. Особенное внимание следует обратить на то, что сравнению подлежат нормативно-правовые акты, регулирующие одни и те же общественные отношения, которые целесообразно оценить согласно указанным методическим рекомендациям по формально-юридическим и юридико-содержательным критериям.

К формально-юридическим критериям относятся, в частности, следующие: – количество нормативно-правовых актов, регулирующих определенные общественные отношения; – уровень нормативного регулирования, форма соответствующих нормативно-правовых актов; – использование правил законодательной техники, а также специальных правовых средств, обеспечивающих соблюдение таких актов; – действие сравниваемых актов по времени, в пространстве и по кругу лиц; – системная связь соответствующих нормативно-правовых актов с другими нормативными актами, а также наличие в законодательстве сравниваемых государств множественности актов; – формы и способы обнародования, введения в действие нормативно-правовых актов; – уровень кодифицированности сравниваемых актов, формы их систематизации.

К юридико-содержательным критериям относятся такие, как: – содержание и характер сравниваемых правовых решений, что предполагает выяснение следующих моментов, а именно: варианты решений; соответствие правовых решений конституциям, актам более высшей юридической силы государств, а также приняты ли данные правовые решения в соответствии с полномочиями правотворческих органов государства; соответствие конкретных правовых решений межгосударственным, международным договорам и соглашениям; – механизм обеспечения данных правовых решений; – степень соответствия сравниваемых норм международно-правовым актам и конституционному законодательству определенной страны о правах человека; – степень соответствия сравниваемых норм правам и законным интересам субъектов права; – наличие в других законодательных актах, регулирующих соответствующую сферу, а именно функционирование правоохранительных органов, норм, требующих издания других актов, степень реализованности таких норм; – степень обеспеченности принятых правовых решений финансовыми, материально-техническими, кадровыми ресурсами, организационными и иными мерами [2, с. 407-415]. Указанное можно также дополнить определением обратных связей между законодательством и судебной практикой, в частности установление возможностей корректирования судом законодательных пробелов, возможности судов формулировать прецеденты в силу предостережения в законе, характера судебной практики и ее влияния на степень признания правоотношений в национальных правовых порядках.

Указанные критерии оценки сравниваемых нормативно-правовых актов дают возможность оценить и их эффективность, что способствует не только оцениванию качества правотворческой деятельности, а и всего процесса правового регулирования.

Процесс дифференциации правового знания, особенно ускорившийся в последние десятилетия, накопленный сравнительно-правовой материал, наличие ряда проблем, где сравнительный метод играет особо важную роль, позволяют констатировать несомненное теоретическое и практическое значение сравнительно-правовых исследований на современном этапе развития юридической науки.

В результате сравнительно-правовых исследований представляется возможность получить прирост нового знания о многообразии позитивно-правовых решений различных юридических проблем в рамках единых принципиальных подходов с целью выявления наилучшего решения, что способствует разработке международных стандартов и наднационального правового регулирования, актуальность которых повышается в условиях глобализации и интеграции, что, в свою очередь, влияет на тенденции развития национального права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варламова, Н. В. Сравнительное правоведение: современные методологические подходы / Н. В. Варламова // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 2. – С. 79-91.

2. Тихомиров, Ю. А. Приложение. Нормативные акты и документы. Текст / Ю.А. Тихомиров // *Курс сравнительного правоведения*. – М. : Норма, 1996, 432 с.

Л. Г. УДОВИКА

Запорожье, Украина, Запорожского национального университета, доктор юридических наук, профессор

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный опыт политико-правового развития убедительно свидетельствуют, что правовая глобализация и правовая интеграция детерминируют трансформацию национальных правовых систем, систем права и законодательства.

Исследования особенностей развития украинской правовой системы дает основания утверждать, что ее функционирование и развитие имманентно связаны с формированием мирового правопорядка и транснациональной правовой системы; происходят на основе распространения неолиберальной правовой идеологии и являются закономерным процессом правового развития, связанным с поиском универсальных, общих правовых идеалов, ценностей, принципов справедливости, свободы, равенства; коррелирует с изменениями во всех подсистемах и элементах правовой системы; связаны с утверждением и распространением идей и ценностей естественного права (прежде всего, прав человека, верховенства права, демократии), формированием и распространением мировых и европейских правовых стандартов, утверждением концепции «сервисного государства» и «публичных услуг», переходом от управленческого публичного права к «публично-сервисному»; детерминированы углублением взаимодействия международного и национального права.

Глобализация усиливает влияние норм международного права на национальное, которое проявляющееся в следующем:

- а) утверждении международных и европейских правовых стандартов;
- б) возрастании роли и значения принципов и норм международного права;

в) «переходе» международных норм к национальным, путем «деконцентрации» и конкретизации, полного или частичного воспроизведения нормы в тексте национального закона;

г) возрастании роли и значения международного договора как источника национального права;

д) возрастании роли и значения модельных законов в национальном праве и законодательстве;

д) унификации правовой терминологии;

е) признании значения международных решений (документов) существенными в деятельности законодательных, исполнительных и судебных органов Украины;

ж) специализации национального права под влиянием специализации международного права.

Правовая глобализация детерминирует расширение и углубление прав и свобод человека и гражданина в мире в целом, в украинской системе права в частности; сопровождается конвергенцией частного и публичного права; характеризуется расширением и углублением правового регулирования.

Расширение и углубление правового регулирования связаны с:

а) интенсивным развитием сложившихся институтов и отраслей таких, как права человека, экологическое право, информационное право, медицинское право и др.;

б) появлением новых комплексных отраслей права, законодательства, правовых институтов (в частности: миграционного, экономического, информационного, транспортного, космического права, социального, таможенного, миграционного законодательства, законодательства о здравоохранении, образовании, техническом регулировании), их комплексным характером, сочетанием элементов диспозитивного и императивного права;

в) интенсивной конституционализацией новых, интегрированных, комплексных отраслей (в частности, конституционализация механизмов защиты высших ценностей человечества, отражает общемировую тенденцию формирования глобального конституционализма с целью защиты стабильного, справедливого и демократического миропорядка).

Украинская правовая система характеризуется увеличением процессуальности в правовом регулировании, что выражается в расширении сферы процессуального регулирования, увеличении количества процедурно-процессуальных норм, усложнении процедуры, совершенствовании процессуальной формы.

Указанные тенденции и особенности развития украинской системы права в разной степени проявляются в области государственного права: в одних они проявляются достаточно четко, выразительно, в других — находятся в стадии формирования. При этом процесс формирования новых тенденций развития украинского права и законодательства продолжается.

К общим тенденциями развития частного и публичного права в Украине в условиях глобализации можно отнести :

– усиление влияния международного права на национальное, его интернационализация;

– трансформация источников права;

– возрастание роли и значения правовых стандартов, модельных законов, универсальных правовых принципов;

– универсализация и унификация правовых норм, которые (прежде всего, в сфере торговли, финансов, бизнеса);

- возрaстание роли и значения принципов права, ряд из которых сложился под влиянием международных неправительственных организаций, универсальных и региональных организаций, ТНК, финансово-информационных групп, являющихся субъектами процесса глобализации (в частности, принцип партнерства, принцип кооперации в решении экономических, финансовых проблем, принцип сотрудничества и взаимопомощи в решении вопросов глобального управления и др.);
- адаптации национального права и законодательства к нормам права ЕС;
- унификация правовой терминологии;
- усложнение реализации и защиты частных и публичных интересов;
- трансформация иерархии правовых норм и принципов;
- конвергенция частного и публичного права;
- углубление и расширение правового регулирования;
- возрaстание роли и значения процессуального права;
- формировании новых комплексных отраслей права и законодательства [1, с. 147].

Следует отметить, что обозначение тенденции, и прежде всего – «адаптация являются проявлением динамического измерения права, способом реализации еще одной функции права, а именно – его модернизирующей функции, которая приобретает особенную актуальность в условиях европейской интеграции» [2, с. 683].

В обобщенном виде правовая глобализация в сфере публичного права, кроме указанного, проявляется в следующем: ограничении отдельных публичных интересов и соответствующих прав, делегирование их международным надгосударственным институтам и органам; проникновении частно-правовых начал в публичное право, его гуманизация; усиление противоречия между правовыми принципами демократизма и гуманизма во внутригосударственной правовой политике и диктатом давления и силы в межгосударственных отношениях; унификация конституционно-правовых моделей и конструкций.

Усложненный характер публично-правового обеспечения и защиты национальных интересов Украины требует особого внимания теоретиков и практиков, взвешенных и обоснованных механизмов, учитывающих особенности национального и правового менталитета, культурно-исторического наследия, которые защищают национальную экономику и национального производителя, национальные интересы в целом и, в то же время, учитывают необходимость защиты общих интересов человечества в условиях глобализации.

Правовая глобализация в сфере частного права характеризуется рядом общих с публичным правом черт и тенденций, одновременно имеет свою специфику, в частности: прослеживается проникновение публично-правовых начал в сферу частного права; в развитии частного права все большую роль играют нормы и институты договорного, коллизионного права, универсализация торговых обычаев, процесс формирования новой транснациональной правовой системы, объединяющей нормы международного корпоративного и транснационального торгового права в целом. В перспективе глобализационные трансформации способны вызвать переход к наднациональному правовому регулированию частно-правовых отношений.

В частном праве вследствие существенного и быстрого углубления экономического, финансового, торгового сотрудничества актуализируется потребность в формировании и распространении единых норм и правил предпринимательской, инвестиционной, торговой деятельности. Необходимость привлечения частных

инвестиций в национальную экономику приводит к увеличению давления ТНК, требует учета сформированных ими норм и принципов, актуализирует вопрос о необходимости защиты национальных интересов, национального производителя в условиях глобализации.

Дальнейшее развитие украинской системы права (как публичного, так и частного права) и законодательства в условиях глобализационных трансформаций, учитывая растущую активность и желание Украины быть членом различных международных, межгосударственных союзов, органов и институтов (прежде всего, членом ЕС), связаны с углублением и расширением указанных процессов интернационализации, унификации, универсализации, формированием комплексных отраслей права, использованием нормативных актов, принятых на международном уровне, сформированных различными международными, межгосударственными институтами и органами.

Трансформация украинского права в условиях глобализации определяется противоречиями мирового правового развития, в частности: применением двойных стандартов, принципами демократизма и гуманизма во внутренней политике и диктатом силы во внешней политике, имперскими устремлениями отдельных государств, использованием противоречивых способов и средств защиты национальных интересов различными государствами, их борьбой за энергоносители, контроль над ними и средствами их транспортировки и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Удовика, Л. Г. *Правова система України : глобалізаційні трансформації : монографія* / Л. Г. Удовика. – Запоріжжя : КСК Альянс, 2014. – 320 с.
2. Яковюк, І. В. *Правові основи інтеграції до ЄС : загальнотеоретичний аналіз : монографія* / І. В. Яковюк. – Х. : Право, 2013. – 760 с.

А. Х. ХАНГЫЛЫДЖОВА

Брест, Учреждение образование «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

А. А. ЗАГОРНОВ

Брест, Учреждение образование «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат исторических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В БССР И ТУРКМЕНСКОЙ ССР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В БССР и Туркменской ССР закрепление Законодательной власти проходило по общим принципам и параметром как это закреплялось в Конституции СССР. Существовала прямая связь между Конституцией СССР и Конституциями Союзных Республик.

Важнейшими новшествами Конституции, принятой 11 апреля 1927 г., являлись определение пределов и возможностей законотворческой деятельности высших и центральных органов государственной власти Белоруссии в соотношении с полномочиями аналогичных органов СССР, значительно более подробная регламентация их статуса и деятельности. В Конституции закреплялись конкретные «предметы ведения» верховных и центральных органов БССР. К числу верховных

органов власти были отнесены Съезд Советов БССР и Центральный Исполнительный Комитет. Очередные Съезды Советов БССР должны были созываться ЦИК один раз в год. Устанавливалось, что ЦИК ответственен перед Съездом Советов БССР. По Конституции Съезд Советов БССР хотя и получил определение верховного органа власти, однако не обладал верховенством по всем вопросам правотворчества. ЦИК БССР являлся законотворческим органом по широкому кругу вопросов.

Центральные органы власти республики - Президиум ЦИК и Совет Народных Комиссаров также наделялись компетенцией в сфере законотворческой деятельности. Президиум ЦИК в период между сессиями ЦИК являлся «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти Белорусской Социалистической Советской Республики». СНК как центральный постоянно действующий орган власти являлся законодательно-распорядительным органом БССР [1, с. 131].

Первая Конституция Туркменской Социалистической Советской Республики (ТССР) 1928 года провозглашала, что Верховным органом Туркменской Социалистической Советской Республики является Всетуркменский Съезд Советов, а в период между Съездами - Туркменский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ст. 4). А также в ст. 20 Конституции указано, что исключительному ведению Всетуркменского Съезда Советов подлежит установление, дополнение и изменение основных начал Конституции (Основного закона) Туркменской ССР и окончательное утверждение частичных изменений Конституции, принятых сессиями Туркменского Центрального Исполнительного Комитета в период между Съездами Советов ТССР.

Съезд Советов Туркменской ССР составляется из представителей городских Советов и Советов поселений городского типа, по расчету - 1 делегат на 1000 избирателей и окружных Съездов, по расчету - 1 делегат на 5000 жителей.

В свою очередь Туркменский Центральный Исполнительный Комитет образует свой исполнительный и распорядительный орган – Совет Народных Комиссаров и Народные Комиссариаты для руководства отдельными отраслями управления [2, с. 11-13].

Таким образом, можно сделать вывод что, Верховным органом как в БССР (1927 г.) так и Туркменской ССР (1928 г.) являлся Съезд Советов, а в период между съездами – Центральный Исполнительный Комитет. Также следует отметить, что формы работы Съезда Советов в обеих Республиках были одинаковы.

Важное значение для развития парламента имела Конституция БССР 1937 г. (принята 19 февраля 1937 г.). В ней провозглашалось, что Высшим органом государственной власти республики впервые провозглашался Верховный Совет, который избирал Президиум и создавал правительство - СНК БССР. Существенным образом была изменена избирательная система. Провозглашалось, что выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся (Верховный Совет БССР, окружные, районные Советы депутатов и т.д.) осуществляются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Организация высших органов государственной власти претерпела значительные изменения. Прекратила существование система съездов Советов. Законодательная власть стала принадлежать исключительно Верховному Совету БССР. Верховный Совет работал в сессионном порядке и, таким образом, не являлся постоянно действующим органом. Очередные сессии созывались два раза в год. Постоянно действующим высшим органом государственной власти являлся Президиум Верховного Совета.

В случае необходимости в период между сессиями Верховного Совета его Президиум мог внести изменения в действующее законодательство с последующим

утверждением на очередной сессии Верховного Совета. Впервые было произведено разграничение между органами государственной власти и центральными органами государственного управления.

Согласно Конституции Туркменской ССР 1937 г. Высшим органом государственной власти Туркменской ССР является Верховный Совет Туркменской ССР. Верховный Совет Туркменской ССР является единственным законодательным органом Туркменской ССР, избирается гражданами Туркменской ССР по избирательным округам сроком на 4 года по норме: один депутат на 5 тысяч населения.

Закон считается утвержденным, если он принят Верховным Советом Туркменской ССР простым большинством голосов. Законы, принятые Верховным Советом Туркменской ССР, публикуются за подписями Председателя и Секретаря Президиума Верховного Совета Туркменской ССР.

В положениях Конституция установлены основные полномочия Верховного Совета Туркменской ССР, как избрание председателя Верховного Совета Туркменской ССР и двух его заместителей; избрание Президиума Верховного Совета Туркменской ССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета Туркменской ССР, двух его заместителей, секретаря Президиума и членов Президиума.

Сессии Верховного Совета Туркменской ССР созываются Президиумом Верховного Совета Туркменской ССР два раза в год. Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета Туркменской ССР по его усмотрению или по требованию одной трети депутатов Верховного Совета [3, с. 9-12].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что Высшим государственным органом, осуществляющий законодательную власть в БССР и Туркменской ССР на 1937 год стал Верховный Совет, избираемый на 4 года. В обеих Республиках сессии Верховного Совета созывались Президиумом два раза в год.

В Конституции БССР 1978 г. прежней осталась система органов государственной власти и управления. Высшими органами государственной власти и управления по-прежнему были Верховный Совет, функционирующий в сессионном порядке, и Президиум Верховного Совета - постоянно действующий орган представительной власти. Верховный Совет БССР как высший орган государственной власти БССР стал "правомочен решать все вопросы, отнесенные Конституцией СССР и настоящей Конституцией к ведению Белорусской ССР", была определена исключительная компетенция Верховного Совета. Таким образом, Основной Закон 1978 г. отдавал приоритет Верховному Совету над всеми остальными органами, относящимися к другим ветвям власти [1, с. 138].

Конституция 1978 г. в 90-е годы превращалась в архаичный документ. Это в решающей мере обуславливалось тем, что в конце 80-х - начале 90-х годов в общественном сознании встала проблема обретения республиками бывшего СССР государственного суверенитета, устранения монополии одной партии на власть, утверждения политического и экономического плюрализма.

Изменения в Конституции 1978 г. были направлены на обеспечение разделения властей, принципов формирования правового государства и суверенитета Беларуси.

Основные изменения и дополнения в положениях Верховного Совета были закреплены в Конституции Туркменской ССР 1978 года. Определенно был установлен количество депутатов в Совете – 330 депутатов. Установлена, что Сессии открывается и закрывается в меджлисе Верховного Совета Туркменской ССР. Впервые было провозглашено, что право законодательной инициативы в Верховном Совете принадлежало: Президиуму Верховного Совета Туркменской ССР, Совету министров,

Постоянным и временным комиссиям, Депутатом Верховного Совета Туркменской ССР.

В свою очередь и общественные объединения опосредовано с республиканскими органами обладают правом на законодательную инициативу.

Основные Законы государство, решения и другие акты Верховного Совета принимаются большинством голосов от полного состава депутатов Совета.

Президиум Верховного Совета Туркменской ССР принимает законы и указы [4, с. 32-37].

Таким образом, в БССР и Туркменской ССР на 1978 год Высшим законодательным органом по прежнему являлся Верховный Совет, функционирующий в сессионном порядке. Можно отметить также, что Президиум как постоянно действующий орган мог принимать законы и указы.

В заключении можно сделать вывод, что конституционное закрепление законодательной власти в БССР и Туркменской ССР по сути совпадают. Оно опирается на Конституции СССР. В 1927 году в БССР и 1928 году в Туркменской ССР действовал Съезд Советов, а в 1937 г. начал действовать Верховный Совет, как высший орган, осуществляющий законодательную власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубович, В. И. Гісторыя Беларусі у кантэксце сусветных цывілізацый: вучэб. дапаможнік / пад рэд. В. І. Галубовіча, Ю. М. Бохана. - Минск : Экаперспектыва, 2005. - 584 с.
2. Конституция (Основной Закон) Туркменской Социалистической Советской Республики. – Изд. второе. – Ашхабад, 1928. – 58 с. <http://naukaprava.ru/catalog/3561/3573/18740?view=1>
3. Конституция (Основной Закон) Туркменской Советской Социалистической Республики. – Ашхабад: Туркменпартиздат, 1937. – 28 с. <http://naukaprava.ru/catalog/3561/3573/18734?view=1>
4. Конституция (Основной Закон) Туркменской Советской Социалистической Республики. – Ашхабад : изд. «Туркменистан», 1978. – 53 с.

А. А. ШАФАЛОВИЧ

Минск, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент

ОЦЕНКА РЕГУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРАВА: МОНИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ

Регулятивный потенциал оценивается, с одной стороны, в соотношении с иными социальными нормами, с другой стороны, через качество самого правового регулятора (с социальной, юридической стороны, организационной). Рассмотрим эти моменты.

Общеюридический подход к пониманию социального регулирования заключается в следующем. Во-первых, а ргіогі в правовой науке признается и даже не подвергается сомнению верховенство права среди всех социальных регуляторов. На сегодняшний момент право «юридизирует» иные социальные регуляторы, например, корпоративные нормы, подчиняя их единому правопорядку, возглавляемому Конституцией и иными законами национального государства. Так, юридически оформляются через правовые

акты нормы морали: приказом министра МВД вводятся Правила профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, Правила профессиональной этики адвокатов вводятся Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации утверждается приказом Председателя Следственного комитета и др.).

Во-вторых, среди юристов распространено искреннее убеждение во всемогуществе регулятивного потенциала права. Часто это выражается восклицанием: «Нам бы хороших законов и побольше!».

В-третьих, этот подход к изучению регулирования общественных отношений сейчас доминирует в общественном сознании и подкрепляется официальным верховенством нормативных правовых актов. Оно обусловлено самым существенным отличием права как социального регулятора от всех иных, а именно задействованием принудительного механизма обеспечения правовых норм и предписаний. Иначе говоря, у права есть неоспоримое преимущество перед иными социальными регуляторами в лице аппарата государственного принуждения. Второе неоспоримое преимущество права как социального регулятора заключается в иных его свойствах, а именно в: формальном равенстве субъектов права, четкой фиксированности прав и обязанностей, иерархичности источников права и др.

В отличие от правового романтизма юристов-позитивистов (монистов) сторонники иных концепций правового регулирования более скептически настроены к оценке регулятивного потенциала права. К этому крылу относятся приверженцы социологической концепции права, плюралистической теории права Л. Поспилса (так названа из идеи множественности источников происхождения права в противовес моноисточнику – государству). Они «не довольствуются государственной диетой». Правом здесь считается все, что отвечает требованием справедливости, формального равенства и свободы. Например, корпоративные нормы – это право, чье неопределенно (подгосударственное, иногда надгосударственное с финансовым обеспечением выше доходов среднего государства)

Особенности социологического подхода к пониманию социального (и правового в том числе) регулирования заключается в следующем. Во-первых, в отличие от юристов различающих источники права по формальному признаку, социологическая юриспруденция единым источником права считает народ (или его воля) [1, с. 99–100], что согласуется с пониманием этноса (народа) как единицы правообразования [2, с. 101]. Во-вторых, право считается не единственным эффективным социальным регулятором и иногда даже не доминирующим. Социологи предупреждают об имеющей место конкуренции праву со стороны морали, религии и корпоративных норм [1, с. 90]. Если право продолжит ложную, на наш взгляд, тенденцию развития на усложнение, следуя т.н. «закону Макса Вебера» о прогрессивном развитии права по пути бюрократизации, специализации и рационализации, то оно «оторвется» от правопользователя и социальное регулирование быстро найдет ему замену в лице иных регуляторов. В-третьих, только социология права единственная оценивает эффективность правового регулятора (с материальной и процессуальной, организационной стороны). Например, в России она оценивается примерно на 40–50% по сравнению с идеальной моделью, т.е. фактически на половину [3, с. 88–90].

В-четвертых, в отличие от позитивистки настроенных юристов социологическая и антропологическая юриспруденция не имеют иллюзий о том, что право не всегда было производно от государства. Было право догосударственное (социальное право) [4,

с. 149–154], уже есть право внегосударственное (международное) и будет на новом витке развития постгосударственное и внегосударственное право. Последние два вида права являются не менее юридическим правом, чем право, производное от государства. Государство – не вечный спутник общества: оно возникло в какой-то момент и когда-то в конечном итоге уйдет с политической сцены, по крайней мере, как доминирующий политический игрок, задающий параметры всей политической системе общества. Кроме того, государство само по себе не всегда было способно обеспечить монизм правового регулирования: в средневековье случалось, что даже в рамках одного государства сосуществовали две конкурирующие системы правового регулирования.

В оценке регулятивного потенциала права мы исходим из следующих моментов. На сегодняшний день право действительно обладает наилучшим регулятивным потенциалом среди всех социальных норм. Ведь не зря даже в религиозных или традиционных обычных правовых системах, где религия и обычай безраздельно верховенствовали столетия, маятник качнулся в сторону права, и эта тенденция, на наш взгляд, только усилится.

В нынешних условиях глобализирующегося мира часто скептически оценивают регулятивный потенциал права, дескать, соревнование по эффективности регулирующего момента оно (в лице национальных государств) безвозвратно проиграло экономике (в лице транснациональных финансовых групп и корпораций) [5, с. 87–91]. В этом есть своя логика, т.к. национальное государство действительно потеснено, оно делится своим суверенитетом с международными организациями, в которых членствует, и попадает под их юрисдикцию в случае нарушения добровольно взятых на себя обязательств.

Однако это, на наш взгляд, не говорит об ослаблении регулятивного потенциала всего права, а только о перераспределении социальных источников правовых норм. Это значит, что правовое регулирование (а это именно оно, а не регулирование нормами морали, религии, экономики, корпоративными или иными социальными нормами) делится между государством и иными социальными образованиями или институтами. Оно с государственного уровня (среднего) перераспределяется на верхний, надгосударственный (в лице транснациональных корпораций или международных организаций) или на нижний, подгосударственный уровни. Нижний уровень правового регулирования представлен самоуправляющимися единицами (органов самоуправления локального и регионального), мелкими корпорациями.

Эти субъекты нового правотворчества быстрее улавливают малейшее изменение потребностей правового регулирования, чем бюрократия государства, которая свои интересы часто ставит выше государственных и тем более общественных. Теневое нормотворчество бюрократии ослабляет официальную правовую систему больше, чем все иные правонарушения вместе взятые, поскольку оно подрывает фундаментальный принцип общеобязательности правовых предписаний.

Тем самым основной объем правового регулирования от единичного субъекта (государства) переходит к множественности таковых. Так воплощается на практике переход от монополистичного (или стремления к таковому) правового регулирования к плюралистичному, когда заметно возрастает интерес к праву у населения, поскольку неизмеримо большее число субъектов занимается правотворчеством, участвует в создании корпоративных норм самоуправления.

Нормы плюралистического права обладают лучшим регулятивным потенциалом и потенциалом к непринудительному самоисполнению, поскольку лучше защищают частные интересы и построены на правообразующем интересе.

В таких условиях право не компенсирует собственные огрехи применением дорогостоящего механизма государственного принуждения, как было раньше, а больше опирается на механизм самореализации и свой собственный авторитет, которые зависят исключительно от социального и юридического качества материальных и процессуальных правовых норм.

В качестве общего вывода можно отметить следующее: современное право развивается по пути рассредоточения его первоисточников; регулятивный потенциал плюралистического права в таких условиях возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шафалович, А. А. Социология права: учеб. пособие. / А. А. Шафалович. – Минск : БГЭУ, 2013. – 299 с.
2. Матарас, В. Н. Происхождение права / В. Н. Матарас // Общая теория права: пособие / В. А. Абрамович [и др.]; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ; издательство «Четыре четверти», 2014. – С. 92–103.
3. Кудрявцев, В. Н. Современная социология права: учебник для вузов / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М. : Юристъ, 1995. – 297 с.
4. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учеб. пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2010. – 499 с.
5. Иванец, Г. И. Глобализация, государство, право / Г. И. Иванец, В. И. Червонюк // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 87–91.

А. А. ШАФАЛОВИЧ

Минск, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА

Возникновение права является вопросом, незаслуженно обойденным вниманием в отечественной науке общей теории права. Между тем как западная юриспруденция на сей счет имеет богатое научное наследие, что оформлено в отдельное антропологическое крыло, иначе именуемое «правовая антропология». В русскоязычной юриспруденции по причине научного влияния марксизма это явление глубоко не изучалось, а потому такого направления не сложилось, хотя спорадически такие исследования появлялись (например, у А. И. Першица, В. П. Алексеева [1], А. Б. Венгерова). В данной статье предлагается по возможности восполнить этот пробел в отечественной правовой науке.

Для начала следует сделать некоторые оговорки о проблемных моментах, с которыми неизбежно сталкивается современный исследователь столь далеких времен (речь идет о временном отрезке около 1,5–2 млн. лет назад [2, с. 25]). Итак, в обобщенном виде можно назвать следующие сложности изучения исторического процесса возникновения права:

- об историческом процессе возникновения права отсутствуют всякие достоверные доказательства (как то письменные, так и иные материальные). Поэтому все знание строится в большей степени на презумпциях или допущениях (например, о том, что процесс нормообразования у одних этносов (народов) идентичен этому же процессу у других народов, на чей счет имеются какие-либо доказательства [3, с. 95]).

Тем более, что эти предположения выдвигаются современными исследователями позиции современного знания. Таким образом, знание о происхождении права неизбежно будет содержать ошибки, число и характер которых мы не в силах определить;

- в изучении процесса правообразования чаще всего используют линейный подход (развитие от простого к сложному), несвойственный для постнеклассической науки. В то время как любой исторический процесс не просто цикличен (от простого к сложному и снова к простому), а и еще является непоступательным движением, когда имели место взаимоисключающие тенденции, некоторые из которых отмирали, а другие становились необходимым объективным законом, т.е. закономерностью процесса правообразования. В этом процессе имели место свои рывки вперед, застои и откаты назад, что соотносится с разными стадиями в этногенезе и вообще в периодах общественного развития;

- правовая наука и общая теория в частности пытается воссоздать единую схему для процесса возникновения права для всех культур и вывести общие закономерности этого процесса. Представляется нелишним напоминать о неповторимости этого процесса у каждого этноса (народа) и в значительной разбежке по времени. Кроме того, в русскоязычном правоведении этот процесс правообразования изучается исключительно по западному типу;

- относительно первых социальных норм лексика исследований сильно различается. Так, равнозначными термину «социальное право» в авторских концепциях будут «общесоциальное право», «предправо», «протоправо», «квазиправо», «мононормы», «универсальные нормы социальной жизни», «изначальные формы социального регулирования», «неписаное право», «примитивное право» и др. Отметим, что советская и пост-советская юриспруденция активно использует термин «мононормы» для обозначения единых социальных норм древнего общества, не обладающих признаками права. С учетом того, что разные авторы по-разному выстраивают этапы возникновения права и затрагивают разные аспекты социальной регуляции древнего общества, то разницей в юридической лексике создает существенные сложности в прослеживании общей периодизации этого процесса и выявлении общих черт у первых социальных норм;

- следует различать процесс первичного возникновения права как социальной нормативной системы и процесс возникновения социального института права. Последний возникнет намного позже, т.к. социальный институт предполагает долговременную, самовоспроизводящуюся социальную практику, представленной внешне организационными структурами и внутренне – наличием устоявшихся шаблонов поведения [4, с. 87].

Что касается систематизации подходов к изучению исторического процесса возникновения права, то для начала надо различать позитивистский и непозитивистский подход. Следует отметить полное расхождение позиций советских и постсоветских позитивистов с западными позитивистами.

Позитивизм в русскоязычной юриспруденции постсоветского периода представлен марксистским и этатическим учениями. Суть его заключается в безоговорочной привязке процесса правового нормообразования к процессу государствообразования и классообразования. Дескать, право не может быть вне и до государства.

Слабость этого подхода заключается в правопонимании как продукта классовой борьбы. На наш взгляд, говорить о классовой борьбе или вообще каком-то противостоянии, антогонистических интересах индивидуальных субъектов и/или

коллективных (в лице родов и племен) не приходится, поскольку в неблагоприятных условиях выживания это лишено всякого смысла. В подобных условиях как нигде еще требуется солидарность. В силу этого первые социальные нормы, на наш взгляд, никак не могли быть нормами защиты одного интереса в ущерб другому. В этом плане нам близка позиция профессора С. Г. Дробязко и доцента В. С. Козлова: «Нормы права возникают из норм частных договоров, которые перерастают в обычай как форму «социального права» и затем получают государственное установление, тем самым правообразование идет по пути от социального права к праву юридическому» [5, с. 149–159].

Кроме того, уместно говорить о формировании иерархии в древнем обществе, но не о классовом образовании. Так, иерархия в обществе, возникновение аппарата управления не связаны с делением общества на антагонистические классы [6, с. 185]. Как отмечает В.Н. Матарас, следует различать сословия и классы. Права сословия в отличие от классов всегда закреплялись в правовых нормах [4, с. 101]. В. Н. Матарас утверждает, что этнос, как основная единица, создающая право, делится на группы, не совпадающие с классовыми, а именно на роды и племена. Следует сделать оговорку, что даже это деление встречалось далеко не везде.

Позитивисты же западных стран полагают, что примитивное право возникает во всяком первобытном обществе и существует вплоть до появления писаных законов. Как будет видно далее, их позиция согласуется с непозитивизмом.

Непозитивистский подход представлен либертарной, философско-правовой (в этическом аспекте), социологической теориями. Последняя более интересуется процессом возникновения социального института права и вопросами социальной обусловленности права, его соотношением с иными социальными нормами, чем конкретно-историческим процессом возникновения правового феномена.

Особую позицию о процессе возникновения права занимает естественно-правовая теория. Если брать теологическое крыло этой теории, то его представители едины в понимании процесса возникновения права как богоданного процесса по типу творения универсума. Если брать атеистическое крыло этой теории, то его последователи не выделяются среди общей массы представителей непозитивизма.

В обобщенном виде непозитивизм исходит из концептуального положения, что право есть в любом обществе (и в догосударственном обществе, и доклассовом), оно является продуктом всего общества, а не государства. Для возникновения права нет нужды в единой государственной власти, т.е. в государстве. Этот подход не приемлет идеи насилия и классовой борьбы в процессе возникновения права, а склонен к конвенциональному характеру первых социальных норм. Так, плюралистическая концепция Л. Поспилса (так названа из идеи множественности источников происхождения права в противовес моноисточнику – государству) утверждает, что право существует только в конкретных решениях, и оно есть в любом обществе с выраженными авторитарными решениями.

Ответить на вопрос, были ли первые социальные нормы протоправом или собственно правом, можно, если только есть полное соответствие признакам права. Ответ будет зависеть только от правопонимания. Если руководствоваться критериями либертарной теории, что право там, где есть свобода, формальное равенство и справедливость (как соразмерность), то ответ будет положительным.

Доминирование в рамках одного государства позитивизма или непозитивизма, на наш взгляд, и обусловило следующую ситуацию. Западные антропологи и этнографы (К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, М. Месс, Н. Рулан [7] и др.), хотя и пытались

избегать термина «право» при изучении первобытного общества, но вынуждены были вернуться к нему и утверждать о наличии либо зачатков феномена права «с квазиюридическими элементами», «эмбрионально правовыми», либо о наличии догосударственного (социального) права в полном смысле слова. Русскоязычные же правоведы в подавляющем большинстве отрицают существование права в родоплеменном обществе.

Также вычлняются еще два подхода к пониманию сущности процесса первичного нормообразования. Одни, как Л. Поспилс, в первичном правообразовании считали главным материальную норму. Другие же, как Н. Рулан и У. Сигл, считали, что в традиционных обществах право выражалось в процессах, а не в фиксированных нормах [7, с. 41–42].

Следующий момент в систематизации подходов к историческому процессу возникновения права касается выявления тех первичных социальных норм, из которых далее возникло право. Отметим, что в правовой науке нет единого подхода к нормативному происхождению права. Чаще всего нормами-прародительницами права называют: нормы морали (Н. Токарев); моонормы религиозного происхождения (Э. Дюркгейм) и др.; единые моонормы, в которых не различаются религия, мораль и др. социальные регуляторы (Л. Д. Дриберг, А. И. Першиц); нормы обычаев.

По поводу норм обычаев также встречаются два подхода: одни их относят к правовому феномену и считают «обычным правом», а другие называют их «предправом», считая их доправовым феноменом. Так, аналитическая юриспруденция (У. Сигл, Хартлэнд, Д. Салмонд и др.) придерживается идеи, что примитивное право есть естественное проявление племенной жизни, что оно — не юридический феномен, т.к. в нем есть лишь крупинки, зачаточные формы, которые только в последующем могут развиваться в настоящее право. У. Сигл считает концом примитивного права появление судов.

На наш взгляд, следует признать, что у обычая может быть, как правовой, так и неправовой характер. Поэтому следует утверждать, что неправовой обычай предшествует правовому, т.е. обычное право возникает из неправовых обычаев.

Что касается этапов формирования права, то последовательность этих этапов почти общепризнана, за исключением первого этапа. Одни начинают отсчет с «кулачного права», «права сильного», что, по нашему убеждению, противоестественно. Другие первым этапом считают протоправо (предправо), третьи начинают отсчет стадий сразу с правового обычая. Следующие стадии прецедентное и договорное право, на наш взгляд, надо поставить рядом, поскольку более вероятно, что эти процессы шли параллельно, а не последовательно. И несомненно последней стадией исторического процесса формирования права выступает статутное (позитивное) государственное право, которое однако не является, по нашему мнению, бесконечным в силу принципа цикличности. Поскольку в истории человечества был догосударственный период права, то он и повторится на новом этапе, когда государство утратит позиции главного элемента политической системы общества и мы вернемся к социальному, общественному праву на новом витке истории.

В качестве общего вывода можно отметить следующее: в силу вышеуказанных сложностей изучения процесса возникновения права информация, которой оперирует общая теория права относительно этого процесса, носит более вероятностный характер, чем достоверный; процесс возникновения права более связан с новым этногенезом, чем с государство- и классообразованием; в оценке первых социальных норм доминантым является тип правопонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Першиц, А. И. История первобытного общества : учеб. / А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. – М. : Высш. школа, 1982. – 223 с.
2. Общая теория права: методические рекомендации : в 3 ч. / А. А. Бочков, В. В. Янч. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2013. – Ч. 1. – С. 25–30.
3. Куркин, Б. А. Проблемы генезиса и сущности права в современной буржуазной философской антропологии ФРГ / Б. А. Куркин // Сов. гос-во и право. –1985. – № 9. – С. 94–100.
4. Матарас, В. Н. Происхождение права / В. Н. Матарас // Общая теория права: пособие / В.А. Абрамович [и др.]; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ; издательство «Четыре четверти», 2014. – С. 92–103.
5. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2010. – 499 с.
6. Васильев, Л. С. Становление политической администрации / Л. С. Васильев // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 1. – С. 177–186.
7. Рулан, Н. Юридическая антропология : учеб. / пер. с фр. Л. П. Данченко, А. И. Ковлера, Т. М. Пиняльвера, О. Э. Залогоиной; отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Изд-во НОРМА, 1999. – 310 с.

В. Ю. ЮРЧИК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КОНСОЛИДАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД СИСТЕМАТИЗАЦИИ

В современных цивилизованных государствах имеется значительное число нормативных актов, принимаемых различными правотворческими органами. Правотворчество не может остановиться на определенном этапе, а все время находится в движении, развитии в силу динамизма социальных связей, возникновения новых потребностей общественной жизни, требующих правового регулирования. Постоянно меняющаяся правовая система, ее развитие и совершенствование, принятие новых нормативных актов, внесение в них изменений, отмена устаревших нормативных решений объективно обуславливают упорядочение всего комплекса действующих нормативных актов, их укрупнение, издание разного рода сборников и собраний законодательства, приведение в определенную научно обоснованную систему [3, с. 90].

Нормативные правовые акты в любом государстве издаются постоянно и по разным вопросам, кроме того они часто изменяются, дополняются и отменяются. Поэтому в их обилии и разнообразии непросто ориентироваться. Все это в совокупности усложняет проблему доступности и пользования нормативно-правовой информацией, но юридическая наука выработала средство, которое облегчает доступ к правовой информации и дает возможность оперативно находить соответствующие нормы и квалифицированно решать юридические дела. Таким средством выступает систематизация законодательства, которая достаточно широко применяется и в процессе правотворческой деятельности.

Для того чтобы система законодательства оставалась именно системой (обладала необходимой и достаточной совокупностью элементов, была внутренне согласована, непротиворечива), нормально функционировала, а также совершенствовалась и

развивалась, она нуждается в постоянном воздействии на нее специального процесса – систематизации.

Практическое значение систематизации еще в 1833 г. подчеркивал Михаил Михайлович Сперанский, который говорил, что «приведение Законов в один состав» является «одною из первых Государственных нужд».

С течением времени в любой развитой правовой системе образуется значительное число (иногда десятки и сотни) нормативных актов, имеющих один и тот же предмет регулирования. Предписания таких актов зачастую повторяются, а иногда содержат явные несогласованности и противоречия. В связи с этим возникает потребность ликвидации множественности нормативных актов, их укрупнения, создания своеобразных «блоков» законодательства. Один из путей преодоления такой множественности – консолидация законодательства.

Консолидация законодательства – это такая форма систематизации, в процессе которой десятки, а порой и сотни нормативных правовых актов по одному и тому же вопросу объединяются в один укрупненный акт. Такой акт утверждается правотворческим органом в качестве нового, самостоятельного источника права, а прежние разрозненные акты признаются утратившими силу. Объединению подлежат предписания одинаковой юридической силы.

Особенности консолидации:

- консолидации могут подлежать не только нормативные акты, но и акты толкования и правоприменительные акты;
- консолидация имеет официальный характер;
- при консолидации в одном акте могут быть объединены акты не только одного уровня, но и относящиеся к разным источникам права;
- консолидация проводится только правотворческими органами, и лишь в отношении принятых ими актов;
- при консолидации объединенные акты утрачивают силу, а вместо них действует вновь созданный нормативный акт, который имеет собственные официальные реквизиты.

Консолидацию можно рассматривать как своеобразный вид правотворчества (принимается компетентным правотворческим органом и имеет все официальные реквизиты), особенность которого заключается в том, что новый укрупненный акт не меняет содержание правового регулирования, не вносит изменений и новелл в действующее законодательство.

В процессе подготовки консолидированного акта все нормы прежних актов располагаются в определенной логической последовательности, разрабатывается общая структура будущего акта. Осуществляется определенная редакционная правка, чисто внешняя обработка предписаний с тем расчетом, чтобы все они излагались единым стилем, использовалась унифицированная терминология. Устраняются противоречия, повторения, неоправданные длинноты, исправляется устаревшая терминология, нормы близкого содержания объединяются в одну статью (пункт). Поэтому консолидацию ряд авторов рассматривают как форму систематизации, выполняющую вспомогательную роль, не имеющую самостоятельного значения, как этап в переходе от инкорпорации к кодификации, наиболее совершенную форму инкорпорации [1, с. 96].

Консолидация содержит в себе некоторые черты иных форм систематизации – кодификации и инкорпорации. Консолидационный акт является сводным нормативным правовым актом – и это формально сближает его с кодификацией; а тот факт, что он по существу не вносит ничего нового в регулирование общественных отношений, роднит

его с инкорпорацией. В консолидированном акте учитываются последние редакции документов. Консолидация используется зачастую как промежуточный этап, когда отсутствует возможность кодификации.

По форме систематизации нормативных правовых актов консолидация в большей мере примыкает к систематической инкорпорации. Она используется там, где отсутствует необходимость или возможность кодификации. В этих случаях консолидация выступает, как эффективное средство для объединения однородного нормативного материала, сокращения числа актов и улучшения формы правового регулирования.

В ряде сфер правового регулирования действуют десятки разрозненных актов. В общем массиве действующего законодательства Республики Беларусь еще много так называемых «лоскутных» актов, от которых действующими остались лишь некоторые нормы или отделимые их части.

Ревизия всего массива действующих актов должна выражаться в отмене устаревших актов и их частей, внесении в них соответствующих изменений. Курс на консолидацию, укрупнение законодательных блоков, вбирающих в себя несколько (иногда десятки) действующих актов по одному и тому же вопросу, становится одним из приоритетных направлений упорядочения законодательства.

При этом стремление к простому механическому сокращению числа нормативных правовых актов не должно быть самоцелью. Главное – это удобство пользования нормативным материалом, четкое и конкретное определение в акте предмета регулирования.

Мировая практика принятия укрупненных актов достаточно обширна. В Великобритании, например, издаются десятки актов такого рода, объединяющих акты парламента, принятые по одному и тому же предмету регулирования за все время его существования. В конце XIX в. английский парламент принял специальный закон о консолидации статутного права. Во Франции широко используются так называемые кодексы, объединяющие нормативные предписания по аналогичному вопросу. Изданы, например, такие консолидированные акты, как Кодекс дорог общественного пользования, Кодекс сберегательных касс, Кодекс морских портов и др. [2, с. 383].

Одним из классических примеров консолидации является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1980 г. «О праздничных и памятных днях», который заменил собой 48 нормативных актов. Каждым из этих документов в свое время вводился тот или иной праздничный или памятный день, а принятый Указ, не изменяя сути нормативного регулирования, упорядочил нормативный материал, объединив его в один документ [1, с. 96].

Консолидация является одним из важных факторов формирования и развития института права, так как в основе этого процесса лежит образование определенного центра, вокруг которого объединяются правовые нормы, регулирующие определенный участок однородных общественных отношений. С помощью консолидации идет отбор первичных звеньев – норм права, которые в процессе объединения и согласования образуют институт.

Таким образом, консолидация – это такая форма систематизации, при которой происходит объединение нескольких нормативных правовых актов, действующих в одной области общественных отношений, в единый сводный нормативный правовой акт без изменения содержания. Иными словами, консолидация нормативного материала – это укрупнение нормативного правового акта. Новый укрупненный акт полностью заменяет вошедшие в него нормативные правовые акты, поскольку заново принимается

компетентным государственным органом и имеет собственные реквизиты: наименование, дату принятия, номер и подпись должностного лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полящук, Н. А. Теория государства и права : курс лекций / Н. А. Полящук. – Минск : Аллель, 2005. – 189 с.

2. Чистяков, О. И. Систематизация нормативно-правовых актов / О. И. Чистяков // История отечественного государства и права [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа : <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-6/167.htm> – Дата доступа : 13.11.2016.

3. Марченко, М. Н. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах / отв. ред. М. Н. Марченко. – Том 2. – Минск. : Зерцало-М, 2001. – 426 с.

4. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. Б. Венгеров. – 3-е изд. – Минск. : Юриспруденция, 2000. – 319 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

О. А. АНТОНОВА

*Минск, Белорусский государственный экономический университет кандидат,
юридических наук, доцент*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 71 Конституции Республики Беларусь проведение выборов обеспечивают избирательные комиссии, если иное не предусмотрено Конституцией. В развитие указанного конституционного положения Избирательный кодекс Республики Беларусь (далее – ИК Республики Беларусь) предусмотрел в ст. 10, что проведение выборов Президента, депутатов Палаты представителей, депутатов местных Советов депутатов, референдума, отзыва депутатов обеспечивают комиссии. Комиссии в своей деятельности руководствуются Конституцией Республики Беларусь, ИК Республики Беларусь, иными актами законодательства Республики Беларусь.

Комиссии при подготовке и проведении выборов, референдума, отзыва депутатов в пределах своих полномочий независимы от государственных органов и не связаны решениями политических партий и других общественных объединений.

При этом, решения комиссий, принятые в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми государственными органами, политическими партиями, другими общественными объединениями, иными организациями, а также гражданами. Решения вышестоящей комиссии, принятые в пределах ее полномочий, обязательны для нижестоящих комиссий.

К сожалению, в настоящее время в ИК Республики Беларусь отсутствует определение понятия избирательной комиссии путем выделения ее существенных признаков. Так, избирательные комиссии на законодательном уровне определены как комиссии по выборам Президента, комиссии по выборам депутатов Палаты представителей, комиссии по выборам депутатов местных Советов депутатов.

Подчеркивая особый характер деятельности избирательных комиссий и выполнения ими государственных функций, в литературе высказывается мнение о том, что избирательная комиссия – это коллектив граждан Российской Федерации, образуемый в установленном порядке, уполномоченный государством на обеспечение конституционного права граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в представительные и выборные исполнительные органы государственной власти Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, выборные органы местного самоуправления на территории субъекта Российской Федерации, наделенный для этого государственно-властными полномочиями, действующий в установленном государством порядке, и являющийся самостоятельной частью единой системы государственных органов Российской Федерации [2, с. 7].

М.С. Белявская в связи этим высказывает мнение в отношении всей системы избирательных комиссий о необходимости: «ввести в законодательство термин «избирательные органы публичной власти». Они будут рассматриваться как часть системы органов публичной власти с особым статусом, которую составляют все органы власти, не отнесённые к какой-либо ветви власти. В зависимости от предмета

деятельности можно выделить две разновидности избирательных органов публичной власти – избирательные комиссии и комиссии референдума» [1, с. 9].

Исходя из анализа действующего избирательного законодательства Республики Беларусь можно выделить две категории членов избирательной комиссии для всех видов выборов: обладающие правом решающего голоса и обладающие правом совещательного голоса. Кроме того, безусловно, особым правовым статусом обладает председатель избирательной комиссии. Однако, требования к кандидатам, выдвигаемым в члены избирательных комиссий, в том числе и с правом решающего голоса, а также председателя комиссии, в ИК Республики Беларусь не закреплены. Имеются только фрагментарные положения. В частности, указано, что избирательные комиссии формируются из представителей политических партий, других общественных объединений, трудовых коллективов, а также представителей граждан, выдвинутых в состав комиссии путем подачи заявления (ч. 1 ст. 34 ИК Республики Беларусь); в состав комиссии не могут входить судьи, прокуроры, руководители местных исполнительных и распорядительных органов (ч. 3 ст. 34 ИК Республики Беларусь). В ИК Республики Беларусь отсутствуют даже критерии, по которым лицо не может осуществлять как трудовую, хозяйственную деятельность, так и действия, связанные с избирательным процессом. Так, например, нет ограничений быть членом избирательной комиссии в связи с наличием гражданства иностранного государства, ограничением дееспособности, не достижением определенного возраста, с наличием судимости и т.д. Получается, что членами избирательных комиссий – органов, принимающих общеобязательные решения в связи с организацией и проведением выборов в стране – могут быть лица, фактически ограниченные в дееспособности, не отличающиеся законопослушным поведением, по состоянию здоровья, не имеющие возможность осуществлять полномочия.

По данным Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов в ходе президентских выборов 2015 года из 67 185 членов участковых избирательных комиссий, 32 540 (48,4 %) выдвинуты общественными объединениями и политическими партиями; 9 554 (14,2 %) – трудовыми коллективами; 24 847 (37,0 %) – гражданами путем подачи заявлений. Таким образом, в Республике Беларусь достаточно активно используются все возможные способы выдвижения кандидатов в члены комиссий и, следовательно, должны быть установлены на законодательном уровне ограничения для выполнения лицами полномочий члена избирательной комиссии.

По нашему мнению, могут быть закреплены общие и специальные ограничения. В частности членом избирательной комиссии не может быть иностранный гражданин, признанный судом недееспособным или ограниченно дееспособным, имеющий судимость, лицо, не достигшее возраста 18 лет. К специальным ограничениям должны быть отнесены обстоятельства, связанные с должностным положением лица.

В качестве ориентира можно привести примеры из законодательства некоторых зарубежных стран. В соответствии со ст. 19 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан» не может быть членом избирательной комиссии: лицо, имеющее судимость, которая не погашена или не снята в установленном законом порядке; лицо, признанное судом недееспособным или ограниченно дееспособным.

Согласно Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», членами комиссий с правом решающего голоса не могут быть:

- а) лица, не имеющие гражданства Российской Федерации, а также граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства;
- б) граждане Российской Федерации, признанные решением суда, вступившим в законную силу, недееспособными, ограниченно дееспособными;
- в) граждане Российской Федерации, не достигшие возраста 18 лет;
- г) депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти, органов местного самоуправления;
- д) выборные должностные лица, а также главы местных администраций;
- е) судьи (за исключением судей, находящихся в отставке), прокуроры;
- ж) на соответствующих выборах – кандидаты, их уполномоченные представители и доверенные лица, уполномоченные представители и доверенные лица избирательных объединений, выдвинувших кандидатов, списки кандидатов;
- з) на соответствующих референдумах – члены и уполномоченные представители инициативных групп по проведению референдума;
- и) на соответствующих выборах, референдумах – члены комиссий с правом совещательного голоса;
- к) на соответствующих выборах – супруги и близкие родственники кандидатов, близкие родственники супругов кандидатов;
- л) лица, которые находятся в непосредственном подчинении у кандидатов;
- м) лица, выведенные из состава комиссий по решению суда, а также лица, утратившие свои полномочия членов комиссий с правом решающего голоса в результате расформирования комиссии (за исключением лиц, в отношении которых судом было установлено отсутствие вины за допущенные комиссией нарушения), – в течение пяти лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда;
- н) лица, имеющие неснятую и непогашенную судимость, а также лица, подвергнутые в судебном порядке административному наказанию за нарушение законодательства о выборах и референдумах, – в течение одного года со дня вступления в законную силу решения (постановления) суда о назначении административного наказания.

В связи с этим Л. Д. Волкова высказывала предложения о дополнении списка ограничений для выполнения полномочий члена избирательной комиссии. В частности, по ее мнению необходимо: повышение возрастного ценза, наличие высшего образования или ученой степени в области права для председателей, заместителей, секретарей избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, а также председателей окружных избирательных комиссий по выборам депутатов Государственной Думы России [3, с. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петухов, Ю. Ф. Особенности правового статуса избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в условиях реформирования избирательного законодательства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.02.02 / Ю. Ф. Петухов; Моск. социально-гуманитарная академия. – М., 2003. – 26 с.
2. Белявская, М. С. Конституционно-правовой статус избирательных комиссий, осуществляющих подготовку и проведение муниципальных выборов в Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.02.02 / М. С. Белявская; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2009. – 27 с.

3. Волкова, Л. Д. Проблемы правового регулирования организации и деятельности избирательных комиссий по подготовке и проведению федеральных выборов в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.02.02 / Л. Д. Волкова; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2000. – 26 с.

В. О. АСТАПЕНКО

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

**ПРАВО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Конституция Республики Беларусь закрепляет право на передвижение в статье 30: «граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно» [1, с. 54].

Законодательством Республики Беларусь предусматривается определенный порядок выезда для несовершеннолетних граждан.

В Республике Беларусь несовершеннолетними гражданами являются лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Граждане, не достигшие восемнадцати лет, если они не приобрели дееспособность в полном объеме в результате заключения брака или объявления полностью дееспособными, могут выезжать из Республики Беларусь по своим документам для выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь:

- в сопровождении обоих законных представителей при предъявлении законными представителями несовершеннолетнего сотруднику органа пограничной службы документов, подтверждающих статус законных представителей несовершеннолетнего;
- в сопровождении одного из законных представителей при предъявлении законным представителем несовершеннолетнего сотруднику органа пограничной службы документа, подтверждающего статус законного представителя несовершеннолетнего;
- без сопровождения законных представителей при предъявлении несовершеннолетним или сопровождающим его лицом сотруднику органа пограничной службы письменного согласия обоих законных представителей [2, ст. 12].

Письменное согласие законного представителя на выезд из Республики Беларусь несовершеннолетнего должно быть удостоверено нотариусом, либо другим должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, либо должностным лицом подразделения по гражданству и миграции органа внутренних дел Республики Беларусь по месту жительства законного представителя или несовершеннолетнего, либо компетентным органом или должностным лицом иностранного государства [2, ст. 18].

Законными представителями являются родители, усыновители, опекуны и попечители. Законодательство Республики Беларусь наравне с законными представителями содержит и понятие «близкие родственники», к которым относятся родители, дети, усыновители, усыновленных (удочеренных), родных братьев и сестёр, дед, бабушка, внуки, супруг (супруга) [3, ст. 60].

Таким образом, складывается ситуация, что несовершеннолетний не может покинуть территорию государства в сопровождении близкого родственника без письменного согласия обоих законных представителей. Например, бабушка или дед хотят вывезти внука за границу в целях оздоровления. Со стороны матери согласие имеется, а от отца согласия нет. В результате, ребенок утрачивает возможность выезда на оздоровление.

Если один из законных представителей не согласен с порядком выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего, предусмотренным Законом, он имеет право обратиться в суд с заявлением об определении иного порядка выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего. На основании решения суда об определении порядка выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего, отличного от порядка, предусмотренного настоящим Законом, сведения о несовершеннолетнем и об установленном порядке его выезда из Республики Беларусь включаются в банк данных о гражданах, право на выезд которых из Республики Беларусь временно ограничено [2, ст. 12]. То есть единственным способом разрешения конфликтной ситуации является обращение в суд для установления иного порядка выезда несовершеннолетнего. Нельзя забывать и о законодательстве страны въезда. Республика Беларусь может разрешать выезд несовершеннолетних с согласия одного законного представителя, а государство въезда устанавливать порядок, при котором необходимо согласие обоих законных представителей. В таком случае соблюдается порядок въезда страны пребывания. Иными словами несовершеннолетний гражданин реализует право выезда из Республики Беларусь, однако въехать в иное государство не сможет.

В случае отсутствия одного из законных представителей или невозможности получения его согласия несовершеннолетний может выезжать из Республики Беларусь по своему документу для выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь без сопровождения законных представителей с письменного согласия одного законного представителя при предъявлении несовершеннолетним или сопровождающим его лицом сотруднику органа пограничной службы одного из следующих документов:

- копии решения суда о возможности выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего без согласия другого законного представителя;
- копии решения суда о признании другого законного представителя недееспособным;
- копии решения суда о лишении другого законного представителя родительских прав;
- справки о нахождении в розыске другого законного представителя, выданной органом, ведущим уголовный процесс;
- Брачного договора или Соглашения о детях, в которых предусмотрена возможность выезда из Республики Беларусь несовершеннолетнего без согласия другого законного представителя, либо их копии;
- свидетельства о смерти другого законного представителя или его копии;
- копии решения суда об объявлении другого законного представителя умершим;
- копии решения суда о признании другого законного представителя безвестно отсутствующим;
- справки органа, регистрирующего акты гражданского состояния, о том, что запись об отце ребенка в книге записей актов о рождении произведена на основании заявления матери, не состоящей в браке или ее копии [2, ст. 13].

Так, считается возможным дополнить часть 1 статьи 12 Закона Республики Беларусь от 20 сентября 2009 г. № 49-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» следующим пунктом: «в сопровождении близких родственников с согласия одного законного представителя». Таким образом, ч. 1 ст. 12 будет выглядеть следующим образом: «Граждане, не достигшие восемнадцати лет, если они не приобрели дееспособность в полном объеме в результате заключения брака или объявления полностью дееспособными (далее, если не определено иное, – несовершеннолетние), могут выезжать из Республики Беларусь по своим документам для выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь:

- в сопровождении обоих законных представителей при предъявлении законными представителями несовершеннолетнего сотруднику органа пограничной службы документов, подтверждающих статус законных представителей несовершеннолетнего;
- в сопровождении одного из законных представителей при предъявлении законным представителем несовершеннолетнего сотруднику органа пограничной службы документа, подтверждающего статус законного представителя несовершеннолетнего;
- без сопровождения законных представителей при предъявлении несовершеннолетним или сопровождающим его лицом сотруднику органа пограничной службы письменного согласия обоих законных представителей, за исключением случаев, предусмотренных статьями 13–16 настоящего Закона;
- в сопровождении близких родственников с согласия одного законного представителя».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 20 сентября 2009 г.: № 49-З: с изм. и доп.: текст по состоянию на 4 янв. 2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: № 278-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Е. П. БРАНЦЕВИЧ

Горки, Учреждение образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГРАЖДАН УКРАИНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Конец XX – начало XXI в. отмечены крупнейшими геополитическими изменениями, социальными и военно-политическими кризисами, межэтническими конфликтами, что стало причиной массовых миграционных потоков. Эти процессы

оказывают значимое воздействие как на внутреннюю ситуацию в государствах, так и на международную политику в целом. Для Республики Беларусь проблема регулирования миграции населения хотя и не является наиболее острой, но также актуальна и особенно в связи с событиями в Украине (более 25 тыс. граждан Украины прошли процедуру регистрации в Беларуси).

Очевидно, что на данном этапе Беларусь добилась определенных результатов в создании нормативной системы для убежища, которая соответствует международным стандартам.

Законодательство в отношении беженцев в Республике Беларусь постоянно совершенствуется, а именно: принят Закон Республики Беларусь «О беженцах». Его реализация началась в феврале 1997 году. В мае 2001 г. Республика Беларусь присоединилась к Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу, касающемуся статуса беженцев, 1967 г. Также разработаны и приняты нормативные правовые акты, регламентирующие пребывание беженцев в республике, правила временного содержания и размещения иностранцев в случае их массового прибытия в Беларусь и ряд других нормативных правовых актов.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь беженцам предоставляются основные социальные и экономические права. Однако сегодня эта проблема для Республики Беларусь обострилась в связи с событиями в Украине. За годы военного конфликта около 10 тыс. граждан Украины получили разрешение на работу в Беларуси, а некоторые обратились за предоставлением статуса беженца.

Полагаем, что следует согласиться с профессором, доктором экономических наук А. Лученком, что приезд к нам специалистов из Украины полезен для экономики Республики Беларусь. Это поможет восполнить недостаток квалифицированных кадров в строительстве и ряде других отраслей из-за трудовой миграции некоторых наших работников в Россию. Кроме того, у Беларуси и Украины сходная система образования, похожий национальный менталитет, нет языкового барьера, поэтому не возникнет серьезных проблем при адаптации украинцев к белорусским условиям.

Как правило, в Республике Беларусь украинские мигранты занимают невостребованные среди белорусов вакансии. Рабочих рук не хватает и в городах республики, и в селах. При приеме на работу переселенцам необходимы те же документы, что и для граждан Беларуси: документ, удостоверяющий личность, трудовая книжка, документ об образовании. Важный момент - в случае отсутствия разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь гражданину Украины необходимо иметь специальное разрешение на трудоустройство, которое выдается по ходатайству нанимателя Республики Беларусь подразделением по гражданству и миграции управления внутренних дел областного либо Минского городского исполнительного комитета по месту регистрации нанимателя.

В целях упрощения трудоустройства на сайте Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь имеются списки организаций, которые могут нанять украинских мигрантов.

Учитывая рост числа беженцев из Донецкой и Луганской областей в Беларусь, Президент Республики Беларусь подписал Указ «О пребывании граждан Украины в Беларуси». Он, в частности, упрощает процедуру назначения государственных пособий гражданам Украины, а также позволяет обеспечить временно пребывающим в Беларуси гражданам Украины право на получение дошкольного, общего среднего и специального образования наравне с несовершеннолетними гражданами Беларуси. Указ также освобождает от уплаты государственной пошлины за выдачу разрешений на

привлечение в Беларусь иностранной рабочей силы и специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Беларуси [2].

Около 100 украинских граждан обратились с ходатайствами о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь. Все ходатайства граждан Украины о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь находятся на рассмотрении в соответствующих государственных органах. Рассмотрение осуществляется в индивидуальном порядке. Решения по ходатайствам принимаются в соответствии с законодательством.

Для граждан Украины срок их временного пребывания в Беларуси не может превышать 90 суток в полугодие и 180 суток в календарном году и они обязаны зарегистрироваться в подразделении по гражданству и миграции по месту жительства не позднее 30 суток со дня въезда в страну. Регистрация осуществляется в день обращения.

При наличии оснований предусмотренных Законом Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» граждане Украины могут получить разрешение на временное или постоянное проживание в Беларуси.

Прием и рассмотрение ходатайств иностранцев о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь осуществляются управлениями по гражданству и миграции ГУВД Мингорисполкома и УВД облисполкомов. Срок рассмотрения ходатайств - от 6 месяцев, в исключительных случаях до 1 года. Решение о предоставлении иностранцу статуса беженца или дополнительной защиты принимается Департаментом по гражданству и миграции МВД РБ с учетом информации органов Госбезопасности.

В соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» (далее – Закон) статус беженца в Республике Беларусь предоставляется иностранному гражданину, который находится на территории Республики Беларусь в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований в государстве гражданской принадлежности по различным причинам, указанным в Законе.

В соответствии со статьей 21 Закона о беженцах дополнительная защита в Республике Беларусь предоставляется иностранному гражданину, находящемуся на территории Республики Беларусь, у которого отсутствуют основания для предоставления ему статуса беженца, но существуют вполне обоснованные опасения столкнуться при возвращении в государство гражданской принадлежности с угрозой смертной казни, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания либо с угрозой жизни, возникшей по причине насилия в условиях вооруженного конфликта международного или немеждународного характера, и который не может или не желает вследствие таких опасений пользоваться защитой этого государства, или лицу без гражданства, находящемуся на территории Республики Беларусь, у которого отсутствуют основания для предоставления ему статуса беженца, но существуют указанные опасения, и которое не может или не желает вернуться в государство прежнего обычного места жительства в силу таких опасений. [1]

Согласно ч. 1 ст. 27 указанного закона иностранец, изъявивший желание ходатайствовать о получении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, а также члены его семьи, достигшие возраста 18 лет, обязаны

лично или через уполномоченного представителя обратиться с ходатайствами о защите в подразделение по гражданству и миграции. Ходатайство о защите иностранца, пребывающего на территории области (г. Минска), принимается подразделением по гражданству и миграции, расположенным на территории данной области (г. Минска).

На сегодняшний день в стране действуют три центра временного размещения для лиц, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь: в Витебске (24 места), Гомеле (32 места), Бресте (12 мест).

Таким образом, предоставление статуса беженца в Беларуси дает право иностранцу постоянно проживать в Республике Беларусь и иные права наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь. Предоставление дополнительной защиты в Республике Беларусь дает право иностранцу временно проживать в Республике Беларусь, а также право на медицинское обслуживание и трудоустройство наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь. Такие права как приобретение жилья, поселение, трудоустройство и другие, иностранцы, которым предоставлен статус беженца или дополнительная защита, реализуют самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Беларусь от 23.06.2008 г. № 354-З (в ред. от 24.12.2015) «О предоставлении иностранным гражданам статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Закон Республики Беларусь от 04.01.2010г. № 105-З (в ред. от 20.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

М. Н. ВАЛЮХНЕВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЮСТИЦИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Обеспечение верховенства Конституции в системе нормативных правовых актов, является важнейшим условием функционирования правового государства. Главной составляющей этого условия является наличие в государстве конституционного контроля. Осуществление конституционного контроля сводится к процессу установление баланса между интересами не только человека и государства, но и общества в целом. Наличие в правовой системе государства механизма конституционного контроля является на сегодняшний день обычной практикой многих европейских государств. Это обусловлено тем, что сегодня заметно возрастает сфера судебного контроля за законностью и конституционностью нормативных правовых актов.

Идея конституционного контроля была впервые реализована в работе Тайного совета, созданного в Великобритании, основной задачей которого был контроль над

законностью актов колоний, насколько они соответствовали законам британского парламента или общему праву [1, с. 444].

Своё начало конституционный контроль европейского стиля берёт в 1920-м году в Австрии. Венский адвокат Ганс Кельзен излагает свой теоретический труд, который быстро набирает популярность не только в Европе, но и в арабских странах. Для его модели конституционного правосудия характерно наличие специализированного органа конституционного контроля – конституционного суда. В целом, становление и развитие конституционного контроля в большинстве стран осуществляется сложно. От закрепления в конституции до принятия специального закона о конституционном суде, а затем до реального создания суда проходил относительно длительный период времени.

Однако следует отметить, что существуют страны, где нет органов конституционной юстиции. Примерами являются Великобритания, Нидерланды, Люксембург.

Обращение к опыту организации и функционирования органов конституционного контроля в других государствах позволяет осмыслить многие проблемы, существующие в построении конституционного контроля в Республике Беларусь. Особый интерес в этом плане представляют Франция, Австрия, Италия, Венгрия, Польша, Болгария, Испания, Чехия, Германия, а также Соединенные Штаты Америки как государства с диаметрально противоположной системой конституционного контроля [2, с. 5].

В теории выделяют существование двух моделей конституционного контроля: европейскую и американскую.

Конституция США не предусматривает существования института конституционного контроля, поэтому в США существует традиционная (американская) система конституционного контроля. Эта модель судебного контроля предусматривает, что конституционные споры рассматриваются обычными судами в соответствии с обычной процедурой (так называемый децентрализованный контроль). В основе американской модели лежат дело Мербэри, рассмотренное Верховным Судом Соединенных Штатов в 1803 г., и доктрина Джона Маршалла. Вывод о возможности конституционного контроля содержится в ст. 6 основного закона страны, которая гласит, что в случаях расхождения общенационального права и международных договоров, заключенных США, с конституцией, и законами штатов, суды штатов должны руководствоваться национальными конституцией и законами и договорами, заключенными США. Но в конституции нигде не говорится о праве судов проверять конституционность федеральных законов.

В настоящее время в большинстве стран мира действуют органы конституционного контроля, из них более 30 – на европейском континенте. Европейская модель конституционного контроля, при которой вопрос о конституционности проверяемого нормативного правового акта решается вне конкретного судебного дела, позволяет обеспечить правовую объективность (беспристрастность) в силу отсутствия связанности при разрешении конституционных вопросов обстоятельствами конкретного дела, экономить время, так как каждый (судья – по конкретному делу и конституционные судьи – по вопросу конституционности нормативного акта) занят подготовкой и разрешением своих вопросов [1, с. 444].

В государствах СНГ созданы конституционные суды, а в Казахстане по примеру Франции – Конституционный Совет. «Старейшими» являются органы конституционного контроля России (1991), Казахстана (1993). В марте 1994 г. была

принята Конституция суверенной Беларуси, которая предусмотрела создание в государстве специализированного органа конституционного контроля. Основной закон содержал гл. 6, имевшую название «Конституционный суд Республики Беларусь» и входившую в раздел VI Конституции, называвшийся «Государственный контроль и надзор». В связи с этим фактом импульс к развитию получила идея четвертой, контрольной власти в государстве. Но после внесения в 1996 г. изменений и дополнений в Основной Закон посвященные Конституционному суду нормы оказались в главе с названием «Суд». Тем не менее, в силу особенностей своего правового положения Конституционный Суд в недостаточной степени задействован в процессе отправления правосудия [2 с. 26].

Что касается общих правовых проблем, которые стоят перед органами конституционного контроля, то они в значительной мере обусловлены такими объективными трудностями переходного периода, как:

- несбалансированность системы разделения властей, нередко сопровождающаяся явно выраженным конфликтом между законодательной и исполнительной ветвями власти, а в ряде случаев – и судебной;

- наличие пробелов в законодательстве, что чревато нарушением конституционных прав и свобод;

- недостаточное соответствие национального законодательства общепризнанным принципам и нормам международного права (и прежде всего - в области прав человека);

- недостаточная проработанность правовой базы конституционного правосудия (и прежде всего – отсутствие или неэффективность правовых механизмов, гарантирующих исполнение решений Конституционного Суда);

- не разработанность национальных конституционно-правовых доктрин.

В отечественной литературе 50–80-х годов тема конституционных судов практически игнорировалась. Функции конституционных судов были возложены в определенный период на Верховный суд при ЦИКе СССР, что делало их формальными. Определенный интерес к этой теме появился в 90-х годах, когда начали создаваться первые самостоятельные органы конституционного контроля. Известный учёный - конституционалист Василевич Г. А. сегодня говорит о том, что следовало бы упростить процедуру обращения судов в Конституционный Суд: их запросы могли бы направляться, минуя Верховный Суд. Как представляется, в настоящее время «запрос суда» относят, к своего рода, инициативным обращениям.

Это обстоятельство обуславливает необходимость комплексного и всестороннего анализа развития института конституционного контроля за рубежом с целью применения мирового опыта на практике в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А., Конституционное право зарубежных стран : Учебник / Г. А. Василевич, Н. М. Кондратович, Л. А. Приходько; под общ. ред. Г. А. Василевич. – Минск: Книжный Дом, 2006. – 415 с.

2. Ивашкевич, Е. Ф., Конституционное право зарубежных стран : методические рекомендации : в 3 ч. / Е. Ф. Ивашкевич. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – Ч. 1 : Предмет. Система и источники конституционного права зарубежных стран. Основы теории конституции. – 49 с.

М. А. ГАПОНЕНКО

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ В БЕЛОРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДЕФИНИЦИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

Важнейшим элементом правоотношений являются субъекты права.

Субъекты права – это лица, которые являются носителями прав и обязанностей и, соответственно, являются участниками правоотношений.

Субъекты права подразделяются прежде всего на индивидуальные (физические лица) и коллективные (юридические лица).

При анализе субъектов индивидуальных правоотношений встал вопрос: выделяют ли несовершеннолетних (детей) как индивидуальных субъектов права с теоретической точки зрения? Изучив труды ученых-юристов, монографии, статьи авторов, проводивших исследование несовершеннолетнего как субъекта права, таких как Макаревой М. В., Тверитиновой О. Г., Малковой В. Д., мы пришли к следующим выводам. Во-первых, несовершеннолетние рассматриваются либо в контексте субъекта права в отдельных отраслях права (например, уголовное право, трудовое право), либо с позиции обязательных качеств субъектов, таких как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, при определении правового статуса несовершеннолетнего. Во-вторых, теоретическое исследование несовершеннолетних (детей) как субъектов права недостаточно и, соответственно, данное направление требует более глубокого изучения.

Чрезвычайно важно определить место, которое занимают несовершеннолетние среди других субъектов правоотношений. Учитывая чрезвычайную социальную значимость проблемы воспитания подрастающего поколения, с одной стороны, и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, с другой, представляется, что для обоснования выделения их в качестве категории субъектов права, обладающих специальным административно-правовым статусом, могут быть взяты следующие критерии:

- 1) Неполная правосубъектность несовершеннолетних лиц порождает особый характер взаимодействия этой категории с системой органов исполнительной власти;
- 2) Невозможность в реальной жизни несовершеннолетними лицами самостоятельно обеспечивать защиту своих прав и законных интересов;
- 3) Участие несовершеннолетних, как специальных субъектов, в большом количестве общественных отношений, регулируемых различными отраслями права, обуславливает необходимость более четкого правового регулирования статуса этой категории субъектов.

Подводя заключение выше изложенному, можно определить актуальность данной проблемы, которая заключается в том, что, понятийная база белорусского законодательства в отношении несовершеннолетних лиц, должна быть построена таким образом, чтобы во всех отраслях белорусского права не возникало двусмыслиц и неясностей при применении норм права в отношении данной категории субъектов, поскольку они относятся к наиболее уязвимой категории субъектов и требуют повышенного внимания и особой защиты, как со стороны государства, в котором проживают, так и со стороны мирового сообщества в целом.

Цель исследования - предложить пути совершенствования белорусского законодательства, применяемого в отношении несовершеннолетних лиц.

Таким образом, в настоящем исследовании представляется уместным определить понятийную базу и правовую основу рассматриваемой категории – правовой статус несовершеннолетнего лица.

Под несовершеннолетним зачастую понимается лицо, не достигшее возраста совершеннолетия, установленного законом государства. Определение данного понятия меняется в зависимости от культурных особенностей каждой страны. Конвенция по правам ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года, определяет ребенка как человеческое существо до достижения восемнадцатилетнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее [1].

Однако в некоторых других международных документах установлен иной возрастной предел. Речь идет, прежде всего, о международных договорах, касающихся какого-то определенного аспекта жизни ребенка. Так, например, Гагская конвенция о гражданских аспектах похищения детей от 25 октября 1980 г. [2] и Европейская конвенция по признанию и вступлению в силу решений, касающихся опеки над детьми и восстановления опеки над детьми от 20 мая 1980 г. [3], признают, что для целей данных конвенций ребенком является личность до достижения 16 лет.

В Республике Беларусь понятие ребенок закрепляется в Законе Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 года. Исходя из формулировки, изложенной в законе, вытекает, что ребенком является физическое лицо до достижения им возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объеме [4].

Следует отметить, что Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» закрепляет и дает определение только понятию «ребенок».

Гражданское законодательство, закрепляя права и обязанности несовершеннолетнего, использует два термина: «малолетний» – в силу возраста им признается гражданин с момента рождения до достижения 14 лет – и «несовершеннолетний» — с момента рождения и до достижения 18 лет [5]. Это обусловлено различным объемом возможностей самостоятельно реализовывать предусмотренные законом права и обязанности в силу психологической зрелости ребенка

В Трудовом кодексе Республики Беларусь наряду с термином «несовершеннолетний» можно встретить и такие как «лица моложе восемнадцати лет», «молодые работники», вкладывая в эти понятия смысл определения «ребенок» [6].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь используются такие дефиниции, как «лица в возрасте до восемнадцати лет», «несовершеннолетние», «ребенок», «дети» [7].

В Кодексе Республики Беларусь о браке и семье используются понятия «дети», «ребенок», «подросток». Однако уже в статье 179 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье дается определение возрастных границ, раскрывающие понятия «несовершеннолетний», «малолетний» и «подросток» [8]. Таким образом, лицо с момента рождения до достижения им восемнадцати лет считается несовершеннолетним. Ребенок до достижения им возраста четырнадцати лет считается малолетним. Несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет считается подростком.

На наш взгляд, законодатель, используя различную терминологию, нарушает принцип единообразного применения норм права не только для государственных

органов и организаций, осуществляющих защиту прав и интересов несовершеннолетних, но также и для физических лиц. Возникает, таким образом, много вопросов, касательно понимания и применения различных дефиниций, используемых в законодательных актах. Поскольку Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» является законодательным актом, определяющим статус детей, необходимо, чтобы все понятия, которые могут касаться ребенка, были закреплены именно в этом нормативно-правовом акте. Предлагаем закрепить в статье 1 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» следующие термины: «Несовершеннолетним является лицо с момента рождения до достижения им возраста восемнадцати лет. Малолетним является лицо с момента рождения до достижения им возраста четырнадцати лет. Подростком признается лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет».

Изучив нормативно-правовые акты Республики Беларусь, регулирующие отношения с такими субъектами права, как несовершеннолетние лица, мы пришли к выводу о том, что белорусское законодательство требует изменений и дополнений. Мы определили нормативно-правовой акт, а именно Закон Республики Беларусь «О правах детей», в котором необходимо отразить предложенные выше дополнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Конвенция Организация Объединенных Наций о правах ребенка [Электронный ресурс] : [принята в г. Нью-Йорке и открыта для подписания, ратификации и присоединения 20 ноября 1989 г.] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь – М., 2016.

2 Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [Электронный ресурс] : [принята в г. Гааге 25 октября 1980 г.] // Национально-правовое обеспечение Гарант // ООО НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС». – М., 2016.

3 Европейская конвенция о признании и исполнении решений в области опеки над детьми и восстановления опеки над детьми [Электронный ресурс] : [принята в г. Люксембург 20 мая 1980 г.] // Национально-правовое обеспечение Гарант //ООО НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС». – М., 2016.

4 О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 19 ноября 1993 г., № 2570-ХІІІ : в ред. Закона Республики Беларусь от 11.05.2016 г. №362-3 // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2016.

5 Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 декабря 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 16 января 2012 г. – Минск : Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь, 2012. – 752 с.

6 Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 6 июня 2011 г. – Минск : Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь, 2011. – 240 с.

7 Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 1 марта 2011 г. – Минск : Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь, 2011. – 304 с.

8 Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: 9 июля 1999 г. № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 15 октября 2010 г. – Минск: Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь, 2010. – 144 с.

Е. Э. ДЕМИДЧИК, О. М. ПУХОВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

РАСХОЖДЕНИЯ В ПОНИМАНИИ ТЕРМИНОВ «ДЕПОРТАЦИЯ» И «ВЫДВОРЕНИЕ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В систему методов административно-правового регулирования в сфере миграции входят административное выдворение за пределы Российской Федерации (в качестве административного наказания) и депортация (в качестве административно-пресекательной меры). Активное их применение на практике в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства во многом выявляет спорность и несогласованность соответствующих правовых норм, регулирующих их применение.

Следует отметить, что депортация не является видом административного наказания, применяемого к иностранным гражданам (лицам без гражданства). Это особый инструмент государственного принуждения, применение которого прежде всего направлено на обеспечение безопасности и охрану здоровья иных граждан. Для применения депортации в отношении иностранного гражданина (лица без гражданства) наличие события правонарушения не обязательно. По общему смыслу существующего законодательства основанием для депортации служит само пребывание иностранного гражданина в государстве, создающее угрозу как всему обществу, так и отдельным его членам. Депортация иностранных граждан (лиц без гражданства) характеризуется следующими особенностями: это мера государственного принуждения, направленная на ограничение прав и свобод иностранных граждан (лиц без гражданства) в Российской Федерации; субъектами депортации выступают только иностранные граждане и лица без гражданства; депортация за пределы Российской Федерации иностранных граждан (лиц без гражданства) осуществляется только на основании решения компетентного органа исполнительной власти; не является видом административного наказания; депортация применяется как за правомерное, так и за неправомерное деяние (бездействие).

Российское административное законодательство относит административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства к мерам административной ответственности и определяет, что административное выдворение представляет собой принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы территории Российской Федерации по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом [1]. Это один из видов административного наказания, который применяется только к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Основная цель применения этой меры состоит в наказании иностранных граждан и лиц без гражданства за совершенные ими на территории Российской Федерации административные правонарушения. Административное выдворение включает в себя две формы удаления иностранного гражданина или лица без гражданства с территории Российской Федерации: принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства через Государственную границу Российской Федерации за пределы России и контролируемый самостоятельный выезд указанных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации. Рассматривая его как вид административного наказания, безусловно, можно сделать вывод, что основанием его

применения является административное правонарушение. Составы административных правонарушений, совершение которых влечет вынесение постановления об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства, содержит Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ). К ним относятся: - нарушение режима Государственной границы Российской Федерации (ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ); - нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации (ч. 2 ст. 18.4 КоАП РФ); - нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (ст. 18.8 КоАП РФ); - незаконное осуществление иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации (ст. 18.10 КоАП РФ); - нарушение иммиграционных правил (ст. 18.11 КоАП РФ); - несоблюдение установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности (ч. 2 ст. 18.17 КоАП РФ); - представление ложных сведений при осуществлении миграционного учета (ст. 19.27 КоАП РФ);

Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства характеризуется следующими особенностями: это мера административного принуждения, направленная на ограничение прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации; субъектами административного выдворения выступают только иностранные граждане и лица без гражданства; административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется на основании совершенного административного правонарушения; решение об административном выдворении принимается и осуществляется в одностороннем порядке (назначается судьей, а в случае совершения иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения при въезде в Российскую Федерацию - соответствующими должностными лицами; постановление об административном выдворении выносится без согласования с государством, гражданином которого является лицо, оно может только уведомляться об этом; административное выдворение за пределы Российской Федерации не может применяться к военнослужащим - иностранным гражданам; исполнение решения об административном выдворении предполагает либо контроль за выездом, который осуществляется за счет средств выдворяемого или физического (юридического) лица, которое его пригласило, либо принудительное перемещение через Государственную границу за пределы Российской Федерации.

Анализ приведенных норм свидетельствует о том, что административное выдворение и депортация представляют собой специальные средства государственного принуждения: первое является мерой административного наказания и применяется только за совершенное административное правонарушение; второе есть разновидность мер защиты, применяемых исключительно по отношению к иностранным гражданам в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного благополучия и здоровья. Безусловно, понятия депортации и административного выдворения очень схожи, тем не менее они имеют ряд существенных отличий как по нормативной правовой основе применения, так и по субъектному составу, органам, принимающим решение и органам, на которых возложено исполнение такого решения. Также при принятии решения о наложении административного выдворения, лицо не может в течение 5 лет с момента принятия

решения въезжать на территорию страны, а при депортации подобных ограничений по срокам не установлено.

Существует мнение, что депортация является одним из видов административной ответственности. На наш взгляд это не так. Во-первых, само по себе неправомерное поведение субъекта не является основанием депортации. Во-вторых, депортация не входит в систему административных наказаний, предусмотренных КоАП РФ. В-третьих, единственным органом, уполномоченным принимать решение о депортации, является Федеральная миграционная служба МВД [2]. Однако необходимо отметить, что депортация, безусловно, является одним из административно-правовых методов в системе государственного управления в миграционной сфере.

Согласно Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП РБ), депортация – это административное выдворение за пределы Республики Беларусь, применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства и относится к виду административного взыскания [3].

Депортация применяется на основании вынесенного постановления компетентными на то органами и обращается к исполнению немедленно с даты вынесения данного постановления. Срок запрета въезда на территорию нашей страны – от шести месяцев до пяти лет. Чаще всего депортация применяется органом административного производства за совершение следующих административных правонарушений: - незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь (ст. 23.29); - нарушение режима Государственной границы Республики Беларусь (ст. 23.31 КоАП РБ); - нарушение законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 23.55 КоАП РБ).

Депортация может происходить как в добровольном, так и в принудительном порядке. Принудительный порядок применяется в случаях наличия оснований полагать, что лицо, обратившееся с заявлением добровольно и за свой счет покинуть страну, не исполнит данное решение. Иностранец, которому предоставлено право добровольно и за счет своих средств покинуть пределы Республики Беларусь, самостоятельно определяет государство, в которое он обязан выехать, и способ выезда из нашего государства. Если лицо получило разрешение на выезд добровольно и за свой счет, оно обязано за трое суток до даты выезда проинформировать орган, вынесший постановление о депортации в добровольном порядке. Государственными органами, реализующими данную меру в Республике Беларусь, являются Департамент по гражданству и миграции МВД РБ и его территориальные органы, а также территориальные органы внутренних дел. Как видим, при принятии решения о выдворении иностранцев с территории Российской Федерации необходимо решение суда, в то время как при депортации иностранцев с территории Республики Беларусь подобные решения зачастую принимаются на уровне региональных руководителей МВД Республики Беларусь.

Подводя итог, можно отметить, что расхождения в понятиях «депортации» в нашей стране и Российской Федерации, а также наличие у последней дополнительного рычага воздействия на конкретный круг лиц в виде административного выдворения, связан с огромными миграционными потоками в России. Исходя из проведенного анализа видно, что процесс депортации в двух союзных государствах имеет различия как по правовым основаниям, так по субъектам осуществления. В рамках Таможенного союза, на наш взгляд, должна проводиться интеграция законодательств всех стран-участников в сфере гражданства и миграции, в т. ч. и по вопросам осуществления депортации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Российской Федерации об Административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 7 марта 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 02.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
2. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 февр. 2002 г., № 115-ФЗ : в ред. Федер. закона от 03.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
3. Кодекс об Административных правонарушениях Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 23 июля 2008 г., № 425-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

А. С. ИГНАТЕНКО

Минск, Белорусский государственный университет

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Конституция Республики Беларусь закрепляет обязанность гражданина защищать свое Отечество. В ст. 57 Конституции указывается, что: 1) защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь; 2) порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом.

Понятие органов государственной безопасности даны в Законе Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь», в ст. 1: «Органы государственной безопасности - государственные органы, обеспечивающие в пределах предоставленных им полномочий безопасность личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Органы государственной безопасности являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь»[1].

Национальная безопасность в соответствии с п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575, представляет собой состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз [2].

Целью обеспечения национальной безопасности является достижение и поддержание такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

Органы государственной безопасности в своей деятельности руководствуются Конституцией Республики Беларусь, Законом и другими актами законодательства Республики Беларусь, международными договорами Республики Беларусь. Профессор Василевич Г.А. отмечает, что в деятельности органов государственной безопасности не допускается ограничение прав и свобод личности, за исключением случаев, предусмотренных законом Республики Беларусь [3]. Запрещается привлекать органы

государственной безопасности для решения задач, не предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

Военнослужащими являются граждане Республики Беларусь, состоящие на военной службе в органах государственной безопасности. Специальный статус военнослужащего органов государственной безопасности Республики Беларусь отражает особенности его положения по отношению к остальным категориям граждан. На это положение оказывает воздействие особая природа военной службы.

Все граждане Республики Беларусь в соответствии со ст.39 Конституции Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах, т.е. имеют равный доступ к военной службе как разновидности государственной службы. Это положение соответствует требованиям п. «с» ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах (Резолюция 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1966 г., Пакт вступил в силу 23 марта 1976 г.), согласно которому каждый гражданин без какой бы то ни было дискриминации (в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства) и без необоснованных ограничений должен иметь возможность допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе [4].

На военную службу призываются граждане Республики Беларусь мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет; первый контракт о прохождении военной службы могут заключить граждане обоих полов в возрасте от 18 до 40 лет.

Юридическое (правовое) положение военнослужащего – это сложный по своему составу институт, который включает не только нормы Конституции Республики Беларусь, актов, относящихся к конституционному праву, но и к другим отраслям законодательства, с учетом, что военное законодательство обладает признаками комплексной отрасли.

1. *Гражданство* – важнейший элемент конституционно-правового положения военнослужащего, в силу того, что права и свободы военнослужащего являются в первую очередь правами и свободами гражданина. В силу ст. 57 Конституции Республики Беларусь защита Республики Беларусь является обязанностью и священным долгом гражданина Республики Беларусь. Таким образом, военнослужащим может быть только гражданин Республики Беларусь. 2) Другим элементом конституционно-правового статуса военнослужащего следует признать *правосубъектность* (право-дееспособность), как способность гражданина иметь соответствующие права и нести обязанности.

2. *Правоспособность* военнослужащего наступает согласно ст. 1 Закона «О статусе военнослужащих» со дня начала состояния на военной службе и утрачивается со дня, следующего за днем окончания состояния на военной службе. Причем следует уточнить, что определен и возраст состояния на воинской службе, а именно наступление совершеннолетия гражданина, 18 лет [5].

Военнослужащие обладают правами и свободами, которые установлены законодательством для иных граждан, с ограничениями, обусловленными особенностями военной службы и предусмотренными законами, иными законодательными актами. Согласно ст. 1 Закона «О статусе военнослужащих», «статус военнослужащих – совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных Конституцией Республики Беларусь, Законом и

иными законодательными актами Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь» [5]. *Права и свободы военнослужащего* установлены в законах Республики Беларусь «О статусе военнослужащих», «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь».

Обязанности военнослужащих можно подразделить на типы, это *специальные и должностные обязанности*, а также *общие обязанности*. В ст. 24 Закона «О статусе военнослужащих», описана полнота всех специальных и должностных обязанностей, возложенных на гражданина, состоящего на воинской службе. 3) Ограничение в правах и свободах военнослужащих органов государственной безопасности. Особенности военной службы заключаются в возложении на военнослужащих обязанностей, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с повышенным риском для жизни и здоровья. Ограничение военнослужащих в правах и свободах компенсируется предоставлением им государством дополнительных социальных льгот, прав и гарантий.

3. Следует отметить, что *особенности конституционно-правового статуса* военнослужащих органов государственной безопасности характеризуются наличием определенных *запретов и ограничений*, установленных не только законодательством о воинской обязанности и военной службе, но и, например, законами «О борьбе с коррупцией», «О государственной службе в Республике Беларусь», «О государственных секретах»

Как гласит норма закона, «лица, принимаемые на службу (работу) в органы государственной безопасности, подчиненные им воинские части и другие организации, проходят проверку на предмет пригодности к службе (работе) в органах государственной безопасности (включающую изучение достоверности сообщаемых ими сведений и выявление обстоятельств, препятствующих приему на службу (работу)) в порядке, установленном Комитетом государственной безопасности Республики Беларусь» [1].

Военнослужащим органов государственной безопасности запрещается выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением обязанностей военной службы (за исключением случаев, когда это вызвано служебной необходимостью), кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики, осуществляемых во внеслужебное время на основании гражданско-правовых договоров.

4. За свои неправомерные действия или бездействие военнослужащие несут дисциплинарную, материальную, гражданско-правовую, административную, уголовную *ответственность* в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

5. Исследуем еще один компонент структуры конституционно-правового статуса, – *государственные гарантии*, установленные, как *Конституцией* для всех граждан, так и законом конкретно для военнослужащих.

Военнослужащим устанавливается единая система мер правовой и социальной защиты, в том числе денежного, материального и иных видов обеспечения, в соответствии с занимаемыми воинскими должностями, воинскими званиями, квалификацией, продолжительностью и условиями военной службы.

В Законе «Об органах государственной безопасности» (ст. 27–33) устанавливаются гарантии правовой и социальной защиты сотрудников органов государственной безопасности.

Выводы. Особенности конституционно-правового статуса военнослужащих внутренних войск Республики Беларусь заключаются в его структуре, основные компоненты которой: 1) обязательное гражданство Республики Беларусь; 2) наличие общей и специальной правосубъектности, в которой центральное место занимают конституционные права, свободы и обязанности, вокруг которых находятся все иные элементы; 3) ответственность за нарушение военнослужащими законодательства; 4) ограничения и запреты, связанные с прохождением воинской службы; 5) наличие государственных гарантий (политических, социально-экономических, нравственных, организационных), так и условий и средств их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-З (ред. от 19.07.2016) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. №575 (ред. от 24.01.2014) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.
3. Василевич, Г.А. Комитет государственной безопасности / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/51878/1/КОМИТЕТ%20ГОСУДАРСТВЕННОЙ%20ОБЕЗОПАСНОСТИ.pdf>. – Дата доступа : 24.10.2016.
4. Артамонов, Н.В. Правовой статус советских военнослужащих и его обеспечение // Н.В. Артамонов. – М., 1984. – С. 14–15.
5. О статусе военнослужащих : Закон Республики Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 100-З (ред. от 01.07.2014) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 плюс [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

К. С. КАРПОВИЧ

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ПОНЯТИЕ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Согласно Конституции Республики Беларусь местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы в пределах компетенции решают вопросы местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории [1, ст.120], т.е. уже в Конституции говорится, что местные исполнительные и распорядительные органы должны решать вопросы местного значения.

Закон «О местном управлении и самоуправлении» Республики Беларусь не уточняет понятие вопросов местного значения и не определяет перечня вопросов местного значения.

В Законе определен предмет деятельности органов местного управления и самоуправления: вопросы местного значения. При этом основной целью деятельности

местной власти является их эффективное решение. Вопросы местного значения включают в себя и общегосударственные вопросы, решаемые ими в административно-территориальных единицах, но имеющие локальный интерес. В перспективе целесообразным представляется разграничение органов местного самоуправления на осуществляющие региональное самоуправление и осуществляющие местное самоуправление на низовом уровне. Вопросы, решаемые региональными органами местного самоуправления, в основном должны быть направлены на обеспечение условий межрегионального сотрудничества.

Местные Советы депутатов всех уровней не имеют собственных исполнительных и распорядительных органов. Поэтому Закон наделяет местные исполнительные и распорядительные органы, которые являются органами государственного управления, полномочиями как по решению вопросов местного значения, так и по подготовке и исполнению решений соответствующих Советов.

Предметы ведения местных администраций составляют вопросы местного значения, решаемые ими как непосредственно, так и путем взаимодействия с иными государственными органами, действующими в пределах района в городе.

Некоторые исследователи проблем местного управления отмечают, что в предмет ведения местных исполнительных и распорядительных органов входят вопросы, затрагивающие общегосударственные, национальные интересы.

Действительно, ряд нормативных правовых актов определяет национальные интересы Республики Беларусь в различных сферах как приоритетные потребности государства, обеспечение которых направлено на сбалансирование интересов государства и общества, и направленные на обеспечение конституционных прав, свобод, высокого качества жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь [2, с.276].

Закон также употребляет термины «общегосударственные интересы», «вопросы республиканского значения», не раскрывая их значения. Однако практическое достижение ставящихся целей государственного управления в масштабе всей страны, реализация национальных интересов невозможны без эффективного местного управления, осуществляемого в том числе местными администрациями, ибо посредством местного управления реализуется государственная политика в различных сферах жизнедеятельности общества. Равно как невозможно говорить об устойчивом развитии государства при недостаточном экономическом, социально-культурном развитии районов.

Согласно абз. 10 п. 1 ст. 1 Федерального Закона Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно [3].

В действующем белорусском законодательстве, в отличие от российского, не содержится толкования самого понятия «вопросы местного значения», что является существенным упущением. В. Кодавлович, определяет, что вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения административно-территориальных единиц, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления и затрагивает интересы каждого гражданина [4, с.40].

Постановлением СНГ №10-17 от 6 декабря 1997 года принят Модельный Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления», в абз. 3 п. 1 ст. 1 которого под вопросами местного значения понимаются вопросы обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, отнесенные к таковым уставом муниципального образования в соответствии с конституцией государства и данным законом [5].

В Конституции вопросы местного значения напрямую не определены. Часть их указана в ст. 121 Конституции. Согласно данной статье к исключительной компетенции местных Советов депутатов относятся: утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении; установление в соответствии с законом местных налогов и сборов; определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью; назначение местных референдумов [1].

На основании вышеизложенного предлагаем дополнить белорусское законодательство следующим определением: «вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизни населения, проживающего на соответствующей территории, в сфере комплексного экономического и социального развития, охраны правопорядка и прав граждан, работы предприятий, учреждений и организаций, обслуживающих население, решаемые соответствующим исполнительным и распорядительным органам как непосредственно, так и совместно с иными органами государственного управления». Такое понятие может быть закреплено в Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

В упомянутом Законе в ст. 1 «Основные понятия и термины», указывается, что в случае установления в конституции государства – участника СНГ обязанности нескольких уровней местного самоуправления, то целесообразно разделить вопросы местного значения, установив собственные предметы ведения в отношении каждого из уровней местного самоуправления. По Конституции РБ нет обязанности разделения нескольких уровней местного самоуправления, но оно предусмотрено Законом Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г., № 2875-XII: ред. от 17.11.2004 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2004.
2. Тимошенко, М. В. Особенности компетенции районных исполнительных комитетов в экономической сфере / М. В. Тимошенко // Вестн. экономич. интеграции. Спец. выпуск (Москва). – 2012. – № 54. – С. 274–280.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации , 6.10.2003 г., № 131-ФЗ: принят ГД ФС РФ 16.09.2003 [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: Российская Федерация. – 2016. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. Дата доступа: 28.05.2016.
4. Кодавбович, В. А. Вопросы местного значения / В. А. Кодавбович. – Юстыцыя Беларусі. – 2012. – №12. – С. 37–40.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления: Модельный закон, утв. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников

Содружества Независимых Государств, 6 декабря 1997 года, N 10-17 [Электронный ресурс] / ИПС "Законодательство стран СНГ". – 2016. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30973/. - Дата доступа: 28.05.2016.

В. А. КВАКУХО

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СТАТУСЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Конституция Республики Беларусь, возлагая на граждан обязанность и долг по защите Отечества, реализует институт военной службы как особого вида государственной службы, которую граждане проходят по призыву (конституционная обязанность части населения) и в добровольном порядке по контракту, реализуя при этом конституционное право на труд. При организации и исполнении военной службы возникают многочисленные проблемы, в том числе правового характера, требующие неотложного решения и приобретающие особый характер в связи с тем, что Беларусь является правовым государством.

Поскольку военная служба обуславливает ограничение военнослужащих в некоторых конституционных правах и свободах и некоторые формы военной службы носят обязательный характер, постольку дальнейшее совершенствование отношений между гражданами и государством по вопросу исполнения военной службы продолжает оставаться одной из актуальных проблем правовой науки. Проблемы совершенствования правового регулирования этих отношений охватывают две сферы общественных отношений: отношения между человеком и государством и устройство государства и государственной власти, а также практической деятельности государственных органов по совершенствованию законодательства в этой сфере. Проблема ограничения прав и свобод военнослужащих заключается в установлении законодателем в соответствии с нормами и принципами международного права, прежде всего, Всеобщей декларации прав человека, Конституции Республики Беларусь, границ и пределов действия прав и свобод.

Вводимые и применяемые органами государственной власти ограничения прав и свобод должны соответствовать принципам и концептуальным установкам международной практики и Конституции Республики Беларусь. Анализ положений ст.8, 21 Конституции позволяет сделать вывод об их соответствии международно-правовым нормам о необходимых и допустимых в демократическом обществе ограничениях. Во Всеобщей декларации прав человека (ст.29) и Международных пактах о правах человека указаны основания и условия возможных ограничений. Они могут вводиться: 1) только на основании закона; 2) исключительно с целью соблюдения и уважения прав и свобод других и постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав; 3) в интересах удовлетворения справедливых требований морали, обеспечения и охраны государственной безопасности, общественного благосостояния. Таким образом, можно выделить следующие условия ограничения прав и свобод человека и гражданина, которые в полной мере распространяются и на военнослужащих как граждан Республики Беларусь: отсылка к закону, сохранение сущностного содержания, принцип соразмерности, запрет чрезмерных ограничений.

Проанализировав всю совокупность правовых актов, можно выявить некоторые проблемы, связанные с началом военной службы. Начало военной службы является юридическим фактом, с которым связано распространение на гражданина статуса военнослужащего. Должностные обязанности на военнослужащего распространяются только со вступлением в должность. Военнослужащие до приведения к Военной присяге не могут привлекаться к выполнению должностных и специальных обязанностей. Военнослужащие в период начальной военной подготовки до принятия Военной присяги, а также после ее принятия, не находящиеся в должности, а в распоряжении, прикомандированы для назначения на должность – обладают статусом военнослужащего с некоторыми ограничениями. Автор считает необходимым внести изменение в соответствующее законодательство: выделить военнослужащих, проходящих начальную военную подготовку и военнослужащих, состоящих в распоряжении, в отдельную категорию военнослужащих.

Анализ механизма приобретения гражданами правового статуса военнослужащего также выявил ряд проблемных вопросов. Закон Республики Беларусь «О воинской обязанности и военной службе» регламентирует своего рода «идеальные взаимоотношения» между призывниками и военными комиссариатами. На самом же деле многие предпринимают различные действия, чтобы избежать призыва на военную службу. Возникла проблема уклонения от военной службы. Один из путей решения проблемы уклонения – создание ситуации неотвратимой ответственности за такого рода деяния. Представляется такой вариант изменения действующего законодательства: получая на руки повестку на отправку в войска, гражданин приобретает некий статус, который условно можно назвать как «статус гражданина призванного на военную службу». Отличие данного статуса в том, что независимо ни от каких обстоятельств, гражданин обязан прибыть по повестке. Если по каким-то причинам он не может прибыть в установленный срок, то должен известить об этом военный комиссариат и прибыть самостоятельно по окончании действия причины. И никакого дополнительного вручения повесток со стороны военного комиссариата не должно быть. А первоначальное получение повестки и неявка на отправку вообще, а не только в установленный в повестке день, должно рассматриваться как основание для привлечения к ответственности.

При увольнении с военной службы в правовом положении военнослужащих происходят коренные изменения: они прекращают исполнение общих, должностных и специальных обязанностей и утрачивают права, предоставляемые в период несения военной службы. Казалось бы, все вопросы с данной категорией лиц Законом урегулированы, однако в практике применения законодательства о порядке прохождения военной службы нередко возникают затруднения, связанные с определением статуса военнослужащих, у которых закончился срок военной службы, указанный в контракте, но которые по каким-либо причинам ко дню истечения срока контракта не уволены с военной службы и не исключены из списков воинской части. В связи с этим автор считает необходимым определить ответственность должностных лиц за несвоевременное и необоснованное исполнение законодательства Республики Беларусь по порядку увольнения с военной службы, за исключением случаев, определяемых действующим законодательством.

Абзацем 7 ст. 19 Закона «О статусе военнослужащих» для граждан, уволенных после прохождения военной службы, установлены дополнительные гарантии по его трудоустройству: сохранение в течение трех месяцев со дня, следующего за днем окончания состояния на военной службе, за гражданами, работавшими до призыва на

военную службу в государственных организациях, права поступления на работу к тому же нанимателю на должность, равноценную занимаемой до призыва на военную службу; предоставление гражданам, уволенным после прохождения срочной военной службы и принятым на прежнее место работы, единовременной материальной помощи в размере не менее одной минимальной заработной платы; предоставление гражданам, уволенным после прохождения срочной военной службы, первого рабочего места в соответствии с законодательством о труде.

С целью повышения престижа военной службы целесообразно предоставить гражданам, уволенным после прохождения срочной военной службы, права поступления в учреждения профессионально-технического, среднего специального, высшего образования, учреждения образования и организации, реализующие образовательные программы послевузовского образования, а также в военные учебные заведения без вступительных испытаний на основе собеседования, с учетом имеющегося образования у поступающего, а также балла аттестата среднего (базового) образования.

Ст. 16 Закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим предоставлено право на жилище, которым предусмотрено право на обеспечение жилыми помещениями в порядке, установленном законодательными актами. Обязательность предоставления указанной льготы военнослужащим и гражданам, уволенным с военной службы, укрепила бы их социальную защищенность.

Отношение военнослужащих к выполнению своих обязанностей, а значит, боеготовность Вооруженных Сил, в значительной мере зависит от уровня социальной защищенности военнослужащих. Права военнослужащих призваны косвенно обеспечивать эффективность их деятельности путем реализации моральных и материальных стимулов. Под ними часто понимаются социальные гарантии (льготы), призванные компенсировать военнослужащим обусловленные особенностями военной службы ограничения некоторых прав и свобод. Одним из основных направлений функционирования системы социальной защиты военнослужащих является реализация прав и социальных гарантий военнослужащих относительно их материального обеспечения.

По своему содержанию материальное обеспечение имеет следующие виды: жилищное, денежное, продовольственное, вещевое, медицинское, пенсионное и т. д.

Анализ системы мотивации офицеров к службе показывает, что наряду с размером денежного довольствия обеспечение жильем является основным фактором мотивации офицеров к службе и улучшения кадровой обстановки в армии. Однако, несмотря на важность данного фактора мотивации офицеров к службе и стабилизации кадровой ситуации, в настоящее время в армии сложилась ситуация, когда не обеспечена жильем или нуждается в улучшении жилищных условий большая масса семей офицеров.

Такое положение в одной из самых важных сфер социальной защиты военнослужащих, по мнению специалистов, является причиной ряда негативных социальных явлений в жизнедеятельности общества и армии: большинство военнослужащих, не получивших жилье, несут серьезные материальные издержки в связи с явно недостаточным размером компенсации за поднаем жилья; социально-бытовая неустроенность влияет, кроме прочего, и на демографическую ситуацию среди; растет финансовая нагрузка на бюджет.

Предложенные выше для рассмотрения вопросы являются актуальными на сегодняшний день для военнослужащих. Их решение позволит увеличить правовую и

социальную защищенность военнослужащих, что, несомненно, повысит качество выполнения стоящих перед военнослужащим задач.

Т. М. КИСЕЛЁВА

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ БЕРЕЧЬ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ, ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРУГИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Сохранение объектов исторического наследия, достижений культуры различных периодов обеспечивает связь населения с прошлыми поколениями, с историей государства, что необходимо для нормального развития общества и государства. При этом само государство, без участия общественности, не способно обеспечить сохранение таких объектов, даже устанавливая жесткие санкции за их уничтожение или повреждение. Каждый член общества должен осознавать необходимость сохранения историко-культурного и духовного наследия, способствовать их восстановлению и защите. Статья 54 Конституции Республики Беларусь определяет, что каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности [1]. Отметим, что несмотря на значимость данной обязанности, она не получила большого распространения в качестве конституционной обязанности в мировой практике и стала закрепляться только с конца XX века. Соответствующие обязанности личности получили отражение в Конституции Словении 1991 г., Конституции Российской Федерации 1993 г., Конституции Казахстана 1993 г., Конституции Восточного Тимора 2002 г., Конституции Сербии 2006 г.

Действующий на настоящий момент Закон Республики Беларусь «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» от 9 января 2006 г. в статье 1 под историко-культурным наследием понимает совокупность наиболее отличительных результатов свидетельства исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях [2]. Данное определение используется Кодексом Республики Беларусь о культуре, который вступит в силу 3 февраля 2017 г. [3]. Необходимо отметить, в названных актах имеются отличия в понимании такого объекта как «историко-культурная ценность». Так, указанный Закон под ней понимает материальные объекты и нематериальные проявления творчества человека, которые обладают отличительной духовной, художественной и (или) документальной ценностью и которым присвоен статус историко-культурной ценности. В свою очередь Кодекс о культуре предлагает понимать историко-культурную ценность как культурную ценность, которая обладает отличительной духовным, художественным и (или) документальным значением и которой присвоен статус историко-культурной ценности. А культурная ценность понимается как созданный (переработанный) человеком или тесно связанный с его деятельностью материальный объект и нематериальное проявление творчества человека, которые обладают историческим, художественным, научным или иным значением. Таким образом, Кодекс о культуре вводит новое понятие «культурная ценность», сохраняя при этом выделенные действующим законодательством качественные характеристики историко-культурной ценности.

Отметим, что ни названный Закон, ни Кодекс о культуре Республики Беларусь не используют термин «национальные ценности», который упоминается в Конституции.

Исполнение рассматриваемой конституционной обязанности физическими лицами главным образом заключается в недопущении совершения действий, влекущих уничтожение или повреждение объектов историко-культурного наследия. При этом допускается использование историко-культурных ценностей, но только в соответствии с их историко-культурной значимостью и согласно законодательству Республики Беларусь.

На настоящий момент надлежащее исполнение рассматриваемой конституционной обязанности невозможно в полной мере без систематизации сведений об объектах историко-культурного и духовного наследия, а также информации об их состоянии, месторасположении и т.д. С данной целью в Республике Беларусь созданы несколько информационных ресурсов: «Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь» (далее - Список) и «Банк сведений об историко-культурных ценностях Республики Беларусь» (далее – Банк сведений) [4, с. 93]. При этом Список содержит текстовую информацию по историко-культурным ценностям, включая их местонахождение, датировку, категорию, обоснование статуса историко-культурной ценности. Банк сведений содержит текстовую и графическую информацию по историко-культурным ценностям, закрепляя их местонахождение, принадлежность, историю формирования, описание, техническое состояние, ответственных лиц, источники и др. Ведение данных информационных ресурсов осуществляется Министерством культуры.

Как видно, данные государственный информационные ресурсы содержат схожую информацию, их обладателем является один субъект – Министерство культуры, они имеют одинаковые источники формирования, один тип, относятся к одной рубрике. Представляется, что в таком случае возможно ведение единого информационного ресурса (Банка сведений), из которого можно было бы при необходимости формировать списки историко-культурных ценностей по различным критериям (месторасположению, датировке, виду и т.п.). Объединение этих ресурсов в один способствовало бы экономии материальных, организационных и иных затрат, а также упростило процедуру получения необходимых сведений заинтересованными лицами.

Одним из способов исполнения обязанности по сохранению объектов историко-культурного и духовного наследия выступает точное выполнение установленного законодательством порядка действий при обнаружении таких объектов. Статья 17 названного выше Закона устанавливает, что материальные объекты, которые могут иметь историко-культурную ценность, обнаруживаются путем профессионального или случайного обнаружения, а нематериальные – путем исключительно профессионального обнаружения [2]. Соответствующая норма сохранилась и в Кодексе о культуре. Профессиональное обнаружение осуществляется во время профессиональной деятельности или при направлении в собственность государства материальных объектов и нематериальных проявлений творчества человека, которые могут иметь историко-культурную ценность. Содержание случайного обнаружения соответствующих объектов ни названным Законом, ни Кодексом о культуре не раскрывается. Можно сделать вывод, что случайным будет выступать любое иное обнаружение таких объектов, не подпадающее под признаки профессионального. То есть, к случайному обнаружению будет относиться и целенаправленная деятельность по поиску и обнаружению данных объектов, осуществляемая различными объединениями граждан и отдельными гражданами. Однако законодательством к

субъектам профессионального обнаружения историко-культурных ценностей предъявляются дополнительные требования, исполнение которых государство не может возложить на частных лиц. Так, юридическое или физическое лицо, которое во время профессиональной научно-исследовательской деятельности выявило материальный объект или нематериальное проявление творчества человека, которое может являться историко-культурной ценностью, обязано зафиксировать этот объект, провести научную обработку и художественную оценку, принять меры по его сохранению. При случайном обнаружении материальных объектов, которые могут являться историко-культурной ценностью, юридические и физические лица обязаны принять лишь меры по сохранению такого объекта [2].

Необходимо отметить, что действующий Закон «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь», устанавливая правила поведения при обнаружении объектов, которые могут иметь историко-культурную ценность, возлагает обязанность на лицо, обнаружившее такой объект, уведомить об этом уполномоченный государственный орган, но форму уведомления не определяет. Это позволяет предполагать, что уведомление допустимо в любой форме. Однако Кодекс о культуре прямо устанавливает, что данное уведомление возможно только в письменной форме. Считаем такое уточнение не совсем удачным, так как развитие электронного документооборота и наличие у каждого государственного органа возможности получать электронные сообщения предполагает использование наравне с письменной формой и электронную. Не считаем необходимым исключать и устную форму, с помощью которой необходимые сведения могут быть получены в максимально сжатые сроки.

Таким образом, исполнение конституционной обязанности по сбережению историко-культурного, духовного наследия и других национальных ценностей является важным условием существования и гармоничного развития государства и общества. При этом указанная обязанность не получила широко распространения в мире в качестве конституционной.

Последние изменения в законодательстве Республики Беларусь, связанные с разработкой и принятием Кодекса о культуре, уточнили отдельные вопросы исполнения указанной обязанности, но не затронули ее сущность, не закрепили новые способы ее исполнения.

На современном этапе развития общества исполнение указанной обязанности должно получить большую связь с современными информационными технологиями, в частности возможна оптимизация функционирования государственных информационных ресурсов, содержащих информацию об объектах историко-культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 98-З : с изм. и доп. от 8 мая 2012 г. № 374-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Кодекс о культуре [Электронный ресурс] (не вступил в силу): 21 июля 2016 г., № 413-З: принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30

июня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Государственные регистры информационных ресурсов и информационных систем Республики Беларусь : каталог, выпуск 12 / Министерство связи и информации, НИРУП «ИППС». – Минск, 2013. – 1886 с.

Э. В. КОНОНОВ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

Конституция Республики Беларусь как основной закон содержит всю систему основных социальных ценностей. Такие ценности в той или иной степени отражены в каждом разделе Конституции. Однако их наибольшая концентрация содержится в преамбуле, а также первых двух разделах Основного Закона, которые устанавливают основы конституционного строя и взаимодействия личности, общества и государства. Особую роль при этом играет институт конституционных обязанностей, который своими нормами описывает систему наиболее значимых ценностей, подлежащих особой конституционно-правовой защите.

Конституционные обязанности являются необходимым элементом конституционно-правового статуса любого субъекта наряду с правами, свободами и ответственностью.

Конституционная обязанность представляет собой вид юридической обязанности, которая закреплена в нормах Конституции, меру должного поведения, имеющую общий характер, определенную и гарантируемую государством в интересах граждан и общества, являющуюся необходимым элементом конституционно-правового статуса, направленную на эффективное функционирование конституционных правоотношений.

Конституция Республики Беларусь прямо закрепляет ряд обязанностей государства и граждан. К ним относятся обязанность родителей или лиц, их заменяющих, воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, а также обязанность детей заботиться о родителях или лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь (часть 3 статья 32 Конституции); обязанность государственных органов, общественных объединений, должностных лиц предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы (часть 2 статья 34 Конституции); обязанность государственных органов, должностных лиц рассмотреть обращения граждан и дать ответ по существу в определенный законом срок (часть 2 статья 40 Конституции); обязанность соблюдать Конституцию, законы и уважать национальные традиции Республики Беларусь (статья 52 Конституции); обязанность уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц (статья 53 Конституции); обязанность беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности (статья 54 Конституции); долг по охране природной среды (статья 55 Конституции); обязанность принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей (статья 56 Конституции); обязанность и священный долг по защите Республики Беларусь (статья 57 Конституции) и обязанность государства принимать все доступные ему меры для

создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией (статья 59 Конституции) [1].

Изучая конституционные обязанности, можно выявить ряд проблемных вопросов.

Необходимо обратить внимание на проблему определения субъекта конституционных обязанностей. В основном в нормах прямо указывается лица, которым соответствующая обязанность адресована – граждане Республики Беларусь, государственные органы и их должностные лица. Однако во многих статьях используется такой термин как «каждый». При толковании в этом случае необходимо понимать граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако наиболее целесообразным будет расширительное понимание, и к субъектам соответствующих конституционных обязанностей следует отнести также юридических лиц и государственные органы.

Существенное значение имеет также проблема исполнения конституционных обязанностей. Их реализацию можно рассмотреть с двух сторон. Во-первых, действия или бездействия обязанных субъектов, а во-вторых – деятельность государства, обращенную на создание механизма исполнения обязанности, то есть обеспечение возможности исполнить соответствующую обязанность. Последняя сторона является не менее важной гарантией исполнения обязанностей, чем применение мер ответственности в случае их неисполнения либо ненадлежащего исполнения.

При этом не всегда законодатель, закрепляя конституционную обязанность, одновременно отражает в законодательстве механизм ее реализации, что может вызывать сложности в исполнении своих обязанностей соответствующими субъектами.

Также стоит обратить внимание на проблему ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение конституционных обязанностей.

Обычно такое деяние является одновременно и неисполнением или ненадлежащим исполнением отраслевой обязанности. Ответственность предусматривается в отраслевом законодательстве – уголовном, административном, гражданском трудовом. Тем не менее, обязанности, которые получили свое закрепление в нормах Конституции, должны обладать высокой степенью правовой защиты. Но также можно утверждать, что обеспечение конституционных обязанностей такой защитой не всегда осуществляется на практике.

При использовании мер ответственности, как правило, даже не указывается, что имело место какое-либо нарушение норм Конституции, конституционных обязанностей, а не только отраслевых. Можно предположить, что повышенная правовая защита изначально отражена в санкциях отраслевого законодательства, и отдельного упоминания не требуется. В данном случае охрана соответствующих конституционных норм осуществляется лишь в рамках отраслевых правоотношений.

Решение указанных вопросов, которые возникают при исполнении конкретных конституционных обязанностей необходимо для нормального функционирования данного института, а также существования демократического государства в целом.

Поскольку надлежащее исполнение конституционных обязанностей всеми участниками правовых отношений является необходимым условием обеспечения существования демократического социального правового государства, построения гражданского общества, развития общественных отношений. Кроме того, надлежащее исполнение данных обязанностей обеспечит снижение количества правонарушений, совершаемых в Республике Беларусь в различных сферах. В силу этих факторов большое теоретическое и практическое значение имеет проблема исполнения

конституционных обязанностей. Именно исполнение обязанностей создает истинную гарантию осуществления прав и свобод, нормального функционирования правовых отношений, общества в целом. Надлежащее осуществление конституционных обязанностей необходимо для поддержания конституционного правопорядка и режима конституционной законности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

Т. П. КРАВЧЕНКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Процесс формирования и реформирования системы органов управления в Республике Беларусь начался в 90-е годы XX века в условиях перехода от централизованной плановой системы к социально ориентированной рыночной экономике [5].

За период 1990–2016 гг. организационная структура государственного управления несколько раз претерпевала определенные изменения. Условно можно выделить четыре этапа ее реформирования:

- 1) 1990–1995 гг.;
- 2) 1995–2000 гг.;
- 3) 2001–2016 гг.

На первом этапе реформирования органов исполнительной власти 27 июля 1990 года была принята Декларация Верховного Совета «О государственном суверенитете Республики Беларусь». Декларация провозгласила «полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях». 25 августа 1991 г., Декларации о государственном суверенитете специальным законом был придан статус конституционного закона [2].

Самостоятельность Совета Министров Республики Беларусь была юридически закреплена Законом Республики Беларусь от 10 января 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь», который исключил с закона «О Совете Министров Республики Беларусь» от 20 июня 1979 г. все то, что было связано с упорядочиванием системы высшей исполнительной власти Беларуси прежнего СССР. В эту систему, которую возглавлял Совет Министров республики, в соответствии с законом от 10 января 1992 г., входило 21 министерство (образования; культуры; охраны здоровья; социального обеспечения; жилищно-коммунального хозяйства; строительства и эксплуатации автомобильных дорог; транспорта; лесного хозяйства; промышленности строительных материалов; ресурсов; энергетики; сельского хозяйства и продовольствия; хлебопродуктов; торговли; финансов; информации; связи и

информатики; внутренних дел; юстиции; иностранных дел; по вопросам обороны) и 11 государственных комитетов (таможенный; по архитектуре и строительству; по внешним экономическим связям; по надзору за безопасным проведением работ в промышленности и атомной энергетик; по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; по промышленности и межотраслевым производствам; по труду и социальной защите населения; по статистике и анализе; по физической культуре и спорту; по экологии; по экономике и планированию) Республики Беларусь [6].

Второй этап реформирования органов исполнительной власти связан с принятием Закона Республики Беларусь от 30 января 1995 г. «О Кабинете Министров Республики Беларусь» и проведением конституционной реформы 1996 года. В соответствии со ст. 1 названного закона, Кабинет Министров Республики Беларусь – Правительство Республики Беларусь – центральный орган исполнительной власти Республики Беларусь в соответствии с Конституцией Республики Беларусь создается при Президенте Республики Беларусь для реализации полномочий исполнительной власти в областях экономики, внешней политики, обороны, национальной безопасности, охраны общественного порядка и других сферах государственного управления. Кабинет Министров Республики Беларусь является коллегиальным исполнительным и распорядительным органом, координирует, контролирует и обеспечивает организационное единство и согласованную деятельность системы центральных органов управления, местных исполнительных и распорядительных органов Республики Беларусь, содействует успешной реализации ими своих полномочий. Кабинет Министров Республики Беларусь в своей деятельности непосредственно подчинен Президенту Республики Беларусь и подотчетен ему.

Конституционная реформа 1996 г. выразилась в установлении сбалансированных полномочий ветвей власти, возложении на Президента функций Главы государства, гаранта Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина, в учреждении двухпалатного Парламента (Палаты представителей и Совета Республики), в повышении роли Правительства – Совета Министров в системе ветвей власти и усилении его ответственности за состояние и развитие экономики, социально-культурной и административно-политической сфер деятельности.

7 июня 1998 г. был принят Закон Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь», в соответствии с которым Совет Министров Республики Беларусь – Правительство Республики Беларусь является коллегиальным центральным органом государственного управления Республики Беларусь, осуществляющим в соответствии с Конституцией Республики Беларусь исполнительную власть в Республике Беларусь и руководство системой подчиненных ему органов государственного управления и других органов исполнительной власти. Совет Министров Республики Беларусь в своей деятельности подотчетен Президенту Республики Беларусь и ответствен перед Национальным собранием Республики Беларусь. В систему республиканских органов государственного управления, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, входят министерства Республики Беларусь (далее – министерства), Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Государственный комитет пограничных войск Республики Беларусь, Государственный комитет по авиации Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – государственные комитеты) и комитеты при Совете Министров Республики Беларусь.

Третий этап реформирования системы органов государственного управления связан с принятием указа Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2001 г. «О

совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь». В целях совершенствования управления отраслями и сферами деятельности, оптимизации системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь было установлено, что в систему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, входят министерства Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности, Государственный комитет по авиации, Государственный комитет пограничных войск, Государственный таможенный комитет, Государственный военно-промышленный комитет, Государственный комитет по науке и технологиям и комитеты при Совете Министров Республики Беларусь, которые являются республиканскими органами государственного управления, а также объединения юридических лиц, имущество которых находится в собственности Республики Беларусь, осуществляющие управление объектами государственной собственности, государственные учреждения, иные государственные организации, подчиненные Правительству Республики Беларусь.[4]

Затем указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 года № 289 «О структуре Правительства Республики Беларусь» были упразднены Комитеты при Совете Министров Республики Беларусь. Так, например, Государственный комитет по авиации был присоединен к Министерству транспорта и коммуникаций; Комитет по ценным бумагам при Совете Министров Республики Беларусь к Министерству финансов; Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь к Министерству юстиции; Комитет по материальным резервам при Совете Министров Республики Беларусь и Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь к Министерству по чрезвычайным ситуациям [3].

Результатом реформирования органов исполнительной власти стало принятия Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. «О Совете Министров Республики Беларусь», где, в соответствии со ст. 24, в систему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, входят: министерства, государственные комитеты, которые являются республиканскими органами государственного управления (функциональными или отраслевыми), проводящими государственную политику, осуществляющими регулирование и управление в определенной отрасли (сфере деятельности) и координирующими деятельность в данной отрасли (сфере деятельности) других республиканских органов государственного управления; объединения юридических лиц, иные государственные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. О Совете Министров Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 года № 424-3 // Консультант Плюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

3. О структуре Правительства Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 года №289 // Консультант Плюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

4. О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь : Указ Президента от 24 сентября 2001 года №516 // Консультант Плюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

5. Основы государственного управления / С.Н. Князев [и др.]; под общ. ред. С.Н.Князева, Н.Б.Антоновой. – Минск, 2006. – 502 с.

6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVII – пачатку XXI ст. у 2 кн. Кн. 21 / М.У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал. : А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. Навука, 2012. – 654 с.

А. А. КРАМАР

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

По мере развития науки и в связи с новейшими этапами социальной эволюции, у людей стали формироваться новые потребности, которые потребовали качественно новых средств их реализации. Современные технологии позволяют обеспечивать интересы лиц в ситуациях, когда это невозможно было осуществить без их применения. В данном случае нас интересуют биомедицинские технологии, а именно вспомогательные репродуктивные в сфере института суррогатного материнства. Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г. № 341-З, который направлен на определение правовых и организационных основ применения вспомогательных репродуктивных технологий и обеспечение прав граждан при их применении, определяет суррогатное материнство как вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитии образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка [1, ст. 1]. Применение подобных технологий во многом оправдано следующими данными: за 2014 год в стране было зарегистрировано более 11 тысяч женщин с проблемой бесплодия, мужчин – 1800. При этом у 20-25 процентов семейных пар устанавливается обоюдное бесплодие [2]. Таким образом, применение вспомогательных репродуктивных технологий является единственным способом обеспечения интересов и защиты прав в сфере материнства и отцовства поистине огромного количества лиц, не способных к естественному зачатию генетически родного ребенка. В данном случае мы говорим о проблемах биологического характера. В то же время, не следует упускать морально-этическую сторону рассматриваемого вопроса. В целях преодоления бесплодия и

реализации права на материнство и отцовство упомянутый выше Закон допускает применение вспомогательных репродуктивных технологий в отношении лиц, имеющих медицинские показания и не имеющих медицинских противопоказаний к их применению. Услугами же суррогатной матери может воспользоваться только женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка по медицинским показаниям физиологически невозможны либо связаны с риском для ее жизни или жизни ребенка. Здесь выделяются два ряда ограничений: требования о наличии медицинских показаний исключают возможность применения вспомогательных репродуктивных технологий к женщинам, например, не состоящим в браке, и не желающим забеременеть «естественным путем» в силу психологических особенностей, религиозных взглядов, каких-либо иных подобных причин; услугами суррогатной матери не может воспользоваться мужчина. В этом случае видится не только необеспеченность интересов и репродуктивных прав как женщин, так и мужчин, но также явные оттенки дискриминации по половому признаку. Исходя из изложенного, считаем возможным отойти от рассмотрения вспомогательных репродуктивных технологий как мер, направленных на устранение последствий бесплодия, либо мер, использование которых обусловлено медицинскими показаниями. На наш взгляд, допущение применения вспомогательных репродуктивных технологий в отношении лиц, не имеющих медицинских показаний, но желающих использовать такие технологии для осуществления своих репродуктивных прав, не отразится на интересах института семьи и, в то же время, будет способствовать обеспечению интересов института материнства и отцовства. Побуждать женщину вступать в отношения с мужчиной и наоборот, руководствуясь исключительно желанием иметь ребенка, – абсолютно негуманно. Еще хуже лишать и мужчин, и женщин возможности иметь детей по причинам их нежелания вступать в подобные отношения. В этой связи считаем возможным в абзац 1 статьи 6 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г. № 341-З изложить в следующей редакции:

«Применение вспомогательных репродуктивных технологий допускается в отношении лиц, достигших 18 лет, обладающих полной дееспособностью, а также прошедших медицинский осмотр и не имеющих медицинских противопоказаний к применению вспомогательных репродуктивных технологий. Перечень медицинских противопоказаний к применению вспомогательных репродуктивных технологий, а также порядок проведения медицинского осмотра пациента, в отношении которого предполагается применение вспомогательных репродуктивных технологий, определяются Министерством здравоохранения Республики Беларусь.»

Кроме того, по образцу Российской Федерации, где Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», затрагивается вопрос суррогатного материнства, считаем возможным обеспечить лиц мужского пола правом быть стороной по договору. В отличие от белорусского, российское законодательство использует связку «потенциальные родители», что, само по себе, не несет характера императивного подхода к определению лица, имеющего права пользоваться услугами суррогатной матери [3].

В обоснование позиции также можно обратить внимание на то, что усыновителями, в соответствии со ст. 125 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, могут быть лица обоего пола. В этой связи представляется необоснованным ограничение в отношении генетически родных детей [4]. О полном отсутствии препятствий к использованию услуг суррогатной матери, разумеется, говорить не

приходится. При этом, такие препятствия могут носить как медицинский, так и социальный характер. Однако это должен быть обоснованный перечень ограничений, основанный на анализе интересов как самих субъектов, в отношении которых применяются технологии вспомогательной репродукции, так и общественных интересов, максимально отвечающий требованиям тех, и других. Безапелляционный запрет же очевидно ущемляет права потенциальных родителей.

На наш взгляд, такой подход будет в полной мере соответствовать как интересам институтов материнства и отцовства, так и нормам Конституции Республики Беларусь, регламентирующим равенство всех перед законом. При наличии технологических и практических возможностей обеспечения репродуктивных прав граждан в полной мере, запрет их использования видится нецелесообразным, учитывая отсутствие прямой угрозы другим общественным институтам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 07.01.2012 №341-3. — Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_vspomogatel_nyh_reproduktivnyh_tehnologiyah/1.htm. – Дата доступа: 01.11.2016.
2. Архипов, Г. Ю. Лечение бесплодия у мужчин / Г. Ю. Архипов // Консультация андролога в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doktora.by/konsultaciya-androloga-v-minske/lechenie-besplodiya-u-muzhchin-v-minske>. – Дата доступа: 09.11.2016.
3. Об основах охраны здоровья граждан [Электронный ресурс]: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ, ред. от 03.07.2016 – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/. (07.11.2016).
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900278>– Дата доступа: 07.11.2016.

О. С. КУКСИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

XXI век является веком информации. Любой человек, независимо от его социального либо экономического положения, имеет доступ к нужной ему информации, если такая информация не является закрытой.

Согласно статье 34 Конституции Республики Беларусь, гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Пользование информацией может быть ограничено

законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав [2].

Каждый человек имеет право востребовать необходимую ему информацию, получить ее своевременно и быть уверенным, что это информация является доскональной и не содержит ложных сведений.

В статье 9.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях Республики Беларусь, сказано, что незаконный отказ должностного лица в предоставлении гражданину собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих его права, свободы и законные интересы, либо предоставление ему неполной или умышленно искаженной информации, если в этих деяниях нет состава преступления, – влекут наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин [1].

Если же незаконный отказ должностного лица в предоставлении гражданину собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих его права, свободы и законные интересы, либо предоставление ему неполной или умышленно искаженной информации, повлек за собой существенное причинение вреда, то это будет являться уголовным преступлением – статья 204 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3].

Но важно отметить, что уголовная ответственность за данное преступление может наступить лишь по требованию потерпевшего, согласно статье 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3].

В настоящий момент в Республике Беларусь существует определенный перечень нормативных правовых актов, касающихся информационной сферы. Примером может служить закон «Об информации, информатизации и защите информации». Также свое отражение эта сфера имеет в Конституции и кодексе об административных правонарушениях.

По нашему мнению, доступность информации в наши дни немаловажно, ведь если человек в состоянии легко получить доступ к интересующей его информации, это существенно упрощает его жизнь.

Однако препятствием на пути к правовой информации, выступает платный доступ к части нормативных правовых актов. В свободном и бесплатном доступе находятся лишь основные, существенные законодательные акты.

На Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь имеется возможность бесплатного доступа к:

1. Конституции Республики Беларусь;
2. Кодексам Республики Беларусь [4].

Доступ ко всему массиву законодательства, действующему в Республике Беларусь, можно получить, установив на компьютере электронную копию ЭБДПИ с ИПС «ЭТАЛОН», которая позволяет работать с такими базами данных как «Судебная практика», «Правоприменительная практика», «Формы документов».

На сайте все тексты правовых актов представлены в их действующей редакции, т.е. с учетом всех внесенных изменений и дополнений [4].

«Эталон – online», являющийся основным государственным информационно-правовым ресурсом, который формируется и ведется Национальным центром правовой информации Республики Беларусь и представляет собой совокупность банков данных, которые включают законодательство Республики Беларусь, решения органов местного управления и самоуправления, международные договоры, а также и pravo.by имеющие

обширную базу документов, существенный минус которых заключается в том, что они, за часть своей информации требуют платную регистрацию.

В частности, с 1 декабря 2011 года доступ к эталонному банку данных правовой информации Беларуси стал платным: пользователям необходимо установить информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» либо подключиться к интернет-услуге «ЭТАЛОН-ONLINE» [4].

И теперь, к примеру, указ Президента Республики Беларусь от 30 июня 1997 г. «О создании Национального центра правовой информации Республики Беларусь», на сайте Эталон – online, запрашивает регистрацию и уже является платным.

Сейчас необходимо учитывать то, что в век информационных технологий, а так же большой динамичности права, возможность гражданина беспрепятственно ознакоми́ваться с новыми постановлениями Правительства либо с другими нормативными правовыми актами, могут существенно поднять правовую культуру населения, что в свою очередь повлечет сокращение различного вида правонарушений. Также это сократит правовую безграмотность и уменьшит недоверие к праву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларуси от 4 янв. 2016 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 544 с.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 64 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 2 сент. 2015 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 320 с.

4. Эталонный банк данных правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=1961>. – Дата доступа: 24.09.2016.

Л. А. ЛЕВСКАЯ

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова», кандидат исторических наук, доцент

ПОДКУП КАК ПРОТИВОЗАКОННОЕ СРЕДСТВО БОРЬБЫ ЗА ГОЛОСА ИЗБИРАТЕЛЕЙ

На современном этапе эволюции государственности в подавляющем большинстве стран резко возрастает роль как самих выборов, так и избираемых гражданами органов власти и должностных лиц. И как следствие происходит увеличение числа желающих провести в выборные органы и на выборные должности своих кандидатов, чтобы в последующем они выражали и защищали их интересы. При этом не всегда используются законные средства. В частности, достаточно широкое распространение получает избирательная коррупция. Подкуп осуществляется различными способами и по мере ужесточения юридической ответственности все больше приобретает скрытый характер. Выявляя это, законодатель, в свою очередь, вносит изменения и дополнения в законы, чтобы пресечь подобные действия.

Следует отметить, что борьба с массовым подкупом во время проведения выборов началась уже в Древнем мире. Так, в Риме был принят специальный закон, устанавливающий строгую ответственность за предвыборную коррупцию

Античные демократические традиции возрождаются в Европе с развитием парламентаризма и конституционализма. В связи с этим начинается становление и совершенствование избирательной системы и избирательного права. В частности, в Англии с этой целью в XIX в. был проведен ряд избирательных реформ, позволивших перейти от старого, средневекового по своему происхождению, избирательного права к новому, более демократичному. Преобразования в английской избирательной системе сделали необходимой борьбу за голоса избирателей, чем ранее можно было пренебречь. Это повлекло за собой возрастающую коррупцию во время проведения выборов. Для противоборства этому злу в 1883 г. был принят закон о наказании за подкуп избирателей. В последующем борьба стала вестись и с подкупом кандидатов.

В Великобритании нарушения избирательного права стали делиться на два вида: коррупция и незаконная практика. За оба эти противоправные деяния правонарушителям грозит ограничение пассивного избирательного права или запрет на членство в парламенте. В случае коррупции это поражение в правах на всей территории страны в течение 10 лет. Само же понятие «коррупция» рассматривается англичанами достаточно широко. Оно включает обман (мошенничество), неправомерное давление на избирателей, превышение предельных размеров предвыборных расходов, устанавливаемых в целях устранения неравных условий для кандидатов и предотвращения покупки голосов. Основные правила финансирования содержатся в Акте о народном представительстве 1983 г.

В Великобритании формируется даже специальный Избирательный Суд, состоящий из двух судей Высокого суда, в который может подать иск как кандидат, так и избиратель на протяжении трех месяцев после выборов. Этот суд может дисквалифицировать кандидата, назначить повторный подсчет голосов и, проверив правильность подсчета бюллетеней, объявить результаты голосования, а также он вправе признать выборы недействительными (ничтожными) и назначить новые. Судебное решение представляется в форме доклада спикеру Палаты общин, который обязан его принять.

Одновременно с расследование избирательного правонарушения может быть возбуждено по этому же вопросу уголовное дело в обычном суде. Обвинительный приговор лишает лицо членства в Палате общин, а спикер должен объявить это место вакантным [1, с. 85–86].

В Мексике для контроля за ходом избирательной кампании Федеральный избирательный институт (ФИИ) утверждает комиссию прокурорского надзора и судебно-следственного наблюдения за законностью и правопорядком. Кроме того, здесь установлены жесткие санкции для должностных лиц, допустивших нецелевое использование избирательного фонда и имущества. Законодателем определены четкие основания для признания выборов недействительными. К ним относится и подкуп [1, с. 149, 151].

Интересный опыт по борьбе с коррупцией накоплен также в других странах. И то, что некоторые из них занимают лидирующие позиции по количеству нарушений избирательного законодательства не всегда означает, что там их больше, чем в других государствах. Возможно, что здесь, несмотря на «негативный» рейтинг, более активно выявляют действия противозаконного характера и ведут с ними борьбу.

В Республике Беларусь контроль за поступлением и использованием средств избирательных фондов осуществляется Центризбиркомом, территориальными, окружными избирательными комиссиями и финансовыми органами. Разрешив избирательные фонды кандидатам, законодатель сразу же ввел максимальные размеры добровольных пожертвований со стороны физических и юридических лиц, а также установил максимальный предел избирательного фонда. Аналогичные требования есть и в законодательстве России. Установление таких ограничений необходимо не только для того, чтобы победа на выборах не зависела преимущественно от количества денежных средств у кандидата. Размер добровольных пожертвований должен быть таким, чтобы лицо, профинансировавшее выборы того или иного претендента, не смогла затем в случае его победы оказывать на него давление в целях лоббирования своих интересов. По словам Н. Лозовика, являвшегося в течение длительного времени секретарем Центральной избирательной комиссии, «если снять все ограничения, то выборные государственные должности будут просто покупаться» [4, с. 6].

Чтобы не допустить возможности обойти установленные ограничения, изначально были запрещены анонимные пожертвования, а с 2011 г. под запрет попали вклады в избирательные фонды кандидатов со стороны организаций, зарегистрированных в установленном порядке, но менее чем за год до дня внесения пожертвований. Это позволило избежать создания организаций – «однодневок», скрытой целью которых являлось лишь финансирование выборов.

И в Беларуси, в России на законодательном уровне предусматриваются меры, направленные против подкупа избирателей, в том числе скрытого. О наличии такой возможности свидетельствует пример из судебной практики Магаданского областного суда, в который обратился гр. С.Б. Матвеев с жалобой о признании недействительными итоги состоявшихся 18 мая 1997 г. выборов депутатов Магаданской областной Думы по избирательному округу № 15. Основанием для этого, по мнению заявителя, должны были стать массовые нарушения законодательных запретов «на подкуп избирателей», допущенные депутатом А. А. Басанским и его инициативной группой во время проведения предвыборной кампании. В жалобе указывалось, что непосредственно перед самими выборами А. А. Басанский, его инициативная группа и работники принадлежавшей ему фирмы, президентом которой он являлся, бесплатно распространяли с автомашин в ряде населенных пунктов пиво и квас в бутылках, а также доставляли напитки в квартиры избирателей с вручением листовок в поддержку А. А. Басанского. Басанский А. А. пояснил, что это мероприятие проводилось с целью рекламы новых видов продукции службой маркетинга его фирмы.

«Суд постановил, что с учетом характера нарушений избирательного закона, большого разрыва числа голосов, поданных за кандидата в депутаты Магаданской областной Думы по избирательному округу № 15 и отсутствием каких-либо нарушений избирательных прав граждан в день голосования по этому округу изложенные в жалобе С. Б. Матвеева нарушения не подвергают сомнению общие результаты голосования и не содержат оснований для отмены решения окружной избирательной комиссии и избирательной комиссии Магаданской области об установлении общих итогов выборов депутатов Магаданской Думы» [5, с. 169, 170].

Таким образом, рассматривая нарушения избирательного законодательства в ходе предвыборной агитации, в том числе фактов использования преимуществ служебного положения, российские суды учитывали разрыв по числу голосов между избранным кандидатом и следующим за ним претендентом. Если он был значительным, это обстоятельство использовалось в качестве дополнительного подтверждения, что

вменяемые кандидату нарушения не могли оказать существенного влияния на результаты волеизъявления избирателей.

Российский ученый А. С. Автономов, говоря, о скрытых формах подкупа избирателей, обращал внимание и на то, что иногда органы исполнительной власти начинали погашать задолженности по пенсиям, заработной плате работникам бюджетной сферы и т.п. По сути дела, вполне правомерная своевременная выдача, к примеру, пенсий «своим» пенсионерам, т.е. проживающим в одном избирательном округе, в этом случае становится для избирателей доказательством влиятельности, могущества кандидата в депутаты и является завуалированной формой подкупа [5, с. 165].

В целях борьбы с подкупом избирателей в России был введен ряд ограничений: «кандидатам, зарегистрированным кандидатам, избирательным объединениям, а также иным организациям прямо или косвенно участвующим в предвыборной агитации, запрещается осуществлять подкуп избирателей, вручать им денежные средства, подарки и иные материальные ценности иначе как за выполнение организационной работы (дежурство на избирательных участках, участках референдума, сбор подписей, агитационную работу), производить вознаграждение избирателей, осуществляющих указанную организационную работу, в зависимости от итогов голосования, проводить льготную распродажу товаров, бесплатно распространять любые товары, за исключением печатных, в том числе иллюстративных, материалов и значков, специально изготовленных для избирательной кампании, а также предоставлять услуги безвозмездно или на льготных условиях.

Зарегистрированные кандидаты, избирательные объединения и иные организации и лица не вправе при проведении агитации воздействовать на избирателей обещаниями передачи им денежных средств, ценных бумаг (в том числе по итогам голосования) и других материальных благ, а также предоставления услуг иначе, чем на основе принимаемых в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами решений органов государственной власти и органов местного самоуправления» [3, с. 331-332].

Схожие требования предусмотрены и в Избирательном кодексе Республики Беларусь. «Кандидатам в Президенты Республики Беларусь, в депутаты, их доверенным лицам, иным гражданам, организациям при проведении ими предвыборной агитации, агитации по референдумам запрещается раздавать денежные средства, подарки и иные материальные ценности, проводить льготную распродажу товаров, бесплатно предоставлять любую услугу и товары, кроме агитационных печатных материалов, специально изготовленных для избирательной кампании, проведения референдума с соблюдением требований настоящего Кодекса. При проведении предвыборной агитации, агитации по референдуму запрещается воздействовать на граждан обещаниями передачи им денежных средств, материальных ценностей» (ст. 47). В этом случае может быть отменено решение о регистрации.

Воспрепятствование в осуществлении гражданами права свободно избирать быть избранными, а также вести предвыборную агитацию, совершенное с применением подкупа влечет за собой уголовную ответственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарубежное избирательное право : учебное пособие / Под ред. В.В. Маклакова. – М.: НОРМА, 2003. – 288 с.

2. Избирательный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 24 января 2000 г.: одобрен Советом Респ. 31 января 2000 г. в ред. от 04.06.2015 № 268-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. - Минск, 2016.

3. Конституционное право России: учебник / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2010. – 551 с.

4. Нервные узлы: / Беларусь сегодня. – 2010. – 4 декабря. – С. 6.

5. Сравнительное избирательное право: учебное пособие / Под ред. В.В.Маклакова. – М. : НОРМА, 2003. – 208 с.

А. А. МОРДАНЬ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Во все эпохи существования общества и государства требовалось правовое регулирование общественной и государственной деятельности. Население в процессе своей деятельности вступает между собой в различные отношения по поводу производства, обмена и распределения материальных и нематериальных благ. Этот процесс объективно нуждается в регулировании. Без права, без возведения его в ранг обязательного как для граждан, так и для государства нас постигла бы анархия и произвол. Издание нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы жизни общества и государства, осуществляется для достижения основной цели – развития различных процессов в обществе в рамках правовых норм. Существует ряд органов, в компетенцию которых входит издание нормативных правовых актов. Перечень данных органов довольно широк, но хотелось бы более детально остановиться на органах местного самоуправления, так как они представляют конкретную территорию и более тесно взаимодействуют с народом.

Местное самоуправление в Республике Беларусь определено как форма организации и деятельности граждан для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые ими органы социальных, экономических, политических и культурных вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств. Система местного самоуправления включает местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления. Местное самоуправление осуществляется также путем проведения местных референдумов, собраний граждан и через иные формы прямого участия граждан в государственных и общественных делах [1, с. 238].

Свою деятельность местные Советы депутатов и другие органы местного самоуправления осуществляют на основе законодательства Республики Беларусь.

Советы в своей деятельности исходят из интересов граждан, проживающих на соответствующей территории, и общегосударственных интересов, участвуют в обсуждении вопросов республиканского значения, затрагивающих интересы подведомственных им территорий, вносят по ним свои предложения в вышестоящие органы. Советы подотчетны в своей деятельности гражданам, проживающим на соответствующей территории, и ответственны перед ними.

Основной формой деятельности Совета является сессия, которая в соответствии со ст. 16 Закона «О местном управлении и самоуправлении» созывается по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал. Первая сессия вновь избранного Совета созывается соответствующей территориальной избирательной комиссией при избрании более 50 процентов депутатов от общей численности, установленной для данного Совета, не позднее чем через 30 дней после выборов [2].

Так же отметим, что одним из способов принятия принципиально важных нормативных правовых актов и политических решений является проведение местных референдумов. Именно референдум обеспечивает наиболее полное участие граждан в управлении делами государства, играет значительную роль в развитии инициативы граждан и является эффективным средством самовыражения народа.

Согласно статье 73 Конституции республиканские и местные референдумы проводятся для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни [3].

На местном референдуме можно отменить или изменить решение местного Совета депутатов и местного исполнительного и распорядительного органа, а не только решить тот или иной вопрос, относящийся к компетенции местных органов управления и самоуправления. Решение, принятое на местном референдуме, обладает высшей юридической силой, верховенством над актами органов местного управления и самоуправления.

Одной из самых массовых форм демократии, наиболее доступной гражданам являющейся средством их организации, а также самоуправления является собрание граждан, так как оно служит формой привлечения граждан к осуществлению правотворчества.

Местные собрания могут проводиться на территории административно-территориальной единицы или ее части (микрорайонов, жилищных комплексов, кварталов, улиц, дворов, поселков, сёл и т.п.). К компетенции местных собраний, в частности, относится рассмотрение проектов планов развития и застройки соответствующих территорий, рационального использования природных ресурсов и др.

Подводя итог, отметим, что местное самоуправление занимает особые позиции в правотворчестве страны, так как указанные органы наиболее тесно контактируют с населением. Их особое значение состоит в том, что они помогают реализовать волю избирателей, рассмотреть наиболее важные вопросы местной жизни и реализовать исключительные компетенции местной власти. Но следует отметить, что местное самоуправление всё ещё не достигло вершины своего развития, так как присутствуют определённые недочёты, которые следует устранить. Для этого необходимо обеспечить законодательное закрепление более широких, чем имеются в настоящее время, основ самоуправления, в частности, почти полное выделение его из системы государственного управления, существенное повышение уровня финансовой автономии местного самоуправления. Важно иметь в виду, что реформа местного самоуправления должна иметь четкую социальную направленность, предусматривать систему формирования необходимых условий для позитивного изменения социальных процессов в их территориальном и социальном аспектах. Следует обеспечить последовательную и разумную децентрализацию в вопросах социального страхования, социального обеспечения, социальной помощи, передачу полномочий в этих сферах в органы местного самоуправления, стоящие ближе к населению и непосредственно занятые обслуживанием его потребностей. Предметом их особой заботы должны стать вопросы социальной защиты малообеспеченных категорий населения, а также вопросы, связанные с воспитанием детей и подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марыськин, А.В. Основы конституционного права : курс лекций. Часть II / А.В. Марыськин. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 272 с.
2. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З : с изм. и доп. : текст по состоянию на 7 января 2016 г. № 348-З. – 2/2346 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2016 г. – № 348-З. – 2/2346.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2016. – 48с.

А. С. МИЛЯШКЕВИЧ, Е. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»

ПРАВО НА ТРУД В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Право на труд является наиболее достойным способом самоутверждения человека. Оно включает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровье и безопасные условия труда. Государство берет на себя ответственность за создание надлежащих условий для полной занятости населения [1, ст. 41].

Установление особенностей в правовом регулировании труда государственных служащих обусловлено спецификой их профессиональной деятельности, которая связана с реализацией функций государства, управления, осуществлением государственно-властных полномочий, а также важностью и сложностью задач, стоящих перед государственной службой, характером должностных обязанностей, возлагаемых на государственных служащих и значимостью в деле социальных и экономических преобразований, проводимых в стране. Согласно Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», государственный служащий не вправе «заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через иных лиц ... выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных (трудовых) обязанностей по месту основной службы (работы) (кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики), если иное не установлено законодательством Республики Беларусь» [2, ст. 17]. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», содержит более жесткий перечень ограничений и запретов, предъявляемых к государственным служащим в сфере трудовых правоотношений. Так, государственный служащий не вправе «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через иных лиц ... выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением должностных обязанностей по месту основной службы, кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики.

Педагогическая (в части реализации содержания образовательных программ), научная, культурная, творческая деятельность, медицинская практика в рабочее время могут осуществляться по согласованию с руководителем государственного органа, в котором государственный служащий занимает государственную должность, или уполномоченным им лицом» [3, ст. 22].

Запрет «заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через иных лиц» предусмотрен также для государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе: сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь; сотрудников Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; лиц, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающих должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящихся в соответствии с законодательными актами к должностным лицам; заместителей руководителей местных Советов депутатов; лиц, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающих должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц [2, ст. 1, ст. 17].

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» отменяет ранее предусмотренный запрет [4, ст. 17] для государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе, на работу по внешнему совместительству, за исключением сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, а также руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров государственных организаций и организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

Нарушение ограничений и запретов в сфере трудовых правоотношений государственными служащими и государственными должностными лицами, не состоящими на государственной службе, Декретом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» признается «дискредитирующим обстоятельством» и является самостоятельным основанием для увольнения [5, п.п. 6.15, 6.16]. Для всех категорий государственных должностных лиц установлены одинаковые правовые последствия такого увольнения: 1) не допускается назначение на должности, включенные в кадровые реестры Главы государства Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома, райисполкомов, горисполкомов (городов областного подчинения), местных администраций районов в городах, в течение пяти лет после такого увольнения, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь; 2) назначение на руководящие должности в организации государственной и частной форм собственности в течение пяти лет после такого увольнения, по общему правилу, осуществляется при условии

согласования этого назначения с председателем районного, городского (города областного подчинения) исполкома, главой администрации района г. Минска (города областного подчинения), на территории которого расположена данная организация либо ее соответствующее структурное подразделение, в порядке, предусмотренном Советом Министров Республики Беларусь [5, п.п. 8, 9].

Для обеспечения правовой и социальной защищенности государственных служащих, повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей, укрепления стабильности профессионального состава кадров гражданской службы и в порядке компенсации ограничений, законодательством определяются гарантии государственным служащим. В частности, государственным служащим гарантируются: 1) условия труда, обеспечивающие надлежащее исполнение служебных обязанностей; 2) заработная плата на условиях и в размере, предусмотренных законодательством Республики Беларусь; 3) трудовой отпуск; 4) соблюдение условий и порядка перевода на другую должность, высвобождения в связи с ликвидацией государственного органа, сокращением численности или штата работников, предусмотренных законодательством Республики Беларусь о труде; 5) выплата выходного и иных единовременных пособий в случаях, порядке и на условиях, установленных законодательством Республики Беларусь; 6) право на медицинское обслуживание в организациях здравоохранения в порядке, определяемом законодательством Республики Беларусь; 7) в случае смерти государственного служащего, в том числе вышедшего в отставку (на пенсию при наличии права на отставку), за исключением умерших вследствие виновных противоправных действий, его семье на выплату единовременного пособия в размере двукратной средней заработной платы рабочих и служащих в республике за позапрошлый месяц (относительно месяца наступления смерти); 8) иные гарантии для осуществления полномочий отдельными категориями государственных служащих, которые могут устанавливаться законодательными актами, закрепляющими их правовой статус [3, ст.ст. 46–51]. Для государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе, подобные гарантии не предоставляются.

Соответственно, законодательство Республики Беларусь о борьбе с коррупцией, устанавливающее ограничения и запреты для государственных служащих, позволяет расширить возможности по достижению цели обеспечения эффективного функционирования государственной службы, установления правовых преград злоупотреблениям государственных служащих, создания условий для независимости осуществления должностных полномочий государственными служащими и реализации ими прав, свобод и законных интересов. Взаимодействие и соотношение соответствующих правовых норм, содержащихся в законодательстве Республики Беларусь о государственной службе и законодательстве Республики Беларусь о борьбе с коррупцией, осуществляется согласно правилу «специальный акт имеет верховенство по отношению к общему».

Вместе с тем наблюдается несогласованность положений законодательства Республики Беларусь о труде и законодательства Республики Беларусь о борьбе с коррупцией, закрепляющих ограничения и запреты для государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе. Закрепление ограничений и запретов для государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе, в законодательстве Республики Беларусь о борьбе с коррупцией не способствует совершенствованию правового статуса таких работников в случае, когда указанные ограничения и запреты не предусмотрены Трудовым кодексом Республики Беларусь от

26 июля 1999 г. № 296-3 [6] и иным законодательством Республики Беларусь о труде. Это обусловлено тем, что положения законодательства Республики Беларусь о борьбе с коррупцией, закрепляя те или иные элементы правового статуса государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе, «приспосабливают» их к собственным потребностям.

Наиболее основательным способом противодействия коррупции в трудовой сфере следует признать не ужесточение различных ограничений и запретов для государственных служащих и государственных должностных лиц, не состоящих на государственной службе, и усиление гарантий и компенсаций для них в связи с имеющимися ограничениями и запретами, а модификацию стратегической мотивации различных категорий работников. Борьба с коррупцией в трудовой сфере должна вестись различными методами, основанными на использовании как юридических позитивных и негативных санкций, так и кодексов деловой и профессиональной этики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.

2. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2006 г., № 165-3 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2014 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Л. Е. МОЖАЕВА, В. Л. МАКУРИНА

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ПОЛИТИКА ПОДОХОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Статьей 1 Конституции Республики Беларусь установлено, что Республика Беларусь является социальным государством [1]. Характеристика государства как социального предполагает, прежде всего, конституционное закрепление и гарантирование экономических и социальных прав и свобод граждан. Утверждение на

уровне конституции социальных прав создают атмосферу защищенности и уверенности граждан в своем будущем, так как государство не сможет при любой экономической ситуации отказать гражданам в обладании этими правами, поскольку для подобного действия потребуется изменить конституционный статус личности.

Одной из основных характеристик социального государства является гарантированность каждому достойного прожиточного минимума. Задача социального государства – обеспечить достойные условия жизни своих граждан, удовлетворение их материальных и духовных потребностей, достижение социальной справедливости и социальной защищенности. В Конституции Республики Беларусь в статье 21 прямо закреплено право каждого на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение для этого условий [1].

Социальное государство сглаживает реально существующее социальное неравенство между богатыми и бедными, которое заведомо ставит бедных в неодинаковое положение не только в сфере потребления материальных благ, но и в получении образования, охране собственного здоровья.

В первую очередь, задачи социального государства реализуются посредством перераспределения национального дохода в пользу малообеспеченных слоев. Основную роль в перераспределении дохода занимает налоговая политика государства, а непосредственно в отношении большинства граждан Республики Беларусь – политика подоходного налогообложения физических лиц.

Система подоходного налогообложения Республики Беларусь предполагает перераспределение национального дохода путем предоставления налоговых льгот и вычетов отдельным категориям налогоплательщиков, которые наименее защищены в социальном аспекте. Статьей 164 Налогового кодекса Республики Беларусь установлены случаи предоставления стандартных налоговых вычетов и их размер.

Действующая в Республике Беларусь система подоходного налогообложения, применяющая совокупность стандартных налоговых вычетов, представляет из себя определенную функцию и зависит от таких факторов, как материальное положение налогоплательщика, количество детей (иждивенцев), находящихся на содержании у налогоплательщика, статус налогоплательщика и т.д., что подтверждается представленным ниже графиком. Исходными данными являются: средняя заработная плата (номинальная начисленная) в Республике Беларусь в июле 2016 года 745,80 белорусских рублей, минимальная заработная плата в Республике Беларусь в июле 2016 года 239,48 белорусских рублей. Изучение налоговой нагрузки на налогоплательщиков и размера социальной помощи от государства произведено в этом интервале. Для изучения влияния налоговых вычетов на величину реальной ставки подоходного налога был применен метод статистического изучения вариации.

Результаты расчетов представлены в виде графика.

Рисунок 1 – Зависимость уровня налоговой скидки от величины заработной платы и количества детей, находящихся на иждивении у налогоплательщика

Из графика видно, что по мере роста заработной платы уровень налоговой скидки

при уплате подоходного налога уменьшается, а по мере роста количества детей, находящихся на иждивении у налогоплательщика, уровень налоговой скидки увеличивается.

Таким образом, уровень налоговой скидки прямо пропорционален количеству детей, находящихся на иждивении у налогоплательщика и обратно пропорционален величине заработной платы.

Факт наличия налогового вычета (в частности стандартного) в действующей системе подоходного налогообложения Республики Беларусь позволяет назвать данную систему подоходного налогообложения условно-прогрессивной. По мере роста дохода физического лица реальная налоговая нагрузка от подоходного налога увеличивается, а уровень налоговой скидки уменьшается. По мере увеличения количества детей, находящихся на иждивении у налогоплательщика, реальная налоговая нагрузка от подоходного налога уменьшается, а уровень налоговой скидки увеличивается. Это позволяет судить о соблюдении не только принципа эффективности, но и социальной справедливости, так как наименее обеспеченные слои населения имеют наименьшую налоговую нагрузку в относительном выражении, а значит, достигается основная задача социального государства – сглаживание социального неравенства между богатыми и бедными.

Следует заметить, что на практике возникают такие случаи, когда размер стандартного налогового вычета превышает размер заработной платы налогоплательщика. Например, заработная плата у налогоплательщика составляет 240 рублей и у него на иждивении находятся 5 несовершеннолетних детей. В таком случае, налогоплательщик просто не уплачивает подоходный налог. Однако аналогичная ситуация будет и в том случае, если заработная плата у налогоплательщика составляет

240 рублей и у него на иждивении – 4 несовершеннолетних ребенка. То есть, теоретически, первый и второй налогоплательщики равны перед государством, но, фактически, материальное положение первого сложнее.

Изучив международный опыт взимания подоходного налога с физических лиц, в частности, опыт взимания подоходного налога в США, можно предложить 2 варианта решения данной проблемы.

Первый вариант заключается в установлении возможности переноса стандартных налоговых вычетов на последующие периоды (аналогично имущественному и социальному). Такой вариант более выгоден государству, поскольку в текущем периоде бюджет государства не несет никаких расходов. Но менее выгоден налогоплательщику, поскольку фактическую помощь от государства он получит позже, а не в тот момент, когда она необходима.

Второй вариант решения данной проблемы заключается в установлении налоговых кредитов (по аналогии с США). Налоговый кредит – сумма налога, которую государство возвращает налогоплательщику, в случае если размер налогового вычета превышает размер заработной платы работника.

Например, заработная плата у налогоплательщика составляет 240 рублей и у него на иждивении находятся 5 несовершеннолетних детей. Размер налогооблагаемой базы составляет минус 73 рубля. В качестве налогового кредита налогоплательщику будет возвращена сумма подоходного налога от налогооблагаемой базы ($73 \times 13 \% = 9,49$ рублей). Финансирование данных затрат возможно как из внебюджетных фондов (к примеру, Фонда социальной защиты населения), так и за счет средств организации (источника выплаты дохода), с возможностью последующего переноса данных затрат на налоговые вычеты (но уже организации).

Таким образом, предоставляя налоговые вычеты государство, по мере возможностей, еще до перераспределения национального дохода сглаживает реально существующее социальное неравенство между богатыми и бедными, которое заведомо ставит бедных в неодинаковое положение не только в сфере потребления материальных благ, но и в получении образования, охране собственного здоровья. Тем самым, Республика Беларусь реализует основную задачу социального государства – обеспечить достойные условия жизни всех своих граждан, удовлетворение их материальных и духовных потребностей, достижение социальной справедливости и социальной защищенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2008. – 48 с.

2. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2003-2016. – URL: <http://www.pravo.by> _Дата обращения: 01.11.2016).

Д. В. ПАВЛЮК

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

ИНСТИТУТ ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гражданство – это юридическая принадлежность физического лица к тому или иному государству. Данное лицо имеет права и несет по отношению к своему

государству определенные обязанности. Государство, в свою очередь, обеспечивает защиту прав и законных интересов этого лица, как на своей территории, так и за ее пределами. В государствах с монархической формой правления (Великобритания, Швеция, Япония и др.) гражданству терминологически соответствует подданство.

Закон «О гражданстве Республики Беларусь» содержит специальную норму (ст. 29), которая определяет, какие органы государственной власти могут принять решение по вопросам гражданства. В действующем законодательстве Республики Беларусь нашел свое воплощение демократический характер приема в гражданство, что выгодно отличает его от правил приема в гражданство некоторых зарубежных стран, где установлены различные цензы религиозного, возрастного, расового и иного характера. Например, в Великобритании, ФРГ, Франции и в некоторых других государствах условием натурализации иностранных граждан является предусматриваемый законодательством предварительный срок пребывания в стране.

Законодательство ряда государств предусматривает, что одно и то же лицо одновременно может иметь гражданство двух или нескольких государств (бипатризм). Международная конвенция 1930 г. о некоторых вопросах, относящихся к коллизии законов о гражданстве, содержит следующее правило: «Лицо, обладающее одним или двумя гражданствами, может рассматриваться каждым государством, гражданством которого оно обладает, как его гражданин». Отсюда следует, что лицо, обладающее двойным гражданством, может нести определенные обязанности одновременно по отношению к нескольким государствам. В этих государствах данное лицо нельзя рассматривать как иностранца. Но если оно находится в третьем государстве, где гражданства не имеет, его следует считать иностранцем.

Законодательство многих государств негативно относится к двойному гражданству. На этих позициях стоит и белорусский Закон «О гражданстве Республики Беларусь», который предусматривает, что гражданство Республики Беларусь утрачивается вследствие приобретения лицом гражданства другого государства.

В международных соглашениях по вопросам устранения двойного гражданства предусматриваются, в частности, следующие правила:

- 1) родители, которые являются гражданами различных государств, могут по обоюдному соглашению избрать для своего ребенка гражданство любой из сторон;
- 2) если родители не подали заявление о выборе гражданства, ребенок считается гражданином того государства, на территории которого он родился;
- 3) если ребенок родился на территории третьего государства и его родители не подали заявление о выборе гражданства, ребенок считается гражданином того государства, на территории которого родители имели постоянное место жительства до выезда в третье государство. Закон исходит из того, что факт постоянного проживания какого-либо лица в стране определяет существенным образом его правовое положение. Поэтому в таких вопросах, как трудовая деятельность, обеспечение жилищем, предоставление медицинской помощи, образование, иностранные граждане, постоянно проживающие в Республике Беларусь, полностью приравниваются к гражданам Беларуси.

Следует отметить, что коллизионные нормы, касающиеся правового положения физического лица, можно условно подразделить на несколько групп в зависимости от использованного типа коллизионной привязки: личный закон (закон гражданства или закон места жительства), закон страны суда, закон места совершения действия, национальный закон.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) (п. 1 ст. 1103) и в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) (п. 1 ст. 1195) личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет. В ст. 1103 ГК Республики Беларусь наряду с термином «гражданство» употреблен еще термин «подданство», что следует признать более корректным по отношению к государствам монархической системы.

При наличии у лица двух и более гражданств личным законом считается право страны, с которой лицо наиболее тесно связано (п. 1 ст. 1103 ГК Республики Беларусь). Российский законодатель в данном случае личный закон определяет правом страны, в которой это лицо имеет место жительства. Если исходить из ст. 20 ГК Российской Федерации, признающей местом жительства гражданина то место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает, следует отметить, что определение личного закона физического лица в ГК Российской Федерации (при наличии нескольких иностранных гражданств) более определено. Нормы ГК Республики Беларусь в этой части могут вызвать неоднозначное толкование, поскольку не определен сам критерий привязки, по которому определяется наиболее тесная связь (проживание, нахождение семьи, нахождение имущества или что-то еще). Тем более, что по общему правилу, принятому в международном частном праве, личный закон реализуется в двух вариантах: в виде закона гражданства и закона домицилия (закона места жительства).

В отличие от Гражданского кодекса Республики Беларусь в Гражданском кодексе Российской Федерации содержатся две нормы, касающиеся определения личного закона гражданина, имеющего наряду с российским гражданством и иностранное гражданство (личным законом в данном случае признается российское право – п. 2 ст. 1195), а также личного закона иностранного гражданина, имеющего место жительства в Российской Федерации (личным законом такого лица также является российское право – п. 3 ст. 1195).

Ситуации, подобные вышеизложенным, не являются для белорусского коллизионного права юридически безразличными. Так, в соответствии со ст. 11 Закона «О гражданстве Республики Беларусь» за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами. Граждане Республики Беларусь, имеющие также иное гражданство, не могут быть на этом основании ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождения от ответственности, вытекающих из гражданства Республики Беларусь. Тем не менее, коллизионная норма, которая бы определяла право, применяемое к гражданину Республики Беларусь, имеющему и иностранное гражданство, в ГК отсутствует. Относительно второй ситуации, касающейся определения права, применяемого к иностранному гражданину, имеющему место жительства в Беларуси, то, по общему правилу, должен применяться закон места жительства. Учитывая неоднозначное отношение законодателя к определению привязки в схожих ситуациях, представляется, что верным шагом будет введение соответствующей коллизионной нормы в Гражданский кодекс.

Что касается определения личного закона лица без гражданства, то в силу п. 2 ст. 1103 ГК Республики Беларусь его личным законом считается право страны, в которой это лицо постоянно проживает. Аналогичная норма приведена и в п. 5 ст. 1195 ГК Российской Федерации с использованием формулировки «в которой это лицо имеет место жительства». Если исходить из ст. 20 ГК Российской Федерации, такое уточнение следует признать более корректным, поскольку и ст. 19 ГК Республики

Беларусь говорит о месте жительства, под которым понимается «постоянное или преимущественное проживание».

Использование в п. 2 ст. 1103 ГК Республики Беларусь термина «постоянное проживание» исключает возможность распространения правила об определении личного закона лица без гражданства на случаи, когда место жительства определяется не постоянным, а преимущественным проживанием.

Полагаем, что вопросы, связанные с гражданском, особенно институтом бипатризма, в ближайшее время не утратят своей актуальности, но в силу происходящих процессов глобализации, приобретут особую значимость.

М. И. ПИВУНОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова»

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Государство в лице его государственных органов призвано обеспечивать права и свободы граждан, а также осуществлять защиту их жизни, здоровья, жилища и т.д. В подтверждение этого статья 2 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) гласит «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства.» [1].

Статья 22 Конституции устанавливает «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» [1]. Так же ряд международных документов посвящен предупреждению дискриминации, такие как:

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, провозглашена резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г.;

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принята резолюцией 2106А (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г.

Конвенция о дискриминации в области труда и занятий, принята 25 июня 1958 г. Генеральной конференцией МОТ;

Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования, принята 14 декабря 1960 г. Генеральной Конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры и др.

Отсюда следует, что в уголовном судопроизводстве невозможно ограничить круг лиц, которые нуждаются в защите лишь обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим. Следует укреплять юридические и иные гарантии прав и законных интересов личности, обеспечения безопасности не зависимо от процессуального положения участника уголовного процесса.

Глава 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закрепляет меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц. Деятельность по применению мер безопасности участников уголовного процесса и других лиц возникает в связи с полученной информацией о необходимости принятия мер безопасности.

Согласно ст. 65 УПК поводами для принятия решения по применению мер безопасности являются:

1) установление органом, ведущим уголовный процесс, обстоятельств, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности. В данном случае орган, ведущий уголовный процесс, самостоятельно решает вопрос о применении мер безопасности;

2) получение органом, ведущим уголовный процесс, иной информации об обстоятельствах, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности. Такая информация может быть получена в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности, из сообщений, заявлений, жалоб, в том числе и от лиц, не являющихся участниками уголовного процесса (например, близкие родственники, члены семьи и т.д.);

3) заявление участников уголовного процесса о необходимости принятия мер безопасности [2].

Статьей 66 УПК определен перечень мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц.

К процессуальным мерам безопасности относятся:

- 1) неразглашение сведений о личности;
- 2) освобождение от явки в судебное заседание;
- 3) закрытое судебное заседание.

К иным мерам безопасности относятся:

- 1) использование технических средств контроля;
- 2) прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров;
- 3) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 4) изменение паспортных данных и замена документов;
- 5) запрет на выдачу сведений [2].

Из всего вышеизложенного следует, что для принятия решения о применении мер безопасности необходимо наличие реальной угрозы и наличие достаточных данных, подтверждающих факт угрозы.

Угроза – это умышленное действие в отношении участника уголовного процесса, его близких и членов семьи. Это значит, что лицо, высказывающее угрозу, сознает, что выражает намерение лишить участника уголовного процесса, его близких и членов семьи жизни, применить насилие либо уничтожить и повредить их имущество, осуществить в отношении их другие противоправные действия. А также понимает, его угроза воспринимается как реальная и желает запугать участника уголовного процесса, его близких и членов его семьи.

Достаточные данные, подтверждающие факт угрозы, – это достоверная информация, полученная органом, ведущим уголовный процесс. Такая информация может быть получена как в ходе проведения уголовно-процессуальных действий (допрос, очная ставка), так и в ходе оперативно-розыскной деятельности [3, с.7].

Таким образом, меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса закреплены в УПК, однако очевидно, что они берут свое начало и основаны на нормах Конституции, что подтверждает положение о том, что Конституция обладает высшей юридической силой, при этом являясь своего рода «фундаментом» для других отраслей законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. И доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 8-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012 – 64 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Республики Беларусь от 20 апр. 2016 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016 – 464 с.

3. Проблемы уголовного процесса : учебно-методический комплекс / Н. М. Бобров, А. П. Петров – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 255 с.

Д. С. ПРОНЧАТОВ

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема правового статуса иностранцев в стране пребывания существует почти три тысячи лет, с тех пор, как возникли первые в истории человеческой цивилизации государства, население разделилось по территориальному принципу и появились чужестранцы. Но в различные исторические эпохи в тех или иных общественно-экономических системах и в конкретных государствах она решалась и решается по-разному. В мировой истории отношение к иностранцам претерпело длительную эволюцию: от почти полной нетерпимости к ним, восприятия чужестранца как врага – к постепенному преодолению предрассудков, к наделению иностранцев определенным объемом прав и обязанностей, правовой защитой.

В Древнем Риме быть гражданином было завидно и почетно. Таким понятием обозначалась вся полнота общественных и частных прав. Нормы римского права устанавливались исключительно для римских граждан, что создало условия, когда туземные права иностранцев не признавались римским судом, а римское право не могло быть применено к иностранцу. Понятию гражданина в Риме противостояло понятие «иностранец». В категорию лиц, не обладавших правом римского гражданства, но подвластных государству, входили латины и палатинцы. Среди чужеземцев, которые находились вне римского общества, следует выделить находившихся вне пределов цивилизации и географии Рима и находившихся вне владычества Рима. Такой чужеземец рассматривался почти как враг, имущество его могло быть захвачено римским гражданином, а сам он обращен в рабство. Следует отметить, что в Древнем Риме не существовало судебных тяжб по поводу гражданства. В период империи «негражданин», выдававший себя за римского гражданина, карался смертной казнью. Только в конце республики был учрежден особый суд для разрешения подобных споров.

Рассматривая становление и развитие правового статуса иностранных граждан в России, следует отметить, что законодательство Российской империи о правовом положении иностранцев носило, в некоторой степени, дискриминационный, национальный и классовый характер. Несмотря на провозглашение принципа равенства всех иностранцев, независимо от прав, предоставляемых иностранцам, их статус зависел также от их положения в обществе: иностранцы-дворяне имели привилегии по сравнению с другими разрядами иностранцев.

Особенностью правового регулирования статуса иностранцев в дореволюционной России являлось отсутствие единого нормативного акта, в котором определялись бы их права и обязанности, порядок судебной защиты и трудовой деятельности. Становление и развитие советского законодательства о правовом положении иностранных граждан

происходит после прихода к власти большевиков в 1917 г. и образования СССР.

Конституция РСФСР 1918 г. и Конституции других советских республик предоставляли иностранцам, проживающим в стране, всю полноту политических прав, если они принадлежали к рабочему классу. Ст. 20 Конституции РСФСР провозглашалось: «Исходя из солидарности трудящихся всех наций, РСФСР предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающих на территории Российской Республики, для трудовых занятий и принадлежащих к рабочему классу или к не пользующимся наемным трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам без всяких затруднительных формальностей права российского гражданства» [1]. Всем иностранцам предоставлялся национальный режим в области социально-экономической личной жизни.

Конституция СССР 1924 г. стала основой для создания законодательства об иностранцах на втором этапе его развития, который стал периодом совершенствования правового регулирования статуса иностранцев и постепенного перехода к его регламентации общесоюзным законодательством. В п. 10 ст. 1 Конституции СССР к ведению Союза было отнесено «Основное законодательство в области союзного гражданства и в отношении прав иностранцев». В ст. 2 Положения о союзном гражданстве, утвержденном ЦИК СССР 29 октября 1924 г., отмечалось: «Иностранцы, проживающие на территории СССР, для трудовых занятий и принадлежащие к рабочему классу или к не пользующимся наемным трудом крестьянству, пользуются всеми политическими правами граждан СССР» [2]. Однако особый общесоюзный акт о правовом положении иностранцев в СССР, предусмотренный Конституцией 1924 г., так и не был разработан.

С принятием Конституции СССР 1936 г., отразившей изменения в государственной и общественной жизни, в экономике и политике советского государства начался третий этап становления правового статуса иностранцев в СССР. В области экономической, культурной и личной жизни иностранцам по-прежнему предоставлялись права наравне с советскими гражданами за отдельными строго оговоренными в законе исключениями. В области политических прав иностранцев произошли существенные изменения: по Конституции СССР 1936 г. избирательным правом обладали исключительно граждане СССР. Единого акта, регулирующего правовой статус иностранцев, в этот период по-прежнему принято не было, хотя в юридической литературе выдвигались предложения издать положения кодифицированного характера, охватывающие все ранее изданные нормы, касающиеся прав иностранцев.

Конституция (Основной закон) СССР 1977 г. послужила юридической базой для развития текущего законодательства, регламентирующего правовое положение иностранных граждан на четвертом его этапе. Принятый в 1981 г. Верховным Советом СССР Закон СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР», введенный в действие с 1 января 1982 г., явился первым актом в сфере регулирования правоотношений с участием иностранных граждан в СССР. Этот закон объединял нормы по основным вопросам правового положения иностранцев в СССР, отражал сложившуюся практику применения действующего на тот период законодательства о правовом положении иностранных граждан в нашей стране, учитывал положения международных договоров, участником которых являлся СССР, а также использовал законодательный опыт в данной области стран социализма. Закон действовал в своем первоначальном виде 15 лет, но с течением времени произошло много изменений в области государственного устройства, политической обстановки в стране, отношений

России с другими странами. Вследствие этого необходимым было принятие нового нормативного акта, регулирующего вопросы правового положения иностранных граждан.

Отсчет современной истории белорусского государства ведется от 1991 г. В 1994 г. была принята Конституция Республики Беларусь, которая закрепляет права и свободы иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории Беларуси. Правовое положение иностранцев и лиц без гражданства определяется Законами Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» (2002 г.), «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (2010 г.), «О противодействии торговле людьми» (2012 г.), международными договорами, подписанными Республикой Беларусь, а также иными актами белорусского законодательства. Министерством внутренних дел Республики Беларусь совместно с заинтересованными государственными органами, а также при содействии Представительства УВКБ ООН в Республике Беларусь был разработан Закон «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» (2008 г.). Данный нормативный акт систематизирует существующие формы защиты иностранных граждан и лиц без гражданства, нуждающихся в международной защите и предусматривает введение в национальную систему убежища новой формы защиты – дополнительной.

Нормы, относящиеся к иностранным гражданам, имеются также в заключенных Республикой Беларусь двусторонних соглашениях об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, торговых соглашениях, сотрудничестве в области международного туризма и др. Например, Республика Беларусь имеет ряд соглашений с зарубежными странами, предусматривающих упрощенный порядок въезда иностранных граждан на территорию республики.

В действующем законодательстве Республики Беларусь широко используется отсылка к международным договорам. Так, согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь, если международным договором, в котором участвует Республика Беларусь, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в белорусском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора. Аналогичные нормы содержатся в Гражданском процессуальном кодексе, Кодексе о браке и семье, Трудовом кодексе и ряде других законов Республики Беларусь.

Таким образом, законодательное закрепление правового положения иностранных граждан развивалось на протяжении длительного периода времени и зависело от политических, социально-экономических и идеологических факторов и условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РСФСР 1918 г.: принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского пр-ва РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
2. Положение о союзном гражданстве: постановление ЦИК и СНК СССР, 29 окт. 1924 г. // Собр. постановлений и распоряжений ЦИК и СНК СССР. – 1924. – № 10. – Ст. 117.

Н. О. РАДЬКОВА, Л. Е. МОЖАЕВА

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

В Республике Беларусь в последнее время стал интенсивно развиваться игровой бизнес. Данный факт оценивается неоднозначно с точки зрения государственных

интересов, интересов организаторов азартных игр и граждан. Задача государства при принятии мер регулирования сферы азартных игр состоит в правильной расстановке приоритетов, в согласовании общественных и государственных интересов.

Государство заинтересовано в развитии игорного бизнеса, поскольку немалые доходы, получаемые от организаторов азартных игр, являются источником пополнения бюджета. Общество в связи с увеличением количества игорных заведений, преимущественно в крупных городах, страдает от создания неблагоприятных условий для развития молодежи и не только. Молодые люди старше 18 лет имеют свободный доступ в такие заведения.

Расширение сети игорных заведений в государстве приводит к увеличению количества лиц, страдающих игровой зависимостью. В июне 2016 года на сайте Республиканского научно-практического центра психического здоровья был опубликован тест на определение степени зависимости от азартных игр, ссылку на который на своем официальном сайте разместило Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь, что в очередной раз подтверждает обеспокоенность государства этим вопросом.

Данную проблему в Республике Беларусь заметили уже относительно давно. Еще с 27 января 2013 года установлена возможность ограничения доступа в казино самим «игроманом» по его же заявлению. Согласно Положению об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь (далее – Положение) физическое лицо может самостоятельно ограничить себя в посещении игорных заведений на срок от шести месяцев до трех лет.

Копия принятого и зарегистрированного организатором азартных игр заявления не позднее дня, следующего за днем его принятия, представляется в Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь (далее – МНС). МНС не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления копии такого заявления, вносит сведения о физическом лице в перечень физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений [1, п. 14¹].

Об эффективности этой нормы можно лишь строить предположения. На сегодняшний день информацию о количестве физических лиц, ограничивших себя в посещении игорных заведений, могут получить только организаторы азартных игр посредством доступа к перечню физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений, размещенном на интернет-ресурсе МНС в сети Интернет [2, п. 1.1].

В настоящее время законодатель сделал еще одну попытку защитить интересы общества от такого негативного явления, как игровая зависимость, что позволяет сделать вывод о не удовлетворивших государство результатах принятых мер.

25 августа 2016 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Указ № 319, который скорректировал Положение в части предоставления родственникам возможности обращаться в суд с заявлением об ограничении физического лица в посещении игорных заведений.

Ограничение в посещении игорных заведений есть ничто иное, как ограничение права – права посещать игорные заведения.

Согласно Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [3, ст. 23]. В случае с ограничением доступа в игорные заведения по заявлению членов семьи и близких родственников подчеркивается, что

ограничивая права и свободы отдельного лица, государство защищает, прежде всего, интересы семьи.

В случае если физическое лицо вследствие участия в азартных играх ставит себя и (или) свою семью в тяжелое материальное положение, оно может быть ограничено в посещении игорных заведений и участии в азартных играх на срок от шести месяцев до трех лет по решению суда [4, п. 1.1].

Нельзя не отметить тот факт, что ограничение в посещении игорных заведений и участии в азартных играх во многом схоже с ограничением дееспособности, хотя таковым не является.

	Ограничение дееспособности	Ограничение в посещении игорных заведений и участии в азартных играх
Условия	1) злоупотребление им спиртными напитками, наркотическими средствами либо психотропными веществами; 2) поставление своей семьи в тяжелое материальное положение; 3) причинная связь между ними	1) участие в азартных играх; 2) поставление своей семьи в тяжелое материальное положение; 3) причинная связь между ними
Объем ограничения	Ограничение дееспособности	Ограничение в посещении игорных заведений и участии в азартных играх
Основания	Заявление в суд, поданное членами его семьи, прокурором, органом опеки и попечительства, а также общественным объединением, уставом которого предоставлено такое право	Заявление в суд, которое имеют право подать родители, дети, усыновители (удочерители), усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, опекуны, попечители, супруг (супруга), а также иные лица, проживающие совместно с ним и ведущие общее хозяйство, прокурор, органы опеки и попечительства
Порядок рассмотрения	Дело рассматривает судом в порядке особого производства	Дело рассматривает судом в порядке особого производства
Срок ограничения	На срок, пока основания, в силу которых гражданин был ограничен в дееспособности, не отпали	На срок от 6 месяцев до 3 лет

Таким образом, условия, основания ограничения и порядок рассмотрения дела в суде идентичны, разница заключается лишь в сроках ограничения и последствиях.

В силу ограничения в дееспособности гражданин без согласия попечителя не вправе совершать сделки по распоряжению имуществом, за исключением мелких

бытовых, а также сам получать заработную плату, пенсию и другие виды доходов [5, п. 5]. А в случае с ограничением в посещении игорных заведений и участии в азартных играх попечительство не устанавливается.

Формулировка «ограничение в посещении игорных заведений и участии в азартных играх» также заставляет задуматься о том, что имеет в виду законодатель, когда ограничивает не только в посещении игорных заведений, но и в участии в играх.

Однако не стоит забывать о существовании онлайн-гемблинга. В Республике Беларусь игорный онлайн-бизнес находится в подвешенном состоянии, так как до сих пор не установлено ни запрета, ни разрешения для деятельности онлайн-казино. Анализ законодательства позволяет сделать вывод о наличии лишь косвенного запрета на их деятельность. К тому же такой запрет распространяется на белорусских организаторов азартных игр, а доступ к виртуальным казино иностранных организаторов открыт.

Таким образом, проблема защиты интересов семьи лиц, страдающих игровой зависимостью, остается нерешенной до конца, поскольку действующие нормы не позволяют в полной мере обеспечить ограничение данных лиц в участии в азартных играх.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Положение об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 10 янв. 2005 г. № 9 // Официальный сайт Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nalog.gov.by/uploads/documents/Ukaz-9-10.01.2005.doc> (дата обращения: 02.11.2016).

2. О порядке ведения и доведения до сведения организаторов азартных игр перечня физических лиц, ограниченных в посещении игорных заведений: Пост. Мин. по налогам и сборам Респ. Беларусь от 30 нояб. 2012 г. № 36 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2003-2016. – URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=W21226667&p1=1> (дата обращения: 02.11.2016).

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 9-е изд., стер. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 64 с.

4. О внесении дополнений и изменений в указы Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 августа 2016 г. № 319 // Нац. Центр правовой формы информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2003-2016. – URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=P31600319&p1=1> (дата обращения: 02.11.2016).

5. О практике рассмотрения судами дел о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности: Пост. Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 16 дек. 2004 г. № 13 // Официальный сайт Верховного Суда Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: http://court.by/jurisprudence/Post_plen/civ_proc/spec/eacacedf72eb818e.html (дата обращения: 02.11.2016).

О. М. САВКИН

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Гарантированное государством право на образование является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав. Государством гарантируется доступность и бесплатность основного, дополнительного и специального образования в случаях и порядке, установленных законодательством.

Законодательство об образовании – одна из самостоятельных отраслей законодательства Республики Беларусь. В теории права, к сожалению, такая отрасль права как *образовательное право* не выделяется, оно до сих пор рассматривается в качестве подотрасли административного права [1]. В то же время ряд современных юристов, например, известный российский правовед В.М.Сырых, отстаивают идею о выделении в правовой системе *образовательного права* в качестве самостоятельной отрасли права [2].

Законодательство Республики Беларусь об образовании основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из законов Республики Беларусь, актов Президента Республики Беларусь и иных актов законодательства [3].

Основным законом Республики Беларусь, направленным на регулирование общественных отношений в сфере образования, является Кодекс Республики Беларусь об образовании [4]. Данный нормативно-правовой акт направлен на обеспечение реализации права на образование, закрепленного в статье 49 Конституции Республики Беларусь, создание необходимых условий для удовлетворения запросов личности в образовании, потребностей общества и государства в квалифицированных кадрах, также предусматривает создание системы образования и соответствующих социально-экономических условий для получения образования, в том числе лицами с особенностями психофизического развития. Он закрепляет гарантии государства на получение бесплатного образования, принципы государственной политики в сфере образования, меры социальной поддержки обучающихся.

Кодекс Республики Беларусь об образовании – кодифицированный нормативный правовой акт, обеспечивающий полное системное регулирование общественных отношений в сфере образования. Он основывается на ранее действовавших в сфере образования законах (законы Республики Беларусь от 29 октября 1991 года «Об образовании», от 29 июня 2003 года «О профессионально-техническом образовании», от 18 мая 2004 года «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании)», от 5 июля 2006 года «Об общем среднем образовании», от 11 июля 2007 года «О высшем образовании») и не предусматривает концептуальных изменений. С его принятием завершился процесс формирования законодательства об образовании как полной, логически последовательной и эффективной системы правовых норм, способной успешно решать задачи нормативного правового регулирования общественных отношений в сфере образования, обеспечить более полное соответствие этих норм современному состоянию образовательных отношений и проводимым в этой сфере преобразованиям.

Современное состояние национальной системы образования определяют *две основные тенденции*: сохранение традиций, характерных для советской

образовательной практики, и инновационная деятельность по модернизации структуры и содержания образования на всех уровнях системы.

Применительно ко второй тенденции следует отметить, что модернизация образовательного процесса прошла несколько этапов.

Первые годы после обретения независимости в 1991 году Республика Беларусь продолжала использовать советскую систему образования. Как известно, в СССР последняя реформа средней школы была проведена в 1984 году – тогда десятилетка была заменена 11-летним полным средним образованием и 9-летним базовым образованием. Этот переходный первый этап в истории независимой Беларуси длился двенадцать лет.

Очередной этап начался в 1996 году, когда во исполнение распоряжения Президента Республики Беларусь от 4 января 1996 г. № 4рп «О подготовке к проведению в Республике Беларусь реформы общеобразовательной школы», было принято Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 21 августа 1996 г. № 554 «О Концепции реформы общеобразовательной школы в Республике Беларусь» – в стране было введено 12-летнее общее среднее образование. Структура 12-летнего образования предусматривала три ступени: начальную школу (1–4 классы, с 6 до 10 лет); базовую (основную) среднюю школу (5–10 классы, с 10 до 16 лет); лицейские и гимназические классы (срок обучения – 2 года). В качестве причин введения 12-летнего образования Постановление № 554 называло: учебные перегрузки, приводившие к резкому ухудшению состояния здоровья учащихся; низкий коэффициент усвоенности знаний и учебных программ из-за сложного и объемного учебного материала; чрезмерная унифицированность школы и недостаточность возможностей для учета индивидуальных наклонностей и способностей учащихся; неготовность школы гибко реагировать на изменения в обществе, на складывающуюся социально-экономическую ситуацию [5].

Данная реформа общеобразовательной школы была первой в постсоветский период. Она была ответом на вызовы своего времени. Но динамизм общественно-политических процессов в молодом независимом государстве, непростая экономическая ситуация требовали нового, адекватного реагирования.

Очередная реформа 2008 года вернула белорусскую школу к 11-летнему обучению. Законодательно это было закреплено Декретом Президента Республики Беларусь от 17.07.2008 г. № 15 «Об отдельных вопросах общего среднего образования» [6].

Следует отметить, что возврат к 11-летнему образованию вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Аргументы сторонников и противников реформы образования широко обсуждались в СМИ. Противники новой реформы ссылались на то, что 12-летнее среднее образование введено в 169 странах (80%), в том числе и в некоторых государствах СНГ (Казахстан, Молдова, Украина, Узбекистан), а в 46 странах мира школьники обучаются 13 лет, и что профильное 12-летнее обучение в школе позволит повысить уровень и качество образования, активно содействовать социализации учащихся, их осознанному профессиональному самоопределению. В свою очередь, сторонники новой реформы заявляли, что для среднего образования вполне достаточно и 11 классов, и что лишний год обучения в школе обременителен и для государства, и для родителей школьника, поскольку далеко не все выпускники средней школы намерены поступать в вузы.

Итоги широких публичных дискуссий были подведены на Совещании у Президента Республики Беларусь 17 апреля 2008 года [7], в котором приняли участие не только работники Министерства образования, но и представители педагогических и

научных коллективов, родительской общественности, руководители республиканских и областных органов государственного управления. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко поручил создать межведомственную комиссию во главе с первым заместителем Главы Администрации Президента Республики Беларусь Анатолием Рубиновым. Решение межведомственной комиссии, обобщившей все «за» и «против» и склонившейся в пользу целесообразности введения 11-летнего среднего образования, было закреплено вышеупомянутым Декретом № 15.

Что же касается системы *высшего образования* в Республике Беларусь, то начало реформ было положено принятием Закона Республики Беларусь «Об образовании» от 29.10.1991 г. № 1202-ХП [8], в котором новизной отличались такие положения, как введение двух ступеней и новой классификации вузов, включавшей классические и профильные университеты, академии, институты и высшие колледжи; упоминались также академические свободы и вузовская автономия. Но, к сожалению, не всё из декларированного в дальнейшем получило надлежащее воплощение.

Первые годы независимости положили начало еще одной новелле – созданию сети негосударственных вузов в республике, что было закреплено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О порядке организации и регулировании деятельности негосударственных учебных заведений» от 25.09.1997 г. № 1274. Это было особенно характерно для первых пяти лет после обретения независимости.

В последующие годы разрабатывался ряд нормативных документов, концепций и программ реформирования, которые принимались на правительственном уровне. В Республиканском институте высшей школы Белорусского государственного университета были разработаны Концепция реформирования высшей школы, ставшая основой для всех дальнейших действий, Положение о высшей школе, Концепция централизованного тестирования [9]. Процесс дальнейшего упорядочения структуры высшего образования был в последующем продолжен созданием Классификатора специальностей и квалификаций, введением стандартов высшего образования, введением 10-бальной шкалы отметок.

Серьезным этапом в развитии высшего образования стало принятие в 2011 году вышеупомянутого Кодекса Республики Беларусь об образовании, ставшего итогом десятилетнего реформирования системы образования.

Мировые тенденции реформирования и модернизации системы образования ставят перед белорусской образовательной системой задачи совершенно нового уровня. Реформы образования направлены на повышение конкурентоспособности образования и формирования имиджа Республики Беларусь как одного из ведущих образовательных и научных центров мира. Об этом, в частности, говорил министр образования Республики Беларусь Михаил Журавков 14 мая 2015 года в Ереване на IX конференции министров Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), где в присутствии представителей 47 стран – участниц Болонского процесса решался вопрос о присоединении Республики Беларусь к Болонскому процессу. (Беларусь шла к вступлению в Болонский процесс давно. Первую заявку на участие в нем наша страна подала еще в 2011 году. Ее отклонили, а вопрос заморозили до 2015-го).

Решением министров образования стран общеевропейского пространства 14.05.2015 года Республика Беларусь принята в Болонский процесс [10].

Означает ли это, что нерешенных проблем уже не осталось? Нет, поскольку Республику Беларусь приняли в Европейское пространство высшего образования при условии последующего выполнения ею Дорожной карты.

Основное обязательство Беларуси перед ЕПВО – проведение структурных реформ

в образовании. Предполагается, что будет доведен до логического завершения процесс создания Национальной рамки квалификаций – инструмента интеграции совместных интересов сферы образования и сферы труда. Кроме того, к концу 2017 года в Беларуси должна появиться правовая основа для создания независимого агентства контроля качества в соответствии с европейскими стандартами и руководствами.

Частью процесса демократизации системы образования, демонстрацией самоуправления университетов должна была стать система выборности ректоров, являющаяся одним из принципов Болонского процесса и условием дорожной карты. По-прежнему нерешенной является проблема участия студентов в управлении университетами, как это предусматривает Болонский процесс.

Требуют своего решения также некоторые иные проблемы.

В завершение следует сказать, что процессу совершенствования национальной образовательной системы существенно способствует тесное взаимодействие в области образования России и Беларуси. Правовой основой такого сотрудничества являются Договор о создании Союзного государства, а также межправительственные Соглашения – о сотрудничестве в области культуры, образования и науки [11], о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий [12], и некоторые другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Система административного права. Соотношение административного права с другими отраслями права: взаимосвязь и разграничение – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: <http://sdo.institutemvd.by/mod/book/view.php?id=6210&chapterid=7085> – Дата доступа: 08.11.2016.

2. Образовательное право и законодательство в системе российского права и законодательства: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Федеральный центр образовательного законодательства – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: http://www.lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/kvanina/kvanina_03.php – Дата доступа: 08.11.2016.

3. Право на образование. Банк данных правовой информации «Мир права» – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: http://world_of_law.pravo.by/theme_list.asp?razd=04.01 – Дата доступа: 08.11.2016.

4. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-3 – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=НК1100243 – Дата доступа: 08.11.2016.

5. Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 21 августа 1996 г. №554 «О Концепции реформы общеобразовательной школы в Республике Беларусь» – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/zak2007/bz51/dcm51886.htm> – Дата доступа: 08.11.2016.

6. Декрет Президента Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. №15 «Об отдельных вопросах общего среднего образования» – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: <http://laws.newsby.org/documents/dekretp/dek00006.htm> – Дата доступа: 08.11.2016.

7. Совещание у Президента Республики Беларусь по вопросам образования – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: <http://union.by/news/a3b94766c3a57279.html> – Дата доступа: 08.11.2016.

8. Об образовании: Закон Республики Беларусь от 29 окт. 1991 г., № 1202-ХІІ с изм. и доп. (текст по состоянию на 9 декабря 2009 г., утратил силу 1 сент. 2011 г.) //

Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1 апр. 2002 г., № 37, 2/844.

9. Добровольская, В.В. Реформирование системы высшего образования Республики Беларусь на пути к Болонскому процессу – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/104449/1/dobrovolskaya_2014_EU_and_%20Rerpublic_of_Belarus.pdf – Дата доступа: 08.11.2016.

10. Беларусь стала участником Болонского процесса – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа : <http://news.tut.by/society/447933.html> – Дата доступа: 08.11.2016.

11. Соглашение Правительства Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, образования и науки». Текст документа по состоянию на 28 марта 2007 года – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org457/basic/text0686.htm> – Дата доступа: 08.11.2016.

12. Соглашение Правительства Республики Беларусь от 27 февраля 1996 г. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях – [Электронный ресурс] – 2016 – Режим доступа: <http://www.busel.org/texts/cat9ut/id5cwweyk.htm> – Дата доступа: 08.11.2016.

А. Г. СЕЛЮКОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА НА ЖИЗНЬ И ЭВТАНАЗИИ

С развитием научно-технического прогресса и, соответственно, достижениями современной медицины проблема эвтаназии стала достаточно актуальной в нашем обществе. Она вызывает массу дискуссий с различных точек зрения: правовой, моральной, медицинской. Данная тема исследования относится к числу малоизученных, о чем говорит недостаточное количество специальных монографических исследований, полно и объективно отражающих правовой аспект эвтаназии.

Термин эвтаназия впервые употреблен Френсисом Беконом в XVI веке для определения «легкой смерти». В XIX веке толкование термина было расширено и стало означать «умертвить кого-либо из жалости», а значит не всегда добровольно. Против эвтаназии выступал отец медицины Гиппократ. В его «клятве» прямо указано: «... я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не укажу пути к осуществлению подобного замысла». В соответствии с канонами Иудейско-христианской этики все врачи перед началом своей практики должны были подписать клятву. Среди требований к «клятве» есть следующее: «Обязуюсь никому не давать смертельного лекарства, не смотря на просьбы и уговоры» [1].

Декларация об эвтаназии, принятая на 39-й Всемирной медицинской ассамблеи в Мадриде, включает следующие положения: «Эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, не этична. Это не исключает

необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания» [2].

Рассмотрим термин «эвтаназия» с научной точки зрения. Различают пассивную и активную эвтаназию. Пассивная эвтаназия – это отказ от жизни поддерживающего лечения, когда оно либо прекращается, либо вообще не начинается. Пассивная эвтаназия (выписка из больницы безнадежно больного пациента) довольно часто встречается в медицинской практике. С моральной точки зрения существует важное различие между ситуацией, когда принимается решение не начинать лечение, и ситуацией, когда прекращается уже начатое лечение. Моральное бремя, ложащееся на врача, во втором случае будет более тяжким. Однако врач будет опасаться начать жизнеподдерживающее лечение, чтобы не попасть в ситуацию, когда его придется прекращать, то это может оказаться еще большим злом для пациента, которого такое лечение могло бы спасти.

Активная эвтаназия – это преднамеренное действие с целью прервать жизнь пациента, например путем инъекции средства, вызывающего смерть. Различают такие формы активной эвтаназии, как:

1) убийство (умерщвление) из сострадания (когда жизнь, являющаяся мучением для больного, прерывается другим человеком, например врачом, даже без согласия пациента);

2) добровольная активная эвтаназия;

3) самоубийство при помощи врача.

Во втором и третьем случаях определяющим является согласие (или даже требование) самого больного. Во втором случае сам врач по просьбе больного делает ему летальную инъекцию, в третьем же врач передает в руки больного средство, позволяющее последнему покончить с собой. Хотя в большинстве стран активная эвтаназия запрещена законом, именно она вызывает наиболее острые медицинские и философские дискуссии [3].

Эвтаназия сейчас разрешена в некоторых странах: Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, Люксембурге, Канаде, в некоторых штатах США. Во многих странах, в том числе и в Республике Беларусь, на Украине и в России, эвтаназия запрещена и рассматривается как убийство.

В соответствии со статьей 31 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» применение эвтаназии в нашей стране запрещено. Однако данный закон закрепляет право пациента отказаться от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства. А это можно определить как своего рода пассивную эвтаназию [4].

Эвтаназия на территории Республики Беларусь, в том числе с помощью медицинских (фармацевтических) работников, запрещена. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет ее, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь. «Врач обязан облегчить страдания умирающего человека всеми доступными и законными способами. Эвтаназия как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких недопустима».

Таким образом, подводя итог хотелось бы отметить, что, вполне возможно, что вскоре законодатели многих стран, осознав важность свободного выбора человеком, как ему использовать свои основные права, защищая и уважая их, разрешать ему самому выбирать, позволить ли врачам попытаться его вылечить, лишь искусственно

поддерживая и без того обреченную на смерть жизнь, или же прекратить свои страдания и мучения путем введения медикаментов, вызывающих быструю и легкую смерть. Право на жизнь, данное человеку в силу его рождения на Земле, не может быть оторвано от его права на достойную смерть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этико-правовые аспекты эвтаназии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2003/06/05-43>. – Дата доступа : 13.11.2016.
2. Свободная энциклопедия – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа : 14.11.2016.
3. О здравоохранении : Закон Республики Беларусь от 20 июня 2008 года № 363-З // Консультант Плюс : Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.
4. Семенов, И.С. К вопросу об этико-правовом статусе эвтаназии в контексте права на жизнь : теория и судебная практика / И.С. Семенов // Адвокат. – 2009. – № 7.

А. Г. СНИТКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Обозначенная тема в юридической науке является многогранной. Отдельные аспекты прокурорского надзора в уголовном процессе на стадии предварительного расследования нашли свое отражение в работах В.В. Бобырева, А.П. Гуляева, А.А. Кеника, А.Ф. Козусева, Л.Г. Максимова и др. Прокурорскому надзору за соблюдением прав человека и гражданина посвящены исследования Ю.Н. Белозерова, В.Н. Бутылина и В.Н. Гончарова, А.В. Чурилова и др. Вопросами прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования занимались Л.Б. Алексеева, В.С. Щадрин и др.

Исследования названных отечественных и зарубежных авторов позволяют трактовать прокурорский надзор на стадии предварительного расследования как урегулированную нормами права деятельность уполномоченных прокуроров в досудебных стадиях уголовного процесса, направленную на обеспечение законности при осуществлении уголовного преследования. Между тем, уголовное преследование имеет властно-распорядительный характер и непосредственно связано с ограничением прав и свобод личности в уголовном процессе, которые затрагивают законные права и интересы всех участников уголовного судопроизводства (следователя, начальника следственного подразделения, потерпевшего и др.). Отметим, что работы перечисленных выше ученых-юристов не дают комплексного и системного описания правового института охраны и защиты человеческого достоинства как в целом, так в качестве предмета прокурорского надзора на стадии предварительного расследования.

Рассмотрим основные положения Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), которые лежат в основе прокурорского надзора на стадии предварительного расследования в нашей стране и нашли свое отражение в Законе

Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК), а также подзаконных нормативных правовых актах, издаваемых Генеральной прокуратурой Республики Беларусь. Именно они составляют правовую основу прокурорского надзора за органами предварительного расследования.

В соответствии со ст. 7 Конституции в Республике Беларусь устанавливается верховенство права. Государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Это конституционное предписание для органов прокуратуры «имеет особо актуальное значение: как блюстители законности в государстве прокуроры не должны допускать произвола, нарушений или отступлений от закона. Этому подчинена прежде всего деятельность самого Генерального прокурора Республики Беларусь, который издает приказы и указания руководящего характера на основе и во исполнение закона. Это обеспечивает деятельность подчиненных прокуроров, которые руководствуются этими приказами и указаниями» [1, с.100].

В ст. 21 Конституции закреплено, что обеспечение прав, свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства и государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства. Этим объясняется то обстоятельство, что прокурор не только наделен полномочиями осуществлять уголовное преследование, но и обязан обеспечить действенный надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Ст. 22 Конституции предусматривает, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Близкой по содержанию является ст. 62 Конституции, суть которой заключается в том, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты своих прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвоката. Данные конституционные положения отражены в ст. 5 Закона о прокуратуре и означают равенство прав на юридическую помощь для осуществления защиты прав и свобод, в том числе право использования в любой момент не только помощи адвоката, но и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. Прокурор, прежде всего, осуществляет надзор за тем, чтобы защитник был привлечен к участию в производстве предварительного следствия с момента задержания или ареста подозреваемого. Он также следит, чтобы следователь с момента начала производства разъяснил гражданину его право иметь защитника и при этом не чинил никаких препятствий в осуществлении этого права. Следователь не вправе навязывать подозреваемому, обвиняемому в качестве защитника определенное лицо. Важно следить и за тем, чтобы содержание обвиняемого под стражей не служило препятствием к реализации им своего права на защиту. Прокурор при осуществлении надзора за соблюдением закона о предоставлении обвиняемому защиты в период предварительного расследования обеспечивает адвокату возможность выполнения своих функций и расценивает обратное, как грубейшее нарушение процессуального законодательства. Ничто не может препятствовать адвокату в исполнении им своих функций, защиты прав личности, свобод, чести и достоинств личности.

Прокурор на стадии предварительного расследования осуществляет надзор за исполнением ст. 23 Конституции, которая предусматривает ограничение прав и свобод

личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. При этом никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, независимо от гражданства, социального и имущественного положения, языка, пола, возраста, образования, отношения к религии, политических и иных убеждений (ст. 5 Закона о прокуратуре).

На стадии предварительного расследования прокурор следит за тем, чтобы обеспечивалась свобода, неприкосновенность и достоинство личности. В соответствии с ч. 3 ст. 25 Конституции лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста. При этом никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам.

Важной, на наш взгляд, является ст. 26 Конституции, которая гласит, что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и не установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не должен доказывать свою невиновность. В ст. 16 УПК это конституционное положение закреплено как «презумпция невиновности».

Эффективность прокурорского надзора за обеспечением презумпции невиновности зависит, во-первых, от своевременности получения и объема информации о наличии основания для прокурорского реагирования, а также ее оценки, и, во-вторых, от выбора наиболее правильных мер реагирования на нарушения закона и своевременности их принятия. В целях устранения выявленных нарушений презумпции невиновности он может дать письменные указания, отменить незаконное постановление, изъять дело у одного следователя и передать его другому, освободить необоснованно задержанного или незаконно содержащегося под стражей, прекратить дело, если уже на этом этапе обнаружится отсутствие события или состава преступления, возратить уголовное дело со своими указаниями (после поступления к нему для принятия решения о направлении в суд) для производства дополнительного расследования. Прокурор, помимо перечисленного, наделен полномочием вносить представления об устранении нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Отметим, что в соответствии с приказом Генерального прокурора от 3 января 2013 года № 1 «Об организации прокурорского надзора за исполнением закона органами уголовного преследования» работники прокуратуры в рамках данного конституционного требования систематически должны проводиться проверки содержания задержанных и арестованных в изоляторах временного содержания и в следственных изоляторах, приниматься безотлагательные меры по восстановлению нарушенных прав граждан, по изменению меры пресечения лицам, ранее не судимым и совершившим преступление, не представляющее большой общественной опасности.

Еще одним конституционным принципом, который должен строго соблюдаться прокурором в данной отрасли является надзор за тем, что никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Это обусловлено тем, что показания, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы (ст. 27 Конституции).

В основе прокурорского надзора на стадии предварительного расследования также лежат статьи 28-29 Конституции о том, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Гражданам гарантируется неприкосновенность жилища и иных законных

владений. Никто не имеет право без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли. Однако в интересах государства и общества в исключительных случаях прокурор может дать санкцию на арест и изъятие почтово-телеграфной корреспонденции, прослушивание телефонных и иных переговоров, на обыск жилища.

Таким образом, прокурорский надзор за соблюдением законности на стадии предварительного расследования решает три задачи: 1) служит средством обеспечения верховенства Конституции и защиты прав и свобод граждан; 2) способствует правильному соблюдению закона, позволяет эффективно проводить предварительное расследование; 3) носит упреждающий характер, чтобы как можно меньше нарушались требования УПК, особенно связанные с соблюдением конституционных прав личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кеник, А. А. Прокурорский надзор: учеб. пособие / А. А.Кеник. – Минск : Амалфея, 2005. – 512 с.

Е. В. СТАРИКОВА

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Современная белорусская молодежь важнейший ресурс развития страны. Поэтому высокие возможности подрастающего поколения, а также способность с их стороны к широкомасштабному и многообещающему стремлению, обеспечить необходимые условия для развития и процветания страны с учетом сложившихся условий, обуславливаются эффективностью молодежной политики и деятельностью молодежных общественных организаций.

По данным Национального статистического комитета на 1 января 2016 г. в республике проживало 2 058 тыс. человек в возрасте от 14 до 31 года или каждый пятый житель республики. При этом численное распределение молодежи (в % соотношении) в Республике Беларусь по возрастным группам составило: 14-17 лет – 17,7 %, 18-19 лет – 8-9 %, 20-24 года – 28,8 %, 25-30 лет – 44,6 % [1].

На сегодняшний день нормативная правовая основа взаимодействия государства и молодежи в Республике Беларусь представлена рядом документов, определяющих цели, задачи и направления в сфере государственной молодежной политики. Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2009 года № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» и Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 года № 243-З способствуют обеспечению необходимых гарантий для всеобъемлющего обеспечения интересов молодого поколения. Разработка и принятие на государственном уровне различных программ, концепций и стратегий способствует социальной поддержке молодежи в различных областях жизнедеятельности.

В 2016 году была утверждена Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016-2020 годы. Данная программа включает в себя 11 подпрограмм охватывающих многочисленные сферы образования, а также такой важный аспект как молодежная политика. Согласно подпрограмме «Молодежная

политика» реализация намеченных мер к 2020 году позволит: 1. увеличить потребление качественных услуг в области государственной молодежной политики, стабилизирующих общественные отношения; 2. повысить гражданскую позицию, общественно-политическую, инновационную и социально значимую активность молодых граждан посредством их участия в деятельности детских и молодежных общественных объединений, управлении общественной жизнью; 3. внедрить инновационные формы и методы решения актуальных проблем молодежи с участием самой молодежи, создать условия для саморазвития и самореализации молодежи в интересах страны; 4. повысить продуктивность занятости молодежи, реализующей инновационные проекты [2] .

Одним из важных направлений государственной молодежной политики на республиканском и региональном уровнях является развитие социальной активности молодежи, гражданского самосознания через ее участие в деятельности молодежных и детских общественных объединениях, которые в свою очередь имеют активную поддержку со стороны государства. Так, согласно закону Республики Беларусь от 09.11.1999 № 305-З «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь», под государственной поддержкой молодежных и детских объединений понимается совокупность мер, принимаемых Президентом Республики Беларусь и государственными органами в соответствии с законодательством Республики Беларусь в области государственной молодежной политики в целях создания и обеспечения правовых, экономических и организационных условий, гарантий и стимулов деятельности таких объединений, направленной на социальное становление, развитие и самореализацию детей и молодежи в общественной жизни, а также в целях охраны и защиты их прав. При этом государство формирует систему правовых и экономических гарантий, которые обеспечивают всем молодежным общественным объединениям равные возможности для участия в общественной жизни Республики Беларусь. Такая поддержка со стороны государства способствует наиболее полной реализации закрепленного в Конституции Республики Беларусь и законе Республики Беларусь от 1993 № 2570 - XII «О правах ребенка» права на свободу объединений, что способствует развитию творческого, научного и профессионального потенциала, воспитания чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых граждан.

В Беларуси в реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой включены 16 общественных организаций и объединений. К ним относятся: общественное объединение «Белорусская республиканская пионерская организация»; общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи»; Республиканская молодежная общественная организация «Лига добровольного труда молодежи»; молодежное общественное объединение «Белорусский КВН»; общественное объединение «Белорусская лига интеллектуальных команд»; общественное объединение «Белорусская ассоциация клубов «Юнеско» и др. [3].

Самое распространенное общественное объединение – Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ). Членом данного объединения может быть любой гражданин Республики Беларусь, лица без гражданства, а также иностранные граждане, постоянно проживающие в Республике Беларусь, в возрасте от 14 до 31 года.

Нынешние детские и молодежные общественные объединения представляют собой организации наилучшего обеспечения различных интересов молодого поколения, и в особенности способствуют приобретению лидерских качеств и умению слажено

работать в коллективе, а также содействуют развитию и реализации общественно значимых инициатив.

Также важным аспектом в стимулировании молодежи к активному участию в жизнедеятельности общества и государства является Международное молодежное сотрудничество. Одним из основных ориентиров в данной области является Стратегия международного молодежного сотрудничества государств - участников Содружества независимых государств на период до 2020 года. Основными целями международного молодежного сотрудничества в Содружестве являются раскрытие творческого, образовательного, социального и духовно-нравственного потенциала молодого поколения, укрепление дружбы, взаимопонимания и взаимодействия народов государств. При этом реализация международного молодежного сотрудничества обеспечивается посредством: ежегодного формирования консолидированного плана мероприятий (проектов) в сфере международного молодежного сотрудничества; организации конкурсов и предоставления грантов; оказания организационной, информационной помощи и других видов поддержки молодежным объединениям и организациям в реализации ими межгосударственных программ и проектов; создания межгосударственной программы поддержки лидеров детских и молодежных объединений и организаций; продолжения практики проведения в Содружестве годов, посвященных тематике гуманитарного сотрудничества [4].

Со стороны государства ведется активная работа по формированию эффективной системы по социализации и самореализации молодежи, развитию её потенциала, защиты ее прав и законных интересов. При этом не последнюю роль играет само молодое поколение, его мотивированность, открытость и доступность, готовность к решению социально значимых и гражданско ориентированных задач. Одним из главных стимулов для привлечения молодежи к государственной и общественной жизни является отслеживание проблем происходящих в данной социальной группе, оценивание ситуации и разработка конкретных решений и концепций для их ликвидации, а также нахождение способов непосредственного расширения прав молодого поколения. Результатом такого взаимодействия государства и молодежи является постижение молодыми людьми своей полезности, значимости и востребованности в обществе, а также совместная плодотворная деятельность в формировании социального правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический обзор ко Дню молодежи: Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Информационный портал Республики Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 27.06.2016.
2. Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016-2020 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.03.2016 № 250 // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/2450>. - Дата доступа: 01.11.2016.
3. Республиканский реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой // Министерство образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. - Режим доступа: <http://edu.gov.by/page-1831>. - Дата доступа: 04.11.2016.
4. Стратегия международного молодежного сотрудничества государств - участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 года

[Электронный ресурс]. – 2016. - Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic03/text778.htm>. - Дата доступа: 04.11.2016.

К. В. ФАДЕЕВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Молодежные организации являются важной составляющей гражданского общества. Значимость данного института определяется социально-экономическими и политическими закономерностями развития государства и закрепляется в законодательной базе. Этому вопросу посвящен в первую очередь Закон Республики Беларусь от 09.11.1999 № 305-З «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь». Молодежь имеет право создавать молодежные общественные объединения, деятельность которых направлена на удовлетворение и защиту ее гражданских, социальных, культурных и иных прав и законных интересов.

Государство формирует систему правовых и экономических гарантий, которые обеспечивают всем молодежным общественным объединениям равные возможности для участия в общественной жизни Республики Беларусь. При этом, государство наделено правом оказывать молодежным общественным объединениям материальную и организационную поддержку. Государственные органы и иные организации вправе передавать в установленном законодательством порядке молодежным общественным объединениям здания и сооружения, иное имущество, необходимые для осуществления их деятельности [1].

Молодежь участвует в формировании и реализации государственной молодежной политики посредством общественно значимых инициатив, обращений в государственные органы и иные организации, взаимодействия молодежных общественных объединений с указанными органами и организациями, а также в иных формах. Для выявления и учета мнения молодежи, расширения ее участия в формировании и реализации государственной молодежной политики при государственных органах могут создаваться совещательные органы из числа молодежи. В качестве примера такой деятельности в Республике Беларусь можно привести Общественный совет по делам молодежи в Гомельской области. Совет является совещательно - консультативным органом, образуемым соответствующим исполнительным комитетом. Целью создания совета является повышение эффективности работы с молодежью на территории района, совместной деятельности государственных органов, организаций и предприятий по реализации на территории района молодежной политики.

Действие Закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь» не распространяется на:

- молодежные и детские религиозные организации;
- молодежные и студенческие объединения, являющиеся профессиональными союзами [2].

Государственная поддержка в соответствии с настоящим Законом оказывается зарегистрированным в установленном порядке и обратившимся за такой поддержкой в республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы:

- молодежным объединениям граждан в возрасте до тридцати одного года (не менее двух третей от общего числа членов) и детским объединениям граждан в возрасте до восемнадцати лет (не менее двух третей от общего числа членов), которые выражают их специфические интересы и уставная деятельность которых направлена на обеспечение социального становления и развития детей и молодежи;

- ассоциациям (союзам) молодежных и (или) детских объединений.

Соответствие обращающегося за государственной поддержкой республиканского (международного) молодежного или детского объединения установленным требованиям определяется республиканским органом государственного управления по делам молодежи. Соответствие обращающегося за государственной поддержкой местного молодежного или детского объединения установленным требованиям определяется местными исполнительными и распорядительными органами. Республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы при разработке мер государственной поддержки молодежных и детских объединений учитывают их предложения.

Выделение субсидий молодежным и детским объединениям, включенным в республиканский и местные реестры молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой, производится с учетом итогов деятельности объединений и приоритетности планируемых для реализации проектов (программ). Объем средств на субсидии молодежным и детским объединениям устанавливается республиканским органом государственного управления по делам молодежи, местным исполнительным и распорядительным органом в пределах бюджетных ассигнований, выделяемых на мероприятия в области государственной молодежной политики. Указанные средства включаются в смету расходов республиканского органа государственного управления по делам молодежи, местных исполнительных и распорядительных органов для распределения между молодежными и детскими объединениями, которым выделяются субсидии. Субсидии выделяются молодежным и детским объединениям на:

- осуществление деятельности, направленной на удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей детей и молодежи, защиту их прав и свобод, а также предотвращение угрозы их здоровью;

- проведение мероприятий по организации досуга детей и молодежи; развитие международных связей молодежных и детских объединений;

- другие цели в соответствии с направлениями государственной молодежной политики.

Заявление о включении в республиканский реестр молодежных и детских общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой, оформляется по форме согласно приложению к Инструкции. На основании поданных документов управление по делам молодежи Министерства образования дает заключение о возможности включения в реестр молодежного и (или) детского объединения. Решение о включении в реестр принимается коллегией Министерства образования, оформляется в установленном порядке приказом с внесением соответствующих сведений в реестр в течение одного месяца. Молодежное и (или) детское объединение вправе заявить о своем исключении из реестра.

Подводя итог можно сделать вывод, несмотря на достаточно широкий ряд нормативных правовых актов, касающихся оказания поддержки молодежным общественным объединениям, можно выделить следующую проблематику:

Во-первых, невзирая на то, что Законом «Об основах государственной молодежной политики» установлен запрет на монополию какого-либо общественного объединения, фактически в Беларуси общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи» (БРСМ) действует как монопольный представитель молодежных общественных объединений в сфере государственной молодежной политики.

Во-вторых, следует отметить, что, несмотря на предусмотренные законодательством возможности получения субсидий, финансирования проектов, включения в специальный реестр, там не установлены четкие процедуры и критерии, при соблюдении которых любое молодежное общественное объединение могло бы претендовать на получение поддержки от государства. Фактически, вопросы финансирования и привлечения общественных объединений решаются органами государственного управления различных уровней по своему усмотрению. Независимым общественным объединениям не предоставляются льготы, предусмотренные законодательством, особенно остро стоит проблема выделения на возмездной и безвозмездной основе либо аренды помещений для молодежных общественных объединений. В качестве позитивного примера осуществления деятельности в данной сфере общественным объединением приведем пример создания Открытого молодежного центра (сокращённо – ОО МОЦ «Фиальта») – некоммерческая негосударственная организация, занимающаяся неформальным образованием молодёжи в Минске.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаперони, Д. Социология социальных движений: учебное пособие / Д. Лаперони. - М. : Издательство БЕК, 2006. - 166 с.
2. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон, 09 ноября.1999 г. № 305-3 : принят Палатой представителей 5 октября 1999 г., одобрен Советом Респ. 28 октября 1999г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

А. Д. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ: ИЗУЧАЯ ОПЫТ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Правовое регулирование защиты животных находится на стыке различных отраслей права. Охрана животного мира и окружающей среды далеко не исчерпывают вопросы защиты животных. Развитие правового регулирования в этой области только начинается. Процессы выработки национальных правовых подходов и международных стандартов происходят под влиянием современных наработок [1].

Права животных – идея о равноценности главных потребностей людей и животных: например, потребности избегать боли, сохранить свою жизнь. Сторонники придерживаются разных философских точек зрения, однако все в целом едины в том,

что животных нельзя рассматривать как частную собственность и использовать для получения пищи, одежды, в индустрии развлечений и научных экспериментах, а некоторые права, например, право на жизнь и защиту от нанесения телесных повреждений и морального вреда, должны быть юридически закреплены за животными.

Федеративная Республика Германия (далее – Германия, ФРГ) - первая страна мира, которая ввела соответствующие пункты касательно защиты животных в Конституцию страны. В 2006 году германский бундестаг принял важную поправку в конституцию Германии. В раздел «О защите естественных основ жизни» внесли положение о защите животных. За поправку проголосовали все парламентские фракции. Отныне охрана животных становится в Германии конституционным долгом государства. Теперь, в новой редакции, ст. 20 Конституции ФРГ звучит так: «Реализуя в рамках конституционного строя законодательную власть и обеспечивая осуществление исполнительной и судебной власти в соответствии с законом и правом, государство, сознавая ответственность перед будущим поколением, защищает также естественные основы жизни и животных».

В Германии действует Закон о защите животных (Tierschutzgesetz), а также Распоряжение по содержанию собак (Hundeverordnung), законодательно утверждена система приютов. В стране признана профессия «Защитник животных», а также действует специальная отрасль права – «Права животных» (Tierrechte). В этой области работают адвокаты, которые могут не только помочь в случае нарушения прав владельцев животных или в случаях издевательств над животными, но и помочь при приобретении животных.

Государство защищает права животных на гуманное отношение к ним. Жестокое обращение провоцирует превращение собаки в бездомное животное, и действующее законодательство поощряет жалобы третьих лиц на безответственных хозяев. Закон о защите животных устанавливает штрафные санкции в случае нарушения правил обращения с животными. Так, например, за выброс животного на улицу (такая форма поведения приравнивается к издевательству) или его самовольное уничтожение налагается штраф 25000 Евро (если по каким-либо причинам нет возможности держать дома животное, то по действующему законодательству его следует отнести в приют).

Государство стремится уменьшить численность рождающихся животных даже среди профессиональных заводчиков, состоящих в официально зарегистрированных организациях - им предоставляются квоты, превышать которые они не имеют право. Бесконтрольно разводить животных запрещено.

В Германии взимается налог на содержание собак [2]. Если сумма налога колеблется от 100 до 150 евро в год, независимо от размера собак, то на «бойцовую» породу эта сумма увеличивается в два-три раза. Во многих городах малоимущие и получатели социальной помощи могут быть освобождены от уплаты налога или получить существенную скидку. Налог не взимается со служебных собак, включая собак-поводырей.

При регистрации права владения животным, ему присваивается специальный регистрационный номер. Владельцы собак либо гравировывают полученный номер на ошейнике, либо наносят татуировку на ухо.

Что касается потерянного животного, то для его быстрого поиска была создана бесплатная база данных потерянных животных (TASSO Haustiercentralregister). Владелец на добровольной основе может ввести в нее информацию о своем животном с тем, чтобы в случае его пропажи поиск был ускорен.

В Республике Беларусь впервые был принят Закон «Об охране и использовании животного мира» 19 сентября 1996 года. В нем были заложены подходы, которым руководствуется и современное белорусское законодательство в этой области: предметом охраны в данном законодательном акте были исключительно дикие животные, которые и были отнесены к категории «животный мир», а «отношения в области охраны и рационального использования сельскохозяйственных и других домашних животных, а также диких животных, содержащихся в неволе и используемых в хозяйственных, научных, культурно-просветительных и иных целях» были отнесены к предмету регулирования отдельного законодательства, которое, однако, так и не было принято [1].

В 2007 году указанный закон был заменен на новый Закон Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 года. Однако, подход включения в понятие животного мира лишь диких животных был сохранен, а домашние, служебные и сельскохозяйственные животные остались без правовой охраны.

И только 1 апреля 2016 года вступил Закон «Об обращении с животными», в котором указывались правила содержания домашних животных, а также отлова безнадзорных животных. Согласно Закону владельцам собак, кошек запрещается: приводить собак, кошек в магазины, на предприятия общественного питания и бытового обслуживания населения и т.д. Также владельцы обязаны строго выполнять санитарно-ветеринарные нормы и правила их содержания, обеспечивать безопасность людей, не допускать загрязнения этими животными общедоступных мест и не выгуливать собак на придомовых территориях. Правилами запрещается несовершеннолетним выгуливать собак потенциально опасных пород, а также выгул без поводка и намордника разрешается только щенков в возрасте до 6 месяцев и собак ростом в холке до тридцати пяти сантиметров.

Контроль за соблюдением правил содержания собак, кошек осуществляется местными исполнительными и распорядительными органами. Подлежат регистрации домашние животные в возрасте 3 месяцев и старше. Владельцы животных должны в десятидневный срок со дня приобретения таких животных подать в организацию, осуществляющую регистрацию собак и кошек, заявление о их регистрации. При регистрации выдается регистрационное удостоверение и жетон, который должен быть прикреплен к ошейнику животного.

Согласно тому же документу отлов домашних животных производится в целях предотвращения заболеваний людей и животных бешенством, иными инфекционными и паразитарными заболеваниями. Учет принятых и отловленных животных производится организациями, занимающимися отловом безнадзорных животных.

Закон устанавливает штрафные санкции в случае нарушения правил обращения с животными. Например, жестокое обращение с животным, не повлекшее его гибель или увечье, – влечет административный арест или наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин. Также закон устанавливает уголовную ответственность за жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель или увечье, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений либо в присутствии заведомо малолетнего, - наказывается общественными работами, или штрафом (от тридцати до пятидесяти базовых величин), или исправительными работами на срок до одного года, или арестом.

В подходе к проблеме взаимоотношений «человек - животный мир» в зарубежной экологической этике имеются два направления:

1) традиция подчинения, подразумевающая, что животный мир существует исключительно для человека и его потребностей;

2) традиция сотрудничества, предполагающая, что человек призван сохранять и совершенствовать животный мир.

Таким образом, на настоящий момент можно сделать вывод о том, что законодательство об административной и уголовной ответственности за причинение вреда животным развито разнообразно и предусматривает некоторое число составов. Но в силу комплексности проблем, касающихся защиты животных, необходимо системное регулирование, которое включало бы в себя закон «О защите животных». Для разработки подобного закона необходимо предварительное согласование позиций всех основных зоозащитных организаций и иных заинтересованных субъектов. Такой законодательный акт мог бы защитить домашних и безнадзорных животных от жестокого обращения с ними и проведения опыта над ними, а так же служить поводом к развитию законодательства в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правовое регулирование защиты животных в Беларуси: международные подходы и белорусская практика / Блог о животных и людях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mesto-pod-solncem.org/2013/11/blog-post_27.html#sdfootnote25sym; Дата доступа : 16.11.2016

2. Опыт Германии в решении проблем бездомных животных / EGIDA.BY:Благотворительный портал защиты и прав животных [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://egida.by/wiki/112-1-0-384>; Дата доступа : 16.11.2016

С. А. ЦЮГА, Е. С. ХОДАН

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Современный политический процесс во многом зависит от средств массовой информации (СМИ), которые являются наиболее действенным способом формирования имиджа власти. СМИ оказывают влияние на формирование общественного мнения и являются основным источником информации по выборам. Из этого следует, что свободные и ответственные СМИ, несущие достоверную и объективную информацию обществу – это кровеносная система государства.

В избирательном процессе СМИ служат каналом информирования избирателей (о назначении дня выборов, об образовании избирательных участков, о регистрации кандидатов и т.д.), средством предвыборной агитации и инструментом гражданского контроля (знакомить избирателей с законодательными нормами и правилами, по которым проводятся выборы) [4, с. 476].

Непосредственной обязанностью СМИ является обеспечение гласности избирательного процесса. Решения избирательных комиссий, комиссий референдума публикуются в указанных СМИ за счет средств их бюджетного финансирования. Негосударственные СМИ обнародуют подобного рода документы по собственной инициативе.

СМИ могут усилить или ослабить предрасположенность избирателей к тем или иным идеологическим ценностям путем информационного воздействия. Поэтому идеология избирательных кампаний должна строиться на том, что избиратель – главное действующее лицо, представитель народа, которого нельзя заставить проголосовать за того или иного кандидата, его надо побудить к этому шагу.

Следует отметить, что для белорусского электората свойственен периферийный способ усвоения идеологической информации, т.е. экспрессивное голосование, которое уязвимо под воздействием СМИ. Это объясняется тем, что у электората нет устойчивых идеологических приоритетов. Причины этому: молодость многопартийности и искусственный характер появления политических партий (создавались не снизу, а сверху – под личность).

Следует различать функции СМИ в избирательном процессе: во-первых, информирование, реализуемое в формах опубликования и оповещения, т.е. информирование граждан о наиболее важных событиях и проблемах, о деятельности государственных органов и организаций, общественных объединений и должностных лиц. Во-вторых, предоставление печатных площадей и эфира для агитации. Здесь СМИ выступают как производители массово-информационных услуг, предоставляя (бесплатно или за плату) эфирное время или печатную площадь избирательным комиссиям, кандидатам, избирательным объединениям [5, с. 179].

Особое место отводится предвыборной агитации через СМИ, которая проводится в виде публичных дебатов, дискуссий, круглых столов, пресс-конференций, интервью, выступлений, политической рекламы и в иных не запрещенных законом формах.

Пресса, телевидение, радио обеспечивают широкое и последовательное освещение хода подготовки к выборам в соответствии с календарными сроками избирательных действий. Согласно проведенным исследованиям, публикации в прессе наиболее сильно влияют на избирателей, т.к. стремление прочесть что-либо о кандидате в газете характеризует почти всех избирателей, за исключением тех, кто принципиально не собирается идти голосовать [3, с. 26].

Второстепенное место отводится телевидению (телепередачам, теледебатам и телерепортажам), которое обусловлено эффектом присутствия. То, что телезритель видит на экране, воспринимается им как увиденное в реальности, он чувствует себя не просто зрителем, а соучастником происходящих на экране событий. При этом телевидение обладает неограниченными возможностями для создания имиджа.

Правовой основой деятельности СМИ является Конституция и Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации». Он разрабатывался с учетом законодательства и опыта стран СНГ, а также Германии, США, Великобритании, Австрии, Нидерландов, Швеции, Франции и, конечно же, богатой правоприменительной практики в данной области в нашей республике. Закон не допускает цензуры, обеспечивает конституционное право граждан на получение и распространение информации, определяет принципы деятельности СМИ.

Несмотря на правовую регламентацию деятельности СМИ, возникает множество споров по самым различным поводам:

- Информационные компании являются коммерческими предприятиями и действуют в соответствии с законами рынка. Следовательно, этот факт может рассматриваться как угроза свободным и ответственным СМИ в силу их явных приоритетов в сторону прибыли, а не истины. Также в условиях глобализации всякая деятельность СМИ может подчиняться политическим целям, что препятствует распространению объективной и достоверной информации.

- Как говорил А.С. Лукашенко во время открытия нового учебного корпуса факультета журналистики БГУ, преобразованного в Институт журналистики: «Журналистика – профессия государственная». Речь идет о высокой ответственности печатного слова и его автора. Современный журналист должен не только предоставить информацию, но и осмыслить ее, сделать правильные выводы, в ходе чего читатель имеет возможность активно включиться в разговор.

- Встречаются случаи, когда СМИ, некорректно отображая политическую ситуацию, негативно воздействуют на массовое сознание и общественное мнение. Например, когда в теледебатах демонстрируются взаимные оскорбления, обвинения и препирательства политических конкурентов, нельзя обойтись без подозрения в фальсификации результатов выборов, открытой агитации, разжигающую социальную, национальную ненависть и вражду, что подавляет мотивацию электората.

- С конца 1990-х гг. остро встала проблема косвенной агитации в СМИ, т.е. публикации агитационных материалов под видом информационных, создающих положительный имидж одних кандидатов и отрицательный – других. Этим до сих пор пользуются кандидаты, обладающие и/или поддерживаемые властью и кандидаты, обладающие большими финансовыми ресурсами.

- В обществе преобладает симультанный характер политического поведения, т.е. стихийная социализация от выборов к выборам. В период «выборного затишья» информация о деятельности избирательной комиссии в региональных СМИ отсутствует, освещению деятельности политических партий в электронных СМИ уделяется не более десяти минут в месяц, а также СМИ не содержат сообщений о том, где можно получить достоверную информацию о том или ином политическом субъекте. С развитием информационно-коммуникационных технологий поиск политической информации упрощается. Однако статистика показывает, что сетевая аудитория предпочитает Интернет в основном для удовлетворения потребности в развлечении.

СМИ играют роль «подставки для микрофона», оставляя избирателя один на один с кандидатом. Однако существуют противоположная точка зрения, суть которой заключается в том, что оставляя избирателя тет-а-тет с кандидатом, последним предоставляется возможность представить себя в исключительно выгодном свете, и информация о кандидатах не будет настолько полной и объективной, насколько это необходимо для обеспечения результатов выборов, отражающих действительную волю граждан. То есть в целях объективного информирования избирателей и обеспечения действительно свободных выборов ограничения свободы массовой информации в избирательном процессе должны быть минимальными.

Практика выборов и референдумов показывает, что журналистскому корпусу следует хорошо знать соответствующее законодательство и практику его применения, неустанно овладевать методами воздействия на участников выборов и референдума, различные категории избирателей. К тому же роль журналиста в избирательном процессе сводится к беспристрастному сопоставлению мнений и фактов, к роли проводника между аудиторией и кандидатами, который вынужден тщательно скрывать свое собственное мнение [3, ст. 34].

В настоящий момент деятельность СМИ в предвыборной агитации определена законодателем весьма поверхностно, имеет много недостатков. Например, необходимо максимально продвинуть закон в том направлении, чтобы, с одной стороны, поставить заслон «черному пиару», а с другой - предоставить СМИ возможность действовать свободно, без оглядки на избирательные комиссии. Помимо этого, значение Интернета

при проведении предвыборной агитации чрезмерно велико, поэтому следует уделить особое внимание регулированию его роли. Также очень скудно в законе регламентируется ответственность СМИ за нарушения, допускаемые ими в ходе осуществления предвыборной агитации. Таким образом, всё вышеперечисленное требует дополнительного регулирования.

Информационная насыщенность политических процессов будет способствовать повышению уровня политической культуры. СМИ, выполняя консультативную, стабилизирующую и инновационную роль в избирательном процессе, должны стать особым механизмом регуляции политического поведения и становления нового субъекта политики - человека активного, информированного, принимающего самостоятельные и ответственные решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Избирательный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 января 2000 г.: одобрен Советом Республики 31 января 2000 г.: текст Кодекса по состоянию на 23 октября 2006 г. – Минск : Амалфея, 2006. - 197 с.

3. О средствах массовой информации : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 : с изм. и доп.: текст по состоянию на 12 дек. 20013 г. – Минск : Дикта, 20013. – 59 с.

4. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. – Минск: Книжный Дом, 2010. – 768 с.

5. Демичев, Д. М. Конституционное право: учеб. пособие / Д. М. Демичев. – Минск : Вышэйшая школа, 2004. – 352 с.

А. А. ШИШИКИН

Минск, Учреждение образования «Академия управления при Президенте Республики Беларусь»

ПРЯМАЯ ДЕМОКРАТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

При зарождении первых государственных образований система руководства отличалась прямым участием свободных граждан в выработке решений и выборе должностных лиц. Институт прямой демократии, представляющий собой собрание всех полноправных граждан, под названием «вече» существовал и в древнейших славянских государствах. Известный белорусский историк-правовед И. А. Юхо отмечает, что «удзел у палітычным жыцці ўсіх паўнаправных людзей быў неабходны для нармальнай дзейнасці дзяржавы. Пры невялікім чыноўніцкім апарце органы ўлады вымушаны былі пастаянна шукаць падтрымку ў насельніцтва, а таму ўсе найважнейшыя справы дзяржаўнай палітыкі маглі быць ажыццёўлены толькі са згоды большасці паўнаправных грамадзян» [1, с. 86]. Со временем усложнение общественных отношений, социальное расслоение населения выдвинули на первый план опосредованную демократию – управление через представительные и иные выборные органы.

Описанные факты подтверждают, что как политико-правовой теории, так и практике с древнейших времен знакомо разграничение между прямым (непосредственным) и опосредованным участием граждан в управлении делами общества и государства. Ключевым отличием является то, что при опосредованной демократии граждане путем выборов делегируют право на участие в государственном управлении своим избранным представителям. Прямое участие населения в государственном управлении позволяет, в свою очередь, максимально сблизить субъекта и объекта властеотношений. В этой связи роль населения в разработке и принятии государственных решений ввиду интенсивного технологического развития, повышения уровня образования современного общества неуклонно возрастает.

Конституция Республики Беларусь в статье 3 единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь объявляет народ [2]. Далее Основной закон однозначно разграничивает виды осуществления народом государственной власти: непосредственно и через представительные и иные органы. В отношении осуществления народом государственной власти логичнее было бы употребить понятие «форма», которое толковый словарь раскрывает как способ осуществления содержания, неотделимый от него и служащий его выражением [3]. Однако указанная конституционная норма оговаривает, что осуществление государственной власти народом происходит в формах и пределах, определенных Конституцией. Вместе с тем далеко не все формы непосредственного осуществления народом государственной власти нашли отражение в Конституции.

Реальностью прямое участие граждан в управлении делами общества и государства становится лишь при наличии в государстве свободы в формировании и выражении мнений и убеждений, прежде всего политических, и свободы в создании и деятельности политических организаций. Британский философ и экономист Дж.С.Милль особо подчеркивал необходимость свободы в выражении мнения: «Если бы все человечество минус единица было одного мнения и только один против, то подавлять мнение этого одного ничуть не справедливее, чем ему подавлять мнение человечества [4, с. 6]». В этой связи Конституция в статье 4 отмечает, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Нормы статей 33 и 35 гарантируют соответственно свободу мнений, убеждений, их свободное выражение и свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования. Статья 36 закрепляет право каждого на свободу объединений.

Статья 37 Конституции содержит право граждан Республики Беларусь участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. Далее конституционная норма приводит способы непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства: референдум, обсуждение проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другие определенные законом способы. Заметим, что в данном случае говорится о «способах» прямой демократии, тогда как в статье 3 говорится о «формах» (непосредственного и опосредованного) осуществления народом государственной власти. Понятия не тождественны, поскольку способ может получить свое выражение в различных формах. Так, обсуждение вопросов местного значения возможно в форме местного собрания или общественного обсуждения (например, проекта застройки территории или экологических вопросов). В этом отношении не ясным становится природа референдума в системе названных понятий, поскольку статья 73 Основного закона определяет, что референдум проводится для решения важнейших вопросов

государственной жизни. В связи с этим представляется, что местный и республиканский референдумы являются формами принятия решений по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни. Иными словами принятие решений по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни – способ непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства, республиканский и местный референдумы – формы реализации данного способа.

Одной из форм обсуждения вопросов республиканского значения является республиканское собрание. Основания и порядок проведения республиканского и местного собраний установлены Законом Республики Беларусь от 12 июля 2000 года «О республиканских и местных собраниях» [5]. Механизм обсуждения проектов законов Конституцией не регламентирован. Не нашел он отражение и в законодательных актах, посвященных порядку рассмотрения и принятия законопроектов. Между тем, статья 7 проекта Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» предусматривает проведение публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, в том числе законов [6]. В частности предлагается осуществлять публичное обсуждение проектов законодательных актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан и устанавливающих новые либо принципиально изменяющие существующие подходы к правовому регулированию в определенной сфере общественных отношений. Немаловажным элементом прямой демократии является нормотворческая инициатива, и в первую очередь, законодательная. Положения статьи 99 Основного закона предоставляют гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек, право законодательной инициативы.

Статья 117 Конституции Республики Беларусь, в свою очередь, определяет, что местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах. Формам прямой демократии в системе местного управления и самоуправления действующий Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» уделяет целую главу 4 [7]. При этом законодателем выделены следующие формы прямого участия граждан в государственных и общественных делах: местное собрание, местный референдум, инициатива граждан по принятию решений местного Совета депутатов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели. Статья 33 названного Закона называет местное собрание основной формой непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства.

Необходимо отметить, что в законодательстве не приведено разграничение вопросов республиканского, то есть общегосударственного, значения и вопросов местного значения, не названы отличительные черты, позволяющие однозначно относить те или иные темы и проблемы соответственно к вопросам республиканского и местного значения. Прежде всего, это является актуальным при реализации форм прямой демократии и их идентификации в системе способов и форм прямой демократии.

Таким образом, основы непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства, то есть по существу прямой демократии, в Республике Беларусь и гарантии его реализации закреплены в Конституции. Также Основной закон разграничивает прямую и опосредованную демократии. Конституционно-правовой

институт прямой демократии в Республике Беларусь можно представить определенной системой: способы непосредственного участия граждан в управлении делами общества и государства и формы их реализации. Отношения, которые требуют дополнительной законодательной регламентации для более полного обеспечения прямой демократии в Республике Беларусь – это порядок проведения общественного обсуждения проектов законов, а также разграничение вопросов республиканского значения и вопросов местного значения для возможного вынесения их на соответствующий референдум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэбн. Дапам. / Я.А.Юхо. – У 2 ч. Ч. 1, Мн.: РІВШ БДУ, 2000. – 352 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 15 изд. – М.: Русский язык, 1984. – 816 с.
4. Милль, Дж. С. О свободе [Электронный ресурс] / Дж.С.Милль // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf. – Дата доступа: 02.11.2016.
5. О республиканских и местных собраниях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2000 г., № 411-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: проект Закон Респ. Беларусь // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2016004024>. Дата доступа: 02.11.2016.
7. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ, АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И ТАМОЖЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. О. БАРАНОВ

*Одесса, Украина, Одесский государственный университет внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИСКАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ

Актуальность проблемы противодействия коррупции в современной Украине чрезвычайно высока, так как коррупция в органах государственной власти приобрела в настоящее время глобальный и системный характер. По единогласному мнению специалистов (юристов, криминологов, социологов, политологов), а также общественности – она, вне всякого сомнения, относится к числу наиболее опасных негативных социальных явлений, приводящих к разрушению основ правопорядка и резко ослабляющих все государственные институты.

Коррупция негативным образом влияет на эффективность действий государственной власти при осуществлении управления ею общественными процессами и отношениями в экономической, политической, правовой, социальной и других ключевых сферах общественной жизни.

Таможенные органы Государственной фискальной службы Украины (далее по тексту – таможенные органы ДФС Украины), являясь частью системы исполнительных органов государственной власти Украины, также наиболее подвержены коррупционным проявлениям. Поскольку, на эти органы исполнительной власти возлагается задача реализации налоговой и таможенной политики государства, а должностные лица их структурных подразделений являются главными наполнителями государственного бюджета Украины. Данное обстоятельство выступает одним из основных факторов наличия довольно высокого уровня коррупции среди сотрудников таможни.

На наш взгляд, одним из основных первоначальных шагов на пути обеспечения эффективного противостояния указанному негативному социальному явлению, в современных условиях, является определение сущности понятия коррупции, особенностей ее проявлений сегодня и механизма противодействия ей, что позволяет определить характер и очертить границы проблемы, а также установить способы и направления ее решения.

Термин «коррупция» происходит от сочетания латинских слов «corrupti» - который означает наличие нескольких участников одной из сторон обязательственного отношения по поводу единственного предмета и слова «impere» - ломать, повреждать, нарушать, отменять. В результате чего был образован самостоятельный правовой термин - «corruptio», которым предполагалось оценивать деятельность нескольких (не менее двух) лиц, целью которых является «порча», «повреждение» нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества.

Следует отметить, что, данное понятие приобрело широкое употребление в научном обороте только в конце XX века. До этого времени, вместо него

использовались различные термины, такие как - «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т.д. [1].

В Большом толковом словаре современного украинского языка под коррупцией предлагается понимать деятельность лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, направленная на противоправное использование предоставленных им полномочий для получения материальных благ, услуг, льгот или других преимуществ. Речь также идет и о прямом использовании должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения [2, с. 937].

В Конвенции ООН против коррупции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года, коррупцию подразделяют на две группы: 1) - коррупцию в публичном секторе (подкуп национальных должностных лиц, подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичными должностными лицами, злоупотребление влиянием в корыстных целях, злоупотребление служебным положением, незаконное обогащение); 2) - коррупцию в частной сфере (подкуп и хищение имущества) [3, с. 12].

В принятом в конце 2014 года новом Законе Украины «О предотвращении коррупции» № 1700-VII, было сформулировано следующее определение коррупции, как - « ... использование лицом, указанным в части первой статьи 3 настоящего Закона, предоставленных ему служебных полномочий или связанных с ними возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятия такой выгоды или принятия обещания / предложения такой выгоды для себя или других лиц или соответственно обещание / предложение или предоставление неправомерной выгоды лицу, указанному в части первой статьи 3 настоящего Закона, или по его требованию другим физическим или юридическим лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий или связанных с ними возможностей» [4].

Следует отметить, что в этом нормативном акте также было введено в оборот понятие «правонарушение, связанное с коррупцией», его следует понимать, как деяние, которое не содержит формальные признаки коррупции, однако нарушает установленные данным Законом требования, запреты и ограничения, указанные в части первой статьи 3 настоящего Закона, совершенные лицом, и за которые законом установлена уголовная, административная, дисциплинарная или гражданско-правовая ответственность [4]. То есть, за данный вид правонарушений может быть применена административная ответственность, предусмотренная главой 13-А «Административные правонарушения, связанные с коррупцией» Кодекса Украины об административных правонарушениях [5].

О наличии коррупционных деяний среди таможенников свидетельствуют данные правоохранительной статистики, а также опросов предпринимателей, согласно которым работники таможни наиболее часто привлекаются к ответственности за: противозаконное содействие в ведении предпринимательской деятельности субъектам ВЭД и других видов хозяйственной деятельности; уменьшение поступлений в бюджет сумм таможенных и налоговых платежей при проведении документальных проверок с неприменением единых ориентировочных показателей таможенной стоимости товаров; за принятие решений относительно незаконного возмещения налога на добавленную стоимость; за непринятие решений о применении и взыскании финансовых санкций по результатам проверок предприятий (в сфере налога на добавленную стоимость); за непринятие мер по привлечению должностных лиц предприятий к административной

ответственности за допущенные нарушения требований действующего таможенного законодательства Украины; за выдачу разрешений, лицензий при отсутствии необходимых законных оснований; за невыполнение требований нормативно-правовых актов по таможенному делу Украины во время проведения выездных проверок или осуществления процедур таможенного оформления; за подделку (подлог) документов (в ходе осуществления декларирования товаров) и т. д. [6, с. 104].

К сожалению, за последние два года, в процессе осуществления мероприятий администрирования в сфере фискальных отношений мало, что изменилось. Согласно данным социального исследования «Уровень восприятия коррупции бизнесом», результаты которого обнародовали Аудиторская фирма «Price water house Coopers» и «Transparency International Украина», большинство представителей бизнеса в Украине считают таможенные органы и другие подразделения ГФС Украины наиболее коррумпированным органом власти в стране.

Бизнес издание «РБК-Украина», в статье посвященной проблематике коррупции в Украине отмечает, что несмотря на смену политической элиты и приход к власти новых людей, она не уменьшилась, а в некоторых сферах даже выросла на 5-18 %. Об этом свидетельствует сравнительный анализ исследований уровней коррупции в Украине, которые проводились компаниями Transparency International, Gallup International и Центром Разумкова в 2014-2015 годах [7].

Из анализа содержания полученных результатов опросов, можно сделать выводы, что коррупция сегодня пронизывает все сферы жизни украинского общества и, несмотря на приход к власти новых людей, ее масштабы продолжают расти.

По нашему мнению, ухудшение в последние два года коррупционной ситуации в Украине обусловлено тем, что в настоящее время в нашей стране сложился так называемый кризисный тип коррупции, который имеет свои определенные особенности, отличающие ее от проявлений коррупции в других странах. Без установления и исследования этих особенностей нельзя разработать эффективные меры противодействия ей.

Обозначенный тип коррупции заключается в том, что эта коррупция порождается всеобъемлющей кризисом современного украинского общества и может за счет этого сводить на нет любые политические, экономические, правовые, моральные реформы в Украине.

На основании изложенного, логичным представляется вывод о том, что на сегодняшний день одной из причин неэффективной противодействия коррупции в системе фискальных органов является наличие определенных разногласий и несоответствий между организационной и правовой составляющих механизма процесса противодействия данному анти социальному явлению.

Следующим аспектом, анализ которого позволит объективно оценить состояние противодействия коррупции в деятельности фискальных органов является изучение комплекса причин и условий, способствующих таким незаконным действиям. Так, по результатам проведенных исследований, в том числе социологических, выявлены следующие основные причины возникновения и распространения коррупции в Украине: недостаточный уровень добропорядочности отдельных должностных лиц; несовершенство административных процедур (их отсутствие или нечеткость) наличие у органов государственной власти и лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления, широкого спектра дискреционных полномочий; несоответствие уровня оплаты труда лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления, объема их прав и

полномочий; наличие неблагоприятного режима предпринимательской деятельности и неоправданных экономических льгот (преференций) для отдельных категорий предпринимателей; низкая эффективность мер, принимаемых правоохранительными органами, органами прокуратуры и судами, по привлечению виновных в совершении коррупционных правонарушений к ответственности; толерантность и отсутствие критического отношения общества к проявлениям коррупции; восприятие населением коррупции как одного из средств достижения желаемого результата.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что главными причинами, которые побуждают к совершению коррупционных противоправных деяний работников таможенных органов являются: 1) недостатки правового обеспечения налогового и таможенного регулирования; 2) низкий уровень организационно - практических мероприятий, направленных на надлежащее проведение комплектования, воспитание, профессиональную подготовку и обучение персонала таможенных органов; 3) отсутствие соответствующего механизма социально - правовой защиты персонала; 4) низкий уровень заработной платы и денежного содержания работников таможенных органов ГФС Украины; 5) низкая эффективность и недостаточный уровень воспитательной и профилактической работы среди персонала; 6) отсутствие действенного контроля со стороны руководителей соответствующих структурных подразделений налоговых и таможенных органов за подчиненными.

Подобное положение вещей объясняется как объективными обстоятельствами (отсутствие надлежащего финансирования со стороны государства, приоритет другим правоохранительным ведомствам и т.д.) так и субъективными (отсутствие четкой кадровой политики, предоставления недостоверной информации о проблемах комплектования должностей рядового и начальствующего состава и т.п.).

Для устранения указанных причин и факторов, порождающих коррупцию и способствуют ее развитию в деятельности фискальных органов необходимы такие правовые и организационные меры: *правовые (курсив автора - С.Б.):*

- улучшение качества разработки нормативно-правовых актов по налоговому и таможенному регулированию, а также обязательное проведение их независимой правовой анти коррупционной экспертизы;

- завершение начатой административной реформы как предпосылка завершения процесса разграничения функций органов государственной власти по предоставлению административных услуг и контрольно-надзорных (инспекционных) функций, в частности фискальных органов;

- уменьшение административного давления на предпринимателей путем снижения размеров ставок налогов, пошлин, акцизов и введение электронного администрирования НДС;

- обеспечение добропорядочности на государственной службе путем оптимизации соотношения уровня базовой (фиксированной) заработной платы (должностного оклада) в зависимости от сложности работы и уровня ответственности по конкретной должности, а также внедрение дополнительной 50 процентной надбавки к заработной плате (в виде премий, бонусов), которая устанавливается на локальном правовом уровне;

- совершенствование процедуры проведения анти коррупционной экспертизы путем четкого определения ответственного органа (должностных лиц), которые должны нести юридическую ответственность за ненадлежащее проведение антикоррупционной экспертизы при обязательном условии обеспечения высокого уровня оплаты их труда.

Организационные: улучшение работы по подбору персонала (улучшение его социально-правовой защиты, повышение до надлежащего уровня материального обеспечения работников, разработка системы стимулов для персонала на фоне профилактической работы среди работников фискальных органов); введение электронного декларирования доходов работниками таможенных органов, а также проведение жесткого контроля за содержанием их деклараций в контексте обязательной проверки соотношения полученных доходов и совершенных расходов; создание при центральном аппарате ГФС Украины отдельных мобильных групп для мониторинга состояния предпосылок коррупции в подразделениях таможни и быстрого реагирования на факты коррупции, поступающих от юридических и физических лиц; создание в составе таможенных органов подразделений состоящих из специалистов привлеченных из за рубежа, а также широкое использование иностранных специалистов в практической деятельности подразделений ГФС Украины; создание совместных пунктов пропуска на границе, между сопредельными государствами, на которых работники таможенных органов по совместно согласованной, единой схеме таможенного контроля и оформления осуществляли бы таможенные процедуры.

Подводя итог по данному вопросу, мы должны признать, что механизм противодействия коррупции в деятельности таможенных органов ГФС Украины сегодня еще находится на стадии своего формирования и потому пока не способен эффективно противостоять данному общественно вредному, социально деструктивному явлению, о чем ярко свидетельствуют обнародованные в СМИ статистические данные.

По нашему мнению, для того, чтобы в Украине состоялись реальные антикоррупционные изменения, власти следует сделать шесть немедленных шагов общегосударственного характера: во-первых, проявить реальную политическую волю в противодействии коррупции, а не только заниматься публичным декларированием намерений.

Во-вторых, правильно запустить работу новых анти коррупционных органов, приняв поправки к анти коррупционным законам и предусмотрев необходимые ресурсы на создание институтов и подбор квалифицированных кадров.

В-третьих, безотлагательно принять разработанное экспертами законодательство о полной прозрачности финансирования деятельности политических партий, а также процесса проведения избирательных кампаний.

В-четвертых, на основе принятой анти коррупционной стратегии Украины разработать детальный план действий Правительства в сфере противодействия коррупции, к выполнению которой привлечь широкую общественность и СМИ.

В-пятых, обеспечить реальное раскрытие данных государственных реестров, прежде всего, реестра недвижимости и земельного кадастра.

В-шестых, ввести практику регулярных проверок публичных служащих на добродетель (четко регламентировать функционирование электронной системы декларирования доходов и расходов чиновников, а также проверки внесенных сведений в декларации, в том числе путем сопоставление их стиля жизни с декларируемыми имуществом и доходами).

На наш взгляд, перечисленные предложения могут быть эффективно использованы для разработки и обоснования мероприятий по противодействию коррупции в таможенных органах ДФС Украины.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Кузьменко, В. П. Визначення поняття та витоків корупції / Актуальні питання протидії корупції: стан, проблеми та перспективи на майбутнє : матеріали Всеукр. наук.- практ. конф. (17 жовт. 2014 р.). – Дніпропетровськ : ДДУВС, 2014. – 332 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002. – 1440 с.
3. Протидія корупційній злочинності в Україні: навч. посібник / Ю. І. Дмитрик, Д. І. Йосифович, І. В. Красницький, С. І. Мельник, Є. В. Гіряхін, С. В. Якимова; за заг. ред. І. В. Красницького. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2010. – 308 с.
4. Про запобігання корупції: Закон України від 14.10.2014 № 1700-VII // Відомості Верховної Ради України. – 2014. – № 49. – Ст. 2056.
5. Кодекс України про адміністративні правопорушення: Закон УРСР від 07.12.1984 № 8073-X // Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1984. – № 51. – Ст. 1122.
6. Машковська, І. Л. Окремі питання протидії корупції в органах Державної податкової служби України / І. Л. Машковська / Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). – 2009. – № 22. – С. 187.
7. За останні 2 роки рівень корупції в Україні зріс на 18 % - дослідження // офіційний інтернет-сайт «РБК-Україна» // [Електронний ресурс]. - Режим доступу : <http://www.rbc.ua/ ukr/news/ poslednie-goda-uroven-korruptsii ukraine>.

И. В. БАУРИНА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ

В настоящее время роль информационных технологий в нашем обществе велика. Следуя современной тенденции перепрофилирования привычного документооборота на бумажных носителях в электронный вариант, таможенные органы тем самым упрощают сам процесс декларирования, а также повышают качество и доступность информационно-коммуникационной инфраструктуры.

В Республике Беларусь с 2008 года началось активное внедрение электронного декларирования товаров, что позволило в значительной степени упростить взаимодействие таможенных органов и субъектов хозяйствования, снизить временные и финансовые издержки по осуществлению операций, связанных с таможенным оформлением и таможенным контролем.

Так, был разработан проект «Электронная таможня», в рамках которого определены следующие задачи, которые требуют качественного решения:

- 1) повышение доступности предоставляемых информационных услуг;
- 2) интегрирование с информационными ресурсами банковской системы, государственных органов, информационными системами зарубежных таможенных служб;
- 3) устранение возможности коррупционных действий при осуществлении таможенного оформления и т. д. [1].

Порядок формирования и представления таможенным органам электронных таможенных документов, необходимых для помещения товаров таможенную процедуру, с начала создания пилотной зоны в 2008 года до середины марта 2010 года был определен несколькими Временными технологиями. Позднее данный порядок был объединен в одну единую Временную технологию производства таможенного оформления товаров и регистрации статистической декларации с использованием электронных документов, которая была утверждена Председателем Государственного таможенного комитета Республики Беларусь.

Реализация такой возможности была обусловлена наличием в законодательстве соответствующих норм об отсутствии необходимости предоставления документов при таможенном декларировании товаров с использованием электронных документов, прописанных в следующих нормативно-правовых актах:

1) Указ Президента Республики Беларусь от 28.01.2008 г. № 40 «О статусе «Добросовестный участник внешнеэкономической деятельности»;

2) постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.04.2009 г. № 549 «О статистическом декларировании товаров» (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21.06.2010 г. № 944 «О внесении изменений и дополнений в Совета Министров Республики Беларусь от 30.04.2009 г. № 549»);

3) постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.06.2007 г. № 863 «О документах и сведениях, используемых в таможенных целях» (предусматривает представления в таможенный орган требуемых документов единожды, в том числе как и нормы Таможенного кодекса Таможенного Союза).

Использование системы электронного декларирования при помещении товаров под таможенные процедуру первоначально осуществлялось исключительно лицами, обладающими статусом «Добросовестный участник внешнеэкономической деятельности». В дальнейшем к системе электронного декларирования были допущены и иные лица, но с учетом требований действующего законодательства (т.е. с представлением необходимых (отсутствующих у таможенных органов) документов). Благодаря разработке и проведению ряда мероприятий по внедрению Временной технологии с марта 2010 года таможенными органами Республики Беларусь в электронном виде было начато оформление товаров, помещаемых под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления для субъектов, обладающих статусом «Добросовестный участник внешнеэкономической деятельности»

На начало 2014 года 96 % от всех экспортных и 89 % импортных поставок совершались с применением при выпуске товаров электронной таможенной декларации. Процедура временного вывоза составляла около 95 %, реэкспорта 93 %, свободной таможенной зоны порядка 98 %, таможенного склада – 93 %. Общий процент количества оформлений с применением электронных таможенных документов от общего количества оформленных таможенных документов на начало 2014 года составлял около 92 %.

К концу 2014 года по результатам проделанной работы по развитию и совершенствованию системы электронного декларирования таможенными органами достигнуты следующие показатели, а именно в системе электронного декларирования порядка 97 % от всех экспортных и 94 % импортных поставок оформляются с применением при выпуске товаров электронной таможенной декларации. Процедура временного вывоза составляет около 99 %, реэкспорта 96 %, свободной таможенной зоны порядка 98 %, таможенного склада 95 %. Общий процент количества оформлений

с применением электронных таможенных документов от общего количества оформленных таможенных документов составил более 95 % [2].

Статья 59 закона Республики Беларусь от 10.01.2014 г. № 129-3 «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» определяет, что специалист по таможенному декларированию осуществляет свою деятельность в качестве работника таможенного представителя.

Специалистом по таможенному декларированию может быть физическое лицо:

1) имеющее высшее образование и прошедшее переподготовку на уровне высшего образования по специальности «Таможенное дело»;

2) имеющее высшее образование и прошедшее повышение квалификации в области таможенного декларирования;

3) имеющее среднее специальное образование и стаж работы в сфере таможенного дела и (или) внешнеторговой деятельности не менее трех лет и прошедшее повышение квалификации в области таможенного декларирования.

Физическое лицо, получившее соответствующее образование за рубежом, может быть специалистом по таможенному декларированию при наличии выданного Министерством образования Республики Беларусь свидетельства о признании документа об образовании, выданного в иностранном государстве, и об установлении его эквивалентности документу об образовании Республики Беларусь.

Специалист по таможенному декларированию обязан один раз в три года проходить повышение квалификации в области таможенного декларирования, которое осуществляется в государственном учреждении образования, определяемом Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь.

Инструкция о порядке заполнения декларации на товары (далее – Инструкция) разработанная в соответствии со статьей 180 Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС) определяет порядок заполнения декларации на товары (далее – ДТ).

Законодательством государств-членов таможенного союза могут быть установлены дополнительные требования по заполнению отдельных граф ДТ в зависимости от категорий товаров и заявляемых таможенных процедур.

Особенности заполнения отдельных граф ДТ в случаях, предусмотренных статьей 194 ТК ТС, определяются таможенным законодательством таможенного союза и (или) законодательством государств-членов таможенного союза.

В одной ДТ декларируются сведения о товарах, содержащихся в одной товарной партии, которые помещаются под одну и ту же таможенную процедуру.

Как одна товарная партия рассматриваются:

1) при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза (далее – таможенная территория) – товары, перевозимые от одного и того же отправителя в адрес одного и того же получателя на таможенной территории в рамках исполнения обязательств по одному документу, подтверждающему совершение внешнеэкономической сделки, или по односторонней внешнеэкономической сделке, или без совершения какой-либо сделки, а также, если товары в пределах сроков, предусмотренных статьей 185 ТК ТС, предъявлены одному и тому же таможенному органу в месте прибытия на таможенную территорию или в месте доставки (если применялась таможенная процедура таможенного транзита) и находятся в одном месте временного хранения, если в отношении товаров применялось временное хранение, либо выпущены в сроки, установленные для подачи ДТ в соответствии со статьей 197 ТК ТС;

2) при вывозе товаров с таможенной территории – товары, одновременно отгружаемые (или отгружаемые в течение определенного периода времени в случаях, определенных законодательством государств-членов таможенного союза) в регионе деятельности одного и того же таможенного органа одним и тем же отправителем в адрес одного и того же получателя, находящегося за пределами таможенной территории, в рамках исполнения обязательств по одному документу, подтверждающему совершении внешнеэкономической сделки (или по одному документу об условиях переработки товаров при декларировании продуктов переработки), либо по односторонней внешнеэкономической сделке, либо без совершения какой-либо сделки;

3) при изменении или завершении действия ранее заявленной таможенной процедуры без перемещения товаров через таможенную границу – товары, помещенные под одну и ту же предшествующую таможенную процедуру по одному договору, если при совершении внешнеэкономической сделки заключался соответствующий договор (или по одному документу об условиях переработки товаров), находящиеся под таможенным контролем одного и того же таможенного органа или выпущенные в сроки, установленные для подачи ДТ в соответствии со статьями 197 ТК ТС, декларантом которых будет являться то же лицо, которое поместило товары под предшествующую таможенную процедуру, либо лицо, приобретшее имущественные права на декларируемые товары после их помещения под предшествующую таможенную процедуру.

Декларант вправе заявить сведения о товарах, содержащихся в одной товарной партии в нескольких ДТ, подаваемых в один и тот же таможенный орган, за исключением случая, когда товары, содержащиеся в одной товарной партии в силу Основного правила интерпретации рассматриваются как составляющие товара, представленного в несобранном или разобранном виде, и классифицируются в позиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности таможенного союза (далее – ТН ВЭД ТС), соответствующей комплектному или завершённому товару.

В соответствии с Инструкцией общее количество товаров, заявленных в ДТ, не должно превышать 1000. Если товары, содержащиеся в одной товарной партии, заявляются для помещения под разные таможенные процедуры, должны подаваться отдельные ДТ для каждой таможенной процедуры. А при таможенном декларировании (далее – декларирование) валюты и ценных бумаг подается отдельная ДТ на каждый вид валюты и ценных бумаг.

Форма письменной таможенной декларации, порядок ее заполнения определяются Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь с учетом категорий лиц, видов товаров, требований таможенных режимов или исходя из вида транспорта, используемого при перемещении товаров через таможенную границу.

В случаях и порядке, определяемых Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь, в качестве таможенной декларации могут использоваться коммерческие документы и иные документы, содержащие сведения, необходимые для помещения товаров под таможенный режим.

При представлении письменной таможенной декларации, содержащиеся в ней сведения представляются таможенному органу в электронном виде в формате, порядке и случаях, определяемых Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь.

Таможенная декларация может быть представлена в виде электронного документа. Форма электронной таможенной декларации утверждается Правительством Республики

Беларусь, если иное не определено Президентом Республики Беларусь, а порядок ее формирования, представления и использования для таможенных целей определяется Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь.

Таким образом, как мы видим, нормативная база постоянно меняется с учетом всех факторов, влияющих как на государство, так и на все общество в целом. Законодательство не стоит на месте и пытается с каждым разом усовершенствовать нормативные акты. Благодаря использованию максимального потенциала информационных ресурсов в деятельности таможенных органов Республики Беларусь электронное декларирование может дать ожидаемые результаты при наличии четкой регламентации и инициативы субъектов хозяйствования

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Kontseptsija-proekta-Elektronnajatamozhnja-na-2011-2015-goda-razrabatyvaetsja-v-Belarusi_i_523906.html / Дата доступа : 13.11.2016.
2. Интернет-портал государственный таможенный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальная автоматизированная система электронного декларирования. Режим доступа : http://gtk.gov.by/ru/eldeclaration_new/istorija_NASED. – Дата доступа : 13.11.2016.

А. В. БОГАТКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Политических права и свободы, предоставляемых иностранцам и лицам без гражданства, отличается от других прав тем что, их принадлежность зависит от обладания гражданством того или иного государства. Например, если личные права и свободы предоставляются всем лицам, находящимся на территории государства, то политические – только гражданам своего государства.

Так, Закон от 19 июля 2005 г. предусматривает, что иностранные граждане и лица без гражданства в Республике Беларусь не могут избирать и быть избранными в выборные государственные органы Республики Беларусь, а также принимать участие в референдумах; не могут занимать должности, назначение на которые в соответствии с законодательством Республики Беларусь связано с принадлежностью к гражданству Республики Беларусь (например, быть прокурором, следователем, нотариусом и т. п.). Однако гражданам Российской Федерации, постоянно проживающим в Республике Беларусь, было предоставлено право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления. Это право граждан Российской Федерации сейчас предусмотрено статьей 58 Избирательного Кодекса Республики Беларусь [1].

Так, скандинавские страны предоставляют иностранным гражданам, находящимся в стране на законном основании, право на голосование в выборах в органы местного самоуправления, для того, чтобы способствовать участию иностранных граждан в местных делах общества, которые затрагивают их благосостояние.

Основной закон Федеративной Республики Германии предусматривает, что на выборах в округах и в общинах лица, обладающие гражданством государства – члена Европейского сообщества, в равной мере могут избирать и быть избранными в соответствии с правовыми условиями Европейского сообщества (ч. 1 ст. 28). Следует отметить, что в рамках Совета Европы в 1992 г. была принята Конвенция об участии иностранных граждан в общественной жизни на местном уровне.

Некоторые государства предоставляют избирательные права тем иностранным гражданам, которые прожили определенный срок на их территории. Так, например, в Нидерландах для получения права голоса на выборах в местные органы власти необходим 5-летний срок проживания. Срок для получения статуса избирателя в Швеции исчисляется 1 годом, в Швейцарии – 5 годами [2].

На наш взгляд, законодателю следует пойти по такому же принципу применительно ко всем постоянно проживающим иностранным гражданам, прибывшим из стран Содружества Независимых государств и государств Балтии, поскольку участие в выборах депутатов местных Советов депутатов позволит вовлечь иностранных граждан в активную деятельность по местному самоуправлению. В свою очередь это позволит более эффективно решать возникшие проблемы на местном уровне. Чтобы не каждый иностранный гражданин мог иметь право голосовать на выборах в местные Советы депутатов, следует установить для них ценз оседлости (3-5 лет).

Использование иностранцами и лицами без гражданства в Республике Беларусь прав и свобод не должно наносить ущерб интересам белорусского государства и общества, правам и свободам граждан Республики Беларусь, а также других иностранных граждан и лиц без гражданства, то есть каждый обязан уважать достоинство, права, свободы и законные интересы других лиц (ст. 53 Конституции Республики Беларусь). Таким образом, права индивидуума заканчиваются там, где начинаются права другого человека [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право : учебное пособие / Л.М. Рябцев; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2009. – 432с.
2. Смирнова, Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации / Е. С. Смирнова. – М., 2003. – 463 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

О. А. БОЙКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе) в ст. 56 предусматривает, что государственные служащие за неисполнение или ненадлежащее

исполнение по их вине возложенных на них служебных обязанностей, превышение должностных полномочий, нарушение трудовой и исполнительской дисциплины, а равно за несоблюдение установленных законом ограничений, связанных с государственной службой, несут дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательством [1].

Основным видом ответственности государственных служащих является дисциплинарная ответственность. В соответствии с Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» под дисциплинарной ответственностью государственного служащего следует понимать самостоятельный вид юридической ответственности, который заключается в наложение руководителем государственного органа или уполномоченным лицом на государственных служащих, совершивших должностные проступки, установленных законом дисциплинарных взысканий. Дисциплинарная ответственность применяется к государственным служащим за должностной проступок, т.е. виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него служебных обязанностей [2].

Так как государственные служащие являются представителями государства и наделены им властными полномочиями, совершение ими проступков, в том числе дисциплинарных, является недопустимым. Значимость и необходимость такого института, как дисциплинарная ответственность государственных служащих подтверждается особым вниманием главы государства к данной категории работников.

При привлечении государственного служащего к дисциплинарной ответственности необходимо придерживаться Закона о государственной службе. Злоупотребление правами, как и не соблюдение обязанностей, нарушение правоограничений, в любом случае считается должностным проступком и способен обуславливать дисциплинарную ответственность. Это единые полномочия, прямые обязанности и правоограничения. Каждому государственному служащему устанавливаются конкретные права и обязанности в должностных инструкциях.

В Республике Беларусь отсутствует специальный нормативный правовой акт о дисциплинарной ответственности государственных служащих. Как мы уже отмечали выше, нормы о дисциплинарной ответственности государственных служащих содержатся в Законе «О государственной службе в Республике Беларусь». Вместе с тем в отдельных отраслях и сферах государственной деятельности действуют уставы и положения о дисциплине отдельных категорий государственных служащих. Поскольку дисциплинарная ответственность закреплена в достаточно большом количестве нормативных правовых актов, это затрудняет применение дисциплинарных санкций, а порой приводит к неправильному их применению [3]. Так, Ю. Н. Стариков справедливо указывает, что во всех актах дисциплинарного законодательства «речь идет о совершенно схожих категориях: о дисциплинарных проступках, видах дисциплинарных взысканий и процедуре наложения данных взысканий на государственных служащих, то есть одни и те же нормы размещены в различных источниках» [4, с. 48].

В связи с этим считаем, что нужно усовершенствовать законодательство в области дисциплинарной ответственности государственных служащих путем создания специального нормативного правового акта: Закона о дисциплинарной ответственности государственных служащих, который бы являлся основой дисциплинарного законодательства. Путём создания закона о дисциплинарной ответственности в Республике Беларусь удастся в значительной степени облегчить применение дисциплинарных санкций, а в некоторых случаях, устранить их неправильное применение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953>. Дата доступа : 08.10.2016.
2. Дисциплинарная ответственность государственных служащих [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.kulichki.com/dop/otdk/otdk0219.htm>. Дата доступа : 09.10.2016.
3. Актуальные проблемы дисциплинарной ответственности государственных служащих в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rep.polessu.by/bitstream/112/8875/1/170.pdf>. – Дата доступа : 10.10.2016.
4. Котова, Т. В. Дисциплинарная ответственность: практические аспекты / Т. В. Котова. – 2009. – 112 с.

М. А. ВОЙТОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАКОННОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

«Чужих детей не бывает» – твердят нам множество социальных реклам с экранов билбордов, но так ли это на самом деле?

В 21 веке высокое значение приобрел вопрос необходимости особой правовой защиты интересов несовершеннолетних. Представляя собой сложное явление, беззаконность, направленная на нарушение прав несовершеннолетних и посягающая на семейные отношения, связанные с усыновлением детей, является действием различных обстоятельств, факторов, социальных причин, влияющих на состояние, структуру, уровень данных правонарушений.

Важная роль отведена административно-правовым отношениям, которые возникают в процессе нарушения прав и интересов семьи и несовершеннолетних, в части регулирования действия института усыновления.

Для того, чтобы понять серьёзность и значимость действующих в нашем законодательстве норм охраняющих интересы семьи, а именно отношений, связанных с усыновлением детей, необходимо проследить возникновение источников права, а так же их содержание на различных этапах существования Беларуси.

Первоисточники относят нас к X веку: в церковном законодательстве предпринимались первые попытки регулирования семейных и брачных прав. Однако не встречались нормы, устанавливающие ответственность за преступления против детей.

Основой регулирования по Русской Правде являлись имущественные отношения. Именно в Русской Правде закладывались основы семьи как общественного института. Впервые признается право опеки над сиротами из-за необходимости управления их имуществом причем за нарушение правил опеки устанавливалась имущественная ответственность опекуна [1, с. 46].

Следующими наиболее заметными кодифицированными источниками права являлись Статуты ВКЛ. Особое значение приобрел Статут ВКЛ 1588 г. в котором раздел 6 «О опеках» посвящен охране интересов детей-сирот. Отражая реальности феодального уровня развития общества, в разделе 6 закреплялись ограниченные права

родителей по отношению к приемным детям, приводится перечень лиц, которые имеют право быть опекунами, а также устанавливаются условия и порядок содержания детей.

11 октября 1803 г. появился Указ, позволяющий бездетным дворянам усыновлять ближайших, но законнорожденных родственников «через передачу им при жизни фамилии и герба». Именно в этот период времени институт усыновления получил свое развитие в генеалогическом значении.

В начале XX в. усыновление стало приобретать новый вид: к ранее существовавшим правилам добавилось разрешение усыновления незаконнорожденных детей, причём распространялось такое разрешение на всех детей безотносительно вне зависимости от принадлежавшего сословия и вероисповедания. Усыновителями могли быть все лица за исключением обреченных на безбрачие [1, с. 98].

После распада СССР и провозглашения независимости Беларуси возник целый ряд проблем, затруднивших усыновление белорусских детей гражданами Беларуси. Реальная возможность обеспечить белорусских сирот семьей, особенно тех, которые нуждались в специальной медицинской помощи и которые исчерпали все шансы быть усыновленными в республике, заключалась в использовании международного усыновления. Причём количество обращений от иностранных граждан с просьбой об усыновлении белорусского ребенка постоянно увеличивалось. Во многом это было связано с оздоровлением за границей наших детей-сирот с территорий, подвергшихся загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС. В сложившейся ситуации самым разумным было использование возможности передачи детей на международное усыновление, но Республика Беларусь не имела на тот момент стабильной правовой базы для регулирования такого рода усыновлений, что могло повлечь за собой, да в ряде случаев и влекло, многочисленные нарушения прав и интересов ребенка [2, с. 55].

Большое внимание защите интересов семьи, в частности повышения уровня направленности борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью и усиление ограничения ответственности несовершеннолетних уделил принятый 4 марта 1920 г. Декрет «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в опасных действиях». На его основании в том же году была издана Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, обязывающая комиссии привлекать к ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и соучастие с ними, за сводничество, склонение к проституции и половым извращениям, за эксплуатацию труда несовершеннолетних и жестокое с ними обращение.

В первые годы независимого белорусского государства наряду с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), принятым в 1984 году, действовали десятки иных нормативных правовых актов, число которых неуклонно росло. Несмотря на это вопрос упорядочения соответствующих общественных отношений не теряет своей актуальности и сейчас.

Именно в нормах современного административного права прослеживается взаимодействие с Кодексом Республики Беларусь о браке и семье. Ответственность за незаконное усыновление приобрела новый вид: системное определение незаконных действий по усыновлению, сведения о лицах, которые могут подлежать ответственности по данной статье и, конечно же, санкция.

Сегодня под усыновлением мы понимаем наиболее предпочтительную форму семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Усыновление – основанный на судебном решении юридический акт, в силу которого между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми [2, с. 101].

Согласно ст. 116 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (в ред. от 24.12.2015 г.) (далее – КоБС) [3] защита прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей и детей, находящихся в социально-опасном положении возлагается на органы опеки и попечительства.

Государство и соответствующие органы должны заботиться о том, чтобы исключить возможность незаконной передачи детей лицам, не имеющим прав заниматься их воспитанием. Ведь каждый ребёнок имеет право на обретение семьи, право не быть предметом незаконной деятельности.

Согласно действующему законодательству незаконное усыновление – действие по подбору и передаче детей на усыновление от имени и в интересах лиц, желающих их усыновить, осуществляемые лицом, не уполномоченным на это законодательством Республики Беларусь.

Изучив данную статью можно определить признаки незаконного усыновления, а именно: противоправные действия, выражающиеся в предоставлении детей на усыновление; неправомерная деятельность от имени или в интересах лиц, стремящихся усыновить детей-сирот; процедура, совершаемая лицом, не имеющим на это прав.

Незаконное усыновление как вид нарушения представляет собой единичное нарушение правил и условий устройства детей, без наличия корыстных целей, попадает под действие статьи 9.5 КоАП Республики Беларусь [4] и карается наложением штрафа от 30 до 500 базовых величин (для физических лиц – от 30 до 50 БВ, для юридических лиц – от 100 до 500 БВ).

На практике перечень лиц, которые могут быть усыновителями не ограничен. Это могут быть как супружеские пары, одинокие мужчины и женщины, но нет ни слова про лиц больных хроническим алкоголизмом и наркоманией, лиц лишенных родительских прав, либо нарушивших обязанности усыновителей, опекунов, попечителей, и, конечно же, лиц имеющих судимость. Именно эта неясность в будущем может привести к конфликтам.

Особое внимание стоит обратить на неуполномоченных лиц. При отсутствии полномочий рассматривать возможность действовать от имени другого лица, либо добавить такой элемент как превышение своих полномочий, но только не в корыстных целях. Такими намерениями могут быть здоровье, свобода, честь и достоинство личности, конституционные права и свободы человека.

Все эти недостатки действующей нормы административного законодательства позволяют расширить перечень актуальных проблем. Главным путем к предотвращению этих недочетов является внесение изменений в норму КоАП.

Проанализировав исторический обзор развития преступности против семьи и несовершеннолетних, а также становление административной ответственности за незаконное усыновление можно сделать следующий вывод: свое начало преступность берет в X в. что отражено в нормах того времени, но наивысшее проявление достигла в XVII в. Административной ответственности за незаконное усыновление до XX в. не существовало. Она принимала вид уголовно-правовой. С принятием нового КоАП, она нашла своё отражение в статье 9.5, но оставила без разрешения множество вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рогов, В. А. История государства и права IX-нач. XX веков : учеб. пособие / В. А. Рогов. – М. : Проспект, 2012. – 444 с
2. Круглов, В. А. Семейное право Республики Беларусь : учеб. пособие / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2014. – 264 с.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь 21 апр. 2003 г. № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

П. А. ВОЛОДЬКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Д. С. БЕРЕГОВЦОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Прокуратура Республики Беларусь – единая и централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами [1].

Одним из основных видов деятельности прокуратуры является надзор за соблюдением законности, в том числе и в области государственного управления, т.е. в сфере административного права.

Административное право – самостоятельная отрасль права, которая регулирует особую группу общественных отношений в сфере деятельности исполнительной власти.

Разновидностью надзорной деятельности в сфере административного права является прокурорский надзор, особенность которого заключается в своих определённых методах:

1. проверка правовых актов, издаваемых поднадзорными органами;
2. проверка исполнения законов поднадзорными органами;
3. участие прокурора в заседаниях органов государственной власти и управления;
4. изучение и обобщение писем, заявлений и публикаций о нарушениях законности и принятие по ним мер;
5. проверка действий должностных лиц.

В белорусском законодательстве чётко выделены полномочия прокурора в административном процессе. Для этого обратимся к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее ПИК_оАП).

Статья 2.15 гласит: 1. Прокурор осуществляет надзор за исполнением законодательных актов Республики Беларусь при ведении административного процесса.

2. Осуществляя надзор за ведением административного процесса, прокурор в пределах своей компетенции:

1) требует от должностного лица органа, ведущего административный процесс, представления материалов об административном правонарушении;

2) дает письменные указания по делам об административных правонарушениях в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, и направляет их органам, ведущим административный процесс;

3) санкционирует производство процессуальных действий и применение мер обеспечения административного процесса в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом;

4) проверяет законность применения административного задержания физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, и иных мер обеспечения административного процесса, а также наложения административных взысканий;

5) освобождает своим постановлением физическое лицо, незаконно подвергнутое административному задержанию;

6) отменяет своим постановлением противоречащие законодательным актам Республики Беларусь постановления о производстве процессуальных действий и применении мер обеспечения административного процесса, за исключением постановлений, вынесенных судом;

7) опротестовывает противоречащие законодательным актам Республики Беларусь постановления по делам об административных правонарушениях;

8) поручает органу, ведущему административный процесс, подготовку дела об административном правонарушении для рассмотрения (по административным правонарушениям, протоколы по которым не составляются прокурором);

9) истребует из соответствующих суда, органа, ведущего административный процесс, дела об административных правонарушениях;

10) приостанавливает исполнение вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, за исключением постановлений о наложении административного взыскания в виде административного ареста или депортации.

3. Поручения, постановления и указания прокурора по делу об административном правонарушении направляются органу, ведущему административный процесс, и подлежат рассмотрению и исполнению в срок, установленный прокурором [2].

А теперь обратимся к практике. Так, например, рассмотрим случай произошедший в 2015 году. Прокуратурой города Бреста была проведена проверка в КТУП «Брестгортранс». Были установлены нарушения законодательства об обращениях граждан, а также нормативных актов, регулирующих порядок ведения административного процесса.

Нарушения законодательства об обращениях граждан выразились в несоблюдении сроков рассмотрения обращений граждан и порядка направления ответов заявителям, в неполноте рассмотрения заявлений.

В результате проверки были вынесены определённые предложения, которые были выполнены в короткое время. В представлении часто упоминалась ч. 3 ст. 10.3 Кодекса об Административных Правонарушениях (далее КоАП). В связи с чем, хотелось бы

выделить пробел, существующий в белорусском законодательстве, регламентирующий действие КоАП [3].

В Генеральной прокуратуре было рассмотрено обращение прокуратуры г. Минска о разъяснении порядка опротестования органами прокуратуры постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных в порядке ч. 3 ст. 10.3 КоАП.

Исходя из правоприменительной практики, при выявлении органами прокуратуры постановлений, вынесенных органами, ведущими административный процесс в порядке ч. 3 ст. 10.3 КоАП, с нарушениями норм КоАП и ПИКоАП, которые влияют на законность принятого решения, такие постановления ранее опротестовывались в суд в порядке ст. 12.11 ПИКоАП.

Вместе с тем в последнее время при рассмотрении таких протестов районные суды г. Минска и Минский городской суд исходят из позиции того, что нормами ПИКоАП не предусмотрено опротестование указанных постановлений в суд.

В результате суды возвращают прокурорам протесты на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные в порядке ч. 3 ст. 10.3 КоАП, без рассмотрения по существу с указанием на необходимость их опротестования в вышестоящий орган (вышестоящему должностному лицу).

Приведенные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии единых подходов к применению норм процессуально-исполнительного законодательства, что приводит к возникновению противоречий в правоприменительной практике.

Принимая во внимание, что в настоящее время Национальным центром законодательства и правовых исследований (далее НЦЗПИ) Республики Беларусь по плану подготовки законопроектов на 2016 год разрабатывается проект Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», Генеральная прокуратура обратилась в НЦЗПИ с предложением определить в нормах названного законопроекта порядок опротестования постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных в порядке ч. 3 ст. 10.3 КоАП.

По нашему мнению внесение дополнений и изменений в КоАП и ПИКоАП является обязательным, для устранения пробела в законодательстве. Данные изменения позволят в большей степени осуществлять надзор за соблюдением законности и правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, от 8 мая 2007 г., № 220-З: в редакции от 10 июля 2012 г. № 401-З: с изм. и доп. от 10 июля 2012 г. № 401-З// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Республики 1 декабря 2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 15 сент. 2016 г. – Минск : Амалфея, 2016. – 144 с.

3. Представление прокуратуры г. Бреста директору КТУП «Брестгортранс» Жогалу А. Н. от 02.2016 № 16-2016 «Об устранении нарушений законодательства об обращениях граждан, законодательства, регулирующего порядок ведения административного процесса, а также причин и условий, им способствующих» (Документ из архива канцелярии прокуратуры г. Бреста)

О. В. ГУРИНА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО НАДЗОРА

Любой производственный процесс, все виды обслуживания населения связаны с использованием энергии. Воспринимая ее, как неотъемлемое благо, люди стали забывать, какую опасность она в себе несет. Несмотря на эффективное правовое регулирование, продолжают гибнуть люди, происходят аварии. Одним из способов предотвращения указанных последствий является административный надзор, поскольку именно с его помощью обеспечивается практическая реализация правовых норм.

Согласно п. 5 Директивы Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [1] контрольная (надзорная) деятельность должна носить предупредительный характер, ориентированный на преимущественное использование профилактических мер. В ч. 5 п. 15 Указа Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510) [2] указываются следующие меры профилактического и предупредительного характера, реализуемые контролирующими (надзорными) органами:

проведение мониторинга, направление рекомендаций по устранению и недопущению недостатков, выявленных в результате мониторинга;

проведение разъяснительной работы о порядке соблюдения требований законодательства, применение его положений на практике;

информирование субъектов (в т.ч. с использованием средств глобальной компьютерной сети Интернет, средств массовой информации) о типичных нарушениях, выявляемых в ходе проверок контролирующими (надзорными) органами;

проведение семинаров, круглых столов и другого.

Мониторинг, как и проверка, предполагает установление соответствия поднадзорной деятельности требованиям законодательства. Его принципиальным отличием является запрет на использование полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органам и их должностным лицам для проведения проверки. Среди них полномочие на беспрепятственный доступ в служебные, производственные и иные помещения (объекты), на территорию проверяемого субъекта. Данное ограничение существенно снижает эффективность государственного энергетического надзора, поскольку в связи с повышенной опасностью поднадзорных объектов, они, как правило, расположены в местах ограниченного доступа. В связи с этим представляется целесообразным закрепить возможность опосредованного получения информации. Так, орган госэнергонадзора может составить общее представление о состоянии эксплуатируемых энергоустановок путем получения сведений от организации их обслуживающей на основании гражданско-правового договора. К ответам на запрос могут прилагаться подтверждающие документы.

Согласно п. 3 Положения о порядке проведения мониторинга, утвержденного Указом № 510 (далее – Положение о порядке проведения мониторинга) [2], с согласия субъекта мониторинга должностные лица контролирующих (надзорных) органов

вправе входить на территорию и (или) объекты, не являющиеся общедоступными. Указанная правовая норма сближает мониторинг с проверкой: в обоих случаях происходит установление соответствия поднадзорной деятельности требованиям законодательства и возможны неблагоприятные последствия в виде привлечения виновных лиц к административной ответственности. Учитывая это, практическое значение будет иметь установление мер поощрения поднадзорных субъектов, выразивших такое согласие, в виде сбалансированного планирования применения различных форм контроля (надзора).

Таким образом, в целях повышения эффективности мониторинга предлагается п. 3 Положения о порядке проведения мониторинга дополнить абзацами вторым и третьим:

«Мониторинг может предусматривать опосредованное получение информации, в т.ч. с применением технических средств, путем предоставления на безвозмездной основе органами государственного управления, юридическими и физическими лицами сведений, значимых для целей контроля (надзора).

В случае проведения мониторинга с согласия субъекта на территории и (или) объектах, не являющихся общедоступными, законодательством Республики Беларусь могут быть установлены ограничения проведения проверок и иных форм контроля (надзора)».

Использование иных мер профилактического характера закреплено в Положении о государственном энергетическом надзоре в Республике Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10.01.1998 № 26 [3]. Согласно абз. 5 п. 5 указанного Положения органы госэнергонадзора проводят профилактическую работу по предупреждению электро- и теплотравматизма: организывают семинары и совещания, распространяют памятки, направляют информационные письма и т.д. В то же время, выполняются не все предусмотренные законодательством меры. Например, на сайтах филиалов «Энергонадзор» РУП Облэнерго, как правило, отсутствует информация о типичных нарушениях, выявляемых в ходе проверок, как предписывается в ч. 5 п. 15 Указа № 510. Не систематизирована работа по даче разъяснений о порядке соблюдения требований законодательства, применении его положений на практике путем установления дней информирования с заблаговременным размещением сведений об этом на официальных сайтах или в средствах массовой информации.

Повышению эффективности предупредительной работы, по нашему мнению, может способствовать ее планирование. Разработка соответствующего плана позволит упорядочить принимаемые меры, придать им системный и сбалансированный характер, объективно оценить достигнутый надзорным органом результат. В свою очередь, обязательное размещение планов на официальных сайтах надзорных органов обеспечит прозрачность их деятельности и повысит информированность поднадзорных субъектов.

На основании изложенного считаем целесообразным п. 15 Указа № 510 дополнить частью 6 следующего содержания: «Контролирующие (надзорные) органы ежегодно утверждают планы мероприятий профилактического и предупредительного характера».

По-прежнему остается актуальным вопрос по надзору за соблюдением требований в области обеспечения энергетической безопасности в жилых помещениях. Широкое распространение электрической энергии зачастую порождает беспечное отношение к энергетическому оборудованию, вследствие чего происходят несчастные случаи, в т.ч. со смертельным исходом.

В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 27.05.04 № П-01/2004 «Об обеспечении конституционного права граждан на неприкосновенность жилища и

иных законных владений» [4] указано, что наделение уполномоченных должностных лиц правом на беспрепятственный доступ к электрическим и теплоиспользующим установкам независимо от места их нахождения допустимо только при наличии аварий, пожаров либо представляющих угрозу жизни людей ситуаций. В иных случаях порядок доступа к таким установкам должен определяться договорами, заключенными между сторонами в соответствии с законодательством.

Учитывая, что правоотношения надзорного органа и поднадзорного субъекта характеризуются связью «власть – подчинение», договорные отношения между ними при осуществлении административного надзора отсутствуют. В Указе № 510, устанавливающим единый порядок осуществления контрольной (надзорной) деятельности, проведение проверок жилых помещений не урегулировано. Данный нормативный правовой акт ориентирован преимущественно на правоотношения контролируемых (надзорных) органов с субъектами хозяйствования. Вместе с тем, в п. 21 Указа № 510, содержащем указание, в каких случаях он не применяется, надзор за жилыми помещениями также не значится.

Таким образом, представляется, что правоотношения по проверке жилых помещений законодательством не урегулированы. По нашему мнению, оставление без внимания данного вопроса является неоправданным, что подтверждается ежегодными данными о количестве несчастных случаев в быту.

На основании изложенного, представляется целесообразным п. 21 Указа Президента Республики Беларусь № 510, которым закрепляются изъятия из сферы его действия дополнить абзацем следующего содержания: «надзора в отношении граждан, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, и используемых ими поднадзорных объектов. Должностные лица надзорных органов вправе посещать, обследовать жилые помещения граждан только с согласия проживающих в них лиц, если иное не установлено законодательными актами».

Заметим, что несмотря на отсутствие в законодательстве четкого порядка действий по проверке жилых помещений, государственный газовый надзор обеспечивался Министерством энергетики Республики Беларусь фактически только в части безопасного использования гражданами газа в быту [5]. Представляется, что это было обусловлено приравниванием газоснабжающих организаций к органам госгазнадзора, в силу чего должностные лица имели возможность посещать жилые помещения, опираясь на договорные отношения по газоснабжению, и при этом реализовывать надзорные полномочия. Выполнять аналогичные функции в отношении субъектов хозяйствования не представлялось возможным, в силу ограничений, установленных Указом № 510. В связи с этим, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 августа 2016 г. № 683 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 131» газоснабжающие организации наделены статусом надзорного органа [6].

Обратим внимание, что газоснабжающие организации являются коммерческими юридическими лицами и функционируют в форме республиканских унитарных предприятий. Наделение статусом надзорного органа таких юридических лиц прямо запрещено законодательством (п. 5.4 Указа Президента Республики Беларусь от 26 июля 2012 г. № 332 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» [7]), в силу того, что это является предпосылкой конфликта частно-правовых и публично-правовых интересов. Кроме того, рост количества надзорных органов увеличивает проверочную нагрузку на

субъектов хозяйствования, что негативно сказывается на осуществлении ими своей деятельности.

Придание газоснабжающим организациям статуса надзорного органа не решает в полном объеме вопрос обеспечения безопасности в сфере газоснабжения. Так, газовые установки самих газоснабжающих организаций, которые не относятся к потенциально опасным объектам, подлежащим государственному надзору в области промышленной безопасности, по-прежнему, остаются вне сферы надзора.

Эффективным способом решения обозначенных проблем, на наш взгляд, может стать надделение полномочий по осуществлению государственного газового надзора органов госэнергонадзора, что обусловлено однородностью обоих видов надзора. В связи с чем, предлагается признать утратившим силу постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 августа 2016 г. № 683 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 131», которым газоснабжающие организации наделяются статусом надзорного органа.

Не только структурные преобразования надзорных органов могут способствовать повышению эффективности осуществляемого надзора. Его формы и методы должны меняться сообразно социально-экономическим изменениям. Так, формирование белорусского энергетического рынка обуславливает возникновение проблемы правовой регламентации вхождения в него новых участников. По опыту других стран, представляется, что этот процесс, а равно как и осуществление отдельных видов деятельности, обеспечение недискриминационного доступа к монопольным услугам будет осуществляться на основании разрешительных мер. В связи с чем, считаем целесообразным выделить *надзор за соблюдением правовых актов индивидуального применения*.

Правовое регулирование данной формы надзора, в силу ее универсальности, предлагается предусмотреть в Указе № 510 путем определения порядка осуществления, прав и обязанностей должностных лиц надзорных органов, а также закрепления возможности доступа на территорию поднадзорных субъектов.

Неоправдано обходится вниманием возможность использования органами госэнергонадзора контрольного списка вопросов (чек-листов). Данная форма надзора имеет ряд преимуществ, связанных с получением информации о функционировании поднадзорных субъектов без их посещения. В целях внедрения указанной практики в деятельность органов госэнергонадзора предлагаем их включить в перечень контролируемых (надзорных) органов и (или) сфер контроля (надзора), которые применяют (в которых применяются) контрольные списки вопросов (чек-листы), утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 декабря 2012 г. № 1147 [8].

В целом отметим, что ценность деятельности надзорных органов заключается в выполнении поставленных перед ними задач. Несмотря на то, что задачи являются элементом правового статуса любого органа государственного управления и, как правило, закреплены в нормативных правовых актах, критерии оценки их реализации отсутствуют. На основании изложенного, и опираясь на задачи органов госэнергонадзора, считаем целесообразным внедрить критерии оценки эффективности их деятельности, основанные на динамике количества несчастных случаев и аварий на поднадзорных объектах, результативности профилактической работы. В целях реализации данного предложения предлагается ввести обязательную подготовку ежегодного доклада о состоянии государственного энергетического надзора и представление его в Министерство энергетики Республики Беларусь. Кроме того, в

данном докладе целесообразно предусмотреть обобщение практики применения законодательства в поднадзорной сфере с целью формирования единообразного применения, предотвращения и устранения ошибок.

Реализация указанных предложений не только будет способствовать расширению инструментария по осуществлению государственного энергетического надзора, но и активизации деятельности надзорных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г. № 510 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 03.06.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Положение о государственном энергетическом надзоре в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 10 янв. 1998 г. № 26 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.02.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Об обеспечении конституционного права граждан на неприкосновенность жилища и иных законных владений [Электронный ресурс] : решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 27 мая 2004 г., № П-101/2004 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. О работе контролирующих (надзорных) органов в 2010–2011 гг. и мерах по повышению эффективности их деятельности в свете Директивы Президента Республики Беларусь от 31.12.2010, № 4 [Электронный ресурс] : решение коллегий Генер. прокуратуры Респ. Беларусь и Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, 31 марта 2011 г., № 2600-03-6/1/4 // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/?guid=88501>. – Дата доступа : 12.07.2016.

6. О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 131 [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 26 авг. 2016 г., № 683 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 26 июля 2012 г., № 332 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.07.2012 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Перечень контролирующих (надзорных) органов и (или) сфер контроля (надзора), которые применяют (в которых применяются) контрольные списки вопросов (чек-листы) [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 13 дек. 2012 г., № 1147 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 30.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

А. И. ДУДЧИК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Законодательство в сфере профилактики правонарушений основывается на Конституции Республики Беларусь и включает Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и другие акты законодательства. Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в Законе «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», то применяются правила международного договора [1].

Деятельность субъектов профилактики правонарушений в сфере профилактики правонарушений основывается на принципах законности; гуманизма; плановости и системности; осуществления индивидуальной профилактики правонарушений с учетом личности гражданина; защиты и соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций; скоординированности действий и оперативного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений; ответственности должностных лиц субъектов профилактики правонарушений за нарушение законодательства в сфере профилактики правонарушений.

Субъектами профилактики правонарушений являются все государственные органы. Особенно хотелось бы выделить здесь органы, которыми ежедневно проводится работа с молодым подрастающим поколением по профилактике совершения правонарушений. Используя различные методы обращения и оказания влияния на молодежь, государственные органы стараются достучаться до каждого человека, чтобы предостеречь его от необдуманных действий, способных искалечить его жизнь. Это такие государственные органы, как комиссии по делам несовершеннолетних, органы государственного управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по труду и социальной защите, органы государственного управления здравоохранением, органы государственной службы занятости, органы внутренних дел и другие. Эти органы в пределах своей компетенции в соответствии с Законом «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и другими актами законодательства:

- принимают участие в реализации государственной политики;
- выявляют причины правонарушений и условия, способствующие их совершению, и принимают меры по их устранению;
- разрабатывают и проводят профилактические мероприятия;
- принимают участие в реализации государственных программ по борьбе с преступностью и коррупцией и региональных комплексных программ по профилактике правонарушений;
- представляют в соответствии с законодательством информацию о проводимых и проведенных профилактических мероприятиях;
- размещают в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений информацию о формировании правопослушного

поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан;

- проводят систематический мониторинг законодательства и вносят в установленном порядке предложения по его совершенствованию [3].

Организации в сфере профилактики правонарушений проводят профилактические мероприятия по предупреждению правонарушений среди работников этих организаций, в том числе в целях обеспечения безопасных условий труда и предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (далее – чрезвычайные ситуации) на принадлежащих (подведомственных) им территориях и объектах, предоставляют на основании обращений других субъектов профилактики правонарушений площадь на информационных стендах для размещения информации о формировании правопослушного поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, осуществляют иные полномочия, предусмотренные Законом «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и другими актами законодательства.

Юридические лица, на которые возложены функции редакций государственных средств массовой информации, в сфере профилактики правонарушений в пределах своей компетенции в соответствии с Законом «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и другими актами законодательства:

- пропагандируют участие граждан и организаций в деятельности по профилактике правонарушений;

- распространяют информацию о деятельности субъектов профилактики правонарушений, аналитические и другие материалы о профилактике правонарушений, защите прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, в том числе демонстрирующие на конкретных примерах неотвратимость наказания за совершенные преступления;

- осуществляют деятельность по размещению (распространению) социальной рекламы, а также информируют граждан о формах и методах самозащиты от преступных посягательств.

Брестское молодёжное культурно-просветительное общественное объединение «В защиту жизни и семейных ценностей» в период с 2012 года в рамках осуществления уставной деятельности провело ряд акций в школах, средних и высших учебных заведениях города Бреста и Брестской области, среди которых следует особо отметить выставку-лекцию «Спасай взятых на смерть!». В результате проведения объединением данной выставки было охвачено порядка 90 школ, в том числе в городах Брест, Малорита, Пружаны, Кобрин, Жабинка. Около 20 000 тысяч учеников приняли участие в данном мероприятии. На протяжении трех последних лет БМКПОО «В защиту жизни и семейных ценностей» размещает социальную рекламу более чем на пятидесяти биг-бордах таких городов, как Брест, Кобрин, Малорита, Жабинка, Могилёв, Гомель, Витебск. В настоящее время макеты объединения уже используются в Российской Федерации и в скором времени, планируется, что они появятся в Республике Сербия и в Республике Армения.

Мерами общей профилактики правонарушений являются:

- разработка и утверждение региональных комплексных программ по профилактике правонарушений и проведение профилактических мероприятий;

- правовое просвещение граждан;

- внесение представлений, вынесение предписаний;

Региональными комплексными программами по профилактике правонарушений должно обеспечиваться проведение профилактических мероприятий по предупреждению:

- преступлений против государства и порядка осуществления власти и управления;
- правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений;
- правонарушений против жизни и здоровья, общественного порядка и общественной нравственности;
- правонарушений, способствующих возникновению чрезвычайных ситуаций и гибели людей от них;
- правонарушений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности;
- насилия в семье;
- правонарушений, совершаемых гражданами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ;
- правонарушений, совершаемых гражданами, освобожденными из исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов, а также гражданами, вернувшимися из специальных учебно-воспитательных учреждений и специальных лечебно-воспитательных учреждений.

Некоторые из мер профилактики правонарушений рассмотрим подробнее. Одна из основных мер это правовое просвещение граждан, т.е. формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции.

Правовое просвещение граждан осуществляется путем:

- проведения конференций, круглых столов, семинаров, лекций и выступлений по вопросам профилактики правонарушений;
- размещения в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений информации о формировании правопослушного поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан;
- информирование о проводимых и проведенных профилактических мероприятиях;
- организация проведения опросов общественного мнения о деятельности субъектов профилактики правонарушений и освещения их результатов в государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений;
- обеспечение стимулирования граждан за представление достоверной информации о подготавливаемых или совершенных правонарушениях; проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов и правовых актов в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь [3]. Главой государства, Правительством Республики Беларусь в настоящее время поставлена задача не только развивать и совершенствовать существующую законодательную базу, но и создавать новые правовые механизмы, которые гарантировали бы наиболее полную защиту и охрану прав детей, а также повышению уровня правовых знаний, с целью профилактики асоциального поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. - 56 с.

2. Законность и профилактика правонарушений // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lawtheses.com/zakonnost-i-profilaktika-pravonarusheniy#ixzz41Ti9f5EA>. – Дата доступа : 28.02.2016

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2013 г. № 122-З : с изм. и доп.: текст по состоянию на 4 января 2014 г. – Минск : Дикта, 2014. - 59 с.

А. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

Минск, Минский филиал ФГБОУВО «Российский государственный социальный университет»

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ И АТРИБУТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Административная ответственность является действенным средством предупреждения значительного количества правонарушений, в том числе связанных с использованием нацистской символики. Сегодня законодатель акцентирует внимание на ужесточении административной ответственности за использование, распространение нацистской символики. Так, в Республике Беларусь за пропаганду или публичное демонстрирование (в том числе в интернете), изготовление или распространение нацистской символики (атрибутики), ее хранение с целью распространения либо в местах, доступных для других лиц, штраф составит до 20 базовых величин. Если в правонарушении будет виноват индивидуальный предприниматель, то штраф составит до 70 базовых величин, а для юридического лица – до двухсот [1].

В России противодействие экстремизму, одним из компонентов которого является фашизм, также является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем, Т. Л. Евдокимова справедливо отмечает, что «... несмотря на значительную работу, проделанную за последние годы российскими законодателями, действующее антиэкстремистское законодательство по-прежнему характеризуется отсутствием целостной системы и внутренней противоречивостью» [2, с. 4].

В Республике Беларусь действует 17.10 КоАП, согласно которой за пропаганду и (или) публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики предусмотрена административная ответственность. Ее санкция предусматривает наложение штрафа в размере до десяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения, или административный арест с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения, на индивидуального предпринимателя – до пятидесяти базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения, а на юридическое лицо – до двухсот базовых величин с

конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения [3].

Законодатель определяет понятие «нацистская символика и атрибутика» как флаг, гимн, эмблема, вымпел, галстук, нагрудный и опознавательный знак Национал-социалистической рабочей партии Германии или их копии. Однако, не являются административными правонарушениями изготовление, публичное демонстрирование и (или) распространение нацистской символики или атрибутики физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом при осуществлении деятельности в области театрального, музыкального, циркового и изобразительного искусства, библиотечного дела, кинематографии, музейного дела, организации и проведения культурно-зрелищных мероприятий, издательского дела, образовательной деятельности, средств массовой информации в соответствии с законодательством.

В ближайшей статье 17.10 КоАП Республики Беларусь должна быть введена ответственность за нанесение или публичное демонстрирование татуировки с изображением наци-символики. Теперь к административной ответственности будут привлекаться и обладатель запрещенной татуировки, и мастер ее изготовивший. Вместе с тем, от административной ответственности будут освобождаться обладатели наци-тату, если они еще до рассмотрения дела добровольно выведут указанные татуировки либо внесут в них изменения, исключающие изображение нацистской символики и иное антиобщественное содержание [1]. Необходимо также отметить, что перечень символики и атрибутики справедливо расширен за счет элементов, использовавшихся не только в Национал-социалистической рабочей партии Германии, но и в государственных, военных и иных структурах, признанных Международным военным трибуналом преступными. Наказуемыми станут приветственные жесты национал-социалистов, пароли, цифры, в которых зашифрованы имена фюрера, всевозможные руны, «кельты», «коловраты».

КоАП РФ содержит ст. 20.3, предусматривающую ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Для граждан предусмотрен административный штраф в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией нацистской или иной указанной атрибутики или символики либо административный арест на срок до пятнадцати суток с аналогичной конфискацией [4]. В случае изготовления, сбыта или приобретения в целях сбыта нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, направленных на их пропаганду предусмотрен административный штраф в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; для должностных лиц - от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; для юридических лиц - от двадцати тысяч до ста тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения. Помимо этого, указанные выше отношения отчасти регламентируются Федеральными законами № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» [5] и № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6].

Кроме того, размещение в свободном доступе в социальных сетях атрибутики или символики организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания

главных военных преступников в европейских стран оси (далее – Нюрнбергского трибунала) либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны; атрибутики или символики организаций (в том числе иностранных или международных), отрицающих факты и выводы, установленные приговором Нюрнбергского трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны также запрещено и карается в соответствии с законом.

Вместе с тем, необходимо отметить, что используются российским законодателем термины «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят оценочный характер, что позволяет толковать их расширительно.

Таким образом, анализ диспозиций ст. 17.10 КоАП Республики Беларусь и ст. 20.3 КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что белорусский законодатель более взвешенно подошел к вопросу о случаях правомерного использования нацистской символики или атрибутики изложив закрытый перечень такой символики и атрибутики, а также перечень случаев, когда такое деяние не является правонарушением, в примечании к статье 17.10 КоАП. Отсутствие подобного примечания в КоАП РФ на практике привело к многочисленным случаям неправомерного и противоречащего духу закона привлечения к ответственности по ст. 20.3 физических и юридических лиц.

При анализе санкций вызывает недоумение и размер штрафа за рассматриваемое правонарушение в КоАП РФ. Так, для граждан он составляет от одной тысячи до двух тысяч рублей, что эквивалентно примерно сумме от 15 до 30 долларов США (для сравнения в Беларуси - до 10 базовых величин, что эквивалентно примерно 107 долларам США).

В завершение, хотелось бы отметить, что в рассматриваемом аспекте целесообразно изучить возможность использования административной преюдиции за совершение нескольких правонарушений, предусмотренных ст. 17.10 КоАП Республики Беларусь в течение года. Тогда содеянное будет расцениваться как совершение преступления и к виновному будут применены меры уголовной ответственности. Думается, что это позволит усилить профилактический эффект соответствующей нормы КоАП Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=222873>. – Дата доступа : 12.11.2016.

2. Евдокимова, Т. Л. Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел России по ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в условиях противодействия экстремизму : автореф. дис. ... канд. юридич. наук : 12.00.02 / Т. Л. Евдокимова ; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2010. – 24 с.

3. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа : http://etalonline.by/?type=text®num=Nk0300194#load_text_none_1_ – Дата доступа : 10.11.2016.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: в ред. от 06.07.2016 // Консультант Плюс [Электронный

ресурс] / Официальный сайт компании Консультант Плюс – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e3620d183bd6d1fe2ab8b0c9128. – Дата доступа: 11.11.2016

5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ в ред. от 23.11.2015 «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. – № 30. – ст. 3031.

6. Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 мая 1995 г. – № 21. – ст. 1928.

В. В. ЖИГУНОВА, А. Ю. ВНУЧЕНКОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ РЕГИСТРАЦИИ ПЕРЕМЕНЫ ФАМИЛИИ, СОБСТВЕННОГО ИМЕНИ, ОТЧЕСТВА

Роль фамилии, собственного имени и отчества в жизни каждого человека трудно переоценить, так как это и основной способ индивидуализации личности в обществе, позволяющий выделить человека из массы других людей как вполне определенного участника общественных отношений, и источник языковой и генеалогической информации.

С точки зрения семантики, «имя - личное название человека, даваемое ему при рождении». В Республике Беларусь право на имя - одно из личных неимущественных прав гражданина [1, ст. 151]. Пункт 1 ст. 18 ГК определяет составные части имени человека. К ним относятся собственное имя, отчество, фамилия.

Решение о перемене фамилии, собственного имени, отчества может быть дано лишь в тех случаях, если для этого имеются уважительные причины. Таких причин достаточно много. Самыми основными среди них являются: 1) замужество для женщин; 2) развод; 3) неблагозвучие; 4) национальные особенности.

Особый случай - смена фамилии из-за расхождений в документах. Если работник ЗАГСа допустил ошибку, и в паспорте и свидетельстве о рождении появились расхождения, менять документы нужно как можно скорее. Если была допущена ошибка ЗАГСа, то пошлину за смену паспорта платить не придется. Аналогичным образом граждане имеют право поменять имя. Отчество чаще всего меняется после процедуры установления отцовства. Возможна одновременная перемена как фамилии, так и отчества и собственного имени гражданина.

Перемена собственного имени, фамилии, отчества не является основанием для прекращения или изменения прав и обязанностей гражданина, приобретенных им под прежним именем. Кроме того, гражданин обязан принять необходимые меры для уведомления своих должников и кредиторов о перемене своего имени, а также несет риск последствий, вызванных отсутствием у этих лиц сведений о перемене имени [1, ст. 18].

В Республике Беларусь возрастом, с которого можно подать заявление о перемене фамилии, собственного имени, отчества является 16 лет [3, п. 68]. В России - 14 лет, а в Украине можно подать заявление по достижению 18 лет.

Заявления о регистрации перемены фамилии, собственного имени, отчества подается в письменной форме гражданином Республики Беларусь, в орган ЗАГС по месту жительства [2, ст. 222]. Для регистрации перемены фамилии, собственного имени, отчества, граждане предоставляют документы, указанные в пункте 5.8 перечня административных процедур, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 года № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан».

Для перемены фамилии, собственного имени, отчества необходимо уплатить государственную пошлину, в размере 1 базовой величины (на сегодняшний день это 21 белорусский рубль).

Орган ЗАГСа составляет материал о перемене фамилии, собственного имени, отчества и направляет его в органы внутренних дел по месту жительства заявителя для установления личности заявителя, а также предотвращения возможности использования перемены фамилии в целях уклонения от следствия, суда, уплаты алиментов или в других корыстных целях.

Органы внутренних дел, высказывая положительное или отрицательное мнение, исходят исключительно из результатов проверки личности заявителя, не касаясь вопроса обоснования причин для перемены.

После проверки материал возвращается в орган ЗАГСа с заключением органа внутренних дел о ее результатах, в котором сообщается мнение органа внутренних дел о возможности перемены фамилии, собственного имени, отчества.

После получения заключения органа внутренних дел орган ЗАГСа выносит заключение о возможности перемены фамилии, собственного имени, отчества. При этом заявление о регистрации перемены фамилии, собственного имени, отчества должно быть рассмотрено органом ЗАГСа в срок, не превышающий одного месяца со дня подачи заявления [3, п. 69].

Однако здесь есть некоторые проблемы. По статистике г. Могилева, в ряде случаев, граждане, которые подали заявление о регистрации перемены фамилии, собственного имени, отчества ждут заключение органа ЗАГСа о разрешении перемены более полугода, так как на момент подачи заявления отсутствовали некоторые материалы в органах внутренних дел. Руководители органов внутренних дел по месту жительства собираю новую информацию на гражданина, который изъявил желание применить фамилию, собственное имя, отчества и составляют заключение на основе собранных данных.

Заключение органа ЗАГСа и материал о перемене фамилии, собственного имени, отчества направляются в соответствующее главное управление юстиции облисполкома (далее - ГУЮ), Минского горисполкома, которое дает разрешение о перемене фамилии, собственного имени, отчества или отказывает в разрешении. Отказ в таком разрешении может быть обжалован в суд [3, п. 69].

Проанализировав процедуру перемены фамилии, можно сделать вывод, что, данная процедура сопряжена с довольно длительным периодом времени, является сложной по трудозатратам и многоступенчатой, так как в ней взаимодействуют отдел ЗАГСа, отдел внутренних дел, ГУЮ, и поскольку перемена фамилии в связи с желанием носить общую с супругом фамилию - бесспорно, уважительная, целесообразно в данном случае исключить участие ГУЮ в процедуре перемены фамилии.

Возможно это и в случае, когда причина для перемены фамилии заключается в желании вернуть свою добрачную фамилию, если об этом не было заявлено при разводе. Перемена фамилии по указанной причине в 2014 году в Гродненской области

была зарегистрирована в 119 случаях (24 % от общего количества). В качестве возможного варианта решения данного вопроса - исключение таких случаев из административной процедуры перемены имени и осуществление этого в рамках административной процедуры внесения изменений, дополнений и исправлений в записи актов гражданского состояния.

Разрешение о перемене фамилии, собственного имени, отчества действительно в течение одного месяца со дня выдачи [2, ст. 223]. В соответствии с вышеизложенным после изменения гражданином Республики Беларусь фамилии его паспорт, оформленный на прежнюю фамилию, будет оставаться действительным в течение месяца.

Следует отметить, что, согласно белорусскому законодательству, при перемене фамилии обоими родителями в обязательном порядке изменяется фамилия детей, не достигших 16 лет, в записях актов об их рождении. Если фамилию переменял один из родителей, то вопрос об изменении фамилии детей, не достигших 16 лет, решается по соглашению между родителями, а при отсутствии соглашения - органом опеки и попечительства с учетом желания ребенка, достигшего 10 лет. При перемене собственного имени отцом в записях актов о рождении детей, не достигших 16 лет, изменяется их отчество. Фамилия и отчество детей, достигших 16 лет, изменяются только по их ходатайству на общих основаниях [2, ст. 224].

Практика работы по перемене имени показывает, что количество граждан, желающих изменить фамилию, собственное имя, отчество постоянно растет. Так, в 2005 г. отделами ЗАГС Гродненской области было зарегистрировано 198 перемен имени, в 2006 г. - 272, в 2010 г. - 285, в 2011 г. - 390, в 2013 г. - 421, в 2014 г. - 494. При этом главным управлением юстиции Гродненского облисполкома было рассмотрено в 2013 г. 464 материала по перемене имени, а в 2014 г. - 553. В 2014 г. в 235 случаях (47,5 % от общего количества) причиной для перемены фамилии было желание иметь общую фамилию с другим супругом. В г. Могилеве на 2015 г. количество граждан, которые изъявили желание переменить фамилию, собственное имя, отчества составило 1613 граждан. Основная причина - наличие компрометирующих материалов в отношении этих лиц со стороны органов внутренних дел, а именно: неснятая судимость или возбужденное уголовное дело. Отказано было в 19 случаях. Запрос также удовлетворили, если человек хочет носить имя, данное ему при крещении и отличное от того, которое дали родители. В ЗАГС г. Могилева поступило около 10-15 заявлений с тем, чтобы официально носить полученное при крещении имя. Из 1613 граждан, наиболее распространенная причина - расхождение в документах. Это около 48 %. Во всех случаях было принято решение о разрешении перемены фамилии, собственного имени, отчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2015г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от

24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 дек. 2005 г., № 1454 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 23.03.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

А. А. ИЛЬЮЩЕНКО

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕКЛАМЕ

Весомый урон экономической безопасности государства причиняют административные правонарушения, совершаемые в экономической сфере. Однако данному фрагменту правовой действительности уделяется недостаточное внимание.

Развитие рекламной деятельности осуществляется в условиях становления законодательства, отсутствия наработанной практики деятельности контролирующих органов, что приводит к серьезным нарушениям и чаще всего выражено в ненадлежащей рекламе. По этой причине законодатель позаботился о выработке инструментария, способного обеспечить должный порядок в области рекламы, к которому относится юридическая ответственность.

В настоящее время исследование вопросов административной ответственности по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации особенно актуально в свете интеграционных процессов, которые происходят между данными государствами. Создание единого Союзного государства объективно предполагает интеграцию правовых систем. Белорусский и российский законодатель, предвидя предстоящие трудности процесса объединения, позаботился о выработке таких законодательных моделей, и прежде всего сложных кодифицированных актов, которые в перспективе могут быть преобразованы в единое законодательство в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями.

Прогнозируя совершение административных правонарушений в области рекламы, в ст. 38 Федерального закона «О рекламе» была установлена ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе, которая может наступать в виде административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности. Наиболее часто нарушители рекламного законодательства привлекаются к административной ответственности. Это обусловлено следующими обстоятельствами: во-первых, степенью общественной опасности совершаемых административных правонарушений; во-вторых, упрощенной процедурой реализации мер административной ответственности; в-третьих, возможностью привлечения к ответственности как физических, так и юридических лиц [1].

Административная ответственность предусматривается в случае неприятия по постановлению (представлению) органа (должностного лица), рассматривающего дело

о нарушениях законодательства о рекламе, мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения, - ст. 19.6 КоАП Российской Федерации. Может сложиться представление, что речь идет о дублировании ч. 2 ст. 19.5 КоАП Российской Федерации. Однако в данном случае речь идет о двух самостоятельных составах правонарушений. Частью 1 ст. 29.13 КоАП Российской Федерации судья, орган, должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении, при установлении причин административного правонарушения и условий, способствовавших его совершению, вносят в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам представление о принятии мер по устранению указанных причин и условий. Данную категорию дел рассматривают судьи, федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы, органы, уполномоченные в области рынка ценных бумаг, которые по результатам рассмотрения дел о нарушении административного законодательства в области рекламы вносят представления. В случае непринятия мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений в области рекламы, если дело рассматривается органом, уполномоченным в области рынка ценных бумаг, применяется ст. 19.6 КоАП Российской Федерации, если судьей - ст. 17.4 КоАП Российской Федерации, если федеральным антимонопольным органом - ч. 2 ст. 19.5 КоАП Российской Федерации.

Административной ответственности подлежат рекламодатели, рекламопроизводители и рекламораспространители в случае непредставления в федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы ходатайств, заявлений, сведений (информации), предусмотренных антимонопольным законодательством, либо представления заведомо недостоверных сведений. Наличие данной нормы является мощным средством предупреждения административных правонарушений в области рекламы и способствует разрешению проблемы информационного обеспечения деятельности федерального антимонопольного органа, его территориальных органов.

Статьей 31 Закона Республики Беларусь «О рекламе» также предусматривается ответственность за нарушение законодательства о рекламе [2]. Ее анализ позволяет сделать вывод о том, что белорусский законодатель оказался более прагматичным и изначально не включил в конструкцию данной нормы конкретные юридические санкции, а указал в ч. 1 вышеназванной статьи, что организации и граждане (реklamодатели, рекламопроизводители, рекламораспространители) несут ответственность за нарушения законодательства о рекламе в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Также как и в Федеральном законе «О рекламе» предусматривается дифференцированная ответственность рекламодателя, рекламопроизводителя и рекламораспространителя с учетом выполнения объективной стороны и степени вины. Другими словами, положения белорусского и российского законодательства по данному вопросу идентичны.

В настоящее время административная ответственность за нарушение законодательства о рекламе установлена статьей 12.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) «Нарушение законодательства о рекламе» [3]. Данная статья включена в главу 12 КоАП «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности». Таким образом, в качестве родового объекта административной правоохраны выступает предпринимательская деятельность. Белорусский законодатель поступил так же, как его российские коллеги, которые статью 14.3 КоАП Российской Федерации

«Нарушение законодательства о рекламе» поместили в аналогичной главе КоАП Российской Федерации [4]. В качестве непосредственного объекта административного правонарушения по статье 14.3 КоАП Российской Федерации является установленный порядок рекламной деятельности, которая регламентируется Федеральным законом «О рекламе».

Объективная сторона данного правонарушения состоит в нарушении рекламодателем, рекламопроизводителем и рекламодателем, а также должностным лицом государственного органа законодательства о рекламной деятельности. Предполагается, что данное правонарушение может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. В то же время вполне обосновано в конструкцию нормы не включены факультативные элементы, что повышает потенциал данной административно-правовой нормы.

Только специальные субъекты могут быть привлечены к административной ответственности за правонарушение по ст. 12.15 КоАП Республики Беларусь. В то же время не предусмотрено привлечение к административной ответственности юридических лиц, что не в полной мере вкладывается в существующую теорию ответственности за нарушение законодательства о рекламе. В качестве субъектов правонарушения могут быть рекламодатели, рекламопроизводители, рекламодатели, должностные лица государственных органов.

Субъективная сторона правонарушения характеризуется виной в форме как умысла (ст. 3.2 КоАП Республики Беларусь), так и неосторожности (ст. 3.3 КоАП Республики Беларусь). Следует обратить внимание на то обстоятельство, что предусмотрена дифференциация умышленной вины на прямой умысел и косвенный умысел, а неосторожная вина может быть выражена в форме легкомыслия и небрежности. Такой подход позволит индивидуализировать применяемые меры административной ответственности за совершение правонарушений в области рекламной деятельности.

Таким образом, развитие рекламной деятельности, которая осуществляется в условиях становления законодательства, отсутствия наработанной практики деятельности контролирующих органов, приводит к серьезным нарушениям, что чаще всего выражено в ненадлежащей рекламе - недобросовестной, недостоверной, неэтичной, заведомо ложной, в которой допущены нарушения требований к ее содержанию, времени, месту и способу распространения. Институт административной ответственности и направлен на защиту интересов общества и государства в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 N 38-ФЗ: в ред. федер. закона от 08.03.2015 с изм. и доп. 01.10.2015г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – 1997-2016. - Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ – Дата доступа : 13.11.2016.

2. О рекламе: Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-3: с изм. и доп. от 10 июля 2015 г. // Национальный центр правовой информации [Электронный ресурс]. – 2003-2016. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=h10700225> – Дата доступа : 12.11.2016.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-3 с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2006-2016. –

Режим доступа : http://etalonline.by/?type=text®num=Hk0300194#load_text_none_1_. – Дата доступа : 12.11.2016).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: в ред. от 06.07.2016 с изм. и доп. 03.10.2016г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – 1997-2016. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ – Дата доступа : 12.11.2016.

И. С. КАРПИК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

На современном этапе развития общества в связи с быстрым увеличением объема международного товарооборота, усложнением его структуры, с развитием международных связей Республики Беларусь увеличивается поток перевозки товаров, транспортных средств через государственную границу. Что, в свою очередь, не исключает возможности увеличения нарушений законодательства со стороны недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). При этом актуальными остаются вопросы привлечения субъектов ВЭД к административной ответственности за правонарушения в области таможенного дела.

В соответствии со статьей 7 Таможенного кодекса Таможенного союза таможенные органы Республики Беларусь являются органами дознания по делам о контрабанде, об уклонении от уплаты таможенных платежей и иных преступлениях, производство по которым в соответствии с законодательством Республики Беларусь отнесено к ведению таможенных органов.

Должностные лица таможенных органов Республики Беларусь составляют протоколы об административных правонарушениях по статьям 9.21, 11.26, 11.44, части 4 статьи 12.17, статье 12.23, частям 1 – 3 статьи 12.27, статье 12.29, частям 1 – 4 статьи 12.30, части 9 статьи 13.6, статьям 13.10, 13.11, 14.1 – 14.16, частям 1 и 4 статьи 18.20, статье 23.16, частям 1 и 2 статьи 23.23, статьям 23.1 – 23.5, 24.3 – 24.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП).

Проанализировав санкции вышеперечисленных статей можно сделать вывод о том, что одним из субъектов ответственности за правонарушения по указанным выше составам является юридическое лицо.

Наиболее актуальным остается вопрос привлечения к административной ответственности юридических лиц.

В соответствии с частью 1 статьи 2.1 КоАП административным правонарушением признается лишь виновное деяние. Наличие вины у субъекта правонарушения является обязательным и одним из общих его признаков. Отсутствие вины свидетельствует об отсутствии административного правонарушения как основания административной ответственности. Стало быть, субъектом административной ответственности может быть лишь лицо виновно совершившее административное правонарушение. Подтверждением тому является и статья 4.1 КоАП, в которой утверждается, что административное взыскание может быть применено к юридическому лицу,

признанному виновным и подлежащим административной ответственности. В развитие данного положения статья 3.5 КоАП определяет вину юридического лица. Из определения следует, что юридическое лицо оказывается способно не соблюдать нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность и не принимать все меры по соблюдению указанных норм. Подобная редакция статьи 3.5 КоАП вызывает большие сомнения в возможностях юридического лица как организации, большого коллектива людей, совершать названные деяния.

В данном случае, юридическое лицо утверждается как самостоятельный субъект административной ответственности, оно виновно совершает одно и то же деяние, как и должностное лицо этого же юридического лица.

Разумеется, что совершение одного административного правонарушения несколькими субъектами возможно лишь при соучастии, предусмотренного статьей 2.4 КоАП. В рассматриваемом случае соучастия не наблюдается. Следовательно, отсутствуют и два субъекта в совершении одного и того же административного правонарушения. На практике же, согласно статье 3.5 КоАП и части 1 статьи 10.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – ПИКоАП), составляют два протокола о совершении одного правонарушения: о совершении административного правонарушения должностным лицом и юридическим лицом. Этим самым еще в большей мере подчеркивается абсурдность существующего положения.

Фактически административное правонарушение совершается должностным лицом юридического лица, о чем не двусмысленно подчеркивается в части 7 статьи 4.8: «Наложение административного взыскания на юридическое лицо не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо юридического лица ...».

Подобному нередко следует и практика. В постановлениях по делам об административных правонарушениях в отношении юридических лиц подчеркивается виновность руководителя, иного должностного лица юридического лица в несоблюдении норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность и данным физическим лицом не были приняты все меры по их соблюдению. Это правильно, так оно на самом деле есть и только так может быть.

Нельзя не обратить внимание и на такое обстоятельство, что юридическое лицо, как преимущественно хозяйственный субъект, вряд ли может совершать деяния публичного характера, какими являются административные правонарушения.

При наложении административного взыскания на юридическое лицо необходимо учитывать целый ряд обстоятельств, оговоренных в КоАП. Ими являются: характер административного правонарушения, характер и размер причиненного вреда, обстоятельства, смягчающие или отягчающие административную ответственность, финансово-экономическое положение юридического лица, перечисленные нормы отражены в части 3 статьи 7.1 КоАП. Учет названных обстоятельств является не правом, а обязанностью органов (должностных лиц), уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях.

Для разрешения проблемы двойственности ответственности за одно правонарушение, на мой взгляд, более правильным было бы изложить следующее определение вины юридического лица: «Юридическое лицо признается виновным и подлежит административной ответственности, если деяние, предусмотренное Особенной частью КоАП, виновно совершено должностным лицом юридического лица при исполнении им своих служебных обязанностей».

Также, нынешняя регламентация административной ответственности юридических лиц не в полной мере соответствует и принципу справедливости и гуманизма. Принцип справедливости состоит в ее разумности привлечения юридического лица к ответственности без всякой предвзятости, с учетом всех обстоятельств дела, в соответствии с установленными правилами, неотступности от них, закрепленными в части 2 статьи 7.1 КоАП.

Вряд ли можно считать соблюдением и принципа гуманности при привлечении к административной ответственности двух субъектов ответственности за одно и то же правонарушение, совершенное при этом одним субъектом – должностным лицом юридического лица.

Согласно КоАП, юридическое лицо может нести административную ответственность только за административные правонарушения, прямо предусмотренные статьями Особенной части КоАП (часть 2 статьи 4.8). В таких случаях юридическое лицо выступает в качестве субъекта административной ответственности и обозначено в санкции правовой нормы наравне с физическими лицами. Исходя из вышеперечисленного перечня статей Особенной части КоАП, составление протоколов об административных правонарушениях по которым отнесены к компетенции таможенных органов, можно сделать вывод, что в большинстве своем, санкции статей прямо предусматривают возможность привлечения к административной ответственности юридических лиц.

Разумеется, что субъектом правонарушения является должностное лицо такого юридического лица и оно, естественно, должно в первую очередь привлекаться к административной ответственности за совершенное деяние. Юридическое же лицо может (но не обязательно) быть привлечено к ответственности. Слово «может» означает, что исключается обязательная возможность привлечения к ответственности двух субъектов – физического и юридического лица. Этот вопрос находится в компетенции органа (должностного лица) и решается при рассмотрении дела об административных правонарушениях с учетом размера причиненного вреда.

Таким образом, юридическое лицо по закону – субъект ответственности, не главный, не обязательный. Наиболее правильным было бы, чтобы административное взыскание налагалось на одного субъекта.

Однако, в настоящее время, практика таможенных органов в частности, следует по пути привлечения к административной ответственности сразу двух субъектов, равно как юридического, так и физического лица.

В. О. КЛИМАШЕВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУРАХ

В Конституции Республики Беларусь человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью и целью государства и общества. Одним из способов осуществления данных прав на практике является институт административных процедур. Данный институт необходим не только для полноценной реализации прав, свобод и обязанностей граждан, но и для эффективного исполнения функций органов

публичной власти. Прежде всего следует отметить, что в законодательстве иностранных государств присутствуют различные подходы к данному понятию. Например, в законодательстве Казахстана под административными процедурами понимаются не только принятие и исполнение решений государственных органов по заявлениям граждан, но и в целом вся процедура защиты прав и интересов, а также процедуру рассмотрения обращений граждан. Что касается законодательства Республики Беларусь, стоит отметить, что понятия «административная процедура» и «обращения граждан» разграничиваются и регулируются разными законами. О. И. Чуприс, проанализировав сущность двух явлений, пришла к выводу, что вопросы, связанные с рассмотрением обращений граждан и юридических лиц и административными процедурами, целесообразно урегулировать единым законом [1, с. 137-140]. Для начала необходимо определить сущность понятия «административная процедура». В литературе существует много мнений и подходов на этот счет. В целом, их можно разделить на две группы: административные процедуры в широком и узком понимании. В основу белорусского законодательства вошел узкий подход: в рамках административных процедур не применяются меры административного принуждения, не разрешаются споры и не рассматриваются жалобы. Такой подход, как отмечает Н. А. Саванович, можно охарактеризовать как «компромиссный» ввиду того, что он основывается на сложившихся стереотипах обыденного сознания, в котором термин «административная процедура» прочно ассоциируется с таким атрибутом, как справка [2]. И все же определение, данное в Законе «Об основах административных процедур» от 28 октября 2008 г. (далее – Закон) часто критикуется. Однако главной проблемой является не трактовка понятия, а субъекты административных процедур, выделенные в Законе. В соответствии с Законом участниками административных процедур являются заинтересованное в реализации своих прав и обязанностей лицо, уполномоченный орган исполнительной власти, к компетенции которого относится осуществление административной процедуры, также предусмотрен институт представительства (стоит отметить, что не каждое зарубежное законодательство его предусматривает), государственные органы и иные организации, в которые направляется запрос о получении необходимых для осуществления процедуры документов и (или) сведений. Помимо перечисленных субъектов в нормативных актах, регулирующих конкретные административные процедуры, упоминаются и другие участники: переводчики, эксперты (специалисты), лица, чьи права или обязанности затрагиваются выносимым административным решением. Для осуществления целого ряда административных процедур требуется не только подача заявления заинтересованным лицом, но и подписание данного заявления иными третьими лицами. Однако лицо, подписавшее заявление, может оказаться несогласным с принятым административным решением, посчитать, что его права нарушены. В данном случае речь идет о лицах, которые сами не выступают инициаторами осуществления административной процедуры, однако принятое по заявлению иного лица административное решение влияет, по их мнению, на их собственные права или обязанности. Изучив нормативно-правовые акты, регулирующие осуществление административных процедур в зарубежных государствах, можно сделать вывод, что в большинстве стран лица, чьи права или обязанности затрагиваются принятым административным решением, включаются в число участников административных процедур, следовательно, им предоставляются соответствующие права на ознакомление с документами, на обжалование принятых решений и другие права. Действующий в Республике Беларусь Закон не включает третьих лиц в число участников административной процедуры. Такой порядок вещей

может привести к целому ряду негативных последствий. В частности, поскольку участниками административной процедуры могут быть только те лица, которые инициировали такую процедуру, то соответственно и право на обжалование в рамках Закона получает только заинтересованное лицо [3]. Таким образом, обжалование административного решения субъектами административных процедур и обжалование этого же решения третьими лицами регулируется разными нормативно-правовыми актами. Кроме того, тот факт, что третьи лица не включены в число участников административной процедуры, препятствует их надлежащему информированию о порядке осуществления процедуры, а также о результатах рассмотрения заявления заинтересованного лица и о принятом по его итогам решении. При этом для обеспечения полноценного права на обжалование такое лицо должно быть проинформировано в полном объеме о ходе осуществления административной процедуры, но, поскольку оно не являлось участником процедуры, сделать это затруднительно. Поэтому логично согласиться с предложением Н. А. Савановича о том, что следует включить третьих лиц в число участников административных процедур, однако это требует одновременного решения вопроса о механизме привлечения их к участию в такой процедуре. Анализ зарубежного законодательства показывает, что фактически существует два способа привлечения третьих лиц к участию в административной процедуре: по инициативе административного органа и по инициативе самих третьих лиц. Представляется, что оба эти способа должны найти отражение в Законе [3]. Наряду с третьими лицами законодательству известны и другие участники административных процедур, которые не отражены в Законе. Так, для осуществления многих административных процедур требуется предварительное получение экспертного заключения. При этом в качестве экспертов (специалистов) могут выступать как работники уполномоченных органов, так и сторонних организаций. Однако данный субъект не обозначен в Законе, также не регламентированы его права и обязанности, не решен вопрос о возможности отвода и т.д. В результате такие вопросы либо решаются отдельно в каждом нормативном акте, регламентирующем отдельную административную процедуру, что помимо перегрузки нормативных предписаний порождает дополнительную возможность противоречий между соответствующими положениями, либо не регулируются вовсе. Так же дела обстоят и с переводчиком [3]. Для сравнения следует отметить, что в зарубежном законодательстве названные лица нередко включаются в число участников административной процедуры. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что законодательство Республики Беларусь в области осуществления административных процедур хорошо проработано, однако остались вопросы требующие решения. Так, в частности, следует усовершенствовать Закон Республики Беларусь от 28.10.2008 «Об основах административных процедур» и другое законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере административных процедур. Ведь законодательство не может стоять на месте, оно должно постоянно изменяться, дополняться, подстраиваться под существующие общественные отношения, а не наоборот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуприс, О. И. Развитие законодательства об административных процедурах в Республике Беларусь / О. И. Чуприс // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции.
2. Саванович, Н. А. Совершенствование понятия «административная процедура» в законодательстве Беларуси: Саванович, Н. А. Административные процедуры в

Республике Беларусь // СС «КонсультантПлюс: Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск» [Электронный ресурс].

3. Саванович, Н. А. Круг субъектов административных процедур нуждается в уточнении / Саванович, Н. А. Административные процедуры в Республике Беларусь // СС «КонсультантПлюс : Комментарии Законодательства Белорусский Выпуск» [Электронный ресурс].

А. Г. КЛЫШ

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

ОБ ОБРАЩЕНИИ ПРОКУРОРА В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУД В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

В целях защиты государственных и общественных интересов прокурор вправе обратиться в экономический суд с заявлением об оспаривании ненормативного акта или с иском о признании сделки недействительной. Указанные заявления рассматриваются в отдельном виде производства, общие положения о котором содержатся в главе 23 ХПК Республики Беларусь (далее – ХПК РБ). Их рассмотрение осуществляется по общим правилам искового производства с учетом особенностей, предусмотренных главой 25 ХПК РБ и иными законодательными актами.

Согласно ст. 227 ХПК РБ прокурор вправе подать в экономический суд заявление о признании недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа, который не соответствует законодательству и которым нарушаются права и законные интересы юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или граждан, если считает, что нарушены права и законные интересы юридического лица, индивидуального предпринимателя или гражданина в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности; оспариваемый ненормативный правовой акт противоречат законодательному или иному нормативному правовому акту [1].

Заявление об оспаривании ненормативного правового акта должно соответствовать требованиям, установленным ст.ст. 159 и 160 ХПК РБ. К заявлению согласно ст. 228 ХПК РБ прилагается копия оспариваемого акта с указанием, в каком средстве массовой информации и когда опубликован этот акт, если он был опубликован. При этом следует учитывать, что в соответствии с ч. 2 ст. 48 ХПК РБ дела об оспаривании ненормативных правовых актов Президента РБ, Совета Республики и Палаты представителей Национального собрания РБ, Правительства РБ, республиканских органов государственного управления и иных республиканских органов, не соответствующих закону и затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности в качестве суда первой инстанции рассматривает Верховный Суд РБ.

Решая вопрос о направлении в экономический суд заявления о признании ненормативного правового акта недействительным, прокурору необходимо определить, какие акты относятся к ненормативным. В ст. 1 Закона РБ от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» дано определение нормативного правового акта. Это официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа или

путем референдума с соблюдением установленной законодательством РБ процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение [2].

В соответствии со ст. 162 ХПК РБ несоблюдение обязательных требований, предъявляемых к содержанию заявления и прилагаемым к нему документам, влечет оставление заявления без движения. Согласно ч. 2 ст. 228 ХПК РБ подача заявления об оспаривании ненормативного правового акта в экономический суд и принятие его к рассмотрению не приостанавливают действия оспариваемого ненормативного правового акта.

Хотелось бы отметить, что ч. 3 ст. 199 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает норму, согласно которой по ходатайству заявителя арбитражный суд может приостановить действие оспариваемого акта, решения. Указанная мера имеет целью уменьшить негативные последствия действия ненормативного правового акта или решения, в том числе предотвратить возможное причинение существенного ущерба правам и законным интересам заявителя.

Прямых норм, запрещающих приостанавливать действие оспариваемого ненормативного правового акта, нет и в ХПК РБ, поэтому в целях более эффективного использования прокурором своих прав при подаче заявления об оспаривании ненормативного правового акта, предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 228 ХПК РБ и дополнить ее предложением следующего содержания: «... если об этом не ходатайствует заявитель».

Об исполнении решения экономического суда должно быть сообщено в экономический суд или заявителю в срок не более одного месяца со дня получения решения.

В последнее время проблема недействительности сделок приобретает все большую актуальность, поскольку число исков о признании сделок недействительными возрастает [3, с. 102].

В соответствии с ч. 1 ст. 66 ХПК РБ прокурор предъявляет иск о признании недействительными сделок, совершенных государственными органами, органами местного управления и самоуправления, государственными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном фонде которых есть доля государственной собственности, в целях защиты государственных и общественных интересов. Из анализа указанной нормы следует, что прокурор компетентен обращаться в экономический суд с иском о признании сделки недействительной только в случае, если сделка совершена указанными субъектами. Если же сделка совершена иными субъектами, то прокурор не компетентен обращаться в экономический суд с иском о признании сделки недействительной.

При предъявлении данных исков прокурор должен четко представлять, что является недействительной сделкой. В соответствии с ч. 1 ст. 167 ГК РБ определено, что сделка является недействительной по основаниям, установленным ГК либо иными законодательными актами, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). В соответствии с п. 2 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда РБ от 28 октября 2005 г. № 26 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок» [5], ничтожная сделка является недействительной в силу факта несоответствия ее требованиям законодательства. Она недействительна в момент ее совершения независимо от признания ее таковой судом.

Прокурор (ч. 1 ст. 66 ХПК РБ) имеет право выступать в защиту государственных и общественных интересов. Таким образом, наличие или отсутствие процессуального интереса определяется специальным указанием на него в нормах закона. Согласно п. 4 постановления № 26 в случае установления в ходе судебного разбирательства отсутствия у прокурора права на предъявление иска о признании оспоримой сделки недействительной, экономический суд отказывает в удовлетворении исковых требований.

Исковое заявление прокурора о признании недействительными сделок должно отвечать требованиям ст. 159, 160 ХПК РБ. При этом ч. 4 ст. 159 ХПК РБ предусмотрено, что в исковом заявлении прокурора должно содержаться обоснование, в чем заключается государственный или общественный интерес. Если такого указания нет (ч. 1 ст. 162 ХПК РБ), экономический суд оставляет исковое заявление без движения.

Процессуальный интерес прокурора при предъявлении иска о применении последствий недействительности сделки обусловлен именно необходимостью защиты государственных и общественных интересов, которые могут, в частности, состоять в судебном признании сделки недействительной, в обращении всего полученного по сделке в доход государства [4, с. 105].

Таким образом, анализ порядка защиты прокурором государственных и общественных интересов в экономическом суде первой инстанции позволяет сделать вывод о том, что ХПК РБ, указывая на полномочие прокурора обращаться в экономический суд в целях защиты государственных и общественных интересов, расшифровывает способы такого обращения: а) путем подачи заявления о признании недействительным ненормативного правового акта государственных органов, органов местного управления и самоуправления; б) путем подачи заявления о признании недействительными сделок, совершенных государственными органами, органами местного управления и самоуправления, государственными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном фонде которых есть доля государственной собственности, в целях защиты государственных и общественных интересов. А также в целях более эффективного использования прокурором своих прав при подаче заявления об оспаривании ненормативного правового акта, предлагаем внести изменения в ч. 2 ст. 228 ХПК РБ и дополнить ее предложением следующего содержания: «... если об этом не ходатайствует заявитель».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г.: одобрен Советом Республики 26 ноября 1998 г.: текст Кодекса по сост. на 26.01.2016 г. // Консультант Плюс: Республика Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2000 г., № 361-З: по сост. на 2 июля 2009 г. // Консультант Плюс: Республика Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

3. Гашпар, Т. В. Участие прокуроров в хозяйственном процессе – эффективное средство укрепления законности и предупреждения правонарушений в экономической

сфере / Т. В. Гашпар // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 101-105.

4. Тузов, Д. Некоторые проблемы практики применения ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации арбитражными судами / Д. Тузов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 10. – С. 89-105.

5. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 28 октября 2005 г., № 26 // Консультант Плюс: Республика Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

А. И. КОВАЛЬ

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

В последние десятилетия транспортная система Республики Беларусь активно развивается. Это обусловлено множеством различных факторов, в частности экономическими, а также процессами углубления отношений между государствами, возрастающим товарооборотом. Автомобильный транспорт играет ключевую роль в развитии транспортной системы страны. Все большее число граждан приобретает автомобили в собственность, не смотря на то, что это является одним не из дешевых удовольствий, однако уже более доступным, чем в прошлом времени.

Из истории известно, что в Беларуси первый автомобиль появился в 1895 году, который приобрел Ковенский округ путей сообщения. Именно с этого года количество автомобилей начало стремительно расти. Что касается настоящего времени, то одной из лидирующих позиций среди столиц государств СНГ по насыщенности автомобилями занимает город Минск.

Однако, к сожалению, практика свидетельствует, что дисциплина на дорогах еще далека от идеала. По оценкам специалистов потери, связанные с аварийностью, в несколько раз превышают ущерб от железнодорожных катастроф, пожаров и других видов несчастных случаев. Несмотря на проводимую профилактическую работу среди автолюбителей, иных лиц, эксплуатирующих транспортное средство, повышение требовательности при решении вопроса о допуске к управлению, меры убеждения в полной мере не дают необходимого позитивного результата [1, с. 468]. Поэтому приходится использовать меры принуждения, использование которых следует отметить еще в 1906 году, когда произошла первая автокатастрофа в Минске, в ходе которой гражданин Фёдоров, взявший разрешение на перевозку пассажиров, врезался в телеграфный столб на Подгорной улице (в настоящее время – улица Карла Маркса). В результате такого столкновения пассажиры были выброшены на мостовую, а один из них был тяжело ранен. После такого инцидента таксомоторными перевозками снова смогли заняться только осенью 1912 года, так как были установлены соответствующие запреты, которые выражали наличие юридической ответственности за соответствующее деяние [2].

Административная ответственность является одним из наиболее распространенных видов юридической ответственности. Ежегодно в нашем государстве совершается около трех миллионов административных правонарушений. В частности, по предоставленным Министерством внутренних дел статистическим данным, в республике в первом полугодии 2016 года органами внутренних дел зарегистрировано 1756,1 тыс. административных правонарушений, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания. По отношению к уровню первого полугодия 2015 года это составляет 100,9 %. Но стоит отметить и положительную тенденцию, следствием которой, возможно, являются организационные и практические меры по поддержанию правопорядка и общественной безопасности, принимаемые органами внутренних дел, а также все возможные профилактические меры.

Так в соответствии со статистическими данными Министерства внутренних дел за распитие алкогольных напитков в общественном месте вынесено 155,8 тыс. административных взысканий (в первом полугодии 2015 года – 172,4 тыс.), а за мелкое хулиганство – 51,5 тыс. (в первом полугодии 2015 года – 55 тыс.).

Однако не за всеми правонарушениями отслеживается такая тенденция, так за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта было вынесено больше административных взысканий в сравнении с 2015 годом, в частности, за превышение скорости движения в первом полугодии 2016 года – 589,2 тыс. административных взысканий, а в первом полугодии 2015 года их было 575,3 тыс.

На основании изложенного можно заметить, что, в структуре административных правонарушений значительное число занимают нарушения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, они составляют почти одну треть от всех правонарушений в целом. И это не удивительно, ведь транспортное средство является источником повышенной опасности. Очень важно при управлении им проявлять внимательность и осторожность, исключать, так называемое «лихачество», понятие которого, например, в некоторых странах, законодательно закрепляется, как автохулиганство, а также управление в нетрезвом состоянии. В настоящее время за такие действия в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) предусмотрена административная ответственность, а за повторность Уголовным Кодексом Республики Беларусь предусматривается уголовная. Так по оперативным данным Управления Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел, в первом полугодии 2016 года в республике зарегистрировано 1531 дорожно-транспортное происшествие, повлекшее гибель или ранение людей. В сравнении с 2015 годом отмечается положительное уменьшение таких происшествий, в частности это составляет на 14,1 % меньше.

Необходимо отметить и тот факт, что по вине водителей, находящихся в нетрезвом состоянии, совершается огромное количество дорожно-транспортных происшествий, влекущих гибель, а также причинение телесных повреждений различной степени тяжести не только совершеннолетних лиц. Так в первом полугодии 2016 года в дорожно-транспортных происшествиях пострадало 154 ребенка, из них 5 детей погибло. Для предотвращения этого очень важно обеспечивать безопасность движения и надлежащую эксплуатацию транспорта.

Безопасность дорожного движения – это состояние дорожного движения, обеспечивающее минимальную вероятность возникновения опасности для движения и дорожно-транспортного происшествия. В обеспечении безопасности дорожного движения главная роль принадлежит водителю. В частности от его подготовленности,

знания Правил дорожного движения, законодательства в этой сфере и, самое главное, их соблюдения, умения и мастерства зависит безопасность на дорогах. На законодательном уровне для урегулирования общественных отношений, возникающих в этой сфере, в КоАП Республики Беларусь предусмотрена глава 18, в которой имеется перечень правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Рассмотрим один из наиболее часто встречающихся составов административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а именно управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования) [3, ст. 18.16].

Объектом данного правонарушения является установленное законодательством требование о запрете управления транспортными средствами в состоянии алкогольного или иного опьянения.

Следует отметить, что каждое четвертое дорожно-транспортное происшествие совершается по вине водителей в нетрезвом состоянии. Это объясняется тем, что под влиянием алкоголя или наркотиков нарушаются важнейшие функции организма водителя, снижается реакция, возникает излишняя самоуверенность, пренебрежительное отношение к соблюдению правил дорожного движения.

Согласно статистическим данным Министерства Внутренних Дел по вине водителей, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, в первом полугодии 2016 года в республике произошло 136 дорожно-транспортных происшествий (на 45,8 % меньше, чем в первом полугодии 2015 года), а 11,7 тыс. водителей были привлечены к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения (на 7,8 % меньше). Именно поэтому стоит отметить важность проведения такого процессуального действия, как проведение освидетельствования, так как управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, представляет повышенную общественную опасность.

Проведение освидетельствования установлено статьей 10.14 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – ПИКоАП Республики Беларусь), а также п. 9.2 Правил дорожного движения, в соответствии с которым по требованию сотрудника ГАИ водитель обязан пройти в установленном порядке проверку (освидетельствование) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного употреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ [4, с. 241].

Освидетельствование – совокупность действий должностного лица, производимых при необходимости с участием врача или иного специалиста по выявлению наличия или отсутствия состояния опьянения у физического лица, если для этого не требуется проведения экспертизы.

Следует отметить, что в соответствии с пунктом 4 Положения «О порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 2011 г. № 497 (далее – Положение № 497), первоначальное освидетельствование проводится должностным лицом органа, ведущего административный процесс, с использованием приборов, предназначенных для определения концентрации паров

абсолютного этилового спирта в выдыхаемом воздухе и (или) экспресс-тестов (тест-полосок, экспресс-пластин). Далее должностное лицо должно составить протокол процессуального действия, удостоверяющий обстоятельства и факты, установленные должностным лицом в ходе освидетельствования, и на основании результатов использования им приборов и (или) экспресс-тестов вынести заключение.

Однако стоит отметить, что не всегда эти нормы соблюдаются, не все необходимые действия для точного исполнения закона выполняются.

Таким образом, можно выделить следующие довольно часто встречающиеся нарушения:

- 1) не проводится первоначального освидетельствования прибором или экспресс-тестом, при условии наличия данных инструментов у должностных лиц;
- 2) не составляется протокол процессуального действия, в котором не отражаются совокупность достаточных оснований для проведения освидетельствования.

Вышеуказанные нарушения могут указывать на то, что проведение освидетельствования на предмет нахождения водителя в состоянии алкогольного опьянения и вследствие этого его результаты не могут быть положены в основание привлечения лица к административной ответственности за данное правонарушение, так как являются недопустимым доказательством.

Согласно ст. 8.11. ПИКоАП Республики Беларусь в случае выявления инспектором государственной автомобильной инспекции у водителя признаков алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ – он обязан на месте остановки транспортного средства отстранить такого водителя от управления. Данное положение было установлено еще в Кодексе об административных правонарушениях 1984 года в статье 245, однако в данной статье не был конкретизирован характер опьянения, что в действующей редакции как раз было изменено. Нет определенной конкретики в отношении характера опьянения и в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации. Данное не закрепление прослеживается, возможно, потому, что общеизвестным является, что опьянение может быть следствием приема алкоголя, спиртосодержащих веществ, некоторых видов лекарств, наркотиков, психотропных веществ, а равно и вследствие воздействия каких-либо токсических и иных одурманивающих веществ, которые относятся к их аналогам, а определить истинный вид и степень опьянения может лишь специалист, так как для этого необходимы специальные знания и медицинские исследования.

Далее, в соответствии со ст. 10.14 ПИКоАП Республики Беларусь, физическое лицо, отстраненное от управления транспортным средством, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ, подлежит освидетельствованию в порядке, устанавливаемом законодательством Республики Беларусь [5, ст. 10.14].

В данных статьях четко указано на то, что сначала освидетельствование проводится на месте и только при необходимости может быть предложено пройти проверку в больнице с участием врача. Согласно ст. 18.16 КоАП Республики Беларусь наказание наступает только в случае отказа от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств,

психотропных, токсических или других одурманивающих веществ. А установленный порядок предусматривает, что освидетельствование проводится должностным лицом.

Данный порядок очень часто нарушается. Очень важно отметить также то, что нет обязанности проходить медицинское освидетельствование до факта составления инспектором государственной автомобильной инспекции направления на медицинский осмотр. Более того, во всех случаях врачу, производящему освидетельствование, должны быть сообщены причины, вызвавшие необходимость освидетельствования, и его цели. То есть перед тем, как провести само освидетельствование, инспектор обязан составить протокол и направление, где указать дату и время остановки, и выявленные признаки опьянения.

Также важным является то, что сам закон (КоАП Республики Беларусь) устанавливает одинаковое наказание за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии и за так называемый отказ от освидетельствования на состояние опьянения. В данном случае получается, что человека обязывают предоставлять доказательства против самого себя и наказывают, если он их предоставлять отказывается, что является несомненным противоречием Конституции Республики Беларусь, в частности согласно статье 27 никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. Право человека на отказ от самообвинения является важнейшей конституционной гарантией. При этом речь идет о показаниях и объяснениях, которые могут быть потребованы как в рамках уголовно-процессуального, так и иного законодательства.

Интересным является также то, как производится проверка водителя на состояние опьянения в зарубежных странах. В частности, в Великобритании, Германии, Дании, Италии полиция имеет право производить остановку транспортных средств для проверки водителя на состояние опьянения в порядке профилактики нарушений в любое время без наличия дополнительных оснований. Проведение массового контроля является обязанностью полиции.

В некоторых странах (Бельгия, Испания) профилактические проверки проводятся при осуществлении специальных операций. Подобные мероприятия достаточно эффективны. Например, в Финляндии за последние 10 лет увеличение числа проверок позволило снизить количество дорожных транспортных происшествий с погибшими по вине нетрезвых водителей почти в два раза, практически 40 % водителей проверяются в течение года. Возможность проведения таких массовых или выборочных проверок водителей на состояние опьянения позволяет предупреждать совершение нарушений, так как способствует реализации принципа неотвратимости наказания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, не смотря на большое количество норм, которые регулируют вопросы административной ответственности за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта, в законодательстве Республики Беларусь все же имеются несовершенства и спорные моменты, как в теоретической составляющей, так и в практической.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, Г. А. Административно-деликтное право [Текст] : [учеб.пособие] / Г. А.Василевич, С. Г.Василевич, С. В.Добрмян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.

2. История Правил дорожного движения [Электронный ресурс] / А. В. Течушева. – Минск, 2010. – Режим доступа : <http://pdd.by/pdd/history>. – Дата доступа : 30.10.2016.

3. Кодекс об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003г., № 194-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2008 г., № 372-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Круглов, В. А. Административно-деликтное право / В. А. Круглов. – Минск : Амадфея, 2006. – 388с.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., № 194-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2008 г., № 320-3 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Я. И. КУНАХОВЕЦ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

В теории административного права и в правоприменительной практике институт административной ответственности имеет важнейшее значение, так как собственно определяет отрасль права и метод его правового регулирования. В административном праве, равно как и в других отраслях права, применяются меры административно-правового принуждения, где центральное место занимает административная ответственность как одна из форм осуществления административно-правового принуждения, которое следует рассматривать как «особый вид государственного принуждения, состоящий в применении субъектами функциональной исполнительной власти, установленных нормами административного права принудительных мер в связи с неправомерными действиями» [4, с. 12].

Меры административного принуждения применяются только в порядке установленным законодательством, соответствующими компетентными органами и направлены на обеспечения правопорядка. На основании этого можно сделать вывод, что категория «административно-правовое принуждение» имеет более широкое содержание, чем административно-правовая ответственность. Так, при обеспечении безопасности дорожного движения органы внутренних дел применяют не только меры административной ответственности как форму административно-правового принуждения, но и ряд других мер, например досмотр транспортных средств, принудительное медицинское освидетельствование, проверка документов на право эксплуатации транспортного средства, которые являются административно-предупредительными мерами и сами по себе не являются формой административно-правовой ответственности. Таким образом, административная ответственность является одной из форм осуществления административно-правового принуждения, которое направлено не только на административное наказание правонарушителей и пресечение правонарушений, но и на предупреждения правонарушений.

Административно-предупредительные меры предназначены для предупреждения правонарушения, недопущения вредных последствий, то административные взыскания применяются, при совершении административного правонарушения. Административное взыскание отличается от иных мер административного принуждения, прежде всего, своей функционально-целевой направленностью, так как являются материальным выражением административной ответственности. Действующее законодательство определяет цели административного взыскания как воспитание правонарушителя, предупреждение совершения правонарушений другими лицами и восстановление справедливости, основанием для взыскания с физического или юридического лица возмещения вреда в порядке, предусмотренном законодательством Республики Беларусь (ст. 6.1 КоАП) [1]. Таким образом, применение мер взыскания преследует воспитание правонарушителя в духе закона. Взыскание является средством воздействия на его сознание, которое заключается в стимулировании правомерного поведения.

Основанием административной ответственности является административное правонарушение, а мерой административной ответственности административное взыскание. По нашему мнению, административные взыскания проявляются в форме психического или физического воздействия и всегда обращены к сознанию субъекта.

Система административных взысканий, определена нормами ст. 6.2 КоАП, которая содержит закрытый перечень административных взысканий, применяемых за совершение правонарушений, предусмотренных нормами особенной части КоАП [1]. В отношении правонарушений в области безопасности дорожного движения наиболее применяемыми являются штраф, предупреждение и лишение специального права. Система административных взысканий имеет ряд специфических признаков: она является единственным законодательно установленным перечнем административных взысканий. За одно административное правонарушение могут быть наложены основное либо основное и дополнительные административные взыскания из числа, указанных в санкции статьи Особенной части КоАП. Система административных взысканий позволяет учитывать характер проступка и личность нарушителя и оказывает на последнего влияние различными способами: через моральное воздействие (предупреждение), через денежные и иные имущественные санкции (штраф), а также воздействуя на личность нарушителя (лишение специального права).

Предупреждение как административное взыскание достаточно широко применяется в области безопасности дорожного движения. Применение принуждение предусмотрено нормами ч. 1,3,4,5,8 ст. 18.12 КоАП за нарушение правил эксплуатации транспортного средства; ч. 1-7 ст. 18.14 КоАП за невыполнение требований сигналов регулирования дорожного движения, нарушение правил перевозки пассажиров или других правил дорожного движения; ст. 18.18 КоАП за отсутствие документов, подтверждающих право управления соответствующим транспортным средством [3, с. 275].

По своему содержанию предупреждение как административное наказание представляет собой карательную санкцию исключительно морального характера, поскольку выражается, по сути, в официальном (от имени государства) и легальном причинении правонарушителю морального вреда.

Слово «штраф», происходит из немецкого языка и означает денежное взыскание и меру имущественного воздействия на лицо, виновное в нарушении определенных правовых норм. В соответствии с нормами ст. 6.5 КоАП штраф является денежным взысканием, размер которого определяется в белорусских рублях исходя из базовой

величины, установленной законодательством Республики Беларусь на день вынесения постановления о наложении административного взыскания. Штраф как мера административного взыскания характеризуется государственным принуждением, ущемлением имущественных интересов тех к кому он применяется, единовременностью взыскания.

Таким образом, штраф способствует предупреждению новых правонарушений.

Штраф является наиболее распространенным административным взысканием в области безопасности дорожного движения. Исходя из этого, законодатель рассматривает штраф как универсальное административное взыскание, применение которого максимально упрощено, а правовая и экономическая эффективность весьма значительна.

Порядок применения штрафа как административного взыскания определен нормами ст. 6.5 КоАП [1]. Минимальный размер штрафа, исчисляемого в базовых величинах и налагаемого на физическое лицо, не может быть менее одной десятой базовой величины. Максимальный размер штрафа, исчисляемого в базовых величинах, налагаемого на физическое лицо, не может превышать пятидесяти базовых величин, а за нарушение законодательства о труде, в области финансов, рынка ценных бумаг, банковской деятельности и предпринимательской деятельности, порядка налогообложения и управления – двухсот базовых величин.

Лишение специального права является самым суровым из административных взысканий в области безопасности дорожного движения и в соответствии с нормами ст. 6.8 КоАП применяется за грубое нарушение порядка пользования этим правом [2]. Лишение специального права в отношении административных взысканий в области безопасного движения выражается в лишении права управления транспортным средством. То есть представляет собой лишение субъективного права. Это субъективное право определено нормами ст. 26 Закона «О дорожном движении», и заключается в том, что лицо, допущенное по медицинским показаниям к управлению механическим транспортным средством, самоходной машиной, после прохождения в установленном порядке подготовки, переподготовки водителей может быть допущено к сдаче квалификационных экзаменов на право управления механическим транспортным средством [2]. Документом, подтверждающим прохождение подготовки, переподготовки водителей механических транспортных средств (за исключением колесных тракторов), является свидетельство, выдаваемое по форме, утвержденной Министерством транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. Лицу, сдавшему квалификационные экзамены на право управления механическим транспортным средством, самоходной машиной соответствующей категории, предоставляется право управления таким механическим транспортным средством, самоходной машиной и выдается водительское удостоверение.

Действующее административное законодательство предусматривает лишение права управления транспортным средством за совершение следующих правонарушений: ч. 4 ст. 18.13 КоАП, повторное превышение скорости; ч. 8 ст. 18.14 КоАП, нарушение правил обгона и выезд на полосу встречного движения, в случае когда это запрещено правилами дорожного движения; ч. 4 ст. 18.17 КоАП, оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, в случаях, когда это запрещено законодательными актами [1].

Таким образом, применение лишения права управления транспортным средством как административного взыскания ограничено относительно небольшим перечнем статей КоАП и практически во всех случаях.

Административное взыскание является одной из форм административно-правового принуждения, цель которого заключается в наказании и перевоспитании лица, совершившего правонарушение, путем как морального, так и материального воздействия на сознание правонарушителя.

Содержание административного взыскания включает: меру административной ответственности; реакцию и правовую оценку государством совершенного правонарушения; карательные санкции, предусмотренные за совершение правонарушений административным законодательством, применение которых выражается в репрессивном воздействии на правонарушителя [5, с. 24].

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

В области безопасности дорожного движения применяются следующие виды административных взысканий: предупреждение, штраф и лишение права управления транспортным средством. В своей основе они соответственно воздействуют на моральную сферу личности правонарушителя; на имущественное положение правонарушителя; на субъективные права правонарушителя.

Применение данных взысканий возможно как в качестве основных (предупреждение, штраф, лишение специального права), так и в качестве дополнительных (штраф, лишение специального права). Данные административные иерархически связаны и применяются в зависимости от степени общественной опасности правонарушения. Это позволяет дифференцированно применять административные взыскания, с учетом обстоятельств правонарушения и личности правонарушителя, что в свою очередь позволяет сочетать карательные и воспитательные элементы административного взыскания.

На основании этого, полагаем, что норму ст. 6.4 КоАП целесообразно изложить следующим образом: «Предупреждение – мера административного взыскания, выраженная в официальном, письменном предостережении о недопустимости противоправного поведения лица, совершенного по неосторожности административное правонарушение».

Исходя из этого, необходимо исключить ситуацию применения предупреждения как санкции за совершение умышленных административных правонарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апреля 2003 г., № 194-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от от 28.04.2015 № 256-З // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. О дорожном движении: Закон Республики Беларусь от 5 января 2008 года № 313-З (с изменениями и дополнениями) : [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Бахрах, Д. Н. Административное право: Учебник / Д. Н. Бахрах. – М. : Норма, 2000. – 275 с.
4. Бельский К. С. Административная ответственность: генезис. Основные признаки, структура / К. С. Бельский // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 12-20.
5. Лукьянов, В. В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений. Специальные вопросы уголовного и административного права / В. В. Лукьянов. – М., 2008. – 24 с.

Ж. А. ЛУЦЕВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Таможенные органы Республики Беларусь составляют единую систему, являющую собой совокупность таможенных органов в соответствии с их компетенцией и поставленными передними едиными целями и задачами в области таможенного дела. В единую систему таможенных органов входят:

- Государственный таможенный комитет Республики Беларусь;
- таможни.

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее – ГТК) является республиканским органом государственного управления, который проводит государственную таможенную политику, обеспечивает в пределах своей компетенции экономическую безопасность Республики Беларусь, осуществляет регулирование и управление в сфере таможенного дела и координирует в этой сфере деятельность других республиканских органов государственного управления и иных организаций.

В структуру Государственного таможенного комитета Республики Беларусь входят 12 управлений, 1 самостоятельный отдел и 1 группа: Управление организации таможенного контроля, Управление организации борьбы с контрабандой и административными таможенными правонарушениями, Управление развития таможенной инфраструктуры, Управление информационных технологий, таможенной статистики и анализа, Управление организационно-кадровой и идеологической работы, Финансово-экономическое управление, Управление тарифного регулирования и таможенных платежей, Правовое управление, Управление собственной безопасности, Управление организации посттаможенного контроля, Контрольно-ревизионный отдел, Организационно-аналитическое управление, Группа по защите государственных секретов, Управление анализа рисков и оперативного контроля.

Таможни осуществляют свою деятельность на территории определенного региона. Взаимоотношения в системе таможенных органов основываются на принципе сочетания централизации и децентрализации. Каждый нижестоящий таможенный орган подчинен только по вертикали вышестоящим таможенным органам. Вышестоящие таможенные органы направляют и контролируют деятельность нижестоящих, их решения обязательны для нижестоящих таможенных органов. Вместе с тем этот принцип сочетает единое централизованное руководство с инициативой и ответственностью нижестоящих таможенных органов за выполнение возложенных на них функций на подведомственной территории.

Если рассматривать структуру Брестской таможни, то ее возглавляет начальник таможни, который имеет 8 заместителей по различным направлениям деятельности (по экономической работе, по правоохранительной работе, по идеологической работе и т.д.). В структуру Брестской таможни входит 26 отделов (юридический отдел, отдел собственной безопасности, отдел таможенных расследований, отдел по борьбе с контрабандой и административными таможенными правонарушениями и т.д.) и 10 таможенных постов (таможенные посты «Козловичи», «Брест-Центральный», «Варшавский мост», «Песчатка», «Пинск» и т.д.).

Достаточно спорным является существование в структуре таможи отдела собственной безопасности. Проанализируем основные задачи отдела собственной безопасности, к которым относятся: 1) организация и осуществление работы по обеспечению собственной безопасности таможи; 2) предупреждение, выявление и пресечение совершения правонарушений должностными лицами таможенного органа Республики Беларусь; 3) осуществление контроля за соблюдением действующего законодательства должностными лицами таможенного органа Республики Беларусь при исполнении служебных обязанностей; 4) проведение предупредительно-профилактической работы, направленной на выявление и устранение предпосылок, причин и условий, способствующих нарушению действующего законодательства должностными лицами таможенного органа Республики Беларусь при исполнении служебных обязанностей; 5) организация защиты таможенного органа Республики Беларусь от проникновения и посягательств преступных элементов.

Если проанализировать задачи отдела собственной безопасности, то они схожи с задачами контрольно-надзорных органов и органов Республики Беларусь, обеспечивающих государственную безопасность.

Таким образом, отдел собственной безопасности таможи дублирует выполнение этих же задач, но только в структуре таможи. Кроме этого некоторые задачи отдела собственной безопасности аналогичны задачам, которые ставятся перед отделом кадров, отделом идеологической работы, отделом по борьбе с контрабандой и административными таможенными правонарушениями. Стоит отметить, что практика существования отделов собственной безопасности привычка большинству правоохранительных органов Республики Беларусь. Вместе с тем функции этих подразделений очень похожи, но привязаны к деятельности конкретного органа. На наш взгляд, т.к. данная деятельность является контрольно-надзорной, считаем перспективным ликвидацию отделов собственной безопасности таможенных органов с передачей части задач соответствующим отделам, в чью компетенцию входит решение данных вопросов. Также в перспективе считаем актуальным вместо существующих отделов собственной безопасности в структуре органов государственного управления создание отделов по контролю и надзору за деятельностью органов государственного управления в структуре соответствующих областных прокуратур (и прокуратуры г. Минска) и управлений Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Данное разделение позволит обеспечить более продуктивный контроль и надзор за деятельностью органов государственного управления, а также возможность противодействия проявлениям коррупции в системе органов государственного управления, т.к. собственная безопасность в данном случае обеспечивается не изнутри, а путем воздействия сторонним субъектом, который обладает на это полномочиями в силу уже существующих норм.

О. А. МАКСИМУК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Статья 6.1 КоАП Республики Беларусь определяет административное взыскание как меру ответственности, применяемой в целях воспитания лица, совершившего

административное правонарушение, в духе соблюдения законов, уважения к правилам общежития, а также предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

В статье 6.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлен перечень административных взысканий, которые могут быть применены к лицу, совершившему правонарушение, а именно:

- 1) предупреждение;
- 2) штраф;
- 3) исправительные работы;
- 4) административный арест;
- 5) лишение специального права;
- 6) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- 7) конфискация;
- 8) депортация;
- 9) взыскание стоимости предмета административного правонарушения [1].

Особое место среди административных взысканий занимают исправительные работы.

Статьей 6.6 КоАП Республики Беларусь предусмотрен такой вид административной ответственности, как исправительные работы, которые назначаются на срок от одного до двух месяцев и отбываются по месту постоянной работы лица, совершившего административное правонарушение.

Исправительные работы не могут быть назначены беременным женщинам, инвалидам I и II групп, лицам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, женщинам в возрасте старше 55 лет и мужчинам в возрасте старше 60 лет, несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, военнослужащим, проходящим службу в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях, военнообязанным во время прохождения сборов, а также лицам начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов финансовых расследований, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям.

Отбываются исправительные работы по месту постоянной работы виновного: на предприятии или в организации независимо от формы собственности (государственной, частной и др.).

Часть заработка (не более 20 %) нарушителя удерживается в доход государства. Размер вычета определен в процентах, а не в твердой сумме, т.е. реальный размер вычета зависит от величины заработка. Удержания не производятся из пенсий и пособий, получаемых в порядке социального обеспечения и страхования, а также из выплат единовременного характера.

Применение исправительных работ, помимо материальных потерь, предусматривает для нарушителя и другие ограничения: невозможность в течение срока отбывания исправительных работ уволиться по собственному желанию; время отбывания не засчитывается в общий трудовой стаж, дающий право на получение ежегодного отпуска, надбавок к заработной плате за выслугу лет и других льгот.

Срок отбывания исправительных работ начинает исчисляться со дня получения администрацией предприятия, организации, где работает нарушитель, копии постановления судьи по делу, которым нарушителю определено это взыскание. Если нарушитель находится в очередном отпуске, то началом срока отбывания наказания должен считаться первый день его выхода на работу.

Нарушитель обязан отбыть исправительные работы до полной отработки положенного количества рабочих дней. В этот срок засчитывается время, в течение которого нарушитель не работал по уважительным причинам, и ему в соответствии с законом выплачивалась зарплата. Также засчитывается время болезни или предоставленное для ухода за больным, время, проведенное в отпуске по беременности и родам. Не засчитывается время болезни, вызванной опьянением или действиями, связанными с опьянением [2, с. 407].

Характерным для белорусского административного права является то, что санкции ни одной из статей Особенной части КоАП Республики Беларусь не содержат такой вид административного взыскания как исправительные работы. В этом состоит специфика данного вида административного взыскания. Применение исправительных работ как меры административной ответственности связано с действием норм УК Республики Беларусь. Это означает, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности посредством наложения на него административного взыскания в рамках исправительных работ [3].

Назначение исправительных работ допускается за совершение довольно ограниченного круга административных проступков. Поэтому необходимо отличать исправительные работы как административное взыскание от такого же наказания, предусмотренного Уголовным кодексом. Последнее влечет за собой судимость и назначается приговором суда на срок от шести месяцев до двух лет. Об этом говорится в статье 52 Уголовного кодекса Республики Беларусь [4]. Исправительные работы как мера административной ответственности не предусматривают судимости и не являются основанием для увольнения с работы

Исправительные работы как вид наказания заключаются в ущемлении имущественных прав осуждённого путём удержания в доход государства части его заработка в течение определённого судом срока. Безусловно, наказание в виде исправительных работ ограничивает одно из важнейших конституционных прав – право на труд [5].

Таким образом, административное взыскание, выражая отрицательную оценку государством совершенного правонарушения, тем не менее содержит в себе предупредительную и профилактическую направленность. Это относится и к тем лицам, к которым наказание не применялось. При этом воспитание лица, совершившего административное правонарушение, не провозглашается целью наказания, хотя и предполагает позитивные изменения, направленные на соблюдение законов и правопорядка. Степень достижения целей зависит от экономических, социальных, психологических и иных факторов и находит свое выражение в комплексе мер со стороны как государства, так и общества в целом.

Административное взыскание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица.

При этом административное взыскание по своей природе может объективно причинить как физический, так и психологический дискомфорт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 63. – 2/946.1999 г., № 275–3 (в ред. от 12 июля 2013 г.

№ 60-3) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.

2. Административное право Республики Беларусь : курс лекций / И. И. Мах. — Минск : Амалфея, 2008. — 704 с.

3. Василевич, С. Г. Исправительные работы в системе административных взысканий / С. Г. Василевич [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream>. — Дата доступа : 16.10.2016.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 2 сент. 2015 г. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. — 320 с.

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. — 64 с.

А. В. МАЛАЙЧИК, О. Я. СЛИВКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Прежде всего, следует дать чёткое определение «обязанностей государственного служащего». Под обязанностями государственного служащего понимаются установленные законодательством определенного государства, обязательства систематического осуществления служебных действий, определяющих в своей совокупности содержание профессиональной деятельности государственного служащего по обеспечению исполнения полномочий государственных органов.

Что касается нашего государства, то служебные обязанности предоставлены для осуществления служебной деятельности по занимаемой должности. Подобные обязанности многообразны, и их можно разделить три группы: общие (присущие всем государственным служащим), специальные (связанные с особенностями службы в том или ином органе) и профессиональные (связанные со спецификой занимаемой должности).

К основным обязанностям государственного служащего относятся: поддерживать конституционный строй Республики Беларусь, обеспечивать неукоснительное соблюдение норм Конституции Республики Беларусь и иных актов законодательства; исполнять служебные обязанности в пределах полномочий, предоставленных ему законодательством; соблюдать ограничения, связанные с государственной службой, установленные Конституцией Республики Беларусь, настоящим Законом и иными законодательными актами; обеспечивать соблюдение и защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц; исполнять в установленном законодательством порядке приказы, распоряжения руководителей, изданные в пределах их компетенции; не допускать действий и поступков, порочащих государственную службу и несовместимых с занятием государственной должности.

Конкретные обязанности государственных служащих определяются на основе соответствующих квалификационных характеристик и закрепляются в должностных

положениях и инструкциях, утверждаемых руководителями государственных органов в пределах их компетенции, если иное не предусмотрено законодательными актами [1].

В США работа в государственных учреждениях приравнивается к занятию в любой другой сфере деятельности. Должности в государственной администрации классифицируются в зависимости от квалификации и выполняемых задач. Социальный статус государственных служащих различается видом государственной должности – карьерная или патронажная, зависит от выполняемых функций – на постоянной или временной основе, и от уровня управления – федеральная, штатная или местная. Соответственно, различается комплекс прав, обязанностей и ответственности.

Обязанности государственных служащих в общих чертах закреплены в так называемом Кодексе этики государственной службы, утвержденном резолюцией конгресса США в 1958 г. «Каждое лицо, состоящее на государственной службе должно»: ставить преданность высшим моральным принципам и государству выше преданности, отдельным лицам, партии или государственным органам; поддерживать Конституцию, законы и постановления Соединенных Штатов и всех органов государственной власти и никогда не поддерживать тех, кто уклоняется от их исполнения; прилагать необходимые усилия и старание к выполнению своих обязанностей; стараться находить и применять наиболее эффективные и экономичные способы решения поставленных задач; никогда не осуществлять дискриминацию путем предоставления кому-либо специальных благ и привилегий, как за вознаграждение, так и без, и никогда не принимать для себя лично либо для своей семьи благ или подарков при обстоятельствах, которые могут быть истолкованы как средство воздействия на исполнение должностных обязанностей; никогда не использовать при исполнении должностных обязанностей конфиденциально полученную информацию для извлечения личной выгоды; соблюдать эти принципы, сознавая, что государственная должность является выражением общественного доверия и т.д. [3, с. 54].

Что касается обязанностей государственного служащего во Франции, то они делятся на две группы: служебные обязанности, которые чиновник обязан добросовестно выполнять, и так называемые обязанности по статусу: проявлять сдержанность, лояльность, соблюдать достоинство, беспристрастность, умеренность.

Помимо этого, обязанности, прежде всего, предполагают, что служащие все свое рабочее время должны посвящать служебной деятельности. Они не имеют права совмещать свою работу с работой в другом государственном учреждении, а тем более в частном секторе. Совместительство запрещено законом за единственным исключением: преподаватели вузов могут совмещать свою работу с обязанностями депутатов Национального собрания [3, с. 103].

Служащие обязаны повиноваться своему начальству, особенно это касается военнослужащих. В Законе Франции 1983 г. говорится: «Каждый служащий обязан следовать указаниям своего начальника, кроме случаев, когда отданное распоряжение является явно незаконным и может причинить серьезный ущерб общественным интересам». Если с законностью указания для служащего не все ясно и возможный ущерб от его исполнения не является достаточно серьезным, чиновник обязан подчиниться приказу начальника, и вся вина перекладывается на начальство.

Также по закону служащие обязаны хранить как профессиональную тайну (врачебную, налоговую, военную, секреты национальной безопасности) под страхом уголовного наказания, так и служебную тайну (например, сведения об исследовательских проектах), за нарушение которой они могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. Чтобы не прикрывалось служебной тайной плохое

управление, общественность, выступившая за создание гласной администрации, добилась возложения Законом Франции 1978 г. на органы управления обязанности предоставления заинтересованным лицам доступа к управленческой документации и информирования общественности о существе и порядке работы администрации. В законе, однако, имеются многочисленные исключения - такие, как военная и дипломатическая тайна, медицинские документы. [2, с. 97].

Основные обязанности государственных служащих ФРГ определяются принципами публично-правовых служебных отношений. Чиновник обязан выполнять все распоряжения своего руководителя; он несет личную ответственность за правомерность своих действий по исполнению должностных обязанностей. Если служащий сомневается в законности распоряжений своего начальства, он обязан немедленно сообщить об этом своему непосредственному руководителю. Если его сомнения не развеяны, чиновник имеет право обращения к вышестоящему руководителю. При этом подтверждение распоряжения для чиновника должно быть дано в письменном виде.

Каждый государственный служащий при поступлении на службу обязан дать присягу. Чиновник обязан строго соблюдать государственную и служебную тайну. По истечении срока служебных отношений обязанность держать в тайне сведения, ставшие известными ему в процессе работы, сохраняется. Без разрешения руководства государственный служащий не имеет права давать показания в суде или делать публичные заявления в СМИ по поводу государственной службы. Сведения для прессы вправе давать только руководитель учреждения и пресс-служба [2, с. 112].

Таким образом, как мы видим, обязанности государственного служащего на примере законодательства США, Франции и ФРГ по большей части не отличаются от нашего законодательства. Государственный служащий должен соблюдать и поддерживать конституционный строй, должен соблюдать установленные в государственном органе регламенты, правила внутреннего распорядка, должностные положения и инструкции. Да, это действительно обязанности государственного служащего, качественно исполняющего свой профессиональный долг.

Следует подчеркнуть, что в отличие от США и Германии, где господствует концепция специализации служащего в госаппарате, во Франции преобладают положения о необходимости широкой подготовки для выполнения как административных, так и технических функций. Французская государственная служба стремится подбирать чиновников с достаточно высоким уровнем общей культуры, способных выполнять самые различные функции.

В политической же области французская правовая доктрина представляет наиболее выраженный характер. Благодаря общему статусу французские чиновники пользуются большими политическими правами и свободами, чем государственные служащие Германии и США. Например, западногерманское, американское и английское право предполагает обязанность верности чиновников государственной власти. Иначе говоря, административное право этих стран регулирует не только профессиональную деятельность чиновников, но и их политическую лояльность. Во Франции, напротив, в личном деле чиновников не может быть упоминания о его политических, религиозных или философских взглядах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Беларусь «О государственной службе» от 14 июня 2016 г. № 204 : с изм. и доп. : Закон от 2 июня 2009 г. № 20-3// Национальный правовой

Интернет-портал Республики Беларусь. – 2009г. – № 136 – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 15.11.2016.

2. Василенко, И. А. Административно-государственное управление в странах Запада : США, Великобритания, Франция, Германия : учебное пособие / И.А. Василенко.– М., 1998. – 187 с.

3. Литвинцева, Е. А. Государственная служба в зарубежных странах : учебное пособие / Е. А. Литвинцева – М. : Изд.-во РАГС, 2013. – 129 с.

В. Э. МАНЕЦ, Д. О. ПОЛУЯН

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**КВАЛИФИКАЦИЯ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В Республике Беларусь особое место занимает защита собственности от различного рода правонарушений. Законодательство за посягательство на данное право предусматривает уголовную и административную ответственность. Распространенным видом посягательства на право собственности является хищение. В законодательстве Республики Беларусь такой вид правонарушения, как мелкое хищение, закреплен в статье 10.5 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП). В данной статье говорится, что мелкое хищение – это хищение имущества путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебным полномочием, присвоение или растраты, а равно покушение на такое хищение [1]. В примечание данной статьи говорится, что хищение имущества юридического лица в сумме, не превышающей десятикратного размера базовой величины, установленного на день совершения деяния, за исключением хищения ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию Республики Беларусь или СССР, а также хищение имущества физического лица в сумме, не превышающей двукратного размера базовой величины, установленного на день совершения деяния, за исключением хищения ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию Республики Беларусь или СССР либо хищения, совершенного группой лиц, либо путем кражи, совершенной из одежды или ручной клади, находившихся при нем, либо с проникновением в жилище [1].

Отличие мелкого хищения в КоАП, от хищения в Уголовном Кодексе, где под хищением в применение к главе 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь говорится, что хищение – умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники (далее – УК) [2].

В качестве предмета совершаемого правонарушения выступает чужое имущество. Стоимость похищенного определяется по государственным розничным ценам. Если розничная цена на похищенное имущество отсутствует, то его стоимость определяется в соответствии с указаниями о порядке исчисления цен, действующими в Республике Беларусь. В некоторых случаях – на основании проведения экспертизы. Некоторые предметы не образуют состав мелкого хищения: психотропные вещества, наркотические средства и др. Подобные деяния будут квалифицироваться в

соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь, поскольку представляют серьезную угрозу общественной опасности. При решении вопроса, является ли хищение мелким, кроме стоимости похищенного, необходимо учитывать его количество (вес, объем). Так же Совет Министров Республики Беларусь 13 января 2003 г. принял Постановление № 22 «О размере вреда, причиненного государственному имуществу» [3].

В статье 10.5 КоАП Республики Беларусь объективная сторона мелкого хищения представлена в активном действии в форме кражи, мошенничества, злоупотребления служебным полномочием, присвоения и растраты. Однако данное преступление возможно и в пассивной форме. Например, виновному известно, что продавец магазина «Мила», выдал лишнюю сдачу 20 рублей и виновный скрывает это, тем самым совершая мошенничество путем обмана. И данное преступление состоит в противоправном безведомственном завладении имуществом.

Субъективная сторона мелкого хищения представлена только прямым умыслом и корыстной целью. То есть виновный осознает противоправность завладения чужим имуществом, предвидит причинение материального ущерба и желает его наступления. Корыстью является: обратить чужое имущество в свою пользу. Но иногда бывает не только в таком желание, но и в извлечение какой-либо пользы от хищения. Например, если вор совершает данное хищение для мести за причинённую ему обиду с целью отомстить.

Понятие кражи, мошенничества, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями не прописаны в КоАП Республики Беларусь, поэтому обратимся к УК Республики Беларусь.

Мелкое хищение чаще всего совершается путем кражи. В ст. 205 УК Республики Беларусь под краже понимается тайное похищение имущества [2]. Хищение является кражей, когда оно совершается без очевидцев или в присутствии граждан, но эти граждане не осознают истинного значения действий виновного лица или такие действия совершаются незаметно от них.

Кража считается оконченной с момента изъятия имущества и получения лицом реальной возможности распорядиться или пользоваться им по своему усмотрению.

При мелком хищении, совершаемом путем мошенничества, где закреплено понятие в статье 209 УК Республики Беларусь и говорится, что мошенничество – завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [2].

Хищение, совершенное путем присвоения, заключается в невозвращении имущества соответствующему лицу и в установлении виновным над этим имуществом своего неправомерного владения с целью использования его в качестве своего собственного. В практике существует понятие как «временное позаимствованные». Для оценки деяний хищения или временного позаимствования, необходимо учитывать субъективные факторы, то есть намерение виновного.

В ст. 210 Уголовного Кодекса Республики Беларусь при мелком хищении путем злоупотребления служебными полномочиями имущество находится в завладение должностным лицом имущества либо приобретение права на имущество, совершенное с использованием своих служебных полномочий [2].

В ч. 1. ст. 4.3 КоАП РБ говорится, что субъектом административного правонарушения может быть физическое лицо, достигшее ко времени совершения правонарушения шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом [1]. В частности представленной статьей 10.5

КоАП субъектом правонарушения может быть только лицо, достигшее 14-летнего возраста, вменяемое.

Законодатель при конструировании некоторых преступлений в КоАП определил в качестве обязательного условия совершение второго правонарушения после наложения административного взыскания за первое аналогичное правонарушение. Это правовое явление носит название административная преюдиция.

Смысл административной преюдиции в административном праве, по мнению некоторых авторов, заключается в том, что деяние становится преступлением, если оно совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение.

В соответствии с ст. 32 УК Республики Беларусь под «Административная или дисциплинарная преюдиция» понимается: в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не предусматривающее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение [2].

Отметим, что ст. 10.5 КоАП в настоящее время не является административным правонарушением, образующим административную преюдицию. Однако ранее в УК ст. 213 (ныне исключенной Законом Республики Беларусь от 17.07.2006 № 147-3) была закреплена статья с названием «Повторное мелкое хищение». Под повторным мелким хищением понимается – мелкое хищение имущества юридического лица путем кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения или растраты, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Наказывается общественными работами или штрафам, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев.

В настоящее время повторное совершение мелкого хищения влечет административную ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 10.5 КоАП также совершенные повторно деяния в течение одного года после наложения административного взыскания за те же нарушения [1].

Согласимся с точкой зрения белорусского законодателя и отметим, что в литературе идет дискуссия необходимости административной преюдиции в административном праве. На наш взгляд, значение административной преюдиции заключается в том, что она, с одной стороны, позволяет пресечь на достаточно раннем этапе развитие общественно опасных преступлений правонарушителя, а, с другой, без ущерба для интересов законопослушного населения даст возможность уменьшить уголовную репрессию.

Особенность субъективной стороны преступлений с преюдицией заключается в том, что лицо, зная о применении к нему в прошлом мер административного или дисциплинарного взыскания, всегда действует умышленно, с прямым умыслом. В силу этого в сознание виновным общественно опасного характера своих деяний в качестве обязательного включается элемент сознания им и противоправности этих деяний.

Следует отметить, что проблема административной преюдиции в науке административного права является комплексной, так как находится на стыке уголовного и административного права. Эта ее особенность предполагает, что переход от административного взыскания к наказанию должен быть достаточно гибким.

В качестве санкции к ч.1 ст.10.5 КоАП Республики Беларусь применяются наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин или административный арест [1].

Целью преступления мелкого хищения является незаконное обращение имуществом физического или юридического лица в свою собственность или собственность других лиц.

В последние годы в Республике Беларусь было принято множество законов и других нормативных актов по организации и деятельности органов исполнительной власти. Процессуальные нормы общего характера содержатся по существу лишь в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь, в котором административная процедура лишь частично урегулирована.

Мы предлагаем в законодательство внести следующие изменения.

Минимальный возраст административной ответственности за совершение отдельных видов административных правонарушений достигает 14 лет. В связи с этим, рекомендуем за отдельные административные правонарушения, в частности ст. 10.5 КоАП снизить возраст административной ответственности до 12 лет. При этом осуществлять медицинскую экспертизу для подтверждения вменяемости личности и осознание последствий ею совершения своего деяния на период времени преступления.

Причиной этому по нашему мнению служит точка зрения профессионального психолога, такого как А. Дистервег, который отметил следующие: «Формирование мыслительной деятельности – от 12 до 18 лет. На этом этапе происходит завершение процесса развития мыслительной деятельности. Ребенок уже имеет полностью самостоятельные суждения, умеет анализировать факты и прогнозировать последствия своих действий. Чувственные формы, преобладающие ранее в познавательной деятельности, окончательно замещаются логическим мышлением. Завершается формирование эмоций высшего типа в познавательной, эстетической и нравственной сфере. Особенно бурно нервно-психическое развитие ребенка на данном этапе происходит в период его полового созревания – в 12-15 лет. Резкие изменения в физиологическом развитии ребенка и сопутствующие ему психические изменения получили название кризиса подросткового возраста» [4].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что ребенок в 12 лет полностью осознает последствия своих действий.

Также мы предлагаем, в связи со снижением возраста административной ответственности за правонарушение, ввести в санкцию статьи 10.5 КоАП Республики Беларусь следующие изменения. Дополнить виды административного взыскания за данное правонарушение таким видом взыскания как предупреждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 4 янв. 2016 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 544 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 2 сент. 2015 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 320 с.

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13.01.2003 №22 «О размере вреда, причиненного государственному имуществу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm9/sov074.htm/>. – Дата доступа : 09.10.2016.

4. Все о психическом развитии ребенка. Портал о психологии «Семейная вселенная» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.video->

psiholog.ru/deti_i_podrostki/psihologiya_detey_i_podrostkov/psihicheskoe_razvitie_rebenka.
– Дата доступа: 15.10.2016.

Ю. С. МИХАЛЬЧУК, Ю. М. КУЗИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»

КОДЕКС ЭТИКИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Институциональное государство и общество – это всегда определенный выбор, означающий связанность государства правом и законом. Особая роль в институализации государственности принадлежит государственной службе, которая, будучи основанной на законе и урегулированной институциональным образом, придает прочность иным институтам, компенсирует недостатки как политиков, так и самих государственных служащих [1, с. 61].

Государственные служащие являются особой категорией работников. Их особенность определяется спецификой деятельности государственных органов и организаций, в которых государственные служащие работают. Государственные служащие выполняют функции государственного органа или организации, возложенные на этот орган или организацию государством, решают задачи в экономической, социальной, административно-политической сфере (законодательная, исполнительная и судебная, финансовая деятельность, обеспечение общественного порядка и безопасности, таможенное и банковское дело, налогообложение, защита прав и законны интересов граждан и другое). Все действия государственные служащие осуществляют от имени государства и по его поручению [2, с. 42].

Важность точного и неукоснительного следования интересам государственной службы и наличие повышенных коррупционных рисков в указанной сфере влечет предъявление к государственным служащим повышенных требований и установление определенных ограничений. Поскольку согласно Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности» [3], то в качестве компенсации за особые требования и ограничения законодательством Республики Беларусь о государственной службе предусматривается предоставление льгот и гарантий государственным служащим [4, с. 42].

Одним из действенных механизмов формирования надлежащей нравственности государственных служащих являются специально разработанные правила профессиональной этики, функционирующие в виде присяги, принимаемой лицом при приеме на государственную службу, особого документа, с которым он обязан ознакомиться и т.д. Традиционно стандарты поведения государственных служащих закрепляются в специальных актах, получивших общее название «кодексы поведения государственных служащих» или «кодексы этики».

Кодексы этики выполняют различные функции. Одна из основных функций – предупреждение коррупции путем содействия государственному служащему в выборе

правомерной модели поведения в случае «конфликта интересов» [5, ст. 1, ст. 21]. Роль кодексов этики заключается также в установлении высоких этических стандартов поведения государственных служащих, информировании населения о модели поведения, которую оно вправе ожидать от государственных служащих. В целом кодексы этики способствуют формированию определенного стиля поведения государственного служащего, соответствующего ценностям и принципам государственной службы и общественным ожиданиям.

Кодексы этики приняты в большинстве стран Европы (Франции, Германии, Испании), государствах Британского Содружества, Канаде, США, Японии, Казахстане и во многих других под различными названиями: Этический кодекс, Стандарты поведения, Кодекс правильных практик, Кодекс чести и т. д. Такие кодексы приняты в большинстве стран Европы (Франции, Германии, Испании), государствах Британского Содружества, Канаде, США, Японии, Казахстане и во многих других [6].

Одним из первых кодексов этики являются действующие с 1993 г. в США «Нормы этического поведения государственных служащих исполнительной ветви власти», которые помимо основополагающих обязательств, налагаемых государственной службой, содержат также многие другие правила поведения государственных служащих применительно к «подаркам из внешних источников», «подаркам служащих друг другу», «конфликту финансовых интересов», «поиска другого места работы», «внешней деятельности» и пр. [7].

Кодексы этики большинства стран значительно менее детализированы и лишь закладывают концептуальные основы поведения государственных служащих. Например, вступивший в силу в 1994 г. в Великобритании кодекс поведения для публичных должностных лиц «Семь принципов публичной жизни» включает семь основополагающих идей, которыми следует руководствоваться всем государственным служащим независимо от различий политического, исторического и культурного характера: «самоотверженность», «неподкупность», «объективность», «отчетность», «открытость», «честность», «руководство» [8, с. 23].

В Республике Беларусь на рассмотрение Президента Республики Беларусь в 2003 г. был представлен проект Кодекса этики государственных служащих Республики Беларусь. В октябре 2009 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь направила предложения в Министерство юстиции Республики Беларусь о разработке и принятии Кодекса поведения и этики государственных служащих [6]. Несмотря на то, что Этический кодекс государственного служащего пока не принят, в настоящее время в Республике Беларусь действует ряд так называемых этических кодексов, регламентирующих деятельность отдельных категорий государственных служащих. Среди них особого внимания заслуживают:

- Кодекс чести судьи Республики Беларусь [9];
- Правила профессиональной этики сотрудников общих судов [10];
- Кодекс чести прокурорского работника Республики Беларусь [11];
- Правила профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь [12].

Широко распространенное закрепление стандартов поведения государственных служащих позволяет признавать кодексы этики органичной частью законодательства Республики Беларусь о государственной службе и, в частности, установить связь между стандартами поведения и мерами дисциплинарной ответственности, наступающей за их нарушение. Представляется необходимым введение в действие Этического кодекса государственного служащего Республики Беларусь, за несоблюдение требований

которого должны наступать действенные меры юридической (а не только моральной) ответственности, До завершения разработки Этического кодекса государственного служащего Республики Беларусь целесообразно дополнение Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» [13] соответствующей главой (например, «Этика государственного служащего» или «Нравственные основы деятельности государственного служащего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герменчук, В. В. Профессионализация государственной службы / В. В. Герменчук // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – Вып. 3. – Минск : Академия Управления при Президенте Республики Беларусь, 2003. – С. 35–66.

2. Бабосов, Е. М. Масштабы, причины и пути преодоления коррупции в Беларуси: социологический анализ / Е. М. Бабосов // Сацыяльна-эканамічныя і правыя даследаванні. – 2011. – № 2. – С. 4–18.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

4. Кеник, К. И. Особенности регулирования труда государственных служащих / К. И. Кеник // Отдел кадров. – 2013. – № 12. – С. 42–54.

5. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Закрепление нравственных основ деятельности государственных служащих // Мир науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://worldofscience.ru/pravovedenie/5409>. – Дата доступа : 14.11.2016.

7. Нормы этического поведения государственных служащих исполнительной ветви власти // Державна бібліотека України для юнацтва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.4uth.gov.ua/usa/russian/government/standards.htm>. – Дата доступа : 14.11.2016.

8. Корж, Г. Г. Оплата труда и системы антикоррупционных мер: зарубежный и отечественный опыт / Г. Г. Корж // Главный экономист. – 2015. – № 7. – С. 16–25.

9. О принятии Кодекса чести судьи Республики Беларусь: решение первого съезда судей Республики Беларусь 5 декабря 1997 г. // Адвокат Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.advokatby.com/belarus/feedsr/bdewi3n7x.htm>. – Дата доступа : 14.11.2016.

10. Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников общих судов [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 27 янв. 2010 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

11. Принят Кодекс чести прокурорского работника Республики Беларусь // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=15157#doc>. – Дата доступа : 14.11.2016.

12. Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ Министерства внутренних дел Респ. Беларусь, 4 марта 2013 г., № 67 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

13. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

С. В. ПАВЛЮЩИК

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК ВИДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Изменившийся характер современных военных конфликтов, которые могут быть развязаны против Республики Беларусь или в которые может быть вовлечено белорусское государство, последовательно и решительно отстаивающее свои национальные интересы, актуализирует вопросы управленческих действий по организации военной службы как вида государственной службы Республики Беларусь.

Военная служба связана с защитой Отечества. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко выступая на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заверил всех, что анархии, беспределу и насилию никогда не будет места на белорусской земле – ни под какими лозунгами, в том числе демократии [1, с. 2]. В свою очередь ответственность за мирное небо над головой наших граждан, качественное решение поставленных задач в борьбе с преступностью возложены на силовые структуры и правоохранительные органы.

На важное значение организации государственной службы указывают в своих трудах ученые-административисты Г. В. Атаманчук, Д. Н. Бахрах, А. Н. Крамник, В. М. Манохин, И. И. Мах, А. Ф. Ноздрачев, Д. М. Овсянко, Ю. Н. Стариков, А. Г. Тиковенко, О. И. Чуприс и др.

Среди большого количества научных работ и публикаций, следует выделить суждение О. И. Чуприс относительно юридической сущности отношений организации государственной службы: они заключаются в осуществлении полномочий деятельности по формированию качественной государственной службы и сферы ее существования; включают отношения по созданию системы органов государственной службы, ее правовому обеспечению, а также фактическому комплектованию [2, с. 102–103].

Для государственной военной службы, регулируемой в первую очередь нормами административного и военного права [3], указанные аспекты должны рассматриваться с учетом специфики задач, решаемых военной организацией государства [4, ст. 4; гл. 6] и правоохранительными органами [5, ст. 1].

На наш взгляд, при формировании военной службы на первый план выходят проблемы следующих отношений: эффективного функционирования государственных органов и организаций, в которых предусмотрено прохождение военной службы; взаимодействия органов военного управления и правоохранительных органов по вопросам борьбы с терроризмом и противодействия экстремизму, сепаратизму; организации и проведения отбора граждан Республики Беларусь (далее – граждане) для поступления на военную службу по контракту и их приема на военную службу по контракту в Вооруженные Силы, внутренние войска Министерства внутренних дел, органы государственной безопасности, органы пограничной службы, Службу безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь и другие воинские формирования, создаваемые в

соответствии с законодательством; организации идеологической работы, морально-психологического и правового обеспечения служебно-боевой деятельности; безопасности военной службы.

Важнейшим источником, регулирующим общественные отношения в сфере военной службы, является Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция). Военная служба, с одной стороны, является формой исполнения воинской обязанности (ст. 57 Конституции), осуществляемой в соответствии с Законом Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» при прохождении срочной военной службы, службы в резерве, службы офицеров по призыву, службы в запасе, а с другой – формой реализации гражданами права на труд (статья 41 Конституции) на условиях заключенного с ними контракта на должностях военной службы.

Поступление на военную службу по контракту предусматривает заключение гражданином с государственным органом, в котором предусмотрена военная служба, контракта о прохождении военной службы.

Так, в соответствии с постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10 февраля 2015 года № 30 отбор граждан для поступления на военную службу по контракту и их приема на военную службу по контракту во внутренние войска проводится с целью комплектования внутренних войск военнослужащими, соответствующими медицинским, профессионально-психологическим требованиям, установленным для прохождения военной службы и конкретной военно-учетной специальности, а также требованиям по уровню образования, профессиональной и физической подготовки. Прием кандидатов на военную службу по контракту включает в себя: заключение с кандидатом контракта о прохождении военной службы; зачисление кандидатов, принятых на военную службу по контракту, в списки личного состава воинских частей; назначение кандидатов на должности.

С учетом изложенного, военная служба представляет собой особый вид профессиональной и компетентной служебной деятельности в целях исполнения конституционного священного долга по защите Отечества гражданами, признанных годными по состоянию здоровья и физическому развитию к исполнению воинской обязанности по контракту на должностях военной службы, обладающими специальными знаниями и навыками для выполнения задач в военной сфере по защите Отечества в указанных законом государственных органах и организациях.

К государственным органам, в которых предусмотрена военная служба, относятся Министерство обороны Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, Служба безопасности Президента Республики Беларусь [6, ст. 1].

Следует акцентировать внимание на том, что законность, единоначалие, централизация управления (руководства), постоянная боевая и мобилизационная готовность, правовая и социальная защита военнослужащих являются одними из важнейших правовых принципов, на которых основывается военная служба.

Принимая во внимание детальность правового регулирования военно-служебных отношений, предложения ученых о закреплении юридических идей в нормативных правовых актах, в инструкциях, определяющих порядок заключения и условия контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях, в перечне основных терминов и их определений следует применять единое понятие контракта, как: «письменное соглашение, заключаемое между государственным органом, в котором предусмотрено прохождение военной

службы, в лице его представителя (далее – государственный орган) и гражданином Республики Беларусь (далее – гражданин), согласно которому гражданин обязуется проходить военную службу в мирное время, исполнять общие, должностные и специальные обязанности военнослужащего, а государственный орган – создавать гражданину надлежащие условия для несения военной службы, принимать дополнительные меры стимулирования прохождения военной службы, обеспечивать его довольствием всех видов по установленным нормам, предоставлять ему и членам его семьи в пределах своей компетенции социальные льготы, права и гарантии в соответствии с законодательством Республики Беларусь».

Несмотря на особенности военной службы, характерные для каждого структурного элемента военной организации государства, функционально-целевое назначение соответствующего государственного органа, в основе правового обеспечения военной службы лежит неукоснительное выполнение военнослужащими Конституции, нормативных правовых актов, директив Главы государства.

Таким образом, с учетом тенденций к провоцированию межгосударственных и внутригосударственных противоречий, в качестве важнейшего признака права государственной службы выступают отношения, возникающие в процессе организации военной службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А. Г. Выступление Президента в общей дискуссии 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН / А. Г. Лукашенко // Беларусь сегодня (Советская Белоруссия) СБ. – 2015. – 30 сен. – С. 2.
2. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс // Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика. – 2009. – 310 с.
3. Павлющик, С. В. Военная служба как вид государственной службы Республики Беларусь / С.В. Павлющик // Право.by. – 2014. – № 4. – С. 59–64.
4. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны: Закон Респ. Беларусь, 13 декабря 1999 г., № 340-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. О Вооруженных Силах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 3 ноября 1992 г., № 1904-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2016 г., № 388-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Е. В. ПРЕДКОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРИНИМАЕМЫЕ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вследствие проникновения на внутренний рынок контрафактной продукции¹ добросовестные участники, использующие объекты интеллектуальной собственности в коммерческих целях, ежегодно недополучают огромные суммы дохода, лишается соответствующих средств и бюджет государства, и самое главное, появляется угроза жизни и здоровью граждан. Именно поэтому проблема обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности не теряет своей актуальности.

Для обращения внимания к данной проблеме в декабре 2015 г. в Минске прошел очередной форум «Антиконтрафакт – 2015». В качестве одного из участников данного форума выступила начальник отдела защиты интеллектуальной собственности и информационного обеспечения правоохранительной деятельности Минской центральной таможни Ирина Иванова. Она отметила, что таможенными органами в 2015 году изъято более 250 тысяч единиц продукции, ввезенной с нарушением прав интеллектуальной собственности [3].

Согласно п. 1 ст. 328 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) таможенные органы в пределах своей компетенции принимают меры по защите прав правообладателей на объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС) [1].

В соответствии с п. 2 ст. 251 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10.01.2014 г. № 129-3 (далее - Закон) таможенные органы реализуют меры по защите прав на ОИС в отношении товаров, содержащих объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товара, включенные по заявлению правообладателя в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (далее – ТР ОИС) [2].

Практика последних лет свидетельствует о том, что владельцы интеллектуальной собственности стали понимать необходимость активных мер по защите своих исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Так, по данным ТР ОИС, который ведется Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь, количество товарных знаков, в отношении которых принимаются меры по защите прав интеллектуальной собственности, с 2011 г. по 2016 г. увеличилось на 76,8 % (с 67 до 289). В товарном разрезе товарные знаки алкогольной продукции (в том числе и пиво) составляют более 30 %, бытовой химии и косметики – 14 %, технических масел и смазок – около 9 % от общего количества включенных в ТР ОИС [4].

Порядок подачи заявления о принятии таможенными органами мер по защите прав на ОИС определен в главе 44 Закона [2]. Срок защиты таможенными органами прав на

¹ Контрафактные товары, согласно таможенному законодательству Республики Беларусь, – это товары, содержащие объекты интеллектуальной собственности (объекты авторского права и смежных прав, права промышленной собственности), если перемещение таких товаров через таможенную границу либо другие действия с такими товарами, находящимися под таможенным контролем, влекут за собой нарушение прав правообладателя, охраняемых в соответствии с законодательством.

ОИС в соответствии со ст. 329 ТК ТС [1] устанавливается с учетом срока, указанного правообладателем в заявлении, но не более двух лет со дня включения в реестр. По заявлению правообладателя этот срок может быть продлен неограниченное количество раз, но каждый раз не более чем на два года.

В случае, если в результате таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, включенных в ТР ОИС, обнаружены нарушения прав интеллектуальной собственности, выпуск таких товаров приостанавливается сроком на 10 рабочих дней, который в последствие может быть продлен, но не более чем на 10 рабочих дней. Решение о приостановлении выпуска товаров и о продлении срока такого приостановления принимаются в письменной форме руководителем таможенного органа или уполномоченным лицом.

По истечении срока приостановления выпуска товаров возобновляется и производится в порядке, установленном законодательством, за исключением случаев, когда таможенному органу представлены документы, подтверждающие изъятие товаров, наложение на них ареста или их конфискацию.

Пункт 4 статьи 331 ТК ТС предусматривает возможность осуществления таможенными органами государств-членов Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС) процедуры «ex-officio». Сущность данной процедуры заключается в праве таможенных органов приостановить выпуск товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не включенные в национальный таможенный реестр и Единый реестр объектов интеллектуальной собственности Таможенного союза, без заявления правообладателя. Регламентация процедуры «ex-officio» должна осуществляться в порядке, определенном законодательством государств-членов ЕАЭС [1].

Как уже отмечалось, таможенные органы Республики Беларусь принимают меры по защите прав на ОИС лишь в отношении товаров, включенных по заявлению правообладателя в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности.

Из данной нормы следует, что таможенное законодательство Республики Беларусь не предусматривает возможность осуществления процедуры «ex-officio» в чем, на наш взгляд, видится опасность проникновения на белорусский рынок контрафактной продукции.

В целях упорядочения ввоза и реализации на территории Республики Беларусь продукции, содержащей объекты интеллектуальной собственности, недопущения распространения контрафактной продукции предлагаем ст. 251 Закона «О таможенном регулировании» дополнить пунктом 3 следующего содержания: «Таможенные органы вправе приостанавливать выпуск товаров, содержащих объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товара, не включенные в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, без заявления правообладателя, при обнаружении признаков нарушения прав интеллектуальной собственности и при наличии информации о правообладателе (его представителе) на территории Республики Беларусь». Для недопущения злоупотребления процедурой «ex-officio» видится необходимым предоставить таможенным органам право однократного приостановления таможенного оформления в отношении конкретного товара, содержащего объект интеллектуальной собственности, не включенный ни в таможенный реестр, который ведется Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь, ни в Единый реестр объектов интеллектуальной собственности государств-членов Таможенного союза с уведомлением обладателя такого товара о

необходимости включения товара в один из таможенных реестров для возможности дальнейшей защиты товара таможенными органами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Таможенном кодексе таможенного союза [Электронный ресурс] : ратиф. Законом Респ. Беларусь, 2 июля 2010 г., // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016 г.
2. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2014 г., № 129-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Щелкунова, Н. А. Товарные знаки: вопросы защиты / Н. А. Щелкунова // Таможенный вестник. – 2016. – № 2. – С. 34–35.
4. Государственный таможенный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http : //www.gtk.gov.by/](http://www.gtk.gov.by/). – Дата доступа : 09.11.2016.

А. А. ПУХТЕЦКАЯ

Киев, Украина, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, кандидат юридических наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Актуальность представленной темы исследования обуславливается незавершенностью ряда государственно-правовых реформ в сфере исполнительной власти в Украине и необходимостью закрепления обновленных аксиологических оснований отрасли в системе законодательства, обеспечить их применение в деятельности органов государственной власти. В этой связи необходимо обеспечить соблюдение исполняемых органами исполнительной власти функций, полномочий в соответствии с требованиями ряда презумпций, принципов административного права, содержание которых в аспекте обеспечения реализации и защиты прав граждан в анализируемой сфере приобретает особо важное значение.

Разработка обновленной системы принципов административного права и ее внедрение в правовое регулирование отношений с органами исполнительной власти необходима не только для защиты интересов частных лиц от неправомερных действий, решений органов публичной власти. Она имеет еще более важное значение для установления собственной и делегированной компетенции органов исполнительной власти, ее правовых рамок, границ дискреции, установления требований к содержанию и форме решений органов исполнительной власти в специальном законе, а суммативно - для соблюдения важнейшего задания всей системы исполнительной власти – соблюдения общего блага. В случае обоснованных сомнений на основании процедурных принципов административного права возможен пересмотр решений в сфере исполнительной власти, либо в судебном порядке – административными судами, в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Украины.

В Украине вопросы пересмотра концептуальных оснований системы принципов административного права особенно актуальны, хотя и мало исследованы. По укоренившейся с советского периода традиции они рассматривались как нечто декларативное, ограниченное рамками нормативно закрепленной в законе формулы,

имеющее значение преимущественно для органов государственного управления, но увы, не обеспечивающее защиту прав и реализацию интересов частных лиц в публично-правовой сфере.

Обновление систем принципов административного права выступает важной и необходимой задачей развития современных административно-правовых доктрин многих государств-членов европейских региональных организаций Европейского Союза, Совета Европы, Содружества независимых государств, поскольку направлено на внедрение как существенных элементов основополагающих институциональных принципов и принципов деятельности органов публичной администрации, направленных на обеспечение реализации и защиту прав, свобод, законных интересов частных лиц в сфере их взаимодействия с органами исполнительной власти, их агентами, государственными служащими.

Вопросам изучения принципов административного права стран-членов Европейского Союза, Совета Европы посвящены специальные юридические исследования, проводимые под эгидой данных организаций, а также конкретизированные относительно реформ систем органов публичной администрации центрального уровня в разработках Программы поддержки усовершенствования систем государственного управления и менеджмента в странах Центральной и Восточной Европы, положения которых рассмотрены в данной статье как весомые внешние факторы, требующие учета при обновлении национальных правовых систем в целом и отрасли административного права в частности, пересмотра принципов государственного управления, разработанных в период расцвета советской науки государственного строительства.

В большинстве постсоветских стран сохраняется стойкая традиция рассматривать административное право в широком понимании, включая в его предмет не только ключевые вопросы организации и деятельности аппарата государственного управления, но и другие отраслевые институты, среди которых в последнее время активно развиваются институты государственной службы, административной ответственности, административной юстиции. К тому же так же традиционно административное право изучает вопросы государственного регулирования приоритетных сфер административно-политического, социально-культурного и экономического развития, таким образом объединяя основы правового регулирования общим началом.

В то же время в западных странах принципы административного права разрабатываются в контексте деятельности публичной администрации и конкретизации ее организации. Таким образом, исходя из узкого толкования предмета административного права, принятого в ряде европейских стран, вне поля зрения данных исследователей остаются едва ли не наиболее важные сферы государственного регулирования, традиционно рассматриваемые отечественным административным правом в особенной части.

Допускается предположение о том, что указанный узкий подход к пониманию системы принципов административного права, присущий европейским подходам, обусловлен передачей компетенции по ключевым вопросам развития государств-членов Европейского Союза и единого правового, административного, экономического пространств на наднациональный уровень, таким образом, усекая национальную компетенцию органов государственной власти национальных стран. Данный трансферт компетенции основан на целеполагающих основаниях обеспечения деятельности Европейского Союза и его развития. Предусмотрено ограничение касательно полномочий отдельных высших судебных инстанций – национальных

конституционных судов и верховных судов государств-членов Европейского Союза по принятию решений о неприменимости отдельных норм *acquis communautaire* в национальной правовой системе в связи с нарушением гарантированных национальными конституциями фундаментальных прав человека).

Рассмотренные концептуальные подходы к определению системы принципов административного права Украины дают возможность сделать следующие выводы. «Принципы административного права составляют внутренне структурированную, динамическую, сложную по своей правовой природе систему, элементы которой определяются исходя из основоположных ценностей, целей, задач, функций и компетенции аппарата государственного управления, определенных Конституцией и основными законами государства, соответствующих государственному, публичному и общему интересу, соблюдение которых выступает важным требованием обеспечения становления правового государства, защиты прав и свобод человека и гражданина, развития гражданского общества» [1, с. 241].

Формирование системы принципов административного права необходимо проводить с учетом влияния принципов глобального административного права, европейского административного права, принципов надлежащей администрации, специфики национального развития отраслевых институтов административного права.

Для решения проблемы доктринального пересмотра системы принципов административного права необходимо комплексно рассмотреть и сопоставить ценностные ориентиры, основные задачи, функции и компетенцию органов государственной власти, правовые формы их деятельности, правовые режимы и особенности применения требований отдельных принципов в их условиях. Также важно учитывать традиционно сложившуюся практику взаимодействия органов государственной власти и частных лиц, в которых проявляется действие норм неправового характера, выступающих важным фактором формирования системы принципов административного права (духовные, моральные, этические и др.).

Исходя из принципа соблюдения комплексного баланса интересов в публично-правовой сфере, следует признать необходимым учет не только всеобъемлющего государственного интереса в правовом регулировании и правоприменительной практике. Судебная практика Европейского суда по правам человека очерчивает и иные важные элементы: учет интересов частных лиц, территориальной общины, групп лиц, выступающих потребителями услуг, интересы третьих лиц и т.д.

Соответственно, в системе принципов административного права необходимо установить такие стойкие группы принципов, содержание которых будет направлено на комплексный учет, защиту, содействие в реализации прав человека, гражданина, частного лица в сфере исполнительной власти. А также предусмотреть группы процедурных (для бесспорных производств) и процессуальных (для судебных производств) принципов-требований, соблюдение которых в правовом государстве будет обычной практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пухтецкая, А. А. Концептуальные подходы к обновлению системы принципов административного права Украины / А. А. Пухтецкая // Правоведение. – 2013. – № 5 (310). – с. 234-242.

А. Н. РАСИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СУБЪЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Защита Отечества является долгом и обязанностью граждан Республики Беларусь. Оно выражает связь каждого человека с его предками и их свершениями, в нем олицетворены история, культура и духовность.

Под защитой Отечества следует понимать оборону страны, охрану ее суверенитета и безопасности, обеспечение целостности и неприкосновенности ее территории. Защита Отечества – это исторически сложившаяся моральная и правовая обязанность, соответствующая общепринятому международному законодательству.

Воинская обязанность устанавливается государством. Цель воинской обязанности заключается в создании и постоянном функционировании системы мероприятий, обеспечивающих защиту Республики Беларусь, прохождение гражданами воинской службы, подготовку их к вооруженной защите Республики Беларусь.

Конституция Республики Беларусь закрепляет долг и обязанность гражданина по защите Республики Беларусь [1, ст. 57]. Воинская обязанность является одной из форм реализации конституционной обязанности по защите Республики Беларусь наряду с такими формами, как альтернативная служба, партизанское движение и др.

В научной литературе отмечается, что понятия «долг» и «обязанность» являются близкими по значению. «Долг» обозначает, что требования Конституции носят не только юридический, но и глубоко нравственный характер, т. е. подчеркивается моральная обязанность перед Родиной, перед народом, перед своими близкими. Понятие «обязанность» имеет юридический смысл: обязанность подкрепляется не только моральными требованиями, но и правовыми средствами в виде юридической ответственности за ее неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Рассмотрим, чем отличаются категории «конституционная обязанность» и «конституционный долг».

Согласно словарю философских терминов [2, с. 145] значение слова «долг» – это «специфическая, обязывающая форма предъявления нравственного требования». Очевидно, что под обязанностью в Конституции понимается юридическая обязанность, то есть «установленная нормой права точная мера общественно необходимого поведения, направленного на удовлетворение интересов общества и личности».

Российский ученый Р.М. Казаков определяет конституционную обязанность по защите Отечества как «закрепленное Конституцией РФ... в интересах всех членов общества высшее правовое требование, предписывающее как государству, так и каждому гражданину определенные законом вид и меру поведения, ответственность за ненадлежащее его исполнение и имеющее своей целью защиту ... от любого вида агрессии и иных форм ущемления интересов Родины», а конституционный долг по защите Отечества «как отраженное и закрепленное ... моральное требование, предъявляемое к поведению человека, социально-политическая сущность которого выражается в защите ... от любого вида агрессии и иных форм ущемления интересов Родины» [3, с. 10-11].

Таким образом, понятие долга отражает единство правовых и нравственных начал в конституционной обязанности защиты Отечества.

Поэтому, кроме воинской обязанности, граждане вправе проходить добровольную подготовку к военной службе и исполнять конституционный долг по защите Республики Беларусь путем добровольного поступления на военную службу в установленном законом порядке. При этом, добровольно поступив на военную службу, гражданин приобретает статус военнослужащего и несет юридические обязанности военнослужащего, за неисполнение которых может быть привлечен к юридической ответственности.

Воинскую обязанность исполняют граждане мужского пола, годные по состоянию здоровья и физическому развитию к ее исполнению, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, политических и иных убеждений, а также граждане женского пола, отвечающие установленным требованиям и получившие подготовку по специальностям, необходимым для Вооруженных сил, других войск и воинских формирований.

Граждане, которые в соответствии с Законом обязаны исполнять воинскую обязанность, подразделяются на допризывников, призывников, военнослужащих, резервистов, военнообязанных [4, ст. 4].

Устанавливается приоритет воинской службы перед другими видами государственной службы и трудовой деятельностью, который выражается в прекращении гражданами работы, учебы и иной деятельности при призыве или добровольном поступлении на военную службу, призыве на службу в резерве, на сборы, а также в повышенном уровне социальной защищенности граждан, проходящих военную службу, службу в резерве.

Гражданам, поступившим на государственную службу, время нахождения их на военной службе засчитывается в стаж государственной службы в порядке, определяемом законодательством Республики Беларусь.

Резервисты имеют статус военнослужащих, проходящих срочную военную службу, при нахождении на занятиях или учебных сборах, определяемых программами подготовки резервистов. Время нахождения резервистов на занятиях и учебных сборах засчитывается им в выслугу лет на военной службе.

Необходимо обратиться к терминологии, имеющей важное значение для четкого определения пределов и качественного регулирования воинской службы.

Закон дает точные правовые определения основным терминам и понятиям, связанным с воинской обязанностью, воинской службой и военной службой.

Воинская обязанность является конституционной обязанностью граждан Республики Беларусь и не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на ее территории. Необходимо отметить, что целью воинской обязанности является обеспечение Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований личным составом в мирное время, а также в период мобилизационного развертывания, в период военного положения и в военное время.

Воинская служба рассматривается как особый вид государственной службы, включающий прохождение военной службы или службы в резерве Вооруженных Сил Республики Беларусь, военных или специальных сборов в период состояния в запасе Вооруженных Сил Республики Беларусь или других войск и воинских формирований Республики Беларусь [4, ст. 1].

Военная служба является основным видом воинской службы, заключающимся в непосредственном исполнении гражданами воинской обязанности (конституционного

долга по защите Республики Беларусь) в составе Вооруженных Сил и других воинских формирований.

Конкретное содержание воинской обязанности раскрывается также в Законе Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе». В данном Законе закреплены правовые и организационные основы исполнения воинской обязанности гражданами Беларуси.

В период мобилизации, военного положения и в военное время исполнение гражданами воинской обязанности определяется отдельными законами, иными актами законодательства Республики Беларусь и предусматривает: призыв на военную службу по мобилизации, в период военного положения и в военное время; прохождение военной службы в период мобилизации, военного положения и в военное время; военное обучение в период военного положения и в военное время.

Республика Беларусь на основе изучения зарубежного опыта первой среди государств СНГ ввела для своих граждан службу в резерве как разновидность исполнения воинской обязанности.

Закон рассматривает службу в резерве как вид воинской службы, заключающийся в обязательном исполнении гражданами, подлежащими призыву на срочную военную службу, воинской обязанности путем прохождения службы в воинских частях или иных организациях Министерства обороны Республики Беларусь на занятиях и учебных сборах в целях получения военно-учетной специальности без прекращения трудовой деятельности. Субъектами исполнения воинской обязанности являются граждане Республики Беларусь, данная обязанность не распространяется на иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на ее территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принята на Республиканском референдуме 24 ноября 1996 года.). – Минск : Амалфея, 1999. – 91 с.
2. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2005 – 731 с.
3. Казаков, Р. М. Конституционные основы защиты Отечества в РФ [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Р. М. Казаков; СГАП. – Саратов, 2009 – 30 с.
4. О воинской обязанности и воинской службе : Закон Республики Беларусь от 05.11.1992 N 1914-XII (ред. от 04.06.2015) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Е. В. РЕЧИЦ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ

Водно-болотные угодья представляют собой самостоятельные целостные единицы природной среды – экологические системы, которые находятся в непрерывной взаимосвязи и неминусимой взаимозависимости с другими экологическими системами и окружающей средой в целом. Взаимодействие физических, биологических и

химических элементов является движущей силой постоянного развития водно-болотных угодий, выражает их сущность как экологических систем и не может возникнуть из простого сложения свойств компонентов этих экологических систем (земля, воды, недра, объекты растительного и животного мира, лес, атмосферный воздух в пределах границ водно-болотного угодья), для каждого из которых характерна определенная специфика процессов саморазвития, саморегуляции и поддержания экологического равновесия [1].

Государственное управление в области охраны водно-болотных угодий является составной частью государственного управления в области охраны окружающей среды и социального управления [2, с. 52–77]. Его объектом выступают общественные отношения по совершенствованию сохранения и восстановления водно-болотных угодий, рационального (устойчивого) использования ресурсов водно-болотных угодий и их воспроизводства, предотвращения загрязнения, деградации, повреждения, истощения, разрушения, уничтожения и иного вредного воздействия на водно-болотные угодья хозяйственной и иной деятельности и ликвидации последствий такой деятельности [3, с. 147–148].

Государственное управление в области охраны водно-болотных угодий должно осуществляться с учетом интегрирующих свойств водно-болотных угодий как особых сложно организованных и многофункциональных экологических систем естественного и искусственного происхождения, а не административно-территориального деления страны. Важнейшей составляющей природоохранной стратегии государства в указанной области следует признать обеспечение способности водно-болотных угодий к само-восстановлению через создание экологических каркасов для предотвращения их деградации. Реализация подобного подхода внесет большой вклад в проблему обеспечения устойчивого развития природных территорий водосборов мирового значения [5, с. 103–104].

В связи с этим особое значение в системе органов государственного управления в области охраны водно-болотных угодий [4, ст. 8] необходимо отводить Межведомственному координационному совету по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, при Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (далее – Совет).

В соответствии с Положением о межведомственном координационном совете по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, при Министерстве природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь, утвержденным постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 20 декабря 2004 г. № 39 (далее – Положение), Совет уполномочен участвовать в рассмотрении проектов нормативных правовых актов, программ, планов действий, касающихся использования водно-болотных угодий [6, п. 4]. Закрепление в нормативном правовом акте функции Совета вырабатывать предложения по совершенствованию законодательства в определенной мере влияет на активность его участия в деятельности по улучшению состояния нормативного правового регулирования охраны водно-болотных угодий. Гарантиями учета государственными органами и иными организациями подобных положений должны стать сроки, достаточные для обеспечения участия в рассмотрении проектов нормативных правовых актов, программ, планов действий, касающихся использования водно-болотных угодий, а также учет результатов рассмотрения в максимально

возможной степени, предполагающий отражение позиций Совета, и обязательный мотивированный отказ в противном случае.

Действительно высокоэффективным участие в рассмотрении проектов нормативных правовых актов, программ, планов действий, касающихся использования водно-болотных угодий, возможно только при условии, что положения, разработанные Советом, будут иметь непосредственную исполнительную силу и являться обязательными. Наделение Совета полномочиями по принятию решений, имеющих не рекомендательный [7, п. 5], а обязательный характер для иных государственных органов, организаций, граждан, позволит также существенно усилить его роль в системе государственных органов, осуществляющих контроль в области охраны водно-болотных угодий.

Соответственно, часть 1 пункта 5 Положения, целесообразно изложить в следующей редакции: «Координационный совет по реализации Рамсарской конвенции в соответствии с направлениями своей деятельности вправе: принимать обязательные для исполнения государственными органами, иными организациями и гражданами решения в пределах своей компетенции;». Пункт 17 «Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды» перечня контролируемых (надзорных) органов и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» [7], предлагается дополнить частью 3 «Межведомственный координационный совет по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, при Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь», закрепив за Советом полномочия по контролю в области охраны водно-болотных угодий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О свойствах водно-болотных угодий / Сост. : Дж. Дэвис, С. Ф. Клэридж. – М. : Wetlands International Global, Азиатское бюро водно-болотных угодий, 2000. – 64 с., 30 рис.
2. Балащенко, С. А. Государственное управление в области охраны окружающей среды : моногр. / С. А. Балащенко. – Минск : БГУ, 2000. – 341 с.
3. Экологическое право : пособие / С. А. Балащенко [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – 240 с.
4. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь, 17 июля 2002 г., № 126-З : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Иванович, М. М. Бассейновый принцип водопользования / М. М. Иванович // Юридический журн. – № 1. – 2008. – С. 101–104.
6. О создании межведомственного координационного совета по реализации Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, при Министерстве природных ресурсов и охране окружающей среды Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 20 дек. 2004 г., № 39 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

И. В. САВЕЦ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)**

Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением государственных закупок на территории Республики Беларусь, включая процесс выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) и заключения с ним договора на государственную закупку.

Также основными нормативными правовыми актами, регламентирующими вопросы проведения государственных закупок товаров (работ, услуг), являются Указ Президента Республики Беларусь от 31.12.2013 № 590 «О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг)», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.08.2012 № 778 «О некоторых мерах по реализации закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» и постановление Министерства торговли Республики Беларусь от 26.06.2013 № 14 «Об утверждении примерных форм документов по процедурам государственных закупок».

При этом необходимо принимать во внимание специальное правовое регулирование порядка проведения закупок, не относящихся к государственным закупкам – постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15.03.2012 № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств».

Анализ сведений контролирующих и правоохранительных органов показывает, что по-прежнему носят распространенный характер нарушения установленного законодательством порядка проведения закупок товаров (работ, услуг), факты необоснованного ограничения доступа к участию в процедурах государственных закупок, манипулирования конкурсными документами, необъективной оценки предложений участников закупок, нередко влекущие причинение вреда государственному имуществу и сопряженные с совершением коррупционных и иных правонарушений. Принимая во внимание требования Главы государства в части обеспечения экономической безопасности государства, контроль (надзор) в сфере осуществления закупок товаров (работ, услуг), несомненно, является важным.

Перечнем контролирующих (надзорных) органов и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 26.07.2012 № 510 (далее – Указ № 510), полномочиями на осуществление контроля (надзора) в сфере закупок товаров (работ, услуг) наделены:

- органы Комитета государственного контроля (контроль использования государственной собственности);
- Генеральная прокуратура (надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов);

- Министерство финансов и его территориальные органы (контроль за соблюдением бюджетного законодательства, а также законодательства, предусматривающего использование бюджетных средств, в том числе целевым и эффективным использованием средств, выделяемых из бюджетов и государственных внебюджетных фондов, по всем направлениям и видам расходов);

- местные исполнительные и распорядительные органы (контроль за соблюдением законодательства о государственных закупках, осуществляемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями полностью или частично за счет средств местных бюджетов);

- органы ведомственного контроля (ведомственный контроль).

Несмотря на специфику деятельности указанных органов, наиболее эффективной формой контроля (надзора) является проверка.

Вышеупомянутым Указом Президента Республики Беларусь от 26.07.2012 № 510 утверждено Положение о порядке организации и проведения проверок.

В числе вопросов, подлежащих проверке контролирующими (надзорными) органами, определяются следующие:

- размещение в открытом доступе на официальном сайте в глобальной компьютерной сети Интернет, созданной для размещения на нем информации о государственных закупках (<http://www.icetrade.by> ИРУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен»);

- создание комиссии для проведения конкурентных процедур закупок (несение изменений в ее состав, соблюдение ограничений в отношении членов);

- соответствует ли требованиям законодательства выбор процедуры закупки;

- соблюдение требований к составлению и размещению приглашений о государственной закупке;

- соблюдение требований к описанию предмета закупки;

- определение требований к квалификационным данным участника;

- факты отклонения предложений участников (в том числе по основаниям, не предусмотренным документами, представляемыми участнику для подготовки предложения);

- оценка конкурсных предложений;

- соблюдение требований о заключении договора и др.

Ответственность за нарушение законодательства о государственных закупках установлена ч. 4 ст. 11.16 КоАП Республики Беларусь. Так, ответственность по указанной статье КоАП наступает за не предусмотренное законодательством ограничение должностным лицом или индивидуальным предпринимателем доступа поставщиков (подрядчиков, исполнителей) к участию в процедуре государственной закупки, в т.ч. посредством несоблюдения правил размещения информации о государственных закупках, иное нарушение порядка выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) при осуществлении государственных закупок либо изменение должностным лицом заказчика (уполномоченной организации) или индивидуальным предпринимателем условий договора на государственную закупку, если иное не предусмотрено актами законодательства, которое влечет дополнительное расходование средств и (или) местных бюджетов, в т.ч. государственных целевых бюджетных фондов, а также государственных внебюджетных фондов либо уменьшение количества закупаемых товаров (объема выполняемых работ, оказываемых услуг) или ухудшение их качества, а равно уклонение руководителями государственных заказчиков от заключения государственного контракта на поставку товаров для государственных

нужд в случае, когда заключение таких контрактов (договоров) является обязательным, если в этих деяниях нет состава преступления.

За нарушение установленных законодательством требований к порядку осуществления закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств юридических лиц, имущество которых находится в государственной собственности, хозяйственных обществ, акции (доли в уставных фондах) которых находятся в государственной собственности предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 11.77 КоАП Республики Беларусь.

Согласно сведениям Единого государственного банка данных о правонарушениях по ч. 4 ст. 11.16 КоАП в 2015 году привлечено 323 лица, за 10 месяцев 2016 года – 346 лиц, по ст. 11.77 КоАП в 2015 году привлечено 118 лиц, за 10 месяцев 2016 года – 225 лиц.

Указанные цифровые сведения указывают о том, что контролирующими (надзорными) органами большее внимание уделяется проверкам государственных закупок товаров (работ, услуг), что и обусловлено возложенными на них функциями.

Вместе с тем сферой не менее важной для контроля (надзора) являются и закупки товаров (работ, услуг) за счет собственных средств.

Проблемным моментом следует отразить не дифференцированный подход к выявляемым нарушениям и степени их общественной опасности. Безусловное привлечение лиц, допустивших нарушения законодательства в сфере закупок товаров, влечет для них негативные последствия в виде уплаты штрафных санкций. К примеру, несвоевременное размещение на официальном сайте в сети Интернет годового плана государственных закупок, равно как и проведение закупки из одного источника в случаях, когда законодательством в обязательном порядке определено проведение электронного аукциона, влечет административную ответственность в соответствии с ч. 4 ст. 11.16 КоАП Республики Беларусь, санкцией которой предусмотрено административное взыскание в виде штрафа в размере от десяти до пятидесяти базовых величин.

Как указывалось выше, полномочиями на осуществление контроля (надзора) в сфере осуществления закупок товаров (работ, услуг) наделены несколько органов. Предполагается, что каждый из них при проверке деятельности субъекта хозяйствования проверяет порядок соблюдения последним законодательства при осуществлении закупок товаров (работ, услуг).

В соответствии с пунктом 8 Указа № 510 плановые проверки одного проверяемого субъекта в течение календарного года могут быть осуществлены несколькими контролирующими (надзорными) органами только в форме совместной проверки.

Вместе с тем пунктом 12 Указа № 510 установлено, что проверка контролирующим (надзорным) органом проверяемого субъекта по одному и тому же вопросу за один и тот же период, в том числе в ходе совместной проверки, не допускается, за исключением проверок, проводимых по поручениям Президента Республики Беларусь, Премьер-министра Республики Беларусь, Председателя Комитета государственного контроля, Генерального прокурора, органов уголовного преследования по возбужденным уголовным делам, проверок, осуществляемых Национальным банком, дополнительных и встречных проверок, проверок в части соблюдения порядка исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость, если ранее указанные вопросы за соответствующие периоды были проверены в рамках проверки обоснованности зачета либо возврата проверяемому субъекту превышения сумм налоговых вычетов над суммами налога на добавленную стоимость, исчисленными по реализации товаров

(работ, услуг), имущественных прав, а также в отношении проверяемых субъектов, проверка которых ранее проведена в рамках ведомственного контроля.

В этой связи предполагается, что в законодательстве должно быть указано о запрете проверки субъекта по одному и тому же вопросу за один и тот же период не «контролирующим (надзорным) органом», а «контролирующими (надзорными) органами».

Т. В. СЕНЬКОВА

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУДА, ОРГАНА, ВЕДУЩЕГО АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) содержит главу 13¹, которая определяет вопросы возмещение вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс [1]. *Речь идет о причинении вреда государственным органом, рассматривающим дело об административном правонарушении, должностным лицом, в пределах своей компетенции составляющим протокол об административном правонарушении и ведущим подготовку дела об административном правонарушении либо налагающим административное взыскание.* В первую очередь отметим, что на наш взгляд регулирование данных вопросов не целесообразно структурно относить к разделу «Административный процесс». Отношения в связи с возмещением указанного вреда никак не связаны с сутью рассмотрения дела об административном правонарушении. Представляется более целесообразным изложение данных норм в общих положениях ПИКоАП.

В соответствии со ст. 13¹.1 ПИКоАП физическое лицо имеет право на возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, имущественного и морального вреда, восстановление нарушенных трудовых и иных личные неимущественных прав. Юридическое лицо имеет право на возмещение имущественного вреда и восстановление деловой репутации. В соответствии с ч. 3 ст. 13¹.2 ПИКоАП вред не подлежит возмещению, если лицо добровольно оговорило себя в совершении административного правонарушения.

Право на возмещение вреда в порядке гл. 13¹ ПИКоАП может быть реализовано при наличии двух оснований: 1) *дело об административном правонарушении прекращено* в отношении физического лица по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 5, 6, 9 и 10 ч. 1 ст. 9.6 ПИКоАП, и в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 7 и 8 ч. 2 ст. 9.6 ПИКоАП; 2) *действия и решения суда, органа, ведущего административный процесс, признаны незаконными.*

Статья 9.6 ПИКоАП предусматривает обстоятельства, исключающие административный процесс. Обстоятельствами, исключающими административный процесс в отношении физического лица, дающими право на возмещение указанного выше вреда, являются:

- отсутствие события административного правонарушения;
- отсутствие в деянии состава административного правонарушения;
- недостижение физическим лицом на день совершения деяния, предусмотренного статьей Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, возраста, с которого наступает административная ответственность;
- неменяемость физического лица, совершившего деяние, предусмотренное статьей Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях;
- наличие по тому же факту в отношении физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, постановления о наложении административного взыскания (за исключением неисполненного постановления о наложении административного взыскания, составленного в соответствии с частью 3 статьи 10.3 ПИК_оАП) либо неотмененного постановления о прекращении дела об административном правонарушении, за исключением постановления о прекращении дела об административном правонарушении при неустановлении лица, подлежащего привлечению к административной ответственности, а также наличие по данному факту уголовного дела;
- недоказанность виновности физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, в совершении административного правонарушения.

Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель имеет право на возмещение вреда в порядке гл. 13¹ ПИК_оАП, если дело об административном правонарушении было прекращено по следующим основаниям:

- отсутствие события административного правонарушения;
- отсутствие в деянии состава административного правонарушения;
- наличие по тому же факту в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, в отношении которых ведется административный процесс, постановления о наложении административного взыскания либо неотмененного постановления о прекращении дела об административном правонарушении;
- недоказанность виновности юридического лица или индивидуального предпринимателя, в отношении которых ведется административный процесс, в совершении административного правонарушения.

Следует отметить то, что прекращение дела об административном правонарушении в связи с наличием указанных обстоятельств еще не является достаточным основанием возмещения вреда. Должна быть установлена незаконность действий и решений суда, органа, ведущего административный процесс, приведших впоследствии к принятию решения о прекращении дела об административном правонарушении на стадии его рассмотрения или обжалования. Это является обязательным условием возмещения вреда.

Из положений гл. 13¹ ПИК_оАП вытекает необходимость применения норм Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) [2]. Согласно ст. 933 ГК Республики Беларусь вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине. Исключение составляет возмещение вреда, причиненного гражданину в результате незаконного наложения административного взыскания в виде административного ареста или исправительных работ. В этом случае вред возмещается

в полном объеме независимо от вины должностных лиц соответствующих органов (ст. 939 ГК Республики Беларусь).

Гражданским кодексом Республики Беларусь определено что вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов возмещается за счет казны Республики Беларусь или казны административно-территориальной единицы (ст. 938). Как правило, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, которые имеют право регресса к должностным лицам, причинившим вред.

Моральным вредом, последствия которого подлежат устранению (но не денежной компенсации) в порядке, предусмотренном ПИКоАП, признается причинение нравственных или физических страданий действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина, в том числе унижение его чести и достоинства, а также причинение ущерба деловой репутации. Ст. 13^{1.4} ПИКоАП предусмотрены следующие *способы устранения морального вреда*: принесение лицу официальные извинения за причиненный вред; опубликование опровержения порочащих лицо сведений в средствах массовой информации, если такие сведения были опубликованы в ходе ведения административного процесса; направление по требованию физического лица, его законного представителя (наследника) в срок до десяти дней сообщение об отмене незаконных решений по месту его работы, службы, учебы или жительства (пребывания).

Таким образом, материальное возмещение морального вреда в административном процессе не предусмотрено. Компенсация морального вреда в денежной форме производится только в порядке гражданского судопроизводства (ст. 152, 968-970 ГК Республики Беларусь). Основанием компенсации морального вреда является вина нарушителя, за исключением случаев, когда компенсация морального вреда осуществляется независимо от наличия вины. Например: вред причинен гражданину в результате незаконного наложения административного взыскания в виде административного ареста или исправительных работ; вред причинен распространением сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина.

Также в ст. 12.15 ПИКоАП предусмотрены последствия отмены постановления по делу об административном правонарушении с прекращением дела об административном правонарушении, а именно поворот исполнения постановления. Лицу, в отношении которого постановление отменено, а дело об административном правонарушении прекращено должен быть произведен возврат денежных сумм и конфискованных предметов. При невозможности возврата конфискованного предмета возмещается его стоимость. Также отменяются другие ограничения, связанные с ранее принятым постановлением.

Исходя из изложенного следует вывод о том, что порядок возмещения вреда, причиненного лицу незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс, затрат на получение юридической помощи и иные расходы, понесенных в связи с ведением административного процесса в ПИКоАП не предусмотрен, за исключением положений ст. 12.15 и ст. 13^{1.4}. Процессуально-исполнительное законодательство Республики Беларусь об административных правонарушениях не содержит четких правил, касающихся возмещения вреда, а существующие нормы носят общий, в основном отсылочный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 20 дек. 2006 г., № 194-3: изм. и доп. от 23 авг. 2016 г., № 407-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218-3: изм. и доп. от 5 янв. 2016 г., № 352-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

О. С. СИКОР

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Проблема привлечения несовершеннолетних к ответственности за совершенные правонарушения является актуальной в настоящее время, т.к. система предупреждения, учета и воспитания несовершеннолетних остается приоритетной в Республике Беларусь и требует своего совершенствования. Меры наказания, применяемые к несовершеннолетним правонарушителям, оказывают воспитательное воздействие только тогда, когда они соответствуют требованиям действующего законодательства, отвечают принципам разумности, справедливости и не нарушают прав и законных интересов несовершеннолетних.

Рассмотрим, в чем заключаются особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности.

В Республике Беларусь сформировалась определенная система государственных органов, которые реализуют положения действующего законодательства в сфере охраны и защиты прав несовершеннолетних и выявления причин, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними.

В этом плане значительный объем работы выполняют комиссии по делам несовершеннолетних и инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Так, в соответствии с Процессуально-исполнительным Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и п. 13 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2003 г. № 1599 «Об утверждении Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних» комиссии по делам несовершеннолетних:

рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 9.4. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Невыполнение обязанностей по воспитанию детей» и 17.4. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение» (за правонарушения, совершенные родителями несовершеннолетних или лицами, их заменяющими) [1];

обращаются в установленном законодательством порядке в суд с заявлениями в защиту прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних, защиту иных интересов несовершеннолетних;

подают заявления в суд о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения, о переводе несовершеннолетних в другие специальные учебно-воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения, о прекращении пребывания несовершеннолетних в указанных учреждениях до истечения установленного судом срока пребывания, о продлении этого срока [2].

Таким образом, значительное количество административных дел в отношении несовершеннолетних приходится на комиссии по делам несовершеннолетних.

По общему правилу к административной ответственности привлекается лицо, которое достигло к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет [3].

Главным документом, на основе которого несовершеннолетний правонарушитель привлекается к ответственности, является протокол об административном правонарушении.

Другие документы неофициального и официального характера, такие как справки инспекторов по делам несовершеннолетних, информация из милиции, из школы и т.п., не являются основанием для привлечения к административной ответственности.

В то же время указанные документы могут рассматриваться на заседании комиссии и служить основанием для применения к несовершеннолетним, совершившим противоправные действия, не являющиеся административными правонарушениями, мер общественного воздействия. Меры общественного воздействия могут быть применены и к родителям, которые не обращают должного внимания на воспитание своих детей, игнорируют соответствующие сигналы.

Меры общественного воздействия иногда оказываются более эффективными, т.к. их использование позволяет превентивно воздействовать на несовершеннолетнего, выработать у него правильные социальные установки. В отношении родителей данные меры также необходимы, поскольку помогают устранить упущения и неправильные методы воспитания несовершеннолетних.

Рассмотрим, как осуществляется процедура привлечения несовершеннолетних к ответственности с учетом особенностей их правового статуса.

При наличии поводов и оснований для начала административного процесса административный процесс считается начатым с момента: составления протокола об административном правонарушении; составления протокола о процессуальном действии; вынесения постановления о мерах обеспечения административного процесса; вынесения постановления о наложении административного взыскания в случаях, когда протокол об административном правонарушении не составляется [1].

Протокол должен оформляться сразу после обнаружения административного правонарушения. Однако протокол об административном правонарушении может быть составлен в течение двух суток с момента обнаружения административного правонарушения, если необходимо исследовать дополнительные обстоятельства дела либо изучить данные о несовершеннолетнем либо ином правонарушителе, в отношении которых возбуждается административное производство. Протокол направляется в соответствующий орган в течение суток с момента его составления.

Сроки рассмотрения дела об административном правонарушении составляют 30 дней со дня получения комиссией протокола об административном правонарушении и других материалов [2].

Решение комиссий по делам несовершеннолетних оформляется постановлением.

Комиссия по делам несовершеннолетних может принять следующие решения: ограничиться обсуждением; прекратить дело; отложить рассмотрение дела и направить материалы для дополнительной проверки в органы внутренних дел или прокуратуру; принять меры воздействия к несовершеннолетнему, родителям, лицам, их заменяющим, предусмотренные законодательством; вынести предупреждение; наложить на родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, а также на несовершеннолетнего штраф в случаях и размерах, предусмотренных законодательством и другие.

Заключительная стадия производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних – это исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних. Исполнение постановлений об административном правонарушении несовершеннолетнего лежит на комиссии.

Завершением исполнения постановления в отношении несовершеннолетнего правонарушителя считается тот день, когда это постановление ему доведено с соблюдением процессуальных норм закона. Например, днем исполнения постановления о наложении штрафа является тот день, когда с несовершеннолетнего полностью удержана сумма, которая прописана в постановлении. При отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетнего административный штраф удерживается с его родителей или иных законных представителей. В этом случае комиссией выносится определение.

Соблюдение вышеуказанных требований закона и эффективность применяемых мер зависит от организации делопроизводства в комиссиях и надлежащей подготовки дела к рассмотрению.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время регулирование особенностей производства по делам несовершеннолетних ограничивается закреплением особого порядка рассмотрения дел в Положениях о комиссиях по делам несовершеннолетних. Однако в условиях формирования правового государства вопросы правового воздействия на личность должны определяться только законом, тем более, если речь идет о применении мер государственного принуждения к лицам, не достигшим совершеннолетия и неспособных в полной мере отстаивать свои права и законные интересы. Таким образом, требуется совершенствование законодательства в части дальнейшей детализации процедуры привлечения к ответственности несовершеннолетних для достижения максимального эффекта от применяемых к ним мер воздействия, а именно включение в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях специального раздела, регулирующего особенности производства по делам несовершеннолетних.

Останавливаясь на анализе системы мер воздействия, выражающих административную ответственность несовершеннолетних, хотелось бы высказать ряд практических предложений, направленных на совершенствование ее законодательного регулирования. В частности, выдвинуть требование о необходимости закрепления альтернативной штрафу меры воздействия для несовершеннолетних, не имеющих самостоятельного заработка. Данная проблема может быть решена путем законодательного закрепления возможности возложить на несовершеннолетнего обязанность отработать в свободное время определенную сумму штрафа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://kodeksy.by/pikoar>. – Дата доступа : 05.11.2016.
2. Об утверждении Положения о порядке образования и деятельности комиссий по делам несовершеннолетних: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 10 декабря 2003 г., № 1599 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.busel.org/texts/cat9uk/id5vwsydq>. – Дата доступа: 05.11.2016.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.kulichki.com/vip/koaprb/00000003>. – Дата доступа : 05.11.2016.

Т. В. СИЛЬЧЕНКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» под государственной службой понимается профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов [1]. Служба в правоохранительных органах Республики Беларусь является военизированной государственной службой, что обеспечивает наличие определенных особенностей у данного вида государственной службы. В свою очередь, правоохранительные органы – это те государственные органы, которые в соответствии с законодательством осуществляют охрану законности и правопорядка, защиту прав и свобод человека и государства, борьбу с преступностью, с правонарушениями путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом.

К правоохранительным органам, где осуществляется данный вид государственной службы, относят: органы внутренних дел Республики Беларусь, Следственный комитет Республики Беларусь, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и др.

В. В. Лазарев предлагает следующую структуру органов, где должна осуществляться государственная служба: судебные органы, органы прокуратуры, органы внутренних дел, Комитет государственной безопасности [2].

На наш взгляд, данная структура не является полноценной. Так, суды в Республике Беларусь являются органами, которые осуществляют правосудие, а прокуратура – органом, осуществляющим контроль и надзор за точным и единообразным исполнением законодательства. Прохождение службы в данных органах относится к виду гражданской государственной службы, а именно судейская и прокурорская государственная служба, а речь идет именно о правоохранительной государственной службе.

По мнению В. Н. Бибило, такой вид государственной службы осуществляется в следующих органах: органы внутренних дел, Следственный комитет, органы

финансовых расследований Комитета государственного контроля, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, комитет государственной безопасности и др. С данной точкой зрения, по нашему мнению, следует согласиться, поскольку во всех этих органах государственная служба является правоохранительной [3, с. 442].

По нашему мнению, из всех правоохранительных органов следует выделить Следственный комитет Республики Беларусь, который является сравнительно «молодым» из всех вышеперечисленных органов. Государственная служба в Следственном комитете, как отмечалось, является правоохранительной, а точнее – военизированной. Особенности такого вида службы является, в первую очередь, наличие собственной нормативной правовой базы. Так, службу в Следственном комитете регламентирует Положение «О порядке прохождения службы в Следственном комитете», утвержденное указом Президента Республики Беларусь от 10.11. 2011 г. № 518. Сотрудники, впервые принятые на службу, приносят присягу. Под присягой понимается официальное и торжественное обещание (клятва) при поступлении на определенную службу, вступлении в должность, получение определенного статуса. Устанавливается предельный возраст поступления на службу и предельный возраст состояния на службе. Касательно Следственного комитета, то предельный возраст поступления – 25 лет, а предельный возраст состояния на службе устанавливается в зависимости от присвоенных ему специальных званий. Сотрудники, проходящие государственную службу в данном органе, проходят специальное медицинское освидетельствование для определения физических и психических качеств [4, с. 12].

Помимо особенностей данного вида службы выделяют и обязательные условия для поступления на государственную службу в правоохранительные органы. Так, не могут быть зачислены лица, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, а также имеющие судимость не снятую и не погашенную в установленном порядке законом. Также, лицо, которое поступает на службу в правоохранительные органы не должно быть ограничено в дееспособности судом или же лишены судом дееспособности.

Следует отметить, что все правоохранительные органы, обладают государственно-властными полномочиями, что, в свою очередь, дает право сотрудникам, состоящим на службе в данных органах принимать решения, обязательные для исполнения всеми гражданами, должностными лицами, организациями, на которых распространяется компетенция определенного органа, организация исполнений принятых решений, а также охрана принятых решений от нарушений путем применения различного рода мер: от убеждения до принуждения.

Согласно вышеизложенному, мы можем сделать вывод, что Закон Республики Беларусь «О государственной службе» не может распространяться на лиц, которые проходят службу в различных правоохранительных органах, так как данная служба рассматривается как служба, направленная на исполнение законодательных и судебных решений. Правоохранительная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Республики Беларусь в государственных органах, осуществляющих функции по обеспечению законности и правопорядка, борьбы с преступностью. Решение проблемы видится в более детальном законодательном урегулировании, а именно в принятии Закона Республики Беларусь «О правоохранительной службе». При этом, к правоохранительным органам относились бы лишь органы внутренних дел, предварительного следствия, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, органы уголовно-исполнительной системы, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики

Беларусь, осуществляющие свою деятельность в порядке, установленном законодательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной службе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14.06.2003 г. № 204-З. // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «КонсультантПлюс».
2. Лазарев, В. В. Общая теория права и государства : учеб. пособие / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М Юристь, 1996. – 472 с.
3. Бибило, В. Н. Судоустройство : учебник / В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2001. – 328 с.
4. Вопросы Следственного комитета Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 нояб. 2011 г. № 518 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014 - № 49 – 1/14788.

А. А. ТАРСКИЙ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КИНОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В СИСТЕМЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ТЕОРЕТИКО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Прежде чем рассматривать правовое положение и специфику работы Кинологической службы Республики Беларусь в системе таможенных органов Республики Беларусь, следует рассмотреть саму эту систему подробнее.

Согласно ст. 8 закона Республики Беларусь № 129-3 от 10 января 2014 г. «О таможенном регулировании в Республики Беларусь», утверждается следующая система таможенных органов Республики Беларусь:

- *Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (далее - ГТК);*
- *таможни;*
- *государственные учреждения, создаваемые для обеспечения выполнения функций, возложенных на таможенные органы (РУП «Белтаможсервис»).*

Структура таможен строится на основе «Типового положения о таможне», утвержденного Приказом ГТК № 378 от 25.08.1999 г. В нем изложена типовая схема строения таможни – деление на отделы. Одним из них является отдел кинологической службы, входящий в правоохранительный блок таможни.

Отдел кинологической службы (ОКС) был создан на основании Постановления Совета Министров Республики Беларусь № 1054 от 14 июля 2000 г. «Об утверждении концепции создания и развития кинологической службы таможенных органов Республики Беларусь». На данный момент, работа ОКС базируется на «Положении о кинологической службе таможенных органов Республики Беларусь», утвержденного приказом Председателя ГТК от 10 ноября 2015 г.

Существует целый ряд весомых причин, которые подтолкнули к созданию ОКС. Одной из основных является увеличившийся объем оборота наркотических средств и психотропных веществ в конце 90-х – начала 2000-х годов. Связанно это непосредственно с увеличившимся объемом потребления и возрастания популярности

наркотиков в мире и, в особенности, в молодежной среде. Создание ОКС являлось одним из верных шагов в борьбе с этим опасным явлением.

Собаки уже на протяжении многих лет по всему миру доказывали свою эффективность в подобной работе. Связано это в первую очередь с невероятным обонянием собак, способных обнаружить вещества по их летучим компонентам. Поскольку частицы таких компонентов ничтожно малы, то они с легкостью проникают через полупроницаемые мембраны упаковок и могут быть обнаружены обонянием собак. А это решение еще одной очень важной проблемы: поиск незаконно перевозимых наркотических средств и психотропов в тщательно подготовленных тайниках. При этом стоит отметить, что множество тайников изготавливается не кустарным, а заводским методом, что значительно усложняет задачу поиска. Тайники маскируются различными «отдушками» с целью сокрытия от обнаружения собаками. Очень часто собакам удается обнаружить тайники, которые не были обнаружены при помощи рентген установок. Собаки определяют нахождение наркотиков и указывают на их возможное местоположение сигнальной позой, что будет являться основанием для более углубленного досмотра, например, транспортного средства на предмет перевозки в нем запрещенных веществ.

Следует отметить, что еще до появления ОКС существовали различные специальные приборы, позволяющие производить поиск наркотиков по летучим частицам вещества. Однако, собака превосходит данные приборы по двум показателям. Во-первых, расстояние, на котором собака улавливает запах, несколько выше, чем расстояние у «электронного носа». Во-вторых, стоимость покупки и обслуживания «электронного носа» в разы выше стоимости самой собаки и затрат на ее содержание. Цена такого прибора доходит до 100 тысяч долларов плюс сложность в обслуживании и калибровки. Совокупность всех этих причин и привела к созданию на территории Беларуси кинологической службы таможенных органов.

Подобная служба уже создавалась в 1988 году в СССР и носила название «Кинологическая служба таможенных органов СССР». Однако после распада СССР в Республики Беларусь не было собственной таможенной кинологической службы [1]. Это значительное упущение и было решено ликвидировать в начале 2000-х.

Первый отдел кинологической службы был создан в 2001 году согласно приказу ГТК № 237-ОД. Отдел был введен в структуру Минской центральной таможни с целью подготовки кинологов и служебных собак для других таможен, а также предотвращения незаконного перемещения взрывчатых, психотропных и наркотических веществ через таможенную границу. На тот момент был практически экспериментальным, поэтому, помимо всего прочего, он должен был собирать и накапливать методическую базу по развитию и совершенствованию кинологической службы, а также разрабатывать методики и практические рекомендации для образования подобных структур и внутри других таможен Республики Беларусь.

На данный момент в ОКС таможен работает свыше 40 сотрудников и свыше 45 служебных собак. Особенность подготовки для работы в ОКС заключается в том, что помимо подготовки инспектора-кинолога, требуется еще и подготовка специально обученных собак. Первичную подготовку собаки осуществляет непосредственно кинолог. Собак обучают не только азам общего курса послушания, но и вырабатывают у собак поисковую реакцию, которая в дальнейшем перерастет непосредственно в поиск. Стоит отметить, что бытующее мнение о том, что собака для поиска наркотиков становится зависимой от самого наркотического вещества, абсолютно не верно. На самом деле этот процесс больше схож с игрой, и не имеет ничего общего с

зависимостью. Собаку не интересует само вещество – собаку интересует поощрение, которое она получает за его обнаружение. Как правило, поощрением является аппортировочный предмет (мячик). Для обучения поиску используются либо имитаторы запаха, на который будет применяться собака, либо специально упакованные небольшие порции данного вещества, именуемые «закладками». Обучение строится по принципу от простого к сложному: собаку в начале приучают к поиску наркотических средств, имеющих ярко выраженный запах, а только потом, когда собака успешно справляется с поиском этих веществ, переходят на такие «тяжелые» наркотики, как героин или кокаин, которые могут вызвать затруднения в поиске даже у опытных собак. При этом дрессировка собак не является однократным мероприятием: для достижения наилучшего результата кинолог продолжает улучшение навыков собаки на протяжении всего времени работы с ней, порой и в течении всей жизни собаки.

Ежегодно сотрудники ОКС таможенных органов доказывают свою эффективность: за 2015 г. сотрудниками кинологических подразделений было выявлено 92 факта незаконного перемещения через границу наркотических средств и психотропных веществ; изъято более 70 кг наркотиков, а также 2700 единиц лекарственных препаратов, содержащих психотропные вещества. Показательным является факт, выявленный с помощью сотрудников кинологического подразделения, незаконного перемещения гражданином Эстонии 64 кг наркотического вещества «гашиш», который был сокрыт в специально изготовленном тайнике легкового автомобиля [2].

По нашему мнению, на сегодняшний день существует упущение, которое несколько тормозит подготовку высококвалифицированных кинологов для работы в ОКС таможенных органов. Заключается это упущение в том, что прийти на работы в ОКС может практически любой человек, не имеющий никакой профессиональной подготовки. Основными требованиями при поступлении на службу в ОКС является - наличие высшего образования, как и для поступления на службу в таможенные органы, допустимая группа здоровья и желание работать с собакой. При этом последующие обучение в юридическом и кинологическом направлении не будет является достаточными для полноценного овладения ими, т.к. это обучение длится всего 2 месяца.

А ведь работа кинолога включает в себя не только работу с собаками, но и юридический аспект (сотрудники ОКС имеют право в силу своих должностных обязанностей при необходимости составлять все необходимые таможенные документы при обнаружении признаков административно-таможенных правонарушений либо контрабанды, а также документы, связанные с применением служебных собак; должны полностью владеть практически всеми аспектами таможенного законодательства; должны знать особенности перемещения и распространения тех или иных наркотиков в различных регионах мира.). Поэтому, по нашему мнению, хорошим решением данного вопроса было бы создание на базе дневного отделения юридического факультета специализации, связанной конкретно с работой в кинологической службе. Абитуриенты, желающие поступить на данную специализацию должны проходить тщательный отбор. Набор не должен превышать 8–10 человек на курс. Программа обучения таких специалистов должна быть несколько отлична от программы обычного юриста. Связанно это с тем, что помимо обучению юридическим наукам, кинологи обязаны знать анатомию, физиологию собак, обучаться непосредственной работе с собакой, а именно дрессировке. Выпускники данной специальности получали бы

распределение в ОКС таможенных органов непосредственно после окончания своего обучения и успешной сдачи экзаменов.

Подготовка специалистов-кинологов на основе дневного отделения юридического факультета была бы уникальна не только для Беларуси, но и практически для всего мира. Реальность осуществления этого подкрепляет тот факт, что в Беларуси существует как сильный педагогический состав в юридической области, так и специалисты-кинологи, способные передать свой опыт будущим служащим ОКС таможенных органов Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотина, И. Кинологическая служба таможенных органов Республики Беларусь: достижения и перспективы развития / И. Болотина // Актуальные вопросы таможенного дела : сб. ст. / Белорусский государственный университет ; редкол.: В. А. Острога (глав.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 38-43.

2. Государственный таможенный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gtk.gov.by/ru>. – Дата доступа : 02.10.2016.

3. Крушинский, Л. Служебная собака. Руководство по подготовке специалистов служебного собаководства / Л. Крушинский. – М. : Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1952. – 335 с.

В. А. ТЕЛЕШ, О. Я. СЛИВКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ЛИЦОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ, ПЕРЕДАЧА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ ТАКОМУ ЛИЦУ ЛИБО ОТКАЗ ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРОВЕРКИ

Статья 18.16 КоАП РБ закрепляет ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки. В этом составе правонарушения объектом правонарушения будет являться установленное законодательством требование о запрете управления транспортными средствами в состоянии алкогольного или иного опьянения.

КоАП РБ не раскрывает, каким образом следует определять находится ли лицо в состоянии алкогольного опьянения. Процедуру освидетельствования закрепляет ПИКоАП РБ. Кроме того, в пункте 9.2 ПДД говорится, что по требованию сотрудника ГАИ водитель обязан пройти в установленном порядке проверку (освидетельствование) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

Если у сотрудника ГАИ, который остановил транспортное средство, есть подозрения, что водитель находится в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, инспектор должен инициировать освидетельствование. Достаточными основаниями полагать, что

водитель находится в этом состоянии, могут быть: запах алкоголя изо рта; затруднения при сохранении равновесия; нарушения речи; выраженное изменение окраски кожных покровов лица; покраснение глаз, сужение или расширение зрачков глаз; шатающаяся походка; спонтанные движения глаз.

Освидетельствование - это совокупность действий должностного лица, производимых при необходимости с участием врача или иного специалиста в порядке, устанавливаемом Положением о порядке проведения освидетельствования, утверждённым Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14.04.2011 № 497, а также законодательством, определяющим порядок ведения административного процесса, и (или) уголовно-процессуальным законодательством, по выявлению наличия или отсутствия состояния опьянения у физического лица, если для этого не требуется проведения экспертизы.

При процедуре освидетельствования устанавливается состояние алкогольного опьянения - наличие абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации 0,3 и более промилле или наличие паров абсолютного этилового спирта в концентрации 150 и более микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха. Кроме того, водитель может находиться в состоянии наркотического опьянения. В данном случае обязательно выявляется наличие наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ в биологических образцах, забранных у физического лица, при одновременном выявлении у него совокупности нарушений физических и (или) психических функций вследствие потребления соответствующих наркотических средств или других веществ.

Освидетельствование проводится с использованием приборов, предназначенных для определения концентрации паров абсолютного этилового спирта в выдыхаемом воздухе, соответствующих требованиям технических нормативных правовых актов, и (или) экспресс-тестов (тест-полосок, экспресс-пластин), предназначенных для определения наличия наркотических средств или других веществ в биологических образцах, забранных у физического лица.

Ст. 10.14 ПИК_оАП РБ предусматривает возможность принудительного освидетельствования, при отказе лица от освидетельствования. Отказ от прохождения в установленном порядке освидетельствования - выраженное в письменной или устной форме несогласие физического лица проходить в установленном порядке освидетельствование в целом, а равно отказ физического лица от выполнения указаний должностного лица (врача или иного специалиста), касающихся освидетельствования. Об этом делается отметка в протоколе об административном правонарушении.

Следует отметить, что санкция ч. 1 ст. 18.16 КоАП РБ одинаковая за разные деяния, предусмотренные диспозицией статьи. Так и за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, и за передачу управления транспортным средством такому лицу, и за отказ от освидетельствования – штраф в размере от пятидесяти до ста базовых величин с лишением права управления транспортным средством сроком на три года.

В части 3 статьи 18.16 КоАП объективная сторона выражается в:

1. употребление водителем алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ после подачи сотрудником органов внутренних дел сигнала об остановке транспортного средства;

2. те же действия, указанные в пункте 1, после совершения дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, до прохождения проверки

(освидетельствования) на предмет определения состояния алкогольного опьянения либо состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

В первом случае водитель транспортного средства употребил алкоголь или иные вышеуказанные напитки и вещества уже после того, как ему был подан сигнал об остановке транспортного средства, т.е. в тот момент, когда водитель ехал он был трезв, после сигнала об остановке он принял спиртное или иное вещество. Во втором же случае те же действия, но после совершения дорожно-транспортного происшествия, участником которого он является, до прохождения освидетельствования.

Анализ санкций, предусмотренных в части 1 и 3 статьи 18.16 КоАП, показывает, что законодатель установил одинаковую меру взыскания для этих частей, что говорит о равнозначной общественной опасности этих правонарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 21 апр. 2003 г. № 194-З: с изм. и доп. от 04.01.2016 – Минск : Амалфея, 2016. – 542 с.

2. Об утверждении положения о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 апр. 2011 г., № 497 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Василевич, Г. А. Административно - деликтное право / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. – Минск : Адукция и выхаванне, 2013. – 648 с.

Е. И. УСОВА, Е. М. КАРАВАЕВА

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В административно-процессуальной науке, теории и практике рассмотрения дел об административных правонарушениях существует относительно противоречивый и дискуссионный институт - институт доказывания. Вытекающий из не менее запутанной в теории проблемы доказательств, он самым непосредственным образом влияет на законность, обоснованность и принятие справедливого решения по делу об административном правонарушении.

На сегодняшний день совершенствование административно-правового института доказательств реализовано не в полной мере. Необходимым условием повышения его эффективности является обеспеченная научным знанием системность разрешения существующих проблем в рамках современной концепции административного процесса.

Доказательства и источники их процессуального закрепления в наибольшей степени были исследованы уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной науками. В административном же процессе дискуссии этому вопросу до сих пор носят фрагментарный характер. Вместе с тем современное состояние правоприменительной

практики свидетельствует об актуальности проведения исследований, связанных с доказательствами и их источниками в административном процессе.

Под доказательствами следует понимать определенные сведения о фактах, имеющих значение для дела, полученные в предусмотренном законом порядке, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств дела об административном правонарушении. На сегодняшний день, понятие доказательства в административном процессе, содержащееся в ПИКоАП Республики Беларусь [1, ст. 6.3], является наиболее полным и содержательным по сравнению с понятием доказательств в административном процессе Украины и Российской Федерации.

Классификации доказательств по делам об административных правонарушениях проводятся по различным основаниям. Наиболее распространенным является деление доказательств на личные и вещественные; на прямые и косвенные; на первоначальные и производные и на обвинительные и оправдательные. Это деление весьма условно. В административном процессе довольно широкое применение находят доказательства, характер которых не дает возможности отнести их ни к одной из указанных выше групп. К ним можно отнести доказательства констатирующего значения, содержащиеся обычно в справках, заключениях, характеристиках. В том числе и по этой причине ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы и их исследование должно осуществляться в совокупности. Необходима практическая административно-процессуальная деятельность, позволяющая включить в процесс доказывания ту часть объективной и субъективной реальности, в которой отразилось правонарушение. Именно по мере осуществления такой деятельности формируются доказательства как сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для дела об административном правонарушении.

Особое место в процессе исследования обстоятельств по административному делу занимают вещественные доказательства. Это обусловлено тем, что при рассмотрении административных дел начинают шире применять разнообразные научно-технические средства для проведения экспертиз (химической, товароведческой, технической и т. д.), расширяя тем самым круг предметов материального мира, могущих быть вещественными доказательствами. Вместе с тем нельзя и переоценивать роль этого вида доказательств. Мы разделяем точку зрения отдельных ученых о том, что «в теории доказательств вещественные доказательства не имеют каких-либо преимуществ перед другими доказательствами ... Роль и значение их могут быть правильно оценены только при самом тщательном и критическом сопоставлении со всеми обстоятельствами дела, со всеми доказательствами, собранными в ходе расследования и рассмотрения дела» [2, с. 28]. Дело в том, что в уголовно-процессуальной науке весьма авторитетна идея о доминирующей роли вещественных доказательств по сравнению с иными доказательствами. Многие процессуалисты полагают, что преимущество вещественных доказательств состоит в их объективном характере, в то время как в показаниях человека содержится информация субъективного свойства. Действительно, предметы материального мира, являясь вещественными доказательствами, объективно и адекватно запечатлевают те или иные события или явления, в то время как показания потерпевшего, свидетеля и иных участников процесса основаны на субъективном восприятии. Однако это не делает вещественные доказательства более достоверными по сравнению с иными видами доказательств. Административные дела по сравнению с большинством уголовных и гражданских дел по своей сущности просты и особой сложности не представляют, но и они разрешаются, прежде всего, путем анализа всех имеющихся по делу доказательств.

Поэтому, разрешая дело об административном правонарушении, правоприменительный орган основывает свое решение на собранных и проверенных доказательствах, исходя не из каких-либо формальных признаков этих доказательств, а из того, насколько доказательства достоверны и способны установить их соответствие действительности.

Важное значение для доказывания по административному делу имеет деление документов на оригиналы и копии. Довольно часто законодатель признает доказательственное значение только за оригиналом. Считается, что информация, содержащаяся в оригинале документа, обладает большей достоверностью, чем информация, содержащаяся в копии. Вместе с тем нельзя не видеть того, что развитие документации и новой техники размножения привело к дифференциации понятия «копия», что, в свою очередь, связано с использованием копий в качестве доказательств. Применение автоматического копирования (когда копии получаются автоматически вместе с оригиналом) позволяет создавать копии, совершенно идентичные оригиналу. Обычно они и рассылаются соответствующим заинтересованным органам (лицам), а оригинал хранится в делах органа (лица), являющегося автором. Представляется, что копии, исполненные таким образом, должны приниматься в качестве доказательств как оригиналы. Что же касается копий, выполненных иным путем (переписки от руки, фотографирования и т. д.), то они могут служить доказательствами при условии надлежащего их удостоверения.

Различают копии авторизованные (удостоверенные автором), нотариальные (удостоверенные нотариусом), официально заверенные (когда их соответствие оригиналу подтверждается компетентными должностными лицами и сопровождается выполнением соответствующих формальностей — печати, подписи, регистрации и т. д.), просто заверенные (в том числе и частными лицами) и незаверенные копии (не имеющие подтверждений о своем соответствии оригиналу). Каких-либо единых правил, регулирующих условия допустимости использования копий документов в качестве доказательств в административном процессе, не существует. Данный вопрос остается законодательно не определенным, что, следовательно, может создать сложности в допуске копий документов в качестве доказательств по делу об административном правонарушении.

Обычно законодатель, устанавливая порядок рассмотрения тех или иных административных дел, одновременно определяет (если не нужен в обязательном порядке оригинал документа) вид допустимой копии как доказательства по делу. В тех же случаях, когда такого указания в законе нет, вопрос о виде копии, которая может быть допущена в административном процессе в качестве доказательства, решается непосредственно правоприменительным органом или конкретным должностным лицом. Считаем необходимым, в целях устранения неясности в административном процессе, законодательно определить формы копий документов допустимых в качестве доказательств по делу об административном правонарушении. Например, копии доверенностей должны быть официально заверенными, копии документов, удостоверяющих личность, - заверенные нотариально.

На практике часто бывает трудно разграничить документ и вещественное доказательство. Их различие состоит в том, что доказательственное значение документа определяется его содержанием, а доказательственное значение вещественного доказательства - его физическими признаками. Например, лицензия на осуществление конкретного вида деятельности сама по себе является официальным

документом. Однако, в случае подделки лицензии, она выступает в качестве вещественного доказательства.

Резюмируя сказанное, можно заметить, что предмет доказывания определяет перечень фактических обстоятельств, которые необходимо установить для принятия правильного решения по делу. Данные фактические обстоятельства и являются обстоятельствами, подлежащими доказыванию по делу об административном правонарушении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Республики Беларусь принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2014 № 197-3 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016

2. Выдря, М. М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе [Текст] / М. М. Выдря. - М. : Госюриздат, 1955. - 118 с.

В. А. ХОДЖАЕВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Современные ученые признают немаловажное значение института дисциплинарной ответственности государственных служащих, его нормативная база содержит ряд пробелов, которые серьезным образом влияют на весь ход дисциплинарного производства. Результатом этого выступает недостаточная действенность института дисциплинарной ответственности государственных служащих и уменьшение его значимости как средства поддержания служебной дисциплины в системе органов государственного управления. Именно дисциплинарная ответственность играет важную роль в профилактике серьезных и тяжких преступлений, совершаемых государственными служащими.

К сожалению, многие уже разработанные аспекты дисциплинарной ответственности утрачивают свою актуальность в силу изменения государственной политики и нормотворчества. Этот факт отражает необходимость внесения изменений в действующее законодательство, а также принятия новых, более эффективных нормативных правовых актов для дальнейшего развития института дисциплинарной ответственности государственных служащих. Следовательно, можно говорить о существенных недостатках дисциплинарного служебного законодательства, что отражается на эффективности дисциплинарного производства.

Для того чтобы быть действенной, эффективной, государственная служба должна основываться на прочном нравственном фундаменте. Непорядочность государственного служащего, отсутствие у него нравственных начал может дискредитировать любые попытки власти повысить свой авторитет. В современном

белорусском обществе правовые, политические и другие регуляторы общественных отношений стали утрачивать свою значимость, а ведущим регулятором, определяющим поведение служащего, становится его моральная направленность. Причина видится, прежде всего, в том, что большинство дисциплинарных дел с участием государственных служащих связаны именно с их моральными, а не правовыми проблемами поведения.

Исследовав национальное законодательство, регулирующее совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности, делается вывод о том, что согласно современному законодательству, лицо, уполномоченное налагать дисциплинарное взыскание вправе, но не обязано привлекать государственного служащего к дисциплинарной ответственности. А отсутствие в составе дисциплинарного проступка видовых объектов, позволяет уполномоченному лицу формулировать их самому. Отсюда следует отсутствие в законодательстве принципа неотвратимости наказания, согласно которому государственный служащий, совершивший дисциплинарный проступок, подлежит наказанию, т.е. несет ответственность, предусмотренную дисциплинарным законодательством.

В борьбе с любыми правонарушениями важны не только неотвратимость наказания, но и их предотвращение, в том числе профилактика. Это касается и дисциплинарных проступков. Если говорить о государственных служащих, то профилактика может состоять, прежде всего, в установлении в государственных органах, на государственной службе атмосферы недопустимости игнорирования требований служебного поведения. Любые действия, создающие условия для появления нарушения по службе должны критиковаться.

Так же предлагаем внести изменения в законодательство о государственной службе, включив в статью 6 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» [1, ст. 6] в число основных принципов функционирования государственной службы принцип этичности, нравственного поведения государственного. Без этого принципа, т. е. центрального понятия, руководящей идеи, распространяющейся на все области государственной службы, невозможно дальнейшее внедрение нравственных начал в сферу служебных отношений.

При назначении взыскания каждый руководитель государственного органа должен иметь перед глазами грамотно сформулированный перечень служебных обязанностей государственного служащего, с которым должен быть ознакомлен и сам служащий. Кроме того, необходимо указать, какую именно меру дисциплинарной ответственности назначать за тот или иной проступок по службе. Размытость определения, содержащегося в статье 57 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» [1, ст. 57] дает возможность лицу, уполномоченному налагать дисциплинарное взыскание самому выбирать и назначать меру ответственности, что недопустимо в и без того сложной ситуации, сложившейся в настоящее время в сфере государственной службы.

В Республике Беларусь отсутствует специальный нормативный правовой акт о дисциплинарной ответственности государственных служащих. Нормы о дисциплинарной ответственности государственных служащих содержатся в Законе «О государственной службе в Республике Беларусь». Вместе с тем в отдельных отраслях и сферах государственной деятельности действуют уставы и положения о дисциплине отдельных категорий государственных служащих.

Поскольку дисциплинарная ответственность закреплена в достаточно большом количестве нормативных правовых актов, это затрудняет применение дисциплинарных санкций, а порой приводит к неправильному их применению. Так Ю. Н. Старилов справедливо указывает, что во всех актах дисциплинарного законодательства «речь идет о совершенно схожих категориях: о дисциплинарных проступках, видах дисциплинарных взысканий и процедуре наложения данных взысканий на государственных служащих, то есть одни и те же нормы размещены в различных источниках» [4, с. 17].

В связи с этим, считаем рациональным воссоздать данных вопросов в едином полноценном систематизированном нормативном правовом акте – Дисциплинарном законе (или, например, в Дисциплинарном кодексе), который стал бы основой дисциплинарного законодательства. Путём создания Дисциплинарного кодекса в Республике Беларусь удастся значительно облегчить применение дисциплинарных санкций, а порой и устранить их неправильное применение.

Носова Ю. Б. целесообразным считает внедрение классификации дисциплинарных проступков по степени тяжести совершенного деяния с соответствующей дифференциацией дисциплинарных взысканий в законодательстве Российской Федерации. На наш взгляд, в Республике Беларусь так же такая классификация необходима, поскольку Закон «О государственной службе в Республики Беларусь» хотя и упоминает термин «тяжесть совершенного государственным служащим дисциплинарного проступка», но значения его не раскрывает, предлагается законодательно закрепить понятие тяжести дисциплинарного проступка, под которой можно будет понимать категорию, качественно характеризующую дисциплинарный проступок и охватывающую характер и степень посягательства на общественные отношения, размер и характер причиненного вреда, а также однократность (неоднократность) дисциплинарного проступка. В зависимости от степени тяжести предусмотреть следующие категории дисциплинарных проступков:

1. незначительные дисциплинарные проступки – это проступки, совершенные впервые или после снятия ранее наложенного дисциплинарного взыскания и не повлекшие нарушения охраняемых законом прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также не причинившие материального ущерба государству;

2. значительные проступки – проступки, совершенные впервые или после снятия ранее наложенного дисциплинарного взыскания и повлекшие нарушение охраняемых законом прав и законных интересов физических и юридических лиц и (или) причинившие материальный ущерб государству;

3. серьезные проступки – проступки, являющиеся особо грубыми [3, с. 8].

Также интересными и практически применимыми и для Республики Беларусь, в том числе являются предложения по совершенствованию дисциплинарного законодательства Агафоновой Н. Ю., которая предлагает закрепить в дисциплинарном служебном законодательстве следующие стадии дисциплинарного производства [2, с. 13]:

1. возбуждение дела о дисциплинарном проступке;
2. служебное расследование;
3. рассмотрение дисциплинарного дела и принятие решения;
4. исполнение решения (обязательные стадии),
5. обжалование решения;
6. досрочное снятие дисциплинарного взыскания (факультативные стадии).

При этом для каждой стадии дисциплинарного производства должны быть определены сроки, участники и юридически значимые документы, принимаемые в процессе реализации этой стадии.

Таким образом, существующий в Республике Беларусь порядок привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности нуждается в уточнении не только для достижения целей государственного управления, но и с целью защиты прав самих государственных служащих. Только оптимальный баланс взаимных интересов, детальная регламентация процедурной деятельности позволят достигнуть объективности, справедливости при привлечении к дисциплинарной ответственности, что, в конечном счете, позволит решить одну из главных проблем государственной службы – проблему дисциплины государственных служащих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З : в ред. от 14 июля 2014 г. № 190-З : с изм. и доп. от 15 июля 2015 г. № 305-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Агафонова, Н. Ю. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.14 / Н. Ю. Агафонова ; Рос. акад. наук, Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2013. – 22 с.

3. Носова, Ю. Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Ю. Б. Носова ; Воронежский гос. университет. – Воронеж, 2008. – 24 с.

4. Стариков, Ю. Н. Курс общего административного права / Ю.Н. Стариков. – М. : Норма, 2002. – 600 с.

В. Ю. ЧЕШКО

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

ОБ УРОВНЯХ ПРИНЦИПОВ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Принципы одна из отправных точек по построению системы правового регулирования дисциплинарной ответственности. Для выяснения вопросов о принципах дисциплинарной ответственности военнослужащих, представляется необходимым провести теоретическое исследование сущности понятия принцип и концептуальных подходов по рассмотрению принципов дисциплинарной ответственности военнослужащих.

Принцип (от лат. Principium – начало, основа) – основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации [1, с. 960].

Принципы играют ключевую роль в построении системы права и его отраслей и институтов. Юридическая ответственность как один из институтов права имеет свои принципы. Безусловно, такие принципы должны быть научно обоснованы и закреплены в правовых нормах, поскольку от правильности их построения и

применения зависят права и свободы граждан и юридических лиц. Ученые в области теории права полагают, что «Правотворческая деятельность осуществляется на базе основополагающих принципов, выражающих руководящие идеи и организационные начала, которые определяют существо и общие направления этой деятельности» [2, с. 277].

Дискуссионность по вопросу системы ее построения продолжается. В одном из последних исследований принципов юридической ответственности В. М. Шамаров классифицирует их на три группы: генеральные принципы, конституционные принципы и особые принципы института юридической ответственности» [3, с. 59]. Критически анализируя данное мнение, возникает справедливый вопрос о соотношении конституционных принципов и генеральных. Конституция в своей сути и включает генеральные и общие принципы права и ответственности соответственно.

Исследуя различные подходы в построении системы принципов, автором особое внимание уделялось на сложность дисциплинарной ответственности, по причине различного рода субъектов привлекаемых к ней и наличием достаточно большого количества нормативных правовых актов осуществляющих ее регулирование. В этой связи граничным критерием при ее конечной классификации выбран критерий субъектов привлекаемых к дисциплинарной ответственности.

Особый интерес вызывает позиция О. И. Чуприс, которая, рассматривая принципы государственной службы, классифицирует их на три уровня «общие (конституционные), специальные (принципы организации и принципы осуществления государственной службы) и специфические (свойственны и отражают специфику службы в тех или иных государственных органах, закрепляются в нормативных правовых актах об этих органах)» [4, с. 82-84].

С. В. Павлючик, соглашаясь с указанным мнением, детализирует данные виды принципов в сфере военной службы [5]. Обозначенная точка зрения имеет, по мнению автора, наиболее достаточное обоснование и является модельной по построению принципов к различным правовым явлениям, и соответственно может быть применима по аналогии к построению уровней принципов ответственности военнослужащих.

Основу принципов, безусловно, должны создавать общие (конституционные) принципы, поскольку именно они закрепляют фундамент любой правовой системы и всех правовых явлений в обществе. К таким общим принципам юридической ответственности следует отнести: верховенства права, равенства перед законом, виновной ответственности, законности и др. [6, ст. ст. 7, 22, 26, 137].

Следующий уровень принципов – специальные или отраслевые, они характеризуют непосредственно виды юридической ответственности (уголовную, административную и т.д.).

К принципам административной ответственности относят следующие: «законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма» [7, ч. 1 ст. 4.2; 8, с. 186]. Для уголовной ответственности такими принципами выступают: «законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма» [9, ч. 1 ст. 3].

Особый акцент необходим в уровне отраслевых принципов по причине того, что общие принципы создают правовое направление по построению норм, детализируются эти принципы в отраслевых нормативных правовых актах. По справедливому мнению Н. А. Горбатка, А. Ф. Вишневого и В. А. Кучинского: «Желательно, чтобы такие принципы закреплялись в отраслевом законодательстве» [2, с. 425], с данной позицией

сложно не согласиться, поскольку именно в нормативных правовых актах закрепляющих принципы этого уровня строится вся система по применению мер ответственности с их учетом.

Третий уровень принципов – специфические, т.е. принципы, характеризующие определенные отраслевые правовые явления по разграничивающим критериям. В отношении дисциплинарной ответственности таким критерием будет выступать субъект. Особенности привлечения к дисциплинарной ответственности будут регламентироваться нормативным правовым актом, распространяющимся на категорию какого-либо субъекта. В отношении работника – Трудовой кодекс Республики Беларусь [10], военнослужащих – Дисциплинарный устав [11], сотрудника органов внутренних дел – Дисциплинарный устав органов внутренних дел Республики Беларусь [12] и т.д.

Особенность построения уровней принципов ответственности заключается в том, что отраслевые принципы характерны для административного, уголовного и гражданского права, поскольку закреплены они соответствующих кодексах и распространяются на всех субъектов определенных в этих нормативных правовых актах. Для дисциплинарной ответственности большую роль играет субъектный состав и наличие достаточного количества нормативных правовых актов, регулирующих ее, затрудняет построение одного уровня отраслевых принципов для всех категорий субъектов в виду их качественно-существенных отличий.

Таким образом, в отношении дисциплинарной ответственности следует отметить, наличие после первого уровня принципов (конституционных) – специфических принципов, т.е. принципов дисциплинарной ответственности по видам субъектов, которые подменяют собой отраслевые принципы. Данные принципы влияют на построение дисциплинарных уставов и положений о дисциплине соответствующих категорий субъектов (работников, военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и т.д.). В этой связи целесообразно их исследование и закрепление в соответствующих нормативных правовых актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой энциклопедический словарь. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 1999. – 1456 с.: ил.
2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под общ. ред. В. А. Кучинского. – Минск : Интегралполиграф, 2009. – 552 с.
3. Шамаров, В. М. Принципы Юридической ответственности / В. М. Шамаров // Вестн. Екат. ин-та. – 2014. – №. 2 (26). – С. 54–60.
4. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс // Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика. – 2009. – 310 с.
5. Павлющик, С. В. О специфических принципах военной службы / С. В. Павлющик // сборник тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня Южного федер. ун-та. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. – Т. 1. – 578 с. – С. 256-259.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2013. – 48 с.
7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек.

2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Административное право: учебник / Л. М. Рябцев [и др.]; под общ. ред. Л. М. Рябцев. – Минск : Амаффея, 2013. – 416 с.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

10. Трудовой кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

11. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04.09.2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

12. Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь и текста присяги лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2003 г., № 218 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 25.02.2013 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

В. И. ШАШ, И. А. ЯНЧУК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

НОВЕЛЛЫ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В связи с быстрыми темпами развития общественных отношений возникает необходимость принятия новых нормативных правовых актов, а также внесения изменений и дополнений в уже существующие. Так 19 июля 2016 года был принят Закон Республики Беларусь № 407-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее - Закон). За некоторым исключением, положения Закона вступили в силу 23 августа 2016 года.

Согласно Закону подверглись изменению 19 статей Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Более подробно хотелось бы остановиться на изменениях, внесенных в некоторые статьи. Так, в статье 9.17. «Нарушение правил по охране труда» до внесения изменений и дополнений в КоАП закреплялось две части. В часть 1 значительных изменений внесено не было, чего

нельзя сказать относительно части 2, в которой ранее закреплялся такой квалифицированный признак, как повторность. Теперь часть 2 предусматривает ответственность за допуск к выполнению работ (оказанию услуг) лица, не прошедшего необходимый медицинский осмотр либо освидетельствование на предмет нахождения в состоянии алкогольного опьянения либо в ином недопустимом состоянии, когда прохождение такого осмотра либо освидетельствования обязательно в соответствии с законодательством об охране труда, либо неотстранение от выполнения работ (оказания услуг) лица, заведомо находящегося в состоянии алкогольного опьянения либо в ином недопустимом состоянии. Такое деяние влечет наложение штрафа в размере от восьми до сорока пяти базовых величин [1]. Также следует отметить, что повторность теперь закреплена в части 3.1.

Подверглась значительным изменениям статья 17.3. «Распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения». В первую очередь это касается количества частей статьи, так вместо трех частей теперь в ней содержится шесть. В нынешней редакции диспозиция части 1 предусматривает ответственность за распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива на улице, стадионе, в сквере, парке, общественном транспорте или в других общественных местах, кроме мест, предназначенных для употребления алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, либо появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Санкция в виде штрафа в размере до восьми базовых величин [2]. Диспозиция части 2 закрепляет ответственность за нахождение на рабочем месте в рабочее время только в состоянии алкогольного опьянения и предусматривает штраф в размере от одной до десяти базовых величин. Влечет наложение штрафа в размере от пяти до десяти базовых величин, согласно части 4 данной статьи, появление в общественном месте в состоянии, вызванном потреблением без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. А вот за нахождение на рабочем месте в рабочее время в таком состоянии предусматривается штраф в размере от восьми до двенадцати базовых величин, что закреплено в части 5. Отдельно, в части 6, предусмотрена ответственность за потребление без назначения врача-специалиста наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в общественном месте. Санкция предусматривает штраф в размере от десяти до пятнадцати базовых величин. Таким образом, положения частей 1 и 6 статьи 17.3 в действующей редакции ранее закреплялись в части 1, а положения частей 2 и 4 – в части 2. Кроме того, появилась ответственность за появление в общественном месте в состоянии наркотического или токсического опьянения.

Законом было дополнено примечание к статье 23.9. «Нарушение порядка декларирования доходов и имущества», которое содержит перечень недостоверных сведений, указание которых в декларации о доходах и имуществе не является административным правонарушением, предусмотренным настоящей статьей. Так, не является административным правонарушением указание в декларации о доходах и имуществе неполных или недостоверных сведений о доходах и (или) имуществе, подлежащих декларированию, если физическим лицом представлена уточненная декларация о доходах и имуществе в налоговый орган, государственный орган, иную

организацию, должностному лицу, которые проводят проверку полноты и достоверности сведений, указанных в декларации, до составления соответственно налоговым органом акта камеральной проверки физического лица, а государственным органом, иной организацией, должностным лицом – заключения о результатах проверки полноты и достоверности сведений о доходах и имуществе, указанных в декларации о доходах и имуществе.

В нынешней редакции КоАП были включены 4 новые статьи, ранее не установленные законодателем. Полагаем, что появление данных составов правонарушений связано с учащением случаев употребления среди молодежи наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, а также некурительных табачных изделий, в некоторых случаях потребление таких средств приводило к летальным исходам. Исходя из этого, государством принимаются различные меры, направленные на предотвращение незаконных действий с наркотиками, психотропными веществами и их аналогами.

Теперь в соответствии со статьей 16.10. «Незаконные действия с некурительными табачными изделиями, предназначенными для сосания и (или) жевания». Устанавливается административная ответственность за приобретение, хранение некурительных табачных изделий, предназначенных для сосания и (или) жевания, в количестве, не превышающем пятидесяти граммов; перевозка, пересылка, приобретение, хранение таких изделий в количестве, превышающем пятьдесят граммов, а равно реализация таких некурительных табачных изделий при отсутствии признаков незаконной предпринимательской деятельности; а также изготовление при определенных условиях.

Продолжение темы борьбы с распространением потребления наркотических средств в Кодексе прослеживается в закреплении статьи 17.15. «Непринятие мер по недопущению потребления и распространения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов». Ответственность наступает за непринятие ИП либо уполномоченным должностным лицом юридического лица предусмотренных законодательством мер по недопущению на дискотеках, в культурно-развлекательных (ночных) клубах, игорных заведениях потребления без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ, либо потребления их аналогов, либо сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также неинформирование органов внутренних дел о выявлении фактов совершения таких действий, если в этих деяниях нет состава преступления.

Следующая группа новых статей связана с сохранением историко-культурного наследия Республики Беларусь. Так, в КоАП появились статья 19.8. «Незаконный поиск археологических артефактов» и статья 19.9. «Незаконный оборот археологических артефактов». Административная ответственность предусматривается соответственно за поиск археологических артефактов, осуществляемый без разрешения на право проведения археологических исследований, а также за приобретение, продажа, дарение, мена, залог археологических артефактов в случаях, запрещенных законодательными актами, при отсутствии признаков незаконной предпринимательской деятельности.

Относительно Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - ПИККоАП), следует отметить, что в нем было изменено 14 статей. Самые существенные изменения коснулись части 1 статьи 3.1, согласно которым она была дополнена пунктом 29, т.е. перечень органов, ведущих административный процесс, уполномоченных рассматривать дела об

административных правонарушениях, пополнился органами, осуществляющими государственное регулирование в области стандартизации. На основе этого ПИКоАП был также дополнен статьей 3.27 [2], которая определяет полномочия вышеназванного органа. Согласно данной статье от имени органов, осуществляющих государственное регулирование в области стандартизации, дела об административных правонарушениях вправе рассматривать Председатель Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь и его заместители, начальники инспекций государственного надзора за соблюдением требований технических регламентов и стандартов и государственного метрологического надзора и их первые заместители [3].

Таким образом, данный Закон внес изменения в различные сферы жизни граждан. В частности, он затронул некоторые аспекты трудовых отношений, работы индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, лимитов на платежи наличными. В основном изменения, внесенные Законом, ужесточили административную ответственность за ряд правонарушений. А некоторые деяния стали признаваться противоправными, что было обусловлено введением в КоАП новых составов правонарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Беларусь от 19 июля 2016 г. № 407-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.07.2016, 2/2403. – Минск, 2016;

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З с учетом изменений и дополнений, внесенных Законом Республики Беларусь от 19.07.2016 г. № 407-З. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.07.2016, 2/2403; . – Минск, 2016;

3. Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-З: с учетом изменений и дополнений, внесенных Законом Республики Беларусь от 19.07.2016 г. № 407-З. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.07.2016, 2/2403. – Минск, 2016.

С. А. ШУКАЛО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

КОЛЛИЗИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ ВЫПУСКА ТОВАРА ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Республики Беларусь являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора.

Международно-правовые договоры и соглашения с участием Республики Беларусь, касающиеся таможенных вопросов, — важнейшие источники таможенного права Республики Беларусь.

01.01.2015 года вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (далее - Договор). Указанным договором Стороны Договора (Республика Беларусь Республика Казахстан и Российская Федерация) учредили Евразийский экономический союз (далее - Союз, ЕАЭС), с 02.01.2015 к Договору присоединилась Республика Армения.

Согласно положениям статьи 32 Договора, в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора.

В соответствии со статьей 99 Договора международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу Договора, входят в «право Союза» в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей Договору.

Определено, что до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в соответствии со статьей 99 Договора в право Союза, с учетом положений указанной статьи.

В соответствии со статьей 1 ТК ТС, таможенное регулирование в ЕАЭС – это правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС, их перевозкой по таможенной территории Союза под таможенным контролем, временным хранением, таможенным декларированием, выпуском и использованием в соответствии с таможенными процедурами, проведением таможенного контроля, уплатой таможенных платежей, а также властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами.

Однако проведение таможенной процедуры выпуска товаров для личного пользования регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 21 июля 2014 года № 360 (далее - Указ), устанавливающим порядок перемещения через таможенную границу Евразийского экономического союза в Республике Беларусь товаров для личного пользования, в целях совершенствования правового регулирования таможенных отношений, связанных с перемещением физическими лицами через таможенную границу Евразийского экономического союза в Республике Беларусь и контроля за соблюдением норм ввоза товаров для личного пользования. Граждане, при желании ознакомится с порядками перемещения товаров через таможенную границу, с большей вероятностью ознакомятся с международным документом – таможенным кодексом таможенного союза (далее - ТКТС), однако в ТКТС установлены лишь общие порядки перемещения товаров для личного пользования. При прохождении таможенной процедуры выпуска товаров для внутреннего потребления, различного рода ограничения, которые применяются к

перемещаемым через границу товарам, регулируются не ТКТС, а Указом, вследствие чего гражданами может неосознанно нарушаться таможенное законодательство. Это приводит не только к недопониманию среди граждан, но и к конфликтным ситуациям, что вызывает у людей к органам таможенных служб неодобрительное отношение.

Исходя из этого, можно сказать, что данная ситуация приводит к случаю коллизии в законодательстве. Для ее устранения можно прибегнуть к одному из следующих способов:

- принятие нового акта взамен коллизирующих или отмену одного из противоречащих друг другу актов;
- разработка коллизионных норм и принципов, устанавливающих юридические приоритеты, которым должны следовать как правотворческие, так и правоприменительные органы;
- судебный порядок рассмотрения споров в коллизионных ситуациях, в том числе конституционное правосудие, арбитражное, третейское;
- судебные толкования. Они позволяют устранить коллизионность норм, актов, процедур и т. д.;
- возможности обжаловать те или иные акты или действия в судебном или административном порядке;
- опротестование актов органами прокуратуры в установленном порядке;
- согласительно-примирительные процедуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // Электронная база нормативных правовых актов «КонсультантПлюс: Беларусь» ООО «ЮрСпектр», 2015.
2. Таможенный кодекс Таможенного союза (ратифицирован Законом Республики Беларусь от 02.07.2010 г. № 158-З) // Электронная база нормативных правовых актов «КонсультантПлюс: Беларусь» ООО «ЮрСпектр», 2014.
3. Указ Президента Республики Беларусь от 21.07.2014 «О перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза в Республике Беларусь товаров для личного пользования» // Электронная база нормативных правовых актов «КонсультантПлюс: Беларусь» ООО «ЮрСпектр», 2014.

А. А. ЯРОЩУК

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Административное принуждение тесно связано с государственной властью. Являясь разновидностью государственного принуждения, оно используется главным образом как крайнее средство обеспечения охраны правопорядка в сфере государственного управления, т. е. выполняет, образно говоря, картельную функцию. Однако значение административного принуждения не исчерпывается только этим. Оно применяется для предупреждения и пресечения правонарушений.

Принуждение осуществляется как реакция государственных органов на неправомерное, вредное для общества поведение людей. Его использование обусловлено конфликтом между волей, выраженной в правовом акте, и индивидуальной волей лиц, нарушающих его [1, с. 106].

В науке административного права нет единого подхода к определению понятия административного принуждения. Связано это может быть, прежде всего, с расхождением мнений ученых по поводу определения оснований и целей применения административного принуждения, а также его субъекта.

Так, некоторые авторы выделяют среди специфических признаков, присущих данному виду принуждения, сферу его применения. По их мнению, административное принуждение есть «метод принудительного обеспечения должного поведения физических и юридических лиц (граждан и организаций) в сфере исполнительной власти в целях исполнения общественных правил и норм в конкретных областях жизнедеятельности общества (охрана общественного порядка, безопасность дорожного движения, разрешительная система, санитарная, пожарная безопасность и т. п.)» [2, с. 191]. Исполнительная власть подразумевает под собой систему органов государственной власти. Таким образом, под сферой применения административного принуждения понимаются различные сферы деятельности органов исполнительной власти.

Д. Н. Бахрах к числу специфических черт административного принуждения относит субъекты, его применяющие, и нормы, закрепляющие порядок применения принудительных мер. «Административное принуждение – это особый вид государственного принуждения, состоящий в применении органами государственного управления, а в установленных законом случаях – судьями (судами) в порядке, закрепленном нормами административного права, принудительных мер к правонарушителям с целью защиты охраняемых правом общественных отношений» [3, с. 492]. В более поздних работах Д. Н. Бахрах в качестве субъектов административно-правового принуждения указывает субъектов «функциональной власти», акцентируя внимание на том, что данный вид правового принуждения применяется в рамках внешневластной деятельности уполномоченных государственных органов.

В отличие от Д. Н. Бахраха, который связывает применение административного принуждения только с «неправомерными действиями», М. И. Еропкин к целям его применения относит не только привлечение к ответственности за административные проступки, но и обеспечение общественной безопасности.

М. И. Еропкин среди специфических признаков административного принуждения выделяет цели его применения. Автор определяет административное принуждение как «применение органами государственного управления, судами (судьями), а в случаях делегирования соответствующих государственно-властных полномочий – общественными организациями установленных законом мер, состоящих в принуждении к исполнению гражданами, должностными лицами юридических обязанностей в целях прекращения противоправных действий, привлечения к ответственности за административные проступки или обеспечения общественной безопасности» [4, с. 61].

Однако И. В. Максимов указывает, что административное принуждение не всегда связано с совершением административного правонарушения. Автор характеризует его как «определенный административным законодательством вид государственного принуждения уполномоченными на то органами (должностными лицами) физических и юридических лиц ввиду совершения ими правонарушения либо в условиях

общественной, государственной необходимости для эффективного и оперативного достижения исключительно позитивно-значимых (общественно полезных) целей». Таким образом, специфическое основание для применения мер административного принуждения – не только наличие совершенного административного проступка, но и сложившиеся условия необходимости (общественной, государственной) для достижения позитивных целей [5, с. 75]. Мы согласны с мнением И. В. Максимова о том, что существующие в науке предложения по систематизации правовых основ применения административного принуждения в рамках единого закона, по меньшей мере, преждевременны «хотя бы потому, что применение не всех мер административного принуждения сопряжено с реакцией на административное правонарушение».

З. А. Пехтерева на страницах своего исследования разделяет суждение тех ученых, которые считают, что основанием государственного принуждения не всегда является правонарушение. Такая идея «в полной мере соответствует целям обеспечения правопорядка и обеспечения общественной безопасности, и будет способствовать более четкой межотраслевой унификации правовых явлений в сфере государственного принуждения».

Однако, делая выводы о содержании административного принуждения как об отраслевом виде государственного принуждения, автор утверждает, что оно «выступает в качестве средства преодоления антиобщественных проступков, поскольку карательные санкции затрагивают честь и достоинство личности правонарушителя, приводят ее к известным претерпеваниям за содеянное. Этим самым искореняются антиобщественные устремления». Отсюда следует, что З. А. Пехтерева к целям применения административного принуждения относит только привлечение к ответственности («преодоление антиобщественных проступков»).

В определении, данном в учебном пособии В. Г. Розенфельда и Ю. И. Старилова, в качестве специфических признаков административного принуждения указаны следующие:

- 1) воздействие на сознание и поведение субъектов оказывается «путем угрозы применения предусмотренных законодательством административных санкций»;
- 2) применяется оно, в том числе, для «наказания виновных в совершении административных правонарушений».

Административное принуждение авторы определяют как «вид государственного принуждения, психическое либо физическое воздействие на сознание и поведение субъектов с целью принудить их путем угрозы применения предусмотренных законодательством административных санкций к должному поведению (совершению предписанных действий), либо к подчинению установленным запретам и ограничениям, а равно само применение с соблюдением процессуальных требований уполномоченными органами, должностными лицами, представителями общественных организаций мер административного воздействия, сопровождающихся отрицательными последствиями личного, организационного, материального характера с целью предупреждения правонарушений, для пресечения противоправного поведения, предотвращения вредных последствий, наказания виновных в совершении административных правонарушений, обеспечения прав и свобод граждан, общественного порядка, различных видов собственности, создания режима законности, государственной дисциплины, восстановления нарушенных прав и интересов государства, юридических лиц и граждан» [6, с. 76].

П. И. Кононов в качестве специфики административного принуждения как вида государственного принуждения отмечает то, что принудительные меры применяются компетентными административно-публичными органами и реже – судами с целью не только прекратить правонарушение, но и привлечь виновных к административной ответственности и обеспечить общественную безопасность (отличительные черты – субъект и цель применения). Ученый понимает под административным принуждением «применение компетентными административно-публичными органами, а в некоторых случаях и судами установленных нормами права принудительных мер в целях прекращения правонарушений, привлечения виновных лиц к административной ответственности и обеспечения общественной безопасности». На наш взгляд, меры административного принуждения применяются не только для привлечения к административной, но и к уголовной ответственности [7, с. 469].

Позиция А. И. Каплунова, который определяет административное принуждение как «метод государственного управления, состоящий в применении субъектами функциональной власти установленных нормами административного и административно-процессуального права принудительных мер воздействия, направленных на обеспечение неукоснительного выполнения юридических обязанностей лицами, в связи с совершением ими противоправных действий или при возникновении обстоятельств, угрожающих безопасности личности или общественной безопасности» видится наиболее целесообразной [8, с. 12].

Также в современной науке административного права отсутствует единый подход к определению видов мер административного принуждения.

Наиболее распространено деление мер административного принуждения на три группы:

1. Административно-предупредительные меры.
2. Меры административного пресечения.
3. Меры административной ответственности (взыскания).

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях устанавливает меры обеспечения административного процесса, которые не рассматриваются некоторыми авторами в качестве мер принуждения, что, на наш взгляд, неверно, так как именно благодаря им можно реализовать меры взыскания, а в некоторых случаях и наложить их.

Помимо указанных выше, можно выделить административно-восстановительные меры, применяемые с целью восстановления нарушенного права.

Д. Н. Бахрах выделяет также три вида мер, но у него совокупность иная. Он относит административно-предупредительных мер к мерам принуждения и относит к ним административно-восстановительные меры. Меры обеспечения административного процесса рассматривает в системе не материального, а процессуального права. Д. Н. Бахрах увязывает применение административно-правового принуждения только с административным правонарушением. Поэтому не относит административно-предупредительные меры к мерам административно-правового принуждения. А. Н. Крамник соглашается с его позицией, считая ее аргументированной и весомой, но в своей классификации мер все же выделяет четыре вида:

1. Административно-предупредительные.
2. Меры пресечения.
3. Меры административной ответственности.
4. Административно-восстановительные меры.

В административно-деликтном праве нельзя обойтись без восстановительных мер. Такие меры (например, снос самовольно возведённых строений, взыскание недоимки и др.) также восстанавливают правопорядок, прекращают неправомерное поведение [9, с. 84].

На наш взгляд, необходимо выделять следующие виды административно-правового принуждения:

- Административно-предупредительные меры (принудительное выселение из жилого помещения, находящегося в аварийном состоянии, изменение организации движения и др.).

- Меры административно-правового пресечения (временное отстранение от работы инфекционных больных, запрещение эксплуатации транспортных средств, техническое состояние которых не отвечает установленным требованиям и др.).

- Меры административной ответственности (предупреждение, штраф и др.).

- Меры процессуального обеспечения административного процесса (административное задержание, личный обыск и др.).

- Административно-восстановительные меры (возмещение причиненного вреда, снос самовольно возведенных строений и др.).

Существуют споры относительно административно-предупредительных мер, т. е. следует ли их рассматривать как меры принуждения либо они имеют самостоятельное значение. Проанализировав место и роль административно-предупредительных мер, можно сказать, что они являются необходимыми и оправданными. Одна из функций таких мер – профилактика правонарушений. К сожалению, число совершенных административных деликтов не снижается. Более того, в законодательстве появляются новые составы правонарушений, возникают новые способы сокрытия противоправных деяний, увеличивается количество субъектов, к которым применяются меры административной ответственности. Исходя из значимости, административно-предупредительных мер их можно было бы рассматривать в качестве отдельного института. По существу, это меры профилактики правонарушений. Лишь некоторые из них примыкают к мерам принуждения в силу явной угрозы совершения административного или иного более опасного деяния.

Поэтому, отмечая большое значение предупредительных средств, следует признать, что они не являются принудительными. Они есть средство профилактики.

Таким образом, в определении мер административного принуждения необходимо отразить признаки, которые отличат его от других отраслевых видов государственного принуждения:

- 1) имеет назначением охрану общественных отношений, складывающихся в сфере государственного управления;

- 2) применяется при осуществлении внешневластной деятельности, в рамках внеслужебного подчинения;

- 3) нормативно-правовое регулирование может иметь межотраслевой характер, но преобладающее большинство мер регламентируется нормами административного и административно-процессуального права;

- 4) призвано охранять не только административно-правовые нормы и отношения, но и нормы иных отраслей права, реализацию которых призваны обеспечить исполнительные органы государственной власти;

- 5) отличается оперативностью, а также процессуальной простотой применения;

- 6) реализуется «в рамках процессуальных или внепроцессуальных административных процедур»;

7) субъектом административного принуждения являются только уполномоченные государственные органы или их должностные лица, т.е. наделенные специальными полномочиями;

8) объектом административного принуждения являются и физические, и юридические лица;

9) является средством защиты не только от противоправных посягательств, но и средством обеспечения общественной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябцев, Л. М. Административное право / Л. М. Рябцев [и др.]; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 320с.

2. Словарь административного права / И. Л. Бачило, Т. М. Гандилов, А. А. Гришковец [и др.]; отв. ред. И. Л. Бачило. – М. : Фонд «Правовая культура», 1999. – 318 с.

3. Бахрах, Д. Н. Административное право: Учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стравиллов. – М. : Норма, 2005. – 800 с.

4. Еропкин, М. И. О классификации мер административного принуждения / М. И. Еропкин // Вопросы административного права на современном этапе. – 1963. – № 3. – С. 60–68.

5. Максимов, И. В. Административные наказания / И. В. Максимов. – М. : Норма, 2009. – 464 с.

6. Розенфельд, В. Г. Административное принуждение. Административная ответственность. Административно-юрисдикционный процесс : Учеб. Пособие / В. Г. Розенфельд. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 168 с.

7. Кононов, П. И. Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. Я. Кикотя, П. И. Кононова, И. Ш. Килясханова. — М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010 – 759 с.

8. Каплунов, А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения / А. И. Каплунов // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 12.

9. Василевич, Г. А. Административно-деликтное право : учебное пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д. Н. АНТОНОВИЧ

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УСТАНОВЛИВАЕТСЯ ПРЕВЕНТИВНЫЙ НАДЗОР

Осуществление превентивного надзора является действенной мерой, направленной на обеспечение контролируемого поведения и предупреждения преступных посягательств со стороны криминогенно опасных лиц. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь определяет случаи, когда превентивный надзор должен и может быть установлен в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Также установлены случаи, когда превентивный надзор может быть установлен в отношении лиц, которые уже отбыли наказание и, находясь на свободе в пределах срока судимости систематически привлекаются к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста. Перечень оснований для установления превентивного надзора указан в п. 1, 2 ч. 3 ст. 80, п. 1, 2 ч. 4 ст. 80 УК и является исчерпывающим.

Превентивный надзор после освобождения из исправительного учреждения (далее – ИУ) за лицом, допустившим особо опасный рецидив преступлений (п. 1 ч. 3 ст. 80 УК), а также лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации (п. 2 ч. 3 ст. 80 УК), устанавливается судом по представлению администрации ИУ. Фактически в первом случае субъектом превентивного надзора будет считаться лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, так как согласно ч. 4 ст. 43 УК судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, не учитываются при признании рецидива преступлений.

Превентивный надзор также может быть установлен после освобождения из ИУ:

- за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь на момент освобождения из исправительного учреждения оно признано нарушающим установленный порядок отбывания наказания (п. 1 ч. 4 ст. 80 УК) – по представлению администрации ИУ;

- за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если оно в пределах срока судимости более двух раз в течение года привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено административное взыскание в

виде административного ареста (п. 2 ч. 4 ст. 80 УК) – по представлению органа внутренних дел по месту жительства этого лица.

Установление превентивного надзора на основании ч. 3 ст. 80 УК является обязанностью суда, а на основании ч. 4 ст. 80 УК – его правом.

К примеру, за 9 месяцев 2016 года судами Гродненской области на основании п.п. 1 и 2 ч. 3 ст. 80 УК Республики Беларусь превентивный надзор не устанавливался.

В то же время на основании ч. 4 ст. 80 УК судами области установлен превентивный надзор в отношении 308 лиц, из них на основании п.1 – 123 лица (40 %); на основании п. 2 – 185 лиц (60 %).

Нормами закона (ч.ч. 3 и 4 ст. 80 УК) определено, что превентивный надзор устанавливается после освобождения из исправительного учреждения.

Согласно ч. 1 ст. 63 УИК в исправительных учреждениях отбывают наказание осужденные к лишению свободы. Местом отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа являются исправительные учреждения открытого типа (ст. 44 УИК), ареста – арестные дома (ст. 58 УИК). Иные виды наказания (общественные работы, исправительные работы, ограничение свободы без направления в ИУОТ) исполняются уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденных (ст. 14 УИК).

Соответственно, превентивный надзор может быть установлен в отношении лиц, перечисленных в ч.ч. 3 и 4 ст. 80 УК, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Двумя обязательными условиями для установления превентивного надзора по ч. 4 ст. 80 УК являются достижение лицом восемнадцатилетнего возраста и период возможного действия превентивного надзора, ограниченный сроками погашения (снятия) судимости.

Погашение судимости влечет недопустимость установления превентивного надзора.

Для установления превентивного надзора на основании п. 2 ч. 4 ст. 80 УК обязательным является выполнение двух условий:

1) санкция статьи КоАП, по которой лицо привлекалось к административной ответственности, должна предусматривать административный арест. При этом необязательно, чтобы лицо подвергалось именно этому виду административного взыскания;

2) суммарное количество привлечений к административной ответственности в течение года не может быть менее трех.

Установление превентивного надзора на основании п.п. 1 и 2 ч. 4 ст. 80 УК возможно в отношении лица, судимого не менее 2 раз к наказанию в виде лишения свободы за совершение умышленных преступлений. Лицо считается осужденным к лишению свободы, когда таковое ему назначено за совершенное преступление, а не окончательно по совокупности преступлений или приговоров.

В связи с этим не могут учитываться как самостоятельные к лишению свободы судимости в случаях, когда окончательное наказание назначалось по правилам ч. 2 ст. 71, ч. 5 ст. 72 УК.

Если за новое преступление лицо осуждается не к лишению свободы, а окончательное наказание в виде лишения свободы назначается по правилам ст. 73 УК, такая судимость также не учитывается при установлении превентивного надзора.

Согласно ч. 5 ст. 80 УК за лицом, указанным в п. 1 ч. 2 ст. 80 УК, превентивный надзор устанавливается до снятия судимости. За лицами, указанными в п. 2 ч. 3 и ч. 4 ст. 80 УК превентивный надзор устанавливается на срок от 6 месяцев до 2 лет. В силу

п. 2 ч. 11 ст. 80 УК погашение судимости является безусловным основанием для прекращения превентивного надзора.

Таким образом, превентивный надзор может устанавливаться в пределах срока судимости только в отношении осужденных к лишению свободы за совершение умышленных преступлений, отбывших наказание и достигших восемнадцатилетнего возраста. При этом согласно ч. 1¹ ст. 80 УК Республики Беларусь превентивный надзор не устанавливается за постоянно не проживающими в Республике Беларусь иностранными гражданами и лицами без гражданства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 19 октября 2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

2. Бондарев, С. Превентивный надзор: вопросы установления, продления и приостановления (по материалам обзора) / С. Бондарев // Судовы Веснік. – 2011. – № 3. – С. 60-63.

3. Обзор практики рассмотрения судами материалов по вопросам превентивного надзора и уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 421, 422 УК Республики Беларусь.

4. Хомич, В. М. «Превентивный надзор в системе мер воздействия уголовной ответственности. ИТЕРНЕТ.

5. Инструкция об организации работы органов внутренних дел по осуществлению превентивного надзора, утв. Приказом Министра внутренних дел Республики Беларусь от 21.09.2011 № 313 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

Т. Н. БЛОШУК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из важных составляющих права каждого на доступ к правосудию является возможность пользоваться профессиональной помощью квалифицированного специалиста – адвоката. В статье 62 Конституции Республики Беларусь закреплено право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами [1].

Адвокатская деятельность представляет собой квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе адвокатами в порядке,

предусмотренном Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон Об адвокатуре и адвокатской деятельности), физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, а также государству в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [2].

Для оказания юридической помощи адвокат может участвовать в процессе в качестве защитника и представителя в зависимости от стороны, содействие которой оказывает. При этом в каждом из случаев он пользуется определенным кругом прав, напрямую связанных с правами его подопечного. В частности, защитник, наряду с другими участниками процесса, наделен широким кругом полномочий, в том числе представлять доказательства и собирать по своей инициативе сведения, относящиеся к обстоятельствам совершенного преступления, и представлять их органу дознания, лицу, производящему дознание, следователю, суду, участвовать в следственных действиях, проводимых в связи с представлением названных сведений и т.д. Посредством этих полномочий реализуется конституционное право каждого на профессиональную юридическую помощь. Однако этих полномочий не всегда достаточно, чтобы участвовать в уголовном процессе на равных со стороной обвинения.

Статья 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) гласит, что источниками доказательств, наряду с вещественными доказательствами, заключением эксперта, протоколами следственных действий и иными документами и носителями информации, являются показания специалиста [3].

Уголовное судопроизводство на современном этапе не может существовать без естественных, технических и других наук, называемых специальными. Специалист выступает в уголовном процессе в двух разных качествах. С одной стороны, он является помощником и консультантом, оказывая содействие в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств и применении технических средств, а также разъясняя вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию. С другой стороны, специалист в определенных случаях выступает гарантом прав других участников судопроизводства, например, при реализации прав несовершеннолетнего на участие в его допросе педагога либо психолога. Таким образом, задачами специалиста в уголовном судопроизводстве следует считать оказание технической и консультативной помощи участникам уголовного судопроизводства, а также в предусмотренных законом случаях содействие в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК специалистом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий [3]. Педагог или психолог, участвующие в допросе несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, также являются специалистами.

Исходя из вышеуказанного определения, заметим, что специалист может быть привлечен в дело лишь органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и иных процессуальных действий, в отличие от защитника, который вправе лишь задавать с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вопросы специалисту в ходе судебного разбирательства. Однако в п. 2 ст. 17 Закона Об адвокатуре и адвокатской деятельности указывается, что адвокат

вправе запрашивать с согласия клиента мнения специалистов для решения вопросов, возникших в связи с оказанием юридической помощи и требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства и других сферах деятельности [2]. Полагаем, имеется пробел процессуально-правового регламентирования вопросов привлечения специалиста адвокатом, а как следствие этого, последний не может в полной мере осуществлять защиту прав и законных интересов своего доверителя.

Важность профессионального права на привлечение адвокатом-защитником специалиста к участию в уголовном деле очевидна. В юридической литературе существует мнение о том, что защитник самостоятельно способен выявить только процессуальные нарушения, в свою очередь специалист может указать защитнику на ошибки при обнаружении, получении и фиксации объектов, которые в последующем могут стать вещественными доказательствами.

На основании вышеизложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что в ст. 62 УПК Республики Беларусь необходимо добавить часть 4 и изложить ее в следующей редакции: «4. Специалист может быть привлечен адвокатом-защитником для подготовки заключения, опроса, участия в процессуальных действиях либо для содействия защитнику при его участии в следственных или процессуальных действиях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 октября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск, Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, от 30.12.2011 г., № 334-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 июля 2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [электр. ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 05 янв. 2016 г. – Минск: Амалфея, 2016. – 236 с.

С. Н. БОЛМОТОВ

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Конституцией Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004) (далее – Конституция Республики Беларусь) предусмотрено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства (ч. 1 ст. 2); обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь - высшая цель государства; государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (ч. 1,3 ст. 21).

Согласно ст. 22 Конституции Республики Беларусь определено, что все равны перед

законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов.

Конституция Республики Беларусь в ч. 1 ст. 60, гарантирует каждому защиту его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки и устанавливает обязанность государства обеспечивать каждому беспрепятственное право на доступ к правосудию [1].

Закрепленное Конституцией Республики Беларусь право каждого на судебную защиту выступает гарантией реализации всех других конституционных прав и свобод и носит универсальный характер.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 (далее – УПК Республики Беларусь) суд, орган уголовного преследования обязаны обеспечивать защиту прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, создавать условия для ее осуществления, своевременно принимать меры по удовлетворению законных требований участников уголовного процесса [2].

Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – Закон) раздел XIV был дополнен главой 49-1 «Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» [3].

Данный институт применяется в ряде стран Западной Европы, в Российской Федерации и США.

В соответствии с Законом, обвиняемому (подозреваемому) было предоставлено право заявлять ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, были внесены соответствующие изменения в ст.ст. 41, 43 УПК Республики Беларусь, регламентирующие правовой статус обвиняемого (подозреваемого) в рамках уголовного процесса.

Согласно п. 41 ст. 6 УПК Республики Беларусь под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств [2].

Статьей 468-6 УПК Республики Беларусь устанавливается порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а именно:

- ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде на имя прокурора. Указанное ходатайство подписывается подозреваемым (обвиняемым), его защитником, а в случае, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним, - также его законным представителем;

- в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода,

полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших;

- подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования. В случае заявления подозреваемым ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в период производства дознания уголовное дело вместе с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве незамедлительно передается следователю для производства дальнейшего расследования;

- ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым (обвиняемым) либо его защитником прокурору через следователя;

- следователь в течение трех суток с момента поступления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве направляет указанное ходатайство прокурору вместе со справкой о возможности либо невозможности заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве [2].

В соответствии с п. 2 ст. 468-7 УПК Республики Беларусь прокурор или его заместитель рассматривает поступившее ходатайство, по результатам рассмотрения принимают одно из следующих решений:

- об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, на основании которого составляется указанное соглашение;

- об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о чем выносят постановление.

Согласно п. 3 ст. 468-7 УПК Республики Беларусь постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит [2].

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона.

Конституционный Суд считает, что введение института досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью, в том числе организованной, полное и оперативное расследование преступлений, расширение возможностей по возмещению причиненного преступлением вреда (ущерба) и обеспечение тем самым охраны конституционных прав и свобод человека, прав и законных интересов юридических лиц, общественных и государственных интересов и установленного правопорядка от преступных посягательств.

В своем решении от 26.12.2014 № Р-967/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» Конституционный суд признал Закон соответствующим Конституции Республики Беларусь [4].

Учитывая, что постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обжалованию не подлежит, и, в соответствии с п. 15 ч. 2 ст. 41, п. 22 ч. 2 ст. 43, ст. 138 УПК Республики Беларусь, согласно которым, действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, могут быть обжалованы участниками уголовного процесса,

отмечается прямое нарушение уголовно-процессуальных и конституционных правовых норм. Проанализировав уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, стоит отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 317.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ обвиняемому (подозреваемому) предоставлено право обжаловать постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве вышестоящему прокурору [5].

Основываясь на нормах Конституции Республике Беларусь, согласно которым в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права, а государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (ч. 1, 2 ст. 7 Конституции), государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией, а государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (ч. 1, 2 ст. 59 Конституции), считаем необходимым устранить пробел конституционно-правового регулирования права на обжалование решения прокурора, его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и разрешить данную юридическую коллизию, предоставив обвиняемому (подозреваемому), его защитнику право обжалования такого постановления вышестоящему прокурору или в суд.

На основании вышеизложенного, принимая во внимание опыт Российской Федерации, предлагаем внести изменения в ст. 468-7 «Рассмотрение прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь и изложить ее в следующей редакции:

1. Ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве рассматривается прокурором или его заместителем, осуществляющими надзор за исполнением законов в ходе предварительного следствия по уголовному делу, в течение трех суток с момента поступления. Ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, совершившего преступление, за которое соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь, рассматривается Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности, в течение десяти суток с момента поступления.

2. По результатам рассмотрения прокурор или его заместитель принимают одно из следующих решений:

1) об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, на основании которого составляется указанное соглашение;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о чем выносятся постановления.

3. Постановление прокурора или его заместителя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) //

Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г.: № 295-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Закон Респ. Беларусь, 05.01.2015 № 241-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях»: Решение Конституционного суда Респ. Беларусь, 26.12.2014 № Р-967/2014 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Государственной думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 // КонсультантПлюс:Верси Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.

Е. Н. ГАЛИБУС

Могилев, Учреждение образования «Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова»

СУДЕБНО–ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Судебно-психологическая экспертиза представляет собой исследование, проведенное сведущим лицом - экспертом - на основе специальных познаний в области психологии с целью дачи заключения, которое после соответствующей его проверки и оценки следователем либо судом будет являться доказательством по уголовному делу.

Предметом судебно-психологической экспертизы является изучение конкретных процессов, свойств, состояний и механизмов психической деятельности человека, имеющих значение для установления истины по уголовному делу.

Объектом судебно-психологической экспертизы является психическая деятельность здорового человека.

В центре исследования всегда находится личность подэкспертного (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля).

Судебно-психологическая экспертиза некомпетентна решать вопросы юридического содержания - определять достоверность показаний, мотивы и цели преступного деяния, устанавливая форму вины и т. п.

Экспертом-психологом может быть назначен только специалист, имеющий высшее психологическое или медицинское образование. Отказ от проведения экспертизы должен быть принят, если поставленные перед экспертизой вопросы не соответствуют профессиональной специализации данного лица.

Права и обязанности эксперта-психолога те же, что и права и обязанности всех судебных экспертов - они определены законом. В своей познавательной деятельности эксперт самостоятелен и независим.

При исследовании так называемых пограничных состояний (олигофрении, инфантилизма, акцентуаций характера, психопатии) осуществляется комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Для исследования влияния соматических (телесных) заболеваний на психическое состояние индивида назначается комплексная медико-психологическая экспертиза.

К компетенции судебно-психологической экспертизы относятся:

- установление способности несовершеннолетних обвиняемых, имеющих признаки отставания в психическом развитии, полностью сознавать значение своих действий, руководить ими;

- установление способности обвиняемых, потерпевших и свидетелей адекватно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;

- установление способности потерпевших по делам об изнасилованиях (в том числе малолетних и несовершеннолетних) правильно понимать характер и значение совершенных с ними действий и оказывать сопротивление;

- установление наличия или отсутствия у подэкспертного в момент совершения преступления состояния аффекта или иных непатологических эмоциональных состояний (сильного страха, депрессии, эмоционального стресса, фрустрации), способных существенно влиять на его сознание и деятельность;

- установление наличия у лица, предположительно покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший его смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству, и определение возможных причин возникновения этого состояния;

- установление ведущих мотивов в поведении человека и мотивации отдельных поступков как важных психологических обстоятельств, характеризующих личность;

- установление индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, способных существенно повлиять на его поведение и на формирование у него намерения совершить преступление;

- установление структуры преступной группы на основе имеющихся данных о психологических особенностях личности ее участников, которые позволяют занимать лидирующее или какое-либо иное положение в группе.

Судебно-психологическая экспертиза должна проводиться современными научно-психологическими методами. Результаты экспертного исследования должны быть достоверны и верифицируемы - доступны для проверки и оценки следователем и судом.

Основная задача судебно-психологической экспертизы - научно обоснованная диагностика непатологических правозначимых психических аномалий [1].

Психодиагностика располагает множеством методик, специализированных по различным направлениям. В судебно-экспертной диагностике ведущая роль принадлежит специалистам в области психических аномалий, задержек в психическом развитии. Ведущий метод психодиагностики - метод тестов. Используемые в целях

судебной экспертной диагностики тесты должны быть валидными и высоконадежными [2].

Для психодиагностики особенно широко используются тесты интеллекта, личностные тесты и др.

Из десяти шкал опросника для практики судебной экспертизы особенно значимы шкала 4 (шкала импульсивности, разработанная для диагностики социальных отклонений), шкала 6 (выявляющая аффективность личности), шкала 7 (выявляющая уровень тревожности) и шкала 8 (выявляющая социальную отчужденность).

Существуют три адаптированных в психологии нашей страны варианта ММРІ (опросники Березина, Мирошниченко; опросник, адаптированный лабораторией медицинской психологии НИИ им. В. М. Бехтерева, и опросник Л. Н. Собчика). Опросник ММРІ может быть использован и для диагностики криминально значимых качеств личности.

В судебно-экспертных исследованиях применяется также опросник Р. Кеттела, выявляющий, по замыслу автора, 16 личностных факторов.

Наряду с опросниками в судебно-экспертной практике широко используются проективные методы, выявляющие на модельных ситуациях различные установки личности. Один из распространенных проективных, диагностических методов - тест Роршаха, состоящий из десяти таблиц с изображением двусторонних симметричных пятен. Испытуемому задается вопрос: «На что это похоже?» Ответ интерпретируется экспериментатором на основе теоретических положений, выявляются устойчивые личностные тенденции.

В тесте Розенцвейга методом рисуночной ассоциации выявляются возможные реакции личности в эмоциогенных ситуациях.

Более сложен тематический апперцептивный тест (ТАТ). Испытуемому предъявляется ряд картин с сюжетами, которым можно дать различную интерпретацию. При анализе ответов испытуемых учитываются интерпретация позиции персонажей, солидаризация, отступления, уходы от сюжетной линии, ошибки восприятия.

Для обследования психических аномалий несовершеннолетних может быть использован патохарактерологический диагностический опросник (ПДО), разработанный А. Е. Личко. Посредством ПДО определяются акцентуации (крайние варианты нормы) характера, обуславливающие его уязвимость в отношении отдельных Психических воздействий. Имеется опыт применения ПДО в практике судебно-психологической экспертизы.

Для выявления наследственной обусловленности психических аномалий используются методы психогенетической диагностики.

Кроме тестовых исследований в психодиагностике широко используются методы наблюдения и клинического исследования.

Заключение судебно-психологической экспертизы как источник доказательства излагается письменно и в требуемом законом порядке, предусматривающем определенную его форму, структуру и содержание. Оно состоит из трех частей: вводной, исследовательской, заключительной и должно быть написано понятным языком, а научные термины - разъяснены. Во вводной части указываются время и место составления заключения, сведения об эксперте, правовое основание проведения экспертизы, название исходного процессуального документа. Здесь же указываются вопросы, поставленные перед экспертизой (без изменения возможных неточностей и терминологических ошибок).

В исследовательской части описываются все использованные диагностические методы, методики и процедуры, прилагаются протоколы их проведения.

В заключительной части даются ясные и четкие ответы на поставленные вопросы.

Невозможность получения информации или точного ответа должна быть обоснована. Если однозначный ответ невозможен, он может быть и вероятностным.

Ответы на поставленные вопросы и являются выводами экспертизы. Если получение ответа требует знаний специалистов из смежных отраслей науки, в заключении указывается на необходимость назначения психолого-психиатрической, медико-психологической, инженерно-психологической или другой экспертизы.

В заключении комплексной экспертизы указывается, какие исследования проведены отдельно и совместно, и приводятся соответствующие результаты. Ответы в заключительной части могут быть даны как по нескольким видам экспертизы, так и отдельно. Эксперт-психолог не дает юридической оценки исследуемых обстоятельств.

Эксперт может быть допрошен следователем или судом. Заключение экспертизы подлежит их оценке. Следователь, суд, другой полномочный орган или должностное лицо определяют обоснованность заключения и его значение в системе доказательств. Необоснованное заключение может быть отвергнуто. При этом назначается повторная экспертиза.

Заключение судебно-психологической экспертизы может оцениваться и другими участниками уголовного процесса, которые также могут ходатайствовать о повторной экспертизе.

Существенное влияние на психическую деятельность индивида могут оказать различные заболевания, соматическая (телесная) ослабленность в результате перенесенных болезней. Для экспертного исследования лиц, проходящих по уголовному делу, возможно назначение комплексной судебной медико-психологической экспертизы.

Перед экспертизой могут быть поставлены следующие вопросы:

- Какие особенности психики могут быть обусловлены данным видом соматического заболевания?

- Могло ли данное лицо правильно воспринимать события и правильно их воспроизводить?

- Имеется ли у обследуемого лица сенсорная недостаточность?

- Могло ли подэкспертное лицо в результате соответствующей болезни сознавать значение своих действий и руководить ими?

Возможна и целесообразна постановка и более конкретных вопросов в зависимости от характера соматической болезни подэкспертного лица. Так, для больных сахарным диабетом характерны неврозоподобные, даже аффективные расстройства, нарушения сознания с психомоторным перевозбуждением, неадекватные реакции при гипогликемических состояниях, состояние депрессии и эпизодического психоза.

Судебно-психологическая экспертиза проводится не только с целью выявления психического состояния обвиняемых, свидетелей и потерпевших во время совершения преступления, но и в период всего процесса судопроизводства.

В компетенцию судебно-психологической экспертизы не входит оценка юридических признаков субъективной стороны преступления, юридическая квалификация, моральная оценка личности и поведения подэкспертного, решение вопросов медицинской диагностики. Юридическое основание для производства

судебно-психологической экспертизы - соответствующее постановление следователя или определение суда.

При назначении судебно-психологической экспертизы должны быть правильно сформулированы вопросы, ставящиеся перед экспертом. Они не должны выходить за рамки его профессиональной компетенции, в частности носить право характер.

Так, недопустима подмена психологических понятий (физиологический аффект эмоциональное состояние, эмоциональная реакция) правовыми, например: «внезапно возникшее сильное душевное волнение».

Перед экспертом-психологом не могут быть поставлены вопросы относительно достоверности показаний допрашиваемых лиц.

Формулируя вопросы, необходимо учитывать: 1) общий предмет, объекты и научно-методические возможности СПЭ; 2) уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое значение фактов, устанавливаемых с помощью заключения экспертов и 3) конкретные обстоятельства дела, в которых возникли повод и основание для назначения СПЭ.

Основная функция вопросов, ставящихся на разрешение экспертов, состоит в том, чтобы с максимальной точностью и полнотой раскрыть перед ними предмет назначаемой экспертизы. Понятно, что исчерпывающий список вопросов составить невозможно, поскольку для этого потребовалось бы проанализировать все без исключения уголовные дела, по которым СПЭ не является исчерпывающей и нуждается в совершенствовании; так и предлагаемые экспертам по каждому виду СПЭ вопросы следует рассматривать только как типовые, нуждающиеся в уточнении и конкретизации.

Заключение эксперта наряду с другими фактическими данными является доказательством по уголовному делу.

По некоторым делам практически отсутствуют прямые доказательства мотива преступления. Для их установления недостаточно обычных, традиционных доказательств. Такие преступления часто относят к безмотивным. Но поскольку полностью безмотивных преступлений не бывает, для выяснения мотива преступления следует использовать специальные познания в области психологии.

Судебно-психологическая экспертиза помогает полнее познать личность обвиняемого и мотивы его криминогенного поведения. С целью уменьшения ошибок, допускаемых иногда судами при квалификации преступлений, целесообразно обязательное проведение такой экспертизы по делам о преступлениях несовершеннолетних, при неосознаваемых мотивах взрослых преступников и при наличии данных, дающих основание полагать, что преступление было обусловлено аффектогенным мотивом.

При помощи судебно-психологической экспертизы удается объяснить поведение обвиняемого, выяснить его психологическую установку и стимулы, побудившие его к действию.

Эксперты-психологи определяют мотив преступного поведения как процесс, отражающий влияние внешних и внутренних факторов на поведение человека. Их задача сводится к исследованию потребностей, убеждений, психических свойств личности, влияния среды. С учетом данных обстоятельств они могут дать ответ, что данный мотив чужд конкретной личности.

Таким образом, судебно-психологическая экспертиза в состоянии дать полную характеристику личности обвиняемого, без исследования которой нельзя установить юридический мотив совершения преступления по некоторым категориям дел.

Уголовно-правовое значение судебно-психологической экспертизы заключено в том, что она способствует установлению признаков личности, которые являются элементами состава преступления: возраста, внезапно возникшего сильного душевного волнения, беспомощного состояния потерпевшего, мотива преступления [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цели и задачи судебно-психологической экспертизы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mobile.studbooks.net/>. – Дата доступа: 07.11.2016
2. Судебно-психологическая экспертиза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yurpsy.com/>. – Дата доступа: 07.11.2016
3. Судебно-психологическая экспертиза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xreferat.com/>. – Дата доступа: 07.11.2016

О. В. ГЛУХОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПОНЯТИЕ «ПРАВОСУДИЕ» В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Глава 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) именуется «Преступления против правосудия», что, как известно, соответствует объекту посягательств запрещенных ею преступных деяний. В то же время глава 24 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), содержащая сходные по направленности правонарушения, называется «Административные правонарушения против правосудия и деятельности органов административной и уголовной юрисдикции». Из названий глав рассматриваемых кодексов можно заключить, что законодатель по-разному подходит к определению объекта посягательства преступлений и административных правонарушений в данной сфере. Остановимся на этом подробнее.

В законодательстве Республики Беларусь не содержится легального определения понятия «правосудие». С точки зрения теории, это понятие многозначное. В узком, или собственном, смысле слова правосудие можно определить как осуществляемую с участием сторон и участников процесса в регламентированной законом форме деятельность суда по рассмотрению и разрешению конкретных дел. В уголовном праве понятию «правосудие» придается более широкое значение. Под правосудием в этом случае признается не только данная специфическая деятельность суда, но и деятельность органов, способствующих ему в этом: прокуратуры, предварительного расследования, органов и учреждений, исполняющих вступившие в законную силу приговоры и решения. Такое понимание правосудия обусловлено тем, что без функционирования указанных органов осуществление правосудия судом было бы практически невозможно. Все названные органы входят составной частью в механизм государства, образуя при этом систему правосудия. Уголовный закон охраняет не все виды деятельности органов правосудия, а лишь деятельность по реализации задач и целей правосудия. Следовательно, в сферу уголовно-правовой охраны подпадают не все общественные отношения, возникающие в процессе функционирования органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, органов и учреждений,

исполняющих приговоры и решения, а только те, которые проявляются при осуществлении этими органами специфических задач правосудия [1, с. 3– 5].

В главе 24 КоАП правовой защитой обеспечивается не только правосудие, но и «деятельность органов административной и уголовной юрисдикции».

Существуют различные точки зрения ученых на понятие «юрисдикция». Традиционно принято считать, что данный термин происходит от латинских слов «jus» – «право» и «disco» – «говорю». Различному определению «юрисдикции» способствовал перевод этого термина с латинского языка («jurisdiction») как «судопроизводство», хотя на этом языке данному понятию соответствует слово «justitio», а также толкование слов «jus», «disere» как разрешение конфликта или применение властью установленных правил [2, с. 238].

Юрисдикция в одном из словарей определяется в трех значениях: 1) установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности либо неправомерности, применять юридические санкции к правонарушителям; 2) территория подведомственности определенного органа власти; 3) отправление правосудия, а также иная деятельность государственных органов по рассмотрению споров, дел о правонарушениях и применению санкций [3, с. 696]. В большинстве случаев определение юрисдикции связано с термином «полномочие», который в науке управления, а также административной и некоторых других отраслях права рассматривается как составная часть компетенции (совокупность полномочий, прав, обязанностей) и статус органа, должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в организации, а также некоторых иных лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодательством. В данном случае органы власти от имени государства получают полномочия на реализацию государственной власти, правоприменительную деятельность, правосудие [2, с. 241].

Юрисдикция – это установленная актом законодательства совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры, оценивая действия субъекта права с точки зрения их правомерности или неправомерности, применять к правонарушителям юридические санкции. Она определяется в зависимости от вида и характера разрешаемых дел (имущественные споры, проступки, правонарушения, преступления), территориальной принадлежности участвующих в деле лиц и др. Под юрисдикцией понимается также сфера отношений, на которые распространяются правомочия органа [4]. Административная юрисдикция – 1) круг дел, подлежащих ведению административных учреждений (в отличие от входящих в компетенцию суда); 2) деятельность органов государственного управления и должностных лиц по разбирательству административных дел и применению соответствующих юридических санкций в административном порядке (без обращения в суд) [3, с. 16].

Рассмотрим данные понятия с позиций действующего законодательства Республики Беларусь. Как отмечалось, легальных определений понятий «правосудие» и «юрисдикция» в нормативных правовых актах не сформулировано. Однако, исходя из содержания главы 6 Конституции Республики Беларусь «Суд» и главы 1 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, правосудие осуществляется только судами на основе Конституции Республики Беларусь и принятых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов, гласно, на принципах равенства граждан, организаций, индивидуальных предпринимателей перед законом и судом,

состязательности и равенства сторон в процессе. Какое-либо вмешательство в деятельность судей по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону (ст. 110 Конституции).

В Концепции судебной-правовой реформы, утвержденной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-ХІІ, отмечалось: «Обслуживая общественные потребности, суд в правовом государстве решает свои специфические задачи: осуществляет правосудие, разрешает споры и конфликты, связанные с применением или исполнением законов. В этой связи под судебной властью следует понимать систему независимых государственных органов – судов, призванных от имени государства осуществлять правосудие, разрешать в судебных заведениях правовые споры и конфликты. В понятие судебной власти входит также совокупность тех ответственных властных полномочий, которыми наделен суд в целях восстановления нарушенного права и справедливости, применения мер государственного принуждения к лицам, посягающим на охраняемые законом интересы, в том числе и мер уголовного наказания к преступникам. Судебная власть осуществляется только судом. Без суда не может быть правосудия, нет и не может быть судебной власти. Назначение суда в государстве и обществе состоит в том, чтобы быть гарантом прав и свобод личности, справедливости, законности, демократии, гражданского мира и согласия. Суд должен стать единственным органом, окончательно разрешающим все правовые споры в обществе» [5].

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь «правосудие» понимается исключительно в узком значении этого термина, т.е. как правоприменительная деятельность суда по рассмотрению и разрешению отнесенных к его компетенции различных категорий юридических дел. При этом в Концепции судебной-правовой реформы используется также понятие «юстиция», а точнее «система юстиции», под которой понимается «совокупность всех правоохранительных органов от милиции до учреждений нотариата и судов» [5]. Отметим, что чаще термин «юстиция» (лат. *justitia* – справедливость) употребляется как синоним «правосудия» либо в значении системы судебных учреждений, судебного ведомства [3, с. 697]. В зависимости от вида и сферы деятельности различают уголовную, гражданскую, административную, конституционную, международную, военную, ювенальную и другие виды юстиции. В частности, уголовная юстиция – система органов, осуществляющих расследование и разбирательство уголовных дел, а также исполнение приговоров и иных судебных решений, вынесенных в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления. В структуру системы уголовной юстиции входят оперативно-розыскные органы, органы предварительного следствия и дознания, суды, органы, исполняющие наказания.

Из сказанного можно заключить, что: 1) правосудие является формой государственной правоприменительной деятельности, осуществляемой только судом, что вытекает из смысла действующего законодательства и поддерживается наукой судостроительства; 2) в уголовном законодательстве понятие «правосудие» толкуется расширительно и применительно к уголовно-процессуальной деятельности включает, помимо собственно правосудия, осуществляемого судом, деятельность органов уголовного преследования и органов, исполняющих наказание и иные меры принудительного характера, назначенные судом; 3) если правосудие рассматривать лишь как соответствующую деятельность суда, юрисдикцию – как совокупность полномочий государственного органа и сферу отношений, на которые они распространяются, юстицию – как систему правоохранительных органов государства,

то очевидно, что объект рассматриваемых преступлений и административных правонарушений требует уточнения.

Поскольку объектом правовой охраны при совершении преступлений и административных правонарушений являются общественные отношения, которым причиняется или создается угроза причинения вреда, то объектом анализируемых деяний следует признать общественные отношения по поводу осуществления правосудия судом, а также нормальную законную деятельность органов административной и уголовной юстиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чучаев, А. И. Преступления против правосудия : научно-практич. комментарий / А. И. Чучаев. – Ульяновск : Дом печати, 1997. – 80 с.
2. Борискова, И. В. Понятие и виды юрисдикции по российскому праву / И. В. Борискова // Территория науки. – 2013. – № 2. – С. 238–242.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 704 с.
4. Погруша, В. Юридический словарь современного гражданского права (от «А» до «Я») / В. Подгруша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. О Концепции судебно-правовой реформы : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

С. С. ГРИГЕНЧА

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ

Под преступлениями против чести и достоинства личности понимаются деяния, непосредственно посягающие на честь и достоинство личности как блага, принадлежащие всякому человеку от рождения. Глава 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за преступления против чести и достоинства личности.

В соответствии ч. 1 ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь оскорблением признаётся умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме [1]. Объективная сторона преступления выражается в действиях, унижающих честь и достоинство, путем негативной (отрицательной) оценки личности потерпевшего [4].

Объектом рассматриваемого преступления является чувство собственного достоинства лица. Честью является оценка личности, сложившаяся в обществе. Чувством собственного достоинства обладает вменяемое лицо, сознающее неприличное с ним обращение, поэтому нельзя оскорбить спящего, невменяемого, малолетнего ребенка, покойника. Нельзя оскорбить и юридическое лицо, так как оно чувством собственного достоинства не обладает. Оскорбительные действия, адресованные юридическому лицу, могут быть преступлением в том случае, если они

посягают при этом на достоинство каких-либо конкретных лиц, работающих в данном учреждении.

Оскорбление может осуществляться публично, наедине с потерпевшим либо заочно, когда оскорбительные выражения доводятся до сведения постороннего с уверенностью, что они будут доведены до лица, которое предполагается оскорбить. Обязательным признаком состава преступления является форма оценки личности потерпевшего – она должна быть неприличной, то есть противоречащей установленным в обществе правилам общения между людьми, требованиям общечеловеческой морали. Унижение чести и достоинства происходит именно вследствие неприличной формы обращения с потерпевшим. Оскорбление может быть адресовано непосредственно лицу либо третьим лицам, но при условии, что (по убеждению или просьбе виновного) оскорбительные выражения передадут оскорбляемому.

В отличие от клеветы, отрицательная оценка, даваемая виновным потерпевшему, может соответствовать действительности, но поскольку она дается в неприличной форме, то чести и достоинству оскорбляемого может быть причинен ущерб.

С объективной стороны оскорбление может быть совершено только действием. Это может быть пощечина, плевок, забрасывание нечистотами, словесное или письменное оскорбление. Кроме словесной либо письменной формы, оскорбление может выражаться и в физических действиях (например, нанесение ударов, щелчок в нос, плевок в лицо, пощечина, неприличные телодвижения), которые унижают достоинств человека. И хотя в законе эта форма оскорбления прямо не называется, на практике ее не следует категорически исключать из числа действий, образующих понятие оскорбления.

В законе говорится об оскорблении, выраженном в неприличной форме, то есть о таком обращении, которое не принято в обществе. Оно может выразиться в употреблении нецензурных слов или выражений, но вместе с тем оскорбление может осуществляться и в устных выражениях, которые бытуют в обществе, общеприняты; но в данном случае имеет место унижение чувства собственного достоинства оскорбленного. Оскорбительные выражения могут соответствовать действительности, но их форма непристойна.

Возможно так называемое опосредованное оскорбление, когда оскорбительные выражения сообщаются одному лицу, а адресуются другому. Так, если лицо подходит в присутствии родителей к ребенку, гладит его по головке и произносит при этом: «Милый мой, ты прирожденный кретин», то это является оскорблением не ребенка, который в силу своего малолетнего возраста не может воспринимать унижения его достоинства, а его родителей.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Мотивы могут учитываться при назначении наказания. Действия при оскорблении должны быть направлены против конкретного лица или группы лиц. Негативная неприличная оценка личности вообще персонально никому не адресованная, может содержать состав другого преступления, например, хулиганства. Решающим фактором при правовой оценке действий лица должна быть направленность умысла виновного именно на унижение чести и достоинства потерпевшего и только в таком случае их следует квалифицировать по ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь [1].

Субъект общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16 лет.

Дело об оскорблении возбуждается при наличии заявления пострадавшего, считающего, что его достоинству причинен ущерб. Суд, устанавливая наличие оскорбления, исходит из объективного факта оценки оскорбления с позиции моральных норм, сложившихся в обществе, так как не исключена преувеличенная болезненная обидчивость лица, подающего заявление.

Оскорбленным может посчитать себя лицо, подвергнутое критике, допустим, по поводу написанного им стихотворения, статьи и т. п. Не исключено взаимное оскорбление по типу «сам дурак». В такой ситуации возможна уголовная ответственность каждого из участников ссоры с учетом степени виновности каждого из них. При этом большое значение имеет выявление инициатора ссоры. Ответ на оскорбление не является необходимой обороной, так как не пресекает посягательства.

Не всякая отрицательная оценка, выраженная в неприличной форме, порождает состав оскорбления. Следует принять во внимание и то, что далеко не все, что субъективно может быть воспринято гражданином как негативная информация о нем, подпадает под определение унижающей честь и достоинство [3].

Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 года № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации», порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных граждан, юридических лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев (например, сведения о нечестности, невыполнении профессионального долга, недостойном поведении в трудовом коллективе, семье, сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, и т.п.) [2].

Подводя итог, следует отметить, что на данный момент имеются вопросы, связанные с определением момента окончания преступления, предусмотренного ст. 189 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также определением объекта данного преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 19 июля 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 23 дек. 1999 г. № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Гражданское право: учебник в 2 ч. / Ю. К. Толстой [и др.] ; под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – М.: Изд-во ТЕИС, 1996. - Ч.1 - С. 276.

А. В. ЗИНОВИЧ, О. В. ГЛУХОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

НАКАЗУЕМОСТЬ УКЛОНЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОТ СОДЕРЖАНИЯ ДЕТЕЙ ЛИБО ОТ ВОЗМЕЩЕНИЯ РАСХОДОВ, ЗАТРАЧЕННЫХ ГОСУДАРСТВОМ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ИЛИ НАХОДИВШИХСЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Вопросы защиты прав детей являются актуальными во все времена в любом государстве. Законодательство большинства стран мира предусматривает уголовную ответственность за уклонение от предоставления средств на несовершеннолетних детей. В Республике Беларусь такие деяния запрещены статьей 174 Уголовного кодекса (далее – УК) «Уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении». В санкциях названной статьи предусмотрены такие виды наказаний, как общественные работы, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы. Наиболее часто судами Республики Беларусь по делам этой категории назначаются наказания в виде исправительных работ, ограничения свободы, реже – штраф, арест и общественные работы. Суды, как правило, стремятся назначать наказания, способствующие исполнению обязательства.

Назначение таких мер наказания, как арест либо лишение свободы, не является реальной защитой материальных прав несовершеннолетних и государства. Это обусловлено тем, что в условиях изоляции виновного от общества исключается возможность принудительного исполнения им обязательств, что фактически приводит к увеличению размера задолженности, а также к содержанию за счет средств государства как самих детей, так и их нерадивых родителей.

Трудоустроенным лицам чаще всего назначаются исправительные работы, создающие возможность удержаний из заработной платы. Вместе с тем, необходимо отметить сложность взыскания средств на содержание детей, обусловленную утаиванием должниками своего реального заработка такими способами, как сокрытие реального места работы, оформление предпринимательства на подставных лиц и т.д.

В системе наказаний, назначаемых судами по ст. 174 УК Республики Беларусь предусматриваются общественные работы. На наш взгляд, данная мера наказания не приносит положительного результата, т.к. осужденный работает на безвозмездной основе и не погашает задолженность. Отсутствие оплаты, кроме того, не стимулирует осужденного добросовестно работать.

Так как зачастую от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении уклоняются лица, которые в основном ведут аморальный либо противоправный образ жизни и не имеют источника дохода, то назначение таким лицам наказания в виде штрафа, распространенное в мировой практике, является не только не эффективным, но и противоречивым. Нередко данные категории граждан добывают средства для существования незаконным путем, в том числе совершая преступления. Следовательно, осуждая данную категорию граждан к такому наказанию, правоприменитель тем самым косвенно подталкивает их к совершению преступлений с целью добычи денежных средств для погашения штрафа. Следовательно, данное наказание не только не

способствует исполнению обязательства, а может подтолкнуть к совершению нового преступления.

Также данных лиц необходимо зачастую подвергать принудительным мерам безопасности и лечения от хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании. В период прохождения лечения лицо не имеет источника дохода, что вновь ведет к неуплате алиментов или возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

Улучшению сложившейся ситуации, на наш взгляд, будет способствовать расширение практики применения такой меры наказания, как ограничение свободы. Согласно ст. 55 УК ограничение свободы состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания. Данное наказание назначается с направлением в исправительное учреждение открытого типа либо с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у него постоянного места жительства – без направления в исправительное учреждение открытого типа. Осужденные к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, осужденные к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, за исключением лиц, перечисленных в ч. 5 ст. 55 УК или получающих образование в дневной форме получения образования, привлекаются к труду в обязательном порядке органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания.

В соответствии со ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) наказание в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства осужденного, а с направлением в исправительное учреждение открытого типа – учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Осужденные к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа обязаны работать по направлению администрации исправительного учреждения открытого типа (п. 2 ч. 3 ст. 47 УИК). Осужденные к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа имеют постоянное место работы, включая надомный труд, или заниматься предпринимательской деятельностью, если осужденный подлежит обязательному привлечению к труду (п. 10 ч. 2 ст. 48-1 УИК). В соответствии с ч. 4 ст. 48-1 УИК осужденный к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, который подлежит обязательному привлечению к труду и к моменту начала исполнения наказания не имеет постоянного места работы, обязан в течение пятнадцати дней трудоустроиться самостоятельно. Если осужденный не устроился на работу по истечении указанного срока, он направляется уголовно-исполнительной инспекцией в комитет по труду, занятости и социальной защите Минского городского исполнительного комитета, управление (отдел) по труду, занятости и социальной защите городского, районного исполнительного комитета для организации его трудоустройства.

Преимущество данного вида наказания, на наш взгляд, состоит в том, что, несмотря на нежелание родителей, уклоняющихся от содержания детей, трудоустраиваться и добросовестно выполнять трудовые обязанности, они будут принудительно исполнять эти обязанности под контролем государства. С этой точки зрения, было бы эффективным ввести отдельное исправительное учреждение для

родителей, отбывающих наказание по ст. 174 УК Республики Беларусь. Лица, осужденные по данной статье, будут направляться для отбывания наказания в специальные исправительные учреждения, находиться под контролем органов, исполняющих наказание, и принудительно погашать задолженность.

Д. С. ИВИНСКАЯ

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНО- ТРУДОВОМ КОДЕКСЕ 1971 ГОДА

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (далее – УИК) выделяет в качестве одного из средств исправления осужденных общественное воздействие. Общественное воздействие обеспечивает реализацию принципа демократизма, который заключается в демократической сущности процессов исправительного воздействия на осужденных, предполагает возможность широкого участия общественности в этом процессе, а также контроль общественности за деятельностью уголовно-исполнительной системы (ст. 21 УИК Республики Беларусь), что влечет за собой признание представителей общественности субъектом уголовно-исполнительных правоотношений.

Стоит отметить, что в советской пенитенциарной системе общественное воздействие по степени влияния на осужденных играло значимую роль. Исправительно-трудовой кодекс БССР 1971 (далее ИТК БССР 1971 года) года содержал целый комплекс норм, регулирующих основания и порядок участия общественности в исправлении и перевоспитании осужденных. Статья 9 кодекса гласила что, «в исправлении и перевоспитании осужденных, а также в осуществлении общественного контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих приговоры судов к лишению свободы, ссылке, высылке и исправительным работам без лишения свободы, участвует общественность. Формы и порядок участия общественности в исправлении и перевоспитании осужденных устанавливаются законодательством Белорусской ССР» [1, с. 50].

Важная роль общественного воздействия была определена для представителей общественности в части реализации института условно-досрочного освобождения. Статья 110 ИТК БССР 1971 года определяла, что «за лицами, условно-досрочно-освобожденными от отбывания наказания в течение неотбытой части наказания устанавливается наблюдение общественных организаций и коллективов трудящихся и с этими лицами проводится воспитательная работа. Наблюдение и проведение воспитательной работы с указанными лицами осуществляется в целях закрепления результатов исправления и приобщения освобожденных к честной трудовой жизни».

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 4 марта 1961 г. № 1 «О судебной практике по применению условного осуждения» закреплялась необходимость сочетания мер государственного принуждения с общественным воздействием трудового коллектива. В постановлении отмечалось, что серьезным недостатком в практике применения условного осуждения до сих пор является то, что многие суды недооценивают роль общественности в деле исправления и перевоспитания условно

осужденных и, применяя условное осуждение, не всегда используют возможность передачи осужденных на перевоспитание общественности. В некоторых случаях суды необоснованно отклоняют ходатайства трудовых коллективов или общественных организаций о передаче им на перевоспитание лиц, виновных в совершении менее опасных преступлений». Отдельно акцентировалось внимание на формах участия общественности, а именно целесообразности обсуждения поступков правонарушителя на собрании трудового коллектива или общественной, тогда как ходатайства об условном осуждении, исходящие от отдельных должностных лиц или руководителей общественных организаций не могут рассматриваться как выражение воли коллектива. Также в постановлении указывалось на то, что суды должны в каждом случае условного осуждения применять необходимые меры по обеспечению общественного воздействия на условно осужденного. Допуск представителей общественности к участию в процессе исправления и перевоспитания осужденных осуществляется судом по ходатайству общественной организации или трудового коллектива о передаче условно осужденного для исправления и перевоспитания. При отсутствии ходатайств общественной организации или трудового коллектива, суды были вправе ставить вопрос перед общественной организацией или отдельным лицом (из числа членов коллектива или общественной организации) об их согласии принять на себя обязанность по наблюдению за условно осужденным и проведению с ним воспитательной работы.

Полномочия представителей общественности были достаточными и создавали правовые гарантии для эффективного взаимодействия осужденного с ними и выполнения предъявляемых с их стороны требований. В частности, допускалось рассмотрение вопроса о сокращении испытательного срока, установленного приговором при условном осуждении, при наличии ходатайства общественной организации или трудового коллектива, при условии истечения не менее половины этого срока, с учетом тяжести совершенного преступления, личности виновного и других обстоятельств дела [2].

В ИТК БССР 1971 года отдельным разделом VI регулировался порядок участия общественности в исправлении и перевоспитании осужденных. В качестве субъектов реализации общественного воздействия назывались наблюдательные комиссии (ст. 115), комиссии по делам несовершеннолетних (ст. 116), коллективы трудящихся и общественных организаций (ст. 117), совет общественности в воспитательно-трудовой колонии (ст. 118), общественные воспитатели осужденных несовершеннолетних (ст. 119), комиссии содействия органам, исполняющим наказания в виде ссылки, высылки и исправительных работ без лишения свободы, состоящих из представителей общественных организаций и коллективов трудящихся (ст. 120), а также другие представители общественности (ст. 121). Таким образом, перечень субъектов общественного воздействия в ИТК БССР 1971 определялся достаточно широко и при этом не являлся закрытым, что создавало предпосылки безграничных форм участия общественности в реализации задач исправления, перевоспитания осужденных, а также способствования предупреждения совершения ими новых преступлений. Учитывая особое отношение государства к религии в исследуемый советский период, представители религиозных объединений и организаций в качестве субъектов общественного воздействия не назывались [1, с. 272-283]

Формы общественного воздействия регулировались не ИТК, а подзаконными нормативными правовыми актами. Лишь в отдельных случаях законодатель определял, что к таковым относятся оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам,

освобожденным из мест лишения свободы, помощь в развитии производства исправительно-трудовых и воспитательно-трудовых колоний, в проведении политико-воспитательной работы, организации общеобразовательного и профессионально-технического обучения (ст. 117).

Из указанного выше можно сделать вывод об особой роли общественного воздействия на осужденных лиц в советский период и разнообразных формах, а также значительном числе субъектов, осуществляющих общественное воздействие на осужденных. Однако, несмотря на столь детальную регламентацию института общественного воздействия в ИТК БССР 1971 года, в современном уголовном законодательстве таковая отсутствует. Данный пробел, в свою очередь, приводит к сложностям при определении конкретных мер и видов общественного воздействия на осужденных и в целом приводит к размытию границ данного понятия. С принятием нового законодательства общественное воздействие не утратило своей значимости и, напротив, имеет большой потенциал для реализации задач, поставленных уголовно-исполнительным законодательством.

Ретроспективный догматический анализ уголовно-исполнительного законодательства советского периода отражает поставленные перед советским исправительно-трудовым законодательством задачи привлечения общественности к реализации цели исправления осужденных, принятии ее участия для реализации задач их перевоспитания, предупреждения совершения ими новых преступлений и в целом для искоренения преступности. Задачи ресоциализации осужденных, восстановления социально полезных связей после отбытия наказания либо их сохранение в процессе его отбывания в качестве самостоятельных задач законодательством советского периода не определялись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу Белорусской ССР / Под ред. Л. В. Багрий-Шахматова. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 304 с.
2. «О судебной практике по применению условного осуждения : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4.03.1961 года № 1 : с изм. и доп., внесенными постановлениями Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1962 № 17; от 04.12.1969 № 12; от 26.04.1984 № 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss2890.htm>. – Дата доступа: : 10.11.2016

О. Е. КАЛПИНСКАЯ

Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ

Взяточничество, являясь негативным социальным явлением, делает государственную власть слабой и малоэффективной, как бы «разъедает» её изнутри, теряется ее авторитет в глазах населения. По причине того, что государство и его должностные лица не способны удовлетворять потребности граждан в разных областях жизни, теряется доверие общества, останавливается политическое, экономическое и культурное развитие.

Актуальность исследования взяточничества и мер противодействия не вызывает сомнений. Это очевидно не только для России, но и для всей мировой общественности. С исторических времен все государства боролись со взяточничеством и эта борьба не останавливается по сей день. Существенным отличием всегда выступают способы и приемы, которые использует государство для борьбы. К примеру, правоохранительные органы Пакистана предложили тем лицам, которые владеют информацией о совершаемом преступном посягательстве, анонимно предоставить эту информацию в сеть Интернет.

Изучение научной юридической литературы, анализ нормативных основ противодействия взяточничеству в российском государства демонстрируют очевидный пробел, заключающийся в отсутствии единого понятия взяточничества. Толкование уголовно-правовых норм позволяет говорить, что взяточничество выступает комплексным термином, в котором объединены сразу два состава преступлений – получение и дача взятки.

Непосредственным объектом данных составов преступного деяния выступают общественные отношения в сфере нормальной организации и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. В соответствии со статьей 290 УК РФ [1] взятка выражается в виде: денег, ценных бумаг, имущества, иных действиях имущественного характера, получаемые должностными лицами от взяткодателей за совершение определенных действий (бездействий) лично или через посредника, а также способствование совершению данных действий в силу своего должностного положения, а равно за общее покровительство или попустительство по службе. Таким образом, предметом взяточничества могут быть любые предметы материального мира, а так же вещи ограниченные в обороте. Установление факта получения взятки позволяет говорить о наличии преступного состава предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ [1]. Субъект получения взятки наделен специальным качеством – им может быть только должностное лицо. Субъективная сторона получения взятки характеризуется виной в форме прямого умысла. Другими словами, субъект преступления осознает, что перечисленные выше предметы переданы ему за совершение незаконных действий (бездействий) в отношении взяткодателя, и наличием желания получить материальную выгоду за совершение данных действий, которые могут быть совершены путем использования своего служебного положения.

Необходимо указать на тот факт, что предпринимаемые государством попытки по противодействию коррупции, должны быть направлены не только на искоренение и пресечение взяточничества в органах государственной власти, но и на устранение причин и условий совершения преступлений, коррупционной направленности. В борьбе с преступностью в Российской Федерации против государственной власти, интересов государственной службы уделялось и уделяется большое внимание. Созданы специализированные подразделения, целью деятельности которых является выявление преступлений совершенных представителями власти при использовании своего служебного положения, разработаны специальные программы борьбы со взяточничеством [2], созданы учебные программы, принят целый ряд нормативно-правовых актов по противодействию коррупции [3].

Однако все принимаемые попытки по противодействию совершения коррупционных преступлений, а именно получения взятки на сегодняшний день, находятся на крайне низком уровне. Основанием для выдвижения такого смелого и категоричного вывода является проведенный анализ статистических данных судебного

департамента при Верховном суде РФ как по стране в целом, так и некоторых субъектах РФ.

Как уже ранее говорилось, взяточничество, прежде всего, связано с ситуацией неудовлетворенности основных социальных потребностей населения. С целью предотвращения совершения малоимущими слоями населения поддаться на подкуп, считается необходимым повысить размеры заработной платы хотя бы до прожиточного минимума в соответствующих субъектах Российской Федерации. Отсутствие подобных мер мотивирует как взяткодателей, так и взяткополучателей.

Модернизация уголовного законодательства должна оцениваться по результату и степени достижения желаемого результата. Усовершенствование уголовного закона совершается с целью приведения в соответствии закона условиям современности. Любые изменения в уголовном законодательстве должны вноситься с целью непосредственного решения задач, которые прописаны в самом УК РФ, это – охрана от преступных посягательств и предупреждение преступлений. Принимая попытки по устранению взяточничества в РФ, были внесены ряд поправок в уголовное законодательство для достижения наилучшего результата.

В целях усовершенствования уголовного законодательства представляется необходимым уточнение содержания, конкретизация понятия предмета получения взятки, где наряду с услугами имущественного характера, следует говорить об услугах неимущественного характера, которые могут включить в себя обширный круг оказываемых услуг, к примеру незаконное освобождение из-под стражи. В целях разрешения проблем при разграничении подарка от дачи взятки, представляется возможным п. 3 ст. 575 ГК РФ [4] изложить следующим образом «государственным служащим и служащим органов местного самоуправления запрещается принимать какие – либо подарки независимо от их стоимости».

На сегодняшний день взяточничество достигло таких размеров, что вышла на уровень общенациональной угрозы, в связи, с чем требуется усиление деятельности всех правоохранительных органов. Причинами взяточничества в органах государственной власти, как нами уже было сказано выше, являются ряд негативных факторов экономической, социальной и политической направленности. Также данная проблема обусловлена в недостатках деятельности органов, государственной власти осуществляющих противодействие коррупции, неполнотой и неэффективностью правовой базы противодействия коррупции.

В целях реализации положений международных актов, ратифицированных Россией в целях борьбы со взяточничеством, представляется возможным оптимизировать вопрос о снятии иммунитетов или привилегий в отношении должностных лиц. Например, внесение соответствующих дополнений в Федеральный закон, регламентирующий статус членов СФ ФС РФ и статус депутатов ГД ФС РФ [5], где следовало бы изложить, что отказ от лишения соответствующего депутата установленные привилегий не является обстоятельством исключающим возможность привлечь указанных лиц к уголовной, административной и иной юридической ответственности.

Также необходимо разграничить понятия «получение взятки должностным лицом и лицом, выполняющим свои профессиональные обязанности», представляется возможным внести в УК РФ новый состав преступления «Незаконное вознаграждение», а также разработать и принять новый федеральный закон «О государственном контроле за соответствием крупных расходов полученным доходам граждан», который

ограничит возможности получения не лицом который непосредственно получает взятку, а иными лицами, посредниками.

На наш взгляд, представляется возможным отменить в ст. 74 УК РФ [1] положения относительно условного осуждения за взяточничество, не уплатившего в испытательный срок штраф в виде дополнительного вида наказания, а также минимизировать размеры штрафов налагаемых судом в качестве меры наказания.

Также, при рассмотрении указанной категории дел, судами необходимо учитывать характер и степень общественной опасности. Также возможность назначение в виде наказания преимущественно штрафов, с целью обеспечения реальной возможности исполнения судебного приговора.

При признании должностного лица виновным, решающее значение должно иметь, тот факт какие именно функции выполняло данное лицо: должностные или профессиональные.

Следует не ужесточать меры ответственности за совершение данного вида преступления, а бороться с причиной (уменьшать личную заинтересованность обеих сторон извлечении выгоды из их преступных действий. Это представляет собой долгий, но эффективный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

2. «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы» Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147// КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

3. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016)// КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996. № 14-ФЗ (ред. 23.05.2016) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

5. Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 08.05.1994 № 3-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

А. В. МАКРУШИНА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Государственный служащий – гражданин Республики Беларусь, занимающий в установленном законодательством порядке государственную должность, наделенный соответствующими полномочиями и выполняющий служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского бюджета [1].

Государственным служащим Республики Беларусь может быть гражданин Республики Беларусь, достигший восемнадцатилетнего возраста, имеющий:

1. Соответствующее образование, за исключением случаев, когда для занятия государственной должности наличие определенного образования не требуется;
2. Необходимый стаж и опыт работы по специальности, за исключением случаев, когда для занятия государственной должности они не установлены;
3. Владение государственными языками Республики Беларусь;
4. Знание Конституции Республики Беларусь, законов применительно к исполнению соответствующих должностных обязанностей.

Любой государственный служащий обладает совокупностью прав и обязанностей, имеет гарантии реализации своих прав, а так же сам лично несет ответственность за проступки.

Ответственность государственных служащих – это применение к ним государственными органами и должностными лицами установленных государством мер воздействия за плохую работу, нарушение государственной дисциплины и законности.

Нарушение государственным служащим своих служебных обязанностей может повлечь за собой различные правовые последствия. В зависимости от характера правонарушений государственные служащие могут привлекаться к уголовной, административной, дисциплинарной и материальной ответственности.

Уголовная ответственность государственных служащих наступает за совершение ими преступлений. Особо закон выделяет общие виды должностных преступлений: злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий, халатность, получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, должностной подлог. Предусматривается так же ответственность должностных лиц за преследование граждан, выступающих с критикой. Все эти вопросы подробно рассматриваются в уголовном праве [1].

В главе 35 Уголовного Кодекса Республики Беларусь назван ряд статей, которые указывают на преступления должностных лиц. Так, за преступления, такие как злоупотребление властью и служебными полномочиями (ст. 424), бездействие должностного лица (ст. 425), превышение власти и служебных полномочий (ст. 426) и другие установлены санкции в виде лишения свободы с конфискацией или без конфискации имущества и с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Причем лишение свободы в некоторых статьях главы 35 Уголовного Кодекса доходит до 10 лет лишения свободы, что относится к тяжким преступлениям [2].

В Республике Беларусь, как и во многих других странах, существует проблема преступности среди государственных служащих. В нашей стране с каждым годом процент такого вида преступлений падает. Однако, очевидно, что данную проблему искоренить не удастся в любой стране. В 2015 году статистика была такова: коррупционные преступления в общем количестве зарегистрированных из года в год составляют не более 2,5–3 процентов. За 6 месяцев 2016 года судом рассмотрено 180 уголовных дел коррупционной направленности в отношении 240 лиц, из которых осуждены 236. Это на 7,3 процента больше, чем за первые полгода 2015-го. За 9 месяцев более всего преступлений выявило МВД, затем КГБ, Следственный комитет. Приоритет прокуратуры – координация усилий всех правоохранительных органов в противостоянии коррупции. При этом по итогам своих проверок органы прокуратуры

возбудили 73 уголовных дела, внесли 2367 актов надзора. Сумма ущерба, возмещенная по требованию прокурора, составила около 460 тыс. деноминированных рублей.

Важную роль в решении данной проблемы играет Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» и постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о взяточничестве» Они дали возможность правоохранительным органам более эффективно работать на упреждение. Внесенные новеллы направлены прежде всего на профилактику коррупционных проявлений.

Например, государственное должностное лицо не имеет права, помимо основной работы, одновременно заниматься предпринимательской деятельностью или быть учредителем коммерческой фирмы: это запрещено. Лица, осужденные за коррупцию, не смогут больше работать на госслужбе, пенсию получают только по возрасту. Усилены нормы в части декларирования доходов и имущества. Мы вносим соответствующие акты надзора, требуем принятия предусмотренных законом мер. Когда расходы чиновника существенно превышают его доходы, когда он не может объяснить наличие у него дорогостоящего имущества, закон позволяет прокуратуре обратиться в суд – чтобы этот доход либо имущество были обращены в доход государства [3].

Борьба с коррупцией требует комплексного системного подхода.

Поскольку наибольшую тревогу вызывает коррупция органов государственной и местной власти, оказывающая разрушительное влияние на общественную нравственность, и перерождение бюрократических государственных институтов в полукриминальные «сообщества», в которых публично-правовые отношения подменяются лично-корыстными, необходимо антикоррупционное воспитание и образование государственных служащих. Оно может быть системой, включающей специальные дисциплины и технологии. В частности, было бы весьма целесообразным введение института поручительства и присяги, выработка морального кодекса чиновника и т. д.

Необходимо провести ревизию действующего законодательства с целью внесения в него норм, противодействующих коррупции; ввести постоянную практику экспертизы проектов и уже принятых законов и подзаконных актов на коррупциогенность.

Для эффективной борьбы с коррупцией наряду с другими средствами борьбы необходим комплекс мероприятий правопроектного характера, чтобы изменить отношение людей к праву, а также создать оптимальные правовые механизмы осуществления прав личности, их защиты и гарантий со стороны государства по соблюдению правовой формы.

Необходимо поставить заслон на пути дальнейшего разложения государственных и иных служащих, выработать систему мер, направленных на усиление социального контроля выполнения ими служебных обязанностей, финансовой деятельностью и поведением в неслужебной сфере.

Логичным и последовательным решением стало бы закрепление некоторых изменений в Уголовный Кодекс Республики Беларусь, например, ужесточение наказания за преступления коррупционного характера, или других преступлений государственных служащих.

Следует отметить, что преступление государственных служащих очень сложно раскрыть, так как одно более мелкое преступление может породить за собой более серьезное преступление и далее по нарастающей. Возможно, это все происходит из-за статуса и наличия властных полномочий конкретных лиц. Преступления государственных служащих имеют высокую общественную опасность, поэтому они

требуют строгих наказаний. Справедливо назначенное наказание способствует достижению целей наказания, обеспечивает его эффективность, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений в области преступлений государственных служащих. Последствия должностных преступлений состоят в причинении существенного вреда государственным или общественным интересам или охраняемым законом правам и интересам граждан. Так как законные права, свободы и интересы граждан являются высшей ценностью государства, то преступления, нарушающие эти права и свободы должны наказываться всей строгостью закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право: учебное пособие / Л. М. Рябцев; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск : Амалфея, 2009г. – 432с.
2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь. Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года: с изм. и доп. По состоянию на 2 сент. 2015г. – Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2015. – 320 с.
3. Разбираемся в новом антикоррупционном законе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=235533> – Дата доступа: 30.10.2016

Е. М. ПЕТРЕЧУК

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

О СПОСОБАХ ПРЕСТУПНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ И СБОРОВ (СТ. 243 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов в большинстве стран мира отнесено к тяжким преступлениям. В Республике Беларусь за данное противоправное деяние предусмотрена уголовная ответственность. Способы, используемые налогоплательщиками для уклонения от уплаты сумм налогов или снижения их размеров, разнообразны и многочисленны, однако не все признаны преступными.

В диспозиции ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь названы и закреплены два альтернативных способа (деяния) уклонения от уплаты сумм налогов и сборов, которые и обуславливают разновидности объективной стороны данного преступления. Первый из них заключается в сокрытии налоговой базы или в умышленном её занижении, второй - в уклонении от представления налоговой декларации или во внесении в налоговую декларацию заведомо ложных сведений.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Налогового кодекса Республики Беларусь налогом признается обязательный индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты.

Сбором (пошлиной) признается обязательный платеж в республиканский и (или) местные бюджеты, взимаемый с организаций и физических лиц, как правило, в виде одного из условий совершения в отношении их государственными органами, в том

числе местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, иными уполномоченными организациями и должностными лицами, юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу специальных разрешений (лицензий), либо в связи с ввозом (вывозом) товаров на территорию (с территории) Республики Беларусь [1].

Действующим налоговым законодательством закреплено, что физические и юридические лица являются плательщиками следующих налогов и сборов (пошлин): налог на добавленную стоимость; акцизы; налог на прибыль; налог на доходы иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство; подоходный налог с физических лиц; налог на недвижимость; земельный налог; экологический налог; налог за добычу (изъятие) природных ресурсов; сбор за проезд автомобильных транспортных средств иностранных государств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь; оффшорный сбор; гербовый сбор; консульский сбор; налог за владение собаками; государственная пошлина; патентные пошлины; таможенные пошлины и таможенные сборы; утилизационный сбор; сбор на финансирование государственных расходов; курортный сбор; сбор с заготовителей.

Вместе с тем, уголовная ответственность установлена только за уклонение от таких видов налоговых платежей, как «налоги» или «сборы». Следовательно, не влечет уголовной ответственности по ст. 243 УК уклонение от уплаты иных налоговых платежей, не имеющих статуса налогов (сборов), например уклонение от уплаты государственной пошлины.

Постановлением Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 марта 2015 г. № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК)» обращено внимание судов на то обстоятельство, что уголовная ответственность наступает только в случае совершения преступления одним из способов, указанных в диспозиции части первой упомянутой статьи Уголовного кодекса.

Так, под сокрытием налоговой базы понимается умышленное не отражение в документах налогового учета и (или) отчетности, представляемых налоговым органам, фактических данных об объектах налогообложения [1].

В соответствии с ч. 1 ст. 41 Налогового кодекса налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристику объекта налогообложения и устанавливается применительно к каждому налогу, сбору (пошлине).

Наиболее распространенными способами сокрытия налоговой базы являются: прием денежных средств от реализации товаров, работ или услуг без их отражения в учетных документах с целью утаивания дохода; сокрытие выручки от розничной торговли; непредставление бухгалтерской отчетности в налоговые органы; осуществление сделок без документального оформления, неотражение результатов хозяйственных операций, неоприходование товарно-материальных ценностей [2].

Умышленное занижение налоговой базы, как правило, выражается во внесении в документы налогового учета и (или) отчетности заведомо не соответствующей действительности информации, касающейся стоимостной, физической или иной характеристик объекта налогообложения, скорректированной в сторону уменьшения величины налоговых начислений [3, с. 11].

Занижение налоговой базы может выражаться в уменьшении реального количества или действительной стоимости объектов недвижимости или иного имущества; в

занижении объема полученного дохода, стоимости реализованной продукции; в занижении объема (стоимости) реализованной продукции и др. [2].

Однако, так или иначе все способы уклонения от уплаты налогов путем сокрытия или занижения налоговой базы могут совершаться в двух формах:

- нарушение порядка учета объектов налогообложения с целью утаивания информации об их наличии или действительном количестве (фальсификация внутреннего учета);
- неотражение в соответствующих отчетных документах, представляемых налоговым органам, фактических данных о получении объектов налогообложения (фальсификация внешней отчетности).

Под уклонением от представления налоговой декларации понимается умышленное непредставление ее в налоговый орган в установленный срок при наличии такой возможности.

Внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений – это включение в нее сведений, заведомо для виновного не соответствующих действительности, которые влияют на исчисление уплачиваемого им налога, сбора в сторону его уменьшения совершаются в форме действия.

Понятие «налоговой декларации» содержится в ст. 63 Налогового кодекса, согласно которой она представляет собой письменное заявление плательщика (иного обязанного лица) на бланке установленной формы о полученных доходах и об осуществленных расходах, источниках доходов, о налоговых льготах и об исчисленной сумме налога, сбора (пошлины) и (или) о других данных, необходимых для исчисления и уплаты налога, сбора (пошлины).

В ст. 243 УК идет речь о декларациях, которые граждане обязаны подавать в налоговые органы и которые содержат сведения об объектах, подлежащих налогообложению.

Следовательно, иные правонарушения, связанные с непредставлением декларации о доходах и имуществе, а также с декларациями иных видов, не охватываются ст. 243 УК.

Вместе с тем, по мнению А. И. Лукашова следует, что уголовная ответственность по ст. 243 УК не может наступать за уклонение от подачи декларации о доходах и имуществе [4, с. 62].

Как следует из вышеизложенного, с внешней, объективной стороны, уклонение от уплаты налогов (сборов) может выражаться как в действиях (сокрытие налоговой базы, умышленное ее занижение налоговой базы, уклонение от представления налоговой декларации), так и бездействии (уклонение от представления налоговой декларации (расчета) [5, с. 78].

Оконченным уклонение от уплаты налогов, сборов, совершенное путем сокрытия, занижения налоговой базы будет считаться:

- с момента принятия налоговым органом фальсифицированных отчетов, если уклонение осуществляется путем сокрытия или занижения налоговой базы в установленной форме отчетности;
- по прошествии сроков уплаты налогов, если уклонение осуществляется путем непредставления налоговым органам отчета установленной формы;
- с момента полного или частичного сокрытия налоговой базы, если уклонение осуществляется путем нарушения порядка учета объектов налогообложения.

Уклонение от уплаты налогов, совершенное путем уклонения от представления налоговой декларации (расчета) или внесения в нее заведомо ложных сведений, будет

оконченным по прошествии сроков подачи налоговой декларации (расчета) – если преступление выражается в непредставлении налоговой декларации, либо с момента представления в налоговый орган декларации, содержащей заведомо искаженные данные о доходах и расходах.

Проанализировав способы уклонения от уплаты сумм налогов и сборов следует, что указанное преступление совершается умышленно и только с целью уклонения от уплаты налогов, сборов. И, как, результат, наступление общественно опасных последствий – не поступление денежных средств в бюджетную систему Республики Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК) [Электронный ресурс]: Пленум Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2015 г. № 1// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Хилюта, В. В. Уклонение от уплаты налогов: способов много, ответ один [Электронный ресурс]. – 2016 – Режим доступа / <http://statut.by/lichnyj-jurist/13-respect-law/203-23-12-2011/> – Дата доступа: 09.11.2016.

3. Павлюченко А. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и сборов (комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2015 № 1) / А. Павлюченко. – Юрист – 2015. - № 5(168).- С.11-13.

4. Лукашов, А. И. Предусмотрена ли уголовная ответственность за непредставление декларации о доходах и имуществе/ А. И. Лукашов // Право Беларуси. – 2004. – № 8. – С. 62

5. Хилюта, В. В. Уклонение от уплаты налогов: всегда ли лицо действует умышленно / В. В. Хилюта// Главный бухгалтер – 2011. – № 39. – С. 77-80.

6. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Ю. П. ПРОКОПИК

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

НАРКОКОНТРАБАНДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Понятие «контрабанда» с этимологической точки зрения означает тайный провоз или перенос товаров и ценностей через государственную границу с сокрытием их от таможенного контроля или тайно пронесенный или провезенный через государственную границу товар. Происходит этот термин от итальянского *contrabando* (*contra* – против, *bando* – правительственный указ) [1, с. 377].

В начале 2015 года законодательство Республики Беларусь в области противодействия незаконному обороту наркотических веществ претерпело

существенные изменения. Большинство нововведений связано с утяжелением ответственности за незаконный оборот наркотических средств. Одним из основных изменений в Уголовном кодексе является появление новой статьи – ст. 328-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая предусматривает ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза или Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (далее – наркотики). Вышеперечисленные изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь вступили в законную силу с 04.02.2015 года [2].

Беларуси выпала доля существовать между двумя экономическими блоками - Россией и Европейским союзом (далее – ЕС). Удобное расположение страны для транзита наркотиков способствует лавинообразному росту их контрабанды. Сегодня можно уверенно утверждать, что контрабанда наркотиков в Беларуси происходит на всех направлениях - и на границе с ЕС (Латвия, Литва, Польша), и на границе с Украиной. Но наибольшее количество наркотиков поступает из Российской Федерации [3]. Следует отметить, что два из трех государств- участников Таможенного союза - Россия и Казахстан - расположены в непосредственной близости от регионов произрастания и производства наркотиков, а также являются регионами-источниками сырья для их производства и странами потребления наркотиков. Так, через Казахстан и Россию проходят основные маршруты перемещения героина из Афганистана, представляющего собой наиболее крупного производителя данного наркотика в мире [4, с. 199]. На территории Казахстана и России расположены регионы естественного произрастания конопли и эфедры. Наличие спроса на наркотики в России способствует деятельности подпольных лабораторий по производству наркотиков, часть из которых поставляется в соседние государства. Эти факторы, обуславливающие широкое распространение наркотиков в указанных государствах, способствуют ввозу наркотиков в Беларусь. Новости о задержании контрабандных наркотиков появляются в белорусских СМИ довольно часто, их поставки наркотиков из-за пределов Республики Беларусь в значительной степени влияют на криминогенную наркоситуацию в стране. Из-за пределов ввозятся, как правило, «тяжелые» наркотики. В Республику Беларусь поступают героин, метадон, гашиш, амфетамин, курительные смеси «Спайс», оказывающие сильное воздействие на организм человека и вызывающие зависимость у потребителей [3].

Препятствием для свободного перемещения наркотиков между странами является таможенный режим, одной из задач которого является пресечение потенциальных угроз государству, связанных с контрабандой запрещенных и ограниченных к ввозу веществ, способных причинить серьезный вред обществу и ущерб экономике государства. Несомненно, среди основных угроз остается незаконный оборот наркотиков.

Должностными лицами таможенных органов в первом полугодии 2016 года при незаконном перемещении через границу наркотиков возбуждено 57 уголовных дел, что практически в 2 раза больше по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Во взаимодействии и самостоятельно должностными лицами таможенных органов изъято 10,4 кг наркотиков, а также 10,5 тыс. единиц лекарственных препаратов, содержащих в своем составе психотропные вещества. При проведении таможенного контроля сотрудниками кинологических подразделений, в том числе и с использованием служебных собак, пресечено 36 попыток незаконного перемещения более 21 г наркотиков, а также 2 тыс. единиц лекарственных препаратов, содержащих

психотропные вещества. На сегодняшний день в республике изъято более 1 тысячи 400 кг наркотиков, из которых таможенными органами задержано 940 килограммов. Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь (далее – ГТК) обеспечено эффективное противодействие поступлению в республику растительного сырья для производства наркотиков. На международном канале пересылки почтовых отправок пресечено 69 попыток контрабандного ввоза психотропных препаратов, а также семян каннабиса для воспроизводства марихуаны на территории республики.

Преступники используют изощренные методы доставки наркотиков: для их сокрытия используются конструктивные части автомобилей, специально оборудованные тайники, наркотики маскируются в личных вещах и на теле наркокурьеров, предпринимаются попытки их ввоза – маскируя среди плодоовощной продукции. В последнее время зафиксированы случаи, когда предметы контрабанды, как правило, наркотики, в фабричных условиях закатываются в консервные банки, тюбики с кремами, помещаются внутрь деревянных деталей мебели. Часто предметы контрабанды вывозятся в одежде. Весьма распространена пересылка наркотиков (в настоящее время это семена конопли и синтетические наркотические вещества, перемещаемые в Республику Беларусь из Испании и Голландии), по почте с сокрытием в письмах, бандеролях, посылках. Имеет место и сокрытие предметов контрабанды в полостях и внутри организма животных и людей [5].

Таможенными службами сопредельных государств отмечается изменение направлений международного транзитного наркотрафика – попытки доставки наркотиков в последнее время все больше предпринимаются в обход белорусской территории. С учетом развития негативных тенденций в сфере оборота наркотиков ГТК совместно с российскими и казахстанскими коллегами реализуется комплекс скоординированных мер по борьбе с контрабандой наркотиков в рамках Таможенного союза [3].

Так, 18 сентября 2014 года вступило в силу Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза, подписанное главами государств-членов Таможенного союза 24 октября 2013 года (Решение Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 года № 51). Соглашение регулирует порядок перемещения юридическими лицами наркотиков по таможенной территории Таможенного союза при наличии разрешительных документов, выдаваемых компетентными органами Сторон, а также определяет порядок перемещения ограниченного количества указанных средств и веществ физическими лицами в виде лекарственных средств по медицинским показаниям для личного применения [6].

Существенную помощь таможенным органам в борьбе с наркоконтрабандой оказывают подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Республики Беларусь. Во исполнение Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» основные усилия подразделений наркоконтроля республики направлены на выявление и перекрытие каналов поставки и транзита наркотиков [7]. В результате предпринятых практических мер в ходе проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий за 9 месяцев 2016 года пресечено 33 канала поставок наркотиков в республику из-за границы, а также их транзитных перевозок [8].

Контрабандный ввоз наркотиков по-прежнему представляет наибольшую опасность для безопасности Беларуси и стабильности развития белорусского общества. Во многих странах мира контрабанда наркотиков карается самым жестоким образом.

На борьбу с контрабандой выделяются огромные деньги из бюджета. Контрабанда наркотиков является наиболее масштабной и социально опасной разновидностью нелегальной трансграничной активности между государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухарев, А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев. – М. : Москва, 2007. – 858 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., №275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Всемирный доклад о наркотиках 2016 [Электронный ресурс] / Управление по наркотиками и преступности ООН. - Вена, 2016. - Режим доступа : <http://www.unodc.org/wdr2016/>. - Дата доступа : 25.10.2016.

4. Рогатых, Л. Ф. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : учебно-методическое пособие для оперативного состава и отделов дознания таможенных органов / Л. Ф. Рогатых. – СПб. : Специальная литература, 2003. – 239 с.

5. Правоохранительная деятельность таможенной службы Республики Беларусь в 2016 г. [Электронный ресурс] / ГТК Респ. Беларусь, Борьба с контрабандой и АТП. - Минск, 2016. - Режим доступа : http://gtk.gov.by/ru/activity/pravoohranitel'naya_deyatelnost. - Дата доступа : 25.10.2016.

6. Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза, подписанное главами государств-членов Таможенного союза 24 октября 2013 года (Решение Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 года № 51) [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минске 24.10.2013 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Информационно-аналитический обзор криминогенной ситуации и состояния работы в сфере наркоконтроля в Республике Беларусь в 2016 году [Электронный ресурс] / МВД Респ. Беларусь, Управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми. - Минск, 2016. - Режим доступа : <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=323173>. - Дата доступа : 25.10.2016.

Д. С. ПРОКОПОВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Судебный прецедент оказывает комплексное неоднозначное влияние не только на правовую действительность, но и на всю общественную жизнь, являясь примером применения высшими судами норм правовых актов и правовых принципов к казусам, которым обязаны следовать судьи при разрешении последующих аналогичных казусов.

Судебный прецедент является одним из основных источников права англосаксонской правовой семьи (Канада, США, Великобритания и другие страны). Однако, основным источником права в Республике Беларусь признается нормативный правовой акт, поскольку данный источник наиболее характерен для романо-германской правовой семьи, к которой, как известно, и относится Республика Беларусь. Но следует отметить, что как и во многих странах континентальной системы права, прецедент в Республике Беларусь приобретает все большее практическое значение.

Обращаясь к происхождению такого понятия как «прецедент», необходимо отметить, что прецедентом (от латинского «предшествующий») называют случай, имевший место ранее служащий примером при определении последствий случаев подобного рода. Судебным прецедентом можно назвать правовой акт, представляющий собой судебное решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов при решении аналогичных дел [1, с. 307].

В определенной мере в белорусском законодательстве судебная практика официально признана со стороны государства, хотя можно поспорить о формах ее проявления. В соответствии Законом Республики Беларусь от 10.01.2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», акты Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь – нормативные правовые акты, принятые в пределах их компетенции по регулированию общественных отношений, установленной Конституцией Республики Беларусь и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами [2].

Тем самым к источникам права причислены заключения Конституционного Суда Республики Беларусь, а также постановления Пленумов Верховного Суда. Однако ни один из названных судов не вправе издавать законодательные акты, поскольку это не входит в их компетенцию, определенную соответствующим законом и кодексом. Следует отметить, что процесс законотворчества заметно отстает от потребностей общества, в регулировании быстро изменяющихся социальных процессов. Поэтому в судебной практике нередки случаи, когда спорное правоотношение разрешается путем применения аналогии закона или аналогии права. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29.06.2006 г. № 139-З содержит указание о том, что если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции Республики Беларусь либо иному закону, он принимает решение в соответствии с Конституцией или законом Республики Беларусь и ставит в установленном порядке вопрос о признании этого нормативного акта неконституционным [3].

Исходя из этого, в таких случаях суд вырабатывает свое отношение к использованию правовой нормы, тем самым придает принятому им решению характер прецедента толкования норм права. В свою очередь судебная практика как источник права в правовой системе Республики Беларусь имеет особенности, так как не является источником права решение по отдельно взятому делу. Стоит также обращать внимание на то, что иногда судьи по-разному оценивают одинаковые ситуации. В Республике Беларусь полномочия всех звеньев судебной системы включают изучение и обобщение судебной практики, то есть деятельности судов по применению законодательства при рассмотрении судебных дел. Пленум Верховного Суда на основе изучения и обобщения судебной практики и судебной статистики дает разъяснения по вопросам применения законодательства, возникающим при рассмотрении судебных дел. Разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь представляют собой вид судебного толкования законов и являются обязательными для судов, иных органов и

должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. В этих разъяснениях раскрывается содержание применяемых норм, а в необходимых случаях дается их конкретизация и детализация. Разъяснения Пленума Верховного Суда направлены на обеспечение единства судебной практики, строгое соблюдение законности, правильное и единообразное понимание и применение норм действующего законодательства. Выработанные судебной практикой на основе толкования и разъяснения законов положения в ряде случаев воспринимаются законодателем, становятся юридическими нормами [4, с. 49].

Таким образом, видна противоречивость законодательства по поводу признания судебного прецедента в качестве источника права, с одной стороны, судебный прецедент не признается источником права, а с другой – решения высших судов признаются нормами права. В связи с этим возможны следующие пути разрешения сложившейся проблемы, либо исключить случаи пользования судебной практикой в качестве источника права, либо изменить законодательство и принимать судебный прецедент в качестве источника права. По нашему мнению наиболее подходящий второй вариант решения данной проблемы, так как на современном этапе быстроразвивающихся общественных отношений нормативный акт не способен в полной мере регулировать общественные отношения, что связано со сложной процедурой принятия нормативного акта. В такой ситуации довольно часто возникают пробелы в праве. В данном случае было бы целесообразно призвать на помощь такой источник права как судебный прецедент. Тем самым предлагаем изменить статью 3 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», в соответствии с которым необходимо исключить из числа нормативных правовых актов постановления Пленума Верховного Суда. Отдельно выделить нормы права, относящиеся к судебной практике и отнести постановления Пленума Верховного Суда к нормам данной категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский. – Минск : Тесей, 1998. - 576 с.
2. О нормативных правовых актах: Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З : с изм. и доп. от 2 июля 2009 г. № 31-З. – Минск : Амалфея, 2009. – 59 с.
3. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей : 29 июня 2006 г. № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в Кодекс с 4 января 2014 г. изм. и доп. не вносились. Минск : Амалфея, 2014. - 147 с.
4. Зайцева, Л. Л. Традиции английской системы правосудия и перспективы судебной реформы в Республике Беларусь / Л. Л. Зайцева // Судовы весн. – 2005. – № 3. – С. 46-49.

В. И. РЕЗЮК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

БЮДЖЕТНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К бюджетным правоотношениям относятся отношения между участниками бюджетного процесса, возникающие при составлении, рассмотрении, утверждении, исполнении республиканского бюджета, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов, составлении, рассмотрении и утверждении

отчетов об их исполнении, определении прав и обязанностей участников бюджетного процесса, осуществлении заимствований в бюджеты, в межбюджетных отношениях, а также при осуществлении контроля за исполнением бюджетов и применении ответственности за нарушение бюджетного законодательства [1].

Бюджетные правоотношения имеют трехэлементную структуру:

- 1) субъект правоотношений;
- 2) объект правоотношений;
- 3) содержание правоотношений.

Бюджетные правоотношения приобрели характер фундаментальных для современного государства. Логичен и широкий инструментарий их охраны, в том числе уголовно-правовая охрана бюджетных отношений, которая «может рассматриваться как элемент экономической безопасности государства» [2, с. 232], определяющая, таким образом, и криминологический интерес.

Сущность каждого элемента бюджетных правоотношений имеет большое криминологическое значение.

Субъекты – это участники, стороны бюджетных правовых отношений: соответствующие государственные органы, внебюджетные фонды и др. Субъект бюджетных правоотношений, получивший выступать от его имени распорядитель бюджетных средств наделены особыми полномочиями, связанными с расходованием бюджетных средств различного уровня. Распорядитель бюджетных средств – это организация, которая в соответствии с Бюджетным кодексом Республики Беларусь и иными актами бюджетного законодательства имеет полномочия на распределение бюджетных ассигнований между получателями бюджетных средств, а также осуществляет другие функции. Так, должностное лицо распорядителя бюджетных средств, являющееся должностным лицом бюджетной организации, представляет повышенный криминологический интерес, так как является объектом предупредительно-профилактической работы.

Объект предупреждения преступности (преступления) – это система общественных отношений и связей, на которые воздействует субъект с целью предупреждения преступности (преступления) [3], а «поскольку личность есть совокупность общественных отношений, постольку оказать на нее воздействие можно не иначе, как преобразуя эти отношения» [4].

Объектом бюджетных правоотношений выступает то, на что направлены действия сторон – субъектов бюджетных правоотношения, и что фактически составляет предмет их полномочий: бюджеты соответствующих уровней и видов, государственные внебюджетные фонды и т.п.

Характеристика объекта бюджетных правоотношений позволяет определить круг субъектов предупредительно-профилактической работы.

Субъекты предупреждения – это органы, должностные лица и др., оказывающие какое-либо воздействие на объект с целью предупреждения преступлений. Одни осуществляют предупреждение непринудительными методами, другие – с использованием методов принуждения [3]. Комитет государственного контроля Республики Беларусь, органы внутренних дел, Министерства финансов Республики Беларусь и другие органы государственной власти осуществляют свою деятельность по контролю за соблюдением бюджетного законодательства, пресечению посягательств на бюджетные средства в пределах предоставленных полномочий, которые во многом определены с учетом вида и статуса объекта бюджетных правоотношений.

Анализ содержания правоотношений (прав и обязанностей участников конкретных отношений) позволяет оценить правомерность действий отдельных субъектов, выявить признаки правонарушений (нецелевого расходования, самоуправства и др.), в т. ч. преступлений (хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, мошенничества и др.), уточнить формы посягательств на бюджетные средства.

Своим содержанием правоотношения воздействуют на объект правоотношения. Содержанием правоотношения является поведение, действия сторон по осуществлению имеющихся субъективных прав и юридических обязанностей [3]. Содержание правоотношений зависит от действий субъектов и статуса объектов бюджетных правоотношений.

Актуализирует криминологический интерес к бюджетным правоотношениям, к содержанию в частности, их структура. В теории права отмечено, что трехэлементная структура является по своей природе статичной и относительно неопределенной, отражающей скорее выраженную в нормах права абстрактную модель поведения, отношений между участниками правоотношений, нежели модель, характеризующуюся как конкретную в части прав и обязанностей (т.е. близкую к абсолютно определенной). В трехэлементной структуре отсутствует отражение конкретных целевых действий субъектов правоотношений по возникающим у них правам и обязанностям. Фактически бюджетные правоотношения являются примером объективного права – явления, практически не зависящего от воли конкретного субъекта. Вместе с тем, действия субъекта правоотношений приводят правоотношения из статичного в динамичное состояние, в котором проявляется сущность третьего элемента правоотношений – их содержания.

Так, подрядчик может получить средства в рамках гражданско-правового договора от заказчика, являющегося получателем и распорядителем бюджетных средств. В случае невыполнения обязательств по договору уполномоченный орган (управление, в частности) Министерства финансов Республики Беларусь вправе в бесспорном порядке взыскать с подрядчика полученные им средства (в рамках простых односторонних правоотношений), не вступая до этого в какие бы ни было отношения с подрядчиком, и находясь в правоотношениях исключительно с организацией-заказчиком и получателем бюджетных средств, при этом указанное правомочие возникает в связи с действием (или бездействием) именно подрядчика [5].

Криминологический анализ бюджетных правоотношений выделяет новое в сущности объекта, субъекта и содержания бюджетных правоотношений (субъекты и объекты предупредительной работы, в частности), повышающее качество охраны важнейших для государства и общества в целом группы общественных отношений – бюджетных. При этом важно учитывать динамику бюджетных правоотношений, что обусловлено их казуальным характером, заметно влияющим на содержание: на каждом этапе реализации права субъектом складывается особое содержание правоотношений – это предопределяет отдельные меры противодействия противоправным посягательствам в сфере бюджетных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 16.07.2008, № 412-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Соловьев, О. Г. Уголовно-правовая охрана бюджетных отношений как элемент экономической безопасности государства / О. Г. Соловьев // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2010. №1 (12). – С. 232-234.

3. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности / Учебное пособие. Красноярск: КГУ, 1999. – 58 с.

4. Бурлаков В.Н. Индивидуальная профилактика правонарушений. Проблемы и суждения // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право. 1982. № 23. Вып. 4. С. 103.

5. Шаринская, А. Н. Требование о возврате из бюджета денежных средств, списанных в беспорядке / А. Н. Шаринская // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

М. А. СКАЛКОВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОМОЧИЙ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В юридической науке и законодательной практике сложились два подхода в отношении пределов полномочий апелляционной инстанции: во-первых, это ограниченность полномочий доводами сторон апелляционного производства; во-вторых, наоборот, процессуальная самостоятельность (независимость) суда апелляционной инстанции от доводов, изложенных в апелляционных жалобах (протестах) сторон.

Вопрос о верности какого-либо из приведенных подходов не утрачивает актуальности, хотя имеет более чем вековую историю.

Так, согласно Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года объём и юридическое свойство вопросов, подлежащих рассмотрению судом апелляционной инстанции, определялся пределами отъёма (протеста) (ст. ст. 168, 889) [1, с. 83, 323]. Дело подлежало рассмотрению в том же объёме, в котором его разрешил суд первой инстанции, по протесту прокурора на оправдательный приговор или по жалобе подсудимого на обвинительный приговор. Исключение составляли случаи, когда стороной обжаловано только юридическое значение виновности подсудимого или неправильное назначение меры ответственности, или приговор обжалован только гражданским истцом или не всеми осужденными и т.д.

Но ограничения, налагаемые на апелляционный суд пределами принесённого отъёма, не стесняли его в выборе оснований своего суждения. Поэтому в качестве суда, решающего дело по внутреннему убеждению, апелляционный суд в пределах отъёма был свободен и не связан указаниями в отъёме и приводимыми сторонами в заседании объяснениями. Он мог принимать в основание приговора совокупность всех обстоятельств дела, бывших предметом его судебного следствия, однако обязанность рассматривать дело в границах установленных рамок предполагала, что суд в решениях не мог выходить из пределов этих рамок [2, с. 382, 385-386].

Согласно русской процессуальной теории второй половины XIX века в качестве преимущества ограничения пределов полномочий апелляционного суда указывалась локализация производства по делу, исключая волокиту, однако, имели место и

противоположные суждения о том, что такое положение закона недостойно суда: «...далее не смотри, а ограничивайся данными пределами» [3, с. 79-81].

Пределы полномочий суда апелляционной инстанции как принцип классической французской апелляции звучит «*tantum devolutum quantum appellatum*» («насколько лицо апеллирует, настолько дело идет выше») [4, с. 377].

В Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) Республики Беларусь пределы полномочия суда апелляционной инстанции регламентируются статьями 378, 386, 387, 396. В частности, пределы прав апелляционной инстанции на отмену судебного решения либо внесение в него изменений определяются, прежде всего, последствиями реализации таких полномочий относительно положения обвиняемого, т.е. отмена или изменение приговора по основаниям, могущим повлечь улучшение его положения либо, наоборот, ухудшение.

В первом случае полномочия суда апелляционной инстанции не ограничены доводами апелляционной жалобы или апелляционного протеста. Иными словами, суд апелляционной инстанции правомочен изменить либо отменить приговор, не указывая в качестве оснований, ухудшающих положение обвиняемого, в ревизионном порядке, т.е. независимо от просьбы сторон (*в данной трактовке термин «ревизионный порядок» есть исключительно проявление идеологии советского государства, поскольку «ревизия» – это самостоятельный вид проверки судебных решений – Прим. автора*). Вместе с тем, отмена или изменение судебного решения по основаниям, могущим повлечь ухудшение положения обвиняемого, возможно только в случае, когда потерпевшим, частным обвинителем или их представителями по этим основаниям подана апелляционная жалоба либо прокурором принесен апелляционный протест. Такое ограничение так называемых «ревизионных» полномочий суда апелляционной инстанции рассматривается как гарантия прав обвиняемого на защиту и реализация принципа уголовного процесса «запрета преобразования к худшему».

Учёные в области уголовного процесса, работавшие с УПК 1960 года, усматривали в ревизионном порядке пересмотра судебных решений средство «обеспечивающее всесторонность этой проверки независимо от содержания принесённых протестов или жалоб» [5, с. 168].

Преимственность уголовно-процессуального законодательства относительно пределов полномочий суда второй инстанции характерна не только для Республики Беларусь, но и других государствах постсоветского пространства, несмотря на то, что в большинстве стран введен апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных решений. Соотношение объёма апелляционных требований сторон и пределов апелляционной проверки судебных решений по уголовным делам позволяет свести законодательства постсоветского пространства к двум моделям.

Для первой модели характерно указание в норме положения о том, что при апелляционном пересмотре суд не ограничен доводами жалоб и протестов и вправе проверить производство по делу в полном объёме и в отношении лиц, не обжаловавших приговор, и в отношении которых не принесен апелляционный протест (представление). Такая модель закреплена в Уголовно-процессуальных кодексах Республики Беларусь (ст. 378), Республики Армения (ст. 385), Российской Федерации (ст. 389.19), Кыргызской Республики (ст. 341), Республики Молдова (ст. 409), Республики Узбекистан (ст. 482).

Для второй модели, наоборот, свойственно закрепление правила об апелляционной проверке приговоров и иных судебных решений только в пределах апелляционной жалобы или протеста, но с одновременным указанием об исключениях из данного

правила, и фактически закон допускает апелляционную проверку дела в полном объёме (ст. ст. 397.2, 397.5 УПК Азербайджанской Республики, ст. 404 УПК Украины, ч. 1 ст. 426 УПК Республики Казахстан).

Вместе с тем, законодатели отдельных стран указывают на исключительность таких правомочий и обосновывают последние защитой прав и законных интересов лиц, в отношении которых приговор не обжалован или не опротестован, а также исключительно нарушением процессуальных норм (ст. 341 УПК Кыргызской Республики, ст. 426 УПК Республики Казахстан и др.). Например, согласно УПК Азербайджанской Республики независимо от доводов апелляционной жалобы или апелляционного протеста судом апелляционной инстанции проверяется соблюдение судом первой инстанции уголовного и уголовно-процессуального законов (ст. 397.2).

В современной юридической доктрине по обозначенной проблеме высказаны следующие мнения.

Так, Н. Н. Ковтун, анализируя изменение «форм судебного контроля за правосудностью актов», пишет о том, что апелляционное производство должно быть построено на основании тождества состязательности и диспозитивности усмотрения сторон, нежели как ранее существовавший кассационно-надзорный институт, который «служил лишь средством реализации идеи законности, публичности и объективной истины в соответствии с общим публичным строем процесса» [6, с. 69]. Однако, по мнению автора, современный законодатель так и не смог уйти от идеи публичности и создать форму проверки судебных решений, основанной на природе нарушенного интереса, на частном интересе сторон [6, с. 71]. Требование закона об указании в жалобе, протесте довода о несогласии с решением объясняется «... не более чем в контексте ограничения начала широкой свободы обжалования ...» [6, с. 70], направленностью данного порядка на защиту прав и свобод участников уголовного процесса [7].

Согласно второй точке зрения, которая представляется правильной, правило о неограниченности пределов полномочий апелляционной инстанции требованиями сторон «не вполне соответствует сути и духу апелляции» [8] и при его действии жалоба или протест «... служит лишь формальным поводом для инициирования процедуры проверки, которая в дальнейшем уже не будет зависеть от доводов заинтересованных лиц, а реализуется ревизионно ...» [9].

Таким образом, можно заключить, что поскольку апелляционное производство органически связано с состязательным процессом (ст. 24 УПК Республики Беларусь), то необходимо, чтобы апелляционная проверка осуществлялась в пределах нарушенных интересов сторон, изложенных в жалобах и протестах, с законодательным закреплением, в качестве исключений, полномочий на полную проверку и изменение (отмену) судебного решения независимо от доводов сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны / Изд. Гос. Канцелярии. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866. - Ч. 2 : [Устав уголовного судопроизводства]. - VIII, XXVI, 460 с.
2. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М. : типолит. Г. И. Простакова, 1910. – 448 с.
3. Протокол заседания уголовного отделения Юридического общества 10 октября 1898 г. // Журнал юридического общества. – 1898. – кн. 10 - С. 73-81. (И.Я. Фойницкий)

4. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств : учеб. пособие для юрид. вузов / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов; под ред. К. Ф. Гуценко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. – М. : Зерцало-М, 2001. – X, 470 с.

5. Ривлин, А. Л. Пересмотр приговоров в СССР / А. Л. Ривлин. – М. : Госюриздат, 1958. – 312 с.

6. Ковтун, Н. Н. Нужен ли возврат к ревизионному началу в кассационном и надзорном производстве / Н. Н. Ковтун // Российский судья. – 2002. – № 12. – С. 68-74.

7. Хайдаров, А. А. Новая процедура судебного следствия в стадии апелляционного производства [Электронный ресурс] / А. А. Хайдаров // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

8. Проскурина, Т. Ю. Некоторые вопросы преобразования апелляционного производства [Электронный ресурс] / Т. Ю. Проскурина // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

9. Калякин, О. А. Апелляция в системе современных проверочных производств [Электронный ресурс] / О. А. Калякин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2016.

10. СоюзПравоИнформ. Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2016.

Ю. А. СУРЖЕНКО

Минск, Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь»

О РАЗВИТИИ РЕЖИМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СРЕДСТВАХ ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПЕРИОД СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1-ГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

Во время каждой исторической эпохи человечеству присуще свое мировоззрение с вытекающими из него теоретическими представлениями о бытии и соответствующими практическими наработками в различных сторонах его жизнедеятельности. По этой причине научные теории и идеи не возникают, как правило, из пустоты, а являются следствием глубокого осмысления и обработки знаний, накопленных предыдущими поколениями. Так и представления о наказании за совершенные правонарушения формировались в процессе развития общества и становления государственности на белорусских землях. В тоже время параллельно развитию представлений об уголовных наказаниях происходило и формирование взглядов на режим их исполнения и средства, направленные на его обеспечение. Стоит также отметить, что термин «режим» в уголовно-исполнительном праве отождествляется в основном с порядком исполнения и отбывания наказания.

По мнению большинства современных отечественных историков права, например А. Ф. Вишневецкий, Т. И. Довнар, А. В. Шарков, начало развития представлений об уголовных наказаниях на белорусских землях относится ко второй половине 1-го тысячелетия. Данный период характеризуется высокими темпами развития социально-экономических отношений, появлением ярко выраженной имущественной неровности среди населения, зарождением феодализма, т.е. постепенным переходом к классовому обществу.

Стоит обозначить, что первоначально на территории нашего государства представление об уголовной ответственности ассоциировалось исключительно с карой, основой для которой служила месть. Именно месть являлась единственным основанием, позволявшим наказывать, а точнее карать других людей, причем не обязательно виновных, т.к. в период господства «частной мести» отсутствовали представления о разделении лиц, виновных в проступке, и лиц, подлежащих наказанию. Так, мститель мог причинить вред неопределенному и неограниченному кругу лиц, руководствуясь лишь степенью своей обиды, гнева и жажды мщения. Это приводило к истреблению целых родов и постоянной жаждой мести выживавших лиц, поэтому в процессе становления государственности постепенно приходило осознание необходимости индивидуализации и смягчения наказания, а обычаи, как регуляторы общественных отношений, начали постепенно заменяться писанным правом.

Так, уже в первой половине XI века принимается Русская Правда, ставшая практически на полтысячелетия основным источником писаного права на территории таких современных государств как Россия, Беларусь и Украина. В соответствии с указанным правовым актом приоритетной целью наказания становится возмещение ущерба потерпевшим лицам, что постепенно вытесняет элементы кровной мести из существовавших обычаев.

В дальнейшем уголовно-исполнительная политика государств-княжеств на территории Древней Руси была направлена на гуманизацию наказаний и постепенного отхода от кровной мести и смертной казни, чему также во многом способствовала и христианизация Руси. В результате стали появляться и широко применяться новые виды наказаний, такие как вира, головничество, продажа, изгнание, ссылка, обращение в рабство, битье кнутом и т.д. При этом лишение свободы рассматривалось лишь как временная мера, направленная не на покарание виновного, а на недопущение возможности избежать наказания, причем, как правило, только в отношении лиц, не нашедших поручителей. В то же время в рассматриваемый период на землях Беларуси, которые на тот момент являлись политико-экономическим центром Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), господствовало насилие и произвол, причем постоянные «гвалты» и «наезды» на шляхетские имения были обычными явлениями того времени. В связи с этим практически единственной задачей создаваемых мест лишения свободы стало недопущение таких чрезвычайных происшествий как совершение побегов и насильственное освобождение содержащихся в них преступников.

Огромное значение для развития законодательства и формирования уголовно-исполнительной политики на белорусских землях имело принятие трех Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 годов. Стоит отметить, что среди основных мыслителей того времени, оказавшими существенное влияние на разработку указанных нормативных правовых актов можно отметить таких известных деятелей рассматриваемого периода как Е. Полоцкая, К. Туровский, Ф. Скорина, Л. Сапега, О. Волович, Н. Гусовский, М. Литвин, А. Волан, Н. Радзивилл Черный, В. Тяпинский, С. Будный, А. Гальштод. Они внесли неоценимый вклад в развитие теоретических положений в области права, заложили основы развития криминологической мысли в ВКЛ, а также, по сути, определили направление уголовной и уголовно-исполнительной политики государства на многие столетия.

Благодаря указанным правовым актам и деятельности названных людей, XVI век охарактеризовался стремительным темпом формирования различных отраслей права, в том числе уголовного, не только в нашем государстве, но и странах ближнего

зарубежья. Стоит отметить, что Статуты ВКЛ в рассматриваемый феодальный период имели серьезный прогрессивный характер и ярко выраженную гуманистическую направленность, что проявилось, например, в таких положениях как дифференциация ответственности в зависимости от тяжести совершенных преступлений, мотивов совершенных деяний, различных мерах криминальной и виктимологической профилактики [1, с. 129–130]. При этом значимым фактом для развития пенитенциарной отрасли законодательства в ВКЛ явилось такое нововведение Статута 1529 года как наказание в виде тюремного заключения. Несмотря на то, что в то время оно воспринималось как слишком мягкая мера и применялось, как правило, за незначительные правонарушения и на непродолжительные сроки либо до уплаты основного наказания в виде штрафа или выкупа, в условиях существовавшего феодального общества заключенные могли пребывать в них пожизненно. К тому же тюремное заключение стали использовать и как основную превентивную меру, направленную на недопущение уклонения преступников от следствия и суда.

Именно принятие в XVI веке в ВКЛ таких кодифицированных сборников законов как Статуты, по-нашему мнению, и стало отправной точкой появления и развития в Республике Беларусь различного рода тюремных сооружений. Вышеуказанные Статуты, несмотря на вхождение белорусских земель в состав Речи Посполитой в 1569 году, во многом определили характер развития тюремной системы на белорусских землях.

Следует отметить, что, несмотря на официальное введение Статутом 1529 года такого вида наказания как тюремное заключение, ни в нем, ни в Статуте 1566 года вопросам организации его исполнения внимания не уделялось. Впервые нормы, регулирующие исполнение данного вида наказания появились только в Статуте ВКЛ 1588 года. Так, в соответствии с артикулом 31 раздела 4 указанного правового акта вводилось предписание о создании при каждом замке и судовом дворе тюремных сооружений: «везде в замкохъ и дворехъ нашихъ судовыхъ казати побудовати вежы мощные и глубокие по шести сажонъ в земли, и при томъ иньшие, не в земли, лжейшее везенье, але предъсе за замъкненьемъ и добримъ мощнымъ обварованьемъ мети». По этому поводу А. В. Шарков в своем исследовании отмечает, что тюрьмы в ВКЛ подразделялись на три вида: обыкновенные, земляные и каменные [2, с. 18]. Стоит обозначить, что в сохранившихся источниках права имеются лишь частичные указания на обустройство и организацию этих тюремных сооружений. При этом описаний каменных тюрем до настоящего времени не сохранилось. По-видимому, для этих целей могли использоваться любые каменные сооружения, из которых затруднительно было бы совершить побег. Обыкновенные или обычные тюрьмы представляли собой тюремный двор, обнесенный забором, с несколькими бревенчатыми домами, которые также огораживались друг от друга изгородью. К третьему виду тюрем относились так называемые земляные тюрьмы, которые предназначались для наиболее опасных преступников и представляли собой выкопанные в земле ямы с бревенчатыми стенами. Над ней, как правило, также выстраивалось строение из бруса, которое предназначалось для содержания уже менее опасных заключенных. Организованные подобным образом места заключения носили названия верхние и нижние тюрьмы.

Справедливости ради можно отметить, что многие предписания по обустройству мест заключения зачастую в полной мере не выполнялись. Об этом, например, может свидетельствовать организация тюрьмы в Мирском замке, где нижняя тюрьма представляла собой погреб высотой всего 2 сажени, а не 6, как это требовалось в соответствии с нормами Статута [3, с. 22].

Однако, как и в настоящее время, в рассматриваемый период основными требованиями ко всем видам тюрем стали надежность сооружений и охраны в целях недопущения побегов. Данный период также характеризовался продолжавшимся разгулом преступности, большим количеством разбойных нападений и связанных с ними убийств. Учитывая, что в Статуте этой проблеме уделялось существенное внимание, о чем можно судить об установлении суровой ответственности за их совершение, можно также заключить, что побег и нападения на стражу для освобождения заключенных были довольно распространенными явлениями того времени. Представляется, что данные обстоятельства послужили первопричиной организации основного количества тюрем на белорусских землях непосредственно в оборонительных сооружениях городов и замков, которые соответственно были обеспечены надежной охраной, что выступало основной профилактической мерой предупреждения указанных преступных деяний.

К тому же в третьем статуте ВКЛ нами усматривается также законодательное закрепление нормативных предписаний, направленных на организацию надлежащего порядка исполнения и отбывания наказания в тюрьмах, которые, по нашему мнению, можно отнести к первым правовым проявлениям регламентации режима в местах лишения свободы на территории современной Беларуси. Так, в артикулах 31 и 32 раздела 4 рассматриваемого источника права впервые были закреплены нормы, касающиеся условий содержания осужденных, например, устанавливалась обязанность обеспечить питанием заключенного, не проживавшего в месте расположения тюрьмы и не имевшего лиц, которые могли бы о нем заботиться в этой тюрьме. Об этом свидетельствует правовая норма, изложенная в артикуле 31 раздела 4 Статута: «...кождый врядь нашъ... вязню своему, естли будеть неоселый, толко на страву на день по чотыри пенези винъна будеть давати».

При этом немаловажным является введение такого института, как разделение условий содержания в зависимости от тяжести совершенного преступления. Так, Статутом предусматривалось, что «...не каждого до вежи в землю сажати, але водлугъ учинку и выступку, яко около того в семь статуте описано...». Это означает, что в зависимости от тяжести совершенного преступления преступника могли поместить в верхнюю или нижнюю тюрьму, т.е. в более суровые или мягкие условия.

Кроме того ряд предписаний Статута 1588 года указывает на стремление законодателя к обеспечению в тюрьмах равных условий для заключенных одной категории, в связи с чем устанавливалась ответственность должностных лиц за предоставление узнику необоснованных льгот [4, с. 24]. Об этом может ярко свидетельствовать следующее указание: «а хто бы з воеводъ, старость судовыхъ або ихъ врядниковъ... якую фолькгу у везенью чиниль и допушаль ему себе седенье вышъшого, нижли на дне, чинити або комины у вежи будовати, або бы кому и в ынъшомъ лжейшомъ везенью фолкгу якую надъ сказанье судовое чиниль... до суду земьского позванъ...». В данном правовом предписании, с нашей точки зрения, четко обозначена позиция государства к установлению и поддержанию во всех тюрьмах ВКЛ единых режимных требований. При этом, как нам представляется, саму указанную норму можно также отнести к первой законодательной попытке на государственном уровне закрепить правовое средство, в т.ч. направленное на обеспечение режима в местах лишения свободы.

Итак, Статут 1588 года стал главным и основным источником права Великого княжества Литовского, определившим развитие пенитенциарной системы нашей страны в составе государства-конфедерации Речи Посполитой. При этом изменения,

вносимые в указанный статут на протяжении всего периода его действия, имели малозначительный характер, не имевшими влияния на развитие тюремной системы и уголовно-исполнительной политики на белорусских землях [5, с. 121].

Исследуя историческую правовую литературу, мы пришли к выводу, что процесс формирования в нашем государстве теоретических взглядов и правовых основ на режим в исправительных учреждениях (далее – ИУ) и его обеспечение в период до конца XVIII века можно условно разделить на несколько основных исторических этапов:

1. Первый период охватывает временные рамки со второй половины 1-го тысячелетия нашей эры до образования Речи Посполитой в 1569 году.

Особое значение данного периода заключается в его непосредственной связи с вопросами возникновения на территории современной Беларуси первых представлений об уголовной ответственности, преступлениях и наказаниях, в т.ч. связанных с изоляцией от общества. Стоит отметить, что такое чувство как месть стало первой формой возмездия за причиненные страдания и переживания. Однако в процессе христианизации населения и развития государственности на территории современной Беларуси она на протяжении практически тысячелетия трансформировалась в стройную систему наказаний, применяемых только к виновным лицам. Тюремное заключение на протяжении рассматриваемого периода представляло собой временную меру, используемую до применения назначенного наказания. Только в нормах Статута 1529 года оно было закреплено в качестве одного из видов наказаний, которое, по сути, явилось прообразом современного уголовного наказания в виде лишения свободы на белорусских землях и такой меры пресечения как заключение под стражу. Следует также отметить, что в рассматриваемый период особого внимания к содержанию лиц в местах заключения не уделялось, оборудование тюрем также законодательно не регламентировалось, в связи с чем, зачастую, они содержались в различных подвалах и подземельях, закованные в цепи или кандалы. При этом указанные сооружения и приспособления являлись, по нашему мнению, основной профилактической мерой, направленной на предупреждение и пресечение побегов, нападений на лиц, осуществлявших их охрану, а также недопущение освобождения заключенных иными преступниками, в связи с чем можно резюмировать, что единственной задачей мест лишения свободы в указанный период являлось недопущение таких происшествий.

2. Второй этап охватывает период со второй половины XVI века до конца XVIII века и связан с нахождением белорусских земель в составе Речи Посполитой.

Главной особенностью рассматриваемого периода стало законодательное закрепление первых правовых норм (артикулы 31 и 32 раздела 4 Статута ВКЛ 1588 года), устанавливавших общие требования к исполнению тюремного заключения, в связи с чем можно говорить о зарождении такого современного правового института как режим в ИУ. При этом на законодательном уровне были закреплены первые правовые средства, направленные на борьбу с различными чрезвычайными происшествиями криминального характера, которые проявлялись в установлении суровой ответственности за их совершение и обустройстве тюрем на территории оборонительных сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананич, В. А. Введение в криминологию : лекции / В. А. Ананич; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 159 с.

2. Шарков, А. В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь : моногр. / А. В. Шарков; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 323 с.

3. Калнін, В. В. Зняволенне і пакаранне ў Вялікім княстве Літоўскім XVI–XVIII ст.ст. : (да экспазіцыі ў Мірскім замку) / В. В. Калнін // Мірскі замак : канцэпцыя рэстаўрацыі і праблемы музейфікацыі : матэр. Рэспубл. навук.-практ. канф. (Мір, 16 чэрв. 2007 г.) / Замаквы комплекс «Мір»; навук.рэд. А. У. Карпенка. – Мінск : Белпрынт, 2008. – С. 13–35.

4. Нарышкина, Н. И. Функционирование тюрем в Российском государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.: сравнительно-правовое исследование / Н. И. Нарышкина // Вестник института: научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России. – 2012. – № 4. – С. 22–25.

5. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. – Мінск : Амаляея, 2008. – 400 с.

С. М. ХРАМОВ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОШИБОК, ДОПУЩЕННЫХ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В опубликованных исследованиях по уголовному праву довольно много внимания уделено институту причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление [1; 2]. Однако при реализации на практике гражданами, в том числе потерпевшими, а также специально уполномоченными лицами своего законного права на задержание иногда встречаются ошибки. Например, вред причиняется при задержании лицам, ошибочно принятым за преступников, то есть мнимым преступникам. Поэтому с позиции правоприменителя полезно проанализировать возможные ошибки и проблемы, возникающие в связи с необходимостью дачи правовой оценки подобным ошибочным действиям.

Из теории уголовного права известно, что вопрос об ответственности за причинение вреда при мнимом задержании решается по общим правилам о фактической ошибке [3, с. 20]. Фактическая ошибка представляет собой «заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, относящихся в основном к двум элементам состава преступления – объекту и объективной стороне» [4, с. 207]. Следует выделить, кроме того, ошибки в характере совершаемого действия, обстоятельствах, отягчающих ответственность, и др.

На практике возможны следующие ошибки при задержании:

- 1) ошибка в виновности задерживаемого лица (задерживается невиновный);
- 2) ошибка относительно совершенного деяния (совершено деяние, не являющееся преступлением;
- 3) ошибка относительно свойств личности, совершившего преступление (невменяемый, малолетний и т. п.);
- 4) ошибка в необходимости задержания;
- 5) ошибка в необходимости причинения вреда задерживаемому;

б) ошибка в оценке опасности посягательства (опасность посягательства преувеличена).

С точки зрения Ю. В. Баулина, ошибки при задержании лица, совершившего преступление, делятся на два вида: извинительные и неизвинительные [5, с. 201-202]. Данная позиция представляется обоснованной.

Рассмотрим эти два вида ошибок подробнее. Первые – извинительные ошибки – охватывают ситуации, когда задерживаемый имеет достаточные основания заблуждаться относительно юридического или фактического основания задержания лица либо его свойств или самой личности.

Как указано в ст. 26 УК Республики Беларусь «Невиновное причинение вреда (случай)», «Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть» [6].

Отметим, что в ч. 2 ст. 28 УК Российской Федерации имеется существенное дополнение: «Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» [7].

Как известно, объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Данный ключевой принцип вины прямо закреплен в ч. 2 ст. 5 УК Российской Федерации, В Республике Беларусь также не допускается объективное вменение, хотя специальной оговорки об этом в уголовном законодательстве не имеется.

В УК Украины акцент сделан на презумпцию невиновности: «Лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда» (ч. 2 ст. 2) [8].

В случае невиновного причинения вреда ответственность задерживающего лица исключается ввиду отсутствия вины, поскольку имеет место казус. Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. следующим образом иллюстрируют данную ситуацию: «Если сотрудник милиции, осуществляющий задержание, не только не осознает, но исходя из конкретных обстоятельств дела не должен и не мог сознавать ошибочности своего представления относительно личности задерживаемого и оснований задержания, уголовная ответственность вследствие отсутствия вины исключается» [9].

На практике иногда случаются подобные прецеденты. Приведем один них: «Приговором суда г. Мозыря от 27 октября 1994 г. ... Х. признан виновным в превышении служебных полномочий, выразившемся в том, что, работая милиционером-кинологом отдела охраны Мозырского ГРОВД, находясь при исполнении служебных обязанностей, без достаточных оснований остановил 10 июня 1993 г. примерно в 23 часа 30 минут гражданина Т., имевшего при себе канистру с бензином и пакет с рыбой, и с применением физического насилия пытался доставить его в отдел милиции, причинив при этом потерпевшему менее тяжкие телесные повреждения.

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь внес протест в судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда об отмене приговора ... и

прекращении производства по делу за отсутствием в действиях Х. состава преступления. Судебная коллегия 15 октября 1996 г. протест удовлетворила, указав следующее.

В обоснование виновности Х. в совершенном преступлении суд сослался на показания осужденного, потерпевшего Т., свидетелей Т-к, М., С., А., Б., В. и других, а также на заключение эксперта. Между тем эти доказательства не подтверждают вывод суда о превышении Х. своих служебных полномочий. Так, осужденный Х. показал, что, находясь вместе с работником милиции Р. на дежурстве, 10 июня 1993 г. в 23 часа 30 минут проезжали на автомобиле по ул. Пролетарской г. Мозыря, на которой расположены промышленные предприятия. Заметив потерпевшего Т., несшего мешок, решил проверить возникшее подозрение: не совершил ли Т. какое-либо преступление? Х. и Р. остановили Т. и выяснили, что в мешке находилась канистра с 10-ю литрами бензина. На вопрос: откуда бензин? Т. ответил - украл. Поскольку у потерпевшего не было с собой документов, то они предложили ему проехать в отдел милиции для разбирательства. Однако Т. отказался, уцепился за забор, стал оскорблять работников милиции, прося помощи у женщин, возвращавшихся со швейной фабрики после второй смены. Воспользовавшись ситуацией, потерпевший убежал.

Из показаний потерпевшего видно, что бензин ему дал знакомый, и ночью Т. нес канистру домой. Его остановили работники милиции Х. и Р. и потребовали объяснить, где взял горючее. На что был ответ: украл. Документов, удостоверяющих личность, при себе не было. Работники милиции хотели доставить его в отдел милиции, но он схватился руками за забор и стал звать людей на помощь. Х. и Р. пытались оторвать его от забора, били по ногам, выкручивали пальцы, пригласили на помощь еще трех работников милиции. Его защитили женщины со швейной фабрики и он убежал. Телесные повреждения левой руки ему причинил Х.

Доказательства, собранные по делу, свидетельствуют о том, что Х. при несении патрульной службы 10 июня 1993 г. действовал в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь «О милиции». Место задержания Т. находится в промышленном районе г. Мозыря, где сосредоточены заводы, фабрики, автотранспортные парки и стоянки. Остановлен Т. в ночное время с бумажным мешком, вызывавшим подозрение. Кроме того, своим ответом, что бензин украден, Т. укрепил подозрение работников милиции. Документов при себе не имел. При таких обстоятельствах действия работника милиции Х. в отношении Т. являлись правомерными. Х. в данном случае вправе был применить силу для задержания Т. и доставления его в отдел милиции» [10].

В том случае, если задерживающий, добросовестно заблуждаясь относительно каких-либо обстоятельств задержания, умышленно причиняет вред, явно несоразмерный в данной ситуации задержания, его действия образуют превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В этом случае должна наступать ответственность за преступление, предусмотренное ст. 142 УК Республики Беларусь «Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» или ст. 151 УК Республики Беларусь «Умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Вторые – неизвинительные ошибки – охватывают ситуации задержания лицом мнимого преступника, когда сложившаяся обстановка не давала оснований заблуждаться относительно юридического или фактического основания задержания лица либо его свойств или самой личности. При определенном волевом

интеллектуальном усилии задерживающий мог предвидеть общественную опасность своих действий или имел достаточные условия для исключения данной ошибки, если бы не пренебрег элементарными правилами осмотрительности, предосторожности, внимательности. Полагаю, что подобную ситуацию нельзя признать задержанием преступника, ибо в действительности обстановки, свидетельствующей о необходимости задержания, о совершении преступления и т. п., не было. В связи с этим задерживающее лицо должно нести ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В этом отношении трудно согласиться с авторами, предлагающими квалифицировать причинение вреда при подобных обстоятельствах как неосторожное преступление [2, с. 59-60].

Лицо, участвующее в задержании, должно сознавать названные обстоятельства и желать, причиняя вред, задержать именно преступника. Причинение желаемого вреда, хотя и по сомнительным основаниям, не превращает деяние в неосторожное, совершенное по легкомыслию или небрежности. В случае сомнений задерживающего он должен либо отказаться от задержания, либо убедиться в том, что задержание с причинением вреда действительно необходимо и вызвано складывающейся обстановкой.

Неосторожная форма вины при задержании возможна только в отношении определенных последствий причинения такого вреда, который задерживаемый допустил по легкомыслию или небрежности (например, желая причинить задерживаемому легкий вред здоровью, задерживающий неосторожно допускает вред средней тяжести или допускает неосторожное повреждение имущества). Возможны и иные неосторожные преступления при «ошибочном» задержании (убийство в результате произвольного выстрела, причинение вреда третьим лицам и т. п.). Однако всегда ответственность за указанные преступления должны наступать на общих основаниях.

Таким образом, все возможные виды ошибок, допускаемых при задержании лиц, совершивших преступление, можно условно разделить на извинительные и неизвинительные. В первом случае какая-либо ответственность задерживающего лица исключена, так как имеет место невиновное причинение вреда (случай или казус). Если при задержании допущены неизвинительные ошибки, то ответственности за причиненный вред наступает по правилам о фактической ошибке в уголовном праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушуев, Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании / Г. В. Бушуев. – Горький: Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1976. – 87 с.
2. Баулин, Ю. В. Право граждан на задержание преступника / Ю. В. Баулин. - Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1986. – 156 с.
3. Фаткуллина, М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Б. Фаткуллина ; Урал. юрид. ин-т МВД России. – Екатеринбург, 2001. – 25 с.
4. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова (отв. ред.) [и др.]. – М.: Инфра · М - Норма, 1997. – 516 с.
5. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю. В. Баулин. - Харьков: Основа, 1991. - 360 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. Федер. закона от 06.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

8. Уголовный кодекс Украины (с изм. от 15.03.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1/>. – Дата доступа: 06.11.2016.

9. Кондрашов, Б. П. Комментарий к Закону Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» [Электронный ресурс] / Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». – М., 2016.

10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь Необоснованное осуждение работника милиции по ч.2 ст.167 УК, который не превысил своих служебных полномочий (извлечение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://systemaby.com/docs/bitvu/dk-vv19xa.html>. — Дата доступа: 29.09.2016.

О. А. ЧАПЛЫГИНА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблема ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства остается на современном этапе актуальной, хотя общее количество таких деяний, именованных в прошлом государственными преступлениями, кажется незначительным. При большой общественной опасности данных преступлений противодействие им является одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов. Применение уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за преступления против государства, в данном случае имеет важное значение: политическое и предупредительное.

Новые подходы законодателя к регламентации ответственности за преступления против государства и отсутствие по этим вопросам достаточного количества публикаций, системного изложения проблемы, неполное исследование общего понятия и признаков преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства привели к необходимости разработки названных положений в целях устранения пробелов в этой области, несогласованности отдельных предписаний уголовного и других отраслей права.

Первым кодифицированным уголовным законом, предусмотревшим ответственность за государственные преступления, был Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. В этом уголовном законе понятие государственных преступлений охватывалось двумя разновидностями: контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления.

В систему контрреволюционных преступлений вошли деяния, выражающиеся в попытке захвата власти, в совершении террористических актов, направленных на убийство представителей советской власти или на разрушение строений, изготовление и хранение агитационной литературы контрреволюционного характера. Фактически именно эти преступления можно было признать имеющими экстремистский характер. По мнению С. В. Дьякова, уголовная ответственность за террористический акт была введена в полном объеме именно в УК РСФСР 1926 г. [1, с. 158].

В последующем число преступлений, направленных на подрыв и ослабление Советского государства, резко сократилось. Изменился и сам характер этих преступлений. Так, в Законе «Об уголовной ответственности за государственные преступления», принятом в 1958 г. Верховным Советом СССР, рассматриваемые преступления получили название не контрреволюционных, а государственных преступлений, к которым были отнесены: измена Родине; шпионаж; террористический акт; террористический акт против представителя иностранного государства; диверсия; вредительство; антисоветская пропаганда и агитация: пропаганда войны; организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений.

Преступления против государства на современном этапе относятся к наиболее общественно опасным преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства. Они нарушают основы общественного, политического и государственного строя Республики Беларусь, ее суверенитет, внешнюю и внутреннюю безопасность, легитимность государственной власти.

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. преступления против государства запрещены одноименной главой 32.

Объектом рассматриваемых преступлений являются основы конституционного строя и государственная безопасность. Объективная сторона выражается действием (шпионаж, диверсия). Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, умысел может быть только прямой. В некоторых составах обязательным признаком является цель. Субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, в некоторых преступлениях субъект – специальный.

Условно данную группу преступлений можно классифицировать на виды: 1) преступления, посягающие на конституционный принцип формирования государственной власти; 2) преступления, посягающие на экономическую и политическую систему государства [1, с. 63].

Следует отметить, что в главу 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь неоднократно вносились изменения и дополнения. Первоначально данная глава содержала шесть составов преступлений: статья 356 «Измена государству»; статья 357 «Заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти»; статья 358 «Шпионаж»; статья 359 «Террористический акт»; статья 360 «Диверсия»; статья 361 «Призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь».

В последующем был принят ряд законов, изменивших признаки названных преступных деяний или дополнивших систему преступлений против государства новыми составами. Так, законодатель включил, а затем исключил из уголовного закона статью 356¹ «Установление сотрудничества со специальной службой, органом безопасности или разведывательным органом иностранного государства». Введены такие статьи, как:

Статья 358¹ «Агентурная деятельность»;

Статья 361¹ «Создание экстремистского формирования»;

Статья 361² «Финансирование деятельности экстремистского формирования»

Статья 361³ «Участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании или вооруженном конфликте, военных действиях, вербовка либо подготовка лиц к такому участию».

В новой редакции изложена статья 359 «Акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля».

Таким образом, система преступлений против государства, как и иные институты уголовного права, находится в постоянном развитии с учетом изменения общественных отношений, возникновения новых современных угроз интересам государства, основам конституционного строя, внутренней и внешней безопасности страны. Как видно, во многом виды и признаки составов преступлений против государства зависят от существующего государственного строя, воли тех политических сил, которые находятся у власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяков, С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : монография / С. В. Дьяков. – М. : Юридический центр-Пресс, 2012. – 267 с.

В. А. ЧЕМБРОВИЧ

Гродно, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Транспорт является признаком уровня развития цивилизованного общества, но в то же время - источником повышенной опасности, при использовании которого может быть причинен вред безопасности движения и эксплуатации транспорта.

К субъективным признакам преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств следует относить субъективную сторону и субъект преступления. Рассмотрим подробнее актуальные вопросы определения субъективной стороны и субъекта анализируемых преступлений.

В уголовном праве господствует подход, согласно которому субъективная сторона преступления – это внутренняя сторона общественно опасного деяния, то есть психическая деятельность лица, связанная с совершаемым им преступлением. Структуру субъективной стороны образуют такие признаки, как вина, мотив и цель. Анализируя субъективную сторону, следует учитывать характер и мотивы допущенных нарушений правил, норм и стандартов в отношении многих компонентов сферы движения транспорта, отношение виновного к нарушениям, вине других лиц (водителей транспорта, лиц, ответственных за техническое состояние транспорта или его эксплуатацию и т.п.), а также личность виновного и другие обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность [1, с. 59]. В некоторых составах преступления наблюдается наличие обязательной цели [2, с. 684].

Преступное нарушение правил, норм и стандартов безопасности движения может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

В постановлении Пленума Верховного Суда № 7 (п. 14) отдельно обращается внимание на умышленную форму вины преступления, предусмотренного ст. 317¹: «преступные деяния, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 317¹УК, характеризуются умышленной формой вины и могут выражаться в совершении любого из предусмотренных ею альтернативных действий повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения независимо от того, вступило постановление о наложении административного взыскания в законную силу или нет».

Неспособность юридической науки четко разграничить преступления на умышленные либо совершаемые по неосторожности, породило предложение ученых по поводу существования «двойной» или «сложной» формы вины. При анализе большинства преступлений против безопасности движения определяется так называемая двойная вина, которая поддерживается далеко не всеми специалистами, однако требует своего дальнейшего исследования [3, с. 13].

Сторонники «двойной» вины полагали, что форму вины следует определять отдельно: как в отношении самого нарушения правил, когда возможен и умысел, так и в отношении последствий данного нарушения. Противники утверждали, что форма вины может быть только единой, и отвергали возможность её разделения в одном составе, не предлагая ничего позитивного для разграничения умышленных и неосторожных действий. В дорожно-транспортных преступлениях удары, происходят в результате нарушения таких правил и норм, приводящих к потере контроля водителя над машиной [4, с. 177].

Представляется, что большинство статей УК, предусматривающих ответственность за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, предполагают возможность совершения преступления как при умышленном психическом отношении лица к совершению деяния, так и когда речь идет о неосторожности. От точного установления формы вины зависит квалификация преступного деяния, определения характера и степени общественной опасности содеянного и личности виновного, вида и размера наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукьянов, В. В. Форма вины в дорожно-транспортных правонарушениях / В. В. Лукьянов // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 59-61.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
3. Пинаев, А. А. Особенности составов преступлений с двойной и смешанной формами вины / А. А. Пинаев. – Харьков: Юрид. ин-т., 1984. – 52 с.
4. Янец, А. Л. Разграничение умысла и неосторожности в дорожно-транспортных преступлениях / А. Л. Янец // Правовая система Республики Беларусь: состояние, проблемы и перспективы развития : материалы III межвуз. студен. науч. конф., 24 апр. 2003 г., Гродно / отв. ред. О. Н. Толочко – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 177-179.

В. С. ШАБАЛЬ

Минск, Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь»

О ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДА КАК СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Общественно полезный труд в соответствии со ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) является средством исправления осужденных. Поэтому для достижения цели исправления осужденных важно правовое обеспечение их труда в исправительных учреждениях (далее – ИУ).

Для реализации труда как средства исправления осужденных к лишению свободы необходимо акцентировать внимание на его ресоциализационной направленности. То есть главным назначением труда осужденных в ИУ является привитие добросовестного отношения к трудовой деятельности, приобретение профессиональных навыков для трудового устройства после освобождения и обеспечение себя финансовыми средствами на первоначальном этапе после отбытия наказания. Для обеспечения финансовыми средствами после освобождения возможно часть заработка осужденного оставлять на его лицевом счету. В соответствии с правилом 103 Правил Манделы необходимо часть заработка осужденного оставлять на хранение администрации ИУ, которая передает данные средства в момент освобождения [1]. Аналогичная норма содержится в ч. 3 ст. 76 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными от 30 августа 1955 года. Данное положение Правил является актуальным для отечественного законодательства. Внедрение данной нормы в уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь позволит накопить осужденному капитал, который поможет ему ресоциализироваться после освобождения, а также снизит затраты государства на оказание материальной помощи освобожденным. Не редки случаи, когда осужденные имея заработную плату в ИУ, перед освобождением тратят все имеющиеся у них деньги на лицевых счетах в целях получения еще и материальной помощи от государства. С целью устранить данную проблему в некоторых зарубежных государствах оставляется часть заработка осужденного до его освобождения. В соответствии с § 51 Уголовно-исполнительного закона Федеративной Республики Германия (далее – УИЗ ФРГ) 1976 г. сохраняется определенная сумма заработной платы осужденного на отдельном лицевом счету, достаточная для содержания его и его семьи в течение 4-х недель после освобождения [2]. При этом сумма сохраненных денежных средств может достигать 4/7 заработка осужденного [3, с. 38]. Практику сохранения денежных средств с заработной платы для ресоциализации в Германии следует признать положительной, так как она позволяет осужденному после освобождения чувствовать себя в первое время независимо в материальном плане, что дает время для трудового и бытового устройства.

В этом случае возникает вопрос о размере оставляемой на хранение администрации ИУ суммы заработка в Республике Беларусь. Здесь следует говорить о сумме, остающейся после всех удержаний на лицевом счете осужденного. Представляется возможным оставлять сумму в размере не более 20 % от денежных средств, поступающих на лицевой счет после удержаний. Больше данного процента сохранять нецелесообразно в связи с небольшим средним заработком (осужденный потеряет мотивацию на труд, особенно в случаях длительных сроков лишения свободы). Данные средства необходимо аккумулировать на лицевом счету осужденного с возможностью его ознакомления с накопленной суммой. Эффективность данных мер

можно показать на следующем примере. В Республике Беларусь в 2014 г. из 10908 осужденных к лишению свободы, 5774 осуждены сроком до 2-х лет [4]. То есть если даже учитывать, что осужденный будет получать среднюю заработную плату по ИУ в течение 2-х лет в размере 400 тыс. белорусских рублей в месяц, то сумма сохраненной заработной платы на момент освобождения составит 1 млн. 920 тыс. белорусских рублей. Этим денежным средствам достаточно как на дорогу к месту жительства, так и на достойное поддержание жизнедеятельности в первый период времени после освобождения.

Присутствуют следующие недостатки в производственной деятельности ИУ: отсутствие мотивации на труд у осужденных, снижение нормы выработки. При этом осужденным, недобросовестно работающим либо вовсе отказывающимся работать, присылают денежные средства родственники на их лицевые счета. Получается следующее противоречие: осужденный не работает, содержится на полном государственном обеспечении, не покрывает расходы на свое содержание и при этом еще имеет денежные средства на своем лицевом счете для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости в магазине ИУ. В § 50 УИЗ ФРГ содержится норма, позволяющая удерживать с денежных сумм, содержащихся на лицевых счетах осужденных, которые уклоняются от работы, комиссию за хранение на покрытие расходов на их содержание в ИУ [2]. При этом на лицевом счете должна сохраняться сумма, равная средней заработной плате по ИУ осужденных. Предполагается возможным имплементировать данную норму в УИЗ Республики Беларусь, для чего внести изменения в ст. 102 УИК «Удержания из заработной платы и иных доходов осужденных к лишению свободы», и представить ч. 1 в следующей редакции: «Производятся удержания для возмещения стоимости питания, одежды и обуви (кроме стоимости специального питания, специальной одежды, специальной обуви и других необходимых средств индивидуальной защиты), коммунальных услуг: у осужденных к лишению свободы, за исключением осужденных, указанных в части 6 статьи 94 и п. 2 ч. 1 ст. 102 настоящего Кодекса из заработной платы и приравненных к ней доходов; у осужденных, не отработавших месячную норму рабочего времени и не выполнивших установленную для них норму выработки, а также у осужденных, уклоняющихся от работы из денежных средств, содержащихся на их лицевых счетах в ИУ. После удержания на лицевом счете должна сохраняться сумма средней заработной платы по ИУ».

Каждый осужденный к лишению свободы, работающий в ИУ, в соответствии с ч. 4 ст. 99 УИК имеет право на трудовой отпуск продолжительностью 12 календарных дней (осужденные, отбывающие наказание в воспитательной колонии, в количестве 18 дней). В соответствии же с ч. 1 ст. 155 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее ТК) основной отпуск не может быть менее 24 календарных дней. В данной норме не предусмотрены иные размеры минимального отпуска, в связи с чем следует привести уголовно-исполнительное законодательство в соответствие с трудовым и установить общую продолжительность трудового отпуска для осужденных к лишению свободы в количестве 24 календарных дней, для чего внести изменения в ст. 99 УИК. Для того, чтобы получить право на отпуск, осужденному к лишению свободы в соответствии с ч. 4 ст. 99 УИК необходимо работать не менее одиннадцати месяцев в календарном году. Получается, что осужденный может проработать практически 2 календарных года, и не иметь право на отпуск. Например, в случае устройства на работу в феврале 2017 г., добросовестно работая и выполняя норму выработки, осужденный сможет уйти в трудовой отпуск не раньше чем в декабре 2018 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 153 ТК трудовой отпуск представляется за работу в течение рабочего года (ежегодно). Рабочим годом называется промежуток времени, равный по продолжительности календарному году, но исчисляемый для каждого работника со дня приема его на работу. Данное противоречие между УИК и ТК умаляет права осужденных, что представляется недопустимым. Поэтому необходимо внести вышеуказанные изменения в ст. 99 УИК и представить ч. 4 в следующей редакции: «Осужденные, отработавшие в течение рабочего года (ежегодно), имеют право на трудовой отпуск продолжительностью двадцать четыре календарных дня ...». Данные изменения позволят осужденному к лишению свободы уходить в трудовой отпуск за работу в течение рабочего года, а не календарного.

Таким образом, для правового обеспечения общественно полезного труда осужденных к лишению свободы с целью их последующего исправления и ресоциализации в обществе, а также для обеспечения их прав и свобод необходимо внести вышеперечисленные изменения в ст.ст. 99, 102 УИК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Правила Манделы. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными / сост. А. П. Букалов. – Харьков : ООО «Издательство права человека», 2015. – 40 с.
2. Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung (Strafvollzugsgesetz) vom 16. 03. 1976 // BGBl. 1976. I, S. 2088.
3. Закаревская, Ю. М. Правовой режим денег и денежных средств осужденных в местах лишения свободы в России и Германии / Ю. М. Закаревская // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4 (6). – С. 36–42.
4. Правонарушения в Республике Беларусь, 2015 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/publikatsii_10/index_629/. – Дата доступа: 5.03.2016.

Л. О. ШЕРАЙЗИНА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ОХРАНА ТАЙНЫ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь с 7 января 2012 года легализовано использование вспомогательных репродуктивных технологий и суррогатного материнства для решения проблем бесплодных пар. Основания, существенные условия и порядок применения суррогатного материнства закреплены в Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [1]. Однако введение данного института на законодательном уровне не решило всего комплекса проблем, которые связаны с обеспечением безопасности и нравственно-психологического уклада семейных отношений. Актуальным остается вопрос сохранения информации о частной жизни и семейной тайны при заключении договора суррогатного материнства. Их охрана предусмотрена как семейным, так и уголовным законодательством.

Так, статья 8 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» предусматривает сохранение врачебной тайны «сведения о применении вспомогательных репродуктивных технологий, а также о личности пациента, донора составляют врачебную тайну» [1]. Предоставление информации, составляющей врачебную тайну, без согласия пациента, донора допускается в случаях, предусмотренных статьей 46 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года «О здравоохранении» [2]. Разглашение врачебной тайны влечёт уголовную ответственность в соответствии со статьей 178 Уголовного кодекса Республики Беларусь [3].

В статье 23 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» закреплена обязанность суррогатной матери хранить тайну суррогатного материнства [1]. В связи с этим возникает проблема с применением ответственности к суррогатной матери, разгласившей такую тайну, поскольку данная ответственность законодательно не закреплена. Учитывая договорной характер отношений, возникающих между генетической матерью и суррогатной матерью, предполагается, что суррогатная мать за разглашение тайны суррогатного материнства будет нести гражданско-правовую ответственность. Если указанный факт произошел через достаточно длительный промежуток времени, то у потерпевшей стороны могут возникнуть проблемы с доказыванием вины ответчика.

Кроме того, участниками данных отношений являются супруги матерей, заключивших договор и другие лица, знающие о заключении договора. Обязанность хранить тайну суррогатного материнства для указанных лиц в Законе не предусмотрена, равно как и ответственности за её разглашение. Таким образом, учитывая необходимость охраны общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование семьи, в частности охрану тайны суррогатного материнства, необходимо ввести в законодательство понятие «тайна суррогатного материнства» и криминализировать ее разглашение.

В буквальном смысле под тайной суррогатного материнства необходимо понимать любые сведения о факте заключения договора суррогатного материнства. Учитывая общественную опасность, право сторон договора суррогатного материнства и ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, на неразглашение тайны суррогатного материнства является объектом уголовно-правовой охраны.

Соответственно необходимо дополнить Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» статьей 23-1 «Тайна суррогатного материнства», в содержании которой предусмотреть:

1. Понятие тайны суррогатного материнства.
2. Обязанность сохранения тайны суррогатного материнства сторонами договора и другими лицами, иным образом осведомленные о применении вспомогательных репродуктивных технологий.
3. Ответственность указанных лиц, разгласивших тайну суррогатного материнства против воли сторон, заключивших договор суррогатного материнства, установленную законодательством Республики Беларусь.

Объектом преступления является право сторон договора суррогатного материнства и ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, на неразглашение тайны суррогатного материнства. Потерпевшими являются как стороны, заключившие договор суррогатного материнства, так и ребенок, рожденный в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Объективная сторона преступления «Разглашение тайны суррогатного материнства» должна включать действия (бездействия) лица, представляющие собой доведение любым способом информации о факте заключения договора суррогатного материнства хотя бы одному третьему лицу или доведение такой информации до сведений ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродукционных технологий. Важно обратить внимание на то, что деяние носит противоправный характер только в том случае, если оно совершается против воли потерпевшего. Состав преступления формальный. Преступление признается оконченным с момента получения хотя бы одним из указанных лиц сведений о факте заключения договора суррогатного материнства.

Субъективная сторона включает вину в форме умысла. Лицо осознает, что разглашает тайну суррогатного материнства против воли сторон и желает совершить такое деяние. Субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 16 лет.

Таким образом, необходимо дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь статьей 177-2 «Разглашение тайны суррогатного материнства»: «Умышленное разглашение тайны суррогатного материнства против воли сторон, заключивших договор суррогатного материнства –

наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О вспомогательных репродуктивных технологиях [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г., № 341-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона от 21 окт. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Уголовный кодекс [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 257-3 : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

С. Н. ШИПУК

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

О ВВЕДЕНИИ РЕЖИМА ОСОБОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Помимо чрезвычайного положения действующее законодательство и административная практика предусматривают возможность введения иных видов особых правовых режимов, связанных с возникновением чрезвычайных ситуаций криминогенного, природного, экологического и техногенного характера, которые получили условное название особого положения [1, с. 650].

Режим особого положения является важнейшим средством обеспечения режима исполнения отбывания наказания.

В Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (далее – УИК) имеется перечень оснований для введения режима особого положения, поскольку это влечёт за собой существенное ограничение прав и свобод не только осуждённых, но и в определённой мере граждан, находящихся на объектах исправительных учреждений и территориях, к ним прилегающих [2, с. 60].

Согласно ст. 76 УИК режим особого положения в исправительном учреждении вводится в случае: 1) стихийных бедствий; 2) групповых отказов осуждённых от работы, приёма пищи; 3) иных неповиновений, а равно групповых действий, грубо нарушающих внутренний распорядок [3].

Режим особого положения вводится тогда, когда в районе расположения исправительного учреждения установлено чрезвычайное, военное и особое положение, а также при возникновении массовых беспорядков в исправительном учреждении или групповом неповиновении осуждённых.

Если ранее основанием являлись лишь массовые беспорядки, создающие угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью осуждённым и персонала, то теперь помимо массовых беспорядков называются ещё и такие, как: стихийные бедствия; введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного, особого или военного положения; групповые неповиновения осуждённых [4, с 152].

Таким образом, основания или причины могут быть подразделены на внешние и внутренние. Можно выделить две группы оснований введения режима особых условий: внешнее чрезвычайное, военное или особое положение и внутреннее совершение преступлений с участием большой группы осуждённых [2, с. 60].

Внешние причины (основания):

- стихийное бедствие, экстремальная ситуация техногенного характера;
- введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного, особого или военного положения.

Термин «стихийные бедствия» понимается расширительно. Они могут быть не только природного происхождения. К ним относятся и крупные аварии, катастрофы, ставящие под угрозу жизнь осуждённых или персонала учреждений, а также эпидемии и эпизоотии в районе дислокации мест лишения свободы [5, с. 128].

Стихийные бедствия могут быть природного – землетрясения, наводнения, смерчи, ураганы и техногенного характера – различного рода аварии и катастрофы.

При этом следует иметь в виду, что в случае масштабности и тяжести последствий стихийные бедствия могут послужить основанием введения чрезвычайного или особого положения [2, с. 60].

К внутренним причинам относятся массовые беспорядки и групповые неповиновения осуждённых.

Массовые беспорядки представляют собой активное неподчинение (нарушения) со стороны значительного числа осуждённых, угрозу жизни и здоровью персонала и осуждённых. Групповые неповиновения осуждённых, как правило, характеризуются пассивным поведением (отказом от выхода на работу, отказом от приёма пищи и т.п.) [5, с. 128].

Массовые беспорядки выражаются в отказе выполнять предъявляемые требования со стороны больших групп осуждённых, в погромах, избиениях, убийствах, убийствах неугодных осуждённых, представителей персонала и иных лиц, а также в ряде аналогичных действий.

Групповые неповиновения осуждённых также выражаются в отказе выполнять предъявляемые к ним требования или их определённую часть, но они проявляются в

менее агрессивной форме и не связаны с указанными выше действиями – погромами, поджогами, убийствами. Участвуют в них значительно меньшие группы осуждённых, хотя и не исключены случаи участия больших масс осуждённых, как, например, при объявлении голодовок. В случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осуждённых, персонала и иных лиц начальник исправительного учреждения может ввести меры, предусмотренные режимом особого положения, самостоятельно с немедленным уведомлением должностного лица, правомочного принимать такое решение [2, с. 61].

Режим особого положения в исправительных учреждениях вводится на время ликвидации массовых беспорядков и групповых неповиновений осуждённых и их последствий, а также последствий стихийных бедствий, но не более чем на 30 суток (а в исключительных случаях он может быть продлён ещё на 30 суток).

При введении чрезвычайного, особого или военного положения режим особых условий в исправительных учреждениях вводится на весь период действия чрезвычайного, особого или военного положения – пока оно не будет отменено на территории, на которой располагается исправительное учреждение [4, с. 152].

В период действия режима особого положения в исправительных учреждениях может быть ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб. За исключением медико-санитарных, приостановлена работа производств, школ, магазинов, клубов, библиотек; введён усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты; изменён распорядок дня, запрещён выезд осуждённых, а также приостановлено осуществление некоторых других прав осуждённых [2, с. 61].

В случаях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, массовых беспорядков или неповиновения лиц, содержащихся под стражей, либо при наличии реальной угрозы вооружённого нападения на места содержания под стражей режим особого положения на срок не более тридцати суток, с немедленным уведомлением соответственно Министра внутренних дел Республики Беларусь, Председателя комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Министра обороны Республики Беларусь, Председателя Государственного комитета пограничных войск Республики Беларусь, а также Генерального прокурора Республики Беларусь [6].

Режим особого положения предусматривает усиление мер по обеспечению надзора, изоляции и безопасности. Режим особого положения вводится начальником исправительного учреждения и отменяется им после прекращения событий, явившихся основанием для его введения. О введении режима особого положения начальник учреждения должен уведомить прокурора.

При введении режима особого положения начальник исправительного учреждения имеет право:

- 1) приостановить отправку писем осуждённых и вручение присланных писем (за исключением направляемых в прокуратуру и иные государственные органы), вручение присланных посылок, бандеролей, мелких пакетов, приём передач, предоставление свиданий, продажу продуктов питания и предметов первой необходимости;
- 2) ограничить передвижение осуждённых в пределах жилой и производственной зон;
- 3) отменить или ограничить выход или вывоз осуждённых за пределы учреждения;
- 4) запретить или ограничить посещение учреждения представителями общественных объединений, религиозных организаций и средств массовой информации;

5) запретить проведение массовых мероприятий культурно-просветительного, физкультурно-спортивного характера;

6) изолировать в пределах данного учреждения либо перевести в другие учреждения осуждённых, организующих групповые противоправные действия, либо провоцирующих или подстрекающих к ним, либо активно участвующих в них;

7) установить в учреждении усиленный вариант охраны и надзора [3].

Таким образом, режим особого положения связан с существенными ограничениями как для осуждённых, так и для работы самого исправительного учреждения.

Режим особого положения направлен на восстановление нормальной деятельности учреждений, обеспечение безопасности осуждённых, персонала учреждений и иных лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах, Д. Н. Административное право : Учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Российский, Ю. Н. Старилов; под ред. Д. Н. Бахрах. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2005. – 800 с.

2. Каковкина, Е. Н. Шпаргалка по уголовно-исполнительному праву : ответы на экзаменационные билеты : учебник / Е. Н. Каковкина. – М.: Аллель, 2011. – 90 с.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, 11 янв. 2000 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. - № 140. – 2/1877.

4. Филимонова, О. В. Уголовно-исполнительное право России : Учебник и основные нормативно-правовые акты / под ред. проф. О. В. Филимонова. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2000. – 317 с.

4. Шевцов, Ю. Л. Уголовно-исполнительное право Республики Беларусь : ответы на экзаменационные вопросы / Ю.Л. Шевцов. – Минск : Тетралит, 2013. – 272 с.

5. О порядке и условиях содержания лиц под стражей : Закон Респ. Беларусь, 26 декабря 2005 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. - № 4. – 2/1171.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НОРМАМИ ГРАЖДАНСКОГО, СЕМЕЙНОГО, ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Т. В. АВДЕЕВА

Минск, Белорусский государственный университет

К ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВА КРЕДИТОРА ТРЕБОВАТЬ УПЛАТЫ НЕУСТОЙКИ

На основе соглашения о неустойке или в силу действия нормы о законной неустойке возникает обязательство, содержанием которого является право кредитора требовать уплаты неустойки в случае нарушения должником основного обязательства и корреспондирующая этому праву обязанность должника. Данное обязательство имеет специальную обеспечительную цель (каузу) и выступает по отношению к основному в качестве дополнительного (акцессорного). Таким образом, вопрос о самостоятельности права кредитора требовать уплаты неустойки может быть решен только с учетом существующей связи между основным и обеспечительным обязательствами.

Стимулируя должника к надлежащему исполнению обязательства, право кредитора требовать уплаты неустойки неотделимо от основного права кредитора и обладает следующими важными признаками акцессорности: акцессорность возникновения, акцессорность прекращения и акцессорность следования. Зависимость обеспечительного права от основного делает невозможным существование первого без второго, а также совершение кредитором каких-либо сделок в отношении обеспечительного права. Согласно ст. 355 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) право первоначального кредитора переходит к новому кредитору вместе с обеспечиваемыми его правами. При этом диспозитивный характер ст. 355 ГК не предполагает ситуации, когда прежний кредитор оставил бы за собой право требовать уплаты неустойки за будущие нарушения должника.

Правонарушение должника ведет к прекращению обеспечительного интереса кредитора и отпадению цели обеспечительного обязательства. Как следствие обеспечительное обязательство трансформируется в охранительное, содержанием которого является право кредитора требовать уплаты неустойки в качестве формы гражданско-правовой ответственности. Последнее представляет для кредитора ценность само по себе и обособляется от основного обязательства, утратив те свойства акцессорности, которые предопределялись наличием обеспечительного интереса кредитора.

Самостоятельность права кредитора требовать уплаты неустойки вследствие допущенного должником правонарушения проявляется в следующем:

1. Кредитор не связан необходимостью реализовывать принадлежащее ему право посредством предъявления требования к должнику, и может распорядиться данным правом другим, наиболее выгодным для себя, образом, например, уступить право, произвести зачет, осуществить новацию, заключить соглашение об отступном или простить долг. К сожалению, участники гражданского оборота не часто используют указанные возможности из-за противоречивой судебной практики и неопределенности по целому ряду вопросов, связанных с применением указанных механизмов в отношении права на взыскание неустойки. В частности, осторожное отношение к

сепаратной уступке права на взыскание неустойки связано со следующим разъяснением Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 24.05.2006 № 03-29/1023 «О заключении договора уступки требования»: на основе анализа нормы статьи 355 ГК представляется, что уступка требования прав, обеспечивающих исполнение обязательства, в отрыве от основных обязательств недействительна. Но как уже было сказано, на стадии правонарушения право кредитора требовать уплаты неустойки не выполняет обеспечительной функции. Тесная связь данного права с личностью кредитора также отсутствует. Соответственно, запрет на уступку рассматриваемого права не имеет под собой законных оснований. Отметим также, что принятие кредитором решения об уступке права на взыскание неустойки в настоящее время затруднено из-за отсутствия ясности в вопросе, с какого момента уступка является допустимой. Дискуссия по данному вопросу предопределена такими особенностями права кредитора требовать уплаты неустойки, как его спорность (условия ответственности в форме неустойки могут быть предметом спора) и временная неопределенность объема требования (заявленная к взысканию сумма неустойки может быть уменьшена на основании ст. 314 и ст. 375 ГК). Российская судебная практика исходит из допустимости уступки права на взыскание неустойки, размер которой окончательно не определен (информационное письмо Президиума ВАС от 30 октября 2007 г. № 120). Принципиальная допустимость такого подхода следует из базового нормативного положения о том, что право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. Считаем, однако, что во избежание проблем, которые могут возникнуть у нового кредитора при оспаривании должником правомерности заявленного требования и его размера, сепаратная уступка права кредитора на взыскание неустойки должна допускаться только после того, как требование кредитора полностью сформировалось, а именно, после документального признания его должником или вынесения судебного постановления в пользу кредитора.

Для реализации кредитором права на зачет, момент, с которого право кредитора требовать уплаты неустойки может считаться полностью сформировавшимся, также имеет принципиальное значение. Такое условие зачета, как бесспорность предъявляемого к зачету требования, не считается соблюденным, если должник может оспорить само существование требования и его размер. Вместе с тем, российская судебная практика признает зачет неустойки и встречного долга и до того, как сумму неустойки можно считать окончательно сформировавшейся. При таком подходе должник, которому впоследствии удастся добиться уменьшения суммы неустойки, вправе оспаривать произведенный зачет в определенной части.

Подчеркнем, выработка высшими судебными инстанциями Республики Беларусь четкой позиции относительно возможности осуществления кредитором сделок в отношении права на взыскание неустойки, а также рекомендаций относительно порядка осуществления таких сделок с учетом особенностей данного права будет способствовать более эффективному использованию кредитором права на взыскание неустойки.

2. В соответствии со ст. 355 ГК кредитор может определить объем тех требований, которые перейдут к новому кредитору. Если же такой объем не определен, возникает вопрос о судьбе права кредитора требовать от должника уплаты неустойки за уже допущенные правонарушения. Из Постановления Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 21 апреля 2001 г. № 7 «Об обзоре судебной практики рассмотрения споров, возникающих в связи с уступкой требования

(цессией) и переводом долга» следует презумпция перехода рассматриваемого права к новому кредитору. На наш взгляд, оснований для такой презумпции нет. Право кредитора требовать уплаты неустойки не является правом, связанным с основным, а потому передача данного права должна специально оговариваться в соглашении. Подчеркнем, взаимосвязь указанных прав прослеживается, однако она относится к прошлому (основанием взыскания неустойки является нарушение права основного должника), а не к будущему.

3. Тогда как до правонарушения прекращение основного обязательства неизбежно влечет прекращение обеспечительного права кредитора требовать уплаты неустойки (акцессорность прекращения), после правонарушения право кредитора требовать уплаты неустойки не прекращается с прекращением основного обязательства (например, в случае исполнения обязательства должником или расторжения договора). Не столь очевиден вывод о сохранении права кредитора требовать уплаты неустойки при совершении новации. Поскольку из буквального прочтения ст. 384 ГК следует, что новация прекращает существующее между сторонами обязательство, судебная практика не допускает предъявление кредитором требования об уплате неустойки после новации, если стороны специально не оговорили такую возможность в договоре (п. 1, п. 2 ст. 384 ГК). Считаем сложившуюся практику не соответствующей характеристике права кредитора на взыскание неустойки как самостоятельного, не связанного с основным. Таким образом, если стороны желают прекратить право кредитора на взыскание неустойки за допущенное должником нарушение в результате новации, они должны специально выразить свою волю на этот счет.

4. Исчисление срока исковой давности в отношении главного требования кредитора из обязательства и требования об уплате неустойки необходимо производить отдельно. В связи с этим бесспорным представляется правило ст. 208 ГК, согласно которому с истечением срока исковой давности по главному требованию истекает срок исковой давности и по дополнительным требованиям (неустойка, поручительство и т.п.). Признавая за правом кредитора требовать уплаты неустойки самостоятельный характер, нельзя ставить возможность удовлетворения данного права в зависимость от истечения срока исковой давности по главному требованию. По существу, речь идет о двух самостоятельных, независимых друг от друга, т.е. «основных» требованиях. А значит, истечение срока исковой давности по главному требованию не должно препятствовать удовлетворению требования кредитора о взыскании неустойки, если срок исковой давности в отношении последнего не истек.

5. Самостоятельность денежного требования кредитора об уплате неустойки возбуждает вопрос о возможности начисления процентов по ст. 366 ГК на сумму неустойки. Отрицательная позиция Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь по данному вопросу закреплена в постановлении Пленума от 21 января 2004 г. № 1 «О некоторых вопросах применения норм гражданского кодекса Республики Беларусь об ответственности за пользование чужими денежными средствами» и основана на том, что сумма неустойки не входит в понятие основного долга. Представление об удвоении ответственности при начислении процентов на сумму неустойки достаточно распространено в доктрине. Но является ли установившийся подход столь нерушимым? Считаем, что нет.

Причитающаяся кредитору сумма неустойки представляет для должника самостоятельный новый долг, уплата которого должна быть надлежащим образом гарантирована посредством взимания процентов. Учитывая, что право кредитора на взыскание неустойки есть средство его защиты, а также принимая во внимание

указанную выше характеристику данного права как спорного и временно не определенного, считаем, что обязательство должника по уплате неустойки возникает тогда, когда требование кредитора к должнику приобретет бесспорный и определенный характер. Соответственно, с этого момента на сумму денежного обязательства по уплате неустойки могут начисляться проценты за неправомерное пользование чужими денежными средствами.

В заключении отметим, что, несмотря на самостоятельный характер права кредитора требовать от должника уплаты неустойки за допущенное правонарушение, определенная зависимость данного права от основного обязательства по-прежнему сохраняется. Эта зависимость выражается в том, что право кредитора на взыскание неустойки может быть реализовано только при условии, что договор, породивший существование основного обязательства, был заключен и является действительным.

Э. Ю. АНЦИФЕРОВА

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Презумпция добросовестности закреплена в Гражданском Кодексе Республики Беларусь [1]. С момента принятия действующего ГК РБ 1998 г., в котором впервые в качестве основных начал гражданского законодательства закреплены принципы гражданского права, прошло почти пятнадцать лет [2, с. 169]. Опыт прошедших лет убедительно доказал, что законодательная фиксация принципа еще не означает его окончательного и безусловного перехода из сферы правосознания в практическую плоскость.

Наряду с принципом добросовестности, в гражданском праве выделяется принцип разумности. Разумность в гражданском праве рассматривается в субъективном и объективном смыслах, в зависимости ее от места в механизме реализации права. Разумность в субъективном смысле выступает в качестве внутреннего механизма реализации права. Разумность – познавательная способность, предполагающая нормальную деятельность его сознания, направленная на установление, упорядочение, систематизацию и выявление смыслового содержания, внутренних и внешних связей вещей и явлений. Разумность оказывает непосредственное влияние на дееспособность лица, так как, если субъект не имеет такой способности, он не сможет осмысленно совершать какие-либо действия [3, с. 27].

Принцип добросовестности широко применялся в римском праве. Римские преторы – должностные лица, наделенные судебной властью, – были уполномочены разрешать споры, которые не укладывались в рамки негибкого, архаичного гражданского (квиритского) права, руководствуясь принципом «доброй совести». О роли и значении добросовестности в римском праве исследовал римский юрист Павел, который отмечал, что «добросовестность предоставляет владельцу столько же, сколько истина в той мере, в которой этому не препятствует закон» [4, с. 308].

В римском праве в отношении «bona fides» проводилось разделение: «bona fides» в объективном смысле относилось к обязательствам, а в субъективном – к вещным правам. Воспринимаемое как верность данному слову fides была, по сути, клятвой, дававшейся при заключении соглашений. В римском обществе тот, кто нарушил данное

слово (*fides*), признавался *sacer esto*, т.е. человеком вне божеского и человеческого закона. В некоторых ситуациях слабая сторона оставалась под защитой более сильной стороны [5, с. 5].

Идея принципа разумности постепенно начала распространяться не только на Древний Рим, но и на страны Западной Европы. Примером являются эдикты, в центре внимания которых было оформление и защита земельной собственности частных лиц.

Разум перерабатывает или преобразует материал чувств, придавая им адекватную форму понятий, суждений. Принцип разумности очеловечивает право, определяет перспективы и границы его функционирования. Человек должен найти в праве свой разум. Данный принцип не получил должной разработки применительно к современным правовым реалиям, и его научная интерпретация остаётся на уровне высказываний античных и средневековых мыслителей [6, с. 25].

Действующий ГК РБ отличается широким использованием понятий «добросовестность» и «разумность». Однако, несмотря на частое использование в гражданском праве названных понятий, их определения в законодательстве отсутствуют.

Добросовестность и разумность поведения участников гражданского оборота предполагается во всех случаях. Правило, содержащееся в п. 4 ст. 9 ГК РБ [1], представляет собой лишь частный случай, связанный с отказом в защите права, которое осуществлялось с нарушением принципа добросовестности и разумности.

По мнению Ю. Н. Беспалого, «принципы, выполняя регулирующую и системообразующую функции, должны реально применяться на практике» [7, с. 11]. Автор сделал такое заключение, анализируя гражданское законодательство Республики Беларусь. Это связано с закреплением принципов в ст. 5 и 7 ГК РБ [1].

Таким образом, роль принципов добросовестности и разумности заключается в том, что они определяют и регулируют поведение субъектов. При решении вопроса о данных принципах в гражданском праве следует также учитывать, что целью будет являться соответствие нормам права правомерного поведения. Принципы добросовестности и разумности, в гражданских правоотношениях, имеющие субсидиарное значение в гражданском праве, находят свое отражение не только в случаях, прямо предусмотренных в гражданском кодексах, но и во всех иных случаях, когда гражданско-правовая норма допускает свободу усмотрения участников указанных правоотношений. Неукоснительное и последовательное соблюдение принципов гражданского права в правотворчестве создаст в обществе и в гражданском обороте атмосферу уверенности, а также позволит решить задачу достижения стабильности гражданского законодательства при его относительной динамичности.

Следовательно, необходимо закрепить дефиниции данных принципов в Гражданском кодексе Республики Беларусь. Так, например, можно сформулировать норму следующим образом: «Под принципом добросовестности в гражданском праве следует понимать осуществление прав и исполнение обязанностей участниками гражданских правоотношений, которые не должны ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. Принцип разумности заключается в познавательной способности участников гражданских правоотношений, предполагающий нормальную деятельность их сознания, направленный на установление, упорядочение, систематизацию и выявление смыслового содержания, внутренних и внешних связей вещей и явлений».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 : в ред. Закона от 05.01.2015 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь и проблемы их реализации в правотворчестве / Н. Л. Бондаренко // Право и демократия. – Минск : БГУ, 2014. – № 2. – С. 167–180.
3. Кучура, П. И. Проблемы реализации принципов добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений : сб. науч. тр. / П. И. Кучура. – Минск : Изд-во БИП, 2013. – 338 с.
4. Дигесты Юстиниана: в 3 т. : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2002. – Т. II. Кн. 5. – 622 с.
5. Гай. Институции / Гай // Политика римского права. – М. : Зерцало, 1997. – 608 с.
6. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. – Т. 1. – 396 с.
7. Беспалый, Ю. Н. Взаимодействие принципов добросовестности, разумности, справедливости и института ответственности : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. Н. Беспалый. – Минск, 2014. – 13 с.

К. В. БАРТАШ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ИНСТИТУТА НЕДВИЖИМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ГЕРМАНИИ

Деление имущества на движимое и недвижимое берет начало еще в римском праве и воспринято практически всеми правовыми системами современных государств. Выделение недвижимого имущества связано с правом частной собственности на природные и связанные с ними объекты, в первую очередь на землю, а также с введением в гражданский оборот этих объектов, его развитием [2].

Особенностью белорусской системы права является то, что она формируется на основе не только собственного, но и опыта западных стран. Гражданское право Германии наиболее близко по построению и содержанию правовых категорий белорусскому гражданскому праву. Следует отметить, что рецепция римского права на протяжении столетий осуществлялась через германское право. Это обуславливает актуальность обращения к сравнительному анализу основных положений института недвижимости в Республике Беларусь и Германии.

Системообразующим понятием в данном институте является понятие недвижимости. Единой универсальной дефиниции недвижимости не существует.

Германское гражданское уложение 1896 г. (далее – ГГУ) вообще не упоминает термин «недвижимость». Все вещи делятся на движимые и земельные участки. Легальное определение земельного участка в ГГУ не содержится. Таким образом, в ГГУ назван единственный объект недвижимости – земельный участок, и только он подлежит государственной регистрации [3].

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) не содержит определения понятия земельного участка. Легальное определение земельного участка содержится в Кодексе Республики Беларусь о земле, в соответствии с которым земельный участок – это часть земной поверхности, имеющая границу и целевое назначение и рассматриваемая в неразрывной связи с расположенными на ней капитальными строениями (зданиями, сооружениями).

Отметим также, что в отличие от ГК в ГГУ даны определения таких понятий, как вещь (§ 90), составные части вещи (§ 93), существенные составные части вещи (§ 93), существенные составные части земельного участка и строения (§ 94). Вещами в смысле закона (§ 90 ГГУ) признаются лишь телесные вещи, физические, материальные предметы. Телесность вещи означает ее ограниченность в пространстве. Из этого следует, что земельный участок – вещь телесная [3].

В белорусском законодательстве отсутствуют подобные нормы. А само понятие вещи и его соотношение с понятием имущества относятся к доктринальным положениям. Действующее законодательство использует термины «недвижимая вещь», «недвижимое имущество», «недвижимость» в качестве синонимов (ст. 130 ГК). Тем самым закон не ограничивает возможность отнесения к недвижимому и иного имущества. Необходимо отметить, что ни в законодательстве, ни в научной литературе нет единого четкого определения понятия недвижимого имущества. Таким образом, определение, содержащееся в ст. 130 ГК, является базовым.

Также следует отметить, что состав недвижимости, определенный в законодательстве Республики Беларусь, значительно шире, чем в законодательстве Германии. В него включены две группы вещей: недвижимость по природе и по назначению. Причем каждый объект недвижимого имущества имеет свой правовой режим.

Следует отметить, что по законодательству Германии правовая судьба земельного участка предопределяет правовой режим всех его существенных составных частей. Там действует принцип единого объекта земельного участка и строения, расположенного на нем. По этому принципу действует правило: земельные участки и стоящие на них здания и сооружения рассматриваются как единый объект недвижимости, подлежащий регистрации. Это означает, что объекты, прочно связанные с землей, следуют судьбе земельного участка (один объект – одно вещное право). Они не могут быть объектами самостоятельных вещных прав.

В Республике Беларусь такая модель единого объекта не воспринята. В земельном праве Республики Беларусь действует принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним строений (ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о земле). Его суть заключается в следующем: все прочно связанные с земельным участком объекты следуют судьбе земельного участка, за исключением случаев, установленных иными законодательными актами. Однако в законодательстве нет четкого механизма претворения данного принципа в жизнь.

Следует согласиться с мнением, высказываемым в научной литературе, что германская конструкция единого объекта – наиболее рациональная модель юридического соединения земельного участка с недвижимыми вещами.

На основе проведенного анализа, можно сделать вывод, что как в Беларуси, так и в Германии понятие недвижимости относится к числу доктринальных положений. Недвижимость – это обобщающая правовая категория, которая обозначает реальные, физически осязаемые материальные объекты недвижимости, а также вещные права на них.

Единого определения понятия недвижимости быть не может, поскольку многообразие объектов недвижимости, а также специфический правовой режим каждого из них не позволяют его выработать. Действенным представляется метод определения в законе понятия и правового режима каждого конкретного объекта недвижимого имущества, к чему и стремится белорусский законодатель.

Но более последовательным и логичным представляется подход ГГУ, которое оперирует главным образом понятием «земельный участок» и устанавливает только для него особый правовой режим. Таким образом, недвижимыми считаются только земельные участки, а все остальные вещи движимы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданское уложение Германии = Deutsches Buergerliches Gesetzbuch mit Einfuehrungsgesetz: Ввод. Закон к Гражд. уложению / пер. с нем.; науч. ред. А.Л.Маковский [и др.]. - М.: Волтерс Клувер, 2004.

2. Недвижимое имущество : правовое регулирование / В. Ф. Бохан. – Минск : Дикта, 2008. – 192 с.

3. О. А. Сенько. Понятие недвижимости: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Германии // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014

К. В. БОГДАНОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Конституция Республики Беларусь уделяет значительное внимание охране брака и семьи, ведь именно в семье первоначально складывается мировосприятие человека, формируются его социальные качества. В связи с этим, вопросу изменения и актуализации брачно-семейных отношений законодатель уделил должное внимание, и в конце 90-х годов XX века им были введены принципиально важные нововведения, ранее не известные белорусскому семейному праву. Одной из новелл является введение в семейное право института Брачного договора, который является эффективным механизмом защиты и сохранения семейных ценностей, так как позволяет супругам самостоятельно урегулировать имущественные и личные неимущественные отношения.

Действующее семейное законодательство не дает легального определения Брачного договора. Однако, если обратиться к понятию договора в гражданском праве, то под Брачный договором в семейном праве следует понимать соглашение супругов или лиц, вступающих в брак, определяющее имущественные и (или) личные неимущественные права и обязанности супругов в период брака и (или) в случае его расторжения. Он основывается на конституционных нормах, закрепляющих равенство сторон, и предполагает свободу выбора партнера, которые, в свою очередь, могут устанавливать свои права и обязанности, определять судьбу имущества, нажитого как в период брака, так и в случае его расторжения. Супруги могут определять формы,

методы и средства воспитания детей; оговорить материальные обязательства по отношению друг к другу в случае расторжения брака и иное [2, ст. 13].

Среди особенностей, отличающих Брачный договор от иных видов гражданско-правового договора, выделяют его субъектный состав, время и порядок заключения, предмет, а также условия договора.

Изначально данный вид договора мог быть заключен только между супругами, то есть лицами, уже состоящими в официально зарегистрированном браке. Однако, данное положение было кардинально пересмотрено: теперь Брачный договор могут заключать лица, которым только предстоит вступить в брак, при условии, что стороны являются дееспособными и достигли установленного законодательством возраста. Документ вступает в силу с момента регистрации брака. Что касается формы Брачного договора, то он, как и любой другой договор, представляет собой письменный документ, подписанный обеими сторонами. Брачный договор обязательно удостоверяется подписью нотариуса. При этом нотариус должен не только проверить соответствие закону Брачного договора, но и разъяснить сторонам его смысл и значение.

Одним из самых популярных вопросов, интересующих лиц, собирающихся заключить Брачный договор, является перечень условий, которые можно включить в документ. Самыми основными из них являются: 1) список прав и обязанностей сторон, которые могут реализовываться как самостоятельно, так и при наступлении определенных обстоятельств, 2) порядок раздела имущества, 3) изменение режима общей совместной собственности, 4) место содержания детей и размер алиментов на них, 5) вопросы, касающиеся имущества супругов до брака [3, ст. 13].

Брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав. Он также не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства. В данной части целесообразным будет привести примеры прав и обязанностей, которые на основании указанной нормы не могут быть включены в Брачный договор.

Так, например, обязанность исповедовать какую-либо конкретную религию ограничивает правоспособность граждан (так как согласно ст. 31 Конституции Республики Беларусь, каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой), соответственно, включение такого положения в Брачный договор не допускается. Также запрещается добавление в Брачный договор положения, в соответствии с которым супруг, обязанный уплачивать алименты на содержание ребенка, сможет уплачивать их в размере меньшем, чем установлено законодательством.

Изменение и расторжение Брачного договора может быть произведено в любое время по соглашению супругов. Такое соглашение оформляется в той же форме, что и сам Брачный договор [2, ст. 13]. Односторонний отказ от исполнения Брачного договора не допускается. Если соглашение об изменении или о расторжении Брачного договора не достигнуто, то по требованию одного из супругов этот спор может быть рассмотрен судом. Однако здесь можно выделить ряд проблем.

Практика заключения Брачных договоров мало распространена в Республике Беларусь по причине бытующего мнения среди граждан о ненадежности заключения данного договора, а также о неэффективном механизме оказания всесторонней поддержки со стороны государства в случае неисполнения одной из сторон условий

договора. Необходимо отметить, что развитие данного института в Республике Беларусь значительно отстает от его развития в европейских странах, где он является часто практикуемым, устоявшимся и нашедшим широкий круг сторонников. К тому же Брачный договор в Республике Беларусь в силу ряда объективных причин не рассчитан на массовость и не может быть избран большинством супружеских пар в качестве способа регулирования имущественных и личных неимущественных отношений. Однако это можно связать с особенностями национального менталитета.

Также часто супруги при заключении договора вовсе не затрагивают личные неимущественные отношения. По статистике, основная часть Брачных договоров содержит условия, касающиеся имущества: большинство пар больше беспокоятся о материальной стороне вопроса, чем о психологической, морально-этической стороне. Данный факт может свидетельствовать о распространенности заключения браков «по расчету». Все это говорит о недостаточной осведомленности граждан в этих вопросах и отсутствие сформированной правовой культуры в отношении такого института, как брак и семья.

Что касается заключения Брачного договора и удостоверения его нотариусом, то следует отметить, что данная процедура не является бесплатной - взимается государственная пошлина в размере 6 базовых величин. По состоянию на март 2016 года сумма составила 1.260.000 неденоминированных белорусских рублей. Таким образом, в случае неоднократного повышения размера базовой величины, лица, заключающие данный договор, будут нести большие материальные затраты.

Исходя из всего выше перечисленного, для более широкого распространения норм института Брачного договора в Республике Беларусь было бы рационально принять следующие решения:

1) необходимо внедрить проведение практических занятий, бесплатных консультаций в сфере Брачного договора сотрудниками органов ЗАГС и нотариальных контор и среди населения;

2) необходимо расширить ряд имущественных и неимущественных отношений, которые могут быть урегулированы Брачным договором;

3) не следует повышать государственную пошлину, которую обязаны уплатить стороны при заключении Брачного договора, в целях исключения незаинтересованности в данном договоре среди супружеских пар и лиц, вступающих в брак.

Таким образом, можно сделать вывод, что введение института Брачного договора в Республике Беларусь было обусловлено кардинальными изменениями, происшедшими в экономической и социальной жизни страны, и являются необходимым элементом урегулирования имущественных и личных неимущественных отношений супругов со стороны нашего государства. При этом Брачный договор в Республике Беларусь носит исключительно личный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005.

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. //

КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

б. О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 324-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Л. М. БРАЙЧУК, В. Н. ПОПЕКА

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ РАБОТНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежедневно в мире дискриминация проявляется в той или иной форме. Это явление противоречит извечным устремлениям человечества к свободе, равенству, справедливости. Особенно болезненно воспринимается она в сфере трудовых отношений, поскольку затрагиваются самые важные с точки зрения удовлетворения физических и духовных потребностей права: право на равный доступ к работе, на равное вознаграждение за равный труд, на равные шансы продвижения по службе, на защиту от безработицы и т.д. Не случайно основные трудовые права получили закрепление в Конституции Республики Беларусь. «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учётом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда» [1, ст. 41].

Согласно Трудовому кодексу Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь) и Трудовому кодексу Российской Федерации (далее – ТК РФ), дискриминация человека в трудовых отношениях понимается, как ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости о пола, расы, национального происхождения, языка, религиозных или политических воззрений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, недостатков физического или психического характера, не препятствующих выполнению соответствующих трудовых обязанностей [2; 3].

Проблема дискриминации по-прежнему остается актуальной, особенно для таких категорий населения, как молодежь, женщины, лица предпенсионного возраста и др. Люди сталкиваются с ней как при приеме на работу, так и на последующих стадиях реализации трудовых прав. А значит, и для России, и для Беларуси чрезвычайно важно совершенствовать действующее законодательство в целях «недопущения дискриминации в области труда и занятий» [4].

Для реализации конституционного права на труд (ст. 37 Конституции РФ и ст. 41 Конституции Республики Беларусь) действующее трудовое законодательство России и Беларуси содержит ряд норм, запрещающих дискриминацию в сфере труда. Согласно ст. 3 ТК РФ каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Гражданин может реализовывать их как на стадии возникновения трудовых отношений

(прием на работу), так и в процессе трудовой деятельности (при переводе, перемещении, иных изменениях трудового договора, при увольнении и т.д.). На всех этих этапах физическое лицо может подвергнуться дискриминации, то есть ограничению в трудовых правах и свободах или получить какие-либо преимущества, не связанные с деловыми качествами [5].

В ч. 1 ст. 14 ТК Республики Беларусь содержится дефиниция этого понятия: ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального происхождения, языка, религиозных или политических воззрений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, недостатков физического или психического характера, не препятствующих выполнению соответствующих трудовых обязанностей [3].

Трудовые кодексы РФ и Республики Беларусь имеют различия и в регламентации способов судебной защиты трудовых прав лиц, обращающихся в суды по поводу их дискриминации. ТК РФ четко указывает, что человек в такой ситуации может требовать восстановления нарушенных прав, возмещения материального вреда и компенсации морального вреда [2, ст. 3]. В отличие от Российского ТК Республики Беларусь содержит расплывчатую формулировку о том, что лицо «вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением об устранении дискриминации» [3, ст. 14]. Каковы полномочия суда в случае признания факта дискриминации, из указанной нормы неясно. Для усовершенствования ТК Республики Беларусь белорусскому законодателю необходимо ликвидировать данный пробел и закрепить в ч. 4 ст. 14 ТК Республики Беларусь конкретные требования, которые может заявлять в суд лицо, считающее, что оно подверглось дискриминации, как это сделано в ТК РФ, где нормы, касающиеся дискриминации, содержатся не только в ст. 3, но и в других. Например в ст. 64 ТК РФ, запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора, в том числе и по дискриминационным мотивам (пол, цвет кожи, происхождение и т.д.) [2].

Согласно ст. 64 ТК РФ не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора по обстоятельствам, не связанным с деловыми качествами работника. Правомерным отказом в приеме на работу будет только отказ, основанный на деловых качествах кандидата, а точнее – их отсутствии или несоответствии (недостатке). Если согласно ст. 64 ТК РФ запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора для любого кандидата на работу, то ТК Республики Беларусь устанавливает такой запрет только в отношении определенных категорий лиц, перечисленных в кодексе. Среди них:

- граждане: направленные на работу государственной службой занятости в счет брони, включая лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении;

- письменно приглашенные на работу в порядке перевода от одного нанимателя к другому по согласованию между ними;

- прибывшие на работу в соответствии с заявкой нанимателя или заключенным договором после окончания учебного заведения;

- граждане, имеющие право на заключение трудового договора на основании коллективного договора (соглашения);

- прибывшие на работу после окончания государственных учебных заведений по направлению;

- военнослужащие срочной службы, направленные на работу в счет брони для предоставления первого рабочего места.

- женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до трех лет, и одиноким матерям, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, ребенка-инвалида – до 18 лет [3, ст. 16].

Относительно лиц, не входящих ни в одну из названных категорий, потенциальный наниматель имеет право отказать им без указания причин своего решения. Вместе с тем согласно ст.60 Конституции Республики Беларусь, гарантирующей каждому защиту его прав и свобод судом в определенные законом сроки, отказ нанимателя в заключении трудового договора может быть оспорен не только гражданами, перечисленными в ч. 1 ст. 16 ТК Республики Беларусь, но и другими лицами, считающими такой отказ необоснованным. В России право любого кандидата на работу, которому отказано в заключении трудового договора, потребовать у работодателя сообщить причину отказа в письменной форме закреплено в ТК РФ [2, ст. 64]. В случае своего несогласия с полученным объяснением он может обратиться в суд [2].

В Беларуси же согласно ТК Республики Беларусь обратиться к нанимателю за разъяснением мотивов отказа могут только лица, которым законодательно запрещено отказывать в заключении трудового договора [3, ст. 16]. Другие работники могут обратиться с соответствующей просьбой к нанимателю на основании Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан». Трудовые споры по поводу отказа в приеме на работу (в том числе и по дискриминационным мотивам) рассматриваются непосредственно в судах как в России, так и в Беларуси [3].

Таким образом, ТК РФ в большей степени ограничивает возможность дискриминации при заключении трудового договора, нежели ТК Республики Беларусь. Белорусскому законодателю необходимо изучить положения ст. 64 ТК РФ в части распространения запрета необоснованного отказа в заключении трудового договора на любых кандидатов на работу. В целях недопущения дискриминации в сфере труда и усовершенствования ТК Республики Беларусь и ТК РФ, российские и белорусские законодатели должны продолжить работу по совершенствованию правовой базы и правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Трудовой кодекс: [Электронный ресурс]: 30 декабря 2001 г., №-197-ФЗ принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г.: одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г.; в ред. Закона Российской Федерации от 03.10.2016 // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июля 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июля 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2016.

4. Кривой, В. И. Трудовое законодательство / Журнал «Отдел кадров» [Электронный ресурс]. – 2001. – № 6. – Режим доступа : http://kadrovik.by/library/document/id/12664/rid/1003_1002474. – Дата доступа : 20.10.2016.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. – М. : Юрист, 2005. – 56 с.

Е. Г. ВЕСЕЛКОВА

Москва, Российская Федерация, НОУ ВПО «Европейский Институт JUSTO», кандидат педагогических наук, доцент

ПУБЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье исследуются доктринальные вопросы об участниках гражданско-правовых отношений, анализируются научные точки зрения относительно физических, юридических лиц, предлагается рассматривать публичные образования в качестве субъектов гражданского права. Предлагаются определения публичного образования, правосубъектности публичных образований.

Ключевые слова: *публичное образование, субъекты гражданского права, юридические лица, правосубъектность.*

Современное гражданское законодательство к вопросу о субъектах гражданского права подходит следующим образом. Статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации определены участники регулируемых гражданским законодательством отношений, это: граждане и юридические лица. При этом в регулируемых гражданским законодательством отношениях, как указывается в ст. 2 ГК РФ, могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Подраздел 2 раздела об общих положениях Гражданского кодекса называется «Лица». Отсюда можно сделать вывод, что понятие «лицо» является родовым, и относится ко всем участникам гражданских правоотношений, субъектам гражданского права. Что же мы видим? Первым субъектом (гл. 3 ГК РФ) кодекс называет граждан (что не совсем корректно, ибо к участникам отношений, регулируемых гражданским законодательством, относятся не только российские граждане, но и иностранцы, а также апатриды (п.1 ст. 2 ГК РФ)) – физических лиц. Далее следуют лица юридические (гл. 4), а вот глава 5, регламентирующая участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, эти субъекты «лицами» не именуется. При этом анализ статьи 124 ГК РФ (а именно – пункт 2) показывает, что эти образования относятся к субъектам гражданского права.

Следовательно, к участникам гражданских правоотношений относится три вида субъектов:

физическое лицо – естественный субъект, становящийся участником в силу естественного факта рождения;

юридическое лицо – субъект, появляющийся искусственно в результате процедуры легитимации (государственной регистрации);

некие государственно-муниципальные образования, которые появляются также в некотором смысле естественно и не требуют государственной регистрации в качестве субъектов гражданского права.

Таким образом, в гражданско-правовых отношениях участвуют как естественные, так и «искусственные», специально созданные для этого субъекты. Появление в гражданском обороте и выбытие из него естественных субъектов – физических лиц предreshают естественно-биологические процессы рождения и смерти, но не

легитимационные (юридические) процедуры (регистрация рождения, регистрация по месту жительства и т.п.). «Естественность» происхождения данных субъектов прослеживается и в иностранных правовых системах. Так, Конституция Европейского Союза [14], изданная на 25 языках, неоднократно упоминает о «естественных лицах», например, на английском – это «natural person», на немецком – «natürliche Person», на французском – *personne physique*.

С термином «юридическое лицо» дело обстоит сложнее. В римском праве такого понятия не было, и законодательно оно закреплено только в первой половине XIX века в германском праве. В Германском гражданском уложении 1896 г. была дана формулировка юридического лица, и говорилось о двух его разновидностях: общества (союзы) – *Vereine* и учреждения – *Stiftungen*. Затем этот термин был зафиксирован швейцарским Гражданским уложением (1907 год) и значительно позже – в итальянском и французском Гражданских кодексах. В англосаксонском праве дефиниции «юридическое лицо» не существует, однако оно применяется в научной литературе и правоприменительной практике. Определения юридического лица в зарубежных правовых системах, как правило, весьма лаконичны, но в данном случае важно, что в некоторых из них акцент делается на то, что юридические лица – лица фиктивные, создаваемые с какой-то/какими-то конкретными целями.

Что касается третьего субъекта гражданских правоотношений, следует сказать, что законодательство вообще как-то стыдливо обходит этот вопрос стороной. Как указывалось, ГК РФ обозначает место Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований как участников гражданско-правовых отношений в главе 5 подраздела, называемого «Лица». И вполне логично было бы называть эти публичные образования публичными лицами. Однако ни в законодательстве, ни в научной литературе термин «публичное лицо» не используется, хотя недавно в науке появилось другое понятие – «юридическое лицо публичного права».

Этот «новый» термин, скорее, – хорошее забытое старое. О нем упоминается в работах А. В. Венедиктова [см. напр.: 2, с. 636], ещё раньше это понятие использовал Г. Ф. Шершеневич, выделяя среди юридических лиц публичного права государство (казну) [10, с. 122]. На существование лиц публичного права указывал в 1987 году М. И. Кулагин, отмечая, что в зарубежных странах существуют три основных вида юридических лиц: частного права, публичного права и «смешанное» [8]. При этом автор выделял среди юридических лиц публичного права: «буржуазное государство», вступающее в имущественные отношения как казна, надгосударственные образования, административно-территориальные подразделения государства (штаты, земли), государственные учреждения и государственные организации, которые одновременно выступают как хозяйствующие субъекты и как органы управления.

В зарубежной литературе также можно встретить термин «юридическое лицо публичного права». Причем, во французской науке, например, юридическое лицо публичного права рассматривается как одна из разновидностей публичных лиц [см. напр.: 13, с. 61, 62, 67]. Алжирские авторы наряду с данным словосочетанием используют ещё одно: «административное юридическое лицо» и включают в это понятие: государство, «территориальные коллективы областного звена, коммуны, публичные учреждения и «публичные офисы» [см. напр.: 12, с. 7].

Некоторые бывшие союзные республики также используют рассматриваемый термин. Так, в Грузии юридические лица делят на лица частного и публичного права. Причем, такое деление имеет место не только в науке [см. напр.: 5, с. 217; 9, с. 211], но

и в законодательстве [3]. На основании закона об общей части Гражданского кодекса Эстонии основными публично-правовыми юридическими лицами в этой стране являются государство и местные самоуправления [4]. Термин «юридическое лицо публичного права» также используется в Конституции Греции 1975 г., Конституции Кипра 1960 г. [7], в Конституции Бразилии 1988 г. [6] и т.д.

Всё это даёт основания некоторым авторам поднимать вопрос о «легитимизации конструкции публичного юридического лица в отечественной юриспруденции», о разработке «закона о юридических лицах публичного права в России» [11, с. 10]. Представляется, однако, что такое решение преждевременно, ибо хотя этот термин и употребляется сейчас довольно часто, тем не менее, во-первых, доктринальная разработка концепции юридического лица публичного права не окончена, она лишь намечена, а, во-вторых, термины «публичное образование» и «юридическое лицо публичного права» не являются тождественными.

Под публичными образованиями (в другой транскрипции - публично-административные, публично-государственные, публично-правовые) мы понимаем государственно-территориальные образования, основным из которых является государство, а далее – в зависимости от формы государства: субъекты федерации (штаты, земли, кантоны и т.п.), муниципальные образования.

Публичные образования – в некотором роде, как и физические лица, тоже естественные субъекты гражданского права. Для того, чтобы они являлись таковыми не требуется ни особой процедуры легитимации, ни признания их гражданских прав другими субъектами публичного (или частного) права. Они обладают гражданской право- дееспособностью, как и физические лица, в силу своего «рождения». Но, в отличие от физических лиц, в гражданско-правовых отношениях публичные образования действуют через «посредников» - свои органы. Вот тут и возникает основная коллизия, которая приводит к смешению понятий «публичное образование» как субъект гражданского права и «юридическое лицо публичного права». Не вдаваясь в содержательный анализ последнего термина, отметим, что сходство между ними, конечно, имеется. Каноническое представление о признаках юридического лица состоит в том, что все они обладают следующими признаками: организационное единство, выступление в гражданском обороте от собственного имени, наличие обособленного имущества, несение самостоятельной ответственности. Но ведь публичное образование тоже обладает всеми этими признаками. Именно это обстоятельство и даёт основание законодателю установить правило, согласно которому участие указанных субъектов в гражданском обороте регулируется нормами о юридических лицах, если иное не вытекает из закона или их особенностей (п. 2 ст. 124 ГК РФ).

Таким образом, несовершенство гражданского законодательства состоит даже не в том, что публичные образования открыто не называются субъектами гражданско-правовых отношений, а, главным образом, в том, что помещены они в разряд «лиц». Отсюда и терминологическая путаница в науке.

Итак, публичное образование как субъект гражданского права. Прежде всего, следует подчеркнуть, что государство и иные публичные образования создаются вовсе не для участия в гражданских правоотношениях, тем не менее, они обладают гражданской правоспособностью и дееспособностью. Так же, как и у юридических лиц, их право- и дееспособность совпадают. И, если сравнивать их с юридическими лицами, возникает вопрос о том, какой праводеспособностью (правосубъектностью) обладают публичные образования? Коли созданы они не для осуществления

предпринимательской деятельности, говорить о специальной и исключительной правоспособности не приходится. Следовательно, остается считать, что публичные образования обладают общей правоспособностью, что вполне логично, ибо они имеют возможность не только осуществлять любые виды предпринимательской деятельности, как коммерческие юридические лица, но даже в некоторых случаях те виды, которые вообще запрещены («монополия государства»). Они могут заключать любые сделки, осуществлять любые виды деятельности. Для этого у них всё есть: имущественная самостоятельность и органы, посредством которых реализуется их дееспособность.

Именно через свои органы, действующие в рамках их компетенции, установленной актами соответствующих публичных образований, и действуют в гражданско-правовом поле сами публичные образования. При этом следует отличать те действия, которые совершают эти органы не от имени публичного образования, а от своего имени как юридического лица².

Прежде всего, публичные образования, как и другие субъекты гражданского права, являются собственниками имущества. Они непосредственно владеют, пользуются и распоряжаются государственной (муниципальной) казной. Имущество, которое является основой для совершения гражданско-правовых сделок публичными образованиями, состоит из двух частей: из средств соответствующих бюджетов, а также имущества, по каким-то причинам не распределенного между хозяйствующими субъектами, собственником которых является данное публичное образование и не закрепленного за этими субъектами (предприятиями и учреждениями). Всё это в совокупности и представляет собой казну.

Рассматривая публичные образования как субъекты гражданско-правовых отношений, следует учитывать особенности их статуса, обладание публичной властью, что позволяет им самим определять правопорядок, в том числе случаи и пределы собственного участия в гражданских правоотношениях собственную гражданскую правосубъектность, ее содержание и пределы.

При этом как участник имущественного оборота публичное образование выступает юридически равной стороной, которая находится с иными участниками (физическими, юридическими лицами) в частноправовых, а не в публично-правовых отношениях. За нарушение гражданских прав или неисполнение обязанностей к публичным образованиям, как и к другим субъектам гражданского права, в судебном порядке могут быть применены обычные меры имущественной ответственности, ибо в гражданских правоотношениях они лишены судебного иммунитета.

Участие публичных образований в гражданско-правовых отношениях носит факультативный характер, поэтому примеров такого участия не так много. К примеру, имеют место факты пополнения казенной собственности: за счет бесхозяйной недвижимости, находки, выкупа бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, наследования по завещанию и т.п.

Некоторые публичные образования становятся участниками обязательственных отношений при выпуске государственных займов, государственных казначейских

² Вместе с тем, в науке высказывается мнение, что гражданской правосубъектностью обладают «только три категории субъектов, указанные в главе 5 ГК РФ, а именно: Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования» [1, с. 93]. Любые создаваемые перечисленными субъектами образования (министерства, агентства, комитета и т.п.), по мнению авторов, не должны наделяться гражданской правоспособностью. При этом участие таких структур в гражданских правоотношениях допускается исключительно от имени одного из трех отмеченных субъектов [1, с. 93]. Спорная точка зрения, на наш взгляд.

обязательств, проведении лотерей. Участвуют публичные образования также в предпринимательских отношениях - создают за счет казенного имущества хозяйственные общества и другие хозяйствующие субъекты³. В качестве государственных или муниципальных заказчиков заключают договоры поставки или подряда (так называемые «госконтракты»). Выступают в роли гарантов (государственные или муниципальные гарантии). Довольно активно заключают иные гражданско-правовые договоры: займа или кредита, поручения, комиссии, агентирования или доверительного управления государственным или муниципальным имуществом, купли-продажи, залога, аренды и др.

Публичное образование может быть участником внедоговорных обязательств, в частности, взыскивая в свою пользу с виновных лиц причиненный ему имущественный вред (ущерб). Особый интерес представляет институт возмещения вреда за счет казны. Так, статья 1069 ГК РФ регламентирует ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами, статья 1070 - ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Публичное образование за счет казны несет также субсидиарную ответственность по обязательствам созданных им учреждений при недостаточности у них денежных средств (ст. 123.22 ГК РФ).

Основой, которая используется в случае наступления гражданско-правовой ответственности публичного образования, является казенное имущество. При этом другая часть имущества, находящегося в его собственности, но закрепленная за конкретными предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, в этих целях использоваться не может. Законом предусмотрен принцип разделения ответственности: предприятия и учреждения, собственником имущества которых является публичное образование, не несут ответственности по его долгам. Также публичные образования не отвечают по обязательствам других таких субъектов (государство не отвечает по долгам субъектов федерации и муниципальных образований и наоборот).

Резюмируя изложенное, следует отметить, что законодательство в рассматриваемой сфере носит противоречивый характер, имеет множество пробелов: отсутствует законодательное определение публичных образований как участников гражданских правоотношений, понятие их гражданской правосубъектности и др., что требует незамедлительного вмешательства законодателя в процесс нормативного урегулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаков, В. А. Участие государства в гражданских правоотношениях / В. А. Бабаков // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 6. – С. 90-97.
2. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов; отв. ред. В. К. Райхер. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 839 с.
3. Гражданский кодекс Грузии. Принят 26 июня 1997 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1259884>.

³ При этом следует понимать, что публичные образования действуют здесь опосредованно. Созданные ими акционерные общества, корпорации, предприятия и т.п. участвуют в хозяйственном обороте от собственного имени.

4. Закон об Общей части Гражданского кодекса Эстонии. Принят 27 марта 2002 г. (RT I 2002, 35, 216) [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.riigiteataja.ee/index.html>.
5. Зоидзе, Б. Рецепция европейского частного права в Грузию / Б. Зоидзе. – Тбилиси, 2015. – 312с.
6. Конституции государств Америки. В 3-х томах / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – Т. 3. – 1168 с.
7. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М. : Норма, 2001. – Т. 1. – 824 с.
8. Кулагин, М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. Монография / М. И. Кулагин. – М. : Изд-во УДН, 1987. – 176 с.
9. Хубуа, Г. Теория права / Г. Хубуа. – Тбилиси, 2004. – 311 с.
10. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич – М., 1911. – 858 с.
11. Ястребов, О. А. О правовом положении юридических лиц публичного права в Литовской республике и Эстонской республике / О. А. Ястребов // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 34. – С. 6–11.
12. Mahiou, A. Cours des institutions administratives. 2-me ed. / A. Mahiou. - Alger, 1979. – 771 P.
13. Ternier, Ph. La responsabilite contractuelle des personnes publique en droit administratif / Ph. Ternier. – P., 1989. – 148 P.
14. Treaty Establishing a Constitution for Europe. - Brussels, 2004. – 341 P.

М. А. ВОЙТОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НЕЗАКОННОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

«Чужих детей не бывает» – твердят нам множество социальных реклам с экранов билбордов, но так ли это на самом деле?

В 21 веке высокое значение приобрел вопрос необходимости особой правовой защиты интересов несовершеннолетних. Представляя собой сложное явление, незаконность, направленная на нарушение прав несовершеннолетних и посягающая на семейные отношения, связанные с усыновлением детей, является действием различных обстоятельств, факторов, социальных причин, влияющих на состояние, структуру, уровень данных правонарушений.

Важная роль отведена административно-правовым отношениям, которые возникают в процессе нарушения прав и интересов семьи и несовершеннолетних, в части регулирования действия института усыновления.

Для того, чтобы понять серьёзность и значимость действующих в нашем законодательстве норм охраняющих интересы семьи, а именно отношений, связанных с усыновлением детей, необходимо проследить возникновение источников права, а так же их содержание на различных этапах существования Беларуси.

Первоисточники относят нас к X веку: в церковном законодательстве предпринимались первые попытки регулирования семейных и брачных прав. Однако не встречались нормы, устанавливающие ответственность за преступления против детей.

Основой регулирования по Русской Правде являлись имущественные отношения. Именно в Русской Правде закладывались основы семьи как общественного института. Впервые признается право опеки над сиротами из-за необходимости управления их имуществом причем за нарушение правил опеки устанавливалась имущественная ответственность опекуна [1, с. 46].

Следующими наиболее заметными кодифицированными источниками права являлись Статуты ВКЛ. Особое значение приобрел Статут ВКЛ 1588 г. в котором раздел 6 «О опеках» посвящен охране интересов детей-сирот. Отражая реалии феодального уровня развития общества, в разделе 6 закреплялись ограниченные права родителей по отношению к приемным детям, приводится перечень лиц, которые имеют право быть опекунами, а также устанавливаются условия и порядок содержания детей.

11 октября 1803 г. появился Указ, позволяющий бездетным дворянам усыновлять ближайших, но законнорожденных родственников «через передачу им при жизни фамилии и герба». Именно в этот период времени институт усыновления получил свое развитие в генеалогическом значении.

В начале XX в. усыновление стало приобретать новый вид: к ранее существовавшим правилам добавилось разрешение усыновления незаконнорожденных детей, причём распространялось такое разрешение на всех детей безотносительно вне зависимости от принадлежавшего сословия и вероисповедания. Усыновителями могли быть все лица за исключением обреченных на безбрачие [1, с. 98].

После распада СССР и провозглашения независимости Беларуси возник целый ряд проблем, затруднивших усыновление белорусских детей гражданами Беларуси. Реальная возможность обеспечить белорусских сирот семьями, особенно тех, которые нуждались в специальной медицинской помощи и которые исчерпали все шансы быть усыновленными в республике, заключалась в использовании международного усыновления. Причём количество обращений от иностранных граждан с просьбой об усыновлении белорусского ребенка постоянно увеличивалось. Во многом это было связано с оздоровлением за границей наших детей-сирот с территорий, подвергшихся загрязнению в результате аварии на Чернобыльской АЭС. В сложившейся ситуации самым разумным было использование возможности передачи детей на международное усыновление, но Республика Беларусь не имела на тот момент стабильной правовой базы для регулирования такого рода усыновлений, что могло повлечь за собой, да в ряде случаев и влекло, многочисленные нарушения прав и интересов ребенка [2, с. 55].

Большое внимание защите интересов семьи, в частности повышению уровня направленности борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью и усилению ограничения ответственности несовершеннолетних уделил принятый 4 марта 1920 г. Декрет «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в опасных действиях». На его основании в том же году была издана Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, обязывающая комиссии привлекать к ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и соучастие с ними, за сводничество, склонение к проституции и половым извращениям, за эксплуатацию труда несовершеннолетних и жестокое с ними обращение.

В первые годы независимого белорусского государства наряду с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), принятым в 1984 году, действовали десятки иных нормативных правовых актов, число

которых неуклонно росло. Несмотря на это вопрос упорядочения соответствующих общественных отношений не теряет своей актуальности и сейчас.

Именно в нормах современного административного права прослеживается взаимодействие с Кодексом Республики Беларусь о браке и семье. Ответственность за незаконное усыновление приобрела новый вид: системное определение незаконных действий по усыновлению, сведения о лицах, которые могут подлежать ответственности по данной статье и, конечно же, санкция.

Сегодня под усыновлением мы понимаем наиболее предпочтительную форму семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Усыновление – основанный на судебном решении юридический акт, в силу которого между усыновителем и усыновленным возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми [2, с. 101].

Согласно ст. 116 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (в ред. от 24.12.2015 г.) (далее – КоБС) [3] защита прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей и детей, находящихся в социально-опасном положении возлагается на органы опеки и попечительства.

Государство и соответствующие органы должны заботиться о том, чтобы исключить возможность незаконной передачи детей лицам, не имеющим прав заниматься их воспитанием. Ведь каждый ребёнок имеет право на обретение семьи, право не быть предметом незаконной деятельности.

Согласно действующему законодательству незаконное усыновление – действие по подбору и передаче детей на усыновление от имени и в интересах лиц, желающих их усыновить, осуществляемые лицом, не уполномоченным на это законодательством Республики Беларусь.

Изучив данную статью можно определить признаки незаконного усыновления, а именно: противоправные действия, выражающиеся в предоставлении детей на усыновление; неправомерная деятельность от имени или в интересах лиц, стремящихся усыновить детей-сирот; процедура, совершаемая лицом, не имеющим на это прав.

Незаконное усыновление как вид нарушения представляет собой единичное нарушение правил и условий устройства детей, без наличия корыстных целей, попадает под действие статьи 9.5 КоАП Республики Беларусь [4] и карается наложением штрафа от 30 до 500 базовых величин (для физических лиц – от 30 до 50 БВ, для юридических лиц – от 100 до 500 БВ).

На практике перечень лиц, которые могут быть усыновителями не ограничен. Это могут быть как супружеские пары, одинокие мужчины и женщины, но нет ни слова про лиц больных хроническим алкоголизмом и наркоманией, лиц лишенных родительских прав, либо нарушивших обязанности усыновителей, опекунов, попечителей, и, конечно же, лиц имеющих судимость. Именно эта неясность в будущем может привести к конфликтам.

Особое внимание стоит обратить на неуполномоченных лиц. При отсутствии полномочий рассматривать возможность действовать от имени другого лица, либо добавить такой элемент как превышение своих полномочий, но только не в корыстных целях. Такими намерениями могут быть здоровье, свобода, честь и достоинство личности, конституционные права и свободы человека.

Все эти недостатки действующей нормы административного законодательства позволяют расширить перечень актуальных проблем. Главным путем к предотвращению этих недочетов является внесение изменений в норму КоАП.

Проанализировав исторический обзор развития преступности против семьи и несовершеннолетних, а также становление административной ответственности за незаконное усыновление можно сделать следующий вывод: свое начало преступность берет в X в. что отражено в нормах того времени, но наивысшее проявление достигла в XVII в. Административной ответственности за незаконное усыновление до XX в. не существовало. Она принимала вид уголовно-правовой. С принятием нового КоАП, она нашла своё отражение в статье 9.5, но оставила без разрешения множество вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. Рогов, В. А. История государства и права IX - нач. XX веков : учеб. пособие / В. А. Рогов. – М. : Проспект, 2012. – 444 с
6. Круглов, В. А. Семейное право Республики Беларусь : учеб. пособие / В. А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2014. – 264 с.
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : Кодекс Респ. Беларусь 21 апр. 2003 г. № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

У. Б. ВОРОБЕЛЬ

Львов, Украина, Львовский государственный университет внутренних дел

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУДЕБНОГО СБОРА В СВЯЗИ С ПРЕКРАЩЕНИЕМ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Одной из гарантированных Конституцией Украины принципов осуществления судопроизводства является принцип обеспечения права на апелляционный пересмотр дела (п. 8 ч. 1 ст. 129 Конституции Украины). Это конституционное положение законодателем конкретизируется, в частности, в ст. 13 Гражданского процессуального кодекса Украины (далее – ГПК Украины), в соответствии с которой лица, участвующие в деле, а также лица, не принимавшие участие в деле, если суд решил вопрос об их правах и обязанностях, имеют право на апелляционное и кассационное обжалование судебных решений в случаях и порядке, установленных ГПК Украины.

Для обеспечения реализации отмеченного принципа законодателем была внедрена целая система норм, регулирующих саму процедуру пересмотра судебных решений, и направленных на обеспечение законности и обоснованности судебных решений. Однако законодательная регламентация процедуры апелляционного пересмотра судебных решений не только гарантирует лицу право на законное и обоснованное судебное решение, но и обеспечивает ему возможность самому влиять на движение дела и определять последующую судьбу всего процесса. В частности, благодаря предусмотренной возможности использования в апелляции таких диспозитивных прав

как: отказ истца от иска, заключение сторонами мирового соглашения, отозвание апелляционной жалобы и отказ апелланта от апелляционной жалобы.

В соответствии с ч. 4 ст. 300 ГПК Украины лицо, подавшее апелляционную жалобу, имеет право в течение всего времени рассмотрения дела отказаться от нее полностью или частично. Вопрос о принятии отказа от апелляционной жалобы и прекращении в связи с этим апелляционного производства решается апелляционным судом, который рассматривает дело, в судебном заседании. Повторное обжалование этого решения по тем же основаниям не допускается.

Принимая отказ апелланта от апелляционной жалобы, и прекращая в связи с этим апелляционное производство, суд выносит об этом постановление.

Общие правила возвращения оплаченных сумм судебного сбора регулируются ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе» [2], в соответствии с которой оплаченная сумма судебного сбора возвращается за ходатайством лица, оплатившего его, на основании постановления суда в случае: 1) уменьшения размера исковых требований или внесения судебного сбора в большем размере, чем установлено законом; 2) возвращения заявления или жалобы; 3) отказа в возбуждении производства по делу в суде первой инстанции, апелляционного и кассационного производства; 4) оставления заявления или жалобы без рассмотрения (кроме случаев, если такие заявления или жалобы оставлены без рассмотрения в связи с повторной неявкой или когда истец покинул зал судебного заседания без уважительных причин и не подавал заявление о рассмотрении дела в его отсутствие; 5) прекращения производства по делу (кроме случаев, если производство по делу закрыто в связи с отказом истца от иска и такой отказ признан судом), в том числе в апелляционной и кассационной инстанциях.

Следует отметить, что Высший специализированный суд Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел в Постановлении Пленума «О применении судами законодательства о судебных расходах в гражданских делах» № 10 от 17.10.2014 года указал, что перечень оснований для возвращения судебного сбора исчерпывающий.

Вопрос о возвращении оплаченной суммы судебного сбора решается судом по результатам рассмотрения дела по ходатайству лица, которое его оплатило, что соответствует принципу диспозитивности гражданского судопроизводства. О таком возвращении отмечается: в постановлении о возвращении иска или отказе в возбуждении производства по делу; в резолютивной части судебного решения, которым заканчивается рассмотрение дела по существу (при этом, в его мотивировочной части наводятся основания возвращения суммы судебного сбора по Закону Украины «О судебном сборе»); в постановлении о возвращении суммы судебного сбора, постановленной как отдельный процессуальный документ.

При этом поданный заявителем платежный документ, подтверждающий уплату судебного сбора, возвращается заявителю, а к материалам дела присоединяется должным образом удостоверенная копия такого документа. О замене отмеченного документа копией делается соответствующая отметка в описи дела.

Законом Украины «О судебном сборе» не предусмотрено предельного срока возвращения оплаченной суммы судебного сбора [3, с. 20].

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе» прекращение производства по делу в апелляционные инстанции является основанием для возвращения судебного сбора. В настоящее время в гражданском процессуальном законодательстве Украины единственным основанием прекращения апелляционного производства предусмотрено отказ апелланта от апелляционной жалобы, в связи с чем

на практике возникает дискуссия относительно возможности применения института возвращения судебного сбора во время прекращения апелляционного производства.

Так, одна часть судей (следует отметить, что такая позиция является доминантной в судебной практике), исходя из буквального толкования п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе», при заявлении апеллянтом соответствующего ходатайства, возвращают судебный сбор при прекращении апелляционного производства.

Например, Апелляционный суд Черниговской области, рассмотрев заявление о возвращении судебного сбора по делу за апелляционной жалобой на постановление судьи Деснянского районного суда г. Чернигова от 04 февраля 2016 года, постановил вернуть апеллянту судебный сбор в сумме 275 грн. 60 коп., исходя из того, что в соответствии с предписаниями п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе», оплаченная сумма судебного сбора возвращается за ходатайством лица, которое его оплатило, по постановлению суда в случае прекращения производства по делу (кроме случаев, если производство по делу прекращено в связи с отказом истца от иска и такой отказ признан судом), в том числе в апелляционной и кассационной инстанциях [4].

Апелляционный суд Ивано-Франковской области, ознакомившись с ходатайством о возвращении судебного сбора в деле по иску о взыскании алиментов, дополнительных расходов, на содержание совершеннолетней дочери, которая продолжает учебу, и пени за несвоевременную уплату алиментов, руководствуясь п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе», постановил вернуть оплаченную за апелляционную жалобу сумму судебного сбора в размере 535,92 грн. [5].

Такой же позиции при решении ходатайства о возвращении судебного сбора при прекращении апелляционного производства придерживаются и другие суды Украины, в частности, Апелляционный суд Волынской области [6], Апелляционный суд Киевской области [7] и другие.

В противовес первой группе, вторая группа судей считает, что Законом Украины «О судебном сборе» вообще не предусмотрена возможность возвращения оплаченного судебного сбора в случае отказа заявителя от апелляционной жалобы.

Так, например, Апелляционный суд Днепропетровской области, отказывая в удовлетворении заявления о возвращении судебного сбора за апелляционную жалобу на решение Амур-Нижнеднепровского районного суда м. Днепропетровска от 25 декабря 2015 года, отметил, что Законом Украины «О судебном сборе» не предусмотрена возможность возвращения оплаченного судебного сбора в случае отказа заявителя от апелляционной жалобы [8].

Такую же позицию занял и Апелляционный суд Ровенской области, который рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу на решение Ровенского городского суда Ровенской области от 11 декабря 2015 года по иску об отмене решения органа опеки и попечительства и установления способа участия отца в воспитании ребенка, отказал в возвращении судебного сбора за подачу апелляционной жалобы, поскольку, по мнению суда, ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе» не предусмотрен случай возвращения судебного сбора в случае отказа от апелляционной жалобы [9].

Действительно, если рассматривать норму, закрепленную п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе», буквально, отдельно, не связывая ее с другими нормами самого закона и соответствующими институтами всего гражданского процессуального законодательства, то можно говорить о возможности возвращения судебного сбора апеллянту в случае его отказа от апелляционной жалобы и прекращения в связи с этим апелляционного производства.

Однако в этом вопросе следует исходить из системной, последовательной и комплексной трактовки этой нормы. Прежде всего, следует учитывать, что отказ от апелляционной жалобы – это одно из распорядительных прав апелланта, реализация которого возможна благодаря диспозитивным принципам гражданского судопроизводства. Однако использование таких прав возлагает на лицо и соответствующие обязательства, в частности осознание последствий своих действий. Одним из таких последствий, по нашему мнению, и должно быть отсутствие у апелланта возможности хлопотать о возвращении судебного сбора за подачу апелляционной жалобы в связи с прекращением апелляционного производства в связи с отказом последнего от апелляционной жалобы. Это, с одной стороны, будет дисциплинировать апелланта, как от безосновательного обжалования судебных решений, так и от злоупотребления ими своими процессуальными правами, а с другой стороны – уравнивает апелланта с другими участниками апелляционного производства, которые понесли, определены судебные расходы в связи с их участием в деле. Поэтому, по нашему мнению, в гражданском процессуальном законодательстве Украины (в ст. 7 Закона Украины «О судебном сборе» или в соответствующей норме ГПК Украины) должна быть закреплена норма, предусматривающая, что в случае прекращения апелляционного производства в связи с отказом апелланта от апелляционной жалобы, последнему не возвращается судебный сбор за подачу апелляционной жалобы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 года (со следующими изменениями и дополнениями) // Известия Верховной Рады Украины. – 2004. – № 40–42, 42. – ст. 492.
2. О судебном сборе : Закон Украины № 3674-vi от 08 июля 2011 года // Известия Верховной Рады Украины. – 2012. – № 14. – ст. 87.
3. О применении судами законодательства о судебных расходах в гражданских делах : Постановление Пленума Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и криминальных дел № 10 от 17.10.2014 года // Журнал гражданского и криминального судопроизводства. – 2014. – № 6 (21). – С. 6–23.
4. Постановление Апелляционного суда Черниговской области от 19.08.2016 года по делу № 750/645/16-ц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/59821486> 5.
5. Постановление Апелляционного суда Ивано-Франковской области от 31.08.2016 года по делу № 344/16390/15-ц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/60155258>
6. Постановление Апелляционного суда Волынской области от 03.09.2016 года по делу № 0308/18539/12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/61172922>
7. Постановление Апелляционного суда Киевской области от 03.02.2016 года по делу № 381/4952/15-ц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/55547273>
8. Постановление Апелляционного суда Днепропетровской области от 21.09.2016 года по делу № 199/2630/15-ц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/61435233>

9. Постановление Апелляционного суда Ровенской области от 30.03.2016 года по делу № 569/8652/15-ц [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/56821210>

С. О. ГРУНТОВ

Минск, Белорусский государственный университет

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА АКЦИОНЕРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Институт акционерных соглашений был введен в белорусское законодательство Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 308-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам хозяйственных обществ» [1]. Предпринятую правовую регламентацию можно расценить как первый шаг в процессе поиска и закрепления одной из самых сложных форм осуществления корпоративных интересов, поэтому анализ предпосылок становления и развития института акционерных соглашений приобретает особое значение для дальнейшего развития законодательства в данной области.

Возникновение института акционерных соглашений в Республике Беларусь имеет под собой как социально-экономические, так и собственно юридические предпосылки.

Социально-экономические предпосылки заключаются в том, что при развитом фондовом рынке, акции крупных акционерных обществ выступают высоколиквидным активом, управление которым может приносить немалую прибыль. Следствием этого является вовлеченность инвесторов в управление своими капиталами с помощью различных инструментов. К числу таких инструментов относится акционерное соглашение, позволяющие инвесторам держать под контролем их инвестиции и получить компенсацию в случае, если кто-то из партнеров нарушит достигнутые договоренности. Многие крупные инвесторы ставят заключение акционерных соглашений с национальными акционерами в качестве условия выхода на рынок конкретного государства.

Таким образом, потребность в акционерных соглашениях объективно обусловлена спецификой экономической деятельности акционерных обществ. По мнению различных авторов, социально-экономическое значение акционерных соглашений заключается в обеспечении прогнозируемого развития компаний, предотвращении недружелюбных поглощений, минимизации конфликтных и тупиковых ситуаций, пресечении злоупотреблений и недобросовестного поведения партнеров [2; 3, с. 27].

Законодательство о хозяйственных обществах Республики Беларусь уже давно содержало в себе юридические предпосылки для введения института акционерных соглашений, поскольку его существование органически связано с реализацией акционерами принадлежащих им прав как участников общества и собственников акций. В частности, обоснованность введения института акционерных соглашений в гражданский оборот прямо следует из правил осуществления определенных прав акционера, для реализации которых акционеры должны владеть определенным числом акций. Речь идет как о правах акционеров, реализуемых самостоятельно вне общего собрания акционеров, так и правах, реализуемых посредством голосования на общем собрании акционеров. Владеющие недостаточным количеством акций акционеры должны координировать свои действия, чтобы реализовать определенные права. А это

подразумевает наличие договоренностей. Эффективному осуществлению прав акционеров как собственников акций способствуют различного рода соглашения о покупке (продаже) акций при наступлении определенных обстоятельств и на определенных условиях.

Важная юридическая предпосылка признания акционерных соглашений в отечественном законодательстве заключалась в необходимости обеспечить удовлетворение требований из акционерных соглашений, подчиненных иностранному праву, а также признание и приведение в исполнение решений иностранных судов, вынесенных по поводу таких соглашений в отношении акционерных обществ Республики Беларусь. Доминирующий в судебной практике подход, отрицающий существование договорных отношений внутри корпорации, не позволял этого сделать.

При том, что целесообразность введения института акционерных соглашений ни у кого не вызвала сомнения, оценка заложенных в проект, а также произошедших изменений с точки зрения возможности реального применения акционерных соглашений оказалась достаточно скромной. В ходе дискуссии представители доктрины и практические работники обратили внимание на целый ряд препятствий общего и частного характера, которые на данный момент не позволяют в полной мере использовать потенциал акционерного соглашения.

Обратим внимание на препятствия принципиального характера, в преодолении которых и заключаются, на наш взгляд, предпосылки развития и совершенствования института акционерных соглашений в Республике Беларусь на современном этапе.

Главное препятствие состоит в том, что договорное регулирование большинства условий, которые могут быть предусмотрены акционерным соглашением на основании ч. 2 ст. 90-1 Закона о хозяйственных обществах от 9 декабря 1992 г. № 2020 [4], вступает в противоречие с императивными нормами корпоративного законодательства. Так, в настоящее время существуют проблемы, связанные с исполнением и защитой условий акционерных соглашений, устанавливающих порядок обращения акций ЗАО.

Конечно, в определенной степени проблема может быть снята посредством придания соответствующим императивным нормам корпоративного законодательства диспозитивного характера. Но поскольку разрешительный метод регулирования не может учитывать всего многообразия возникающих на практике ситуаций, решение проблемы во многом зависит от изменения общего подхода в правоприменительной практике к квалификации норм в качестве императивных и диспозитивных. Считаем, что содержательная императивность формулировок действующего корпоративного законодательства не означает содержательной императивности. Поэтому толкование соответствующих норм должно осуществляться на основании таких фундаментальных принципов гражданского права как свобода договора, разумность и добросовестность участников гражданского оборота, диспозитивность гражданско-правового регулирования. Судьям следует не формально подходить к пониманию закона, а прибегать к смысловому (содержательному) толкованию нормы, исходя из заложенных в ней запретов или дозволений. Знакомство с зарубежным опытом регулирования акционерных соглашений убеждает в необходимости постепенного преодоления указанного препятствия в целях достижения акционерами большей свободы в осуществлении принадлежащих им прав.

Следующее препятствие на пути реализации акционерных соглашений заключается в том, что принимаемые на себя участниками акционерных соглашений обязательства негативного характера могут быть квалифицированы судом как отказ от принадлежащих им прав (п. 2 ст. 8 ГК) или ограничение правоспособности (п. 2 ст. 21

ГК) с последующим признанием условий соглашения недействительными. Но достижение акционерами определенных интересов как участников общества и собственников акций зачастую требует отказа от принадлежащих им прав или их ограничения в акционерном соглашении. Например, акционеры ОАО, могут быть заинтересованы в ограничении права свободно отчуждать акции посредством установления преимущественного права на покупку акций в пользу одного из инвесторов. Поэтому, следует согласиться с мнением А. Г. Карапетова в том, что соглашение может повлечь утрату права или блокирование его исполнения. При этом, если сторона приняла на себя обязательство не реализовывать принадлежащие ей права или не вступать в правоотношения с третьими лицами, то это не означает нарушения ее прав, прав третьих лиц или публичного порядка [5]. Учитывая сказанное, считаем, что существующая в ст. 90-1 Закона о хозяйственных обществах норма о том, что стороны акционерного соглашения обязуются осуществлять определенным образом права, удостоверенные акциями, и (или) права на акции и (или) *воздерживаться* от осуществления указанных прав не является достаточно оптимальной. Более предпочтительной является формулировка, содержащаяся в российском законодательстве, предоставляющая акционерам право *воздерживаться (отказываться)* от осуществления прав, удостоверенных акциями, и (или) прав на акции.

И наконец, серьезные проблемы в реализации акционерных соглашений в настоящее время связаны с отсутствием продуманной системы гарантий соблюдения акционерных соглашений, которая, с одной стороны, учитывала бы правовую природу акционерного соглашения, с другой, специфику обязательств, опосредуемых акционерным соглашением. Полагаем, что эффективная защита прав акционеров в акционерном соглашении должна основываться на взвешенном и продуманном сочетании средств, направленных на реальное достижение интереса участников акционерного соглашения, и средств компенсационного характера.

Надеемся, что успешное преодоление указанных препятствий будет способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию института акционерных соглашений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам хозяйственных обществ: Закон Республики Беларусь, 15 июня 2015 г., № 308-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Ибрагимов, Р. Исполнение акционерных соглашений в свете планируемых изменений законодательства / Р. Ибрагимов [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.clj.ru/journal/181/2726/>. – Дата доступа: 12.04.2016.
3. Булгаков, И. Соглашение между акционерами в российском праве: есть ли альтернатива? / И. Булгаков, Н. Никифоров // Корпоративный юрист. – 2006. – № 11. – С. 27-32.
4. О хозяйственных обществах: Закон Республики Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-ХП в ред. Закона от 10 янв. 2006 г. № 100-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Карапетов, А. Г. Правовая природа и последствия нарушения ковенантов в финансовых сделках / А. Г. Карапетов // Частное право и финансовый рынок: Выпуск 1. – М.: Статут, 2011. – С. 106-168.

А. А. ДУТКО

Львов, Украина, Львовский государственный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА БРАКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Брак – один из древнейших правовых институтов. Семейный кодекс Украины (далее – СК Украины [1]) в ст. 21 закрепляет понятие брака как семейного союза женщины и мужчины, зарегистрированного в органе государственной регистрации актов гражданского состояния. Ст. 12 Кодекса РБ о браке и семье [2] закрепляет положение о том, что брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных Кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности. Таким образом, Кодекс РБ о браке и семье дает более широкое определение брака по сравнению с СК Украины.

Признаки брака следующие:

- брак - это союз (не сделка, не договор, а именно союз) женщины и мужчины; - это разнополый союз; - это добровольный союз; - это равноправный союз женщины и мужчины, как относительно их личных прав, так и в отношении имущества, нажитого совместным трудом во время брака; - брак - это союз, который заключен с соблюдением определенных правил, установленных государством.

Под условиями заключения брака следует понимать такие обстоятельства, наличие которых необходимо для предоставления браку юридической (правовой) силы. В ст. 17 Кодекса РБ о браке и семье закреплено положение, согласно которому: для заключения брака необходимы взаимное согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий к заключению брака.

Различают положительные и отрицательные условия заключения брака. К положительным (необходимым, обязательным) условиям заключения брака относятся:

1) достижение брачного возраста. В Украине и РБ брачный возраст установлен в 18 лет. За законодательством Украины лица, желающие зарегистрировать брак, должны достичь брачного возраста на момент регистрации брака (ст. 22 СК). Но согласно ч. 2 ст. 23 СК Украины по заявлению лица, достигшего *шестнадцати лет*, по решению суда ему может быть предоставлено право на брак, если будет установлено, что это отвечает его интересам. Статьей 18 Кодекса РБ о браке и семье устанавливается, что в исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия *орган, регистрирующий акты гражданского состояния*, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, установленный частью первой настоящей статьи, но не более чем *на три года*. За законодательством обеих стран снижение брачного возраста производится по заявлению лиц, вступающих в брак, при этом согласия родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется;

2) добровольность брака (ст. 24 СК Украины) означает, что брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины, принуждение их к заключению брака не допускается;

3) еще одним условием заключения брака можно считать обязанность лиц, вступающих в брак, сообщить друг другу о состоянии своего здоровья. Такая обязанность возлагается на них ст. 30 СК Украины. Государство обеспечивает создание условий для медицинского обследования новобрачных. Результаты такого обследования являются тайной и сообщаются только им. Такое же положение закреплено в ч. 3 ст. 14 Кодекса РБ о браке и семье: лица, вступающие в брак, вправе до заключения брака пройти бесплатное медицинское обследование в государственных организациях здравоохранения в целях определения состояния их здоровья и выявления наследственных заболеваний в порядке, установленном Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

К негативным условиям (препятствиям) заключению брака СК Украины, как и Кодекс РБ о браке и семье, относит:

1) пребывание хотя бы одной из сторон в другом зарегистрированном браке (ст. 25 СК Украины). Женщина и мужчина могут одновременно находиться лишь в одном зарегистрированном в соответствующих органах браке, а право на повторный брак возникает у каждого из них только после прекращения предыдущего брака;

2) нахождение женщины и мужчины между собой в родственных связях прямой и в некоторых случаях боковой линии родства. Так, за ст. 26 СК Украины не допускается заключение брака: между родственниками прямой линии родства; между родными (полнородными и неполнородными) братьями и сестрами;

3) признание лица недееспособным (ч. 3 ст. 39 СК Украины). Эти запреты относятся к абсолютным запретам на вступление в брак.

К относительным запретам на вступление в брак, то есть к таким, при наличии которых при определенных условиях, брак может существовать, за законодательством Украины относятся: браки между двоюродными братьями и сестрами; между родными тетей, дядей и племянником, племянницей; между усыновителем и усыновленным; между детьми, которые были усыновлены усыновителем. По *решению суда* может быть предоставлено право на брак между родным ребенком усыновителя и усыновленным им ребенком, а также между детьми, которые были усыновлены им (ч. 4 ст. 26 СК Украины). В случае отмены усыновления допускается заключение брака между усыновителем и усыновленным им ребенком (п. 5 ст. 26 СК Украины). В ст. 19 Кодекса РБ о браке и семье закреплено положение, что не допускается заключение брака: между лицами, из которых хотя бы одно лицо состоит уже в другом браке, зарегистрированном в установленном порядке; между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными; между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным. Соккрытие лицом, вступающим в брак, обстоятельств, препятствующих его заключению, является основанием для признания брака недействительным.

Правопорождающим признаком брака есть его регистрация в органе РАГС. В законодательстве обеих стран закреплено, что признается только брак, заключенный в органах, регистрирующих акты гражданского состояния. Религиозные обряды, касающиеся вопросов брака и семьи, правового значения не имеют. Это правило не распространяется на совершенные до образования или восстановления органов, регистрирующих акты гражданского состояния, религиозные обряды и полученные в

их подтверждение документы о рождении, заключении брака, расторжении брака и смерти.

Разница в законодательном регулировании касается времени регистрации брака. В Украине брак регистрируется после истечения *одного месяца* со дня предоставления лицами заявления о регистрации брака. При наличии уважительных причин руководитель органа государственной регистрации актов гражданского состояния разрешает регистрацию брака до истечения этого срока. В случае беременности невесты, рождения ею ребенка, а также если есть непосредственная угроза для жизни невесты или жениха, брак регистрируется в *день представления* соответствующего заявления или в любой другой день по желанию жениха и невесты на протяжении одного месяца. Если есть сведения о наличии препятствий к регистрации брака, руководитель органа государственной регистрации актов гражданского состояния может отложить регистрацию брака, но не более чем на три месяца. Решение о таком отложении может быть обжаловано в суде.

Статьей 16 Кодекса РБ о браке и семье закреплено, что заключение брака происходит в срок, согласованный лицами, вступающими в брак, с органом, регистрирующим акты гражданского состояния, но не ранее чем через *три дня* и не позднее чем через *три месяца* со дня обращения.

В исключительных случаях, обусловленных беременностью, наличием общего ребенка или особыми обстоятельствами, брак может быть заключен до истечения трехдневного срока, в том числе в *день обращения*.

С июля 2016 года в 6 городах Украины Министерство юстиции Украины ввело проект-услугу «Брак за сутки», согласно которому зарегистрировать брак можно в день подачи соответствующего заявления.

Брак является основанием для возникновения прав и обязанностей супругов и не может быть основанием для предоставления лицу льгот или преимуществ, а также для ограничения его прав и свобод, установленных законами обеих стран.

Итак, несмотря на некоторые различия в законодательном регулировании института брака, имеющим правовые последствия, порождающим возникновение между супругами взаимных прав и обязанностей, предусмотренных брачно-семейным законодательством, является брак, зарегистрированный в органах государственной регистрации актов гражданского состояния с соблюдением установленных законом требований и порядка регистрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III с изменениями и дополнениями // Відомості Верховної Ради України. – 2002. - № 21-22. - ст.135.

2. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 278-3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://kodeksy.by/kodeks-o-brake-i-semie>

И. А. КОЗИКОВА

Минск, Белорусский государственный университет

ОГРАНИЧЕНИЕ ДОГОВОРНОЙ СВОБОДЫ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ПУБЛИЧНЫХ ДОГОВОРОВ

Проблематика договорной свободы является актуальной для современного белорусского гражданского права. Свобода договора выступает основным началом гражданского законодательства, закрепленном в ст. 2, и получившим развитие ст. 391

Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в том числе, основой для предпринимательской и хозяйственной деятельности субъектов гражданского права.

Право на свободное заключение договора является правом особого рода, имеющим основополагающее значение и входящим по своей сущности в разряд конституционных. Право на свободное заключение договора носит неисчерпаемый характер, может реализовываться множество раз, призвано обеспечить динамику гражданско-правовых отношений и является несущей конструкцией гражданско-правового регулирования общественных отношений, без которого невозможна полноценная реализация прав, входящих в содержание гражданской правоспособности.

Исходя из легального раскрытия принципа свободы договора на уровне ГК, можно выделить следующие составляющие принципа свободы договора: право заключить либо не заключать договор, право выбора модели заключаемого договора, право на свободное определение содержания договора, то есть его договорных условий. В доктрине традиционно принцип свободы договора дополняется правом на выбор контрагента.

Существуют законодательные ограничения права свободного заключения договора, одни из которых установлены правилами на заключение гражданско-правового договора в обязательном порядке, частным случаем которого выступает конструкция «публичного договора» (ст. 396 ГК).

Публичный договор не является самостоятельным видом договора, поскольку предназначен для установления специального порядка заключения гражданско-правовых договоров в определенных сферах с отступлением от общего принципа свободы договора. Применение данной конструкции позволяет отступить от договорной свободы в тех ситуациях, когда необходима защита экономически более слабой стороны.

Рассматривая традиционно выделяемые составляющие свободы договора применительно к публичному договору, следует отметить следующее:

1) свобода решения заключать договор или нет применительно к публичному договору отсутствует для оферента, так как в соответствии с п. 3 ст. 396 ГК, отказ коммерческой организации от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары (работы, услуги) не допускается;

2) свобода выбора контрагента отсутствует, так как в соответствии с п.1 ст. 396 ГК, организация по характеру своей деятельности должна заключить договор с каждым, кто к ней обратится, при этом коммерческая организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора, кроме случаев, предусмотренных законодательством;

3) свобода определения вида договора присутствует для организации только на этапе определения своей сферы деятельности, в последующем стороны при заключении договоров в порядке, установленном ст. 396 ГК, руководствуются уже определенной моделью;

4) свобода в формировании условий договора имеет место, однако ограничена. Организация в большинстве случаев изначально самостоятельно определяет условия договора, однако не может изменять их в дальнейшем, поскольку в соответствии с п. 1 ст. 396 ГК как цена товаров, работ и услуг, так и иные условия публичного договора устанавливаются одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, когда законодательством допускается предоставление льгот для отдельных категорий потребителей. Кроме того, следует обратить внимание, что существуют утвержденные

Правительством Республики Беларусь типовые формы, обязательные к применению, которые существенно ограничивают право сторон на свободное формирование договорных условий.

Отнесение договора к категории «публичных» возможно:

1) в силу прямого предписания законодательства (например, в ГК содержатся указания относительно публичности таких договоров, как договора розничной купли продажи (п. 2 ст. 462 ГК), договора проката (п. 3 ст. 587 ГК), договора перевозки транспортом общественного пользования (п. 3 ст. 743 ГК), договора складского хранения, заключаемого товарным складом общего пользования (п. 2 ст. 796 ГК), договора хранения в ломбарде вещей, принадлежащих гражданину (п. 1 ст. 809 ГК), договора хранения вещей в камерах хранения транспортных организаций (п. 1. ст. 813 ГК);

2) в силу наличия в совокупности следующих критериев:

а) договор заключен коммерческой организацией;

б) договор подлежит заключению с каждым, кто обратится (неопределенным кругом лиц);

в) условия публичного договора одинаковы для всех.

При отсутствии любого из указанных условий договор будет относиться к категории свободных.

Анализируя закрепленные законодателем признаки публичного договора, следует обратить внимание на то, что согласно содержащемуся в ст. 396 ГК определению, публичные договоры могут заключаться только коммерческими организациями. Таким образом, исходя из буквального толкования, на индивидуальных предпринимателей и некоммерческие организации анализируемые ограничения договорной свободы не распространяются. Такой подход представляется необоснованным, так как продажа товаров, оказание услуг либо выполнение работ в потребительской сфере широко распространены прежде всего среди индивидуальных предпринимателей. Таким образом, потребитель, являясь слабой стороной, при заключении договора с субъектом хозяйствования, не являющимся коммерческой организацией, остается незащищенным. Для сравнения, в ст. 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, тем самым расширен субъектный состав публичного договора в сравнении с белорусским законодательством. Представляется, что подход российского законодателя более обоснован с точки зрения обеспечения защиты слабой стороны договора.

Следует также заметить, что используемый в ст. 396 ГК термин «потребитель» не соответствует значению аналогичного понятия, в Законе Республики Беларусь «О защите прав потребителей». В соответствии с названным законом, потребителем признается физическое лицо, имеющее намерение заказать или приобрести либо заказывающее, приобретающее товар (работу, услугу) или использующее товар (результат работы, услугу) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Применительно к ст. 396 ГК, потребителями могут быть как физические, так и юридические лица, если они выступают в качестве конечного потребителя товаров, работ либо услуг, предоставляемых оферентом.

В рамках исследуемой проблематики считаем необходимым обозначить проблему, связанную с применением норм ГК о типовом договоре, поскольку типовой договор упоминается в ГК в связи с публичным договором. Пунктом 4 ст. 396 ГК установлено,

что в случаях, предусмотренных законодательными актами, Правительство Республики Беларусь может издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, положения). Условия публичного договора, не соответствующие типовому договору, утвержденному Правительством, признаются ничтожными (п. 5 ст. 396 ГК). Соответственно, учитывая, что п. 4 ст. 396 ГК является единственной статьей ГК, в которой упоминается типовой договор, можно сделать вывод о том, что категории «публичного» договора и « типового» договора являются тесно взаимосвязанными, и что каждый типовой договор является публичным. Однако данный вывод опровергается имеющей место практикой. Правительством утверждаются типовые формы для договоров, которые не относятся к категории «публичных», тем самым нарушается установленная ГК связь между категориями публичного и типового договора. Например, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 июля 2012 года № 632 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 6 января 2012 г. № 17 утверждена типовая форма договора «Об оказании Департаментом охраны МВД Республики Беларусь охранных услуг по охране объектов (имущества) юридических лиц или индивидуальных предпринимателей сотрудниками и (или) гражданским персоналом военизированной и (или) сторожевой охраны». Как следствие, для сторон является актуальным вопрос о признании заключаемого договора публичным и, соответственно, о возможности внесения изменений и дополнений в типовую форму договора. На практике по отдельным категориям договоров контрагенты не допускают внесение изменений в типовую форму при заключении договора, апеллируя к категории публичного договора, хотя, исходя из трактовки белорусского законодательства и анализа доктринальных источников, заключаемый договор таким не является.

Полагаем, что возможность внесения изменений в типовую форму договора зависит от признания такого договора публичным. Если утвержденный типовой договор не является публичным, то стороны могут отступать от его условий, реализуя принцип свободы договора, а в случае возникновения разногласий обращаться в суд за разрешением спора в порядке, предусмотренном ст. 415 ГК. С целью обеспечения единообразного подхода к соотношению категорий «публичный договор», « типового договора», «заключение договора в обязательном порядке», а также учитывая, что практика применения данных категорий пошла по пути использования категории « типового договора» не только по отношению к «публичному договору», предлагаем на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь определить способы и порядок использования типовых договоров, определить соотношение категорий «публичный договор» и « типового договора», разъяснить возможность изменения условий типового договора в случае не отнесения его к категории публичных и разрешения споров в порядке, установленном ст. 415 ГК.

М. А. КОЛЕСОВА-ГУДИЛИНА

Минск, Белорусский государственный университет

СРОК ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

До недавнего времени срок охраны фотографических произведений был меньше, чем для других объектов авторского права. Причину такого разделения в 1911 году озвучила Комиссия Государственного Совета: «фотографическое произведение, как бы

ни было оно художественно, не в состоянии дать того отпечатка личности художника, который даётся, например, живописью. Особенности кисти и сочетания красок живописца дают сразу представление о самом авторе произведения. Затем, доступность пользования фотографическим способом, возможность одновременного выпуска в свете этого рода произведений в значительном количестве экземпляров; занятие фотографией преимущественно как промыслом, благодаря чему охраной закона ... пользуются собственники фотографических фирм, а не фотографы-художники». Со временем сроки охраны фотографий изменились, обусловлено это, прежде всего, тем, что все большее внимание уделялось фотографии как объекту авторского права. Следовательно, и срок охранный шел только в сторону увеличения.

На данный момент срок охраны всех произведений был увеличен до 50 лет после смерти автора, согласно статье 20 Закона «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. (далее - Закон).

Особый интерес представляют фотографии, выпущенные в свет анонимно или под псевдонимом. Предусмотренный Законом усложненный вариант исчисления срока охраны в отношении анонимных фотографий и обозначенных псевдонимом, означает, что такие произведения изначально охраняются в течение 50 лет с момента создания. Если в течение этого срока произведение не станет доступно публике путем опубликования или сообщения для всеобщего сведения или личность автора не станет достоверно известна, то произведение переходит в общественное достояние. Если в течение 50 лет с момента создания такое произведение будет опубликовано или доведено до всеобщего сведения, то срок его охраны увеличивается и составляет 50 лет уже соответственно с даты опубликования или даты доведения до всеобщего сведения. Фотографии, выпущенные в свет анонимно или под , охраняются в течение 50 лет с момента первого правомерного опубликования произведения. Формулировка «первое правомерное опубликование» означает осуществленное с согласия автора первое предложение публике экземпляров фотографии в количестве, удовлетворяющем разумные потребности публики, путем продажи, проката или иной передачи права собственности. Закон не уточняет, должно ли первое опубликование иметь место на территории Беларуси. Учитывая то, что в соответствии со ст. 5 Закона национальный режим охраны предоставляется любому произведению независимо от гражданства автора и места опубликования произведения, первое опубликование, с момента которого исчисляется срок действия авторского права в отношении фотографий, выпущенных в свет без указания подлинного имени автора, может иметь место и за пределами Республики Беларусь. При этом если в течение 50 лет с момента создания анонимной фотографии или обозначенной псевдонимом, будет и опубликована, и сообщена для всеобщего сведения, то 50-летний срок охраны исчисляется именно с даты опубликования, независимо от того, что имело место раньше - опубликование или доведение до всеобщего сведения.

В области международного права ситуация с общим сроком правовой охраны до недавнего времени была несколько иная: ст. 12 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации) допускает уменьшенный срок охраны фотографий. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. требует охранять фотографии не менее 25 лет с момента создания. Но ситуация меняется: Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности об авторском праве от 20 декабря 1996г., наконец, предусматривает запрет ограничения срока охраны фотографических произведений, те же положения предусматривает

Директива Европейского союза от 29 октября 1993 г. «Об унификации сроков охраны авторского права и некоторых смежных прав». Таким образом, на международном уровне признание необходимости равного срока охраны прав фотографов всё-таки находит отклик и в скором времени можно будет ожидать внесения соответствующих изменений в законодательства большинства стран.

И. И. МАКАРЕВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛ В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Проблемам интеллектуальной собственности мировое сообщество уделяет с каждым годом все больше внимания.

Не является исключением в этом и Республика Беларусь. С целью обеспечения правильного и своевременного рассмотрения и разрешения данной категории дел в Республике Беларусь в 2000 г. при Верховном Суде Республики Беларусь начало свое функционирование специальное подразделение Верховного Суда Республики Беларусь – судебная коллегия по патентным делам. Кодексом Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» от 29.06.2006 г. № 139-3 (ред. от. 12.01.2014 г.) судебная коллегия по патентным делам Верховного Суда Республики Беларусь была переименована в судебную коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь [1].

Стоит отметить, что данное специализированное подразделение фактически не имеет аналогов ни в одном постсоветском государстве. В Российской Федерации действует специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам.

Создание судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности при Верховном Суде Республики Беларусь, рассматривающей дела в области споров, связанных с интеллектуальной собственностью в качестве первой инстанции и по вновь открывшимся обстоятельствам: во-первых, свело до минимума нарушения процессуальных сроков рассмотрения дел указанной категории, во-вторых, то, что правосудие стало доступным для тех лиц, которые ранее были лишены права на судебное обжалование действий патентного органа, связанных с выдачей или отказом в выдаче документа об охране права на объект интеллектуальной собственности, а также обеспечило единообразное применение законодательства, регулирующего вопросы патентного права [3].

Кроме того, по сообщению пресс-службы Верховного Суда Республики Беларусь, в I полугодии 2016 г. в производстве судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда находилось 66 дел, из которых 33 дела составили споры в области авторского права и смежных прав, 33 дела – споры в области права промышленной собственности. По сравнению с аналогичным периодом 2015 года количество дел, находящихся в производстве коллегии, уменьшилось на 2 дела [2].

Вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что судьи коллегии обеспечивали на должном уровне защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц в области промышленной собственности и авторского права.

Тем не менее, существует ряд проблем судебного разрешения дел в области интеллектуальной собственности, а именно:

- отсутствует возможность фактического обжалования решения коллегии по делам в кассационном порядке. Решения могут быть обжалованы и опротестованы прокурором только в порядке судебного надзора, поскольку вступают в силу немедленно после провозглашения;

- повышенные ставки государственной пошлины, которой оплачиваются заявления и жалобы, что, в свою очередь, является сдерживающим фактором, ограничивающим возможность обращения в коллегию за судебной защитой, особенно для физических лиц;

- отсутствие возможности рассмотрения единолично судьей споров, не представляющих собой особой сложности. Все без исключения дела в коллегии рассматриваются в составе трех судей, что не всегда вызывается необходимостью;

- вопрос исполнения наших решений на территории других государств. В тех случаях, когда имеется соответствующее международное соглашение между Республикой Беларусь и страной, в которой должно исполняться решение судебной коллегии, трудностей нет. Эти решения исполнены. Другой вопрос, когда такого соглашения (договора) нет.

Однако, несмотря на вышеизложенные недостатки по вопросам судебного разрешения дел в области интеллектуальной собственности в Республике Беларусь произошли существенные изменения как в законодательном регулировании вопросов правовой охраны и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, так и в организационной структуре судебной системы в связи с необходимостью совершенствования правосудия в сфере защиты интеллектуальных прав, повышения его эффективности и качества, а также обеспечения единообразия судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей» от 29.06.2006 г. № 139-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

2. Количество дел, рассматриваемых судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://court.by/justice/press_office/d9a3cbb9cba2f63a.html. – Дата доступа : 02.11.2016.

3. Шкурдюк, Ж. Б. О компетенции судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного суда / Жанна Шкурдюк // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. – 2014. – № 3. – С. 6-12.

4. Кодекс Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей» от 29.06.2006 г. № 139-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.

5. Количество дел, рассматриваемых судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://court.by/justice/press_office/d9a3cbb9cba2f63a.html. – Дата доступа : 02.11.2016.

6. Шкурдюк, Ж. Б. О компетенции судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного суда / Жанна Шкурдюк // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. – 2014. – № 3. – С. 6-12.

Е. А. МАТВЕЕВА

Горки, Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАНИНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Каждый человек ежедневно выступает участником в тех или иных правоотношениях. В гражданских правоотношениях он также является одним из субъектов. Человека, как участника таких правоотношений, называют гражданином. Важно отграничивать понятие гражданина, основанного на отношении человека к гражданству (подданству) конкретной страны, от понятия физического лица, которое в свою очередь включает в себя граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства.

Важным является вопрос исследования правовой сущности физического лица, выраженной понятием правосубъектности, состоящей из правоспособности и дееспособности [1, с. 102]. Последние элементы вызывают дискуссии среди белорусских и российских учёных-юристов. Например, частичная дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 0 до 14 лет имеет законодательное закрепление в Республике Беларусь, в то время как в российском гражданском законодательстве эта группа подразделяется на недееспособных и частично дееспособных.

В гражданском праве под определением физического лица понимаются не только граждане Республики Беларусь, но и иностранные граждане и лица без гражданства. Для определения, какими качествами должен обладать гражданин, служит понятие гражданской правосубъектности. Гражданская правосубъектность, в свою очередь, состоит из двух элементов: правоспособности и дееспособности, которые обладают рядом специфических особенностей.

Гражданская правоспособность определяется как способность иметь гражданские права и нести обязанности. Основанием возникновения гражданской правоспособности является факт рождения человека, но законом предусмотрены случаи, когда гражданскими правами обладает ещё не родившийся человек. Так в соответствии с гражданским законодательством наследником по завещанию и закону может быть гражданин, зачатый при жизни наследодателя и родившийся живым после открытия наследства [2]. Важным признаком гражданской правоспособности является то, что все граждане обладают ею в равной мере, но зачастую законом предусмотрено, что способность иметь некоторые гражданские права возникает у человека в силу достижения им определенного возраста. Например, лица до 14 лет не обладают таким объемом правоспособности, как совершеннолетние. В частности, в соответствии с гражданским законодательством, лица в возрасте до 14 лет вправе совершать только мелкие бытовые сделки, в то время как совершеннолетние могут совершать все сделки, не запрещенные законодательством.

Правоспособность признается за гражданином законом, поэтому гражданин не вправе в какой бы то ни было форме отказаться от правоспособности или ограничить её. Но, тот факт, что гражданин не может самостоятельно ограничить свою правоспособность, вовсе не

означает, что такое ограничение невозможно на законодательном уровне. Так, уголовным законодательством предусмотрено применение наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью [3]. Здесь следует помнить, что это частичное ограничение правоспособности и закон не предусматривает лишения гражданской правоспособности в целом. Единственное, на наш взгляд, узаконенное полное лишение правоспособности существует в одном из конституционных и уголовно-правовых положений, но чтобы рассмотреть это предположение, следует перейти к основаниям прекращения правоспособности.

Прекращается гражданская правоспособность в связи со смертью гражданина. Однако нам представляется необходимым ввести подразделение на два вида: физическая (фактическая) смерть гражданина и «юридическая» смерть гражданина. Если с фактической смертью человека никаких осложнений не возникает, то для «юридической» смерти гражданина требуется объявление судом гражданина умершим. Но независимо от этого последствия одинаковы – гражданская правоспособность прекращается.

Вернемся к вышеупомянутому предположению. По нашему мнению, как конституционным, так и уголовным правом, закреплено ещё одно основание полного прекращения-лишения гражданской правоспособности, о котором нет упоминаний в литературе. Речь идёт о смертной казни. Ч. 3 ст. 24 Конституции Республики Беларусь гласит, что смертная казнь до её отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [4]. В случае вынесения смертного приговора и приведения его в исполнение не имеется признаков ни фактической, ни «юридической» смерти. Жизнь прекращается не в силу физической смерти, не по причине объявления его «юридически» умершим – государство применяет к преступнику высшую меру уголовной ответственности – смертную казнь, осуществляемую путём расстрела. С исполнением смертного приговора человек, по нашему мнению, вместе с жизнью, полностью лишается и гражданской правоспособности. Кроме того нарушаются права родственников лица, в отношении которого смертный приговор был приведен в исполнение.

Гражданская дееспособность также имеет ряд отличительных особенностей, связанных с наступлением определенного возраста, а также психофизическим состоянием гражданина [5, с. 154]. Исходя из того, что эти критерии влияют на объем дееспособности, условно выделяют следующие группы граждан: полностью дееспособные, частично дееспособные (несовершеннолетние), ограниченно дееспособные и недееспособные. Помимо частичной дееспособности у несовершеннолетних, существует понятие ограниченной дееспособности и недееспособности среди совершеннолетних граждан. Так, гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен в дееспособности судом. В свою очередь недееспособным может быть признан гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. Над такими гражданами в обязательном порядке устанавливается опека или попечительство.

По результатам исследования возникли предложения к более глубокому исследованию некоторых вопросов. Считаем необходимым ввести разграничение несовершеннолетних в возрасте до 14 лет на две группы: недееспособных (от 0 до 6 лет) и частично дееспособных (от 6 до 14 лет). Это необходимо по той причине, что в силу своего развития ребёнок до 6 лет не может обладать даже такой узкой дееспособностью, которой обладает согласно белорусскому законодательству. Также считаем верным полагать, что вопрос смертной казни требует особого рассмотрения на уровне не только конституционного и уголовного,

но и гражданского права, ведь смертная казнь является одним из видов смерти человека, а вместе с тем – прекращением гражданской правоспособности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колбасин, Д. А. Гражданское право. Общая часть: учеб. пособие. / Д. А. Колбасин. - Минск: ФУАинформ, 2009.- 592 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-3: в ред. Закона Республики Беларусь от 31 декабря 2014 г. № 226-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2016.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 09 июля 1999 г., № 275-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.12.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). - Минск: Алмафея, 2005. – 48 с.
5. Пушкин, В. И. Гражданское право. Общая часть: курс лекций / В. И. Пушкин, И. И. Шматков. – Витебск: УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2008. – 248 с.

М. В. МЕЩАНОВА

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ХАРАКТЕРНОГО ИСПОЛНЕНИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Возникновение концепции характерного исполнения (characteristic performance) датируется примерно серединой XX века. Среди ее основоположников следует назвать швейцарских ученых Ф. Вишера [1] и А. Шнитцера [2]. Создатели концепции не без оснований полагали, что коллизионное регулирование договорных отношений страдает от часто встречающегося расщепления обязательственного статута (место заключения и место исполнения контракта), а также от слишком широкого судейского усмотрения при применении принципа «наиболее тесной связи» или толковании гипотетической воли сторон. Кроме того необходим «уход от чисто догматического обоснования коллизионных решений в пользу функционального анализа различных видов гражданско-правовых договоров и их социально-экономической роли» [3, с. 369]. При этом основным вопросом, который предстояло разрешить, стал вопрос о том, какая из сторон договора будет исполнять наиболее значимое обязательство. Как известно, большинство договоров являются двусторонними (взаимными), что означает, что каждая из сторон имеет обязательства, требующие исполнения в пользу другой стороны. Вместе с тем одна из сторон всегда выполняет обязанности, которые можно представить как своеобразный платеж за действия другой стороны (передачу товара, передачу имущества во временное владение и пользование, выполнение работы, оказание услуги и др.). Указанный платеж чаще всего имеет денежную форму, но может также выражаться и во встречной передаче товара, выполнении работы, или

оказании услуги. Например, арендатор вносит арендную плату не деньгами, а производит капитальный ремонт арендованного имущества или улучшает его. В любом случае сторона, осуществляющая платеж, не создает за счет своего исполнения специфику того или иного обязательства, поэтому именно другая сторона будет осуществлять характерное (особенное, специфическое) исполнение договора. Именно на сторону, чье исполнение обязательства является специфическим, и ориентируется законодатель при выборе права, применимого к договору.

Для односторонних сделок (например, публичное обещание награды, публичный конкурс) выбор характерного исполнения очевиден, поскольку здесь субъект в одностороннем порядке принимает на себя обязательство, которое сам же потом и исполняет. Вместе с тем в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) обязательства из односторонних действий (публичное обещание награды, деятельность в чужом интересе без поручения и др.) выделены отдельной нормой, которая помещена в параграф 6 главы 75 «Внедоговорные обязательства», а не в параграф 3 «Сделки, представительство, исковая давность». При этом в качестве применимого определено право места совершения сделки, т.е. концепция характерного исполнения в данном случае не используется.

Несколько иная ситуация складывается в сфере определения права, применимого к односторонним договорам (например, договор займа, договор банковского вклада (депозита) или реальный договор дарения). Так, по договору займа у заимодавца не может возникнуть обязанность передать предмет договора заемщику, поскольку сам договор будет считаться заключенным только с момента передачи указанного предмета. Заимодавец имеет только права и кредиторские обязанности, но не обязательства по договору как таковые. Исполнение же договора заемщиком сложно признать характерным, поскольку суть его состоит в возврате денег (или иных вещей, определяемых родовыми признаками, аналогичного количества и качества) с выплатой заимодавцу процента в качестве вознаграждения. Современная доктрина характерного исполнения, получившая отражение в правовом регулировании, определяет именно заимодавца и дарителя как субъектов, осуществляющих характерное исполнение (например, п. 2 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации), что является терминологически не верным, поскольку указанные субъекты вообще не исполняют обязанностей по договору. В этой связи привязка договорного статута к основному месту деятельности заимодавца, вкладчика или дарителя может быть оценена как иная жесткая привязка к субъекту договора, но не как проявление доктрины характерного исполнения.

Одновременно следует отметить, что в доктрине существует и расширительная трактовка концепции характерного исполнения. Так, Ф. Вишер обосновывал, что в потребительских договорах характерное исполнение осуществляет потребитель (а не продавец, что следует из классической концепции). По мнению данного исследователя, защита слабой стороны в договорах купли-продажи с участием потребителя приводит к неизбежному использованию большого количества императивных норм, закрепленных в законодательстве государства места жительства потребителя, что в свою очередь указывает на то, что данное государство и является «центром притяжения» рассматриваемых договоров [4, с. 52-65]. Приведенный подход, несомненно, логичен, однако, на наш взгляд, он лишь свидетельствует в пользу объективной связи потребительских договоров с правопорядком страны потребителя, но не доказывает, что именно потребитель осуществляет характерное исполнение по данному договору. Представляется правильным выделять потребительские договоры (к ним относятся все

гражданско-правовые договоры, на которые распространяется законодательство о защите прав потребителей) в отдельную коллизионную норму и не распространять на них доктрину характерного исполнения.

Еще более расширительную трактовку концепции характерного исполнения предложил А. Шнитцер. Он, в частности, отмечал, что характерное исполнение обязательств в отношении недвижимого имущества всегда локализовано на территории государства места нахождения такого имущества, а не места нахождения продавца. В этой ситуации также необходимо подчеркнуть, что сама специфика недвижимого имущества однозначно определяет взаимосвязь договора (например, договора купли-продажи недвижимости) с местом ее нахождения. Можно также констатировать, что на территории государства места нахождения недвижимого имущества будет осуществляться решающее исполнение соответствующих договоров хотя бы по той причине, что недвижимое имущество, а также сделки с ним, как правило, подлежат государственной регистрации, следовательно, основные действия, связанные с оформлением прав, будут совершаться именно на территории данного государства. Однако если мы поставим знак равенства между концепцией характерного исполнения, базирующейся на выявлении стороны, которая осуществляет решающее исполнение по договору, и иными критериями, позволяющими выявить центр притяжения определенной договорной конструкции, то содержание концепции характерного исполнения окажется необоснованно трансформированным. Мы, по сути, отойдем от концепции характерного исполнения и максимально приблизимся к принципу наиболее тесной связи в определении обязательственного статуса. Данную ситуацию лучше не допускать, поскольку концепция характерного исполнения имеет своей основной целью создание режима определенности в коллизионном регулировании договорных обязательств. Она представляет собой обоснованную (в подавляющем большинстве случаев) систему выбора применимого права в зависимости от места основной деятельности стороны, осуществляющей исполнение характерного обязательства по конкретному договору. При этом данная концепция не может быть безусловной панацеей в деле определения обязательственного статуса. Например, вышеописанные ситуации с потребительскими договорами, или с договорами в отношении недвижимости не укладываются в доктрину характерного исполнения. При этом нет смысла искусственно расширять ее пределы, гораздо правильнее будет сформулировать соответствующие изъятия из общего правила о применении данной доктрины. Кроме того частноправовые договорные отношения отличаются большой вариативностью, вытекающей, главным образом, из действия принципа свободы договора, что в свою очередь может привести к необходимости гибкого подхода и замене любых жестких коллизионных начал принципом наиболее тесной связи.

Таким образом, при обосновании системы коллизионного регулирования договорных отношений в отсутствие соглашения сторон о выборе права следует исходить из первоначального применения концепции характерного исполнения, как охватывающей подавляющее большинство практических ситуаций. Затем выделять случаи-изъятия из применения данной концепции, которые базируются на определенных нормообразующих факторах (критериях) и требуют специфического коллизионного регулирования. И, наконец, учитывать потенциальную возможность ограничения действия вышеупомянутых подходов на основании использования принципа наиболее тесной связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vischer, F. The Principle of the Typical Performance in International Contracts and the Draft Convention / F. Vischer / Harmonization of Private International Law by the E.E.C. – Ed. K. Lipstein London, 1978. – P. 25-30.
2. Schnitzer, A. Die Zuordnung der Verträge im Internationalen Privatrecht / A. Schnitzer // *RabelsZ.*, 1969. – Bd 33. – P. 17-29.
3. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А. В. Асосков. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с.
4. Vischer, F. The Antagonism between Legal Security and the Search for Justice in the Field of Contracts / F. Vischer // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law.* – Vol. 142. – 1974-II. – P. 1-70.

Ю. В. НАВРОЦКАЯ

Львов, Украина, Львовский национальный университет имени Ивана Франко, кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В УКРАИНЕ

Хотя в настоящее время Украина находится лишь на этапе формирования отечественной модели примирительного правосудия, можно с уверенностью констатировать, что необходимость внедрения института примирения (медиации) в отечественной системе права поддерживается широким кругом специалистов. Такая поддержка основывается, в первую очередь, на позитивных результатах практики применения института примирения во многих странах мира, которые свидетельствуют об его эффективности. К тому же, это будет отвечать общей позиции Украины относительно гармонизации национального законодательства с законодательством Европейского Союза, ведь, вопросу примирительных процедур посвящен целый ряд рекомендаций и решений Совета Европы.

Стоит также отметить, что в настоящее время, невзирая на отсутствие специального законодательства, Украина может похвалиться своим собственным опытом применения процедуры медиации, подтверждающим высокую эффективность применения этого института при решении конфликтов. Так, начиная с 2003 года, активно проводятся эксперименты в судах (в частности, в городах Киеве, Харькове, Ивано-Франковске, Автономной Республике Крым и другой). Кроме того, на территории Украины действует целый ряд Региональных Групп Медиации, которые объединились в Ассоциацию Групп Медиации Украины и Украинский Центр Понимания, который активно занимается внедрением программ примирения потерпевших и правонарушителей и просветительской деятельностью в этой сфере [1].

Активную работу в данной сфере проводит также Украинский Центр Медиации [2] и Школа медиации, которая начала свою работу в октябре 2013 года с целью создания доступных условий для профессиональной учебы медиаторов [3].

20 августа 2014 года создана общественная организация «Национальная ассоциация медиаторов Украины» [4].

На сегодня в Украине функционирует Коалиция по развитию медиации в Украине, однако широкого распространения она не обрела, поскольку зарегистрировать ее не удастся из-за отсутствия нормативного регулирования деятельности медиаторов [5].

Справедливо отмечается, что если есть политическая воля развивать медиацию, то этому должна предшествовать огромная разъяснительная, просветительская и образовательная работа по подготовке медиаторов. Принятие закона без подготовительной работы будет просто неэффективным [6].

Законопроект Украины № 3665 от 17.12.2015 г. «О медиации» был принят за основу 03.11.2016 г.

Исходя из положений данного законопроекта, медиация будет распространяться на гражданские, хозяйственные, административные, трудовые, семейные конфликты (споры), а также на уголовные дела в случаях, предусмотренных действующим законодательством. Процедура медиации не может применяться для урегулирования вышеупомянутых конфликтов (споров), в случае, когда они касаются или могут задевать права или законные интересы третьих лиц, не принимающих участия в процедуре медиации. В случае, если медиатору стало известно, что конфликт (спор) затрагивает интересы третьих лиц, он может, с разрешения сторон медиации, послать им приглашение участвовать в медиации.

Положениями проекта Закона Украины «О медиации» определяются, в том числе, и правила применения медиации при рассмотрении спора в судебном порядке. Так, в соответствии со ст. 3 медиация может быть проведена в случае возникновения конфликта (спора) как до обращения в суд, так и во время судебного производства. Медиация может применяться для решения споров, находящихся на рассмотрении в суде. Заключение сторонами судебного процесса соглашения о проведении медиации является основанием для остановки судебного производства на время проведения медиации. Стороны медиации предоставляют в суд медиационное соглашение (мировое соглашение, соглашение о примирении) либо отчет о проведении медиации. Согласно ст.14 указанного законопроекта, в случае открытия судом первой инстанции производства по делу, суд имеет право обратить внимание сторон на возможность проведения процедуры медиации на всех стадиях судебного разбирательства. В то же время, судья не вправе рекомендовать сторонам обратиться к конкретному медиатору для разрешения их спора [7].

Однако на данном этапе развития правовой системы Украины, на законодательном уровне специальными правовыми нормами возможность проведения медиации не предусмотрена. Пока количество споров, успешно решенных в Украине путем медиации, ничтожно мало в сравнении с количеством споров, разрешаемых в судебном порядке. Учитывая национальные «особенности» ведения бизнеса, а также отсутствие правового механизма для принудительного исполнения достигнутых в процедуре медиации договоренностей в случае их добровольного неисполнения, участники конфликтов не спешат обращаться за помощью к медиаторам. Возможно, законодательное закрепление медиации повысит доверие к данному институту, и медиация сможет стать эффективным инструментом разрешения споров в Украине.

В то же время, в процессуальных кодексах Украины предусмотрена возможность и необходимость применения примирительных процедур между участниками спора. Следовательно, можно сделать обобщение, что использование медиации как метода урегулирования споров не запрещено, хотя и четко не предусмотрено законодательством Украины, кроме того, имеются определенные процессуальные возможности для использования этого метода в пределах юрисдикционного производства. Стороны спора могут заключать соглашения по результатам проведения медиации с целью оформления результатов договоренности, если такая договоренность отвечает общим принципам гражданского законодательства.

Сами же медиаторы Украины, участвовавшие в законопроектной работе по разработке проекта Закона Украины «О медиации», склоняются к мысли, что заранее невозможно точно сказать, какая модель медиации станет самой удачной для Украины, приживется и даст больше всего пользы, поэтому должен быть принят лишь рамочный, т.н. стартовый закон, который бы выполнил конкретные, действительно нужные на этот момент задания, а именно:

1. *Должно быть внедрено в законодательное поле понятие медиации и «легализовано» медиационные услуги*, то есть соответствующие изменения должны быть внесены в государственные классификаторы видов экономической деятельности, профессий и тому подобное, с целью обеспечить возможность медиаторам выполнять свою работу, в том числе на коммерческой основе в рамках правового поля;

2. *Необходимы процессуальные гарантии возможности проведения медиации по делам, где начато то или иное производство*. А с этим связаны и перерывы в сроках рассмотрения дел, но в конкретных определенных пределах, и закрепление согласия на участие в добровольной / рекомендованной / обязательной медиации, и влияние применения медиации на сроки исковой давности, и возможность приостановки исполнительного производства в случае проведения медиации после вынесения решения;

3. *Конфиденциальность медиации* и всей либо определенной информации, которая стала известна в процессе медиации, запрет допроса медиатора в качестве свидетеля и тому подобное;

4. *Необходимы гарантии для исполнения решения, принятого по результатам медиации*.

По существу, перечисленные выше вопросы, - это именно те вопросы, на которые сейчас необходимо получить позитивный законодательный ответ, чтобы простимулировать дальнейшее развитие безопасной практики медиации.

Все другие крайне важные вопросы и дилеммы должны, если можно так высказаться, дозреть и выявить сами себя и со временем получить законодательное закрепление. К таким вопросам относятся следующие:

1) *Профессиональная или государственная подготовка и сертификация медиаторов*.

На чем стоит сделать ударение, так это на том, что на начальном этапе в случае включения в закон о медиации положения о государственной сертификации, некому будет сертифицировать первых, ведь не могут научить и проверить знания и навыки те представители государства, которые сами этого не понимают. С другой стороны, обязательно появится вопрос о подтверждении квалификации медиаторов, которые уже осуществляют свою деятельность или завершили свою учебу в Украине либо за рубежом к моменту вступления в силу закона. То есть в любом случае в законе должно быть найдено решение, каким же образом признать квалификацию существующих медиаторов, а также именно их в первоочередном порядке включать в органы или организации, которые будут проводить учебу либо сертификацию ли последующих.

Наиболее удачной для подавляющего большинства сообщества медиаторов будет мысль о том, что именно рыночные механизмы должны быть привлечены к этому процессу, то есть учебные центры и тренеры-медиаторы на коммерческой либо в определенных случаях общественной основе должны осуществлять учебу и сертификацию следующих поколений медиаторов. От качества подготовки медиаторов зависит репутация услуги, репутация медиатора и безопасность потенциальных клиентов.

2) Обязательная, добровольная или рекомендованная медиация.

Речь идет о том, определять ли на уровне закона медиацию как обязательную по всех делах, переданных на рассмотрение суда, либо только по определенным категориям дел, или же обязать суд лишь рекомендовать сторонам медиацию.

Профессиональные медиаторы склоняются к тому, что, принимая во внимание основополагающий принцип медиации - добровольность участия сторон в медиации, - просто невозможно навязывать законом обязательное участие в медиации.

С другой стороны, есть успешный опыт других стран в использовании обязательной досудебной медиации (например, некоторые штаты в США, Италия, где недавно также был принят закон с соответствующим требованием относительно обязательности досудебной медиации).

Некоторые страны Европы решили использовать более мягкую модель - рекомендованная судом медиация с четким ограничением времени на медиацию (опыт Словении - рекомендовано участвовать в двух медиационных сессиях по 4 часа).

Одним из основных преимуществ введения обязательной досудебной медиации авторы видят гарантированную популяризацию медиации и разгрузку судов. Одним из минусов законодательного закрепления обязательной досудебной медиации выступает то, что сразу возникают вопросы оплаты таких медиаций и подготовки кадров. По общему правилу, услуги медиатора в равной степени оплачивают стороны, участвующие в медиации, однако если медиация обязательная, то возникает вопрос, можно ли обязать стороны платить за медиацию дополнительно, или же должны на оплату услуг медиаторов направляться уже оплаченные судебные сборы в той либо иной части. Также в случае обязательной медиации нельзя забывать о необходимости формирования корпуса медиаторов, которые будут закреплены за каждым судом или территорией. Но такое возможно лишь впоследствии, когда достаточное количество медиаторов будет подготовлено, особенно для отдаленных регионов.

Также возникнет вопрос, должен ли быть предоставлен таким медиаторам статус государственных служащих с соответствующим, в т.ч. социальным, обеспечением. Если медиаторы будут внештатными, то как будет проводиться судами закупка услуг у самозанятых медиаторов?

3) Медиаторы и уполномоченные медиаторы.

В данном случае речь идет о том, что для определенных категорий дел (уголовных, административных, семейных, например), либо в случае обязательных медиаций, возможно, есть обоснованная потребность иметь т.н. уполномоченных медиаторов, имеющих гарантированный уровень квалификации. В таком случае как подготовка, так и сертификация таких медиаторов должна проходить под особым контролем того или другого учреждения, в том числе реестр таких уполномоченных медиаторов должен вестись таким учреждением. Конечно, возникает вопрос, каким должно быть такое учреждение.

Ввиду того, что сейчас государство не имеет соответствующих специалистов среди государственных служащих, вполне закономерно, что государственный орган не может учить, сертифицировать новых медиаторов и держать такой реестр. Следовательно, ответом на поставленное задание может быть саморегулируемая организация профессионалов, которые в первую очередь болеют за репутацию медиационной услуги как таковой, потому как никто другой заинтересован в качестве ее предоставления и профессионализме медиаторов и тренеров, которые готовят следующие поколения медиаторов.

Стоит заметить, что реестры или списки медиаторов - не новость для медиационной практики в мире, ведь распространенной является практика государственных медиаторов, федеральных медиаторов, а также практика составления списков арбитров-медиаторов при арбитражных судах, которые оказывают услуги как арбитража, так и медиации.

Ключевой вопрос для Украины до сих пор – готова ли общественность к альтернативным методам решения споров? К величайшему сожалению, как показывает опыт даже стран системы общего права, в частности Великобритании, перед вводом медиации на уровне нормативных актов была проведена длительная и широкомасштабная популяризационная кампания, которая ознакомила все слои населения с самой медиацией, ее основными преимуществами, а именно: экономия времени, средств и других ресурсов на решение спора, «увеличения пирога», то есть выход за пределы предмета спора, налаживание конструктивного диалога с другой стороной, отчасти сохранение, а иногда и улучшение отношений с другой стороной и тому подобное [8].

Следовательно, принимая во внимание, что Украине, как стране с континентальной правовой системой, присуще закреплять все на уровне законодательства, необходимым видится принятие отдельного закона о медиации.

В заключение необходимо отметить, что использование медиации приведет к расширению свободы граждан и облегчению доступа к правосудию. Кроме того, такая практика повышает эффективность социальной коммуникации и культуры диалога, способствует разрешению социальных конфликтов путем взаимовыгодных соглашений и стабилизирует общественные отношения, избавляет от источников конфликтов. Успешная медиация может навсегда восстановить отношения между сторонами и обеспечить их мирное сотрудничество в будущем. В то же время распространенное использование медиации и других форм альтернативных способов разрешения конфликтов дополняет и облегчает государственную систему правосудия (суды).

Медиация является «дополнительной формой правосудия». Кроме того, медиация реализует демократические постулаты о существовании различных правовых форм разрешения конфликтов, свободы граждан выбирать способ разрешения конфликта, руководствуясь принципом общественного и индивидуализированного правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жмудь, В. Запровадження процедури медіації (примирення) у законодавстві України [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.gov.ua/11347>
2. Український Центр Медіації: Офіційний сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrmediation.com.ua/ua/>
3. Школа медіації: Офіційний сайт [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://mediations.com.ua/>
4. Статут Громадської організації «Національна асоціація медіаторів України» [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://namu.com.ua/wp-content/uploads/2015/01/statut.pdf>
5. Самоврядування українських медіаторів [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://3222.ua/newsview/412>
6. Гусейнова, Р. Перспективи розвитку медіації в Україні / Р. Гусейнова // Юридична газета. - 24 листопада 2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://jur-gazeta.com/publications/actual/perspektivi-rozvitku-mediaciyi-v-ukrayini.html>

7. Проект Закону України про медіацію від 17.12.2015 №3665 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57463

8. Проценко, Д. Дилеми сучасної української медіації / Д. Проценко, Г. Єрьоменко // Юридична газета. – 3 липня 2012 р. - №27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediations.com.ua/images/Yur-Gazeta_No.27.pdf

Н. В. НАРУЦКАЯ

Рязань, Российская Федерация, Рязанский филиал НОУ АО «Московская академия экономики и права», кандидат юридических наук, доцент

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Вопросы правового регулирования отношений, объектом которых являются жилые помещения, на протяжении уже многих лет, если не сказать столетий, находятся в поле зрения исследователей ввиду их актуальности и значимости. В процессе реализации своих правомочий (владение, пользование, распоряжение) собственник жилого помещением должен учитывать множество факторов, например, необходимо учитывать права членов семьи (ст. 292 ГК РФ), решения общего собрания членов товарищества собственников жилья (ст. 291 ГК РФ, гл. 14 ЖК РФ), ограничения на распоряжение своей долей в права собственности на общее имущество жилого дома (см. п. 1 ст. 290 ГК РФ) и т.д. Таким образом, одной из актуальных проблем в области реализации права собственности на жилые помещения, является вопрос определения границ возможного, дозволенного, допустимого.

По проблеме пределов осуществления и ограничения гражданских прав, в том числе и права собственности, имеет место несколько отличающихся друг от друга точек зрения. Рассматривая пределы ограничений права собственности, К.П. Победоносцев оценивал их наличие как отрицательный элемент и одни пределы он относил к необходимым (они установлены законом), а другие – к случайным (установлены договором) [6, с. 461].

На наш взгляд, обоснованной является точка зрения В. П. Кмышанского, по убеждению которого пределы являются внешней границей осуществления права и исходят из основополагающего правила, согласно которому действия собственника не должны нарушать интересы третьих лиц, при этом, что очень важно, сами эти пределы не предполагают того, что другие лица будут «вторгаться в сферу юридического господства собственника» [3, с. 68].

В. П. Грибанов на данную проблему имеет следующую точку зрения: «...определение пределов осуществления гражданских прав на есть ограничение этих прав, а является юридическим выражением уже существующего экономически равного положения людей в системе социальных общественных отношений, есть правовое обеспечение, юридическая гарантия этого действительного равенства» [2, с. 25].

В тексте ст. 209 ГК РФ содержатся определенные пределы осуществления собственником своих прав, в частности, его действия не могут противоречить действующему законодательству, не могут нарушать права других лиц, не должны причинять ущерб окружающей среде. П. 2 ст. 209 ГК РФ предоставляет не только возможности собственнику в отношении использования своего имущества, но содержит и запрет на отдельные действия собственника, так как именно с помощью

запретов можно конкретизировать пределы того, что именно дозволяется обладателям субъективных прав [1, с. 28-35]. Исходя из анализа ст. 209 ГК РФ, мы можем утверждать, что в содержании права собственности имеет место совокупность запретов и дозволений.

Обладание имуществом на праве собственности позволяет лицу использовать его в своих интересах, для удовлетворения своих конкретных потребностей, но это основное правило ограничено определенными пределами, которые определяют способы осуществления правомочий собственника.

Пределы осуществления прав собственников жилых помещений непосредственно связаны с нормой, предусмотренной в ст. 10 ГК РФ, которая содержит запрет на злоупотребление своими правами. В указанной статье пределы осуществления гражданских прав сформулированы как определенные границы деятельности именно собственника, а не третьих лиц, так как понятие «злоупотребление правом» может использоваться только в тех случаях, когда субъект обладает каким-либо субъективным правом.

Предел права собственности на жилое помещение мы можем определить как границу, за которую обладатель собственности не вправе выходить. В случае нарушения данной границы к собственнику могут применяться меры принудительного воздействия. Совершенно прав А.В. Малько, определяющий запреты в качестве государственно-властных сдерживающих средств, которые «под угрозой ответственности должны предотвращать возможные нежелательные, противоправные действия, причиняющие вред как личным, так и общественным интересам» [4, с. 62].

Пределы осуществления права собственности на жилые помещения возможно подразделить на следующие группы:

- первая группа пределов связана с установлением запрета на совершение противоправных действий. В частности собственник жилого помещения не вправе осуществлять перепланировку или переустройство своего жилого помещения без соответствующего согласования (ст. 25-29 ЖК РФ);

- вторая группа пределов относится к непосредственной реализации собственниками правомочий владения, пользования и распоряжения жилым помещением. Собственник при реализации указанных полномочий не должен причинять вред другим лицам, также он должен отказаться от таких действий, которые причиняют «дискомфорт» окружающим отдельные нормы законодательства устанавливают эти пределы. Например, Законом Республики Башкортостан «Об обеспечении покоя граждан и тишины в ночное время» предусмотрен запрет на шум в жилых помещениях после 23 часов. Таким образом, собственник жилого помещения, имеющий право по своему усмотрению делать ремонт в своей квартире, не вправе его осуществлять после 23 часов, так как шумовой эффект от использования технических и иных средств для ремонта может причинять неудобства соседям. Обратим внимание еще на один предел: собственность на другие объекты, как правило, не предполагает необходимость лица использовать их в соответствии с определенным назначением. Именно в отношении жилых помещений, как объектов права собственности и других вещных прав, законом предусмотрена такая особенность, как использование по назначению, то есть для проживания граждан.

Законом также предусмотрены ограничения по распоряжению правом собственности на жилое помещение. Так, существенная особенность права собственности на жилые помещения заключается в ограниченности свободного распоряжения жилым помещением в случае проживания в нем несовершеннолетних лиц (см. п. 4 ст. 292 ГК РФ). Рассматривая ограничения в сфере права распоряжения жилым помещением, считаем целесообразным закрепление на законодательном уровне

пределов обременения жилого помещения в случае оформления завещания. Необходимо установить запрет завещателю определять завещательный отказ в том случае, если невозможно предоставить в пользование отказополучателя изолированной жилое помещение (например, изолированную жилую комнату);

- третья группа пределов исходит из содержания соглашений, заключаемых собственником с иными лицами при реализации своих прав (например, заключение договора купли-продажи с обременением, заключение брачного договора между супругами и т.п.). В качестве примера договорных пределов ограничения права собственности на жилое помещение Э.О. Осадченко приводит следующий пример: в договоре купли-продажи может быть указано, что бывший член семьи собственника имеет право проживания в жилом помещении в течение нескольких лет с момента заключения договора [5, с. 144]. Исходя из чего для нового собственника установлен определенный предел исходящий из прав другого лица проживать в жилом помещении, которое является предметом договора купли-продажи.

В целом, если обобщить различные группы пределов право собственности на жилые помещения, то их возможно подразделить на пределы, определенные законодательством (законные) и пределы, предусмотренные гражданско-правовым договором, заключенным собственником жилого помещения с иными лицами (договорные пределы). В заключении отметим, что вопросы определения границ, рамок, пределов осуществления права собственности на жилые помещения до сих пор остаётся дискуссионным и требует дальнейшего как научного осмысления, так и более совершенного правового урегулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, А. И. Противоречия положений Гражданского кодекса РФ об объектах и содержании права собственности / А. И. Гончаров, А. Я. Рыженков, А. Е. Черноморец // Законодательство. – 2011. – № 9. – С. 28-35.
2. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – 411 с.
3. Камышанский, В. П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений / В. П. Камышанский. – М. : Юнити; Закон и право, 2000. – 303 с.
4. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / А.В. Малько. – Саратов : Изд-во СГУ, 1994. – 184 с.
5. Осадченко, Э. О. Осуществление права частной собственности на жилые помещения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Э. О. Осадченко. – Волгоград, 2010. – 193 л.
6. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права / К. П. Победоносцев. – М. : Статут, 2002. – Ч. 1. – 800 с.

Х. Е. НИКИТИНА

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

СИСТЕМА ЖИЛИЩНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛЬГОТНОМУ КРЕДИТОВАНИЮ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Право на жилище является конституционно закреплённым правом граждан Республики Беларусь. На основании статьи 48 Конституции Республики Беларусь данное право обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда и содействием гражданам в приобретении жилья.

Обеспеченность жильем и его доступность для населения напрямую влияют на уровень жизни, сказывается на рождаемости и темпах прироста населения. В связи с ухудшением экономической ситуации в стране появился дисбаланс между финансовым положением государства и взятыми на себя обязательствами по поддержке граждан в обеспечении жильём. Именно поэтому вопросы жилищной политики являются весьма актуальными на данном этапе развития общества, когда обеспечить жильём нуждающихся в улучшении жилищных условий становится всё сложнее.

Доля бюджетного финансирования жилищного строительства в последние годы всё больше сокращается. За 2011-2015 годы на строительство жилых помещений было выделено 41,5 трлн. рублей льготных кредитов банков. При этом в настоящее время не исполнены обязательства по кредитным договорам, заключённым банком в предыдущие годы, с гражданами, осуществляющими строительство индивидуальных жилых домов, на сумму около 1 трлн. рублей [1].

Целью данной работы является выявление возможных подходов к формированию системы жилищных строительных сбережений (далее - ЖСС) как альтернативного кредитованию способа поддержки граждан в улучшении своих жилищных условий в Республики Беларусь в современных экономических условиях.

Суть системы ЖСС заключается в накоплении населением финансовых ресурсов на банковских счетах в течение нескольких лет в определенном размере стоимости жилого помещения, остальная часть выделяется в виде кредита по более низкой ставке, чем по кредитам, предоставляемым на строительство (реконструкцию) или приобретение жилых помещений на рыночных условиях. Это наиболее характерный элемент ипотечного кредитования.

В мировом опыте существуют две системы ЖСС: открытая и закрытая (а также возможные варианты их сочетаний). Наиболее явными отличительными особенностями данных типов являются:

1. По субъекту кредитования: в закрытом типе субъектом выступает специализированные ипотечные банки, в открытом же типе – это универсальные банки, имеющие отделы ипотечного кредитования;
2. По процентной ставке: в закрытом типе – не зависит от ситуации на рынке и может быть зафиксирована на любом уровне; в открытом же типе – процентная ставка гибкая и зависит от общего состояния кредитно-финансового рынка в стране, ставок на рынке капитала;
3. По источнику кредитования: в закрытом типе предполагается, что кредитные ресурсы формируются за счёт привлечения сбережений будущих заёмщиков по принципу кассы взаимопомощи; в открытом типе – совокупная заявка всех клиентов банка на ипотечные ссуды может обеспечиваться банком из произвольных источников, в том числе за счёт средств клиентов, находящихся на депозитах и т.д.

Многие теоретики выделяют как наиболее эффективный тип ЖСС закрытый, ведь ставки по депозитам и кредитам здесь независимые и самостоятельные, однако в условиях высокого уровня инфляции и низких ставок по депозитам размер накоплений средств участников постоянно будет отставать от растущих цен на жильё.

С 1 июля 2006 года ОАО «Беларусбанк» открыл систему открытого типа ЖСС, однако поддержки данная система не получила. В 2011 году разработка системы жилищных строительных сбережений с учетом включения строительной составляющей, дающей возможность приобретать жилье гражданам, состоящим на

учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, по более низким ценам, была приостановлена [2].

Анализируя типы ЖСС, можно сделать вывод о том, что в каждом есть свои плюсы и минусы и при разработке системы ЖСС в рамках определённого государства, необходимо учитывать конкретные экономические условия. *Внедрение жилищных строительных сбережений позволит решить ряд задач:*

1. создать для населения экономические предпосылки для улучшения жилищных условий, стимулировать граждан к активному участию в решении своих жилищных проблем;
2. обеспечить дополнительное привлечение средств населения в экономику республики через финансирование строительства, реконструкцию или приобретение жилых помещений;
3. привлечь долгосрочные кредитные средства для ипотечных кредитов по ставкам ниже рыночных;
4. способствовать выработке определённой финансовой дисциплины у граждан.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, наиболее целесообразно:

1. обеспечить внедрение системы ЖСС всем банкам, что позволит создать добросовестную конкуренцию среди банковских организаций;
2. предоставить возможность пользоваться системой ЖСС не только лицам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, но и остальным гражданам, что позволит привлечь большее количество средств;
3. предусмотреть возможность использования системы ЖСС не только для строительства, но и для приобретения, а также реконструкции и ремонта жилья, как это принято во многих зарубежных странах (примером может быть Германия).

Зарубежный опыт позволяет сделать вывод, что применение закрытой системы ЖСС наиболее успешный способ поддержки государством граждан в области жилищной политики. Однако необходимо разработать эффективную систему, подходящую для финансового положения государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>.-Дата доступа 19.07.2016.

2. АСБ «Беларусбанк» [Электронный ресурс].-Режим доступа: <https://belarusbank.by/>.-Дата доступа 19.07.2016.

Д. С. ПИМАШКИН

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

СТРОИТЕЛЬНАЯ АДЪЮДИКАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПОРОВ

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» от 5 июля 2004 г. № 300-З строительная деятельность (строительство) – это деятельность по возведению, реконструкции, ремонту, реставрации, благоустройству объекта, сносу,

консервации не законченного строительством объекта, включающая выполнение организационно-технических мероприятий, в том числе оказание инженерных услуг в строительстве, подготовку разрешительной и проектной документации, выполнение строительно-монтажных, пусконаладочных работ. К данным видам деятельности также следует добавить планирование, разработку сметной документации, создание транспортной инфраструктуры и т.д.

Такая множественность и комплексность видов деятельности в строительстве с учетом разной направленности данных видов деятельности неизбежно приводят к возникновению конфликтных ситуаций, переходящих в судебные разбирательства, которые, как показывает практика, являются долгими, дорогостоящими и сложными.

Длительность и сложность рассмотрения строительных споров объясняется сложностью и объемом нормативной правовой базы, регулирующей строительную отрасль, зависимостью от специалистов в той или иной деятельности, также большинство споров требуют проведения строительной экспертизы, которая значительно тормозит процесс.

Что касается финансовой стороны, то подача искового заявления в суд, консультации специалистов, проведение строительных экспертиз оборачиваются участникам спора в нежелательные затраты значительных размеров.

За 2014 год строительными организациями было подано исков на сумму порядка 14 триллионов неденоминированных рублей. Из них удовлетворено более 80 %, но реальное взыскание составило лишь 7 %.

Такие ситуации заставляют участников спора искать иной способ разрешения конфликта.

В 2014 году вступил в силу Закон Республики Беларусь «О медиации». Так, согласно данному закону, споры, возникающие из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений, могут быть урегулированы посредством медиации.

Преимущество медиации в том, что посредством ее использования участники спора экономят время и средства.

За два года в Республике Беларусь медиация не получила широкого распространения в строительной области, хотя и наметилась тенденция развития.

Непопулярность медиации в строительстве связана со слабым знанием практики медиации и ее теоретической части, что вызывает осторожность и недоверие руководства строительных организаций.

Повысить эффективность и значимость альтернативных способов урегулирования споров помогло бы создание специализированной процедуры в строительстве по досудебному разрешению споров, возникающих в строительной деятельности.

Примером является *процедура строительной адьюдикации*, введенная в Великобритании в 1996г.

Основные особенности процедуры таковы:

Согласно закону любая из сторон договора строительного подряда вправе в любой момент потребовать рассмотрения спора в рамках адьюдикации. Это делается путем подачи стороной уведомления об адьюдикации. Этот документ достаточно близок к белорусской претензии.

В течение 7 дней с момента подачи уведомления об адьюдикации должен быть назначен адьюдикатор – лицо, которое будет рассматривать спор и принимать решение по нему. Также в течение семи дней с момента подачи уведомления сторона, которая его подала, должна дать «направление». Этот документ подробно описывает позицию стороны в споре, ее требования, а также содержит в качестве приложений те доказательства, на которые ссылается сторона. Направление предоставляется как адьюдикатору, так и другой стороне.

Адьюдикатор обязан рассмотреть спор в течение 28 дней с момента его назначения. В некоторых случаях этот срок может быть продлен на 14 дней. Сжатость сроков рассмотрения – одна из характерных черт адьюдикации, которая основана на быстром рассмотрении спора. В течение срока рассмотрения спора адьюдикатором другая сторона может дать свой письменный ответ на Направление. Одна из основных особенностей адьюдикации заключается в том, что решение адьюдикатора вступает в силу немедленно и подлежит исполнению сторонами. При этом любая сторона вправе обратиться в суд за разрешением спора, но это не лишает решение адьюдикатора обязательного характера вплоть до момента принятия решения судом. В таком случае превалирует решение суда [3]. Введение процедуры адьюдикации дало свои результаты. Количество дел, поступающих в суд, сократилось в три раза. Стороны уверены, что институт обладает достаточной квалификацией, чтобы разрешить их спор. Примечательно, что стороны, как правило, соглашались с решением адьюдикатора и дела не доходят до государственного суда. Таким образом, создание специализированного института альтернативного разрешения строительных споров помогло бы упорядочить отношения в строительстве, добиться от сторон договора отказа от судебного разрешения споров и увеличить продуктивность работы строительной отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь от 05.07.2004 № 300-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О медиации : Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Housing Grants, Construction and Regeneration Act 1996.

И. В. ПОПОВА

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

ВИДЫ ДОГОВОРОВ НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Договор найма жилого помещения – самостоятельный тип гражданско-правового договора. В учебной и научной литературе выражено общее мнение ученых и практикующих работников, что договор найма жилого помещения имеет виды.

До недавнего времени приоритетной являлась позиция, согласно которой виды договора найма жилого помещения определялись соответственно составу жилищного

фонда (видам жилых помещений, определяемым по основаниям назначения и особенностям правового регулирования) в соответствии с Жилищным кодексом Республики Беларусь от 22 марта 1999 г. и утвержденными Правительством Республики Беларусь типовым договорам найма жилого помещения. При этом имело место соответствие вида жилого помещения отдельному типовому договору [1].

Определять виды договора найма жилого помещения согласно составу жилищного фонда Республики Беларусь предлагают и сейчас [2].

Если следовать этому принципу, то с учетом правил Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2013 г. № 563 «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений» (далее – Указ № 563) можно говорить о следующих видах договора найма жилого помещения:

в домах государственного жилищного фонда:

договоре найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда,

договоре найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда,

договоре найма жилого помещения в общежитии,

договоре найма жилого помещения коммерческого использования;

наем жилого помещения частного жилищного фонда осуществляется на основе договора найма жилого помещения в домах частного жилищного фонда, а именно в:

домах (квартирах), находящихся в собственности граждан;

домах организаций негосударственной формы собственности.

Классификация договоров найма жилого помещения государственного жилищного фонда соответственно составу государственного жилищного фонда на основе действующего законодательства не является совершенной по следующим основаниям.

1) В состав жилых помещений коммерческого использования государственного жилищного фонда входят жилые помещения, существенно отличающиеся по назначению и правовому регулированию:

- жилые помещения коммерческого использования коммунального жилищного фонда, предоставляемые в связи с характером трудовых (служебных) отношений, предоставляются определенным категориям граждан (судьям, прокурорским работникам и т.д.), не имеющим жилых помещений в собственности (долей в праве общей собственности на жилые помещения) и (или) во владении и пользовании, за исключением жилых помещений, занимаемых гражданами по договорам найма жилого помещения в общежитии, в населенном пункте по месту работы (службы);

- жилые помещения коммерческого использования, предназначенные для проживания государственных служащих, занимающих должности, дающие право на получение жилых помещений коммерческого использования, согласно перечню, определяемому Президентом Республики Беларусь, предоставляются в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь (бывшие специальные служебные);

- в состав жилых помещений коммерческого использования вошли жилые помещения государственного жилищного фонда, которые **а)** не приватизированы к 1 июля 2016 г.; **б)** раньше относились к общежитиям, но в отношении которых (п.2.3¹ Указа № 563) местным исполнительным и распорядительным органом принято решение об изменении назначения здания общежития на многоквартирный жилой дом; **в)** жилые помещения государственного жилищного фонда в зданиях, выделенных для размещения органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, находящиеся в

хозяйственном ведении или оперативном управлении государственных органов и государственных организаций, кроме органов и организаций МЧС;

- некоторые виды жилых помещений, которые до издания Указа № 563 относились к категории специальных;

- собственно жилые помещения коммерческого использования, предоставляемые гражданам вне зависимости от каких-либо дополнительных оснований. В определенных случаях жилое помещение коммерческого использования может быть предоставлено гражданину, не стоящему на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий.

2) Отсутствует соответствие видов жилых помещений (согласно составу жилищного фонда) утвержденным Правительством Республики Беларусь типовым договорам.

3) Отношения, связанные с предоставлением, владением и использованием отдельными видами жилых помещений государственного жилищного фонда, имеют специальное правовое регулирование. Например, в Жилищном кодексе Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. отсутствуют нормы, устанавливающие порядок предоставления гражданам жилых помещений коммерческого использования. Решение этого вопроса отнесено к компетенции областных, Минского городского исполнительных комитетов, локальных нормативных правовых актов организаций, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которых находятся жилые помещения, на условиях, определяемых Президентом Республики Беларусь.

Для классификации договоров найма жилого помещения в Республике Беларусь предлагают взять за основу предложения российских ученых и выделить три вида договора найма жилого помещения:

социальный договор найма жилого помещения,
договор коммерческого найма жилого помещения и
договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда.

У такой классификации имеются недостатки, главный из которых – не назван критерий (критерии), по которому эта классификация проведена.

Включение жилых помещений государственного жилищного фонда в состав жилых помещений определенного вида и их исключение из данного состава осуществляются по решению местного исполнительного и распорядительного органа либо организации, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которой находятся жилые помещения. Изменение вида заселенного жилого помещения государственного жилищного фонда ведет к перезаключению соответствующего договора найма жилого помещения. Поэтому провести классификацию договоров найма жилого помещения без привязки к виду жилого помещения нельзя.

Если ориентироваться только на вид сдаваемого в наем жилого помещения согласно составу жилищного фонда Республики Беларусь, то следует различать следующие виды договора найма жилого помещения:

договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда,

договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда,

договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии,

договор найма жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда,

договор найма жилого помещения частного жилищного фонда граждан,

договор найма жилого помещения частного жилищного фонда организаций.

Но по этому критерию невозможна классификация типовых (форм) договоров найма жилого помещения, утвержденных Правительством Республики Беларусь.

Так, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 1733 типовой договор поднайма жилого помещения (части жилого помещения), занимаемого обязанными лицами по договору найма жилого помещения государственного жилищного фонда, в зависимости от вида сдаваемого в наем жилого помещения может быть отнесен и к договорам найма жилого помещения социального пользования, и к договорам найма жилого помещения коммерческого использования. Основанием для предоставления права владения и пользования жилым помещением коммерческого использования может быть и утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь 19 марта 2013 г. № 193 типовой договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда, и типовой договор найма жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2011 г. № 1739.

Ряд типовых договоров найма жилого помещения государственного жилищного фонда по содержанию почти не отличаются друг от друга. Их количество может быть сокращено. Но это не решит проблему классификации договоров найма жилого помещения.

Классифицировать договоры найма жилого помещения можно по размеру платы за пользование жилыми помещениями и тем, на что направляется эта плата. По этим основаниям можно выделить:

- договоры найма жилых помещений, плата за использование которыми не взимается;
- договоры найма жилых помещений, плата за пользование которыми хотя и поступает в республиканский или местные бюджеты, но направляется на компенсацию определенных расходов соответствующих бюджетов, связанных с жилыми помещениями;
- договоры найма жилых помещений, плата за пользование которыми поступает на специальные счета соответствующих облисполкомов, Минского горисполкома, других государственных органов и государственных организаций и направляется на приобретение, строительство (реконструкцию) жилых домов (квартир) коммерческого использования, а также на текущий ремонт свободных (освободившихся) жилых помещений коммерческого использования, если иное не установлено законодательными актами;
- договоры найма специальных жилых помещений, плата за пользование которыми регулируется специальным законодательством;
- договоры найма жилых помещений, плата за пользование которыми устанавливается соглашением сторон и поступает в распоряжение наймодателя, который расходует полученные денежные средства по своему усмотрению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., например: Гражданское право. В 3 т. : учебник / Т.В. Авдеева [и др.]; под ред. проф., засл. юриста БССР В. Ф. Чигира. - Минск: Амалфея, 2010. - Т. 2. - С. 496-497.

2. Рудковская, Н. А. Договор найма жилого помещения: общие положения / Н. А. Рудковская // Консультант Плюс. Беларусь Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». - Минск, 2015.

П. С. ПОПОВА

Минск, Белорусский государственный университет

ПРЕДМЕТ ВИНДИКАЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОМ И ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Двойственная природа виндикации порождает неоднозначность в понимании ее предмета. В литературе можно встретить немало позиций по поводу соотношения материального и процессуального в предмете виндикации.

Разделяя точку зрения Ю. К. Толстого [1, с. 102], считаем, что предмет виндикации следует рассматривать в двух аспектах:

- 1) как предмет виндикационного спора, т.е. как категорию материального права;
- 2) как предмет виндикационного иска, рассматриваемого в рамках процессуального права.

При этом вопрос о соотношении предмета виндикационного спора и виндикационного иска не является бесспорным. Стоит отметить, что позиции ученых по поводу понимания предмета иска в целом (не только виндикационного) в значительной степени разнятся. В литературе можно встретить определение предмета иска как конкретное материально-правовое требование истца к ответчику; спорное правоотношение или субъективное право истца, подлежащее защите; способ защиты такого права [2, 3, 4].

На наш взгляд, для целей практической деятельности в понимании предмета иска следует выделять три элемента:

- 1) конкретное материально-правовое требование истца к ответчику, которое содержится в резолютивной части искового заявления;
- 2) избираемый истцом способ защиты нарушенного права, исходя из положений ст. 282 ГК;
- 3) материальный объект иска, т.е. объект спорного правоотношения.

Рассмотрим каждый из указанных элементов предмета иска по отношению к материально-правовой категории виндикации.

Что касается материально-правового требования, то формулирование резолютивной части иска в большинстве случаев не вызывает сложностей. Нарботана стандартная форма резолютивной части: прошу обязать «ФИО / наименование ответчика» возвратить в пользу «ФИО / наименование истца» имущество (указывается наименование и количество истребуемого имущества).

При истребовании имущества из чужого незаконного владения собственник (другие титульные владельцы) защищают нарушенное право собственности путем предъявления в суд виндикационного иска. Т.е. виндикация сама по себе рассматривается как способ защиты нарушенного права. По отношению к виндикации актуальным представляется вопрос об изменении предмета иска. Ст. 61 ГПК, а также ст. 63 ХПК предоставляют истцу право изменить предмет иска. Вместе с тем, если мы имеем дело с виндикацией, то такое изменение невозможно, т.к. законом не

предусмотрено альтернативных способов защиты права собственности в случае, если имущество оказалось в чужом незаконном владении [5, с. 75].

И только в привязке к материальному объекту виндикационного иска мы, по сути, говорим о предмете виндикации как материально-правовой категории. При этом отметим, что изменение материального объекта иска в виндикации недопустимо, т.е. нельзя заменить требование о возврате вещи в натуре на взыскание денежной стоимости такой вещи.

Анализ ст. 282 ГК позволяет утверждать, что предметом виндикационного спора является имущество, которое выбыло из владения субъекта вещного права. Обратим внимание, что законодатель указывает именно на правомочие владения, т.е. даже если полномочия пользования и распоряжения имуществом нарушены при сохранении владения, то защита права собственности может быть осуществлена иным способом, но не посредством виндикации. Вместе с тем, категория «имущество», которая приводится в анализируемой статье ГК, не совсем точно определяет возможный предмет виндикации.

Традиционно таким предметом признается вещь, т.е. материальный объект, обладающий общим для всех объектов гражданского права свойством – удовлетворять социальные и индивидуальные потребности носителей субъективных прав [6, с. 155]. Для цивилистической науки традиционным является деление вещей на две группы: вещи, определенные индивидуальными признаками, и вещи, определенные родовыми признаками.

Римское право требовало от истца обозначить вещь, в отношении которой это лицо заявляет свои требования, а также указать суду требует ли он эту вещь целиком или в части, и в какой именно части. На сегодняшний день суть этого требования не изменилась. По общему правилу, предметом виндикационного спора является вещь, обладающая индивидуально-определенными признаками, т.е. именно та, которая выбыла из владения собственника или иного титульного владельца.

Вместе с тем, практика изобилует случаями виндикации вещи, определённой родовыми признаками. Представляется, что такие ситуации допустимы, т.к. любой родовой объект возможно тем или иным образом идентифицировать, отграничить от других вещей того же рода, тем самым, преобразуя его в индивидуально-определённую вещь. Такой позиции, в частности, придерживается В. Ф. Чигир, который отмечает, что имущество, определённое родовыми признаками, может быть предметом виндикационного иска, если оно тем или иным способом индивидуализировано [7, с. 825].

В случае, если выделение имущества собственника из однородных вещей, находящихся у фактического владельца, невозможно, то имущественные интересы субъекта вещного права могут быть защищены с помощью других правовых средств. Вместе с тем, такое требование к предмету виндикации нередко на практике приводит к злоупотреблениям со стороны ответчика, поскольку в случае, если вещь имеет особую ценность для обладателя пассивной легитимации, последний может изменить ее таким образом, что первоначальная вещь утратит свои индивидуально-определённые признаки и фактически перестанет существовать. В таком случае суд будет вынужден отказать в удовлетворении виндикационного требования.

Предмет виндикации должен быть сохранен в натуре на момент предъявления соответствующего иска. Наличие такого требования к предмету, в первую очередь, связано с природой самой виндикации, которая представляет требование о восстановлении владения вещью, а не о замене её другой. В случае утраты имущества, а также иного воздействия на вещь, в результате которого первоначальная вещь не сохранена в натуре, суд отказывает в удовлетворении исковых требований.

Истцам по данной категории дел следует правильно заявлять исковые требования. Имеющиеся в практике случаи одновременного указания в исковом заявлении требования о виндикации и требования о взыскании стоимости истребуемого имущества в случае невозможности его передачи в натуре, на наш взгляд, неправомерны, т.к. противоречат сути виндикации. Однако отечественное законодательство не содержит четкой регламентации последствий одновременного заявления таких исковых требований. Следует заметить, что некоторые авторы, – например В. А. Лапач, – полагают, что имущество, подлежащее изъятию в натуре, при согласии истца и невозможности возвратить ту же самую вещь, в некоторых случаях может быть заменено судом на равноценное имущество или однородное количество вещей, или же его стоимость [8, с. 22-23]. На наш взгляд, в данном случае говорить о виндикации недопустимо.

Таким образом, важность разграничения предмета виндикации в материальном и процессуальном смысле подтверждается следующими выводами: 1) предмет виндикации в материальном смысле является неотъемлемой составляющей предмета виндикационного иска; 2) виндикация сама по себе является способом защиты нарушенного права владения вещью; 3) от характеристик вещи (предмета виндикации в материально-правовом плане) зависит успех обращения в суд с виндикационным иском; 4) применительно к виндикации изменение предмета иска недопустимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой, Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР / Ю. К. Толстой. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 220 с.
2. Добровольский, А. А. Исковая форма защиты права / А. А. Добровольский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – 190 с.
3. Каменков, В. С. Исковая форма защиты прав в хозяйственном процессе / В. С. Каменков // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
4. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть / Г. Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2008. – 748 с.
5. Сысуев, Т. В. Изменение иска в хозяйственном процессе / Т. В. Сысуев // Юрист. – 2011. – № 8. – С. 73-78.
6. Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав / В. А. Лапач. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.
7. Гражданское право: учебник: в 3 т. / А. В. Каравай [и др.]; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1. – 864 с.
8. Автаев, Н. Е. Гражданско-правовая защита социалистической собственности / Н. Е. Автаев, Н. П. Волошин. – М. : Юрид. лит., 1974. – 64 с.

С. П. ПРОТАСОВИЦКИЙ

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УСЛУГ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Реализуя гражданскую право- и дееспособность, граждане, юридические лица, государство часто пользуются услугами других лиц. Гражданское законодательство не содержит определения услуги. Согласно же п. 2 ст. 30 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) «услугой признается деятельность, результаты которой не имеют

материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности». Но в силу п. 2 ст. 1 НК понятия и термины гражданского права, используемые в НК, применяются в тех значениях, в каких они используются в этих отраслях права, если иное не установлено НК. Приведенная легальная дефиниция услуги есть установленное НК «иное». Следовательно, мы не можем на нее полагаться, раскрывая понятие услуги в гражданском праве.

В общем смысле услуга означает «действие, приносящее помощь, пользу другому лицу» [1, с. 1399]. Такое широкое понимание соответствует экономическому взгляду на нее. Еще К. Маркс писал: «Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости ...» [2, с. 203-204]. Получается, что передача имущества для заключения договора (п. 2 ст. 403 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее – ГК), исполнение обязательства (п. 1 ст. 288 ГК), действия в чужом интересе без поручения (п. 1 ст. 870 ГК) – это оказание услуг. Однако не всякое полезное действие в частном праве именуется услугой: законодатель употребляет данный термин в специальном, гражданско-правовом смысле.

Так, «по договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность) ...» (п. 1 ст. 733 ГК). Значит, услуги обнаруживают себя в форме действий или деятельности. Последние могут иметь различное содержание, в зависимости от которого они квалифицируются как услуги в гражданско-правовом значении термина.

Содержание действий в пользу другого лица состоит в передаче имущества (вещи, денег, имущественного права), выполнении работы (создании, изменении или прекращении вещи), либо в совершении иных действий в чужом интересе. Передачу имущества и выполнение работы законодатель юридико-технически отделяет от оказания услуг. Стало быть, эти действия находятся за пределами гражданско-правового понятия услуги.

Деятельность в пользу другого лица включает предпринимательскую и прочую деятельность, предусмотренную чч. 2–4 п. 1 ст. 1 ГК. Предпринимательская деятельность подразумевает систематическое получение прибыли «от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг ...» (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК). Ремесленная деятельность охватывает изготовление и реализацию товаров, выполнение работ, оказание услуг с применением ручного труда и инструмента (ч. 3 п. 1 ст. 1 ГК). Остальные виды непредпринимательской деятельности (ч. 4 п. 1 ст. 1 ГК) тоже предполагают один или несколько названных элементов содержания. Следовательно, из гражданско-правового понятия услуги законодатель исключает предпринимательскую и иную деятельность, предметом которой выступает продажа имущества и (или) выполнение работ.

Таким образом, услуга в гражданско-правовом смысле представляет собой:

1) действие в пользу другого лица, за исключением передачи имущества и выполнения работы, либо

2) предпринимательскую и иную деятельность, которая не состоит в продаже имущества и (или) выполнении работ.

Заметим, что полезное действие может не быть услугой по п. 1, но являться таковой по п. 2. К примеру, выдача кредита – не услуга по п. 1: она заключается в передаче имущества (денег). В то же время данная операция входит в

предпринимательскую деятельность, не сводимую к продаже товаров и выполнению работ (банковскую деятельность). Значит, выдача кредита – услуга.

Согласно ст. 128 ГК услуги отнесены к объектам гражданских прав. По нашему мнению, так быть не должно.

Во-первых, объект гражданских прав – это всегда объект интереса субъекта прав. Поскольку услуга приносит пользу в процессе ее оказания, объектом интереса услугополучателя является не услуга (действие в возможности), а оказание услуги (действие в действительности).

Во-вторых, оказание услуги неотделимо от услугодателя и входит в содержание его правоспособности. Вместе с тем услугополучатель не имеет юридического господства над действиями услугодателя. Интерес первого обеспечивается не субъективным правом на оказание услуги, а возможностью привлечения неисправного услугодателя к ответственности.

В-третьих, если оказание услуги рассматривать как объект права кредитора требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 288 ГК), то к объектам гражданских прав придется относить и передачу имущества, и выполнение работы, и любое другое исполнение обязательства действием. Однако в ст. 128 ГК таких объектов нет. К тому же от исполнения обязанности оказать услугу можно отказаться, возместив контрагенту убытки (п. 2 ст. 736 ГК).

Считаем, что услуги (оказание услуг) в гражданско-правовом смысле – это не объект гражданских прав, а объект гражданско-правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала / К. Маркс; пер. И. И. Скворцова-Степанова // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23. – С. 41–784.

Т. М. РУСЕНЧИК

Минск, Белорусский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ

Семья, под каким бы углом зрения ее не рассматривали, столь многослойное социальное образование, что неудивительны упоминания о ней в различных отраслях науки. Она сочетает в себе свойства социальной организации, социальной структуры, института малой группы и входит в предмет изучения, права, социологии, психологии и т.д. [1, с. 43] Взаимоотношения в семье многогранны и сложны как по своей структуре, так и по своему содержанию.

Вопросам о родительских правах, основаниям их возникновения, их природе, специфике в специальной литературе уделяется все еще мало внимания и сегодня эти вопросы продолжают оставаться недостаточно разработанными.

В соответствии со статьей 64 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) в качестве одного из оснований возникновения семьи в частности выделяется близкое родство, удостоверенное в установленном законом порядке. В то

же время в отношениях «родители-дети» родство фактически отождествляется с термином «происхождение». Вместе с тем именно происхождение, удостоверенное в установленном законом порядке, в силу статьи 50 КоБС является основанием возникновения прав и обязанностей родителей и детей.

Юридическая природа установления происхождения детей сама по себе, представляя особый теоретический интерес, является актуальной проблемой в правоприменительной практике.

Установление происхождения ребенка создает объективные предпосылки реализации прав материнства и отцовства, исполнения родителями обязанностей по воспитанию детей, соблюдения прав ребенка. Однако, несмотря на то, что материнство и отцовство на конституционном уровне признаны социально значимыми ценностями, подлежащими специальной защите (статья 32 Конституции Республики Беларусь), право на материнство и отцовство как субъективное право законодателем ни в Конституции, ни в КоБС не закреплено как, например, право женщины и мужчины на вступление в брак и создание семьи (часть 2 статьи 32 Конституции).

Установление происхождения детей регламентируется главой 8 КоБС, содержание которой в 2006 году было достаточно серьезно переработано и изложено в новой редакции (Закон Республики Беларусь от 20.07.2006 № 164-3), в 2012 году отдельные положения данной главы также претерпели некоторые изменения (Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 342-3 (далее – Закон № 342-3). В частности, отредактировано содержание статьи 51 в части определения основания установления происхождения ребенка от матери; существенные изменения коснулись положений статьи 52 в части определения субъектного состава правоотношений суррогатного материнства, а также реализации их прав. Из КоБС исключена статья 53, закреплявшая понятие суррогатного материнства, технические изменения были внесены в статьи 54–56 КоБС. Кроме того, статья 56 дополнена частью 4, а статья 57 – частью 6, которые обязывают суд в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об установлении материнства (отцовства соответственно) направить выписку из этого решения суда в орган, регистрирующий акты гражданского состояния, по месту регистрации рождения ребенка.

Родительское правоотношение, как справедливо указывается в литературе, представляет собой сложный комплекс правовых связей, включающий не только права, но и обязанности надлежащим образом осуществлять воспитание ребенка [2, с. 704].

Правовое регулирование личных неимущественных прав и обязанностей родителей и детей построено на принципе приоритета прав детей, содержание которого раскрывается в статье 181 КоБС. Следует обратить внимание на то, что вмешательство государства в регулирование личных прав и обязанностей родителей сведено до разумного минимума и направлено на обеспечение полноценного физического, умственного и духовного развития детей, создание условий для реализации прав и законных интересов родителей и укрепления семьи в целом. Следует отметить, что в теории семейного права именно личные отношения являются определяющими, а имущественные отношения как бы вытекают из них.

Законом № 342-3 был внесен ряд изменений в нормы КоБС, регулирующие виды и содержание личных неимущественных прав и обязанностей родителей. Так, право и обязанность по определению места жительства детей законодатель дополнил обязанностью по регистрации детей по месту жительства и месту пребывания (статья 68). Изменение, внесенное в статью 73, формально расширяет полномочия родителей по защите прав и законных интересов детей. Теперь родители выступают в защиту их

прав и законных интересов не только в отношениях с организациями, в том числе в судах, но и в отношениях с любыми лицами. Существенное, как нам представляется, изменение коснулось положений статьи 74, регламентирующей место жительства ребенка. Если ранее действовавшая редакция предусматривала, что при наличии разногласий между родителями о том, с кем будет проживать ребенок, спор разрешался исходя из интересов ребенка и с учетом его желания, то новая редакция предусматривает разрешение таких споров без учета желания ребенка. Вероятно законодатель исходил из того обстоятельства, что не всегда желания ребенка совпадают с его интересами. Однако, по нашему мнению, данное изменение не вполне корректное, так как норма в такой редакции ограничивает социальное право ребенка на выбор по достижении десяти лет, с кем из родителей он будет проживать, закрепленное статьей 185 КоБС. Кроме того, часть 4 статьи 74 указывает, что при рассмотрении данных вопросов мнение ребенка должно учитываться в обязательном порядке, однако данное правило касается главным образом процедуры рассмотрения подобных споров, нежели закрепления субъективного права. Часть 4 статьи 74 дополнена правилом, что мнение ребенка о том, с кем из родителей он желает проживать выявляется по запросу суда органом опеки и попечительства по месту жительства ребенка. Данное правило вытекает из сложившейся судебной практики (п. 11 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 30.09.2004 № 11). Однако если ранее такое мнение могло быть выяснено как судом в процессе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного заседания путем личной беседы в присутствии педагога, так и органами опеки и попечительства, вне судебного заседания, когда явка ребенка в суд была необязательна. Второй способ выяснения желания ребенка нам представляется наиболее правильным, поскольку является менее травмирующим детскую психику и позволяет избежать стрессовой ситуации, которую дети могут испытывать, находясь в зале суда. При выяснении желания ребенка необходимо установить является ли оно искренним, к кому из родителей ребенок больше привязан, не оказывалось ли на него воздействие со стороны одного из родителей или других лиц (деда, бабушки, старших братьев и сестер, других родственников и заинтересованных лиц) и т.д. Такие вопросы, по нашему мнению правильнее обсуждать с ребенком вне судебных стен, вероятно, законодатель исходил из тех же соображений, совершенствуя содержание части 4 статьи 74.

Теоретическая конструкция, выдвинутая в свое время Г. М. Свердловым, научная ценность которой была в последствии подтверждена в работах Н. М. Ершовой, акцентировала внимание на «существовании специального правового отношения, возникающего из субъективного права ребенка на получение надлежащего воспитания и права родителей и других лиц на личное воспитание детей» [3, с. 11]. В этой связи актуальным представляется вопрос о предоставлении законом некоторым субъектам права ставить вопрос о содержательном соответствии действий родителя нормативному понятию надлежащего воспитания.

Значительные изменения, затронувшие содержание статьи 75 КоБС, в ныне действующей редакции, по сути, сформулировали легальное определение понятия «воспитание детей», отсутствие которого раньше: во-первых, было нелогично, поскольку в КоБС раскрывалось понятие «ненадлежащее воспитание и содержание детей» (статья 67); во-вторых, отсутствие такого определения на законодательном уровне обуславливало наличие дискуссии среди ученых относительно определения данной дефиниции в теории семейного права.

Следующее немаловажное изменение коснулось части 2 статьи 75, в соответствии с которой при наличии разногласий между родителями по вопросам воспитания детей они разрешаются исключительно в судебном порядке. До внесения изменений в данную статью споры о воспитании детей, по общему правилу, разрешались в досудебном порядке органом опеки и попечительства и только в случае несогласия родителей или одного из них с принятым решением либо неисполнении его впоследствии спор разрешался судом в порядке искового производства (п. 9 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 30.09.2004 № 11). Однако, следует отметить, судебная практика исходила из того, что отказ родителей от обращения по вопросам воспитания детей в орган опеки и попечительства, лишает их права сразу обратиться в суд. Таким образом, внесенное изменение позволит разрешать данную категорию споров единообразно и только в судебном порядке, при этом за органом опеки и попечительства сохраняется обязанность по подготовке заключения об участии родителей в воспитании детей (статья 86), которое будет истребовано судом при подготовке дела к судебному разбирательству.

В заключение, следует отметить, совершенствование брачно-семейного законодательства в сфере регулирования личных неимущественных правоотношений родителей и детей служит не только интересам родителей и детей, но и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социология семьи : Учебник / А. И. Антонов, О. В. Дорохина, В. М. Медков [и др.]; под ред. проф. А. И. Антонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 640 с.
2. Черных, И. И. Судебное решение по делам о рассмотрении споров о воспитании детей / И. И. Черных // Lex Russica. – 2014. – № 6. – С. 704-711
3. Ершова, Н. М. Правовые вопросы воспитания детей в семье / Н. М. Ершова. – М. : Изд-во «Наука», 1971. – 104 с.

Е. А. САЛЕЙ

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

ОТКАЗ ОТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ОТЧУЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 года (далее – ГК) ввел правила о допустимости отказа от права собственности, закрепив в ст. 237 общий порядок и правовые последствия отказа собственника от права собственности на принадлежащее ему имущество. Нормы данной статьи за весь период существования ГК не подвергались концептуальным изменениям. Вместе с тем, несмотря на стабильность легализованного подхода к вопросам отказа от права собственности, правоприменители допускают весьма неординарное толкование норм о допустимости отказа от права собственности и используют соответствующие нормы для достижения поставленных целей в обход законодательства об отчуждении имущества.

Согласно части 1 п. 1 ст. 237 ГК гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом

либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество. Исходя из ст. 236 ГК, отказ от права собственности является одним из предусмотренных законом оснований прекращения права собственности наряду с отчуждением собственником своего имущества другим лицам. Отказ от права собственности является самостоятельным способом прекращения права собственности, правовое регулирование которого в силу хотя и добровольного, но все-таки отказа от права, с одной стороны, не подлежит распространительному толкованию, с другой стороны, не может подменяться правилами об иных способах прекращения права собственности.

В отличие от отчуждения, при отказе от права собственности собственник не имеет намерения передать свое право на имущество конкретному лицу, на что традиционно обращается внимание в специальной литературе и комментариях к ГК [1, с. 344; 2, с. 515]. Право на отчуждение имущества представляет собой юридически обеспеченную возможность на совершение действий по распоряжению имуществом, направленное на смену собственника этого имущества, что, как справедливо указывает М. П. Имекова, предполагает, что наряду с фигурой отчуждателя всегда присутствует другое лицо – правоприобретатель. При отчуждении имущества, в отличие от отказа от права собственности на имущество, право собственности не просто прекращается у отчуждателя и затем возникает у правоприобретателя, а переходит от отчуждателя к правоприобретателю [3, с. 1423-1424]. При этом значение приобретает выбор собственником, по общему правилу, на основе свободного волеизъявления лица, которому отчуждается имущество. Отказ от права собственности как акт свободного волеизъявления направлен на прекращение права собственности на имущество без определения собственником правопреемника в отношении такого имущества. Фигура правопреемника на момент отказа собственником не конкретизируется. Подтверждением тому выступают и нормы ст. 219 ГК, согласно которым «право собственности на имущество, которое имеет собственник, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества» (п. 2), а «в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, лицо может приобрести право собственности ... на имущество, от которого собственник отказался» (п. 3). Тем самым, при отказе от права собственности, в отличие от добровольного отчуждения имущества, отсутствует волеизъявление собственника на выбор правопреемника в отношении принадлежащего ему имущества.

Специфичной является и характеристика субъектного состава права на отказ. Отказаться от права собственности, согласно ст. 237 ГК, могут только граждане и юридические лица. Ни государство, ни административно-территориальные единицы как субъекты гражданского права не вправе отказаться от права собственности на имущество, находящееся в республиканской или коммунальной собственности соответственно. Прекращение права государственной собственности в порядке ст. 237 ГК недопустимо. Отказаться от права может только собственник либо надлежащим образом уполномоченное выступать от его имени лицо. Не может отказаться от права собственности юридическое лицо, не являющееся собственником закрепленного за ним имущества, в частности, унитарное предприятие, учреждение, государственное объединение. Правом на отчуждение в таком контексте, по общему правилу, обладает любой субъект гражданского права.

Допустим отказ от права собственности как на движимое, так и недвижимое имущество. Вместе с тем, нельзя отказаться от права собственности, не определив

объект права собственности, от которого собственник отказывается. Основываясь на классической концепции вещных прав, характерной для континентальной правовой системы, объектом права собственности могут выступать только индивидуально-определенные вещи как предметы материального мира, сохранившиеся в натуре. Вместе с тем в состав имущества, принадлежащего лицу на праве собственности, могут входить и отдельные обязательственные права, корпоративные права, а также некоторые правомочия из состава исключительных прав. Как подчеркивает Е. А. Суханов, «они не приобретают тем самым режима вещных прав, но находятся в составе принадлежащего лицу имущества как единого комплекса... Лишь находясь в составе такого имущественного комплекса (например, предприятия) как самостоятельного и единого объекта гражданского оборота, имущественные права (как и обязанности) при соблюдении известных условий могут отчуждаться» [4, с. 334-335]. Это в полной мере, с нашей точки зрения, касается и отказа от права собственности. Если речь идет об отказе от права собственности на имущество, находящееся, например, у унитарного предприятия на праве хозяйственного ведения, предполагается, что предприятие как имущественный комплекс сформирован как объект гражданских прав посредством государственной регистрации в качестве такового. Предусмотренная законодательством государственная регистрация предприятия как имущественного комплекса позволяет идентифицировать объект при использовании различных способов распоряжения правом собственности, в том числе, отказе от права собственности и отчуждении имущества собственником.

Исходя из п. 1 ст. 237 ГК собственник вправе отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество двумя способами: либо прямо объявив об этом, либо совершив иные действия, определенно свидетельствующие о намерении не сохранять в дальнейшем какие-либо права на это имущество. Специальных правил относительно формы объявления об отказе от права собственности действующим законодательством не установлено. Поскольку объявление об отказе от права собственности есть правомерное действие, направленное на прекращение права собственности, иными словами, юридический факт – сделка, то такое объявление, подчиняясь общим правилам о форме сделок, может быть выражено устно или в письменной форме. Сделки в отношении недвижимости, в том числе объектом которых выступает предприятие как имущественный комплекс, совершаются в письменной форме и, по общему правилу, подлежат государственной регистрации в порядке, предусмотренном законодательством о государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Таким образом, поскольку законодательными актами не предусматривается иное, объявление об отказе от права собственности является односторонней сделкой, направленной на прекращение права собственности, и в отношении недвижимого имущества (или приравняемого к недвижимому) подлежит государственной регистрации.

Вместе с тем, даже будучи зарегистрированным, в силу специального указания в законе (п. 2 ст. 237 ГК), объявление об отказе от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом по основаниям, указанным в ст. 226 ГК «Бесхозные вещи» и ст. 227 ГК «Движимые вещи, от которых собственник отказался». Согласно ст. 226 ГК вещь, от права собственности на которую собственник отказался, признается бесхозной. Если речь идет о недвижимости, законодатель закрепил следующий алгоритм действий: право коммунальной собственности на бесхозную недвижимую вещь может быть признано

судом; не признанная по решению суда поступившей в коммунальную собственность, бесхозяйная недвижимая вещь может быть вновь принята во владение, пользование и распоряжение оставившим ее собственником либо приобретена в собственность в силу приобретательной давности (ст. 235 ГК). Право собственности на предприятие как имущественный комплекс у нового собственника возникает с момента государственной регистрации соответствующего права.

Таким образом, отказ от права собственности и отчуждение имущества собственником являются самостоятельными субъективными правами в рамках реализации правомочия собственника на распоряжение принадлежащим ему имуществом. Ключевым моментом в разграничении отказа от права собственности и добровольного отчуждения имущества собственником является отсутствие волеизъявления собственника на выбор правопреемника в отношении принадлежащего ему имущества. В отношении недвижимого имущества (приравняемого к недвижимому), объявление об отказе как односторонняя сделка подлежит государственной регистрации. Право собственности на недвижимое имущество, от которого собственник отказался, прекращается у него с момента регистрации такого права за новым собственником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. редактор В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 1999. – 544 с.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь: в трех томах (постатейный). Том 1 / Руководитель авт. коллектива и отв. редактор В. Ф. Чигир. – Минск : изд-во журнала «Промышленно-торговое право», 2003. – 776 с.
3. Имекова, М. П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю / М. П. Имекова // Актуальные проблемы гражданского права. – 2013. – № 11 (36). – С. 1423-1428.
4. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. А. Суханов. – М. : Юристь, 1999. – 384 с.

А. И. СВИРИДА

Брест, Учреждение образование «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ДЕЛ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ДОЛЖНИКА, ПРИЗНАННОГО БАНКРОТОМ

С ростом количества дел о банкротстве возрастает и количество дел о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должников-банкротов.

Статья 11 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 года № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) предусматривает два основания субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица – должника, признанного банкротом:

1) если банкротство вызвано собственником имущества, учредителями (участниками), руководителем или иными лицами, имеющими право давать

обязательные для должника указания либо возможность иным образом определять его действия (ч. 2 ст. 11 Закона);

2) если в случаях и срок, установленных частями второй и шестой ст. 9 Закона, руководителем должника, председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором) и (или) иными виновными в этом лицами не подано в суд заявление о банкротстве (ч. 3 ст. 11, ч.3 ст. 233 Закона) [2].

Количество дел о субсидиарной ответственности постоянно возрастает. Экономические суды в целом обеспечивают законное и обоснованное их рассмотрение, однако существуют проблемные, спорные моменты, возникающие при рассмотрении дел данной категории:

1) не принятие предусмотренных законом мер по обеспечению полноты и всесторонности исследования обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о привлечении лиц к субсидиарной ответственности. По делам о субсидиарной ответственности не выясняется вопрос о наличии у должника имущества, за счет которого подлежали удовлетворению требования кредиторов, а также вопрос о приостановлении производства по делу на основании абзаца второго ст. 145 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) [1].

2) ошибки при определении размера субсидиарной ответственности - чрезмерное завышение суммы субсидиарной ответственности или необоснованное ее занижение.

3) не привлечение к участию в деле всех ответчиков, на которых по обязательствам должника возможно возложение субсидиарной ответственности в солидарном порядке [3].

Учитывая вышеизложенные недостатки по вопросам судебного разрешения судом дел о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, признанного банкротом, необходимо отметить следующее:

1) точное и единообразное соблюдение норм законодательства, предусматривающих возложение ответственности по обязательствам должника на иных лиц, является гарантией защиты прав и законных интересов кредиторов, способствует созданию благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности;

2) не следует допускать завершения ликвидационного производства по делу о банкротстве при наличии оснований для возложения субсидиарной ответственности по обязательствам должника на других лиц. Иски о привлечении к субсидиарной ответственности предъявляются после открытия ликвидационного производства, в случае выявления недостаточности имущества должника для полного удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, в том числе после продажи имущества должника, и рассматриваются экономическим судом до вынесения определения о завершении ликвидационного производства [4].

3) производство по делу о субсидиарной ответственности приостанавливается на основании абзаца второй статьи 145 ХПК при невозможности определить размер ответственности ввиду:

- неполной реализации управляющим имущества должника;
- наличия сведений о наличии у третьих лиц подлежащего включению в конкурсную массу имущества должника;
- наличия неразрешенных жалоб кредиторов и иных лиц на действия управляющего по формированию реестра требований кредиторов [1].

4) при определении размера субсидиарной ответственности следует учитывать как требования кредиторов, включенные в реестр требований кредиторов, так и

требования, подлежащие удовлетворению вне очереди (часть пятая статьи 11, часть четвертая статьи 90 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 года «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»). Суммы, не указанные в реестре требований кредиторов или перечне внеочередных платежей, приложенных антикризисным управляющим к своему отчету по итогам ликвидационного производства, по делу о субсидиарной ответственности взысканию не подлежат [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.
2. Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве) от 13 июля 2012 г. № 415-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2016.
3. Сысуев, Т. В. Защита ответчика по делам о привлечении к субсидиарной ответственности / Т. В. Сысуев, Н. В. Королёва // *Промышленно-торговое право* (научно-практический журнал). – 2016. - № 10. – С. 76-79.
4. Судебная практика рассмотрения дел о взыскании с учредителей (участников) субъектов хозяйствования сумм задолженности в порядке субсидиарной ответственности [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://www.court.by/>. – Дата доступа : 05.11.2016.

К. В. ФАДЕЕВА, А. И. НЕЁЛОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Соответствие экономического судопроизводства Республики Беларусь европейским стандартам требует постепенного внедрения системы «электронного правосудия». Во многих европейских государствах такие системы успешно внедряются в работу судов.

Впервые в Республике Беларусь о необходимости использования разработок IT в деятельности судов было продекларировано в Концепции судебной реформы 1992 года. В последующем указанные вопросы затрагивались и в иных нормативно-правовых актах Республики Беларусь. Однако все источники регулируют лишь некоторые аспекты рассматриваемого явления, но ни один из них не подходил комплексно к изучению данной проблемы.

Одной из составляющих электронного правительства является электронное правосудие или e-justice (electronic justice). В широком смысле под e-justice понимают не только, собственно, электронное судопроизводство, но и все сопутствующие судопроизводству процессы, включая организацию деятельности суда, не связанную с отправлением правосудия. Как правило, к элементам e-justice относят:

- подача иска и иного процессуального документа посредством интернета;
- использование средств доказывания в электронной форме;

- проведение судебного заседания онлайн через видеоконференции, пересылку e-mail;
- доступ к материалам дела участникам процесса и иным лицам через интернет;
- использование электронных судебных повесток;

Внедрение IT-технологий в сферу экономического судопроизводства Республики Беларусь является необходимым условием для обеспечения доступности, оперативности и открытости правосудия в экономической сфере. В настоящее время в системе экономических судов Республики Беларусь уже работают некоторые элементы «электронного правосудия». Так, в деятельности экономических судов уже с 2010 г. применялись такие элементы «электронного правосудия», как: подача электронных копий документов, электронное расписание судебных заседаний, размещение резолютивной части постановлений кассационной инстанции в онлайн-режиме на интернет-портале экономических судов Республики Беларусь [1]. Кроме этого осуществлялось аудио-, видеофиксирование судебных заседаний, использовались документ-камеры. Кроме того, работает система подачи и принятия заявлений в электронном виде. Поскольку не все субъекты хозяйствования имеют возможность обращаться в суд в электронной форме, суды пока не отказываются и от приема документов в письменном виде. Еще одним элементом «электронного правосудия» является обеспечение доступа граждан и субъектов хозяйствования к судебной информации, что позволяет в режиме реального времени узнать об исходе дела, ознакомиться с расписанием судебных заседаний, записаться на прием к руководству суда и т. д.

Исходя из выше сказанного, понятно, что именно система e-justice сможет решить следующие задачи:

- возможность формировать и размещать на Internet-портале экономического суда и на других ресурсах практически любые блоки информации, касающиеся деятельности экономических судов;
- установка информационно-справочных киосков во всех судах. С ее помощью посетители смогут получать самую разнообразную информацию о времени судебных заседаний, образцах заявлений, размерах госпошлины. Можно будет также ознакомиться с систематизированным перечнем принятых судебных актов и многим другим;
- свободный доступ к информации о движении судебных дел, результатах их рассмотрения;
- разработка шаблонов для дополнительной подачи электронных копий поступающих в суды документов (исковых заявлений, заявлений, ходатайств, отзывов, возражений и т.д.);
- использования в залах судебного заседания так называемых док-камер. С их помощью на экран передается изображение предоставленных сторонами копий документов, что значительно облегчает ведение процесса. В электронное дело будут включаться и первичные документы, поступающие в суды только на бумажных носителях;
- развитие видеоконференцсвязи. Использование данной технологии позволяет судам экономить средства на командировочных расходах, кроме того, управленческие решения принимаются более оперативно. Видеооборудование можно использовать и для записи судебных заседаний;

- в перспективе возможно размещение некоторых аудио- и видеоматериалов в Internet. Кроме того, трансляция актуальных и показательных процессов будет полезна многим аудиториям: юристам-практикам, преподавателям ВУЗов, студентам [2].

В настоящее время, в Республике Беларусь «электронное правосудие» находится на стадии разработки. Лишь только в течение 2017 года планируется внедрить систему подачи документов в экономические суды в электронном виде, а также реализовать доступ к банку данных судебных постановлений по экономическим делам. Кроме этого, в ближайшее время будет реализована возможность уплаты государственной пошлины, штрафов по судебным делам через автоматизированную информационную систему единого расчетного и информационного пространства (АИС ЕРИП).

Таким образом, развитие «электронного правосудия» становится приоритетной задачей правовой информатизации в экономических судах Республики Беларусь, а отдельные элементы электронного правосудия уже применяются в системе экономических судов Республики Беларусь. Использование их обеспечивает абсолютную открытость и доступность судов, способствует улучшению качества судейской работы и создает максимальные удобства для участников экономического спора. Вместе с тем, «электронное правосудие» требует внесения серьезных изменений в законодательство и практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2016.

4. Каменков, В. С. Развитие «электронного правосудия» как приоритетная задача правовой информатизации хозяйственных судов / В. С. Каменков // Вестник Высшего Хозяйственного Суда. – 2010. – № 12. – С. 145–148.

Т. А. ЧЕРВЯКОВА

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Специфика осуществления банковской деятельности обусловила ряд особенностей ее лицензирования, среди которых необходимо выделить следующие:

1. Регистрационный порядок выдачи лицензии. Подавляющее большинство лицензий в Республике Беларусь предоставляется заинтересованным лицам в заявительном порядке. При этом в качестве заявителя может выступать только соискатель лицензии, т. е. лицо, которое намерено осуществлять в будущем лицензируемый вид деятельности. В соответствии со ст. 95 Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК) [1] учредители банка вправе обратиться в Национальный банк Республики Беларусь за получением лицензии на осуществление банковской деятельности одновременно с ходатайством о государственной регистрации банка. В этом случае одновременно с документами, необходимыми для государственной регистрации банка, представляются документы, необходимые для получения лицензии. При наличии оснований для отказа в выдаче лицензии на

осуществление банковской деятельности осуществляется государственная регистрация банка без выдачи такой лицензии.

Поскольку лицензирование банковской деятельности производится в регистрационном порядке, Национальный банк Республики Беларусь одновременно с государственной регистрацией возникших в результате реорганизации банков принимает решение о выдаче им лицензий. При этом вопрос о перечне банковских операций, подлежащих включению в лицензию, решается следующим образом:

1) при слиянии вновь созданный банк может ходатайствовать о выдаче лицензии на осуществление банковской деятельности с указанием в ней перечня тех операций, которые были вправе осуществлять реорганизованные банки;

2) при присоединении банк, реорганизованный путем присоединения к нему другого банка, вправе заявить ходатайство о расширении перечня банковских операций за счет включения в него тех операций, которые осуществлял присоединенный банк;

3) при выделении банк, создаваемый таким путем, указывает в ходатайстве о выдаче лицензии перечень предполагаемых к осуществлению операций;

4) при разделении создаваемые банки указывают в ходатайствах о выдаче лицензии перечни предполагаемых к осуществлению операций;

5) при преобразовании перечень банковских операций остается прежним.

2. Исключительный характер лицензии. Лицензия на осуществление банковской деятельности позволяет осуществлять банковские операции, а также виды деятельности, которые перечислены в ч. 4 ст. 14 БК (доверительное управление драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями, лизинговая деятельность, клиринговая деятельность и др.). Лицензиат не может заниматься другими видами деятельности. При этом для осуществления профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам необходимо получение соответствующего разрешения Национального банка Республики Беларусь. Отзыв указанного разрешения является основанием для приостановления или прекращения действия лицензии на осуществление профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам [2, п. 11];

3. Наличие у лицензирующего органа права по собственной инициативе вносить изменения и (или) дополнения в лицензию. Подобное возможно в части уточнения перечня указанных в лицензии банковских операций [1, ч. 2 ст. 95]. В частности, Национальный банк Республики Беларусь самостоятельно корректирует этот перечень в случае изменения законодательства, принятия решения о приостановлении действия или отзыве лицензии на осуществление банковской деятельности в части осуществления отдельных банковских операций, введения ограничений на осуществление банком отдельных банковских операций и др.;

4. Особый порядок приостановления действия лицензии. Перечень оснований для приостановления действия лицензии на осуществление банковской деятельности установлен ст. 97 БК и включает не только установленные лицензирующим органом факты нарушения лицензиатом законодательства, требований и предписаний Национального банка Республики Беларусь, но и предположение о возможности наступления неблагоприятных последствий для третьих лиц в будущем (создание такого финансового положения банка, которое может повлечь угрозу стабильности банковской системы Республики Беларусь и (или) интересам вкладчиков и иных кредиторов банка). Особенности приостановления действия лицензии на осуществление банковской деятельности являются: невозможность полного приостановления (приостанавливается осуществление только отдельных банковских

операций); невозможность приостановления в отношении одного или нескольких филиалов или отделений (действие лицензии приостанавливается одновременно для всех обособленных подразделений); более длительный срок приостановления (до одного года); возможность принятия лицензирующим органам решения о приостановлении действия лицензии на новый срок;

5. Бессрочный характер лицензии. Действие лицензии на осуществление банковской деятельности прекращается только путем ее отзыва лицензирующим органом по основаниям, указанным в ст. 97 БК. Возможен полный или частичный отзыв лицензии. В первом случае банк либо небанковская кредитно-финансовая организация лишаются права осуществлять все банковские операции, а во втором – отдельные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Инструкция о порядке о порядке получения банками согласия Национального банка Республики Беларусь на осуществление операций с ценными бумагами [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 30 мая 2007 г., № 112 : в ред. постановления Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 04.06.2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

Э. Н. ШЕРЗАД

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ: ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА САМОСТОЯТЕЛЬНО РАСПОРЯЖАТЬСЯ СВОИМИ ДОХОДАМИ

В Республике Беларусь несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет наделяется частичной дееспособностью. Он может без согласия своих законных представителей самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией, иными личными доходами, а также совершать мелкие бытовые сделки, либо иные сделки, предусмотренные п. 2 ст. 27 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Остальные сделки несовершеннолетний вправе совершать только с письменного согласия одного из своих законных представителей [1].

Однако в ГК закреплена норма, согласно которой несовершеннолетний может быть ограничен в праве распоряжения своей стипендией, заработком или иным доходом, а может быть и вообще лишен этого права (п. 4 ст. 25 ГК). Доходами в данном случае являются уже заработанные и полученные средства, а не те средства (доходы), которые могут быть получены только в будущем.

Данная мера применяется судом по ходатайству родителей, усыновителей или попечителя либо органа опеки и попечительства при наличии достаточных оснований.

К слову сказать, по Гражданскому Кодексу 1964 года таким правом могли воспользоваться также общественные организации и другие заинтересованные лица.

В Гражданском кодексе Республики Казахстан также предусмотрена норма, предусматривающая возможность суда при наличии достаточных оснований ограничить или лишить несовершеннолетнего права самостоятельного распоряжения своим заработком, стипендией, иными доходами и созданными им объектами права интеллектуальной собственности (п. 3 ст. 22). Отличительной особенностью является ограничение распоряжение объектами права интеллектуальной собственности несовершеннолетнего.

В Гражданском кодексе Республики Узбекистан норма, касающаяся ограничения несовершеннолетнего права распоряжаться своим заработком, стипендией или иным доходом, аналогична белорусской. Подобно закреплена норма и в Гражданском кодексе Украины: если несовершеннолетний злоупотребляет правом распоряжения своим заработком, стипендией или иными доходами, использует его в ущерб себе, интересам других лиц, заслуживающих внимания (членов семьи), суд на основании заявления законных представителей несовершеннолетнего, органа опеки и попечительства может ограничить несовершеннолетнего в праве самостоятельно распоряжаться своими доходами или лишить его этого права (ч. 5 ст. 32 ГК).

Данные нормы перекликаются с институтом расточительства, который существует в зарубежных правовых системах (в частности, во французском ГК).

Гражданский кодекс Франции, не лишая расточителя дееспособности, в то же время предусматривает, что такое лицо может совершать сделки и иные юридические действия лишь с разрешения назначенного трибуналом советника. Применительно к нашему законодательству по объему дееспособности такой расточитель приравнивается к несовершеннолетним, обладающим частичной дееспособностью. Во Франции также существует институт эмансипации, поэтому данная норма будет применяться и к полностью дееспособным несовершеннолетним. Однако нормы, в соответствии с которой можно ограничить именно несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права распоряжаться своим заработком в связи с приобретением спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ или азартными играми, в законодательстве Франции не имеется.

Обзор действующего законодательства Российской Федерации показал, что в силу п. 4 ст. 26 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при наличии достаточных оснований суд по ходатайству родителей, усыновителей или попечителя либо органа опеки и попечительства также может ограничить или лишить несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами, за исключением случаев, когда такой несовершеннолетний приобрел дееспособность в полном объеме в соответствии с п. 2 ст. 21 или ст. 27 ГК РФ.

Аналогично в Республике Беларусь в п. 4 ст. 25 ГК предусмотрены исключения, при наличии которых несовершеннолетний не может быть ограничен в праве распоряжения своими доходами. Этими условиями являются: эмансипация несовершеннолетнего либо вступление в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста, то есть те случаи, когда несовершеннолетний приобретает полную дееспособность. Следовательно, эмансипированный несовершеннолетний может быть ограничен в дееспособности на основании ст. 30 ГК при наличии двух оснований: злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными

веществами и поставления своей семьи в тяжелое материальное положение. Причем второе основание должно вытекать из первого.

Орлова О. Б. отмечает, что при ограничении несовершеннолетнего в праве распоряжения своей стипендией, заработком или иным доходом не имеет значения то обстоятельство, что несовершеннолетний никого не ставит в тяжелое материальное положение, достаточно фактов чрезмерной и неразумной траты заработка, стипендии, доходов [2].

Под достаточными основаниями понимается расходование денежных средств, получаемых несовершеннолетним, не по назначению, неразумно.

ГК не раскрывает понятие «достаточных оснований», необходимых для ограничения или лишения несовершеннолетнего права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами, поэтому для предотвращения возможности необоснованного использования этого положения полагаем, разумно дополнить ст. 25 ГК пунктом пятым: «Под достаточными основаниями понимается расходование несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет своих заработка, стипендии или иных доходов на приобретение спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ или азартные игры либо иная неразумная трата средств».

Также суд может принимать во внимание последствия в виде тяжелого материального положения и лишения семьи средств к существованию, произошедших из-за неразумной траты несовершеннолетним своего заработка. Однако в практике судов достаточным основанием для ограничения несовершеннолетнего права распоряжаться своими доходами признавалось расходование денежных средств на приобретение спиртных напитков, при этом тяжелое материальное положение его семьи не учитывалось [3].

Суд возбуждает подобные дела на основании заявления родителей, усыновителей (попечителя) либо органа опеки и попечительства. В данном случае в предмет доказывания входит возраст несовершеннолетнего (от 14 до 18 лет); наличие у несовершеннолетнего заработка, стипендии или иного дохода; факты приобретения спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ либо иной неразумной траты средств.

Права и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, обеспечиваются при помощи института попечительства. Доходы несовершеннолетнего, ограниченного в частичной дееспособности, будут выдаваться его родителям, усыновителям либо попечителю.

Суд может отказать в удовлетворении заявления об ограничении либо лишении несовершеннолетнего права распоряжаться своими доходами, при отсутствии доказательств о систематичности приобретения спиртных напитков, наркотических средств либо неразумности использования денежных средств. Доказательством систематического употребления спиртных напитков может являться неоднократное привлечение к административной ответственности, а также постановка на учет в инспекции по делам несовершеннолетних.

Вопрос об ограничении либо лишении несовершеннолетнего частичной дееспособности будет решаться в зависимости от целей и неразумности расходования средств, а также поведения несовершеннолетнего.

В ГК прямо не предусмотрена возможность ограничения дееспособности несовершеннолетнего на определенный срок.

Ограничение или лишение права распоряжаться своими доходами может быть установлено судом на определенный срок либо до достижения восемнадцатилетнего возраста. Если в решении суда срок не установлен, то ограничение заканчивается по достижению несовершеннолетним восемнадцати лет. При этом возможна отмена решения судом об ограничении либо лишении несовершеннолетнего права распоряжаться своим заработком, стипендией досрочно по ходатайству лиц, требовавших установление этого ограничения.

Таким образом, в ГК предусмотрена статья, по которой несовершеннолетний может быть ограничен или лишен частичной дееспособности при нецелесообразном расходовании несовершеннолетним своего дохода. Для конкретизации этих оснований предлагаем дополнить ст. 25 ГК пунктом пятым: «Под достаточными основаниями понимается расходование несовершеннолетним в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет своих заработка, стипендии или иных доходов на приобретение спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ или азартные игры либо иная неразумная трата средств». Эта норма используется в практике судов, при достаточной доказательной базе, несовершеннолетний может быть ограничен либо лишен права распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Орлова, О. Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. Б. Орлова ; ГОУ ВПО «Рос. гос. торгово-экон. ун-т». – М., 2009. – 26 с.
3. Обзор судебной практики по делам о признании гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным, а также о признании гражданина дееспособным либо об отмене ограничения дееспособности // Судовы веснік. – 2005. – № 1. – С. 43–48.

И. П. ШУТОВ

Москва, Российская Федерация, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» [1] в России учрежден в составе Верховного Суда Российской Федерации Суд по интеллектуальным правам.

Учреждение Суда по интеллектуальным правам было обусловлено объективной потребностью специализации судебной деятельности при рассмотрении споров вокруг

объектов интеллектуальной собственности. В значительной мере этому способствовало развитие рыночных отношений в экономике и появление новых технологий в России.

Создание органа, основной задачей которого является разрешение дел, связанных со спорами по интеллектуальным правам, было обусловлено наличием очевидных предпосылок и необходимостью следовать в ногу со временем. К тому же, во многих странах уже был накоплен значительный опыт деятельности специализированных судов в этой области. Разрабатывая концепцию статуса государственного органа, осуществляющего рассмотрение споров по интеллектуальным правам, российские законодатели использовали, в известной мере, опыт Соединенного королевства, США, ФРГ и Японии, создав Суд по интеллектуальным правам в системе арбитражных судов Российской Федерации [2, с. 47]. Согласно ст. 26.1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» «Суд по интеллектуальным спорам является специализированным арбитражным судом, рассматривающим в пределах своей компетенции дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав, в качестве суда первой и кассационной инстанций» [3].

В российской юридической науке нет единого мнения относительно типологии статуса Суда по интеллектуальным правам. Например, по мнению В. И. Еременко, положение этого Суда наиболее близко к положению американского специализированного суда по патентным правам [4, с. 9-14], а по мысли В. И. Елисеева, «положение нового специализированного суда в системе арбитражных судов уникально и не является копией какой-либо иностранной модели» [5, с. 90]. Мнение В. И. Елисеева кажется более предпочтительным ввиду значительного различия между правовыми системами РФ и США вообще и их судебными системами.

Суд по интеллектуальным правам в России был зарегистрирован в качестве юридического лица 21 января 2013 [6], а 2 июля 2013 года Пленум Верховного Арбитражного Суда принял постановление «О начале деятельности Суда по интеллектуальным правам» [7], в соответствии с которым Суд начинал свою деятельность с 3 июля 2013. Тем не менее фактическое открытие Суда по интеллектуальным правам и, соответственно, начало его деятельности, состоялось 23 сентября 2013 года.

Состав, структура и порядок формирования Суда по интеллектуальным правам установлены в статьях 43.3, 43.5, 43.6, 43.8, 43.9, 43.10, 43.11; 45, 47 Федерального Конституционного Закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» [8]; Федеральным Конституционным Законом от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам»; Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [9] и Регламенте арбитражных судов РФ [10].

Законодатель устанавливает штат Суда по интеллектуальным правам в 30 судей и 120 единиц работников аппарата суда за исключением персонала по охране и обслуживанию зданий, транспортного хозяйства, допуская при этом возможность изменять их число в большую или меньшую сторону в зависимости от предусмотренных в государственном бюджете расходов. В настоящее время в штате суда находятся председатель, два его заместителя и 15 судей, а также значительный аппарат суда в виде секретариата председателя суда, советников, управления делами и 6 отделов. [11]. Несмотря на то, что численность судей меньше 30, подобная ситуация

не противоречит законодательству, поскольку Суд по интеллектуальным правам считается образованным с момента назначения не менее половины судей.

Председатель суда и его заместители назначаются на должность Президентом Российской Федерации сроком на шесть лет по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации при наличии положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Кроме осуществления процессуальных полномочий в качестве судей, председатель и его заместители выполняют организационную работу. Судьи Суда по интеллектуальным правам назначаются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации, которое направляется Президенту Российской Федерации не позднее 30 дней со дня получения от председателя Суда по интеллектуальным правам представления о назначении рекомендуемого лица на должность судьи. При этом, разумеется, и председатель, и его заместители и судьи должны соответствовать общим требованиям, предъявляемым в Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» судьям специализированного арбитражного суда.

Деятельность Суда по интеллектуальным правам направляется президиумом, в состав которого входят председатель, его заместители, председатели судебных составов и судьи, утвержденные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по представлению председателя Суда по интеллектуальным правам. Президиум Суда по интеллектуальным правам осуществляет в кассационном порядке проверку законности вступивших в законную силу судебных актов Суда по интеллектуальным правам, принятых им по первой инстанции, а также утверждает по представлению председателя Суда председателей судебных составов; рассматривает вопросы организации работы Суда по интеллектуальным правам; рассматривает вопросы судебной практики.

Закон регулирует порядок создания судебных коллегий и судебных составов. Судебные коллегии образуются по решению Пленума Верховного Суда Российской Федерации при утверждении их состава президиумом Суда по интеллектуальным правам из числа судей этого суда по представлению председателя Суда по интеллектуальным правам. Судебные коллегии возглавляют председатели – заместители председателя Суда по интеллектуальным правам. Судебные составы образуются из числа судей Суда с учетом их специализации. Судебный состав возглавляет председатель, утверждаемый (в том числе и неоднократно) президиумом Суда по интеллектуальным правам сроком на три года.

В компетенцию Суда по интеллектуальным правам входит рассмотрение дел по его специализации, а также иные функции, не связанные непосредственно с судопроизводством. При этом Суд является одновременно судом двух инстанций – первой и кассационной. Апелляционной инстанции не существует. Подобное совмещение позволяет, во-первых, добиться большего единообразия судебной практики и, во-вторых, эффективнее осуществлять разрешение споров в данной области.

В качестве суда первой инстанции рассматриваются дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии. При этом данные дела подлежат рассмотрению в независимости от того,

являются ли участниками правоотношений, из которых возник спор, организации, индивидуальные предприниматели или граждане.

В качестве суда кассационной инстанции дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации по первой инстанции, арбитражными апелляционными судами; дела, рассмотренные им в первой инстанции. Суд пересматривает также принятые им и вступившие в законную силу судебные акты в случае появления новых и вновь открывшихся обстоятельств.

В качестве иных полномочий выделяются полномочия Суда по обращению в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в рассматриваемом им деле; изучать и обобщать судебную практику; подготавливать предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов; анализировать судебную статистику.

При этом решения Суда по интеллектуальным правам, до упразднения Высшего арбитражного суда Российской Федерации Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», могли быть обжалованы на основании ст.291.1 АПК РФ в Судебную коллегия ВАС РФ в рамках двойной кассации, а после реформы – в соответствии с той же статьей – в Судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации, опять же в порядке двойной кассации.

В соответствии с конституционной реформой от 5 февраля 2014 г. Высший арбитражный суд упразднился (прекратил деятельность в августе 2014 г.), а его полномочия по отношению к арбитражному судоустрою и судопроизводству переходили к Верховному Суду Российской Федерации [12]. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что в обновленной судебной системе «Суд по интеллектуальным правам имел немало признаков, делающих его подобным высшему суду. В частности, П. Семин пишет, что суд по интеллектуальным правам имел немало признаков, делающих его подобным высшему суду. Среди таких признаков он приводит юрисдикцию суда, распространяющуюся на все арбитражные суды РФ; функцию обобщения судебной практики; компетенцию рассмотрения дел по оспариванию нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, если они нарушают права и законные интересы заявителей; а также тот факт, что движение дел фактически заканчивалось на уровне рассмотрения суда, так как за первый год его работы ни одно решение не было отменено или изменено в порядке надзора [13, с. 359, 360]. Подобное положение дел де-факто придавало бы Суду по интеллектуальным правам статус высшей инстанции, что означало бы его большую самостоятельность (как организационную, так и в сфере судебной практики) и большую значимость как судебного органа.

После реформы положение суда по интеллектуальным правам значительно изменилось. Во-первых, Суд по интеллектуальным правам потерял организационную самостоятельность: теперь большинство ключевых назначений производится при участии Верховного Суда Российской Федерации, что, разумеется, негативно сказывается на самостоятельности Суд. Во-вторых, если до реформы возможность обжалования решения в надзорном порядке была достаточно условной, то после реформы возможность кассации Верховного Суда Российской Федерации (суда общей юрисдикции) относительно решений, вынесенных Судом по интеллектуальным правам, достаточно реальна.

Можно сказать, что в результате реформы Суд по интеллектуальным правам утратил не только своё фактическое и юридическое высокое положение. Сам факт возможности пересмотра дел, рассмотренных в специализированном суде, судом общей юрисдикции говорит так же об утрате его «специализированного характера» и превращение в «промежуточное звено» между Верховным Судом Российской Федерации (судом общей юрисдикции) по делам о защите прав интеллектуальной собственности.

Дальнейшие перспективы Суда по интеллектуальным правам, особенно, если учесть тенденцию к расширению компетенции Верховного Суда Российской Федерации, являются достаточно неясными. Сегодня существует системное неравенство в защите интеллектуальных прав: в системе арбитражных судов есть специализированный суд, а в системе судов общей юрисдикции нет. Соответственно, вполне логична постепенная передача суда по интеллектуальным правам в Верховный Суд Российской Федерации, например, в статусе одной из его коллегий.

Есть и другой вариант развития событий, при котором Суд сохранит все процессуальные механизмы и структуру, а также, возможно, сохраняя высшие полномочия за Верховным судом Российской Федерации (то есть возможность обжаловать в Верховный Суд Российской Федерации решения Суда по интеллектуальным правам в кассационном или надзорном порядке), получит большую организационную самостоятельность. Компетенция суда по интеллектуальным правам будет значительно расширена и он, помимо дел, уже отнесенных к его ведению, станет рассматривать все гражданские дела, связанные с интеллектуальной собственностью (скорее всего, в качестве суда кассационной инстанции). Тогда Суд по интеллектуальным правам станет звеном, вынесенным, из обеих (арбитражной и общей юрисдикции) судебных систем. Его можно будет назвать «ключевым» (но не единственным – так как сохраниться возможность пересмотра дел в Верховном Суде Российской Федерации) элементом в системе защиты интеллектуальных прав. Такое преобразование, во-первых, обеспечит равный доступ к судебной защите и для юридических, и для физических лиц; во-вторых, повысит независимость, беспристрастность, а значит и эффективность работы Суда по интеллектуальным правам всей судебной системы; в-третьих, позволит наиболее полно реализовать идею создания специализированного судебного органа – Суда по интеллектуальным правам.

Разумеется, и при таком ходе событий возникнут некоторые процессуальные трудности: грамотное отражение в нормативно-правовых актах совмещения гражданского и арбитражного производства; резкое увеличение нагрузки; проработка механизма обжалования решений кассационной инстанции в Верховном Суде Российской Федерации; проблема отсутствия апелляционной и инстанции и, возможно, некоторые другие трудности, обусловленные значительным изменением механизма судопроизводства.

Второй путь теоретически наиболее предпочтителен, но он маловероятен. Учитывая наметившиеся тенденции в реформировании судебной системы (уменьшение организационной самостоятельности и концентрация всех полномочий в Верховном Суде Российской Федерации) можно предположить, что в дальнейшем развитие событий пойдет по первому пути – постепенное уменьшение роли и статуса Суда по интеллектуальным правам с последующим слиянием-поглощением его Верховным Суде Российской Федерации.

Создание Суда по интеллектуальным правам, как специализированного судебного органа, абсолютно оправдано, так как способствует совершенствованию защиты

личных, культурных и экономических прав человека и гражданина, развитию российской экономики на основе рыночных принципов. За относительно небольшой период функционирования, Суд по интеллектуальным правам зарекомендовал себя в качестве необходимого, эффективного и перспективного органа судебной власти.

В настоящее время положение Суда по интеллектуальным правам, как специализированного органа судебной власти, остаётся достаточно шатким, а перспективы неопределёнными. Для дальнейшего развития и повышения эффективности функционирования Суда по интеллектуальным правам необходимо, в первую очередь, изменение его статуса в судебной системе РФ в сторону большей самостоятельности, расширения его компетенции (в том числе с распространением его компетенции и на гражданские дела, связанные с защитой интеллектуальных прав рассматриваемые в судах общей юрисдикции), а также более тщательная проработка механизма взаимодействия с другими органами судебной власти и увеличение штата судей, вспомогательного персонала. Поэтому целесообразно продолжать разработку правовых норм, регулирующих состав, структуру Суда по интеллектуальным правам, его взаимодействие с иными судами, а также судопроизводство в области защиты интеллектуальных прав в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. №4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // «Российская газета» от 16 мая 1995 г. – № 93; Собрание законодательства РФ от 1 мая 1995 г. – № 18. – ст. 1589.

2. Близнац, И. А. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти РФ / И. А. Близнац, Л. А. Новоселова. – М. : Проспект, 2015. – С. 47.

3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // «Российская газета» от 6 января 1997 г. – № 3; Собрание законодательства РФ от 6 января 1997 г. – № 1. – ст. 1.

4. Еременко, В. И. О создании в Российской Федерации Суда по интеллектуальным правам / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2012. – № 8. – С. 9–14.

5. Елисеев, И. Н. Суд по интеллектуальным правам – первый специализированный суд в арбитражной системе / И. Н. Елисеев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 90.

6. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности // <http://www.fedresurs.ru/companies/E90511F6CC2E08E89BE43C88F8A671FB>.

7. Постановление Пленума ВАС РФ от 02.07.2013 № 51 «О начале деятельности Суда по интеллектуальным правам» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». – 2013 г. – № 8.

8. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // «Российская газета» от 16 мая 1995 г. – № 93; Собрание законодательства РФ от 1 мая 1995 г. – № 18. – ст. 1589.

9. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // «Российская газета» от 29 июля 1992 г.; Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 30 июля 1992 г., № 30, ст. 1792.

10. Регламент арбитражных судов РФ принят Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», 1996 г., № 11.

11. Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам // <http://ipc.arbitr.ru/about/structure>.

12. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» // «Российская газета» от 7 февраля 2014 г. № 27; Собрание законодательства РФ от 10 февраля 2014 г., № 6, ст. 551.

13. Семин, П. К вопросу о роли Суда по интеллектуальным правам в обновленной судебной системе РФ / П. Семин // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов студентов и аспирантов III Международного юридического форума. – М.: Издательский центр Университета О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. – С. 359, 360.

И. Н. ЩЕМЕЛЕВА

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ СТОРОН ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

Правовая регламентация прав и обязанностей сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда осуществляется Жилищным кодексом Республики Беларусь (далее – ЖК), Указом Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах правового регулирования жилищных отношений» от 16 декабря 2013 г. № 563 (далее – Указ), многочисленными иными нормативными правовыми актами, основными из которых являются Правила пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 мая 2013 г. № 399 «Об утверждении Правил пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений», Типовой договор найма жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2014 г. № 1297 «О некоторых вопросах предоставления жилых помещений коммерческого использования» (далее – постановление № 1297), Положение об общежитиях и Типовой договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 апреля 2013 г. № 269 «Об утверждении Положения об общежитиях и типового договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда в общежитии и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь» (далее – постановление № 269), Типовой договор найма специального жилого

помещения государственного жилищного фонда, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 сентября 2008 г. № 1408 «О специальных жилых помещениях государственного жилищного фонда» в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 8 мая 2013 г. № 356 (далее – постановление № 1408), другими нормативными правовыми актами, регулируемыми жилищные отношения.

В юридической литературе при исследовании содержания договора найма жилого помещения авторы, как правило, отмечали, что права и обязанности сторон этого правоотношения носят корреспондирующий характер (1, с. 52; 2, с. 52), но классификация этих прав и обязанностей ими не проводилась (2, с. 53 и сл.; 3, с. 58 и сл.). Представляется, что исходя из действующего жилищного законодательства, – когда о договоре найма жилого помещения государственного жилищного фонда можно говорить только как о собирательном понятии применительно ко всем видам договора найма жилого помещения, заключаемым по поводу жилых помещений государственного жилищного фонда, – к вопросу о правах и обязанностях сторон этого договора следует подходить дифференцированно.

Предлагается авторская классификация прав и обязанностей сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда на: 1) ключевые права и обязанности, которые составляют содержание любого правоотношения найма жилого помещения в домах государственного жилищного фонда, реализуются каждым нанимателем и наймодателем независимо от вида договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда; 2) права и обязанности, которые стороны договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда реализуют лишь по мере необходимости; 3) права и обязанности, которые хотя и регламентированы действующим жилищным законодательством, но за редким исключением не могут быть реализованы сторонами рассматриваемого договора.

Права и обязанности, составляющие первую группу, неполно в виде открытых перечней перечислены в ст. 54 «Права и обязанности наймодателя жилого помещения» и ст. 55 «Права и обязанности нанимателя жилого помещения» ЖК.

Во всех видах исследуемого договора наниматель имеет право требовать предоставления ему жилого помещения. Право владения и пользования жилым помещением государственного жилищного фонда возникает на основании соответствующего договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда (п. 46 Положения об учете граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и о порядке предоставления жилых помещений государственного жилищного фонда, утвержденного Указом) (далее – Положение). Соответствующая обязанность наймодателя закреплена в п. 2 ст. 54 Жилищного кодекса Республики Беларусь. Две другие обязанности наймодателя, которым корреспондируют права нанимателя, прописаны здесь же: обеспечивать бесперебойную работу санитарно-технического и иного оборудования и устранять за свой счет повреждения в жилом помещении, являющемся предметом договора найма жилого помещения, возникшие вследствие неисправностей конструктивных элементов, инженерных систем не по вине нанимателя жилого помещения. Соответствующие этим обязанностям права нанимателя в ЖК прямо не оговорены, но в соответствии с п. 1 ст. 54 ЖК наймодатель имеет право требовать доступа в жилое помещение, являющееся предметом договора найма жилого помещения (в согласованное с нанимателем жилого помещения время и в его присутствии), работников организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих жилищно-коммунальные услуги, для проверки

технического состояния жилого помещения, инженерных систем и оборудования и проведения ремонтных работ.

В статьях 54 и 55 ЖК со ссылками на специальные нормы главы 14 ЖК следовало бы, с учетом ее важности, указать на обязанность сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда обеспечивать сохранность жилых помещений и конкретизировать эту обязанность применительно к каждой из сторон договора.

Кроме того, наниматель всегда имеет право расторгнуть договор найма жилого помещения в любое время с согласия проживающих совместно с ним совершеннолетних членов его семьи после исполнения своих обязанностей по этому договору (п. 1 ст. 55 ЖК).

Во всех видах рассматриваемого договора наниматель обязан использовать жилое, подсобные и вспомогательные помещения и находящееся в них оборудование в соответствии с их назначением (п. 2 ст. 55 ЖК, ст. 14 ЖК). Соответствующее право наймодателя прописано в п. 1 ст. 54 ЖК.

Наниматель обязан соблюдать установленные для проживания санитарные и технические требования, правила пожарной безопасности, природоохранные требования, правила пользования жилыми помещениями, содержания жилых и вспомогательных помещений и иные требования, установленные законодательством (абз. 5 п. 1 ст. 26 ЖК). Было бы логически верным дать ссылку на эту норму в п. 2 ст. 55 ЖК, обеспечив тем самым более полный перечень ключевых обязанностей нанимателя договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда в указанной статье.

Кроме того, наниматель обязан обеспечивать подготовку занимаемого жилого помещения к эксплуатации в осенне-зимний период (произвести утепление окон и дверей) и возмещать ущерб, причиненный им помещениям других граждан и организаций (п. 2 ст. 55 ЖК, ст. 28 ЖК).

Еще одной обязанностью нанимателя в договоре найма жилого помещения государственного жилищного фонда в соответствии с п. 2 ст. 55 ЖК является его обязанность вносить плату за жилищно-коммунальные услуги и (или) плату за пользование жилым помещением в соответствии с договором найма жилого помещения. Эта обязанность возникает со дня заключения договора (п. 3 ст. 29 ЖК). Соответствующее ей право наймодателя закреплено п. 1 ст. 54 ЖК. Однако рассматриваемая обязанность в одинаковом объеме существует не у всех нанимателей. Так, жилое помещение социального пользования предоставляется гражданам на условиях договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда без взимания платы за пользование этим жилым помещением (п. 52 Положения). Специальные жилые помещения государственного жилищного фонда некоторым категориям граждан предоставляются без взимания платы (п. 10 Положения о порядке, особенностях и основаниях предоставления гражданам специальных жилых помещений государственного жилищного фонда в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, домах-интернатах для детей-инвалидов, специальных домах для ветеранов, престарелых и инвалидов, утвержденного постановлением № 1408).

Правом нанимателя, которое не одинаково реализуется применительно ко всем видам договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда, является его право вселять в занимаемое жилое помещение членов своей семьи и иных граждан (п. 1 ст. 55 ЖК). В этом легко убедиться, сравнив нормы ст. 113 ЖК и п. 68

Положения; п. 29 Положения об общежитиях, утвержденного постановлением № 269; п. 2.1 Типового договора найма жилого помещения коммерческого использования государственного жилищного фонда, утвержденного постановлением № 1297; п. 2.1 Типового договора найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда, утвержденного постановлением № 1408.

Исходя из анализа этих норм, можно констатировать, что применительно ко всем видам договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда наниматель имеет безоговорочное право на вселение в занимаемое им жилое помещение только своих несовершеннолетних детей. Именно поэтому в п. 1 ст. 55 ЖК прописано право нанимателя требовать внесения изменений в договор найма жилого помещения при предоставлении права владения и пользования занимаемым им жилым помещением своим несовершеннолетним детям. Второй вывод, который следует из изложенного, – наличие логического и юридического недостатка нормы п. 1 ст. 56 ЖК, которая не отражает общего правила применительно ко всем видам договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда, но находится в главе 8 «Договор найма жилого помещения» ЖК, помещенной, к тому же, в разделе «Общие положения».

Таким образом, все, включенные в первую группу, права и обязанности сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда, в свою очередь, можно разделить на два вида в зависимости от того, одинаково ли они реализуются во всех видах этого договора. При упоминании прав и обязанностей, относящихся ко второму виду, в ст. 55 ЖК необходимо делать ссылку на специальное законодательство.

Ко второй группе следует отнести права и обязанности, которые стороны договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда реализуют лишь по мере необходимости. Они урегулированы нормами ст. 58 ЖК; ст. 107 ЖК и п. 47 Положения; ст. 109 ЖК и п. 51 Положения; ст. 17 ЖК; ст. 69 ЖК.

К третьей группе прав сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда следует отнести те из них, которые хотя и регламентированы действующим жилищным законодательством, но за редким исключением не могут быть реализованы сторонами рассматриваемого договора, а у наймодателей отсутствуют соответствующие обязанности по их исполнению. Так, в соответствии с п. 1.2 Указа жилые помещения государственного жилищного фонда социального пользования, коммерческого использования, в общежитиях, специальные жилые помещения не подлежат приватизации, обмену, разделу, продаже, предоставлению по договору поднайма, если иное не определено Президентом Республики Беларусь.

Следует отметить, что некоторые права и обязанности могут быть реализованы только нанимателями, заключившими отдельные виды договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда. Представляется, что предложенная классификация прав и обязанностей сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда позволит обеспечить совершенствование правового регулирования содержания рассматриваемого правоотношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой, Ю. К. Жилищное право / Ю. К. Толстой. – М. : Проспект, 1996. – 128с.
2. Чигир, В. Ф. Договор найма жилого помещения: По новому жилищному законодательству / В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2001. – 368 с.

3. Богданов, Е. В. Право на жилище / Е. В. Богданов. – Минск: Университетское, 1990. – 160 с.

Д. А. ЩЕРБАКОВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СПОРТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время в мире и в Беларуси уделяется повышенное внимание спорту и правовому регулированию спортивных отношений. Об этом свидетельствует принятие нового закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-3 «О физической культуре и спорте» [1].

Однако данный нормативный акт не в полной мере урегулировал правовой статус спортсмена. Для избегания фрагментарности в регулировании спортивных отношений сейчас ведётся работа над проектом Спортивного кодекса Республики Беларусь (далее – СК). В нем помимо правового статуса спортсмена, дается определение понятия «профессиональный спортсмен», которым является спортсмен, получающий на договорной основе вознаграждение от организации физической культуры и спорта за подготовку к соревнованиям и участие в них» [2].

Тем не менее, более детальная дефиниция профессионального спортсмена приводится и в п. 4 ст. 1 Модельного закона СНГ от 31 мая 2007 г. № 28-8 «О профессиональном спорте», – это физическое лицо, для которого занятия профессиональным спортом являются основным видом деятельности, заключившее трудовой договор в области профессионального спорта (контракт о спортивной деятельности) и получающее вознаграждение (включая заработную плату) за подготовку к спортивным соревнованиям, участие в них и показанные результаты [3]. Положительным в этом определении является то, что в нем содержатся указания на заключение профессиональным спортсменом трудового договора и на достижение им определенных спортивных результатов, что сказывается на размере вознаграждения, которое выплачивается профессиональному спортсмену.

Для восполнения пробелов и коллизий в проекте СК предлагается сформулировать следующее юридически значимое определение понятия «профессиональный спортсмен» – это физическое лицо, для которого занятие профессиональным спортом является основным видом деятельности, заключившее трудовой договор в области профессионального спорта (контракт о спортивной деятельности) и получающее вознаграждение (включая заработную плату) за подготовку к спортивным соревнованиям, участие в них и показанные результаты.

Приведенное определение будет способствовать разрешению спора по поводу того, какой договор заключать со спортсменом: трудовой или гражданско-правовой.

Причем, заключение трудового договора для профессионального спортсмена является предпочтительнее, так создает дополнительные социальные гарантии, распространяя на него действие закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. № 1596-ХІІ «О пенсионном обеспечении» [4].

Со спортсменами любителями, в том числе занимающимися предпринимательской деятельностью оправданно заключить гражданско-правовые договоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О физической культуре и спорте : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-3 // Нац. центр правовых актов Респ. Беларусь. 2014. №5. 2/2123.
2. Спортивный кодекс Республики Беларусь : проект // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О профессиональном спорте : Модельный закон СНГ : Принят в г. Санкт-Петербурге 31 мая 2007 г. № 28-8. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. О пенсионном обеспечении : Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1596-ХП // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь, 1992 г., № 17, ст. 275.

В. В. ЯНЧИЦКИЙ

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА

Ст. 32 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что брак, семья находятся под защитой государства. В связи с этим большое значение в воспитании у граждан чувства ответственности перед семьей и обществом в целом имеют вопросы расторжения брака. Однако сейчас институт семьи и брака терпит определенные трудности. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на судебную практику: около 50 % всех исковых заявлений относятся к категории «расторжение брака».

В теории семейного права расторжение брака определяется, как «гражданский процесс, который направлен на прекращение прав и обязанностей между супругами». Но существуют случаи, когда права и обязанности между супругами не прекращаются. К таким случаям, например, относятся: 1) уплата алиментов; 2) содержание нуждающегося в материальной помощи нетрудоспособного супруга.

Таким образом, развод можно рассматривать как юридический факт, являющийся одновременно и правопорождающим и правопрекращающим обстоятельством.

Условно супругов, намеренных расторгнуть брак, можно подразделить на следующие группы: 1) супруги, выражающие взаимное согласие на расторжение брака, не имеющие общих несовершеннолетних детей и спора об имуществе; 2) супруги, заявление о расторжении брака которых подано одним из них, если другой супруг признан безвестно отсутствующим, признан недееспособным либо осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет; 3) супруги, взаимное согласие на расторжение брака которых отсутствует, при этом имеющие общих несовершеннолетних детей и спор о разделе имущества.

В зависимости от того, к какой группе относятся супруги, применяются различные механизмы сохранения брака. При этом очевидно, что в первом случае, когда супруги взаимно изъявляют желание расторгнуть брак и не имеют спора об имуществе, сохранение брака невозможно в связи с тем, что принцип свободы заключения брака

неразрывно связан с принципом свободы расторжения брака.

Исключительность оснований расторжения брака супругов, отнесенных ко второй группе, подтверждается многими фактами: наиболее низкой ставкой государственной пошлины; ускоренной процедурой расторжения брака. В связи с этим предоставление срока для принятия мер к примирению объективно не требуется.

Наиболее востребованной мерой, предпринимаемой судом в целях сохранения брака и семьи в отношении третьей группы супругов, является предоставление супругам срока для принятия мер к примирению.

Таким образом, действующим законодательством установлен общий (с предоставлением срока для примирения) и особый (без предоставления срока для примирения) судебный порядок расторжения брака, а с 1 января 2013 г. для отдельных категорий граждан установлен административный порядок расторжения брака (в органах ЗАГС).

Расторжение брака судом производится в порядке искового производства. При этом исковое заявление о расторжении брака должно соответствовать требованиям гражданско-процессуального законодательства [1, ст. 243]. К заявлению прилагаются: свидетельство о заключении брака, копии свидетельств о рождении детей, документы о заработке и иных источниках доходов супругов (если заявлено требование о взыскании алиментов) и другие необходимые материалы [2, п. 3].

Согласно ст. 38 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (в ред. от 24.12.2015 г.) (далее – КоБС) [3] в целях обеспечения прав и законных интересов своих несовершеннолетних детей супруги при расторжении брака могут заключить между собой Соглашение о детях.

Расторжение брака в административном порядке производится органами, регистрирующими акты гражданского состояния, по истечении одного месяца со дня подачи совместного заявления о расторжении брака [3, ст. 35-1]. Однако стоит отметить, что действующим законодательством не предусмотрена возможность изменения назначенной и согласованной с заявителями даты регистрации расторжения брака после подачи в орган ЗАГСа соответствующего заявления. В случае неявки супругов для регистрации расторжения брака заявление утрачивает силу, и в отдел ЗАГСа следует обращаться с повторным заявлением о регистрации расторжения брака. Однако у граждан могут быть объективно уважительные причины невозможности явиться в назначенный срок для регистрации расторжения (болезнь, командировка), полагаем необходимым дополнить законодательство нормами, аналогичными при регистрации заключения брака, а именно: представив возможность подачи заявления о переносе даты регистрации расторжения брака в пределах установленного двухмесячного срока со дня подачи заявления о регистрации расторжения брака.

Помимо проблем, связанных с процедурой расторжения брака, возникает ряд сопутствующих вопросов, связанных с взысканием алиментов и разделом совместно нажитого имущества.

Под алиментами понимаются периодические обязательные платежи, установленные на законных основаниях судом или по соглашению сторон и выплачиваемые одним из членов семьи (причем совершеннолетним). При этом правом на получение алиментов обладают несовершеннолетние и нетрудоспособные совершеннолетние дети от родителей; бывшая супруга (супруг) занятая уходом за общим ребенком до 3-х лет или ребенком-инвалидом до 18-ти лет или совершеннолетним нетрудоспособным ребенком; в некоторых случаях, по решению суда, один из бывших супругов, ставший нетрудоспособным и нуждающийся в

материальной помощи от другого бывшего супруга.

Следует иметь в виду, что взыскание алиментов на содержание несовершеннолетних детей производится, как правило, в порядке приказного производства [2, п. 6]. Алименты на несовершеннолетних детей с их родителей при отсутствии Соглашения о детях, Соглашения об уплате алиментов, а также, если размер алиментов не определен Брачным договором, взыскиваются в размерах, установленных семейным законодательством. При этом для трудоспособных родителей минимальный размер алиментов в месяц должен составлять не менее 50 процентов на одного ребенка, 75 процентов – на двух детей, 100 процентов – на трех и более детей бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения [3, ст. 92]. При определенных условиях суд может уменьшить размер алиментов.

Алименты уплачиваются в добровольном порядке лицом, обязанным уплачивать алименты, либо путем удержания из заработной платы по месту работы или по месту получения пенсии, пособия, стипендии, осуществления других выплат. За неуплату алиментов законодательством Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность.

Также при расторжении брака вопросы возникают и в случае разделе совместно нажитого имущества. Как правило, имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью [3, ст. 23]. В соответствии с действующим законодательством, общая совместная собственность супругов при расторжении брака делится поровну между ними, если иное не предусмотрено Брачным договором. Однако суд вправе отступить от признания долей равными, учитывая интересы несовершеннолетних детей или заслуживающие внимания интересы одного из супругов.

В состав имущества, подлежащего разделу, включается общее имущество супругов, имеющееся у них в наличии на день рассмотрения дела либо находящееся у третьих лиц. Если супруги прекратили вести общее хозяйство до рассмотрения дела, то суд производит раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства.

Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.д.), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются имуществом того супруга, который ими пользовался [3, ст. 26].

При разделе имущества бывших супругов судам порой приходится решать непростые задачи. Бывает достаточно сложно определить, какое имущество принадлежит конкретному супругу, а какое является общей совместной собственностью. Это можно установить исходя из обстоятельств приобретения имущества, а именно: даты приобретения – до или в период брака; основания приобретения – по возмездной или безвозмездной сделке, на общие или индивидуальные доходы супругов.

Таким образом, проанализировав все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в целом, в Республике Беларусь создана необходимая нормативная правовая база для осуществления регистрации расторжения брака, которая совершенствуется с учетом ее использования в практической деятельности государственных органов, однако определенные вопросы по-прежнему остаются актуальными и на практике продолжают возникать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 января 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2000 г., № 5 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 28.03.2013г., № 3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

МЕЖДУНАРОДНО–ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. Д. БОЛДУЕВА

Могилев, БИП – Институт правоведения, Могилевский филиал

ПОНЯТИЕ И ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ

В международном частном праве под «международной подсудностью» понимается разграничение компетенции национальных судов различных государств по разрешению гражданских дел «с международными характеристиками». Определение подсудности следует отличать от определения права, подлежащего применению к отношениям, регулируемым международным частным правом. Вопрос определения сферы и пределов компетенции судов и иных национальных органов юстиции и правоприменительных учреждений каждого отдельно взятого государства в принципе решается им суверенно, т.е. независимо от других государств, в соответствии с теми предписаниями внутригосударственного права (конституционными и иными), которые оно разрабатывает и вводит в действие самостоятельно.

Таким образом, обычно под международной подсудностью понимается компетенция судов какого-то конкретного государства по разрешению гражданских дел с участием иностранной стороны (сторон) или с каким-либо иным «иностраным элементом». Только после того как будет установлено, в компетенцию судебной системы какого государства в целом входит рассмотрение спора, можно будет конкретно определить судебную инстанцию, правомочную рассматривать спор.

Каждое государство само определяет, какие споры относятся к компетенции его судов. Поэтому на практике возникают случаи, когда рассмотрение одного и того же спора может одновременно входить в компетенцию судов двух или даже нескольких стран. В случаях подобного рода говорят о «конфликтах юрисдикции». Такой «конфликт юрисдикции» может быть устранен лишь путем заключения многосторонних и двусторонних соглашений между государствами. Многосторонние соглашения по вопросам подсудности условно делятся на две группы. К первой группе относятся соглашения общего характера, содержащие положения о подсудности по всем категориям дел. «Ко второй группе относятся соглашения, касающиеся подсудности отдельных категорий споров (например, Конвенция об унификации некоторых правил, относящихся к гражданской юрисдикции по делам о столкновении судов, 1952 г.)» [1, с. 428].

В то же время в мировой практике сложился ряд критериев, воспринятых различными государствами и их правовыми системами, основываясь на которых их национальное право определяет пределы и сферу компетенции собственных судебных и иных учреждений. В этом плане наиболее четко сформировались три известные системы определения подсудности: 1) романская, или латинская; 2) германская и 3) система общего права.

В международной теории и практике существуют в качестве закрепленных в законодательстве или иных источниках права следующие критерии разграничения.

1. Подсудность по месту жительства (нахождения) ответчика (германская система): иски к иностранцам, проживающим в данном государстве, надлежит предъявлять в

суды данного государства, а если ответчик находится за рубежом, то иск следует предъявлять в суд соответствующего иностранного государства. Иски к юридическим лицам предъявляются по месту нахождения административного центра (правления) юридического лица.

2. Подсудность по признаку гражданства сторон спора (латинская система): иски компетентен рассматривать суд того государства, гражданином которого является ответчик.

3. Подсудность по признаку фактического присутствия ответчика, когда принимается во внимание фактическая возможность вручения ответчику повестки о вызове в суд. Суд, в который подан иск, сам решает, куда его передать для рассмотрения, при этом принимается во внимание цена иска, наличие квалифицированных судей для разрешения данного спора и т.д.

В законодательстве и практике многих государств допускается также договорная подсудность. Это значит, что стороны в споре могут договориться о том, в суде какого государства будет рассматриваться их спор.

Поскольку правила о международной подсудности носят односторонний характер, вполне возможны ситуации, если в законодательстве одного государства записано, что споры надлежит рассматривать по месту жительства ответчика, то это вовсе не означает, что суды иностранных государств (если этот ответчик проживает за рубежом) должны непременно принимать данное дело к своему производству.

Возможна и другая ситуация, когда на разрешение одного и того же спора претендуют судебные учреждения двух и более государств – так называемая конкуренция юрисдикции. Для разрешения конкуренции юрисдикции существует международный обычай: компетентен суд того государства, который впервые принял к производству исковое заявление. Однако если решение иностранного суда не признается и не исполняется в соответствующей стране, то нет препятствий для одновременного рассмотрения одного и того же дела. «Для того чтобы избежать ситуации отказа в принятии иска или ситуаций конкуренции юрисдикции, государства заключают международные договоры».

В целом, применительно к международной подсудности необходимо отметить, что сторона всегда выбирает суды того государства, в котором она получает оптимальные юридические и фактические условия защиты своих интересов, подобно тому как покупатель приобретает товар там, где цена, качество продукции и прочие условия продажи являются для него оптимальными.

В регулировании подсудности дел с иностранным элементом можно выделить два аспекта. Первый аспект касается допустимых пределов действия судебной власти, его «возможной юрисдикции». Второй аспект имеет своим предметом разграничение компетенции между органами правосудия различных государств по делам, обремененным иностранным элементом, и выражается через понятие международной подсудности. Здесь выясняется, какое государство в лице своих органов правосудия компетентно осуществить рассмотрение и разрешение спора. «Международная подсудность делится на прямую и косвенную. Первая действует на стадии возбуждения производства, когда судья определяет, компетентен ли он осуществить разбирательство по делу и вынести по нему решение.

Нормы косвенной подсудности вступают в действие позже, на стадии исполнительного производства. Подсудность бывает следующих видов:

- в зависимости от критериев, положенных в основу отнесения дела к компетенции определенного суда:

а) родовая подсудность. Она распределяет компетенцию между различными звеньями судебной системы.

Родовая подсудность определяется на основе двух критериев:

- по роду дел (отсюда и сам термин «родовая подсудность»), например, к компетенции мировых судов в Италии отнесены споры о межевых знаках;
- по цене иска, например, мировые суды вправе рассматривать споры с ценой иска не более 2 582,28 евро (ст. 7 ГПК Италии).

Благодаря такому регулированию низовые звенья судебной системы занимаются разрешением несложных споров, а суды более высокого уровня рассматривают дела сложные (с точки зрения вопросов права или факта) или со значительной суммой иска.

б) территориальная подсудность – позволяет установить компетентный орган среди судов одного уровня; решить, в какой из существующих в государстве судов первого (второго) звена надлежит подавать иск. Она предполагает четкие территориальные границы судебного округа, которые, как правило, совпадают или ориентируются на административно-территориальное деление государства. Границы апелляционного суда охватывают несколько округов судов второго звена. Верховный суд действует на всей территории государства [2, с. 357].

Различают следующие виды территориальной подсудности: общую; альтернативную; договорную; исключительную.

Во всех правовых системах родовая и территориальная подсудность является главным институтом, характеризующим судебную компетенцию.

Кроме того, доктрина и право отдельных стран используют другие, своеобразные классификации подсудности.

- в зависимости от правового основания различают: подсудность, основанную на законе; договорную подсудность; подсудность, определяемую судебным постановлением.

- функциональная подсудность выделяется в германской и испанской правовых системах. Критерием классификации служат виды производства, которые судебный орган вправе осуществлять. Различают: суды, выполняющие функции первой инстанции; апелляционные суды; ревизионные (кассационные) суды; суды исполнительного производства. Правила международной подсудности определяют, суд какого государства обладает полномочиями рассматривать дело по отношениям, связанным по некоторым элементам с разными государствами.

Основное правило, которое используется для определения компетентного суда, – это место, где ответчик преимущественно находится. Для физического лица таким местом является место жительства, а для юридического лица – место деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что международная подсудность – это разграничение компетенции национальных судов различных государств по разрешению гражданских дел с «международными характеристиками». Правила определения международной подсудности содержатся в ряде международных соглашений и закрепляются в национальном законодательстве государств и различаются в зависимости от вида подсудности: территориальной, исключительной, альтернативной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславский, М. М. Международное частное право : Учебник / М. М. Богуславский. – М. : Юристъ, 2006. – 606 с.

2. Канашевский, В. А. Международное частное право : Учебник / В. А. Канашевский. – М. : Международные отношения, 2009. – 752 с.

К. Г. БОНДАРЕНКО

Могилёв, Учреждение образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова»

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

На сегодняшний день основной глобальной проблемой человечества является терроризм и борьба с ним. Существует масса споров, порождающих за собой следующие вопросы: откуда берутся истоки данного феномена, по какой причине, или с какой целью он возник, и главное – ради чего всё это происходит. Существует огромное количество понятий, которые раскрывают суть «терроризма». В зависимости от законодательства страны, все они имеют абсолютно разные формулировки. Например, статья 2331 титула 18 Кодекса Соединённых Штатов гласит: «Международный терроризм означает – насильственные действия или иные действия, предьявляющие опасность для человеческой жизни, являющиеся нарушением уголовного законодательства США или иного государства, при условии, что уголовное правонарушение было совершено в пределах юрисдикции США или иного государства; а также действия, совершаемые с целью запугать или принудить гражданское население или оказывать влияние на политику правительства; а также действия, которые имеют место изначально вне территориальной юрисдикции США или за пределами их национальных границ, но совершаемые преступниками с целью запугать или принудить США или ту страну, где находится преступник, или получить политическое убежище» [3, с. 81].

Ответ на вопрос откуда берутся истоки данного феномена, поставленный выше, будет достаточно простой, но возможно в какой-то мере и шокирующий – из глубокой Древности. Чаще всего понятие «терроризм» принято связывать с XXI веком, а также ассоциировать со странами Кавказа и Арабского Востока, что в корне является неверным. Первые проявления терроризма, но ещё не в современном смысле, появились в Древнем Риме и Древней Греции. В те времена это являлось политическим убийством тирана-предводителя, который вопреки законам религии и человеческой справедливости, подавляя народ своим гнётом, не оставлял другого выбора, кроме как избавиться от всеобщего ненавистника путём совершения террористического акта. Примером этому служит убийство Юлия Цезаря.

Первым проявлением террористов-смертников можно назвать мусульманскую секту ассасинов (хашишийя) в VIII – XIV вв., которые расправлялись с губернаторами, местными руководителями и другими высокопоставленными лицами посредством использования кинжалов. Смертниками они являлись, т.к. им не удавалось избежать смерти ввиду того, что их жертвы всегда были окружены охраной [2, с. 121].

Далее развитие терроризма не было столь явным из-за множества Средневековых войн. В конце XIX века он появляется снова, становясь публичным и одним из главных страхов среди мирного населения: был убит русский царь Александр II, множество министров, князей, генералов, Джеймс Гарфилд и Уильям МакКинси (американские

президенты), императрица Австро-Венгерской империи Зита – и это только самые высокопоставленные и не все.

В конечном итоге, в 70-е годы XX века возобновляются теракты, принимающие уже общественный характер, при этом появляется исламистский терроризм. Именно поэтому люди, не зная исторических аналогов, после долгого затишья во времена Первой и Второй мировых войн, приняли этот феномен как нечто новое и абсолютно незнакомое. Ужасающим фактом стали также теракты с участием смертников. Простых объяснений на то, почему люди идут на такой отчаянный, казалось бы, поступок – решают стать террористами, нет: с течением времени в различных культурах формируются новые идеологии, которые подвергаются критике со стороны иностранных государств; «современный терроризм» является реакцией на вторжение иностранного государства в культуру, религию, идеологию иного государства.

Так называемый «международный современный терроризм», как уже говорилось, имеет огромное количество различных подходов к его определению. Именно поэтому он и неразборчив. Для того чтобы дать полное и понятное определение любому понятию, следует отталкиваться от его исторических истоков. Но, как мы уже поняли, традиционный терроризм, который существовал ещё в Древнем Мире и Средневековье, сильно отличается от современного терроризма. Традиционный имел «кодекс чести», и нападения подвергались лишь короли, военные лидеры и другие общественные деятели; если речь шла о том, что могут пострадать их жёны и дети, террористы отказывались осуществлять их акты возмездия. В наше же время терроризм не имеет никаких границ или рамок - пострадало всего несколько генералов, а при этом убиты сотни-тысячи невинных граждан. И современный терроризм является не просто методом запугивания или политических убийств. Сегодня акции терроризма – это хорошо организованные мероприятия, имеющие прочную финансовую, идеологическую и политическую основу. В. В. Устинов указывает, что современные террористы – это уже не фанатики-революционеры, боевики-одиночки и убийцы-камикадзе. Террористы сегодня – это представители мощных группировок с соответствующим финансово-экономическим оснащением [1].

По мнению Ю. Н. Дерюгиной, «терроризм – это социально-правовое явление, выражающееся в совершении или угрозе совершения общественно опасных деяний, направленных на устрашение населения или отдельных соц. групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него государством в интересах террористов или третьих лиц» [1].

По мнению С. И. Чудинова, «терроризм – это стратегия психологического устрашения систематическим насилием, используемая автономными оппозиционными организациями, выражающими протест определённых социальных слоёв, как правило, меньшинств, стремящихся достичь определённых целей или социально-политического преобразования общества» [1].

М. Ф. Мусаелян даёт определение с криминологической точки зрения: «Терроризм – это совершение общественно опасных деяний или угрозы таковыми по устрашению населения с целью принуждения третьей стороны – органов власти, иностранных государств или международных организаций – совершить те ли иные действия в интересах террористов для достижения ими политических или иных значимых целей» [1].

Таким образом, проанализировав все 3 понятия, можно сделать общий вывод, что современный терроризм - это:

1. общественно опасные деяния оппозиционных групп;

2. направленное на устрашение или устранение населения;
3. с целью принуждения государственных органов или иностранных государств действовать в рамках интересов террористической организации.

Необходимо обратить внимание на то, что в данных условиях глобальная проблема международного терроризма не может рассматриваться только как самостоятельный феномен. Она начала превращаться в важную составную часть более общей военно-политической глобальной проблемы, связанной с фундаментальными вопросами войны и мира, от решения которой зависит дальнейшее существование человеческой цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Различные подходы к исследованию терроризма как явления современной политической действительности // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-podhody-k-issledovaniyu-terrorizma-kak-yavleniya-sovremennoy-politicheskoy-deystvitelnosti> – Дата доступа : 10.11.2016.
2. Стародубровская, И. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе / И. В. Стародубровская, Д. В. Соколов; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – М. : Дело, 2013. – 277 с.
3. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях : монография / под ред. А. И. Сацуты, В. Ю. Бельского. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 367 с.
4. Экстремизм – идеология и основа терроризма. 10-11 классы : пособие для учащихся / под. ред. Л. П. Савельева. – М. : Просвещение, 2011. – 46

М. В. ВЕРЕМЕЕВА, А. Г. СИЛИВОНЧИК

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ (УНИДРУА) И ПРИНЦИПОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ДОГОВОРНОГО ПРАВА (ПРИНЦИПЫ ЛАНДО)

Развитие внешнеэкономической деятельности привело к заключению большого количества внешнеэкономических договоров (купли-продажи, поставки, подряда, оказания услуг и т.д.) между субъектами хозяйствования различных государств.

В соответствии с частью 1 статьи 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) стороны договора могут при заключении договора или в последующем избрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору, если это не противоречит законодательству [1]. В то же время, в соответствии со статьей 8 Конституции, Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства [2]. Следовательно, стороны, решая вопрос применимого права, могут выбирать не только законодательство Республики Беларусь, но и торговые обычаи, которые широко распространены в международной практике.

Принципы международных коммерческих договоров (далее - УНИДРУА) и Принципы европейского договорного права (далее – Принципы Ландо) имеют широкое

применение и хорошо апробированы международной практикой, о чём свидетельствует частый выбор сторонами договора в качестве правового регулятора данных обычаев. Также данные обычаи широко применяются третейскими судами в случаях, когда между сторонами договора отсутствует договорённость по вопросу применимого права.

Принцип свободы формы договора в положениях Принципов Ландо по содержанию тождественен соответствующим нормам УНИДРУА с той лишь разницей, что они имеют более широкую область применения, так как «европейское договорное право» не обязательно является правом только международным, и не обязательно только коммерческим. Стороны любого договора свободны в решении вопросов его формы, доказательств факта его заключения и содержания, уведомлений и любых других действий по договору. В то время, как национальное законодательство ограничивает данный принцип, устанавливая письменную форму договора.

Что касается способов заключения договора, Принципы Ландо, в отличие от УНИДРУА не содержат нормы, противопоставляющей способы заключения договора друг другу с точки зрения их внешности (обмен офертой и акцептом, с одной стороны, и переговоры – с другой).

Институт оферты по Принципам Ландо характеризуется особенностями, неизвестными ни белорусскому праву, ни УНИДРУА. Во-первых, по подп. «а» п. 1 ст. 2:201 Принципов Ландо совсем не обязательно, чтобы оферта выражала намерение оферента заключить договор – достаточно, чтобы такое намерение подразумевалось. Во-вторых, п.п. 2 и 3 ст. 2:201 считают частным случаем оферты предложение, адресованное неопределённому кругу лиц. В белорусском законодательстве такое предложение квалифицируется как публичная оферта. Также, п. 1 ст. 2:202 регулирует особый случай отзыва оферты, предполагающий возможность её акцепта путем совершения конклюдентных действий или молчания. Данная оферта считается отозванной, если извещение об отзыве попадает к адресату оферты до того, как будет заключен договор. Подобное регулирование отсутствует в ГК и УНИДРУА 2010.

Что касается акцепта, в этом Принципы Ландо отличаются двумя особенностями. Во-первых, они исходят из предположения о недопустимости отзыва (отмены) отправленного акцепта. Во всяком случае предписаний, подобных ст. 409 ГК или ст. 2.1.10 Принципов УНИДРУА, в них нет. Во-вторых, Принципы Ландо более подробно подходят к вопросу о юридическом значении акцепта на иных условиях, основой данного подхода, предложенного УНИДРУА является правило о том, что акцепт с изменениями или дополнениями несущественного характера является акцептом (п. 2 ст. 2:208).

Положения, регулирующие бланковый договор в Принципах Ландо, не содержатся – в отличие от УНИДРУА. Вместо этого имеются нормы, исходящие из предположения о том, что в договоре могут быть такие условия (в частности – о цене), которые подлежат определению в будущем единоличным усмотрением одной из сторон или третьего лица, а также в зависимости от будущего значения объективного фактора.

Принципы Ландо в п. 3 ст. 2:209 дают определение стандартных условий. Согласно данной норме, общие условия контракта являются условиями, которые сформулированы предварительно для неопределенного числа контрактов определенного вида и которые не были индивидуально согласованы между сторонами. К регулированию стандартных условий, предложенных ст. 398 ГК и УНИДРУА, Принципы Ландо добавляют следующее.

1. Все стандартные условия подпадают под определение условий, внесённых в договор в одной из сторон – т.е. условий, двумя сторонами специально не согласованных. Среди таких условий могут быть обнаружены такие, о которых другая сторона в момент заключения договора не знала. Несмотря на данный факт, на такие условия можно сослаться, но для этого необходимо доказать, что сторона «предприняла разумные шаги для того, чтобы привлечь к ним внимание другой стороны до или во время заключения договора».

2. Положение п. 2 ст. 2:209 Принципов Ландо придаёт диспозитивность правилам о совпадающих условиях договора, заключённого с применением конфликтующих проформ. Сторона, не желающая применения этого правила, может предупредить об этом другую сторону как до, так и во время, и даже немедленно после заключения договора, который в этом последнем случае, очевидно, не будет считаться заключённым.

По вопросу недействительности договора Принципы Ландо дополняют УНИДРУА. Так, ст. 4:105 и 4:106 Принципов Ландо предлагают две альтернативы недействительности договоров, заключённых под влиянием заблуждения, - их судебное изменение в соответствии с ожиданиями заблуждающейся стороны и взыскание убытков со стороны, предоставившей заведомо неверную информацию, в размере отрицательного договорного интереса. Второе, в п. 2 и 3 ст. 4:107 Принципов Ландо, дается развернутое понятие умышленного введения в заблуждение, система критериев при помощи которых определяется круг информации, подлежащий раскрытию. П. 2 ст. 3:205 Принципов Ландо прибавляет к учению о возможности оспорить договор, заключённый под влиянием конфликта интересов представляемого и представителя, два случая, когда наличие такого конфликта предполагается.

Последствия недействительности договоров совпадают с теми, что установлены УНИДРУА, включая право потерпевшей стороны на возмещение отрицательного договорного интереса. Воспользоваться этим правом потерпевшая сторона может не только независимо от того, оспорила ли она сделку или нет, но и в тех случаях, когда она утратила право на оспаривание сделки.

В области толкования договора Принципы Ландо добавляют новые правила. Согласно п. 2 ст. 5:101 Принципов Ландо «... если установлено, что одна сторона имела намерение придать договору определённое значение, и в момент заключения договора другая сторона не могла не знать о таком намерении первой стороны, договор толкуется в соответствии с намерением первой стороны» [3]. Далее, к уже рассмотренным прежде правилам толкования договора ст. 5:104 Принципов Ландо добавила правило приоритета согласованных договорных условий: «... специально согласованные условия имеют приоритет перед условиями, которые специально не согласованы» [3].

Таким образом, проанализировав положения принципов УНИДРУА и Ландо, можно сделать выводы о том, что при выборе сторонам контракта необходимо учитывать терминологию, используемую данными принципами и учитывать тот факт, известна ли данная терминология национальному законодательству. В связи с этим, необходимо учитывать, что данные принципы могут противоречить коллизионным нормам национального законодательства, исходя из чего, положения данных принципов не смогут быть применены. Как пример можно привести то, что принципы УНИДРУА устанавливают, что договор может быть заключён в любой форме, а законодательство Республики Беларусь говорит о том, что внешнеэкономическая сделка, хотя бы одним из участников которой является юридическое лицо Республики

Беларусь, совершается независимо от места заключения сделки в письменной форме. Помимо этого, на наш взгляд необходимо учитывать то, какие принципы являются менее противоречивыми национальному законодательству, а также какие принципы наиболее полно и точно толкуют заключенный договор. В связи с тем, что данные принципы позволяют сторонам договора исключать применение определённых положений, на наш взгляд наиболее целесообразно применять данные принципы с оговорками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : текст Кодекса по состоянию на 01 января 2016 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

3 Принципы европейского договорного права // STALOGISTIK [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : http://www.sta-logistic.by/infocentre/legal/mezhdunarodnoe_zakonodatel_stvo/mezhdunarodnaja_torgovlja/principi_evropejskogo_dogo_vorn. – Дата доступа: 24.10.2016.

Е. Л. ВИЛЬКОВСКИЙ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Одной из тенденций второго десятилетия XXI века является большая динамика в реализации интеграционных проектов в различных регионах мира. На постсоветском пространстве функционируют и развиваются ряд интеграционных проектов, различающихся по глубине партнерства: Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), Союзное государство Беларуси и России. Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе (вступил в силу 1 января 2015 года) [1].

Создание Евразийского экономического союза предполагает обеспечение, с одной стороны, устойчивости Союза, а с другой, – динамизма его развития, способности приспосабливаться к постоянно меняющимся экономическим, социальным и международным условиям [2].

На современном этапе особую научную и практическую значимость представляет проблема формирования правовой системы ЕАЭС с целью создания механизма эффективного правового обеспечения деятельности новой наднациональной структуры на основе продуманной и обоснованной правовой политики с использованием правового опыта межгосударственных структур постсоветского пространства и

Европейского союза. Надо помнить, что Евразийский экономический союз основан на базе уже сформировавшихся Таможенного союза (далее – ТС) и Единого экономического пространства (далее – ЕЭП). В то же время все государства являются участниками других международных организаций. Как следствие, возникает проблема множественности правовых статусов в межгосударственных интеграционных объединениях, что еще более осложняет задачу создания и последующей кодификации нормативной правовой базы Евразийского экономического союза. Поскольку правовая система выступает в качестве организующего начала правовой жизни общества, она играет ключевую роль и в интеграционных процессах. Если правовая жизнь ЕАЭС – уже объективная реальность, то его правовая система еще не сложилась, она находится в стадии формирования [3].

Исходя из вышесказанного, представляется интересным рассмотреть становление интеграционных процессов, выделить этапы, пройденные государствами с образования Содружества Независимых Государств и до создания ЕАЭС, определить перспективы дальнейшего развития.

СНГ был основан главами России, Беларуси и Украины путём подписания 8 декабря 1991 года в Вискулях «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств». Впервые официальное положение интеграционного характера было закреплено в Уставе СНГ 1993 года. В ст. 2 Устава СНГ, провозглашалась «межгосударственная кооперация и интеграция». Закрепленная в Уставе интеграционная цель получила свое развитие в 1994 году, когда государства-члены СНГ предприняли попытку интегрировать все страны СНГ в Экономический союз. На этой основе был принят целый ряд соответствующих документов. Многие соглашения так и не были реализованы, так как не накладывали обязательств на стороны, а конкретные обязательства следовало согласовывать в отдельных двусторонних и многосторонних договорах.

Таким образом, идея создания Экономического союза выявила свою несостоятельность, все это привело к новому этапу развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Сближение евразийских государств началось в 1995 году с подписанием Соглашения о Таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России. Тем самым было определено интеграционное ядро государств, которые на протяжении последующих 20 лет не без трудностей, но последовательно и направленно двигались к созданию Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза [5].

В 2000 году произошел настоящий рывок: новая интеграционная структура – Евразийское экономическое сообщество (далее – ЕврАзЭС), нацеленное на более тесное сотрудничество на основе унификации нормативной базы и согласования процессов структурной перестройки экономики, созданной для эффективного продвижения [4, с. 119].

В 2011 году фактически завершилось создание Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана – заработала Единая таможенная территория. А с 2012 года государства-члены осуществили переход к формированию ЕЭП, представляющего более высокую ступень интеграции, который предусматривает не только свободное движение товаров и унифицированный торговый режим в отношении третьих стран, но и свободное движение услуг, капитала и рабочей силы, единые правила и принципы в ключевых областях регулирования экономики. Для управления ТС и ЕЭП был учрежден постоянно действующий орган наднационального характера – Комиссия Таможенного союза [4, с. 121].

18 ноября 2011 года, главы Беларуси, Казахстана и России подписали документ для создания Евразийского экономического союза – Декларацию о евразийской экономической интеграции. Согласно данной Декларации, государства-участники заявляли о своем стремлении завершить уже к 1 января 2015 года кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу ТС и ЕЭП и на этой основе создать Евразийский Экономический Союз. На данный момент времени ЕАЭС представляет собой немного менее продвинутый интеграционный проект, чем изначально было задумано. При внимательном рассмотрении приложения к Договору, можно обнаружить, что в соглашении достаточно мало чего-то нового по сравнению с тем, о чем стороны договаривались ранее. И только лишь в четвертой части соглашения прослеживается интеграционный прогресс. Сущность данного интеграционного процесса заключается в том, что стороны декларируют необходимость достижения договоренностей в определенных сферах в привязке к определенным датам [6].

Евразийский экономический союз имеет свою систему наднациональных органов власти, в частности: Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный экономический совет, Евразийскую экономическую комиссию, Суд Союза.

Можно сделать вывод, что успешное сотрудничество трех стран в первую очередь обусловлено тем, что они не побоялись перейти к настоящей интеграции, то есть делегировать свои полномочия единым органам управления интеграционного объединения, используя наднациональные механизмы. В свою очередь, Декларация о евразийской экономической интеграции стала важным подтверждением стремления государств-участников к дальнейшему укреплению и развитию интеграционного строительства. Данный документ в качестве одного из главных направлений сотрудничества объявил «совершенствование и развитие наднациональных институтов» [7].

Таким образом, главным интеграционным направлением на текущем этапе является экономический сегмент. Перспектива дальнейшего развития, в зависимости от результативности функционирования ЕАЭС, по дальнейшему углублению интеграции: переход на единую валюту, создание военно-политического союза, формирование единого гуманитарного пространства. Для этого необходимо сформировать единую правовую систему, которая получит свое реальное воплощение в конкретных шагах государств-членов по унификации и гармонизации законодательства. Оптимальные способы сближения права ориентированы на согласование государствами-членами ЕАЭС принципов правового регулирования на основе норм международного права, определение этапов, способов и совместных мер по развитию национальных законодательств, выработку общих правовых позиций. Это длительный процесс, эффективность которого будет зависеть от степени совместных усилий государств-членов по выполнению в рамках организации взятых на себя обязательств.

Можно говорить о том, что Евразийский экономический союз – амбициозный и вместе с тем наиболее реалистичный, опирающийся на четко просчитанные экономические преимущества и взаимные выгоды интеграционный проект в современной Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://eaeunion.org/>. – Дата доступа : 15.11.2016.

2. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.m-economy.ru/forum2013/index.php?id=4628>. – Дата доступа : 15.11.2016.

3. Елистратова, В. В. Проблемы формирования правовой системы Евразийского экономического союза / В. В. Елистратова // Юридическая наука. – 2016. – № 2. – С. 15-17.

4. Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. / сост. Е. А. Достанко ; редкол.: Н. В. Сильченко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2014. – 324 с.

5. Соглашение о Таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=F09900034>. – Дата доступа: 15.11.2016.

6. Барская, В. В. ЕврАзЭС и ЕАЭС: история создания и перспективы / В. В. Барская // Экономика и социум. – 2015. – № 4 (17). – С. 94-102.

7. Иванова, Е. М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС / Е. М. Иванова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 6. – С. 112–118.

В. И. ГОЛОВАЧ, С. А. ЦЮГА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Система международного права является одной из самых ранних систем права, т.к. она зародилась ещё в период первобытного общества. Первобытнообщинная формация развивалась очень медленно, соответственно и право в этот период развивалось аналогичным образом. Быстрее шло развитие рабовладельческой и феодальной формаций, а значит и право становится более усовершенствовано. С точностью установить, когда возникла система международного права невозможно. Некоторые учёные считают, что она возникла вместе с появлением первых государств. Однако, это не совсем верно, т.к. даже исходя из первоначального смысла понятия международного права, можно сделать вывод о том, что это право регулирует отношение именно между народами, а значит и появилось оно ещё в догосударственный период. «Международное право той эпохи отличалось примитивностью и религиозной окраской. Основными источниками права являлись Законы Ману, Законы XII таблиц и др. [1, с. 16].

Безусловно, следует отличать понятия международного права от международно-правовой системы. С. Г. Дробязко определяет международную правовую систему как «закономерную целостность взаимопризнанных процедур установления и функционирования взаимоприемлемых международных структур, принципов и норм, вытекающих из практики международных отношений, общеправовых устоев и выводов науки международного права, выражающихся в международных нормативных договорах и иных источниках права, предназначенных для урегулирования международного общения с целью обеспечения социального прогресса» [2, с. 289].

Исходя из данного определения мы можем сделать вывод о том, что же всё таки входит в понятие источников права.

На современном этапе источниками международного права являются различные международно-правовые обычаи, нормативно-правовые акты международных

организаций, международные нормативные договоры, некоторые учёные считают, что источником международного права также является наука, однако официально она не выступает в качестве источника.

Также можно рассматривать судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов, так называемые судебные прецеденты, в качестве источника международного права.

Можно отметить, что международные отношения – это отношения между двумя или несколькими государствами, которые урегулированы нормами права. В процессе взаимодействия стороны обязаны либо совершать какие-либо действия по отношению к другой стороне, либо требовать осуществления обязательств.

Система международного права, как и другие системы права, имеет свои особенности. Наиболее существенной отличительной чертой является то, что обычно государства сами решают вопросы по поддержанию порядка в мире и только в исключительно крайних случаях реализация особо важных международных договоров обеспечивается принудительной силой со стороны Совета Безопасности или Международного трибунала.

Также отличительным качеством системы международного права является то, что по юридическому содержанию большинство источников международного права представляют собой нормативный двусторонний документ или многосторонний договор. Субъектами права выступают государства и их органы.

Принципы международного права также должны отражаться во внутригосударственных нормативных правовых актах. В первых конституциях БССР международно-правовые акты практически не принимались во внимание, только после принятия Конституции Республики Беларусь 1994 года впервые международное право принимается во внимание, что очередной раз подтверждает демократичность нашего государства. Ведь полноправным членом международного сообщества могут быть только те государства, в которых наблюдаются признаки демократии.

Международное право делится на международное частное право и международное публичное право. Международное частное право это совокупность норм, которые регулируют гражданско-правовые отношения, имеющие международный характер, оно не должно противоречить общепризнанным принципам международного публичного права.

В настоящее время система международного права более усовершенствована и занимает высокую ступеньку в системе источников права. В международно-правовых нормах отражается процесс постоянного прогрессивного преобразования общественных отношений и взаимодействия государств.

Основной проблемой международного права является его недостаточная эффективность. Именно от эффективности международного права зависит решение глобальных проблем человечества. Эффективность норм международного права в свою очередь зависит от самих субъектов международно-правовых отношений и от степени имплементации их в национальную систему права и дальнейшую реализацию.

В современном мире все государства должны строго соблюдать международно-правовые принципы, это способствует повышению эффективности международно-правовых норм. Важность соблюдения норм международного права придаёт и то, что они распространяются на широкий круг субъектов и затрагивают наиболее важные вопросы жизнедеятельности всего общества (например, торговля наркотиками, терроризм). Это глобальные проблемы человечества на современном этапе.

Государства должны объединиться для того, чтобы их решить, а для этого необходимо соблюдать международно-правовые принципы.

Не все принципы международного права реализуются в полной мере в тех или иных государствах. Под принципами международного права понимается «принцип неприменения силы и угрозы силой, принцип самоопределения народов, принцип территориальной неприкосновенности государств, принцип невмешательства во внутренние дела другой страны» [4].

Для того, чтобы государства отказывались от силовых методов ведения политики должно возрасти доверие к международному праву. Также должна повыситься и степень соблюдения его принципов.

Международное право требует постоянного совершенствования правотворческой деятельности всех государств. «Международное право защищает законные права и интересы государств, это позволяет говорить об охранительной функции международного права» [3]. Особенность его заключается в том, что в международных отношениях не существует надгосударственных механизмов принуждения. Государства коллективно обеспечивают поддержание международного правопорядка.

Однако иногда государства отходят от принципов международного права. Например, принцип вооружённого невмешательства во внутренние дела другой страны часто нарушается. Конечно, если речь идёт о введении миротворческих сил для поддержания мира по просьбе самих заинтересованных государств или по решению Совета Безопасности, эта деятельность не вызывает возражений. А если это вооружённое вмешательство без уважительных на то причин, это является нарушением международно-правовых норм.

Наиболее острой и актуальной проблемой остаётся вопрос повышения эффективности в области прав и свобод человека. Этим вопросом занимается международное гуманитарное право.

В наше время также актуальны такие проблемы как терроризм и глобальное потепление, которые входят в предмет таких отраслей международного права, как сотрудничество в борьбе с преступностью и международное право окружающей среды.

Не менее острой проблемой на современном этапе является экологическая преступность. Это неимоверно большая угроза окружающей среде, развитию будущих поколений, ведь на них будут отражаться те ошибки, которые на сегодняшний день допускаем мы, даже не замечая этого.

Раздел 9 Уголовного кодекса Республики Беларусь закрепляет понятие экологической преступности и трактует его как «совершённые умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесённым к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности» [5].

Загрязнение окружающей среды в одном государстве влечёт за собой массу необратимых процессов в соседних странах, а возможно даже и на всём континенте.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что международная система права занимает достаточно важное место. Субъекты международного права в ответе за сохранение мира на Земле, за защиту и реализацию прав и свобод граждан, за сохранение экологически чистой и здоровой окружающей среды на всей планете. Эти проблемы должны чаще обсуждаться на международных конференциях. Государства-участники международно-правовых отношений должны бороться за улучшение эффективности международного права. Чем больше государства будут применять

международную систему права, исполнять её нормы, тем быстрее мы сможем решить проблемы, существующие в мире на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фельдман, Д. И. Система международного права / Д. И. Фельдман. – Казань: Юридическая литература, 1983. – 120с.
2. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В.С. Козлов. – 2-е изд., исправл. и доп. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.
3. Международное право [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/kolos/index.php/ - Дата доступа : 15.10.2016.
4. Международное право [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://be5.biz/pravo/m001/toc.htm> - Дата доступа 15.10.2016
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999, № 275-3 : принят Палатой представителей 02.06.1999. Режим доступа - <http://etalonline.by/?type=text®num=hk9900275#scrollInto#&Chapter=26> – Дата доступа : 10.11.2016.

М. С. ГРАБ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Институт признания, несмотря на отсутствие кодифицированных источников, является одним из старейших институтов международного права.

Первым в истории примером признания нового государства традиционно считается международно-правовое признание Испанией Нидерландов в качестве суверенного и независимого государства, что было зафиксировано в заключенном в 1648 г. между этими странами договоре. В XIX ст. появились также первые примеры коллективного признания отдельных стран. Например, ст. 7 Парижского мирного договора 1856 г. констатировала признание рядом европейских государств Турции в качестве полноправного члена «европейской семьи», участника «европейского правопорядка». Цель и значение признания обуславливалось конкретной политической целесообразностью с позиций национальных интересов признающих государств и ставилось в непосредственную зависимость от сложившихся на определенный исторический момент обстоятельств.

Признание суверенитета в международных отношениях существовало всегда, однако, носило необязательный характер. В полной мере осознание признания в качестве необходимого самостоятельного института международного права реализуется в 20 в. Именно тогда происходит значительное увеличение количества государств, что требует формирования в мировом сообществе определенных критериев их принятия в качестве субъектов международно-правовых отношений.

В 1945 г. создается Организация Объединенных Наций, с созданием которой в юридической литературе возникает мнение, что именно ООН станет организацией, которая будет заниматься вопросами признания. Увеличение количества государств на

политической карте мира лучше всего прослеживается с увеличением количества государств-членов ООН.

По мнению большинства современных юристов-международников, признание государства в значительной степени заменено принятием страны в ООН. Несмотря на то, что ООН играет некоторую роль в признании новых государств, непосредственно функции признания у организации нет.

На современном этапе развития международных отношений вопросы признания рассматриваются в связи с реализацией принципа самоопределения народов и наций. Одни из основных принципов международного права имеет богатую историю. Возникновение идеи национального самоопределения восходит к эпохе Просвещения и связано с именами таких мыслителей, как Локк, Гроций, де Ваттель, Руссо. Общественная мысль передовых европейских стран пришла к отрицанию абсолютизма (что заложило идейную основу Великой французской революции) и пыталась теоретически обосновать «суверенитет народа» через теорию «естественного права». В современных международных отношениях, оправдывая то или иное отделение территориального образования, зачастую субъекты международного права ссылаются на принцип самоопределения как на естественное право народа на создание отдельного государства.

Вопросы самоопределения народа в теории часто рассматриваются исходя из различных теорий национализма. Некоторые западные исследователи национализма, такие как Э. Геллнер и Э. Хобсбаум, квалифицируют принцип самоопределения народов и наций как политическую идеологию, которая отстаивает необходимость совпадения государственных границ с национальными. На наш взгляд, это является недопустимым, поскольку противоречит сложившейся системе международных отношений с существованием многонациональных государств. Национализм по Г. Кону состоит из права каждой нации на формирование своего государства, включение в рамки этого государства всей нации, принципа приоритета лояльности национальному государству перед другими гражданскими обязанностями. Согласно Кону Западный национализм носил интегрирующую функцию, так как он получил развитие после возникновения национальных государств и служил цели объединения. В не-Западном мире национализм носил разрушительный и разделяющий характер, так как он предшествовал созданию национального государства и противостоял существующей политической общности, проводя границы государства по культурным границам наций [1].

Рассматривая историю развития института признания, определяя его природу и критерии, в юридической литературе часто делается отсылка к деколонизации. В связи с чем возникает вопрос, корректно ли на сравнение современных прецедентов возникновения новых государств с государствами, получившими независимость в результате деколонизации. Также как в современных международных отношениях государство, от которого происходит отделение, отказывает в признании вновь образованному государству, так и западные политики, оправдывая курс на сохранение колониализма, утверждали, будто правом самоопределения могут пользоваться только нации, а на население колониальных стран этот принцип не распространяется, так как нации там еще не сформировались. Безусловно, при образовании на бывшей зависимой территории в результате деколонизации нового государства возникал вопрос о его признании международным сообществом. Однако, в случае деколонизации признание являлось фактически бесспорным, поскольку основание создания нового государства соответствовало нормам международного права и было исторически закономерным.

Объединяющим критерием для возникновения государств, появившихся в результате деколонизации, и современных вновь возникающих государств является реализация принципа самоопределения народов и наций, являющегося одним из основных принципов международного права.

Один из четырнадцати пунктов Вудро Вильсона звучал следующим образом: свободное, объективное и абсолютно непредубежденное урегулирование всех колониальных претензий, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому при обсуждении всех вопросов суверенитета интересы конкретных народов должны учитываться наравне со справедливыми требованиями тех правительств, чьи права надлежит определить [2].

Предложения Вильсона многие называют утопическими, но, несмотря на это, им был сформулирован важный для международного права тезис: разрешение каждого территориального вопроса, всплывшего за эту войну, должно быть определено интересами соответствующего народа, а не как момент простого уравнивания или компромисса требований соперничающих сторон. Несмотря на то, что с момента оглашения предложений Вильсона прошло практически столетие, решение вопросов самоопределения по-прежнему является проблемой, решаемой исходя из политических интересов.

Начало современного этапа развития института признания связано с распадом СССР и отдельных государств в Центральной и Восточной Европе в 90-х гг. 20 в. Результатом стало возникновение новых государств и прекращение существования трех федераций: СССР (1991 г.), Чехословакия (1993 г.), СФРЮ (1991-1992 гг.). За относительно небольшой период сложилась богатая правоприменительная практика признания новых государств, образовавшихся на месте прежних федераций, которая, однако, не получила должной оценки в науке международного права. Определенный интерес представляют собой Руководящие указания относительно признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза, закрепляющие современные критерии, которым должно соответствовать признаваемое государство. Специфика государств появившихся в результате распада СССР заключается в том, что несмотря на их вхождение в федеративное государство, они обладали определенной степенью международной правосубъектности. Благоприятные условия для международно-правового признания таких государств заключались в существовании четких границ государств, наличия компетентных органов. Следует признать, что прецедентов, подобных образованию новых государств вследствие распада СССР, в современных международных отношениях нет, что объясняет сложность применения тех же норм и принципов поведения государств, признавших государства – бывшие члены СССР, применительно к современным отношениям.

Анализируя различные исторически сложившиеся и современные концепции, можно сделать следующий вывод. Как в работах исследователей, посвященных международному праву, а именно институтам признания и самоопределения народов в форме отделения, так и в практике международных отношений, главной проблемой является то, что имеются многочисленные теории и концепции в рамках рассматриваемой темы, однако, отсутствуют общепризнанные понятия государства, нации, самоопределения. Обоснование поведения государств по признанию либо непризнанию того или иного образования в современных международных отношениях всегда имеет, прежде всего, политический подтекст и только потом – правовой. Таким образом, в практике международных отношений складывается ситуация доведения мнений до крайностей, когда существование одних субъектов международного права в

качестве таковых отрицается, а существование других становится общепризнанным, несмотря на спорные основания его образования. В современном международном праве сложно говорить о создании кодифицированного акта, который будет детально регулировать вопросы международно-правового признания и реализации самоопределения народа в форме отделения. Однако, назрела необходимость закрепления на международном уровне основ признания, таких как понятие признания, общие признаки государства, критерии, которым должно соответствовать современное государство. Определение на международном уровне категории признания как строго определенной дефиниции не сможет полностью исключить политический характер отношений признания, но станет предпосылкой кодификации института признания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яскуловский, К. Дихотомия Ганса Кона: два национализма, хороший и плохой [Электронный ресурс] / К. Яскуловский. – Режим доступа: http://sputnikipogrom.com/politics/5712/two_nationalisms-2/#.WBpLC-OLTMz. – Дата доступа: 25.10.2016.
2. Четырнадцать пунктов Вильсона / История США в документах [Электронный ресурс] – 2016. – Режим доступа: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetirnadcat-punktov.php>. – Дата доступа: 25.10.2016.

Е. В. ГРИГОРОВИЧ, О. М. ПУХОВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ТЕНДЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ЕС И НАТО

В Европе и в Евroatлантическом регионе в целом плотность разнообразных институтов международного взаимодействия по вопросам безопасности является наиболее высокой в мире. Основными организациями, деятельность которых так или иначе затрагивает проблематику безопасности в регионе, являются ОБСЕ, ЕС, НАТО, Совет Европы, СНГ, ОДКБ, а также ООН и ряд структур, ориентированных на развитие субрегионального сотрудничества. Все они призваны предоставить широкий диапазон средств для решения общих задач безопасности и выработки международного комплексного подхода к урегулированию кризисов и проведению операций.

Однако перегруженность международно-политического ландшафта Европы и евроатлантического пространства разнообразными многосторонними структурами приводит к тому, что на деле комплексный подход ведет к наращиванию потенциала их взаимозаменяемости и дублированию функций. Организации конкурируют и взаимно уменьшают эффективность друг друга и тем самым снижают эффективность общей системы евроатлантической безопасности.

Наиболее очевидным примером такой конкуренции являются взаимоотношения по линии Евразийский союз (далее – ЕС) – НАТО. Принимая во внимание высочайший по международным меркам уровень доверия и взаимозависимости между участниками, 21 государство стало членом обеих организаций одновременно, чем был достигнут предел географического расширения НАТО и Евросоюза на современном этапе.

ЕС и Организация Североатлантического договора (далее – НАТО) является ведущими организациями в сфере обеспечения европейской безопасности,

эффективность которой во многом определяется балансом отношений этих двух организаций. За время, прошедшее с момента распада биполярной системы, ЕС и НАТО претерпели существенную трансформацию, которая затронула не только институциональную сферу, но также и их цели и задачи. ЕС стал играть более заметную роль в обеспечении европейской безопасности, а НАТО начала прообразовываться из военно-политического блока в блок политико-военный [2, с. 46].

В настоящее время в развитии взаимоотношений ЕС и НАТО в системе европейской безопасности следует отменить следующие тенденции:

1) Расширение состава ЕС и НАТО, которые постепенно приобретают почти общеевропейский обхват. Эти процессы декларируются как независимые, но дополняющие друг друга. При этом в историческом контексте вступление в НАТО для ряда стран являлось, по сути, обязательным условием последующего присоединения к ЕС.

2) Развитие взаимодействия ЕС и НАТО с не входящими в них странами (главным образом, со странами СНГ).

3) «Разделение труда» между организациями. Так, в ходе урегулирования конфликтов в странах бывшей Югославии (в Боснии и Герцеговине в 1995 г., в Косово в 1999 г.) сложилась практика взаимодействия, при которой НАТО (при ведущей политической роли ООН) брал на себя решение задач обеспечения военной безопасности, а ЕС играл ключевую роль в восстановлении экономики.

4) Функциональные коррективы с деятельности структур. Если значительно НАТО являлась организацией коллективной обороны, а ЕС – экономической интеграции, то в последнее время происходит определенная корректировка этих функциональных направлений. Сокращая масштабы своей военной активности, НАТО начинает подключаться к урегулированию внеевропейских кризисов, в то время как ЕС расширяет деятельность в сфере безопасности, участвует в кризисном урегулировании в Европе и за ее пределами, в противодействии новым вызовам и угрозам [1, с. 71].

5) Еще одно многообещающее направление для будущего сотрудничества между ЕС и НАТО – энергетическая безопасность. Для многих стран ЕС высокая степень зависимости от иностранных источников энергоносителей была реальностью в течение довольно длительного времени, тогда как для других стран это новая, но ближайшая перспектива. Меняется система поставок энергоносителей, вместе с тем растет мировой спрос на них. Растет экономическая мощь Китая и Индии, что приведет к увеличению мирового спроса на энергоносители почти на 60 % в течение последующих 20 лет и обострит конкуренцию среди государств-импортеров энергоносителей [3].

В настоящее время сотрудничество между ЕС и НАТО сталкивается с целым рядом проблем. Так, определенные сложности возникают на уровне финансового обеспечения деятельности двух организаций. Наблюдается отсутствие у европейцев единства в вопросах военных расходов на нужды вооруженных сил. Сказывается и тот факт, что в связи с экономическим кризисом в ЕС военные бюджеты в большинстве государств подверглись сокращению из-за необходимости снизить бюджетный дефицит.

Кроме того, в условиях ограниченности количества военнослужащих в Европе большинство из них приписано сразу и к силам ЕС, и к Силам реагирования НАТО, что создает проблему «фактического участия».

В отношении качества взаимодействия ЕС и НАТО в евроатлантическом регионе можно сделать вывод, что нынешняя конфигурация отношений выглядит противоречивой и даже в чем-то контрпродуктивной. С одной стороны, это сотрудничество, с другой — политическая конкуренция, усиливающаяся из-за несовпадения взглядов стран-членов на функции и задачи каждой из организаций, а

также институционально заложенного дублирования функций в ряде сфер. Организации оказались не самым лучшим образом приспособлены наладить полноценный диалог и в области практического взаимодействия, на что указывают проблемы, связанные с принятием решений в ходе миссии «Алтея», и сложности в Судане. В настоящее время тенденция к конкуренции является преобладающей по всем направлениям: проектов практического взаимодействия Европейского союза и Североатлантического альянса немного, а учитывая сложности в их отношениях на институциональном уровне, перспектива появления новых совместных программ в краткосрочном плане невелика.

На сегодняшний день ЕС и НАТО развивают взаимодействие по ряду направлений, в системе евроатлантической безопасности результаты сотрудничества остаются недостаточными. Взаимоотношения организаций на практическом уровне не соответствуют заявленному декларативно стратегическому партнерству: нарастает их функциональная взаимозаменяемость, что ведет к возникновению элементов деструктивной конкуренции в подходах к таким сферам деятельности, как миротворчество и противодействие новым угрозам безопасности.

Таким образом, важнейшей задачей евроатлантических институтов остается укрепление трансатлантической связи и поддержание «стратегического партнерства». Несмотря на солидную юридическую базу и детально разработанные механизмы сотрудничества, проблемы возможного распределения обязанностей между НАТО и ЕС остались нерешенными в рамках соглашений «Берлин Плюс». Для выработки комплексного подхода к безопасности, предлагающего участие и НАТО, и ЕС, принципиально важно, чтобы эти организации в полном объеме дополняли друг друга. Представляется, что добиться этого можно лишь при устранении принципиальных противоречий между отдельными странами евроатлантического пространства и паритетном участии в совместной деятельности стран НАТО, не состоящие в ЕС, не состоящих в НАТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычковская, О. М. Взаимоотношения ЕС и НАТО в контексте евроатлантической безопасности / О. М. Бычковская // Журнал международного права и международных отношений. – 2011. – № 1. – С. 70-76.
2. Мельянцов, Д. А. Отношения Европейского союза НАТО в 1920-2000-е гг. / Д. А. Мельянцов // Журнал международного права и международных отношений. – 2007. - № 3. – С. 46-50.
3. НАТО и Европейский союз: сотрудничество и безопасность [Электронный ресурс] / НАТО вестник. – Режим доступа: <http://www.nato.int/docu/review/2007/issue2/russ/art6.html>. - Дата доступа: 13.11.2016.

Д. В. ДИКОВИЦКАЯ, Е. Д. СЕЛЮЖИЦКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Характерной особенностью Республики Беларусь является выгодное физико-географическое расположение, поскольку по ее территории проходят важные транспортные артерии из стран Западной Европы в Россию и другие страны СНГ. Это

обуславливает необходимость эффективного правового регулирования грузопотоков через территорию государства, особенно автомобильным и железнодорожным видами транспорта, получившими наибольшее распространение в сложившихся социально-экономических условиях.

Основополагающей нормой международного автотранспортного частного права является Конвенция о договоре международной перевозки грузов (КДПГ), принятая в Женеве 19 мая 1956 г. (официальное сокращенное название – CMR). Она применяется ко всякому договору перевозки дорожных грузов, когда место погрузки груза и место его доставки, указанные в договоре, находятся на территориях двух разных стран, из которых, по крайней мере, одна должна быть участницей Конвенции [1, ст.ст. 1, 2].

КДПГ определяет единообразный правовой механизм международной автоперевозки грузов по дорогам и способствует более рациональному и эффективному их осуществлению. Она регламентирует общепринятые, сложившиеся в мировой практике правила, обычаи и обыкновения, касающиеся договора перевозки, а также устанавливает процедуры, применяемые сторонами договора международной дорожной перевозки грузов в части его заключения, исполнения, расторжения, и ответственность перевозчика за неисполнение или ненадлежащее исполнение им условий договора.

В частности, по правилам КДПГ договор перевозки подтверждается международной CMR-накладной, которая составляется в трех оригиналах, подписанных отправителем и перевозчиком (первый экземпляр накладной передается отправителю, второй с провождает груз, третий остается у перевозчика). Накладная имеет силу договора относительно его условий и удостоверяет принятие груза перевозчиком. Отправитель обязан до отправки груза присоединить к накладной или предоставить в распоряжение первозчика необходимые документы, относящиеся к грузу, и сообщить все требуемые сведения для выполнения таможенных и иных формальностей. При этом отсутствие, неправильность или потеря накладной не отражаются ни на существовании, ни на действительности договора автоперевозки, к которому и в этом случае применяются положения КДПГ [1, ст.ст. 4, 5, 9, 11].

Право распоряжения грузом, находящимся в пути, остается у отправителя до момента передачи второго экземпляра накладной получателю. Первозчик несет ответственность за полную или частичную потерю груза или за его повреждение, произошедшее во время перевозки, а также за несвоевременную доставку. Если возникает необходимость возмещения ущерба, вызванного полной или частичной потерей груза, размер, подлежащий возмещению суммы, определяется на основании стоимости груза в месте и во время принятия его для перевозки, но не более 25 золотых франков за килограмм недостающего веса брутто (один золотой франк равен 10/31 грамм золота 0,900 пробы) [1, ст.ст. 12, 17, 23].

Срок подачи рекламации в связи с состоянием доставленного груза КДПГ установлен в 7 дней, не считая воскресенья и нерабочих дней. Подача претензии в связи с просрочкой в доставке груза производится в течение 21 дня со дня передачи груза в распоряжение получателя [1, ст.ст. 12, 17, 23].

Срок исковой давности в КДПГ установлен в один год. Его течение исчисляется в случае частичной потери груза, повреждения его или просрочки в доставке – со дня сдачи груза; в случае потери всего груза – с 30-го дня по истечении установленного срока доставки, если он не был установлен – с 60-го дня от принятия груза перевозчиком; во всех других случаях – по истечении 3-месячного срока со дня заключения договора перевозки [1, ст. 30].

По поводу нарушения обязательств истец может обратиться в компетентные суды участвующих в КДПГ государств, определенных с общего согласия сторон, а также в суды государства, на территории которого находятся обычное место жительства ответчика, его главная контора или отделение или агентство, при посредничестве которых был заключен договор перевозки, или место принятия груза к перевозке или место доставки, и может обратиться лишь к этим судам. Договор перевозки может содержать статью, где устанавливается компетенция арбитражного суда, по рассмотрению спора, но при условии, что арбитражный суд обязан применять нормы КДПГ [1, ст.ст. 31, 33].

В настоящее время участниками КДПГ являются 55 государств [2]. Для Республики Беларусь КДПГ стала обязательной на основании постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 1992 г. № 721 «О присоединении Республики Беларусь к международным договорам, регламентирующим перевозку грузов в международном автомобильном сообщении» с 4 июля 1993 г. [3].

С момента присоединения Республики Беларусь к КДПГ был разработан ряд нормативных правовых актов, регулирующих автомобильные перевозки грузов: Гражданским кодексом Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 [4], Закон Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278-3 «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» [5], Правила автоперевозок грузов, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 970 [6]. Использование международной СМР-накладной на перевозку груза регламентируется Постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 20 февраля 2012 г. № 11 «Об утверждении инструкции о порядке оформления международной товарно-транспортной накладной «СМР» и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства транспорта и коммуникаций» [7].

7. Обзор судебной практики Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 декабря 2007 г. № 04-08/255 [8] позволяет выявить несколько наиболее часто нарушаемых положений КДПГ в Республике Беларусь, в числе которых следующие:

- отправитель ответственен за всякий ущерб, который может быть причинен отсутствием, недостаточностью или неправильностью документов, прилагаемых к накладной, за исключением случаев вины перевозчика;
- перевозчик несет ответственность за полную или частичную потерю груза или за его повреждение, происшедшее в промежуток времени между принятием груза к перевозке и его сдаче;
- при принятии груза перевозчик обязан проверить внешнее состояние груза и его упаковки;
- передача заказчиком перевозки права другим организациям или гражданам на предъявление претензий или исков не допускается, за исключением случаев передачи такого права экспедитору, а также – грузоотправителем грузополучателю или грузополучателем грузоотправителю при осуществлении в товарно-транспортной соответствующей записи.

Таким образом, с теоретической точки зрения имплементация норм международного автотранспортного права в области грузоперевозок в национальное законодательство позволяет учесть европейский и международный опыт, а также гармонизировать правовое регулирование автомобильных грузоперевозок в Республике Беларусь с законодательством других стран и их союзов, что создает определенные возможности для совершенствования национального законодательства в указанной области. Практическое значение применения международных правовых норм Республикой Беларусь при осуществлении международных перевозок грузов

автомобильным транспортом позволяет унифицировать перевозочные (транспортные) документы и ускорить процесс оформления документов и перевозки грузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о договоре международной перевозки грузов (КДПГ) // BEETRANS.com. Транспортно-поисковая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://beetrans.com/need/doc/kdpg.php?stat=7>. – Дата доступа : 14.11.2016.

2. Legal instruments in the field of transport // UNECE [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.unece.org/trans/conventn/legalinst_25_OLIRT_CM.html. – Дата доступа : 14.11.2016.

3. О присоединении Республики Беларусь к международным договорам, регламентирующим перевозку грузов в международном автомобильном сообщении [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 нояб. 1992 г., № 721 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 авг. 2007 г., № 278-3 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Об утверждении Правил автоперевозок грузов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 июня 2008 г., № 970 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Об утверждении инструкции о порядке оформления международной товарно-транспортной накладной «CMR» и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства транспорта и коммуникаций [Электронный ресурс] : постановление Министерства транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, 20 февр. 2012 г., № 11 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

8. Обзор практики применения хозяйственными судами норм международных конвенций, соглашений, договоров о правовой помощи, участницей которых выступает Республика Беларусь, и норм иностранного права (подготовлен на основании материалов дел, рассмотренных хозяйственными судами во втором и третьем кварталах 2007 года) [Электронный ресурс] : обзор судебной практики Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 26 дек. 2007 г., № 04-08/255. – Режим доступа : <http://www.busel.org/texts/cat5vx/id5zwofdr.htm>. – Дата доступа : 14.11.2016.

Т. Б. ЕЖОВА

Могилев, БИП – Институт правоведения, Могилевский филиал

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ

Перевозки грузов и пассажиров осуществляются железнодорожным, автомобильным, воздушным и морским транспортом. Под международной перевозкой понимается перевозка грузов и пассажиров между двумя и более государствами,

выполняемая на условиях, которые установлены заключенными этими государствами международными соглашениями. Характерной особенностью правового регулирования в этой сфере является то, что основные вопросы перевозок решаются в международных соглашениях (транспортных конвенциях), содержащих унифицированные нормы, единообразно определяющие условия международных перевозок грузов и пассажиров. Обычно такие соглашения содержат требования к перевозочной документации, определяют порядок приема груза к перевозке и выдаче его в пункте назначения, условия ответственности перевозчика, процедуру предъявления к перевозчику претензий и исков. При отсутствии единообразных материально-правовых норм обращаются к нормам национального права в соответствии с коллизионными нормами транспортных конвенций или национального законодательства. Особенность договора международной перевозки заключается в том, что в ходе его исполнения соответствующие материально-правовые нормы применяются на основании различных коллизионных принципов. Так, при отправлении груза руководствуются законом страны отправления, при выдаче груза в конечном пункте — законом страны назначения. В других случаях применяется закон перевозчика или же закон страны суда. Подлежащее применению к международной перевозке право может быть указано в транспортном документе, выданном перевозчиком [1, с. 354].

Наиболее сложные правовые вопросы возникают при международных морских перевозках. Это объясняется как разнообразием самих отношений в данной области (предметом регулирования), так и различным характером источников правового регулирования (наряду с нормами конвенций и внутреннего законодательства широко используются морские обычаи, как национальные, так и международные) [2, с. 637].

Исполнение договора международных морских перевозок грузов предполагает их документальное оформление различными видами документов, обусловленное правовой природой и спецификой морских перевозок. Среди основных видов таких документов можно выделить следующие.

Коносамент – документ, который выдает владелец судна отправителю груза как подтверждение получения груза для перевозки его морским транспортом. Основное назначение коносамента это удостоверение о получении груза перевозчиком, используется как товарораспорядительный документ, выступает как свидетельство о заключении договора о транспортировке груза на морском судне.

Штурманская расписка – удостоверение владельца транспортного судна о получении груза для перевозки, выдаваемый помощником капитана.

Штурманская расписка содержит описание внешнего состояния груза, которое является результатом проверки контролерами владельца судна при получении груза. В отличие от коносамента штурманская расписка не является товарораспорядительным документом. По желанию заказчика перевозки расписка может быть заменена на коносамент.

Аддендум – дополнительная часть договора, в которой описываются изменения или дополнения к основному договору.

Деливери-ордер (долевой коносамент) – товарораспорядительный документ, который выдается грузополучателем или перевозчиком подтвержденный капитаном морского судна. Применяется в том случае, если получатель груза продает товар до принятия поставки. Если товар продается частями разным покупателям, то для каждого из них выдается отдельный деливери-ордер на соответствующую часть товара.

Таймшит – документ для учета времени простоя судна, которое запланировано чартером для осуществления грузовых операций. Эта ведомость оформляется в каждом

порту загрузки и разгрузки и заверяется капитаном и представителем нанимателя. Таймшит является основанием для расчета неустойки (демередж) или вознаграждения перевозчика за досрочную доставку (диспач). В таймшите записываются данные порта и судна, дата и время прибытия и выдачи уведомления о готовности груза к погрузке/выгрузке. Кроме этого в нем фиксируются дата и время начала и окончания погрузочных работ, длительность перерывов и их причины.

Морская накладная – документ, подтверждающий существование договора перевозки груза и получение груза перевозчиком. По морской накладной перевозчик должен поставить груз получателю, который определен в документе. К накладной прикрепляют все требующиеся товаросопроводительные документы.

Коммерческий акт – документ, фиксирующий и заверяющий недостачу или повреждение товара при его выдаче по адресу получения. В нем записываются размеры, форма и причины повреждения товара. Данный акт является основанием для возложения материальной ответственности на исполнителя.

Гарантийное письмо – документ, выдаваемый банком грузополучателя. Письмо гарантирует, что перевозчик не ручается за последствия, которые могут появиться при отсутствии транспортного документа.

Подтверждение на фрахтование тоннажа – выдается грузоперевозчиком для подтверждения забронированного места для груза на каком-либо морском транспортном средстве. Фрахт плата, выдаваемая грузоперевозчику за безопасную доставку товара. Вознаграждение выдается в случае безопасной перевозки. Если товар поврежден или потерян, то фрахт не выдается.

Мертвый фрахт – плата грузоотправителя как компенсация ущерба в случае отсутствия загрузки своего товара для перевозки после заключения договора с перевозчиком.

Фрахтовый счет – документ, содержащий фрахтовые ставки, затраты на перевозку и условия оплаты, который выдается транспортным оператором.

Извещение о прибытии груза – уведомление в письменной форме, по телефону и другими видами оповещения от перевозчика о том, что его товар будет передан ему в назначенном месте.

Извещение о поставке груза – уведомление в письменном виде от перевозчика грузоотправителю по его требованию, чтобы выяснить точную дату доставки товара.

Грузовой манифест – список товаров, из которых состоит партия, перевозимая на данном транспортном средстве. При этом заносится информация о товаре, в которую входят номера транспортных документов, данные о грузоотправителе и получателе, вес и маркировка.

Контейнерный манифест – документ, содержащий описание содержимого контейнеров. Также его называют упаковочный лист грузовых единиц. Его выдает погрузчик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звеков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. – М. : Волтерс Клувер, 2012. – 416 с.
2. Международное частное право: иностранное законодательство / предисл. А. Л. Маковского; сост. и науч. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. – М. : Статут, 2010. – 892 с.

В. О. КЛОЧКОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Актуальность данной темы обусловлена тем, что проблема беженцев в Европе, является насущным вопросом. Не решив ее, ставится под вопрос само существование Европейского союза в целом. Ведь эта проблема касается не только тех стран, куда устремлены наибольшие потоки беженцев, но и всей Европы. Это явление носит комплексный характер, который несет в себе массу последствий для различных сфер жизни общества.

При исследовании данной темы были изучены материалы различных периодических изданий, обозревающих последние события, касающиеся положения беженцев и миграции, статистические данные и некоторые данные официальных источников.

Целью данного исследования является анализ причин массового потока беженцев из Ближнего Востока и прогнозирование последствий такого переселения.

Для решения данной цели поставлены следующие задачи:

- 1) изучение причин прибытия беженцев из Ближнего Востока в страны Европейского союза;
- 2) прогнозирование последствий прибытия.

Для того чтобы понять причины бегства миллионов людей из Ближнего Востока необходимо проанализировать политическую и экономическую обстановку в странах региона, общее настроение граждан, выяснить с чего все началось, что побудило людей покинуть свои дома и бежать в чужие для них страны. Сотни тысяч беженцев, которые стали заложниками сложившейся в их странах ситуации, вынуждены ехать туда, где не стреляют и не убивают, таким местом для них оказалась Европа.

В 2011 году в Сирии начались массовые антиправительственные выступления, переросшие в беспорядки в различных городах, направленные против президента страны Башара Асада, которые затем переросли в вооруженное противостояние. Сторонами конфликта выступали правительственные войска с одной стороны и сирийская оппозиция с другой. В качестве третьей стороны затем выступили курды и, начиная с 2014 года еще одной стороной конфликта выступают боевики террористической организации «Исламское государство». Начавшаяся тогда гражданская война, продолжается до сих пор. Жертвами конфликта стали 230 тысяч человек, а 13 миллионов стали беженцами [1]. Развернувшиеся сражения, постоянные удары и столкновения сделали невозможной жизнь миллионов людей. Ухудшилась экономическая ситуация, сократилось значительное количество инвестиций, выросла инфляция. Сильнейший удар был нанесен индустрии туризма, приносящий значительный доход государству. Соответственно, стало крайне затруднительно выплата заработных плат и пособий, возрос уровень безработицы. В 2014 году ЮНИСЕФ признал Сирию одним из самых опасных мест на Земле для детей. Более половины сирийских детей нуждаются в гуманитарной помощи [5]. Таким образом, данный комплекс экономических, политических, социальных и гуманитарных обстоятельств и стал главной причиной массового бегства людей в поисках лучшей

жизни. Очевидно, что приоритетом беженцев является все же, не улучшение своего экономического положения, а прежде всего сохранение жизни. Люди бегут от войны в ближайшие к Сирии страны. Если в начале конфликта это были Иордания, Ливан, Ирак, Турция, то в последнее время беженцы направляются в Европу.

Вооруженные противостояния вынудили граждан Ирака и Ливана покинуть свои страны. Как и в Сирии вооруженные конфликты начались там в 2011 году. Также все начиналось с акций протеста, целью которых было свержение действующей власти. Конфликты продолжаются и по сегодняшний день. Многочисленные беженцы из Ирака сначала бежали в соседнюю Сирию, но затем, вместе с сирийцами они направлялись в Европу. В Ливане беженцы составляют около 25 % всего населения [4]. Они передвигаются теми же маршрутами что и сирийцы, сперва попадают в Венгрию или Сербию, а оттуда пытаются попасть в Германию или Швецию. Сделать это не так-то просто, потому что значительная часть немцев против принятия у себя беженцев, что выражается в акциях протеста среди немецкого населения.

Проблема беженцев в странах Европейского союза стоит очень остро. Миллионный поток, бегущих от войны, беженцев захлестнул Европу. Пытаясь сохранить свою жизнь и жизнь своих детей, они нередко погибают по дороге в лагеря для беженцев, так как вопрос безопасности передвижения остается на последнем месте. Основной и самой главной причиной миграции беженцев являются вооруженные конфликты. У граждан не остается иного выхода, как распродавать свое имущество и переправляться в другие страны. Людям приходится оставлять годами накопленное имущество, и уезжать туда, где по сути, им придется начать новую жизнь.

Готова ли Европа, и, самое главное, ее жители принять такое количество беженцев у себя? Готовы ли они жить по соседству с мусульманами, водить своих детей вместе с ними в школу, отмечать национальные праздники, ездить в общественном транспорте в мире и согласии? Толерантность тоже имеет свои пределы, ведь уже сейчас немецкое общество разделилось на две части, на тех, кто рад беженцам и готов их принять в своих домах и помогать им, и на тех, кто не желает мириться с беженцами. Каждое мнение имеет под собой определенное основание.

На данный момент, для стран принимающих у себя беженцев основной проблемой является их размещение и затраты, связанные с ним. Однако, только на первый взгляд это кажется единственной проблемой. Европейцы опасаются, что беженцы могут отказаться уважать местные обычаи и навязывать обществу ислам. Волна миграции несет в себе гораздо больший комплекс последствий, который, если и не проявляется сейчас, то обязательно проявит себя в будущем. Последствия можно условно разделить на несколько групп: политические, экономические, религиозные и социально-культурные.

Итак, прежде всего, следует сказать об экономической составляющей. Естественно, содержание беженцев требует значительного количества денежных средств. Сейчас основная нагрузка по приёму беженцев лежит на Германии. Немецкие власти уже заявили, что расходы на мигрантов придётся серьёзно увеличить. По некоторым данным, затраты составят до 10 миллиардов евро – это в четыре раза больше по сравнению с предыдущим годом [2]. Подавляющее большинство беженцев – люди без высшего образования, а то и вовсе лица, ограниченные несколькими классами школы. Соответственно для того чтобы найти им хоть какую-то работу их надо обучить, а это ещё дополнительные деньги. На время обучения необходимо будет выплачивать пособие по безработице.

Большой опасностью является проникновение террористов в страны Европы. Ряд западных изданий сообщает, что под видом беженцев в Европу уже проникли около четырёх тысяч боевиков «Исламского государства». По данным СМИ, вооружённые бандиты сначала переходят границу с Турцией, а оттуда на нелегальных судах попадают в европейские страны. Очевидно, что при таком потоке беженцев их личности проверяются не так тщательно или вообще не проверяются. Уже сейчас возрастает уровень преступности среди мигрантов, прибывших в Европейский союз, однако это не афишируется местными правоохранительными органами. Многие мигранты не желают мириться с правилами и укладами, установившимися в Европе. Они насильственными методами вносят свои правила, что выражается в избиении живущих там европейцев, массовых драках. Некоторые из них распространяют наркотические средства.

Прибывающие беженцы являются мусульманами. В Европе большинство населения – христиане. Все же это совершенно другой мир, со своими законами, обычаями и традициями. Каким бы толерантным не был европейский народ, правительству этих стран следует особое внимание уделить религиозному вопросу. Ведь с развитием и распространением ислама в современном мире, и зачастую искажением его истинных начал, в мире разгорались конфликты и вооружённые противостояния. По данным социологического опроса, проведенного в Польше, 81% опрошенных негативно относятся к беженцам. Главными критериями, определяющими враждебность по отношению к мигрантам, являются иная религия и культура. По мнению социологов, поляки опасаются, что беженцы не станут уважать польские светские и религиозные традиции, будут вести себя агрессивно в отношении местных женщин, начнут продвигать в Польше ислам [3].

И это не весь перечень последствий, так как они могут быть самыми различными и неожиданными. Ведь процесс интеграции беженцев в европейскую среду только начался, поэтому многие явления ещё не проявили себя.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что причиной миграции беженцев из Ближнего Востока является, прежде всего, тяжелая политическая и военная обстановка, выразившаяся в вооружённых конфликтах в этих странах. Это и заставило такое большое число людей стать вынужденными мигрантами и отправиться в Европу.

Обосновываясь в лагерях для беженцев, там нередко происходят несчастные случаи, стычки между самими беженцами, пожары. Особо активные из них нарушают правила поведения в лагере для беженцев, покидают их, создают организованные группировки уже за пределами лагеря. Во много раз возрос уровень преступности, участились изнасилования, грабежи, распространение наркотических средств.

Существует реальная опасность образования, так называемых, неконтролируемых кварталов, которые неподвластны даже местным правоохранительным органам. Следовательно, местным органам власти стоит принять все меры безопасности для того чтобы этого избежать. За нарушение режима пребывания в лагере, следует вводить определенные санкции для беженцев вплоть до депортации. Возможно, под страхом депортации они будут более ответственны. Ведь у беженцев есть не только права, но и обязанности, о чем они часто забывают. Они обязаны соблюдать законы страны пребывания, уважать местные традиции и обычаи. И, если она приехали в Европу не только для того, чтобы получать пособия, но и жить, то в этом случае им необходимо более мирно вливаться в европейское сообщество, путем уважительного отношения не только к местным жителям, но и всему европейскому образу жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «За родину, за Асада!»: оглашено число жертв войны в Сирии, включая боевиков «Хизбаллы»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://9tv.co.il/news/2015/06/09/206078.html>. – Дата доступа: 08.10.2016.
2. В Евросоюзе назревает раскол из-за беженцев: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.5-tv.ru/news/100057/>. – Дата доступа: 08.10.2016.
3. Опрос: Большинство граждан Польши выступают против размещения беженцев в стране: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.rt.com/article/128665>. – Дата доступа: 09.10.2016.
4. Эхо далекой войны: сирийские беженцы едут в Польшу: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/news/show/13234>. – Дата доступа: 09.10.2016.
5. ЮНИСЕФ называет Сирию самым опасным в мире местом для детей: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rian.com.ua/world_news/20140311/340831494.html. – Дата доступа: 07.10.2016.

Е. А. КОРОТИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук

О. В. ЧМЫГА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДОГОВОРНАЯ СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Ускоренное развитие биологии и медицины, появление современных медицинских технологий и внедрение результатов биомедицинских исследований не только способствовали обеспечению прав и свобод человека (в частности, права на жизнь, на охрану здоровья и др.), но и сами стали причиной актуализации проблематики защиты человека, его прав и свобод. Данное обстоятельство, в свою очередь, активизировало правотворческие процессы, причем не только на национальном, но и на международном уровнях. Оценивая систему действующих международных правовых инструментов в данной области, следует отметить своевременность и достаточно высокую степень рациональности принятых и принимаемых международных актов в рассматриваемой сфере, что, тем не менее, не исключает необходимости дальнейшего развития соответствующего правового сегмента. Подтверждением сказанного является, в первую очередь, тот факт, что большинство конвенционных актов, гарантирующих права человека в связи с применением современных медицинских технологий, были приняты во второй половине – конце XX века: учитывая динамику и высокий уровень развития наук биомедицинского цикла, данное обстоятельство отчасти может свидетельствовать о процессе «переживания» соответствующих правовых документов. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие ключевые правовые положения в исследуемой области не приобрели свойства универсальности, оставшись закрепленными в рамках региональных международных актов. Наконец, большинство документов, гарантирующих права человека в сфере применения медицинских

технологий и проведения биомедицинских исследований, имеют программный характер (причем далеко не все из них являются правовыми актами) и не обеспечены эффективным механизмом реализации, в том числе на национальном уровне. Отмеченные недостатки, тем не менее, не умаляют усилия международного сообщества в деле развития прав человека, актуального современным достижениям медицинской науки и практики. Причем особенно заметна в этом отношении европейская договорная система, основу которой в исследуемой области составляют акты как общего, так и специального характера.

В системе первой из названных категорий документов центральное место занимают такие акты, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г., Европейская конвенция о социальной и медицинской помощи 1953 г., а также Европейская Социальная Хартия (пересмотренная) 1996 г. При этом особого внимания с точки зрения гарантирования прав человека в сфере применения медицинских технологий, бесспорно, заслуживает Хартия Европейского Союза об основных правах человека: будучи документом, характеризующимся специфическим подходом к классификации прав человека, данный акт не лишен определенного своеобразия и в части закрепления исследуемой категории субъективных правомочий индивида. Прежде всего, следует отметить, что права, затрагиваемые сферой применения медицинских технологий, сосредоточены, главным образом, в трех основных рубриках Хартии – главе I «Достоинство» (человеческое достоинство (ст. 1), право на жизнь (ст. 2), право на целостность личности (ст. 3), запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и наказания (ст. 4)), главе II «Свободы» (право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 6), защита данных личного характера (ст. 8)) и главе IV «Солидарность» (охрана здоровья (ст. 35)).

Помимо особой системной организации названных и иных прав человека, рассматриваемый документ обращает на себя внимание фактом закрепления специфических с точки зрения традиционной доктрины прав человека юридических возможностей индивида. В исследуемой нами сфере к числу таковых, прежде всего, следует отнести право каждого человека на собственную физическую и психическую целостность, реализация которого в рамках медицины и биологической науки должна обеспечиваться, во-первых, добровольным и осознанным согласием заинтересованного лица, полученным в соответствии с установленными законом правилами, во-вторых, запретом на занятие евгеникой (особенно в отношении тех лиц, которые преследуют цель отбора людей) и, в-третьих, запретом клонирования (ст. 3). Правда, делая различие между репродуктивным (клонирование в качестве способа размножения человеческих существ) и терапевтическим клонированием, последний вид клонирования Хартией не запрещается. Появление указанных выше правоположений – есть, собственно, непосредственный результат активного внедрения в систему общественных отношений (к сожалению, не только в сфере здравоохранения) новейших достижений медицинской и биологической науки. Как представляется, сам по себе факт отдельного гарантирования права на целостность личности является своего рода индикатором возможных угроз безопасности человека, его прав и свобод в условиях недостаточно контролируемого внедрения современных медицинских технологий. Установление же в ст. 3 Хартии конкретных ограничений, в свою очередь, подчинено цели сбалансировать реализацию и соблюдение предусмотренного данной статьей права с необходимостью дальнейшего развития медицинских технологий и обеспечением свободы исследований.

Этой же цели подчинен и специальный документ, регулирующий отношения в сфере использования современных медицинских (в том числе биомедицинских)

технологий, а именно Конвенция Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины, 1997 г. (далее – Конвенция о правах человека и биомедицине). Подчеркивая факт ускоренного развития биологии и медицины, который может привести к действиям, создающим угрозу человеческому достоинству, преамбула названного документа фиксирует признание государствами, ее подписавшими, необходимости использовать успехи данных наук на благо нынешнего и грядущего поколений при одновременном обеспечении должного гарантирования основных прав и свобод личности.

Наиболее важные положения указанного документа могут быть сведены к следующим основным постулатам: любое медицинское вмешательство (за исключением чрезвычайных ситуаций) возможно лишь при условии добровольного информированного согласия лица, подвергаемого такому вмешательству; каждому лицу, в отношении которого применяются меры медицинского воздействия, должно быть гарантировано право на информацию, предполагающее не только возможность получить сведения о состоянии своего здоровья и предпринимаемых мерах медицинского вмешательства, но и обеспеченность защиты такого рода информации от третьих лиц, что особенно актуально в условиях автоматизированной обработки данных, в том числе в сфере здравоохранения; вмешательство в геном человека возможно только в профилактических, диагностических или терапевтических целях, в связи с чем недопустимо изменение генома, например, для выбора пола будущего ребенка; любые научные исследования на людях должны быть строго регламентированы, при этом создание для этих целей человеческих эмбрионов запрещено; изъятие органов и тканей для трансплантации у живого донора возможно только в медицинских целях (а именно лечения реципиента), не связанных с извлечением материальной выгоды.

Конвенция о правах человека и биомедицине, как и конкретизирующие ее Дополнительные протоколы (Протокол о запрете клонирования человеческих существ 1998 г., Протокол относительно трансплантации органов и тканей человека 2002 г., Протокол в области биомедицинских исследований 2005 г.) имеют договорной характер, обладают юридической силой и обязательны для государств-участников. Правда, таковыми согласно Конвенции могут быть только государства-члены Совета Европы, Европейское сообщество и государства, не являющиеся членами Совета Европы, но участвовавшие в разработке данного акта. Что касается остальных государств, то их присоединение к Конвенции возможно на основании согласованного сторонами приглашения, что в свою очередь свидетельствует о закрытом характере указанного акта. Примечательно, что и среди членов Совета Европы не все государства выразили свое согласие на обязательность для них Конвенции, содержание которой – при всей важности закрепляемых положений – тем не менее, предусматривает возможность делать оговорки, руководствуясь нормами национального законодательства.

Относительно новым международным актом определяющим сотрудничество государств-членов Совета Европы в рассматриваемой области является Конвенция о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения 2011 г., которая может быть признана одним из первых европейских региональных актов в области уголовно-правовой охраны здоровья населения от нарушений, связанных с оборотом фальсифицированной медицинской продукции, в том числе медицинских изделий. Определение последних в п. «е» ст. 4 Конвенции позволяет непротиворечиво относить к их категории и современные медицинские технологии. При всей важности закрепляемых положений

указанный акт имеет некоторые уязвимые моменты: во-первых, содержание договора исходит из необходимости защиты здоровья населения от предусмотренных в нем нарушений, что позволяет заключить о том, что данный акт продолжает традицию первостепенного гарантирования общественного здоровья над здоровьем индивидуальным. При этом в самом содержании Конвенции подчеркивается, что потерпевшим в результате совершения предусмотренных в ней деяний признается любое физическое лицо, которому причинен физический или моральных вред. Во-вторых, как и другие акты, принятые Советом Европы или Европейским Союзом, рассматриваемая Конвенция имеет ограниченную сферу действия, а участие в ней предполагает получение приглашения, согласованного в установленном порядке.

Вместе с тем следует отметить, что данный акт выгодно отличается от ряда других европейских региональных документов приемом дефинирования используемой терминологии, определением деяний, подлежащих запрету в законодательстве договаривающихся сторон и – что весьма важно – созданием механизма обеспечения реализации положений Конвенции.

Положения указанных и иных договорных актов в сфере защиты прав человека при применении современных медицинских технологий уточняются и дополняются достаточно широким кругом институциональных актов, создаваемых органами и институтами Совета Европы и Европейского Союза (например, Рекомендация № 779 по правам больных и умирающих лиц 1976 г. (ПАСЕ), Рекомендация R (80) 4 в отношении пациентов как активных участников своего собственного лечения 1980 г., Рекомендация R (86) 5 об универсальном доступе к медицинской помощи 1986 г. и т.д.). Подобное конкретизирующее правотворчество, с одной стороны, позволяет обеспечивать более детальное регулирование соответствующей сферы общественных отношений, а с другой стороны – создает определенные проблемы правоприменения, поскольку систему актов, регулирующих рассматриваемую сферу отношений, формируют документы различной юридической природы и иерархической принадлежности, не говоря уже о самом факте множественности такого рода актов. В этих условиях совершенствованию исследуемой системы регионального регулирования могла бы служить систематизация международных актов (например, в форме отраслевой и специальной консолидации уже принятых и действующих документов). Кроме того, в силу значимости рассматриваемой области правового регулирования представляется обоснованным принятие юридически обязательных актов (в форме договоров), обеспеченных должным механизмом реализации и не допускающих возможности ссылаться на положения национального законодательства в соответствующей области.

IRYNA KRYVTSOVA

Odessa, Ukraine, NU «Odessa Law Academy»

Одесса, Украина, Национальный университет «Одесская юридическая академия»,

кандидат юридических наук, доцент

INTEGRATIVE LAW AS THE TREND OF THE GLOBAL LAW EVOLUTION

The process of integration and differentiation infiltrate into legal reality. Differentiation of law is the insulation of national legal systems, their classification into different types of law. Integration of law occurs in the formation of interstate associations with different purposes and the advent of legal instruments needed to achieve them. Differentiation is

accompanied by the appearance on the legal map of the world legal systems, legal families (types of law), and integration – the advent of integrative law.

Uncertain status of the phenomenon of «integrative law», etymological confusion and a lot of authors approaches⁴ to his understanding, forced to identify own vision of this phenomenon. Which will be based on several methodological remarks.

First, a *special research dimension* – definition of the conceptual foundations of integrative law (status, characteristics) based on the use of the *intellectual instruments of natural and legal disposition – the concept of «global evolutionism»*.

Secondly, a *special research attitude*, which is that *an adjective can substantivize, to move into the category of the noun*.

So, emanate on the above methodological remarks, we represent the following definition of the integrative law, as the **quality of legal system entities, acquired in the course of its evolution and is characterized by a new «qualitative» stage of legal development**.

The characteristics of quality «integrative law» should be, in our opinion, are:

particularity;

Quality is characteristic of elements of the legal system entities. In our view, a system (structure) of law is a prime example of the possibilities to contemplate the quality of the integrative law, but this does not exclude that other elements of the legal system can also demonstrate the integrative quality, for example, legal consciousness, legal practice, etc.

temporary disposition;

The quality is not a given, but assumed (formed) with the time of the legal phenomena function (for example, in contrast to the quality of «normativity» legal rule) and lost, in the case of deactualization internal and external reasons for the determination of «maturation» of the quality at the next stage of evolution.

In our opinion, external determinants are historical predisposition, the nature of law to comprehensive coverage of integration relations, at the same time as internal determinants can be – unity of the subject and the method (means) legal regulatory, legal principles (for example, in EU law – the principles of «supremacy of law» and «direct action», etc.).

subsidiarity;

Quality does not come to replace the other qualities of legal system entities, it's in addition, a characteristic of the new stage of development of the law.

The quality «integrative law» – a new level of global evolution of law, in which one does not replace the other, or forcibly change or «press down under him», but created to function accessory.

dynamism;

Despite the fact that this quality is more significant (clearly) appears in the system (structure) of law («structural» quality – is inherent in the rule of law as the regulator, institution, branch of law, etc.), it is still a quality of dynamics (process), thus at the same time being «functional» quality manifests as a result of the mechanism of convergence of legal regulatory and form of ordering social relations (for example, a model law, collision law, etc.).

open disposition;

Quality characterizes strengthening regulatory impact of legal entities, expanding the

⁴Among the author's approach to the phenomenon of «integrative law» can be identified following his understanding of how to: 1) science, legal regulation mechanism (S. Kashkin); 2) integration in the different structural levels of the legal system (D. Petrov); 3) complex legal institution entering into the structure of the different branches of law, aimed at overcoming the isolation of states (S. Chetvernikov); 4) the law of the European Union as a model for the integration of legal orders (L. Entin).

subject of regulation. For example, the integrative quality of national law reinforces the «nationality» of the state, as it expands the field of national interest, giving states additional possibilities.

transformation of the public interest in private;

The quality «integrative law» is formed in the course of determining the purposes of the legal system entities to private interest as the main driving force behind the legal development, but in this case does not mean the classic separation of the law to private and public, while the transformation of the public interest in private.

Concluding the report, it should be noted that the foregoing is not a definitive set of postulates, but rather it is a statement of the problem, to discuss the theses, which require further clarification and development. Of course, this also applies to the proposed above definition of integrative law, which is only preliminary, and, most likely, intuitive nature.

И. В. КУЗЬМИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ТЕРМИНА «МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ»

На современном этапе миграция представляет собой не только социально-экономическое, но и социально-психологическое, этнографическое, нормативно-правовое, политическое явление, которое нельзя назвать однозначным ни по своей сущности, ни по содержанию.

Необходимо отметить, что в современном понятийном аппарате отсутствует единое представление о миграции как научной категории. В современной доктрине теоретическое обобщение проблем миграции носит фрагментарный характер, что связано с отсутствием полных и достоверных данных о мигрантах, миграционных потоках и процессах.

Отсутствие единого стандарта в формулировке определения «международная миграция» привело к тому, что в разных странах существуют различные стандарты и характеристики международной миграции, в основу которых положена продолжительность пребывания и цель приезда. Это приводит к сохранению различных способов регистрации мигрантов в национальных статистиках и соответственно к несопоставимости данных, что затрудняет научный анализ международной миграции и, следовательно, разработке эффективного миграционного законодательства.

Понятие «миграция» ввиду своей многоаспектности имеет большое количество различных толкований. Этимологически термин «миграция» происходит от латинского слова «migration», означающего перемещение, переселение, поэтому в широком смысле под миграцией населения принято понимать перемещение людей в самых разных контекстах и ситуациях [1, с. 7].

Разработкой концепции миграционного процесса занимаются международные и региональные организации, целью которых является анализ и разрешение проблемы международной миграции. К таким организациям можно отнести: Организацию объединенных наций (далее – ООН), в частности Международную организацию труда (далее – МОТ), а также Международную организацию по миграции (далее – МОМ).

В течение нескольких десятилетий ООН активно пытается разработать и внедрить в международную статистику единое определение термина «миграция» и обеспечить единый способ регистрации информации, касающейся эмиграции и иммиграции. Первым шагом в этом направлении были рекомендации Международной конференции по труду 1922 г., которые носили самый общий характер. Конференция по миграционной статистике 1932 г. и рекомендации ООН по улучшению миграционной статистики 1953 г. провели разграничения между временной и постоянной миграцией. Однако они также не смогли дать единого понятия международной миграции. Поскольку выработанные рекомендации не способствовали достижению унификации подхода в классификации международных мигрантов и достижению сопоставимости международной миграционной статистики, ООН признала их несовершенными и в 1976 г. приняла новый набор рекомендаций, которые также не нашли широкого применения.

Разработкой концепции миграции занималась и МОМ. В 1989 г. на 59-й сессии Совета МОМ было дано определение понятия «миграция». Миграция – часть процесса развития государств: тех, из которых лица уезжают, и тех, в которые пытаются попасть, а также государств, которые принадлежат к обеим категориям, независимо от причин перемещения. Иными словами, это понятие включает все формы миграции.

Не отличается единообразием и доктрина международного права. Более того, наблюдается тенденция избегания юристами-международниками (Г. Памбу-Чивунда, Г. Гудвин-Гилл, Р. Апшлеярд, Р. Перручоуд) четкой формулировки понятия миграции, хотя каждый из них использует термин «миграция». А те из исследователей, кто дает определение термина «миграции» (Е.Ю. Садовская, Л.А. Васильева, Н.Н. Тоцкий), упускают ряд существенных моментов, касающихся правового статуса мигрантов, международно-правовой специфики и правового регулирования данного явления.

Так, по мнению юриста Н. Н. Тоцкого (Россия), миграция – это перемещение по различным причинам людей через границу тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного места жительства [2, с. 12]. Данный термин включает в себя ряд элементов, свойственных миграции, но упускает наиболее существенные вопросы правового регулирования миграции и правового статуса мигрантов.

Е. Ю. Садовская (Казахстан) считает, что миграция – это передвижение населения через государственные границы, связанное с переменой места жительства и требующее внутригосударственного и межгосударственного регулирования [3, с. 20]. Несмотря на четкую формулировку миграции, предложенное определение не отражает мотивы и сроки миграции, что делает его узко направленным, акцентированным только на определенные типы мигрантов.

О. Пискун (Украина) утверждает, что миграция нередко связана с резкой сменой не только географического, территориального места жительства, но и соответствующего социума, социального и политико-правового окружения. Специфика данного явления, по его мнению, состоит в его межтерриториальном характере [4, с. 40].

Белорусский юрист Л. А. Васильева считает миграцию сложным транснациональным явлением и одним из важнейших индикаторов отражения этнополитических и социально-экономических процессов, происходящих в обществе [5, с. 1]. Но четкого определения миграции не дает, хотя анализирует понятийный аппарат в области миграции, концентрируясь на позициях не столько юристов, сколько демографов, социологов, политологов.

Приведенные выше определения миграции позволяют выделить характерные ее признаки, на которых акцентируют внимание все исследователи. К ним можно отнести, во-первых, факт перемещения и, во-вторых, смену места жительства. Однако ни одно

из определений не отражает специфики международно-правового характера данного явления и упускает существенные моменты, касающиеся его правового регулирования и правового статуса мигранта. Именно поэтому к данным признакам необходимо добавить следующие: изменение правового статуса мигранта и его правовое регулирование принимающим государством.

Суммируя вышеизложенное, предлагается следующее понятие международной миграции: международной миграцией является перемещение лиц независимо от его формы, мотивов и сроков с территории одного государства на территорию другого государства, влекущее изменение их правового статуса, регулирование которого с момента пересечения данными лицами границы осуществляется законодательством принимающего государства, а также международно-правовыми документами, разрабатываемыми международными организациями, занимающимися проблемами миграции.

В связи с тем, что не существует отдельной Конвенции, посвященной проблемам миграции, представляется целесообразным дополнить ст. 2 Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятую резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/158 от 18 декабря 1990 г., определением международной миграции. Закрепление в Конвенции термина международной миграции, кроме того включающего все виды миграции и указывающего на правовой статус международного мигранта и роль принимающего государства, позволит выработать единообразное понимание вышеуказанного термина и, соответственно, разработать эффективное миграционное законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юдина, Т. Н. Миграция: словарь основных терминов / Т. Н. Юдина. – М. : Изд-во РГСУ, 2007. – 203 с.
2. Тоцкий, Н. Н. Введение миграционное право. Миграционное право как подотрасль конституционного права Российской Федерации. Нормативные акты, регулирующие правоотношения с участием мигрантов / Н. Н. Тоцкий. – М. : Диалог МГУ, 1999. – 165 с.
3. Садовская, Е. Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы / Е. Ю. Садовская. – Алма-Ата, 2001. – 198 с.
4. Піскун, О. Основы міграційного права / О. Піскун. – Киев, Леся, 1998. – 89 с.
5. Васильева, Л. А. Вынужденная миграция в Республике Беларусь: теоретико-правовые и организационные аспекты / Л.А. Васильева. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2000. – 234 с.

О. М. КУНИЦКАЯ

Минск, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Глобальной тенденцией современного этапа развития мировой экономики и международного права являются интеграционные процессы, которые представляют собой движение к экономическому, валютно-финансовому, правовому и политическому объединению, реализуемому на межгосударственной основе.

Неотъемлемой частью экономической интеграции является энергетическая интеграция, так как обеспеченность энергоресурсами – важнейший фактор

индустриального развития любой страны. Необходимость надежной и стабильной обеспеченности энергоресурсами выводит энергетическую безопасность в число наиболее важных проблем, стоящих перед мировым сообществом в XXI в. [1, с. 65]. Масштабные изменения, происходящие на мировых энергетических рынках в настоящее время, глобализация мирового энергетического пространства, рост спроса на энергоносители и, как следствие, возрастание конкуренции между региональными энергетическими рынками предопределяют необходимость создания единого евразийского энергетического пространства с целью обеспечения энергетической безопасности региона.

Страны постсоветского пространства неоднократно пытались построить единый энергетический рынок: в рамках Союзного государства России и Беларуси, Евразийского экономического Сообщества, Таможенного союза. Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) от 29.05.2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) [2], обозначил дальнейший вектор развития евразийской интеграции.

Договором о ЕАЭС определены основные принципы создания нормативно-правовой, организационно-технологической и институциональной базы общих энергетических рынков ЕАЭС, а также основные направления взаимодействия государств ЕАЭС в сфере энергетики, включая проведение скоординированной энергетической политики и поэтапное формирование общих рынков энергоресурсов в соответствии с международными договорами, предусмотренными в ст.ст. 81, 83, 84 Договора о ЕАЭС.

Согласно ст. 2 Договора о ЕАЭС общий (единый) рынок означает совокупность экономических отношений в рамках ЕАЭС, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Согласно Приложению 21 к Договору о ЕАЭС общий электроэнергетический рынок – это система отношений между субъектами внутренних рынков электрической энергии государств-членов, связанная с куплей-продажей электрической энергии (мощности) и сопутствующих услуг, действующая на основании общих правил и соответствующих договоров. В отношении деятельности хозяйствующих субъектов государств ЕАЭС в сфере электроэнергетики применяются положения раздела XVIII Договора о ЕАЭС (об общих принципах и правилах конкуренции) с учетом особенностей, предусмотренных разделом XIX Договора о ЕАЭС (о деятельности субъектов естественных монополий) при условии обеспечения энергетической безопасности.

В соответствии со ст. 81 Договора о ЕАЭС государства-члены осуществляют поэтапное формирование общего электроэнергетического рынка ЕАЭС на основе параллельно работающих электроэнергетических систем. В целях формирования общего электроэнергетического рынка в настоящее время утверждена Концепция формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС [3], а также членами Коллегии Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) одобрен проект Программы формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Данной программой предусмотрено создание к июлю 2019 года условий для организации как централизованных торгов электроэнергией, так и осуществления торговли по свободным двухсторонним договорам. Кроме того, возникает необходимость разработки правил торговли электрической энергией, правил доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики, правил определения и распределения пропускной способности межгосударственных линий электропередачи и ряд других документов. По завершении выполнения мероприятий программы формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС государства-члены

заклучат международный договор в рамках ЕАЭС о формировании общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Предполагается, что реализация указанных задач позволит обеспечить активное включение бизнес-структур в процесс демонополизации рынков энергоресурсов и формирования общих рынков. Это, в свою очередь, будет способствовать стабилизации цен на энергоресурсы и приведет к повышению конкурентоспособности национальных экономик.

Таким образом, участие Республики Беларусь в ЕАЭС обусловило дальнейшее развитие электроэнергетики и ее правового регулирования. В Республике Беларусь необходимо законодательство, обеспечивающее: 1) отделение потенциально конкурентных сфер деятельности от сфер деятельности естественных монополий; 2) создание оптового и розничного рынков и обеспечения свободного доступа на них продавцов и потребителей электроэнергии; 3) формирование конкурентного ценообразования.

Указанные мероприятия отражены в важнейших документах государственного регулирования электроэнергетики Республики Беларусь [4; 5] и согласованы с международными договорами в рамках ЕАЭС.

В основу законодательства должны быть положены принципы организации экономических отношений в сфере электроэнергетики, и в первую очередь, обеспечение недискриминационных и стабильных условий для осуществления предпринимательской деятельности в сфере электроэнергетики, при регламентации применения исчерпывающего перечня методов государственного регулирования.

Происходящие интеграционные процессы наряду с иными факторами обусловили реформирование естественно-монопольных секторов в отраслях, входящих в Топливо-энергетический комплекс Республики Беларусь (ТЭК), для обеспечения эффективного функционирования которых требуется четкий механизм правовой регламентации. В настоящее время он охватывает сложный комплекс административно-правовых и гражданско-правовых отношений, представленный в законодательстве. При этом проявляется взаимосвязь различных отраслей права (гражданского, предпринимательского, административного, налогового, уголовного и др.), подтверждающая комплексный характер норм, направленных на регулирование естественных монополий.

Основные направления реформирования электроэнергетики связаны с разграничением монопольных и потенциально конкурентных видов деятельности в электроэнергетике. Согласно Закону Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 162-З «О естественных монополиях» [6] естественная монополия – это состояние рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг. Одной из сфер естественных монополий признается передача и распределение электрической энергии. Государственное регулирование деятельности субъектов естественных монополий является обязательным, и осуществляется следующими способами: регулированием цен (тарифов) на услуги, относящиеся к сфере естественных монополий; определением категорий потребителей, подлежащих обязательному обслуживанию субъектами естественных монополий, и (или) установлением минимального уровня обеспечения их услугами, относящимися к сфере естественных монополий, в случае невозможности удовлетворения в полном объеме потребностей в этих услугах; регулированием доступа к услугам, относящимся к сфере естественных монополий, в том числе установлением в случаях, предусмотренных

законодательством, платы за подключение (присоединение, использование) к таким услугам либо методологии ее определения.

Следует обратить внимание на то, что в Республике Беларусь организации, занятые в процессе передачи и распределения электроэнергии, составляют масштабную, вертикально-интегрированную структуру. Представляется, что большинство из указанных организаций будут реорганизованы в ходе реформы, иначе будет вызывать вопросы необходимость существования многочисленного состава субъектов хозяйствования в процессе передачи и распределения энергии.

В связи с имеющимися недостатками правового регулирования электроэнергетической отрасли, а также потенциальными проблемами реформирования электроэнергетики, совершенствование правового регулирования отрасли в указанном направлении неизбежно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулбатыров, Н. Н. Энергетический аспект евразийской интеграции / Н. Н. Кулбатыров, А. А. Тулепбекова // Евразийская экономическая интеграция. – 2014. – № 1 (22). – С. 64-79

2. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=F01400176>. – Дата доступа : 02.11.2016.

3. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: решение Высшего Евразийского экономического совета, 8 мая 2015 г., № 12 // Правовой Интернет-портал Евразийского экономического союза. – Режим доступа : https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147677/scd_12052015_12. – Дата доступа : 06.11.2016.

4. Об утверждении Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1084 // Консультант Плюс: Беларусь. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

5. Об утверждении комплексного плана развития электроэнергетической сферы до 2025 года с учетом ввода Белорусской атомной электростанции [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 марта 2016 г., № 169 // Консультант Плюс : Беларусь. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.

6. О естественных монополиях: Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 162-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Версия Проф. / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016

А. А. КУШНАРЕНКО

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА КАК МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СРЕДСТВА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

В международной практике принцип разрешения международных споров мирными средствами является одним из основополагающих, однако, международное право более раннего периода не содержало обязательство для государств разрешать споры исключительно мирным путём, не прибегая к вооружённой силе. Первым международно-правовым актом о мирном разрешении споров считается Конвенция о

мирном решении международных столкновений, принятая в Гааге 29 июля 1899 года (далее – Гаагская конвенция 1899 года), принятая на Гаагской конференции мира и Конвенция о мирном решении международных столкновений, принятая в Гааге 18 октября 1907 года (далее – Гаагская конвенция 1907 года) на второй Гаагской конференции мира. Данные конвенции не отменяли права государств на войну (*jus ad bellum*), а содержали лишь призыв к государствам «предупредить, по возможности, обращение к силе» и «прежде чем прибегнуть к оружию, обращаться насколько позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству» [1; 2].

Одним из самых эффективных методов урегулирования конфликтов на сегодняшний день является именно посредничество, так как это менее формальная и очень гибкая процедура: деятельность посредника с процессуальной точки зрения ничем не регламентирована, а его предложения и выводы могут неоднократно меняться до тех пор, пока они не станут взаимоприемлемыми для сторон.

Под посредничеством следует понимать процесс, посредством которого третья сторона оказывает помощь двум или более сторонам, с согласия последних, в деле предотвращения, регулирования или разрешения конфликта, помогая им с этой целью разработать взаимоприемлемые соглашения. При этом полное разрешение конфликта не обязательно является первоочередной целью посреднических усилий. Они могут быть направлены на промежуточные задачи, например, прекращение огня, начало переговоров между конфликтующими сторонами, определённые уступки от сторон [3, с. 172].

Как свидетельствует международная практика, наиболее часто посредниками выступают крупные государства, которые обладают сильными экономическими и политическими рычагами воздействия на конфликтующие стороны. Но есть и отрицательный аспект вовлечения государств в качестве посредников: государства, как правило, берут на себя роль посредника, если конфликт затрагивает их собственные интересы, которые могут, например, выражаться в наличии угрозы расширения конфликта. Это подразумевает не столько намерение разрешить какой-нибудь острый конфликт, сколько возможность его использовать, в связи с чем принципы, на которых основан институт посредничества, на практике могут оказаться вторичными. Примером такого посредничества является посредничество Соединённых Штатов Америки, осуществлённое в июне 1970 года, можно считать успешной попыткой снижения конфликтного потенциала в отношениях между Египтом и Израилем.

В последние десятилетия в связи с развитием и усложнением международных отношений, появлением и признанием новых субъектов международного права, круг участников мирного разрешения международных споров значительно расширился, особенно после возникновения международных организаций универсального и регионального характера. В некоторых исследованиях отмечается, что после второй мировой войны их посредничество стало доминирующим, несмотря на то, что государства продолжали играть важную роль как международные посредники. Данное обстоятельство было обусловлено их активной ролью в мире, а также восприятием международных организаций конфликтующими сторонами как нейтральных в связи с тем, что в них представлены страны с различной политической, идеологической, религиозной ориентацией, представляющих международное сообщество в целом или его значительную часть. Но не стоит забывать, что в отличие от государств, имеющих универсальную правосубъектность, посредничество международных организаций ограничено сферой их компетенции.

Помимо государств и международных организаций, в мирном разрешении споров часто принимают участие представители гражданского общества: отдельные

физические лица, действующие в личном качестве; группы, создаваемые из числа независимых посредников; международные неправительственные организации, движения, академические круги, религиозные лидеры.

Особенность персонального посредничества состоит в том, что:

- во-первых, сам факт участия в урегулировании конфликта авторитетного человека оказывает положительное влияние на поиск совместного решения противоборствующими сторонами;

- во-вторых, в случае неудачи значительную долю ответственности за это может взять на себя конкретное лицо, осуществлявшее посредничество, а не государство или международная организация. Это позволяет официальным структурам впоследствии возобновить посреднические усилия, воспользовавшись помощью другого лица;

- в-третьих, в отличие от посредничества органов международных организаций или объединённых усилий представителей отдельных государств, которое носит характер открытого представительного форума и обеспечивает активный обмен мнениями со сторонами, персональное посредничество чаще всего осуществляется конфиденциально путём «тихой дипломатии», результаты которой не всегда заметны, но во многих случаях достаточно эффективны.

Следует отметить, что посредничество может использоваться в любых спорах и конфликтах. Однако в последние десятилетия в области правоотношений связанных с использованием посредничества как международно-правового мирного средства наметился ряд тенденций. В частности, это касается взаимосвязи между степенью востребованности посредничества и характером конфликтных правоотношений. К посредничеству наиболее часто обращаются в ходе урегулирования споров, представляющих опасность для регионального или международного мира и безопасности. Вместе с тем, международное сообщество признаёт актуальность применения посредничества на наиболее ранней стадии развития подобных споров для предотвращения перерастания их в вооружённые конфликты, а также для предупреждения возобновления конфликта после его прекращения [4, с. 33].

Процесс посредничества не регламентирован строгими процессуальными нормами. Посредник и стороны конфликта действуют в соответствии с тем, что они считают наиболее целесообразным и эффективным для достижения благоприятного результата в данных конкретных условиях. Вместе с тем, процедура посредничества как особая форма переговоров должна соответствовать основным принципам международного права, а также сложившимся в международной практике обычаям и установкам, свойственным институту непосредственных переговоров.

Таким образом, анализ международно-правовых источников свидетельствует, что посредничество представляет собой гибкую процедуру урегулирования споров, которая регламентирована лишь общими принципами международного права, а также принципами и установками, свойственными институту непосредственных переговоров. В процессе развития института посредничества в международной практике сложился комплекс специальных прав и обязанностей посредника и спорящих сторон, которые в большей степени носят характер международно-правового обычая, а также определённый круг участников посредничества, от выбора которых во многом зависит эффективность данной процедуры при разрешении конкретных разногласий. Можно утверждать, что посредничество может использоваться в любых спорах и конфликтах. Однако к данному мирному средству наиболее часто обращаются в ходе урегулирования споров, представляющих опасность для регионального или международного мира и безопасности. Вместе с тем, международное сообщество

признаёт актуальность применения посредничества на наиболее ранней стадии развития подобных споров для предотвращения перерастания их в вооружённые конфликты, а также для предупреждения возобновления конфликта после его прекращения. Кроме того, в современных условиях посредничество становится эффективным инструментом урегулирования не только межгосударственных, но и внутригосударственных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о мирном решении международных столкновений [Электронный ресурс] : [заключена в Гааге 18.10.1907 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Конвенция о мирном решении международных столкновений [Электронный ресурс] : [заключена в Гааге 29.07.1899 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. Лебедева, М. М. Мировая политика: учебник для вузов / М. М. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 365 с.
4. Сёмкина, Ю. Н. Посредничество, осуществляемое Организацией Объединенных Наций / Сёмкина Ю. Н. // Актуальные проблемы современного международного права. – 2006. – С. 31 – 34.

Е. А. ЛАГУНОВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат философских наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Закрепленная в Конституции Республики Беларусь ориентация на принципы социального правового государства есть одновременно юридическое, законодательное оформление идеологической модели государственности, основанной на гуманистических началах и нацеленной на реальное достижение принципа общественного блага и социального развития в условиях вызовов современности. Утверждение такой государственности неотрывно от формирования духовно-нравственных мировоззренческих основ новой общественной системы.

В Республике Беларусь реально осуществляется принцип свободы совести, отражающий признание права человека на самостоятельный выбор своих убеждений и возможность их проявления в действиях и поступках, не в ущерб другим людям и обществу в целом. Реализация принципа свободы совести на практике предполагает установление в обществе веротерпимости, мирного сосуществования в государстве различных вероисповеданий на основе представленных им равных прав и возложенных на них прав и обязанностей свободное учреждение верующими религиозных обществ, возможность каждого независимо от принадлежности к той или иной религии пользоваться всеми политическими и гражданскими правами.

Понятие свободы совести закреплено в ряде международных документов: Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.), Заключительном акте Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.), Парижской

партии для Новой Европы (21 ноября 1980 г.), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (25 ноября 1981 г.), Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (15 января 1989 г.).

Международные правовые акты декларируют право каждого человека на свободу мысли, совести и религии. Оно включает в себя свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Свобода совести, таким образом, означает свободу как религиозных, так и атеистических убеждений. В соответствии с международным правом свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц [1, с. 69].

На основе международного права был разработан первый национальный правовой акт о свободе совести – Закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» – принятый Верховным Советом Республики Беларусь 17 декабря 1992 г. В 1995 и 1999 гг. в него вносились изменения и дополнения. Закон объявил гарантии прав граждан на определение и выражение своих отношений к религии, на соответствующие этому убеждения, беспрепятственное исповедание религии и исполнение религиозных обрядов, а также социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от отношения к религии (ст. 1). Были подтверждены принципы свободы совести и вероисповеданий с понятийной акцентуацией на последнем. Указывалось, что в соответствии с правом на свободу вероисповеданий каждый гражданин самостоятельно определяет свои отношения к религии, имеет право единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии (ст. 3).

Основные нормы свободы совести включены также в принятую 15 марта 1994 года Конституцию Республики Беларусь. Статья 16 Конституции подобно статье 6 Закона 1992 года устанавливала, что «все религии и вероисповедания равны перед законом», а «установление каких-либо преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по отношению к другим не допускается». Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривал ответственность за нарушение равноправия граждан в зависимости от отношения к религии и убеждений (ст. 190), за воспрепятствование законной деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов, если они не нарушают общественный порядок и не сопровождаются посягательством на права, законные интересы граждан (ст. 195) и др.

Изменения в сфере религии наряду с позитивными переменами повлекли за собой негативные процессы, связанные с политизацией религиозных организаций, посягательством на личность, права и здоровье граждан. Под видом религиозных организаций стали создаваться псевдорелигиозные организации, занимающиеся коммерческой деятельностью, целительством, различными единоборствами [1, с. 70].

Вышеизложенные обстоятельства обусловили новую модель государственно-правового регулирования религиозных процессов западноевропейского типа заимствования в белорусском варианте.

Значительные преобразования в законодательстве Республики Беларусь, осуществленные с момента принятия закона «О свободе вероисповеданий и

религиозных организациях», вызвали необходимость разработки и принятия его новой редакции. Закон требовал приведения его в соответствие с Конституцией Республики Беларусь в редакции 1996 года. Так, статья 16 Конституции содержит положения, определяющие взаимоотношения государства и конфессий. В частности, данная норма предусматривает, что взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Частью первой данной статьи Конституции устанавливается равенство религий и вероисповеданий перед законом. Сочетание этих двух конституционных принципов и составляет основу принятого Палатой Представителей и одобренного Советом Республики Закона «О свободе совести и религиозных организациях», подписанного Президентом Республики Беларусь 31 октября 2002 года. Задачами Закона объявлено обеспечение и гарантирование права граждан на «свободу совести и свободу вероисповедания, на социальную справедливость, равенство, защиту прав и интересов независимо от отношения к религии и религиозной принадлежности, на свободу объединения в религиозные организации» (ст. 1). Подтверждены такие правовые основы свободы совести и деятельности религиозных организаций, как «право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом независимо от отношения к религии», «равенство религий перед законом», «содействие достижению взаимного понимания, терпимости и уважения религиозных чувств граждан в вопросах свободы совести и вероисповедания». В преамбуле говорится о признании определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовной, культурной и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси; неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама.

Нормы указанного Закона серьезно затронули соответствующие общественные отношения. В новой редакции Закон называется «О свободе совести и религиозных организациях». Это имеет принципиальное значение, ибо сведение прав граждан в этой сфере исключительно к свободе вероисповедания неизбежно ведет к игнорированию или нарушению прав граждан на светское мировоззрение и свободомыслие. Ничто в содержании Закона не должно истолковываться в смысле ущемления прав человека и гражданина на свободу совести, гарантированных Конституцией и вытекающих из международных договоров страны. Закон нацелен на сбалансирование отношений государства и конфессий, на обеспечение конституционного права граждан самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом.

Таким образом, законодательство о свободе совести Республики Беларусь соответствует требованиям международного права, принципам свободы совести и светского государства, позволяет органам государственного управления осуществлять регулирование конфессиональных процессов с целью сохранения гражданского мира и согласия, отношений толерантности, защищать религиозные традиции и нравственные идеалы белорусского народа от воздействия деструктивных некультов, при соблюдении гражданских прав и свобод религиозного либо атеистического самоопределения.

На современном этапе органами власти, правительством нашей страны в области конфессиональных отношений ведется громадная работа, нацеленная на развитие социальной солидарности между 26 конфессиями, официально зарегистрированными в республике [2]. Наше государство активно сотрудничает в деле духовного воспитания граждан с Белорусской православной церковью, развивает доброжелательные, деловые отношения с Католической церковью и представителями других религиозных объединений, действующих на территории Республики Беларусь. Данные процессы отражают то положение новой редакции Конституции, где говорится, что государство строит свои отношения с конфессиями с учетом их вклада в формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Политика государства в этом вопросе является абсолютно верной, она нацелена, в конечном счете, на укрепление духовного единства общества, на его консолидацию, позволяет упорядочивать и поддерживать в позитивно-функциональном состоянии систему основных видов общественных отношений, с учетом национальной специфики продвигаться по пути цивилизационного развития в процессе развития белорусской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лагуновская, Е. А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества / Лагуновская Е. А. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2011. – 147 с.
2. Информация о конфессиональной структуре современной Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://belarus21.by/Articles/1439296790>. – Дата доступа : 10.11.2016.

Я. С. ЛУЗИКОВА

Могилев, Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК ФОРМА КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В быстро развивающемся XXI веке современный человек не может представить свою жизнь без Интернета и компьютерных технологий, которые позволяют беспрепятственно получать свежие данные, находясь в любой точки мира. Однако, при всей практичности и функциональности информационных технологий не стоит забывать о том, что существует риск оказаться обманутым компьютерными мошенниками. С развитием информационных технологий происходит и развитие форм и методов киберпреступности. Так, только в классификации компьютерного мошенничества можно насчитать более 6 групп, которые, в свою очередь, также делятся на отдельные виды.

Несмотря на такое интенсивно развивающееся направление преступности, законодательством различных стран не выделено конкретного определения понятия «компьютерное мошенничество». Согласно ст. 209 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), под мошенничеством понимается завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или

злоупотребления доверием [1]. Основываясь на данном определении, можно сформировать конкретное понятие компьютерного мошенничества – это деятельность, которая представляет собой завладение чужим имуществом путем обмана либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием средств компьютерной техники.

Все коды, характеризующие компьютерные преступления имеют идентификатор, начинающийся с буквы Q. Для характеристики преступления могут использоваться до пяти кодов, расположенных в порядке убывания значимости совершенного. Данный кодификатор был интегрирован в 1991 году в автоматизированную систему поиска и в настоящее время доступен подразделениям Национальных центральных бюро Международной уголовной полиции – Интерпол, более чем в 120 странах мира. Данный кодификатор определяет все преступления, связанные с компьютерным мошенничеством идентификатором QF. Так, преступления идентифицируются в следующем порядке:

- QFC - мошенничество с банкоматами;
- QFF - компьютерная подделка;
- QFG - мошенничество с игровыми автоматами;
- QFM - манипуляции с программами ввода вывода;
- QFP - мошенничества с платежными средствами;
- QFT - телефонное мошенничество;
- QFZ - прочие компьютерные мошенничества.

Наиболее распространенными из всех вышеперечисленных видов компьютерного мошенничества являются мошенничества, связанные с хищением наличных денег из банкоматов, манипуляции с программами ввода-вывода, мошенничества с платежными средствами, а также телефонное мошенничество.

Говоря о мошенничестве с банкоматами, выделяют такие понятия как «скимминг», «траппинг», «фантом», «шаттер», «шимминг», однако все данные названия можно объединить в одно общее для всех понятие «кардинг». [2]. Кардинг (от англ. carding) – вид мошенничества, при котором производится операция с использованием платежной карты или её реквизитов, не инициированная или не подтвержденная её держателем, а скимминг является частным случаем кардинга. Скимминг (от англ. skim — снимать сливки) – разновидность карточного мошенничества, при котором для получения нужных реквизитов платежной карты (цифровая информация, ПИН-код) используются специальные считывающие устройства (скиммеры, наклейки на клавиатуру, видеокамеры) с целью дальнейшего изготовления и несанкционированного использования копии/дубликата платежной карты. Скимминг, как наиболее удобная для мошенников форма кардинга, чаще всего применяется в Соединенных Штатах Америки. Так, согласно данным новостного портала The Nilson Report, Соединенные Штаты – единственная страна, в которой количество реквизитов платежных карт, полученных мошенниками, растет с огромной скоростью в сравнении с другими – на их долю приходится 47 % от количества всех карт [3].

Мошенничества и хищения посредством неверного ввода или вывода в компьютерные системы или из них путем манипуляции программами. В этот вид компьютерных преступлений включается метод «подмены данных кода» (data diddling code change), который обычно осуществляется при вводе-выводе данных. Это простейший и потому очень часто применяемый способ. Обычно компьютерное преступление начинается с искажения входных данных или изъятия важных входных

документов. Таким образом, можно заставить ЭВМ оплачивать несостоявшиеся услуги, переводить платежи и не имевшие место закупки и т.д.

Телефонное мошенничество является самым «старым» из всех приведенных выше видов мошенничества. Это обусловлено тем, что еще до особой популярности банковских карт, телефоны уже перестали быть чем-то удивляющим, и появились практически у всего населения различных стран. Одним из видов телефонного мошенничества является ситуация, когда человеку отправляют сообщение якобы от сына (дочери), мужа (жены) или другого родственного лица, который просит перевести на номер, с которого отправлено сообщение, определенную сумму денег, т.к. он оказался в сложной ситуации. Стоит отметить, что некоторые граждане действительно перечисляют денежные средства, не обращая внимания на то, что детей у них вообще нет или же есть, но другого пола.

Также к виду телефонного мошенничества можно отнести сообщения, приходящие от незнакомого номера, в котором говорится о зачислении средств на счет мобильного телефона. Стоит отметить, что сообщение приходит не от оператора мобильной связи, а от обычного пользовательского номера. После получения такого уведомления, приходит еще одно сообщение с просьбой перечислить полученную сумму на определенный номер, т.к. изначально денежные средства были зачислены ошибочно.

Во время поиска в Интернете нужной нам информации мы часто попадаем на сайты, где за получение за то, чтобы скачать интересующий нас файл (например, программа, фильм, музыка) требуется некая оплата через SMS. На многих сайтах скрывается то, что услуга платная, а некоторые мошенники даже указывают, что все абсолютно бесплатно, оставляя ложные комментарии.

Согласно статистике, предоставленной Go-Gulf, в год 556 миллионов человек становятся жертвами киберпреступлений, около 1,5 миллионов в день, 18 человек в секунду [4].

Говоря о киберпреступности в Республике Беларусь, то за 12 месяцев 2015 года в сравнении с 2014 годом, количество данных преступлений увеличилось на 6,6 % (в 2015 г. – 2440, в 2014 г. – 2290), в том числе по областям: Брестская – 276 (в 2014 – 243), Витебская – 243 (261), Гомельская – 354 (351), Гродненская – 249 (205), Минская – 304 (273), Могилевская – 238 (249), Минск – 776 (708) [5].

Такое увеличение может говорить о возрастании уровня знаний и умений преступников, а также изобретения и применения ими новых способов. Увеличение количества киберпреступлений произошло, за счет прироста преступлений против информационной безопасности, которые подробно раскрывает глава 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь, на 63,6 % (2015 г. – 404, 2014 г. – 257). Только количество фактов разработки вредоносных программ возросло на 215,6 % (2015 г. – 101, 2014 г. – 32) [5].

Что касается мирового сообщества, то согласно статистике, предоставленной компанией Symantec, наибольшее количество преступлений, совершаемых против информационной безопасности, приходится на Соединенные Штаты Америки (23 %). Далее идет Китай (9 %) и Германия (6 %), а у оставшихся стран, входящих в топ-20 процент варьируется от 5 до 1 [6].

Таким образом, можно говорить о том, что киберпреступность на данный момент является одной из наиболее актуальных проблем и побочных эффектов глобализации. Для того чтобы обезопасить себя от компьютерного мошенничества, нужно с осторожностью относиться к приходящим сообщениям, не распространять данные

своих пластиковых карт и иные личные сведения, и не медлить с обращением в специальные правоохранительные органы при условии потенциальной киберугрозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одоб. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Мошенничество с банкоматом. – Режим доступа : http://www.finosvita.com.ua/ru/fraud_crime/Vidy-moshennichestva/Moshennichestvo-s-bankomatom.htm. – Дата доступа: 16.11.2016
3. Skimming of the top. – Режим доступа: <http://www.economist.com/news/finance-and-economics/21596547-why-america-has-such-high-rate-payment-card-fraud-skimming-top>. – Дата доступа: 16.11.2016
4. Cyber crime statistics and trends. – Режим доступа : <http://www.gogulf.com/blog/cyber-crime>. – Дата доступа : 16.11.2016
5. Статистические данные за 2015 год. – Режим доступа : <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=3311>. – Дата доступа: 16.11.2016
6. Top 20 Countries Found to Have the Most Cybercrime. – Режим доступа : <http://www.enigmasoftware.com/top-20-countries-the-most-cybercrime>. – Дата доступа : 16.11.2016

М. А. МОТЯС, Л. М. БРАЙЧУК

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В законодательстве различных стран регулирование семейных отношений, и в том числе усыновления, имеет свои характерные особенности, обусловленные религиозными, национальными особенностями, принадлежностью к той или иной правовой семье. Поэтому в каждом конкретном случае вопрос о применении права решается в зависимости от обстоятельств.

Вопросы международного усыновления (удочерения), в особенности усыновления детей иностранцами, имеют сейчас большое практическое значение. За последние время усыновлено и вывезено из стран СНГ около 108 тысяч детей. Подавляющее большинство усыновлений касается США, значительно меньше – Испании, Франции, Канады, Италии и других стран. При усыновлении с участием иностранного элемента важно правильно применять нормы международного права. Суды испытывают затруднения в связи с необходимостью установления содержания иностранного закона, оценкой документов, составленных за границей. Нередко суды допускают погрешности в установлении юридически значимых обстоятельств и формально относятся к исследованию представленных доказательств, не всегда соблюдается ими «приоритетность» усыновления детей, являющихся гражданами той или иной страны, а также преимущество родственного воспитания. Отмечается неблагоприятное и в отношении документов, представляемых сторонами данных отношений [1].

Также, необходимо отметить то, что на современном этапе развития общества и государства усыновление (удочерение) является приоритетной формой устройства

детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семью. Его актуальность обусловлена, прежде всего, обострением проблемы социального сиротства вследствие падения престижа семьи, переживающей большие экономические трудности, роста внебрачной рождаемости и увеличения количества родителей, ведущих асоциальный образ жизни.

В настоящее время процесс совершенствования правового института усыновления в Республике Беларусь, в том числе международного, продолжается. Усыновления, прежде единичные, получили большое распространение – и это касается практически всех регионов мира [2]. Для этого стали разрабатываться новые законодательные нормы для решения вопросов процедуры международного усыновления, а также подлежащего применению права и международные договоры. Международные договоры, нашли отражение в Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. Роль коллизионных норм в данной области определяют различия регламентации усыновления в отдельных странах [3].

Институт усыновления с участием иностранного элемента – явление довольно сложное. Несмотря на тенденции к международной унификации норм семейного права, коллизионный метод регулирования по-прежнему актуален и будет таковым впредь. При этом следует иметь в виду, что международный договор по усыновлению в принципе не может и не должен решать вопросы, относящиеся к «компетенции» внутреннего законодательства. Только нормы белорусского законодательства (и практика его применения) может решить многие «болезненные» вопросы, связанные с передачей белорусских детей за границу. Хотя Республика Беларусь ратифицировала Гаагскую Конвенцию о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления от 29 мая 1993 г., но в области усыновления белорусское законодательство придерживается принципов и положений данной Конвенции [4].

В настоящее время усыновление детей иностранцами вопрос достаточно проблемный: с одной стороны проблемы возникают с предоставлением необходимой документации и применением коллизионных норм права, с другой стороны проблемы возникают с личностью усыновителей – к сожалению, имели место случаи жестокого обращения иностранных родителей с усыновленными детьми вплоть до их убийства. Но в большинстве случаев только иностранные родители могут обеспечить нормальные условия жизни детям, ведь усыновляемые ими дети, как правило, инвалиды, которых отказываются усыновлять белорусские граждане [5]. Таким детям требуются квалифицированный уход и дорогостоящая медицинская помощь, которые не могут обеспечить в полной мере учреждения, где они содержатся.

Справедливо будет заметить, что на сегодняшний день, несмотря на достаточно детализированный механизм международного усыновления, вопрос о контроле условий жизни и воспитании усыновленных детей за границей урегулирован довольно поверхностно. С этой целью необходимо создать при консульских учреждениях Республики Беларусь Комиссию для ведения работы в области международного усыновления несовершеннолетних в иностранных государствах для осуществления проверки подлинности предоставленной информации об условиях жизни и воспитания [6].

К усыновителям, допустившим жестокое обращение с ребенком, повлекшее тяжкие телесные повреждения или его смерть, должны применяться не только к уголовной ответственность, но и лишиться права усыновления детей в любой стране мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенции по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления: Указ Президента Респ. Беларусь, 2 мая 2003 г., № 183 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. № 278-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 N 331-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 № 84-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка [Электронный ресурс] : [Заключена в г. Нью-Йорке 20.11.1989: в ред. от 21.12.1995 г.] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
5. Ладыга, И. А. Усыновление детей иностранными гражданами и лицами без гражданства / И. А. Ладыга // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. Короткевич, М. П. Алгоритмы действий при международном усыновлении (удочерении) ребенка / М. П. Короткевич // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

В. В. НАВРОЦКАЯ

Львов, Украина, Львовский государственный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОТНОСИТЕЛЬНО СУДЕЙСКОЙ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ

Требование относительно беспристрастности судьи во время осуществления им уголовного судопроизводства предусмотрено в ст. 6 Европейской конвенции 1950 г. Беспристрастность суда является одним из принципов его деятельности. Судья должен быть свободным от любого предубеждения либо постороннего влияния (иначе доверие к независимости судебной власти будет подорвано).

Основанием для опасений относительно отсутствия беспристрастности судьи может быть его участие на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства. Такие опасения могут возникать каждый раз, когда судья ранее решал по тому же уголовному делу определенные вопросы. Почвой для таких опасений является желание судьи отстаивать в последующих стадиях уголовного производства решения, принятые им на предыдущих стадиях. Однако предыдущее участие судьи по делу не всегда является основанием для признания судебного разбирательства не отвечающего требованию беспристрастности.

Опасения относительно предубежденности судьи могут быть объективными или субъективными. Все зависит от того, какие вопросы решал судья на предыдущих стадиях. Так, например, судья, который на досудебной стадии решал вопрос о применении содержания под стражей обвиняемого, не выражая суждений по поводу его виновности, уполномочен рассматривать во время судебного разбирательства вопрос о виновности и наказании. В решении по делу «Nortier v. Netherlands» ЕСПЧ отметил, что лишь то, что судья принимал решения на досудебной стадии (в частности решение относительно досудебного заключения) не должно само по себе быть основанием для сомнений в его беспристрастности. Имеет значение объем и характер этих решений. Кроме решений, связанных с предварительным заключением обвиняемого, судья никаких решений на досудебной стадии не постановлял, за исключением решения удовлетворить представление службы обвинения о психиатрической экспертизе обвиняемого, которое последний не оспаривал. Своих полномочий следственного судьи с другой целью не применял. При таких обстоятельствах ЕСПЧ решил, что опасение относительно отсутствия беспристрастности у судьи нельзя рассматривать как объективно оправданное.

Иначе ЕСПЧ решает вопрос относительно беспристрастности судьи в случаях, когда судья, позволяя содержание обвиняемого под стражей, дает оценку обоснованности подозрений, а на стадии судебного разбирательства решает вопрос о виновности лица и его наказании. Это, по мнению ЕСПЧ, свидетельствует о том, что судья является убежденным в наличии «особо высокой меры ясности в вопросе о вине», а, следовательно, является предвзятым («Hauschildt v. Denmark»).

По делу «Oberschlik v. Austria» ЕСПЧ также признал нарушение правила относительно беспристрастности суда, поскольку при рассмотрении дела на втором этапе апелляционным судом председательствовал тот же судья, что и при рассмотрении дела на первом этапе. ЕСПЧ решил, что не имеет значения, что не был заявлен отвод и не выдвигались возражения против участия председательствующего судьи, поскольку председатель, а также два другие члена апелляционного суда должны были «ex officio» заявить самоотвод.

По делу «Baturlova v. Russia» председатель областного суда, в нарушение процедуры начала наблюдательного производства, направил письмо в суд первой инстанции, в котором недвусмысленно инструктировал нижестоящий суд пересмотреть окончательное решение в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. При этом председатель вышестоящего суда имел полномочия начать дисциплинарное производство против судьи, совершившего дисциплинарный проступок. При таких обстоятельствах сомнения в беспристрастности суда можно считать объективно оправданными.

Сомнения в предубежденности судьи, рассматривающего уголовное дело, могут возникнуть и в том случае, когда он ранее работал в службе обвинения, сотрудники которой готовили обвинение, ставшего предметом этого судебного разбирательства. Для выводов о предубежденности судьи в таком случае не имеет значение, принимал ли он лично участие в подготовке обвинения или же работал в том же структурном подразделении, работники которого занимались подготовкой обвинения, либо был руководителем службы обвинения.

По делу «Piersack v. Belgium» председательствующий судья раньше работал старшим заместителем Королевского прокурора Брюсселя и до своего назначения на пост судьи был главой отдела, к подведомственности которого было отнесено дело заявителя. Заявитель обратил внимание на личную предубежденность судьи.

Доказательства о том, что судья во время своей службы в органе обвинения действительно имел в распоряжении информацию о расследовании дела заявителя, отсутствовали. Однако ЕСПЧ признал, что имело место нарушение требования относительно беспристрастности, поскольку, согласно обстоятельствам дела, беспристрастность этого судьи основывалась на объективной проверке, способной вызвать сомнения.

Отсутствие беспристрастности судьи будет и тогда, когда он вступает в определенные отношения с каким-либо из участников судебного процесса, не являющимися его родственниками или же близкими, либо ранее находился с ними в таких отношениях. Так, например, по делу «Demicoli v. Malta» ЕСПЧ констатировал нарушение ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ (в части нарушения требования относительно беспристрастности суда) в связи с тем, что двое членов суда, чье поведение было подвергнуто критике в спорном деле, принимали участие на всех стадиях осуществления по делу против обвиняемых, в частности на стадии признания виновности и назначения наказания.

Сомнения в объективности действий и решений судей возникают и тогда, когда они заявляют о том, что высказывание обвиняемого в суде и вне суда являются для них обидными. Так, в решении по делу «Kurgianou v. Surlus» ЕСПЧ установил, что судьи в своем решении о назначении наказания признали, что они были «глубоко обижены» обвиняемым. По мнению ЕСПЧ, это заявление само по себе свидетельствует о том, что слова и поведение обвиняемого нанесло судьям личную обиду, и свидетельствует о том, что речь шла об их личных ощущениях. Кроме того, решительные формулировки, постоянно используемые судьями в своих решениях, передают чувства возмущения, что противоречит беспристрастной позиции, ожидаемую от судебных решений.

Исчерпывающий перечень обстоятельств, могущие свидетельствовать о личной предубежденности судьи, представить невозможно. В частности, к ним принадлежат такие:

- судья получал от участников судебного разбирательства на бесплатной основе определенное имущество («Belukha v. Ukraine»);
- члены суда высказывались по вопросам, рассматриваемым ими в суде, как консультанты («Procola v. Luxembourg»);
- член суда по служебному положению был подчиненным относительно одной из сторон в судебном процессе («Sramek v. Austria»);
- член коллегии присяжных работал в фирме, партнером которой был свидетель со стороны обвинения («Pullar v. the United Kingdom»);
- судья находился в интимных отношениях с обвиняемым («Chmelíř v. the Czech Republic»);
- суд мешал защитнику отстаивать версию стороны защиты («C.G. v. the United Kingdom») и др.

О предубежденности суда свидетельствует принятие им обязанностей обвинителя. Да, по делу «Ozerov v. Russia» ЕСПЧ признал недопустимым ситуацию, когда суд, рассматривая дело по существу и осуждая заявителя при отсутствии прокурора, смешал роли обвинителя и судьи и тем самым дал основания для законных сомнений в своей беспристрастности. Судья принял на себя обязанности, которые могли бы выполняться прокурором, в случае его присутствия. Районный судья зачитал обвинительное заключение, предоставленное прокуратурой, затем он допросил заявителя и других свидетелей, исследовал иные доказательства и признал некоторые письменные доказательства обвинения недопустимыми. Прокурор же не имел возможности

выразить свое мнение по поводу указанных действий. В случае присутствия прокурора он мог бы и отказаться от поддержания обвинения.

По делу «Kurgianou v. Cyprus» ЕСПЧ пришел к выводу, что смешивание ролей истца, свидетеля, публичного обвинителя и судьи, само по себе вселяет объективно оправданные опасения в предубежденности суда, ввиду проверенного временем принципа, что никто не может быть судьей по собственному делу. По рассматриваемому делу адвокат был осужден за обиду в зале суда выездной сессией суда, который рассматривал дело его подзащитного об убийстве. ЕСПЧ пришел к выводу о смешивании в действиях суда ролей суда и обвинителя, поскольку адвокат совершил уголовное правонарушение против судьи в помещении суда, судьи которого позже вынесли приговор против адвоката. В этой ситуации можно констатировать, что судьи, рассматривая уголовное дело об обиде, не были свободны от негативного влияния на них того факта, что адвокат совершил уголовное правонарушение в помещении суда, где они работают, да еще и против их коллеги.

Судьи (как профессиональные, так и присяжные и народные заседатели), делая заявления вне суда по поводу рассмотрения ими уголовных дел, должны помнить о том, что любое их негативное высказывание относительно участников производства может быть основанием для отвода или самоотвода. Основанием отвода являются подозрения относительно их предвзятого отношения к тем участникам судебного процесса, относительно которых они негативно высказались.

Так, по делу «Sander v. the United Kingdom» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что расистские высказывания присяжного заседателя способны подорвать беспристрастность суда. По делу «Remli v. France» ЕСПЧ констатировал, что суд, который должен судить иностранцев, не будет беспристрастным, если в его состав входит лицо, публично заявляющее до начала рассмотрения дела о своих расистских настроениях.

В 1962 г. Европейская комиссия по правам человека (далее - ЕКПЧ) признала, что в отдельных делах деятельность СМИ может оказать влияние на справедливость судебного разбирательства и повлечь ответственность государства (дело «X. v. Austria»). Позже ЕКПЧ и ЕСПЧ рассматривали вопрос влияния СМИ на судебные процессы, признавая, что от СМИ и даже властей, ответственных за осуществление уголовной политики, нельзя ожидать, чтобы они воздерживались от высказываний, не касающихся виновности обвиняемых, об их опасном характере, когда им доступна бесспорная информация об этом («Ensslin, Baader and Raspe v. Germany»).

Комментарии СМИ о судебном разбирательстве, на котором рассматриваются вопросы общественной важности, также считаются допустимыми («X. v. Norway», «Sunday Times v. the United Kingdom»). ЕСПЧ считает, что в демократическом обществе никак нельзя избежать того, что СМИ будут выражать комментарии (иногда резкие) по поводу резонансных дел.

Допустимыми являются публикации о действительных фактах, касающихся уголовного дела. ЕСПЧ исходит из того, что профессиональные судьи имеют опыт и подготовку, позволяющую им не поддаваться влиянию каких-либо внешних факторов, когда идет речь о судебном разбирательстве («Craxi v. Italy»).

А. С. НУЖДИНА

Новополоцк, Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

РОЛЬ И МЕСТО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одним из наиболее древних источников права является правовой обычай. Однако отношение юридической науки к правовому обычаю до сих пор неоднозначно. В теории права существуют две точки зрения относительно обычая как источника права: первая определяет правовой обычай как сложившееся в результате многократного применения общепризнанное и повсеместно используемое в какой-либо сфере общественных отношений правило, официально не зафиксированное в каком-либо нормативном акте; вторая указывает на то, что правовой обычай – это исторически сложившееся правило поведения, которое взято под охрану государств и обеспечено его принудительной силой [1, с. 90].

Известно, что обычай как источник права признавался еще римскими юристами, если при рассмотрении дела отсутствовали конкретные указания, выраженные в других формах права. В таких случаях требование обычая считалось обязательным и равнозначным правовому требованию. Но при этом не всякий обычай признавался имеющим юридическую силу. Обычай не должен был противоречить закону, подразумевалось, что он его дополняет и в своем роде «оживляет»; безусловным считалось, что обычай не может отменять указание закона. Для признания правовым требованием, т.е. защищаемым судом обычай должен был: выражать и отображать продолжительную, единообразную, правовую практику, как действия, так и бездействия; воплощать неотложную и разумную потребность в правовом регулировании ситуации. Специфика применения обычая составляло то, что он доказывался в суде, а не презюмировался [2, с. 283].

Несмотря на то, что правовой обычай как источник права в странах романо-германской правовой семьи играет незначительную роль, в отличие от закона, все же он не утратил своего значения и актуальности и в наше время. К правовому обычаю так же прибегают при урегулировании правоотношений на международном уровне в том числе.

Наряду с нормативными актами в качестве источников права в Республике Беларусь признаются правовые обычаи. Немаловажное значение в нашей стране отводится и международному обычаю. При этом различают обычаи, принадлежащие к источникам как международного публичного, так и международного частного права, а также обычаи, рассматриваемые лишь в качестве источников международного частного права. Последние именуются обычаями международного торгового оборота», или, более кратко, торговыми обычаями». Определение международного обычая впервые дано в ст. 38 Статута Международного суда ООН: «это доказательство общей практики, признанной в качестве правовой нормы» [3].

Рассмотрим подробнее понятие и формирование международного обычая как источника международного публичного права. Согласно классическому пониманию международного права нормы обычного права формируются именно из комбинированного взаимодействия двух элементов: Во-первых, практика, иначе говоря, существование сложившегося в практике государств правила поведения, которое образовалось в результате повторяющихся однородных норм. Во-вторых,

признание этого правила в качестве международной правовой нормы (*opinion juris*), т.е. признание этой практики в качестве юридически обязательной.

Природу международного обычая характеризуют три составляющих: постоянство, всеобщность, длительность. Речь в данном случае идет о том, что та или иная практика, применяемая субъектами международного права, способствует формированию обычая лишь тогда, когда она носит всеобщий характер и применяется в течение продолжительного времени. Признание *opinio juris* может быть дано в ясно выраженной форме заявления или другого официального акта. Но наиболее распространенной является форма молчаливого или подразумеваемого признания. При формировании норм общего международного права основную роль играет отсутствие протеста. Согласие с региональной или специальной обычной нормой должно быть явно выраженным. Обычная норма общего международного права должна быть принята большинством государств, обеспечивающим представительство главнейших форм цивилизации и основных правовых систем мира, т.е. международным сообществом в целом.

Если международные обычаи возникают в условиях межгосударственного общения, то происхождение торговых обычаев, включая обычаи торгового мореплавания, связано с интернационализацией хозяйственной жизни, частноправовой, предпринимательской деятельностью в рамках межгосударственного торгового оборота. Последние же играют исключительно важную роль в двух сферах: в международной торговле и торговом мореплавании. Торговые обычаи, как правило, фиксируются национальной торговой палатой, а также Международной торговой палатой в Париже.

Гражданский Кодекс Республики Беларусь содержит норму права, которая допускает использование международного обычая в качестве источника права: «право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иным иностранным элементом, определяется на основании Конституции Республики Беларусь, настоящего Кодекса, иных законодательных актов, международных договоров Республики Беларусь и не противоречащих национальному законодательству международных обычаев» (п. 1 ст. 1093 ГК Республики Беларусь) [4].

Рассматривая эту норму необходимо учесть следующие условия: норма этой статьи является коллизионной, т.е. определяет право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Выбор права может быть осуществлен только на основе коллизионной нормы. Во-первых, речь идет о международных обычаях, устанавливающих коллизионные нормы права. Во-вторых, речь идет о его применении. «Международный (международно-правовой) обычай, один из основных источников международного права, представляющий собой устоявшуюся в течение длительного времени практику международных отношений, применяемую государствами и иными субъектами международного права с осознанием правовой необходимости такой практики» [5, с. 223]. Это термин международного публичного права и он выражает согласованную волю государств. Как справедливо было отмечено – «это соглашение между государствами, возлагающее юридические обязанности на государства» [6, с. 96]. Международный обычай равносителен международному договору. «Не писаное» соглашение также как и «писанное» в национальном законодательстве должно опосредоваться национальными правовыми формами. В-третьих, международный обычай не должен вступать в противоречие с законодательством Республики Беларусь, иначе он не будет рассматриваться как

источник, в соответствии с которым определяется право, применимое к возникшим правоотношениям.

В другом понимании законодательство Беларуси не признает обычай источником международного частного права. Все обычаи, которые не приобрели юридической силы, являются не обычаями, а обыкновениями. Обыкновение – это единообразное устойчивое правило, сложившееся в практике, но не имеющее юридической силы [7, с. 94]. На практике они чаще всего встречаются и применяются в международном деловом, коммерческом, торговом обороте между субъектами права разных государств. Исторически их стали называть торговыми обыкновениями, обычаями делового оборота, обычаями международной торговли или торговыми обычаями. Из-за терминологического сходства всех терминов может произойти заблуждение относительно правовой природы обычая и обыкновения. Йорк-Антверпенские правила об общей аварии 1974 г., измененные в 1990 г., разработанные Международным морским комитетом – это обыкновения [6]. Однако силой п. 2 ст. 285 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации им придано значение норм права и они стали санкционированным обычаем [8]. В Беларуси эти же правила будут рассматриваться как обыкновения.

В Республике Беларусь Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь устанавливает, что применяться может только такой обычай, который стороны знали или должны были знать, и которые в международной торговле известны и постоянно соблюдаются сторонами в договорах в соответствующей области торговли. Обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются (ст. 26) [9]. В постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» установлено право хозяйственных судов применять обычаи международного делового оборота в том случае, когда участники сделки прямо об этом договорились [10].

Подводя итог можно сделать следующие выводы: международный обычай как источник международного публичного права, является универсальным источником, его юридическая сила вытекает из общего международного права.

Международный обычай как источник международного частного права в Республике Беларусь рассматриваются только в следующих случаях:

- 1) если эти обычаи включены в договор как одно из его условий;
- 2) если обычай признан обязательным отдельным государством;
- 3) если обычай признан обязательным несколькими государствами в форме международного договора или международно-правового обычая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трахимёнок, С. А. Общая теория права: курс лекций / С. А. Трахименюк. – Минск : Акад. управл. при Президенте Республики Беларусь, 2006. – 225 с.
2. Тихомирова, Л. В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под. ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1997. – 526 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-З : в ред. закона Респ. Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 343-З// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

4. Статут международного суда ООН [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ЗАО «КонсультантПлюс». - М., 2016.

5. Бровка, Ю. П. Международный (международно-правовой) обычай / Ю. П. Бровка // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол. : С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2. К-О. – 584 с.

6. Международное частное право : учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 688 с.

7. York-Antwerp. rules. Rules of Interpretation, 1974. – Mode of access : <http://www.comitemaritime.org/York-AntwerpRules/0,2754,15432,00.html>. – Date of access : 13.11.2016.

8. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: Федеральный , 30 апреля 1999 г., № 81-ФЗ // Правовые ресурсы [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/shipping/>. – Дата доступа : 13.11.2016.

9. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 15 дек. 1998 г. № 219-З: в ред. от 30.12.2016 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

10. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 31 окт. 2011 г., №21 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=2131&p0=12>. – Дата доступа : 14.11.2016.

К. Д. ОЗИМКО

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Увеличение роли информации в обществе, государстве и международных отношениях вынудило некоторые страны мира объединиться вокруг информационной безопасности и выработать единые подходы к ее обеспечению. Международная информационная безопасность сегодня определяется как «состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве» [1, с. 28].

Одной из главных проблем обеспечения международной информационной безопасности заключается в том, что до недавнего времени она не являлась объектом регулирования международного права. Однако на данный момент по инициативе России ООН был принят ряд резолюций. Так, еще в 1998 году Москва направила в ООН послание, акцент которого был направлен на а необходимости предотвращения появления принципиально новой информационной сферы конфронтации и развязывания принципиально новых военных конфликтов. Данная инициатива была выражена в виде несение российской стороной в ходе 53-й сессии генеральной

Ассамблеи (ГА) ООН проекта резолюции под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», принятой 4 декабря 1998 года в виде резолюции A/RES/53/70.

Важным шагом в направлении международно-правового регулирования мировых процессов информационной безопасности явилась также резолюция 54/90 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», принятая на 54-й сессии ГА ООН.

Помимо этого, была принята и резолюция A/55/140, которая закрепила принципы международной информационной безопасности, и лишь в 2003 году резолюция о информационной безопасности A/RES/58/32, которая перевела общеполитическое обсуждение проблематики международной информационной безопасности в плоскость поиска практических решений и запускает механизм формирования Группы правительственных экспертов государств-членов ООН. Новой идеей создания универсального режима международной информационной безопасности, по мнению Российской Федерации, могло бы стать обязательство государств не прибегать к действиям в информационном пространстве, целью которых является нанесение ущерба информационным сетям, системам, ресурсам и процессам другого государства, его инфраструктуре, подрыв политической, экономической и социальной систем, массированная психологическая обработка населения, с целью дестабилизации общества и государства.

Наконец, в декабре 2003 года в Женеве (Швейцария) прошла встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. Она явилась первым международным форумом, на котором обсуждение вопросов, связанных с глобальными процессами информатизации, было поднято на самый высший политический уровень и состоялось в столь широком геополитическом масштабе в диалоге с представителями деловых кругов и гражданского общества. В саммите участвовало свыше 11 тысяч человек из 176 стран мира, включая представителей международных организаций. В ходе встречи информационная безопасность находилась в центре международного внимания. Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на Всемирной встрече, были вопросы доверия и безопасности при использовании информационно-телекоммуникационных технологий. Речь шла о том, что преимущества, которые может предоставить использование информационно-телекоммуникационных технологий, в полной мере могут быть реализованы лишь в случае надежности и безопасности соответствующих технологий и сетей и отказа от их использования в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности.

В 2011 году на международной встрече высокопоставленных должностных лиц, курирующих вопросы безопасности, Россия представила проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. Этот документ, включающий в себя всего 23 статьи, разработан Институтом проблем информационной безопасности (ИИСИ) Московского государственного университета совместно с Советом Безопасности и Министерством иностранных дел России. К конвенции присоединились Китайская Народная Республика и Индия, однако западные государства отнеслись к данной инициативе неодобрительно, сославшись на возможное ограничение прав и свобод граждан в получении, распространении и хранении информации [2]. Одним из камней преткновения стали противоречия в понимании определения «информационный суверенитет». Страны, принявшие Конвенцию, согласные с мнением, что государство должно контролировать информационное пространство в рамках своих территориальных границ, а США и ряд западных государств с данным

утверждением не согласны и акцентируют внимание, что свободное и безграничное передвижение информации является правом граждан различных государств.

В качестве основных угроз в информационном пространстве, приводящих к нарушению международного мира и безопасности, рассматриваются следующие:

1) использование информационных технологий и средств для осуществления враждебных действий и актов агрессии;

2) целенаправленное деструктивное воздействие в информационном пространстве на критически важные структуры другого государства;

3) неправомерное использование информационных ресурсов другого государства без согласования с государством, в информационном пространстве которого располагаются эти ресурсы;

4) действия в информационном пространстве с целью подрыва политической, экономической и социальной систем другого государства, психологическая обработка населения, дестабилизирующая общество;

5) использование международного информационного пространства государственными и негосударственными структурами, организациями, группами и отдельными лицами в террористических, экстремистских и иных преступных целях;

6) трансграничное распространение информации, противоречащей принципам и нормам международного права, а также национальным законодательствам государств;

7) использование информационной инфраструктуры для распространения информации, разжигающей межнациональную, межрасовую и межконфессиональную вражду, расистских и ксенофобских письменных материалов, изображений или любого другого представления идей или теорий, которые пропагандируют, способствуют или подстрекают к ненависти, дискриминации или насилию против любой личности или группы лиц, если в качестве предлога к этому используются факторы, основанные на расе, цвете кожи, национальном или этническом происхождении, а также религии;

8) манипулирование информационными потоками в информационном пространстве других государств, дезинформация и сокрытие информации с целью искажения психологической и духовной среды общества, эрозия традиционных культурных, нравственных, этических и эстетических ценностей;

9) использование информационно-коммуникационных технологий и средств в ущерб основным правам и свободам человека, реализуемым в информационном пространстве;

10) противодействие доступу к новейшим информационно-коммуникационным технологиям, создание условий технологической зависимости в сфере информатизации в ущерб другим государствам;

11) информационная экспансия, приобретения контроля над национальными информационными ресурсами другого государства [3].

Дополнительными факторами, усиливающими опасность перечисленных угроз, являются:

1) неопределенность в идентификации источника враждебных действий, особенно с учетом возрастающей активности отдельных лиц, групп и организаций, включая преступные организации, которые выполняют посреднические функции в осуществлении деятельности от имени других;

2) потенциальная опасность включения в информационно-коммуникационные технологии недекларируемых деструктивных возможностей;

3) различия в степени оснащенности информационно-коммуникационными технологиями и их безопасности в разных государствах («цифровое неравенство»).

Как видно, данная конвенция вполне могла бы стать всемирной, однако на данный момент принята лишь рядом государств, включая Россию, Индию, Китай. Несмотря на совершенно разное видение способов обеспечения информационной безопасности, российская сторона продолжает настаивать на международных соглашениях, регулирующих информационное пространство планеты.

Консенсус со странами по ОДКБ и Шанханской организации сотрудничества найден, однако в будущем назреет необходимость поиска единого подхода и с западными государствами, дабы максимально безболезненно перейти в новую общемировую общественную формацию – информационное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверченков, В. И. Системы защиты информации в ведущих зарубежных странах : учеб. пособие / В. И. Аверченков. – М. : Флинта, 2011. – 223 с.

2. «Понятие свободы не абсолютно» [Электронный ресурс] / Газета.ru. – Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/business/2012/02/09/3994965.shtml>. – Дата доступа : 12.11.2016.

3. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) [Электронный ресурс] / Совет Безопасности Российской Федерации. – Режим доступа : <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/112.html>. – Дата доступа : 12.11.2016.

И. Г. ОМАРОВ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

Международно-правовая ответственность является одним из основных институтов международного права. В современном международном праве принцип суверенного равенства является одним из руководящих принципов [1]. Руководствуясь данным принципом, члены международных отношений участвуют в различных взаимных отношениях, обладая суверенитетом как политико-правовым свойством данного государства, выражающим верховенство каждого из них внутри страны и его независимость во внешних делах. Как следствие указанный принцип не может, является признаком отсутствия различных взаимодействий (экономических, военных, научных и т.д.) и взаимозависимости государств (ресурсная, энергетическая), поскольку ни одно государство, не зависимо от его демографических или ресурсных возможностей, не может должным образом существовать и развиваться в одиночку, поскольку в той или иной сфере оно не дополучит тех интеллектуальных или иных возможностей по сравнению с теми, которые представляются от различных взаимоотношений государств. Принцип суверенного равенства позволяет государству осуществлять любые действия, не противоречащие установленным принципам и нормам международного права. Если государство, по какой-либо причине не выполняет или что хуже нарушает свои обязательства, тем самым нарушая права членов международного сообщества, вытекающие из норм международного права, тогда вполне закономерно встает вопрос о его ответственности перед другими государствами или мировым сообществом в целом [1].

Руководствуясь принципом суверенного равенства можно выделять государства в основную группу субъектов международного права и как следствие международной ответственности. По теории международного права, субъектами международной ответственности являются субъекты международного права [2]. Не смотря на то, что статьи Генеральной Ассамблеи, в основной своей массе, посвящены международной ответственности одних государств перед другими государствами необходимо отметить, что общая часть статей распространяется также и на ответственность государств перед иными субъектами международного права коими являются также государства, борющиеся за самоопределение и международные организации. Одним из дискуссионных вопросов в теории международного права является вопрос о правосубъектности физических лиц. Основная масса авторов обосновывают точку зрения, исходя из которой физические, равно как и юридические лица, не являются субъектами международно-правовой ответственности. Одна из основных задач или важность транснациональных корпораций в поддержании международных взаимоотношений в области энергетики, связи, транспорта, новых технологий, что как само собой разумеющееся обуславливает острую необходимость в нормативном регулировании деятельности транснациональных корпораций.

Термин ответственность получил широкое распространение в политике, праве, быту, включая в себя моральные, политические, юридические и иные стороны взаимодействия человека и государства. В юридической науке феномен ответственности изучается, главным образом, в плане наказуемости [3]. Термин ответственность – понятие до воли неоднозначное. Этот термин впервые ввел в научный оборот Альфред Бэн, трактовавший её в плане «наказуемости» [4]. Динамизм права постоянно вносит коррективы в понятие и содержание ответственности, благодаря чему, возникают новые ее виды.

Значение международной ответственности государства обусловлено тем, что этот институт является необходимым юридическим средством обеспечения выполнения норм международного права и укрепления международного правопорядка.

Жизненно необходимо чтобы государства соблюдали все принципы международного права, поскольку отрицание принципов, в том числе одного из главных – принципа ответственности государства за международные правонарушения, привело бы к гибели международного права, так как с отказом от соблюдения принципов отпали бы также обязательства государств соблюдать нормы международного права.

При формировании общих принципов права ООН определила международную ответственность государств как все виды новых правоотношений возникающих в рамках международного права в результате международно-противоправного деяния государства, независимо от того ограничиваются ли они правоотношениями между государством, совершившим противоправное деяние, и государством, непосредственно пострадавшим, или же распространяются также на других субъектов международного права, и независимо от того, сосредотачиваются ли они на обязательстве виновного государства восстановить в правах пострадавшее государство и взыскать нанесенный ему ущерб или же охватывают также право самого пострадавшего государства или других субъектов международного права принять к виновному государству какую-либо санкцию, допускаемую международным правом. Содержание же международной ответственности определяется как последствия деяния в плане возмещения ущерба и ответных санкций [1].

Юридическими основаниями международно-правовой ответственности государств являются международные договоры, международный обычай, решения международных судов, решения международных организаций, обязательные для исполнения государствами-членами, односторонние международно-правовые акты государств, а также решения международных арбитражных судов. Фактическим основанием международно-правовой ответственности является правонарушение [2].

Применение норм международно-правовой ответственности приводит к возникновению нового международного правового отношения, которое порождает, с одной стороны, обязанность государства-правонарушителя прекратить неправомерные действия, восстановить нарушенное право пострадавшего государства, возместить причиненный ущерб или подвергнуться санкциям, а, с другой стороны, право пострадавшей стороны требовать от государства-правонарушителя выполнения этих обязанностей и получить соответствующее возмещение и удовлетворение [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org>. – Дата доступа : 15.11.2016 г.
2. Международное право : учебник для академического бакалавриата / А. Н. Вылегжанина, 3-е изд., перераб. и доп. - М. : ЮРАЙТ, 2015. - с.75
3. Введение в философию ответственности: монография / А. И. Ореховский [и др.]; под общ. ред. А. И. Ореховского. – Новосибирск : СибГУТИ, 2005.- 186 с.
4. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас; перевод с нем. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

С. М. ПЕРЕПЕЛКИН

Днепр, Украина, Днепротровский государственный университет внутренних дел

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ИСТОРИЧНОСТЬ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТАМОЖЕННОГО ПРАВА

На сегодняшний день в доктрине международного права и практике государств отсутствует единая система взглядов относительно понимания содержания понятия и дефиниции принципов международного права. Не выработано по сей день и единообразного подхода к пониманию содержания понятия основных принципов международного права и согласованной их системы.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении познания правовой природы принципов международно-правовых институтов и специальных отраслевых принципов, которые, как указывал А. С. Гавердовский, регулируют основы поведения государств только в строго определенных сферах межгосударственных отношений и не отражают качественных особенностей всей системы международного права в целом.

В системе международного права таких принципов много. В том числе к ним относятся и основные (отправные) начала возникновения, функционирования и развития международного таможенного права, которые отражают наиболее характерные его черты и особенности, определяют его юридическую природу.

В то же время, несмотря на основополагающую для международного таможенного права роль и всю важность, которой его исследователи наделяют принципы

международного таможенного права, приходится констатировать, что в науке международного права в настоящее время отсутствуют самостоятельные исследования на соответствующую тематику.

Отдельные аспекты юридической природы принципов международного таможенного права освещались в трудах С. Т. Алибекова, К. А. Бекашева, К. Г. Борисова, Н. Э. Буваевой, С. С. Жамкочьяна, Н. В. Живенко, Ф. Г. Кляна, Б. А. Кормича, В. М. Малиновской, В. В. Мицика, Е. Г. Моисеева, С. М. Овчинникова, А. Ю. Райковой, М. Е. Романовой, О. В. Шорникова и др.

Анализ юридической литературы свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию понятия «принципы международного таможенного права» и его соотношения с такими ключевыми понятиями, как «цели международного таможенного права» и «нормы международного таможенного права». Дискуссионными остаются вопросы сущности, содержания, генезиса и форм существования принципов международного таможенного права, построения их системы, критериев классификации и т.п.

Указанная проблема является актуальной, поскольку именно принципы международного таможенного права отражают основные потребности международных таможенных и тесно связанных с таможенными отношений, выступают основой нормативной системы международного таможенного права, определяют перспективы дальнейшего его развития как отрасли международного права, науки и учебной дисциплины.

Начать комплексное исследование юридической природы принципов международного таможенного права предлагается с характеристики общих и одновременно сущностных признаков принципов международного таможенного права. В первую очередь это касается объективности и историчности принципов международного таможенного права.

Принципы международного таможенного права не является выдумкой юристов-международников, потому что они объективно обусловлены характером международных таможенных отношений. В своем содержании они отражают исторические закономерности развития международных таможенных отношений, их реальное состояние и определяют характерные черты норм, регулирующих такие отношения, а также направленность норм, разработка которых необходима для урегулирования на основе единых правил новых международных таможенных отношений.

Формирование принципов международного таможенного права может происходить на основе международной практики и/или межгосударственного диалога, направленных на увеличение общего и уменьшения разного (национального) в правовом регулировании международных таможенных отношений. Основываясь на достигнутых результатах международного сотрудничества, вновь сформированные принципы международного таможенного права могут существенно изменять и развивать систему управления международными таможенными отношениями, сложившуюся на определенном этапе межгосударственного взаимодействия. Они определяют необходимые для решения актуальных задач международного таможенного сотрудничества общие начала нормального функционирования и перспективного развития системы международных таможенных отношений, используются государствами для проведения кодификации норм международного и внутригосударственного таможенного права. Поэтому, чем больше участников международных таможенных отношений приобщается к формированию принципов

международного таможенного права, тем быстрее они получают всеобщее признание и преобразуются из принципов партикулярного (локального) международного таможенного права в принципы регионального и универсального международного таможенного права.

Принципы международного таможенного права как его фундаментальный смысл, основная идея или основные начала от которых не отступают – элемент его системы, который всегда возникает раньше других ее элементов (норм, институтов). Принципы международного таможенного права обеспечивают содержательную целостность его системы и связь между ее элементами, так как именно им принадлежит главная системообразующая роль. С появлением принципов международного таможенного права совокупность действующих норм, регулирующих международные таможенные отношения между определенным кругом их участников, со временем превращается в иерархически структурированную единую нормативную систему.

В то же время, принципы международного таможенного права исторически изменчивы как по количеству, так и по содержанию. Будучи явлением объективным и отражая реальное состояние международных таможенных отношений, принципы международного таможенного права постоянно совершенствуются, меняются вместе с развитием международных таможенных отношений.

Вместе с изменением количества принципов международного таможенного права, подходов к их пониманию и увеличением числа участников международных таможенных отношений, которые признали их как основы международного таможенного права, от которых не отступают, изменяется и система международного таможенного права. Ее развитие происходило от низших в качественном и количественном отношении систем к высшим (по вертикали), и от отдельных региональных систем к единой универсальной системе общего международного таможенного права (по горизонтали).

Таким образом, принципы международного таможенного права по своей философской и социальной природе являются категорией объективной. Они возникают и развиваются, отображая в своем содержании исторические закономерности развития международных таможенных отношений и закрепляя общие начала правового регулирования новых международных таможенных отношений.

Н. В. ПЕШЕВИЧ

Минск, Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь»

УЧАСТИЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ ООН

Войны, межнациональные, межэтнические, территориальные конфликты, международные ссоры проходят через всю историю человечества. В конце XX в. – начале XXI в. в конфликты вовлекается все больше государств, более многочисленными и разнородными становятся их участники. Усложняется и природа современного конфликта. Враждующие стороны применяют не только вооруженные силы, но прибегают к силовому воздействию и террору против мирного населения, как это было в Либерии, Руанде, Сомали. Устав ООН выступает правовой основой международных отношений, предусматривающий как мирные средства урегулирования конфликтов, основанные на соблюдении принципов согласия, нейтралитета,

минимального использования силы, доверия, ведения переговоров, так и принудительные меры с применением вооруженных сил ООН. Поддержание международного мира и безопасности осуществляется Генеральной Ассамблеей ООН и Советом Безопасности ООН, компетенция которых в этой сфере четко разграничена. Со времени окончания второй мировой войны под эгидой ООН проведено свыше 60 миротворческих операций, в которых приняли участие 750 тыс. чел. [1, с. 22]. Актуальность обозначенной темы обусловлена ростом востребованности миротворческой деятельности ООН.

Для проведения миротворческих операций привлекаются специально подготовленные воинские формирования стран, принимающих участие в разрешении конфликта и согласившихся выделить воинский контингент. Многонациональные формирования, сформированные из этих контингентов и действующие под руководством общего объединенного командования, предназначены для проведения конкретной миротворческой операции и называются «миротворческими силами».

Миротворческие операции ООН впервые стали использоваться в период «холодной войны» как средство разрешения конфликтов между государствами путем развертывания контингентов безоружных или легко вооруженных военнослужащих из нескольких стран под командованием ООН. При этом четко должен был соблюдаться принцип ограничения по лицам, определяющий строгое различие между комбатантами и некомбатантами. Из этических соображений привлечение наёмников в миротворческих миссиях запрещалось. Так, миротворческие операции ООН по поддержанию мира делятся на две категории: миссии военных наблюдателей, состоящие из невооруженных офицеров («голубые береты»), и силы по поддержанию мира, включающие национальные контингенты войск, вооруженные легким стрелковым оружием, применяемое только для самообороны («голубые каски»). В 1998 г. ООН разработала документ «10 правил: кодекс поведения «голубых касок», который содержит четкие рекомендации в отношении состава миротворческого контингента.

В настоящее время наметилась тенденция отступления от принципа осуществления миротворческих операций только военнослужащими, набранными ООН и находящимися под ее командованием. В быстро развивающийся частный военный бизнес перешли многие, кто служил ранее в войсках ООН. Впервые частные военные и охранные предприятия (ЧВОП) были привлечены к работе на ООН более 20 лет назад, и их деятельность ограничивалась тыловым обеспечением миссии, никакие действия военного характера не предусматривались.

Одним из показательных примеров использования ЧВОП стала гражданская война в Сьерра-Леоне (1992 г.). Миротворческая миссия ООН в этой стране из-за слабой технической оснащенности и низкого уровня подготовки потерпела крах, и правительство Сьерра-Леоне обратилось к частной южноафриканской военной компании Executive Outcomes, которая помогла быстро стабилизировать ситуацию в стране. В 1996–2005 гг. ЧВОП участвовали в работе международных полицейских миссий ООН в Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии. Значительную помощь в данных операциях оказала американская корпорация DynCorp, «осуществлявшая набор личного состава для американского контингента международных полицейских сил, а также участвовавшая в проверках работы персонала этих миссий» [2, с. 28]. В 2003 и 2009 гг. эта же компания выиграла контракт по участию в миротворческих операциях на африканском континенте. Сотрудники компания Defence Systems Limited входили в состав миссий UNPROFOR (Босния), ЮНИСЕФ (Судан и Сомали). Компания Pacific

Architects & Engineers представляла персонал для сотрудников гражданской полиции в миссиях ООН на Гаити и в Либерии, оказывала услуги миссиям ООН в Сьерра-Леоне (2000 и 2003 гг.) и Конго (2001 г.). Именно в Конго в полной мере проявилась специфика применения ЧВОП в миротворческих операциях. Сотрудники названных компаний, как и миротворцев ООН, носили гражданскую форму, имели при себе ооновские документы и были включены в состав UNPROFOR.

Компания Paramount Group активно сотрудничает с развивающимися странами в области тренировки будущих миротворцев. Компании Aegis и Global Risk неоднократно нанимались для охраны сотрудников Секретариата ООН в Ираке. Предприятие International Chartes Inc. успешно участвовало в миротворческих операциях ООН в Судане, Конго, Руанде и Либерии. Кроме того, ЧВОП могут оказывать квалифицированную юридическую и техническую помощь. Привлечение частных военных и охранных предприятий в большинстве случаев позволило компенсировать нехватку военного и гражданского персонала.

Эти факты породили вопрос легитимности использования ЧВОП в миротворческой деятельности. Еще в 1997 г. Генеральный секретарь ООН К. Аннан отмечал, что «человечество не готово приватизировать мир». Однако анализ военных миротворческих операций показал «приватизацию» применения силы. Среди основных партнеров ООН официально заявлены такие предприятия, как Armor Group, DynCorp, Global Risk, Pacific Architects & Engineers, Aegis Defence Services, Gray Security Services, Hart Security UK, MPRI Inc., Steele North America, Armor Group Training, которые задействованы в сфере далекой от бизнеса, а именно в деле поддержания международного мира и безопасности.

Привлечение указанных предприятий к реализации миротворческих функций ООН требует правового разъяснения: являются ли сотрудники ЧВОП наемниками, законна ли их деятельность с точки зрения международного права, какова ответственность в случае превышения полномочий и злоупотребления силой. Однозначного мнения нет как среди ученых-международников, так и среди официальных лиц ООН. Первоначальное негативное отношение ООН к деятельности ЧВОП в настоящее время трансформируется, доказательством чего служит факт разработки в 2011 г. Департаментом ООН по безопасности рекомендаций для более ответственной и прозрачной работы частных предприятий на службе ООН.

Сильным аргументом за привлечение сотрудников ЧВОП в качестве миротворческих сил, выступает их мобильность, готовность приступить к работе немедленно, опыт, техническую оснащенность, высокий уровень военного профессионализма, нежелание правительств развитых стран вмешиваться в региональные конфликты. Действительно, на комплектование миротворческой миссии под эгидой ООН требуется от недели до нескольких месяцев. ООН из-за масштаба региональных конфликтов, в основе которых международный терроризм, отмывание денег, незаконный оборот наркотиков, техногенные катастрофы, международная организованная преступность, не может стать гарантом мира посредством организации миротворческих миссий во всех «горячих» регионах.

Сама подготовка миротворцев также требует времени и денег. В 2007 г. США начали программу Global Peace Operations стоимостью 81 млн. дол. по подготовке 75 тыс. миротворцев, в основном из Африки. Аналогичный проект African Crisis Response Initiative (ACRI) по обучению 12 тыс. чел. начал осуществляться и в рамках самого африканского континента. Центр передового опыта для подготовки полицейских подразделений создан в Италии. В России на базе учебного центра «Выстрел»

готовятся кадры для проведения гуманитарно-спасательных и миротворческих операций. Однако масштаб подготовки миротворцев, диапазон видов их деятельности пока не закрывает потребности в численности и качестве специалистов-миротворцев. Сотрудники частных военных и охранных предприятий как «солдаты удачи» получают деньги за работу, «голубые каски» также получают жалование. Миротворческая деятельность финансируется за счет взносов стран-членов ООН. Что касается вопроса юридической ответственности, то можно привести примеры преступных действий как сотрудников ЧВОП, так и ооновских миротворцев, например, в Косово и Восточном Тиморе. Поэтому юридическая ответственность за превышение полномочий должна быть одинаковой для всех субъектов миротворческой деятельности, поскольку они действуют под эгидой ООН.

В заключение следует отметить, что в условиях глобального мира деятельность ООН в миротворческом процессе претерпела определенную трансформацию. Все чаще возникает дилемма в выборе сил и средств урегулирования конфликтов. В настоящее время сотрудники частных военных и охранных предприятий, как и миротворческие силы ООН способны на профессионально-технологической основе разрешать международные конфликты, поддерживать и обеспечивать мир. Нынешний юридический «полулегальный» статус ЧВОП должен найти правовое разрешение в сторону легитимации через определение правового механизма принятия решений об их использовании в составе миротворческих сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гридчин, А. А. Повышение готовности персонала миротворческих организаций к регулированию региональных конфликтов: дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08 / А. А. Гридчин. – Орел, 2010. – 34 с.
2. Мукин, Ю. Использование гражданских контрактников и частных вооруженных формирований в современных конфликтах / Ю. Мукин // Зарубеж. военное обозрение. – 2008. – № 7. – С. 26–31.

В. В. ПИЧКОВСКАЯ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

ИМПЛЕМЕНТАЦИОННЫЕ МЕРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА

20 ноября 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно проголосовала за принятие «мировой конституции прав ребенка». 26 января 1990 г. Конвенция о правах ребенка была открыта для подписания, и в тот же день ее подписала 61 страна, а 2 сентября 1990 г. после ратификации двадцатью государствами Конвенция вступила в силу [1, с. 137].

Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию о правах ребенка 28 июля 1990 г., тем самым приняла на себя обязательства по имплементации норм данного международного договора в свою национальную правовую систему. Ратификация нашей республикой Конвенции о правах ребенка придала проблеме новый импульс и потребовала создания фундаментальной юридической базы для защиты детства. В

результате 19 ноября 1993 г. был принят Закон Республики Беларусь «О правах ребёнка» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 мая 2013 г.) [2, с. 4].

Закон состоит из преамбулы, 6 разделов и 40 статей закрепляющих правовой статус ребенка как субъекта правоотношений, принципы государственной политики в отношении ребенка, его права и обязанности, обязанности юридических и физических лиц по защите детства.

В 1-м разделе «Общие положения» в 14 статьях изложены цель и задачи закона, определен возраст ребёнка как субъекта права, зафиксированы основные права: право на жизнь, на охрану и укрепление здоровья, на гражданство, на определение отношения к религии, а также включена статья об обязанностях ребёнка. Согласно Закону государство должно обеспечивать неприкосновенность личности ребенка, предоставить ему защиту от всех форм насилия и эксплуатации. При этом лица, которым стало известно о фактах жестокого обращения, физического или психического насилия в отношении ребенка, представляющих угрозу его здоровью и развитию, обязаны немедленно сообщить об этом в компетентный государственный орган.

Во втором разделе «Ребенок и семья», намеренно расположенном впереди остальных, подчеркивается важнейшее право ребенка на семью как естественную и необходимую для его нормального развития среду, очерчены границы ответственности родителей и возможности владения ребенком имуществом, а также зафиксирована защита семьи как важнейшая задача государства.

Следующий, 3-й раздел «Ребенок и общество» включает семь статей и закрепляет политические, социальные и культурные права: право на приобщение к культурным ценностям, на образование, труд и отдых, защиту чести и достоинства.

4-й раздел, под названием «Ребенок в неблагоприятных условиях и экстремальных ситуациях», закрепляет права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей-инвалидов и детей с особенностями психофизического развития, а также детей-беженцев, пострадавших от различного рода катастроф. Чрезвычайно важной явилась статья 33 Закона, которая содержит запрет на участие детей в военных действиях [3, с. 24-25].

В целях реализации обязательств, содержащихся в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах, был принят Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. «О внесении изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь». Статья 136 Уголовного кодекса Республики Беларусь была дополнена положениями, устанавливающими уголовную ответственность за вербовку лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, в вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, или использование их в военных действиях в составе этих вооруженных групп. Внесение в Уголовный кодекс Республики Беларусь указанных дополнений позволило установить уголовную ответственность за противоправные и общественно-опасные деяния, предусмотренные положениями статьи 4 Факультативного протокола Конвенции [4].

Пятый и Шестой разделы определяют рамки сотрудничества в интересах детей, контроль за реализацией закона и ответственность за его нарушение.

Анализ содержания Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» с точки зрения полноты отражения международно-правовых норм, в частности соответствия Конвенции, которая послужила основной причиной создания нашего национального юридического акта, приводит к следующим выводам. Ведущие принципы Конвенции: принцип недопустимости дискриминации, принцип наилучшего обеспечения ребенка, принцип обеспечения права на жизнь, выживание и развитие, принцип уважения

взглядов ребенка – закреплены в Законе «О правах ребенка» в 1-м Разделе «Общие положения» в статьях 6, 13, 8 и 11.

Закон Республики Беларусь «О правах ребёнка» содержит основные положения Конвенции, хотя об абсолютном соответствии говорить нельзя. Прежде всего, следует отметить, что в Законе отсутствуют такие закрепленные в Конвенции права, как право на сохранение своей индивидуальности, право на физическое и психологическое восстановление и социальную реинтеграцию. С другой стороны, в законе предусмотрена защита прав детей, пострадавших от стихийных бедствий, аварий и катастроф, чего нет в Конвенции [5, с. 312].

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в Республике Беларусь ведется достаточно активная работа по совершенствованию национального законодательства с целью его приведения в соответствие с положениями Конвенции о правах ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция о правах ребенка: принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/35 Генеральной ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Права человека. Сборник международно-правовых документов / Сост. В.В. Щербов. – Минск : Белфранс, 1999. – 137 с.
2. Василевич, Г. А. Конституция Республики Беларусь и права несовершеннолетних / Г. А. Василевич // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 3. – С. 3-7.
3. Козак, М. А. Права ребенка : учеб.-метод. пособие / М. А. Козак; Витебский гос. университет. – Витебск, 2007. – С. 24-26.
4. Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Совершенствование национального законодательства. – Минск, 2016. – Режим доступа : <http://minjust.gov.by/ru/implementation-of-international-law/improvement>. – Дата доступа : 14.10.2016.
5. Кеник, А. А. Защита прав ребенка и несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – Минск : Дикта, 2008. – 312 с.

О. В. РОЗГОН,

Харьков, Украина, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, кандидат юридических наук, доцент

КОЛЛИЗИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ И БЕЛОРУССИИ

Все большую популярность приобретает международное усыновление, давая шанс обрести семью детям, которые в Украине и Белоруссии ее не имеют.

Усыновление – это юридический акт, в результате которого усыновленное лицо приобретает в отношении усыновителя такие же права и обязанности, которые закон устанавливает между родственниками по происхождению.

В международной практике существует несколько путей обеспечения приоритета национального усыновления над международным: 1) государство, в частности, устанавливает норму, согласно которой количество детей, которые могут быть усыновлены с помощью конкретного международного агентства, зависит от количества детей, которых усыновили с помощью этого агентства в пределах страны; 2) государство может устанавливать требование, в течение какого времени ребенок

должен находиться на учете для национального усыновления, и только после завершения данного срока он может быть передан для усыновления иностранными гражданами (такой опыт работы активно внедряется в Российской Федерации); 3) государство предполагает определенное количество отказов в усыновлении одного ребенка перед тем, как его могут передать на международное усыновление; 4) государство закрепляет процедуру, согласно которой информация о ребенке сначала размещается в региональной базе данных потенциальных усыновителей, через некоторое время – в национальной базе данных, и только потом ребенок может быть отдан на международное усыновление [1].

Основным международным документом в сфере усыновления является Гагская Конвенция 1993 г. о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления. Согласно данной Конвенции, при усыновлении должны учитываться интересы ребенка. Усыновление в другой стране допускается, если обеспечение подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным. Одним из основных положений Конвенции можно назвать норму о незаконности любых средств обогащения при решении вопроса об усыновлении. Это не значит, что Конвенция не разрешает оплату необходимых издержек, связанных с мероприятиями по усыновлению, которые проводятся. Запрещается коммерческая деятельность, направленная только на извлечение прибыли при осуществлении усыновления [2].

Для того чтобы принцип приоритета национального усыновления эффективно работал, международное усыновление должно быть частью программы по национальному усыновлению. В таком случае целью компетентных государственных органов и агентств по усыновлению будет обеспечение права каждого ребенка жить и воспитываться в семье. При таком взаимодействии деятельность органов и агентств будет более эффективной и прозрачной, что является положительным моментом для детей, лишенных родительской опеки, лиц, желающих усыновить ребенка, и органов, осуществляющих контроль за соблюдением прав и законных интересов усыновляемых детей и нормативных предписаний в данной сфере [3, с. 409].

Усыновление детей гражданами других государств устанавливается по ряду требований, исключающих свободное распоряжение судьбой ребенка. Существование этих правил объясняется, в частности, стремлением предотвратить превращение детей в товар, предмет наживы для тех, кто готов совершить такое преступление [4, с. 49].

Поскольку вопрос, связанный с иностранным усыновлением, входит в предмет международного частного права, то необходимым компонентом такого рода отношений является наличие иностранного элемента. Как известно, существует три его вида: субъект отношений, объект отношений, юридический факт.

При усыновлении детей – граждан одной страны гражданами другой затрагиваются интересы нескольких лиц, являющихся гражданами различных государств, или лиц, проживающих на территории разных стран. В этих странах могут быть другие и даже совершенно противоположные взгляды на усыновление. Эти различия обуславливаются, прежде всего, различиями в целях, которые ставятся перед институтом усыновления в этих государствах [5].

Частноправовые отношения с иностранным элементом регулируются двумя способами: путем отсылки к соответствующему законодательству страны, по которому нужно решать спор (коллизивно-правовой способ), или ратификации страной соответствующих международно-правовых договоров (конвенций) по определенным вопросам частного права, унификации его материальных норм (материально-правовой способ) [6, с. 84].

Отношения в международном частном праве, как известно, регулируются коллизионными нормами, т.е. нормами, которые указывают, правом какого государства следует руководствоваться при регулировании тех или иных правоотношений, в данном случае отношений по усыновлению [5].

Коллизионные вопросы усыновления возникают в связи с различиями соответствующих предписаний материального права в законодательстве различных государств: возможность усыновления совершеннолетних лиц, согласие усыновляемого и его кровных родственников, сохранение правовой связи усыновленного лица с его кровными родственниками и т. п.

Кроме национальных коллизионных норм, опосредующих выбор права, когда речь идет о международном усыновлении, последнее определяется международными коллизионными нормами, которые содержатся в двусторонних и региональных договорах о предоставлении правовой помощи, и международными материальными нормами.

Наиболее распространенными коллизионными привязками для установления права, которые применяются при усыновлении, являются следующие: 1) закон страны постоянного проживания ребенка; 2) личный закон усыновителя; 3) закон суда; 4) закон страны совместного проживания супругов; 5) личный закон ребенка. Все эти привязки должны единообразно применяться при регулировании брачно-семейных отношений.

Закон суда, как правило, является вспомогательным средством в случае, когда привязка к иностранному праву не позволяет достичь должных правовых последствий, направленных на установление «принципа наибольшего благоприятствования» для более «слабой» стороны. Таким образом, закон суда применяется субсидиарно, особенно в тех случаях, когда невозможно или сложно выполнить требования относительно выражения согласия по закону гражданства [7].

Во внутреннем праве многих стран нормы, посвященные решению вопросов международного усыновления, устанавливают привязки к личному закону (гражданства, места проживания и т. п.) усыновителя с сочетанием закона усыновляемого или третьих лиц, от которых зависит предоставление согласия на усыновление, и иногда *lex fori* (закону суда).

Это законодательства Белоруссии, Грузии, Германии, Австрии, Венгрии, Греции, Испании, Италии, Лихтенштейна, Румынии, Туниса, Швейцарии, Эстонии, Японии. Такие страны, как Португалия и Швейцария, не позволяют усыновление, если оно не предусмотрено законом. Очевидно, для предотвращения возникновения «хромяющего» усыновления [8, с. 116].

Так, в Белоруссии при усыновлении основной коллизионной привязкой является личный (национальный) закон усыновителя либо усыновляемого. По договорам о правовой помощи по общему правилу применяется закон той страны, гражданином которой является усыновитель. Если супруги-усыновители имеют разное гражданство, то в данном случае при усыновлении могут применяться нормы закона как одного, так и другого государства [2].

Личным законом физического лица считается право государства, гражданином которого он является. Если ребенок усыновляется супругами, которые не имеют общего личного закона, то применяется право, которое определяет правовые последствия брака. Способность лица быть усыновителем определяется в соответствии с его личным законом, которым определяются правовые последствия усыновления и его прекращения. Применение закона гражданства для установления личного закона физического лица является наиболее распространенным в законодательстве государств

мира. Принцип личного закона применяется также для установления происхождения и правосубъектности ребенка [8, с. 116].

Некоторые страны используют 1–2 привязки для коллизий международного усыновления: закона места проживания сторон (Венесуэла, Перу, Канада), *lex fori* (Вьетнам), национального закона сторон (Польша), гражданства усыновителя и *lex fori* (Чехия).

Среди особенностей коллизионного регулирования семейных отношений и следует очертить так называемое «применение кумуляции» – одновременное применение к одним отношениям права разных стран. Например, кумуляция в отношениях усыновления используется путем применения личного закона ребенка и усыновителя. Содержание кумуляции в этих отношениях заключается в стремлении максимально защитить интересы участников отношений и предотвратить возможное признание недействительными нормативных актов по формальным основаниям [9, с. 250].

Таким образом, в каждом государстве при принятии законов, ратификации конвенций важным является уменьшение количества пробелов и коллизий в законодательстве об усыновлении. Значительное количество противоречий по данному вопросу приводит к ошибочному толкованию, а следовательно, неправильному применению правовых норм. Разнообразие же коллизионных привязок в разных государствах дает возможность защитить права и интересы как усыновленного ребенка, так и усыновителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтернативы и лучшие варианты регулирования международного усыновления. Гагская конвенция по международному усыновлению. – Издание департамента программ и услуг Холд Интернешнл Чилдренз Сервисез // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.children-ukraine.org/img/other/gaaga_holt.pdf.
2. Международное усыновление, опека и попечительство // Международное частное право // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bargu.by/3015-mezhdunarodnoe-usynovlenie-opeka-i-popechitelstvo.html>.
3. Кухар, А. О. Актуальні питання удосконалення інституту міжнародного усиновлення / А. О. Кухар // Держава і право. – Вип. 8. – С. 409.
4. Розгон, О. В. Феномен міжнародного усиновлення» / О. В. Розгон // Науково-практичний журнал «Мала енциклопедія нотаріуса». – № 2. – 2011. – С. 49–59.
5. Синкевич, Н. Регламентация иностранного усыновления в международном частном праве / Н. Синкевич // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 1 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/608/54>.
6. Юлдашев, О. Х. Міжнародне приватне право: Теоретичні та прикладні аспекти / О. Х. Юлдашев. – К. : МАУП, 2004. – 576 с.
7. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pravo-gihp.ucoz.ru/mejdcasnpravo/mezhdunarodnoe_chastnoe_pravo_getman-pavlova_i.v_u.pdf.
8. Розгон, О. В. Проблеми колізійного регулювання відносин міжнародного усиновлення / О. В. Розгон // «Правова держава». – 2016. – № 23. – С. 115–120.
9. Очерки международного частного права / под ред. проф. А. Довгерта. – Х. : ООО «Одиссей», 2006–2007. – 816 с.

В. А. ФЕДОТОВ

Гомель, Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ОКАЗАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ УСЛУГ ПОСРЕДСТВОМ КОММЕРЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ

В последние годы в Беларуси активно идет формирование внешнеторгового законодательства в соответствии с нормами Всемирной торговой организации (ВТО), что обусловлено созданием единого механизма регулирования экономических отношений со странами-партнёрами Беларуси по внешней торговле.

В то же время процесс перехода на правила и принципы ВТО в Беларуси идет весьма фрагментарно и многие проблемы в области правового регулирования экспорта и импорта товаров и услуг остаются нерешенными, действующие акты внешнеторгового законодательства порой устанавливают лишь исходные правила внешней торговли и не учитывают природы внешнеторговых отношений.

Так, принятый в соответствии с нормами Генерального соглашения о торговле услугами (ГАТС) Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (Закон от 25 ноября 2004 г.) создал лишь минимальную правовую основу для регламентации способов совершения внешнеторговых услуг, которая в дальнейшем не получила эффективного механизма реализации в специальных актах законодательства [1; 2].

Одним из способов оказания внешнеторговых услуг по ГАТС является поставка услуг поставщиком путем коммерческого присутствия (commercial presence, right of establishment) на территории любого другого члена ВТО (подп. 2 «с» ст. I). «Коммерческое присутствие» означает любую форму делового или профессионального учреждения, включая посредством: i) учреждения, приобретения или сохранения юридического лица, или ii) создания или использования филиала или представительства на территории члена с целью поставки услуги (подп. «d» ст. XXVIII ГАТС). По существу, это оказание услуг через представительство или дочернюю организацию юридического лица.

Содержание термина «коммерческое присутствие» предусмотрено подп. 1.13. п. 1. ст. 1 Закона от 25 ноября 2004 г., тождественно общепринятому пониманию данного термина в международной торговле услугами, но только в части. Согласно Закону от 25 ноября 2004 г., коммерческое присутствие – любая допускаемая законодательством Республики Беларусь, международным или иностранным правом форма организации предпринимательской деятельности нерезидентов Республики Беларусь на территории Республики Беларусь или резидентов Республики Беларусь на территории иностранного государства в целях оказания услуг.

Белорусским законодательством определены формы организации предпринимательской деятельности во внешней торговле. Коммерческое присутствие для резидентов Беларуси выражается в организации предпринимательской деятельности по оказанию услуг юридическим лицом, созданным в соответствии с законодательством Беларуси, с местом нахождения в Республике Беларусь, а также его филиалов и представительств, находящихся за пределами республики; для нерезидента: в организации предпринимательской деятельности по оказанию услуг юридическим лицом или организацией без статуса юридического лица, созданных в соответствии с законодательством иностранных государств, с местом нахождения за пределами

Республики Беларусь, а также их филиалов и представительств, находящиеся в Беларуси и за ее пределами [3].

К сожалению, белорусский законодатель не уточнил ряд критериев ГАТС, применяемых к поставке услуги посредством коммерческого присутствия. По ГАТС такая форма оказания услуг предполагает создание организации со статусом юридического лица или без такого статуса на территории иностранного государства, принадлежащей или контролируемой учредителем (подп. 2 «т» ст. XXVIII). При этом такой субъект обладает той же государственной принадлежностью, что и учредитель. Оказываемые услуги зависимой организации резидентам страны являются внешнеторговыми и подпадают под сферу применения норм ГАТС.

Однако, по белорусскому законодательству все создаваемые на территории страны юридические лица – резиденты Беларуси. При определении национальности регистрируемых организаций законодателем не принимаются во внимание национальность учредителя, принадлежность создаваемой организации иностранному лицу, доля иностранного учредителя в уставном фонде организации, а также иные критерии, указывающие на осложнение правового статуса создаваемой организации посредством иностранного элемента. Такой подход в регулировании внешнеторговых услуг посредством коммерческого присутствия не соответствует нормам ГАТС/ВТО о коммерческом присутствии.

Нормы ГАТС об организации, находящейся под контролем или принадлежащей иностранному лицу имеют тождество с институтом аффилированных лиц хозяйственного общества, известному гражданскому законодательству Беларуси. Но они отличны от норм ГАТС и не имеют своей целью применение их к институту коммерческого присутствия. Согласно подп. 2 «п» ст. XXVIII ГАТС, юридическое лицо является: i) «принадлежащим» лицам члена ВТО, если более чем 50 % доли участия в нем реально владеют лица этого члена; ii) «контролируемым» лицами члена ВТО, если такие лица имеют полномочия назначать большинство его директоров или иным образом законно направлять его деятельность; iii) «связанным» с другим лицом, если оно контролирует или контролируется таким другим лицом; или, если оно и другое лицо оба контролируются тем же лицом. К сожалению, эти нормы не прилучили закрепления во внешнеторговом законодательстве Беларуси, что не позволит обеспечить в полной мере с реализацию норм ГАТС на этапе вхождения Беларуси в ВТО.

В российском законодательстве предпринят иной подход в регламентации оказания внешнеторговых услуг посредством коммерческого присутствия, которое определяется как «...любая допускаемая законодательством ... форма организации предпринимательской и иной экономической деятельности ... в том числе путем ... участия в уставном (складочном) капитале юридического лица. Российское юридическое лицо, через которое осуществляется коммерческое присутствие, рассматривается как иностранный исполнитель услуг, если иностранное лицо (иностранное лицо) в силу преобладающего участия в уставном (складочном) капитале российского юридического лица, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые российским юридическим лицом» (абз. 14 ст. 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности») [4].

Таким образом, по законодательству РФ российская организация, принадлежащая или контролируемая иностранным физическим или юридическим лицом, признается иностранным исполнителем услуг. В российском законодательстве принято деление

участников внешней торговли на российских и иностранных лиц. Иностраный исполнитель услуг – иностранное лицо. Во внешнеторговом законодательстве Беларуси таких норм нет.

Открытое в Беларуси представительство коммерческой иностранной организации имеет ту же национальную принадлежность, что и организация-учредитель. Но деятельность представительства может осуществляться от имени и по поручению представляемой им иностранной организации исключительно в целях подготовительного и вспомогательного характера: по эффективному содействию реализации международных договоров Беларуси, изучению товарных рынков страны; изучению возможностей для осуществления инвестиций на территории Беларуси и др. [5]. Осуществление иной деятельности возможно лишь на основании соответствующего разрешения Министерства иностранных дел Беларуси по согласованию с заинтересованными государственными органами. По существу законодателем введена мера протекционистского характера, имеющая целью защиту национальных интересов от неблагоприятных внешних факторов.

С учетом вышеизложенного, подп. 1.13. п. 1. ст. 1 Закона от 25 ноября 2004 г. предлагается изложить в следующей редакции: «коммерческое присутствие – любая допускаемая законодательством Республики Беларусь, международным или иностранным правом форма организации внешнеторговой деятельности по оказанию услуг, принадлежащая нерезидентам Республики Беларусь и (или) контролируемая нерезидентами Республики Беларусь на территории Республики Беларусь, либо принадлежащая резидентам Республики Беларусь и (или) контролируемая резидентами Республики Беларусь на территории иностранного государства. Законом организации, оказывающей внешнеторговые услуги, посредством коммерческого присутствия считается право страны лица, к которой организация принадлежит и (или) которое осуществляет контроль за деятельностью организации;».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генеральное соглашение по торговле услугами: заключено в г. Марракеше 15 апр. 1994 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.
2. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 347-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 193. – 2/1096.
3. О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций: Указ Президента Респ. Беларусь, 27 марта 2008 г., № 178 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 80. – 1/9574.
4. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон, 8 дек. 2003 г., № 164-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.
5. Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 31 дек. 2013 г., № 1189 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2016.

М. В. ФРИЗЕН

Могилев, БИП - Институт правоведения, Могилевский филиал

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА

Международный арбитраж – один из старейших институтов международного права. Его становление и развитие неразрывно связаны с поисками правовых средств ограничения произвола и насилия в международных отношениях. Изначально на него возлагались две основные функции: предотвращать обращение к военной силе в целях урегулирования межгосударственных разногласий и обеспечивать их мирное и окончательное решение в соответствии с объективными критериями законности и справедливости.

Арбитражное разрешение межгосударственных споров берет начало в глубокой древности. Хотя на протяжении тысячелетий большинство международных споров разрешалось обычно силой оружия, государства Древнего Востока, античные государства Греции и Рима знали и применяли этот способ урегулирования разногласий.

История международного арбитража, как и история международного права в целом, началась с возникновения первых государственных образований. Как отмечал один из выдающихся русских исследователей этого института международного права, профессор Московского университета Л. А. Камаровский, «практику третейского разбирательства ... мы можем проследить до глубокой древности, когда едва начало слагаться само государство» [1, с. 667].

Интересный мифологический пример приводит американский юрист Дж. Ралстон, говоря о том, что «в древнегреческой мифологии есть упоминание арбитражного разрешения споров, например между Посейдоном (греческим богом моря) и Герой (греческой царицей богов) с помощью Инакуса (мифического царя Аргоса)» [2, с. 27].

Международный арбитраж – это разрешение спора между сторонами при непосредственном участии третьей стороны. Основное отличие арбитража от суда заключается в избрании судьи (арбитра) спорящими сторонами и в отсутствии для арбитража каких-либо процессуальных норм.

Основные вопросы, которые передавались государствами в третейские суды, это споры, относящиеся к территориальным правам и притязаниям на возмещение убытков различного рода. Так, например, в ст. 4 компромиссного договора 23 июля 1873 г. Франция и Англия передали в третейский суд рассмотрение исков об убытках, нанесенных английским торговым фирмам в связи с увеличением Францией таможенных сборов с минеральных масел английской продукции [3, с. 203].

Одним из основополагающих принципов международного коммерческого арбитража является принцип добровольности обращения к арбитражному разбирательству. Арбитраж может принять дело к своему производству только при наличии согласия сторон об этом. Соглашение, выражающее согласованную волю сторон о передаче спора между ними в арбитраж, называется арбитражным соглашением.

Основное значение арбитражного соглашения заключается в том, что именно оно наделяет международный коммерческий арбитраж компетенцией, то есть правомочием рассматривать спор, возникающий из правоотношений определенного вида. Следовательно, пределы возложенных на арбитраж полномочий (а именно, его

компетенция) определяются самими сторонами в споре путем заключения арбитражного соглашения. Арбитражное соглашение не только непосредственно наделяет компетенцией изолированный арбитраж, но и может ограничить общую компетенцию институционального арбитража, закрепленную в его статуте и регламенте. Это осуществимо путем отнесения к его компетенции лишь определенных категорий споров, связанных с конкретными видами правоотношений [4, с. 27].

Таким образом, **международный коммерческий арбитраж наделяется компетенцией в результате взаимоголасованного волеизъявления сторон международного коммерческого контракта, которое закреплено в арбитражном соглашении в виде арбитражной оговорки и арбитражного компромисса.** В юридической науке и законодательстве различают два вида некомпетентности государственного суда – абсолютную и относительную. Абсолютная некомпетентность означает, что в случае обращения в суд одной из спорящих сторон при наличии действительного арбитражного соглашения суд по своей инициативе должен признать себя некомпетентным и отказать в возбуждении гражданского судопроизводства по данному делу. На этой позиции стоит законодательство Китая, Венгрии, Чехии, Словакии и ряда других стран. Относительная некомпетентность предполагает, что в случае обращения в суд одной из спорящих сторон при наличии арбитражного соглашения суд признает себя некомпетентным только при заявлении отвода. Непредставление в суд возражений против судебного рассмотрения спора той стороной, к которой предъявлен иск в суде, расценивается как молчаливое признание компетенции государственного суда и отказ от заключенного ранее арбитражного соглашения.

В настоящее время ситуация в области признания и исполнения международных отношений изменяется. Эти изменения связаны с заключением новых двусторонних договоров о правовой помощи. Гораздо более быстрое благоприятное изменение ситуации возможно в связи с разработкой проекта многосторонней конвенции о юрисдикции и судебных решениях по гражданским и торговым делам, которая проводится в рамках Гаагской конференции по международному частному праву.

Международный коммерческий арбитраж относится к числу наиболее авторитетных и известных арбитражных органов во всем мире. Такое положение объясняется как продолжительной активной деятельностью этого арбитражного института и значительным количеством рассматриваемых им международных коммерческих споров, так и традиционно высоким профессионализмом их разрешения.

Необходимо верить, что реформирование системы гражданского правосудия не обделит вниманием такие важные ее составляющие как процедура рассмотрения спора и исполнительное производство, и Республика Беларусь войдет в число стран с эффективным рассмотрением и исполнением иностранных судебных и арбитражных решений. Процедура исполнения решения должна быть более четко регламентирована, менее формализованной и подвергаться большему контролю, как со стороны судебной власти конкретных государств, так и со стороны международных организаций.

Особую, даже можно сказать, главную роль в развитии механизма рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже должны сыграть сами участники внешнеэкономической деятельности. Пока они не осознают, что международный коммерческий арбитраж наиболее соответствует их интересам как способ рассмотрения внешнеэкономических споров, пока они не будут уважительно относиться к арбитражу, к партнерам, к своему обещанию, данному в арбитражном соглашении, все усилия

комиссий ООН, институциональных арбитражей, государства по развитию международного коммерческого арбитража не будут иметь результата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусин, В. А. Арбитражная оговорка во внешнеторговом контракте и проблема правопреемства / В. А. Мусин // Третейский суд. – 2012. – № 4.
2. Шихат, Ибрагим. Альтернативные методы разрешения споров / Ибрагим Шихат // Российская юстиция. – 2009. – № 3.
3. Кузнецов, В. И. Международное право : Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. – М. : Международные отношения, 2008. – 624с.
4. Костин, А. А. Некоторые проблемы международного арбитража / А. А. Костин // Третейский суд. – 2000. – № 3. – С.47-50.

Т. М. ХАЛЕЦКАЯ

Минск, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕДИАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

На международном уровне принципы медиации закреплены в Директиве 2008/52/ЕС Европейского Парламента и Совета от 21 мая 2008 г. «Относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах» (далее – Директива). В п. 8 преамбулы к Директиве указывается, что ее положения «должны касаться исключительно медиации в спорах международного характера, однако нет никаких препятствий для использования государствами-членами ЕС таких положений применительно к процессу медиации на национальном уровне».

В пункте 10 преамбулы к Директиве в качестве принципа медиации указана *добровольность*. Содержание этого принципа раскрыто в пункте 13 преамбулы: «стороны сами несут ответственность за проведение данной процедуры и могут организовывать ее в соответствии с собственными пожеланиями, а также прерывать ее в любой момент».

Согласно Рекомендации № R (98)1 Комитета министров государствам-членам «О семейной медиации», принятой Комитетом министров Европейского союза 21 января 1998 г. медиация «в принципе не должна быть обязательной», а медиатор, участвующий в урегулировании спора «не обладает полномочиями делать решения обязательными для сторон».

Консультативный совет европейских судей обсудил роль судьи в медиативных решениях, и в Директиве указал, что медиация в гражданском и административном процессах, прежде всего, может быть избрана по инициативе сторон или, в качестве альтернативного варианта, судье может быть предоставлено право рекомендовать сторонам обратиться к медиатору. Второй из указанных вариантов, по мнению Консультативного совета, имеет то преимущество, что он подталкивает к диалогу стороны, которые в принципе не стремятся к мирному урегулированию. На практике само существование подобной возможности может служить способом разрешения безвыходных ситуаций, возникающих в судебных спорах. Сторонам должно быть

также предоставлено право отказаться от обращения к медиации, этот отказ не должен ограничивать право сторон на рассмотрение их дела судом.

Рассматриваемый принцип нашел отражение в отечественном законодательстве, о чем свидетельствуют следующие положения:

– решение вопроса о проведении медиации зависит исключительно от наличия соглашения сторон, ни одна из сторон не может быть принуждена к медиации (п. 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 «О медиации» (далее – Закон о медиации));

– в пункте 5 Правил этики медиатора, утвержденных Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15 (далее – Правила этики медиатора) указано, что принцип добровольности заключается в праве медиатора, сторон (представителей сторон) отказаться от участия в медиации на любой стадии ее проведения;

– в соответствии с подпунктом 8.1 пункта 8 Правил проведения медиации, утвержденных Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 (далее – Правила проведения медиации) сторонам предоставлено право самостоятельно выбрать медиатора (медиаторов);

– на началах добровольности подлежит исполнению медиативное соглашение (п. 3 ст. 15 Закона о медиации, ч. 2 п. 5 Правил этики медиатора, подп. 10.6 п. 6 Правил проведения медиации).

Содержание пункта 23 и статьи 7 Директивы, а также пункта IV Рекомендации (2002)10 Комитета министров Совета Европы 18 сентября 2002 г. «По медиации в гражданских делах» (далее – Рекомендация (2002)10) позволяет говорить о закреплении в них принципа *конфиденциальности* медиации. В Директиве отмечена чрезвычайная важность конфиденциальности, в связи с чем, национальное законодательство должно гарантировать, что, если стороны не определяют иное, ни медиаторы, ни лица, участвующие в организации и проведении медиации, не будут привлекаться к даче показаний в гражданских и коммерческих судебных или арбитражных разбирательствах в отношении информации, полученной ими по ходу или в связи с проведением процесса медиации. Информация по процессу медиации не может быть использована впоследствии без согласия сторон или без применения требований национального законодательства. Оценивая содержание принципа конфиденциальности процедуры медиации Консультативный совет европейских судей в Заключении № 6 «По вопросу справедливого судебного разбирательства в разумный срок и роли судьи в судебном процессе с учетом альтернативных способов урегулирования споров» (далее – Заключение) указал, что в отношении гражданских, административных (п. 154), а также уголовных дел (п. 157) медиация безусловно должна быть конфиденциальной, поиск соглашения означает, что стороны должны иметь возможность обсудить с медиатором его возможные условия конфиденциально, без разглашения этой информации.

Благодаря закреплению в отечественном законодательстве принципа конфиденциальности медиации, участники медиации могут сохранить в тайне все сведения, полученные ими в ходе медиации. Содержание данного принципа раскрыто в статье 16 Закона о медиации, пунктах 10, 11 Правил этики медиатора. Суть данного принципа сводится к тому, что вся информация, относящаяся к медиации, не подлежит разглашению ни сторонами медиации, ни медиатором, если стороны не договорились об ином. Исключение из этого правила составляет информация о заключении соглашений о применении медиации и о прекращении медиации.

При этом медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без письменного согласия сторон, а в случае, если медиатор получил от одной из сторон информацию, относящуюся к медиации, он может раскрыть такую информацию другой стороне только с согласия стороны, предоставившей эту информацию.

Раскрывая содержание рассматриваемого принципа, Европейский парламент в статье 7 Директивы отметил, что государства должны гарантировать, что ни медиаторы, ни лица, участвующие в организации и проведении медиации, не будут привлекаться к даче показаний в гражданских и коммерческих судебных или арбитражных разбирательствах в отношении информации, полученной ими по ходу или в связи с проведением процесса медиации, если стороны не определяют иное. К сожалению, данная рекомендация не нашла отражения в национальном законодательстве.

Стороны, медиатор, а также другие лица, участвовавшие в проведении медиации, независимо от того, связаны ли судебное разбирательство, третейское разбирательство со спором, который являлся предметом медиации, не вправе ссылаться, если стороны не договорились об ином, в ходе судебного или третейского разбирательства на информацию, полученную в ходе медиации, о мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможного урегулирования спора, равно как и о готовности одной из сторон принять предложение другой стороны об урегулировании спора, заявлениях и признаниях, сделанных одной из сторон.

Пунктом 16 преамбулы и статьей 4 Директивы закреплён принцип *компетентности*, в соответствии с которым государства должны содействовать первоначальному обучению и повышению квалификации медиаторов с целью обеспечения проведения медиации эффективным, объективным и компетентным образом по отношению к сторонам. Кроме того, государства всеми средствами, которые они считают приемлемыми, должны содействовать внедрению эффективных механизмов контроля качества услуг медиации. Аналогичный принцип закреплён и в пункте V Рекомендации (2002)10: государства должны рассмотреть возможность реализации мероприятий по поощрению принятия соответствующих стандартов для отбора, определения ответственности, обучения и квалификации медиаторов, включая медиаторов, работающих с международными вопросами. В пункте 169 Заключения Консультативный совет европейских судей указывает на важность обучения медиации. Обращение к медиаторам или в организации, предоставляющие услуги по медиации допустимо при условии, что судебные органы осуществляют проверку компетенции этих медиаторов или частных образований, а также следят за их деятельностью и расходами.

Несмотря на то, что рассматриваемый принцип прямо не закреплён в белорусском законодательстве, тем не менее, отечественное законодательство предъявляет довольно жесткие требования к медиатору. Так, в статье 1 Закона о медиации определено, что медиатор – это физическое лицо, отвечающее требованиям Закона о медиации, участвующее в переговорах сторон в качестве незаинтересованного лица в целях содействия им в урегулировании спора (споров). Буквальное толкование указанного определения позволяет сделать вывод о том, что в Республике Беларусь не допускается проведение непрофессиональной медиации, поскольку для лица, участвующего в урегулировании спора, законодательно установлены определенные требования. Сами эти требования содержатся в статье 4 Закона о медиации. Так, медиатором может быть физическое лицо:

- имеющее высшее юридическое или иное высшее образование;
- прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством;
- получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации.

Пунктом 2 статьи 4 Закона о медиации установлены основания, препятствующие выполнению функций медиатора. В частности, медиатором не может быть физическое лицо:

- являющееся государственным служащим, в том числе осуществляющее полномочия судьи в суде, если иное не предусмотрено законодательными актами;
- признанное в установленном порядке недееспособным или ограниченно дееспособным;
- имеющее судимость;
- полномочия которого в качестве судьи суда, прокурорского работника, сотрудника Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, органов внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы, работника органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь, налоговых, таможенных органов, иного государственного служащего, нотариуса, частного нотариуса, адвоката были прекращены в порядке, установленном законодательными актами, по основаниям, связанным с совершением проступков, несовместимых с его профессиональной деятельностью, – в течение трех лет со дня принятия соответствующего решения, если иное не предусмотрено законодательными актами;
- в отношении которого принято решение о прекращении действия свидетельства медиатора в связи с нарушением Правил этики медиатора, утверждаемых Министерством юстиции Республики Беларусь. (Решение о прекращении действия свидетельства медиатора принимается Министерством юстиции Республики Беларусь в случае: подачи медиатором заявления о прекращении действия свидетельства медиатора; принятия решения Квалификационной комиссией по вопросам медиации о прекращении действия свидетельства медиатора).

Статьей 3 Директивы, а также пунктом 12 преамбулы к Директиве закреплён принцип *внесудебного характера* процедуры медиации: медиация должна проводиться судьей, не участвующим в каких-либо судебных процедурах в связи с соответствующим спором. На внесудебный характер медиации указано и в преамбуле Рекомендации (2002)10: ничто из того, что медиация может помочь разрешить в плане урегулирования споров, не вступает в конфликт с работой судов, и медиация не является заменой эффективной, справедливой и легкодоступной судебной системе. Согласно положениям Рекомендации (2002)10, даже если стороны пользуются медиацией, должен обеспечиваться доступ к судебным процедурам, так как они обеспечивают наивысшую гарантию защиты прав сторон.

На наличие принципа внесудебного характера медиации указывают и положения статьи 4 Директивы, предусматривающей что государства - члены ЕС должны всеми способами, которые они сочтут подходящими, содействовать и поощрять разработку и соблюдение добровольных кодексов поведения медиаторами и организациями, оказывающими услуги по медиации, а также иных эффективных механизмов контроля в сфере оказания медиативных услуг.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь медиация не является стадией судебного процесса урегулирования спора и может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде. Кроме того, в пункте 4 статьи 2 Закона о медиации указано, что действие Закона о медиации не распространяется на отношения, связанные с оказанием судьей содействия примирению сторон в ходе судебного разбирательства.

В числе принципов медиации пункт IV Рекомендации (2002)¹⁰ указывает также на принцип независимости и незаинтересованности медиатора, а также на необходимость обеспечения уважения принципа равных возможностей в процессе медиации. Медиатор, по смыслу указанного пункта Рекомендации (2002)¹⁰, не имеет права навязывать сторонам какое-либо решение.

Данные положения нашли отражение в закрепленных в белорусском законодательстве принципах беспристрастности и независимости медиатора, а также принципе равенства сторон медиации. Суть принципа беспристрастности раскрывается в пункте 6 Правил этики медиатора: медиатор не должен иметь корыстной или иной заинтересованности (прямой или косвенной) в исходе проведения медиации. Кроме того, медиатор должен предоставить каждой стороне возможность высказать свое мнение относительно причин возникновения спора и целей, которые стороны намерены достичь посредством проведения медиации. В развитие данного принципа в подпункте 12.5 Правил этики медиатора указывается, что медиатор не должен выражать каким-либо способом (словом, жестом, мимикой, эмоциональным состоянием) свое отношение к сторонам. Медиатор не должен вносить сторонам свои предложения об урегулировании спора, а также, если стороны не договорились об ином, выступать третейским судьей по спору, который являлся или является предметом медиации. Он не может давать заключение о перспективе разрешения конкретного спора в судебном порядке, а также высказывать по своей инициативе сторонам конкретные предложения по выходу из сложившейся спорной ситуации. Обязанностью медиатора является заявить сторонам об обстоятельствах, препятствующих осуществлению им своих функций. Принцип независимости заключается в недопустимости вмешательства в деятельность медиатора, оказания морально-психологического и иного давления со стороны кого бы то ни было. Данный принцип нашел свое отражение и в закрепленном процессуальным законодательством свидетельском иммунитете медиатора. Так, в соответствии с частью 7 статьи 72 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь медиаторы не могут свидетельствовать в отношении фактов, которые стали им известны в связи с участием в медиации, за исключением случаев, когда стороны дали на это свое письменное согласие. Аналогичное положение закреплено в статье 92 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь: медиаторы не могут выступать свидетелями относительно обстоятельств, которые им стали известны в связи с исполнением обязанностей медиатора. Суть же принципа равноправия сторон сводится к тому, что стороны в медиации наделены равным объемом прав и обязанностей и каждая из сторон вправе высказывать мнения, предлагать варианты разрешения конфликта, делать заявления, представлять документы, относящиеся к спору. В пункте 9 Правил этики медиатора суть указанного принципа сводится к обязанности медиатора обеспечить равное участие сторон в проведении медиации; медиатор своими действиями не должен ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права и законные интересы одной из сторон.

В пункте IV Рекомендации (2002)¹⁰ установлено, что процесс медиации должен обеспечивать предоставление сторонам достаточного количества времени для рассмотрения вопросов, представляющих предмет спора и возможностей разрешения спора любым иным способом. Белорусский законодатель позволяет сторонам медиации самостоятельно определять срок ее проведения. При этом максимальный срок проведения медиации не может превышать шести месяцев со дня заключения соглашения о применении медиации (п. 4 ст. 13 Закона о медиации; п. 5 главы 1 Правил проведения медиации).

Таким образом, можно констатировать, что в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем процедуру урегулирования споров посредством медиации, нашли отражение принципы медиации, закрепленные в международных документах. Однако считаем, что в развитие принципа конфиденциальности медиации в процессуальных кодексах Республики Беларусь необходимо закрепить норму, в соответствии с которой, информация, полученная в ходе проведения медиации, не может использоваться сторонами в качестве доказательств в возможном судебном заседании по данному делу в случае, когда сторонами не было достигнуто соглашение об урегулировании спора.

Н. С. ЧУБКОВА

Могилев, БИП–Институт правоведения, Могилевский филиал

ПРОБЛЕМА ЮРИСДИКЦИОННЫХ ИММУНИТЕТОВ ГОСУДАРСТВА

Государства издавна участвовали в международных торговых, культурных и иных связях. Во времена средневековья осуществление государством контактов с другими суверена опосредствовалось связями между монархами и персонифицировалась последними. Первоначально понятие иммунитета означало изъятие от податей и повинностей, даруемое отдельным лицам и сословиям, иногда целым общинам. С начала средних веков иммунитет применялся к владениям как короля, так и других привилегированных лиц, особенно духовенства. Римский император Гонорий положил начало пониманию иммунитета как слияния привилегии и освобождения от общей юрисдикции, предоставляемому духовенству.

Наиболее емко и сжато характеристика правового содержания иммунитета выражена в известных еще со времен римского права юридических максимах: «*par in parem non habet imperium*» («равный над равными власти не имеет»), «*par in parem non habet potestas*» («равный по отношению к равному полномочий не имеет»), «*par in parem non habet jurisdictionem*» («равный над равным не имеет юрисдикции»).

Слово «иммунитет» происходит от латинского *immunitas (immunitatis)* – освобождение, избавление от чего-либо. Иммунитет иностранного государства заключается в освобождении (неподчинении) этого государства власти другого государства, его юрисдикции. Именно поэтому иммунитет нередко называют юрисдикционным иммунитетом.

Государство может выступать во внешней сфере в различных категориях отношений. Во-первых, его партнерами могут быть другие государства или международные организации. Они могут заключать международные договоры о предоставлении и получении займов, уступке территории, организации сотрудничества в конкретных областях, заключать военные и политические союзы и др.

Во-вторых, государство может вступать в разнообразные имущественные отношения с иностранными юридическими и физическими лицами (например, приобретать участки земли для расширения территории посольства или миссии, сдавать в концессию участки недр для разработки полезных ископаемых на своей территории, сдавать в аренду принадлежащие ему здания и сооружения, находящиеся как в собственной стране, так и на территории иностранного государства, приобретать и отчуждать принадлежащее ему имущество, заказывать работы, товары и услуги и т. п. Во всех этих случаях государство участвует в таких отношениях, в которых могли бы действовать и любые другие субъекты гражданского или торгового права

Важно подчеркнуть, что и в первом и во втором варианте государство действует не в качестве двух лиц «казны» (фиска) – субъекта власти и «купца» – субъекта гражданско-правовых отношений, а в качестве суверена. Иммунитет государства следует отличать от консульских и дипломатических иммунитетов, которые предоставляются как привилегии особым категориям представляющих государство лиц в целях облегчения осуществления ими своих функций на основе норм дипломатического и консульского права. Так, консульские конвенции, заключаемые государствами в целях урегулирования взаимных отношений по обмену консульскими учреждениями и осуществлению ими своих функций, особо оговаривают, как правило, предоставление, пользование и отказ в надлежащих случаях консульских представителей от иммунитета.

Для понимания иммунитета большое значение имеет его правовое обоснование, его правовая природа. На первом этапе становления этого института суды обосновывали право иностранного государства на иммунитет международной вежливостью – *comitas gentium*. Но уже в начале XIX века американские суды рассматривали иммунитет иностранного государства как сложившийся международно-правовой обычай. Причем, исходила ли практика из вежливости или из международно-правового обычая, с самого начала существующей судебной практики независимость, суверенитет государства служили главным обоснованием иммунитета.

Для определения сферы действия государственного иммунитета необходимо определить, что понимается под «государством» для целей иммунитета. Понятие «государства» для целей иммунитета означает:

- 1) государство и его органы управления;
- 2) учреждения и иные образования в той мере, в какой мере они правомочны действовать в осуществлении государственной власти; представители государства, действующие в этом качестве;
- 3) составные части федеративного государства и политические подразделения унитарного государства, которые правомочны предпринимать действия в осуществлении государственной власти.

Из этого видно, что иммунитет распространяется на государство в целом и на его правительственные органы. Это же относится к иным учреждениям, но только в той мере, в какой они правомочны осуществлять государственную власть. На официальных представителей государства иммунитет распространяется, если они действуют в этом качестве [2, с. 76].

Иммунитет государства от юрисдикции иностранного государства состоит из нескольких элементов:

- 1) судебный иммунитет;
- 2) иммунитет от применения мер по предварительному обеспечению иска;

3) иммунитет по принудительному исполнению судебного (арбитражного) решения.

Судебный иммунитет – юрисдикционный иммунитет в узком смысле слова как неподсудность государства суду иностранного государства. Согласно судебному иммунитету ни один иностранный суд не вправе принудительно осуществить свою юрисдикцию по отношению к другому государству, иначе говоря, не вправе привлечь иностранное государство в качестве ответчика. В то же время, если государство обращается с иском в иностранный суд для защиты своих прав, то ни один иностранный суд не вправе отказать ему в юрисдикции. Такой отказ был бы нарушением суверенных прав государства. Государство может выступить и ответчиком в иностранном суде, но при добровольном согласии. Кстати, это не означает отсутствия правосудия. Заинтересованные лица могут беспрепятственно обратиться с требованиями к государству в суды и другие правоприменительные органы этого государства. Как уже говорилось, в таком случае вопрос об иммунитете не возникает. И наконец, можно обратиться к своему правительству для воздействия на иностранное государство по дипломатическим каналам [1, с. 199].

Меры по предварительному обеспечению иска – согласно иммунитету суд, рассматривающий частноправовой спор с участием иностранного государства, не вправе применять любые меры по предварительному обеспечению иска, так как такие меры носят принудительный характер. Часто меры по обеспечению иска рассматриваются и принимаются судом, еще до возбуждения и слушания дела с участием государства. В любом случае, если такие меры касаются государства и его собственности (арест государственных счетов в иностранных банках, опись имущества, ограничение права государства пользоваться своим имуществом и пр.), то с точки зрения иммунитета они не допустимы.

Меры по принудительному исполнению иностранного судебного (арбитражного) решения – в отношении государства и его собственности не могут быть приняты какие-либо принудительные меры по исполнению иностранного судебного (арбитражного) решения любыми органами этого и любого другого иностранного государства. Даже, если государство добровольно приняло участие в иностранном судебном процессе, решение может быть выполнено им только добровольно. Иммунитет включает право государства на неприменение к нему принудительных мер по исполнению решения.

Таким образом, рассмотренные выше отдельные элементы иммунитета взаимосвязаны и вместе составляют содержание иммунитета государства в частноправовой сфере. Вместе с тем, иммунитет государства – это его «право», вытекающее из суверенитета, но не «обязанность». Поэтому ничто не мешает государству отказаться от него. Государство вправе отказаться от иммунитета как в целом, так и от какого-либо его элемента. И государства достаточно часто это делают. Чтобы упростить свое сотрудничество с иностранными гражданами и юридическими лицами, отказываются от своего иммунитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ламинцев, А. А. Международное частное право : Учебное пособие / А. А. Ламинцев. – М. : ТК Велби, 2004. – 224с.
2. Попов, Е. В. Эволюция форм разрешения международных инвестиционных споров / Е. В. Попов // Юрист. – 2010. – С. 74–77.

Т. З. ШАЛАЕВА

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент

И. П. ПАШКЕВИЧ

Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

**СВОБОДА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ТОВАРОВ В РАМКАХ ОБЩЕГО РЫНКА
ЕАЭС: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ**

С 1 января 2015 г. на территории постсоветского пространства начал функционировать Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз). Усилиями пяти государств от единого экономического пространства совершен переход к экономическому союзу, который в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор) имеет более чёткие очертания, нежели предшествующая ему форма экономической интеграции. ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. В рамках Союза созданы условия для обеспечения четырех свобод (свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы), проведения скоординированной, согласованной или единой политики в ключевых отраслях экономики. Договор предусматривает, что в ряде наиболее чувствительных отраслей экономики формирование общего рынка ЕАЭС будет осуществляться поэтапно. В частности, общие рынки нефти, нефтепродуктов и газа в рамках ЕАЭС начнут функционировать не позднее 2025 г., общий рынок электроэнергетики – к 2019 г., лекарств и медицинских изделий – к 2017 г. Договор, как отмечалось выше, предусматривает наличие четырех свобод: свобода движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Принцип свободы перемещения товаров нашел свое подтверждение на жизнеспособность и в Соглашении о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 г. Так, в статье 4 закреплено, что стороны будут двигаться к «равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству народов и государств в области... экономики», а в дальнейшем было заключено Соглашение стран СНГ 1994 г. о создании зоны свободной торговли.

Многие специалисты-практики, теоретики права считают, что свобода перемещения товаров на общем рынке союзов состоит, как минимум, из четырех элементов:

Во-первых, наличие единого таможенного тарифа для всех государств-членов союза;

Во-вторых, запрет количественных ограничений на импорт и экспорт товаров в торговле между государствами-членами;

В-третьих, запрет внутренних таможенных пошлин на импорт и экспорт между государствами-членами и равнозначные сборы;

В-четвертых, запрет на дискриминационное налогообложение внутри стран.

Наличие гармонизированного наднационального законодательства в сфере правового регулирования отношений, складывающихся при перемещении товаров в рамках общего рынка интеграционного союза государств, регламентирующего принцип «свободы перемещения товаров», как важнейшего элемента системы правовых средств, требует своего совершенствования и современного развития.

Из самого общего понимания категории «правовое средство» как правового явления, выделяем два взаимосвязанных и взаимодействующих юридических блока: средства-установления и средства-деяния. Иначе говоря, средство-установление – это закрепленная в законе и ином правовом акте возможность, а средство-деяние – это реализация возможности. Опираясь на исследования действующего массива правовых средств ЕАЭС, обозначим, что в правовом механизме обеспечения свободы передвижения товаров под средствами-установлениями понимается юридический инструментарий, закрепленный в национальных нормативных правовых актах государств-членов и наднациональных актах ЕАЭС; а под средствами-деяниями – реализация как национальных, так и наднациональных средств-установлений.

Итак, в действующих нормах права ЕАЭС, регулирующих отношения по свободному перемещению товаров в условиях общего рынка можно выделить основополагающие наднациональные (международные) нормативные акты, как: Декларация о Евразийской экономической интеграции (Принята в г. Москве 18.11.2011); Договор о Евразийском экономическом союзе (вместе с Приложениями 1–33) (ред. от 08.05.2015) (Подписан в г. Астане 29.05.2014); Решение Комиссии Таможенного союза от 27.11.2009 № 130 (ред. от 15.11.2016) «О едином таможенно-тарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации»; Решение Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа Таможенного союза) от 27.11.2009 № 18 (ред. от 08.05.2015) «О едином таможенно-тарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации»; Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 (ред. от 09.08.2016) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» (с изм. и доп., вступившими в силу с 31.12.2016); Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 30 (ред. от 15.11.2016) «О мерах нетарифного регулирования» вместе с положениями (Принято в г. Москве 21.04.2015) и др.

Тема статьи требует научного исследования и обзора активно развивающейся системы правовых средств в условиях интеграции государств, способной обеспечить эффективную реализацию принципа свободы при перемещении товаров на едином рынке ЕАЭС.

В современном мире, как отмечает К. Энтин, известно как минимум два вида интеграции. Первая – «позитивная интеграция», заключается в постепенной гармонизации законодательства государств-членов. Второй тип интеграции именуется «негативной интеграцией» и подразумевает устранение физических, налоговых, и, самое главное, регуляторных барьеров, препятствующих свободному движению товаров внутри экономического союза [1, с. 124]. Анализируя формирование и развитие наднационального, суть международного массива норм, направленных на развитие единого товарного рынка ЕАЭС, приходим к выводу о тенденциях постепенной гармонизации национальных законодательств в данной сфере, разработке и принятии правовых норм, устраняющих административные, налоговые, таможенные и др. барьеры на пути свободного передвижения товаров. Данный факт свидетельствует, пользуясь терминологией К. Энтина, о комбинированном типе интеграции государств в рамках ЕАЭС, направленной на гармонизацию с последующей унификацией национальных законодательств в данной сфере отношений, а также проведение

скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Опираясь на современные знания о системе правовых средств, целесообразно дать их видовую классификацию в целях оптимального обеспечения свободы перемещения товаров на общем рынке ЕАЭС. Классифицировать правовые средства можно по различным основаниям. В зависимости от степени сложности их подразделяют на первичные (элементарные) и комплексные (составные). Если к первым относятся простейшие и неделимые предписания – субъективные права и юридические обязанности, поощрения и наказания, льготы и запреты и т.п., то ко вторым – комбинированные, состоящие из простейших, – договор, норма, институт, правовой режим и пр. По выполняемой роли правовые средства делятся на регулятивные (дозволения) и охранительные (меры защиты); по предмету правового регулирования – на конституционные, административные, гражданские, уголовные и др.; по характеру – на материально-правовые (рекомендации) и процессуальные (иск); по значимости последствий – на обычные (штраф) и исключительные (смертная казнь); по времени действия – на постоянные (гражданство) и временные (премия); по виду правового регулирования – на нормативные (установленные в нормах права) и индивидуальные (акт применения права, акт реализации прав и обязанностей); по информационно-психологической направленности – на стимулирующие (льготы) и ограничивающие (приостановления) и т.д.

Важнейшая функция правовых средств – достижение ими целей правового регулирования, а именно правомерного перемещения товаров на общем рынке ЕАЭС в соответствии с установленным принципом свободы. Действенность проявляется в том, что своей «работой» данные средства обеспечивают беспрепятственное движение интересов субъектов к ценностям, гарантируют их законное и справедливое удовлетворение, что отражает роль юридических инструментов и технологии в общей системе правовых факторов.

Функцией юридических средств выступает и то, что они вносят цивилизованность в существующие общественные отношения, предлагая вместо незаконных и стихийных правовые механизмы решения возникающих проблем, связанных с перемещением товаров в рамках общего рынка.

Правовые способы устранения конфликтов, возникающих между субъектами различной государственной принадлежности по свободному перемещению товаров на рынке ЕАЭС, правовую регламентацию преодоления стоящих препятствий на пути удовлетворения интересов по свободному перемещению товаров следует рассматривать как неотъемлемые элементы системы таких правовых средств.

Систематизация правовых средств, таким образом, будет информировать ЕАЭС и других участников торгового товарооборота о степени цивилизованности регулируемых правоотношений, выступая показателем правовых возможностей и уровня правового развития, свидетельствовать о востребованности правовой формы в упорядоченности свободных торговых и иных связей (содержания), о конкурентоспособности правовых ценностей с ценностями, с одной стороны, внеправовыми (моральными, политическими, организационными и т.п.), а с другой, противоправными.

Выводы: таким образом, систематизация правовых средств в юридической регламентации обеспечения свободы передвижения товаров в рамках общего рынка ЕАЭС позволит инвентаризировать нормы права и акты их реализации, как двух

составляющих единого целого, а именно правового регулирования отношений в сфере свободного перемещения товаров на территории ЕАЭС.

Исследование проблем систематизации правовых средств сделает возможным определение эффективности данного регулирования, посредством изучения как норм права (выявить, например, пробельность или излишне затруднительные для реализации положения), так и актов реализации (их адекватность, своевременность и т.д.).

Важнейшим является, по мнению автора, определение пределов (детерминации) предмета регулирования отношений, связанных со свободным перемещением товаров, что даст толчок к инвентаризации, тематической инкорпорации, и систематизации на основе научной классификации правовых средств, совершенствованию устаревших, либо несоответствующих норм и разработке новых недостающих правил.

Особое внимание следует уделить целенаправленной деятельности по разработке, уточнению, гармонизации в рамках союзнических отношений понятийно-категориальных, терминологических основополагающих понятий в сфере единого товарного рынка на основе соблюдения требований юридической техники и установленных принципах функционирования союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энтин, К. Свободное движение товаров в практике Суда ЕС в практике Суда ЕС // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Чмыга О.В. *Приветственное слово участникам конференции и читателям* 3

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Андрияшко М.В. Концептуальные ориентиры национальных демографических интересов Республики Беларусь в аспекте укрепления семьи	4
Абдурахманов А.А. О некоторых направлениях административно-правового обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь	9
Апаров А.Н., Онищенко О.Н. К вопросу применения норм гражданского права и гражданского законодательства к урегулированию хозяйственных отношений в Украине	13
Бурдин М.Ю. Непрерывность правового регулирования как условие его эффективности.....	19
Забейворота А.И. Правовая природа Шанхайской организации сотрудничества	22
Россихина Г.В. Теоретические вопросы актов применения норм финансового права..	25
Россихин В.В. Идейные аспекты уголовно-правовой доктрины на начальном этапе становления государственности Украины.....	30
Чулков Д.И. Проблемные вопросы практики применения ч. 12 ст. 290 УПК Украины при открытии материалов уголовного производства после окончания досудебного расследования и признания видеоматериалов недопустимым доказательством.....	35
Шалаева Т.З. Информационные ресурсы государственной системы научно-технической информации.....	37

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Вергейчик А.А. Лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов в Республике Беларусь.....	42
Вишневская И.А. Проблемы законодательной политики в Республике Беларусь	45
Ганзенко А.А. Категория «правовые средства» в теории государства и права	47
Глебоко И.А., Мариков О.П. К вопросу о правовой ответственности государства	49
Григорович Е.В. Правовое положение судов общей юрисдикции: современное состояние и перспективы развития	51
Загорнов А.А. раскрытие роли судов в преподавании истории государства и права Беларуси	54
Златан С.В. О некоторых аспектах качества современного правотворчества	56
Лагун Д.А. Проблематика способов прекращения действия нормативных правовых актов.....	60
Озимко К.Д. Скрытая манипуляция сознанием через средства массовой информации как угроза национальной безопасности Республики Беларусь	64

Пожарная О.В. Институт освобождения от ответственности за неисполнение договорных обязательств вследствие действия непреодолимой силы в римском праве и его интерпретация в законодательстве Российской империи XIX века	67
Попко Е.А. Правовой статус личности как юридическая форма и мера социальной свободы	69
Пухова О.М. Правовой анализ целесообразности внедрения ювенальной юстиции в Республике Беларусь.....	71
Рудис А.С. О реализации информационной функции экологического контроля.....	74
Савич Ю.Ю., Лагуновская Е.А. Проблемы регулирования общественных отношений в контексте исследований Р. Дарендорфа.....	76
Сацута К.А. Проблемы иерархии нормативных правовых актов в Республике Беларусь.....	79
Свиб А.Ф. Русская община Могилева: история и истоки	82
Середа А.Н. Принципы уголовного процесса в княжеский период.....	87
Середа А.С. Особенности аграрной реформы 1861 г. на примере крестьян-коморников.....	89
Тюрина О.В. Сравнительно-правовые исследования как методологический инструментарий повышения эффективности правового регулирования	91
Удовика Л.Г. Тенденции и перспективы развития украинского права в условиях глобализации.....	94
Хангылыджова А.Х., Загорнов А.А. Конституционное закрепление законодательной власти в БССР и Туркменской ССР: сравнительный анализ.....	97
Шафалович А.А. Оценка регулятивного потенциала права: монизм и плюрализм....	100
Шафалович А.А. Проблемы и подходы изучения процесса возникновения права.....	103
Юрчик В.Ю. Консолидация как особый вид систематизации.....	107

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Антонова О.А. Некоторые аспекты формирования избирательных комиссий по законодательству Республики Беларусь	111
Астапенко В.О. Право на свободу передвижения несовершеннолетних граждан Республики Беларусь	114
Бранцевич Е.П. К вопросу о правовом статусе граждан Украины на территории Беларуси	116
Валюхневич М.П. Конституционная юстиция в зарубежных странах	119
Гапоненко М.А. К вопросу о применении в белорусском законодательстве дефиниций, определяющих статус несовершеннолетних лиц.....	122
Демидчик Е.Э., Пухова О.М. Расхождения в понимании терминов «депортация» и «выдворение» в Российской Федерации и Республике Беларусь	125
Игнатенко А.С. Конституционно-правовой статус военнослужащих органов государственной безопасности	128
Карпович К.С. Понятие вопросов местного значения.....	131
Квакучо В.А. К вопросу совершенствования законодательства о статусе военнослужащих в Республике Беларусь	134
Киселёва Т.М. Конституционная обязанность беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности: правовое регулирование и вопросы реализации	137

Кононов Э.В. Конституционные обязанности граждан	140
Кравченко Т.П. История становления органов исполнительной власти Республики Беларусь	142
Крамар А.А. Некоторые правовые и морально-этические вопросы защиты репродуктивных прав граждан, связанных с использованием суррогатного материнства	145
Куксич О.С. Правовые основы права граждан на информацию в Республике Беларусь	147
Левская Л.А. Подкуп как противозаконное средство борьбы за голоса избирателей. 149	
Мордань А.А. Местное самоуправление в Республике Беларусь	153
Миляшкевич А.С., Мельниченко Е.В. Право на труд в свете законодательства Республики Беларусь о борьбе с коррупцией.....	155
Можаева Л.Е., Макурина В.Л. Политика подоходного налогообложения физических лиц как инструмент социального государства	158
Павлюк Д.В. Институт двойного гражданства по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации	161
Пивунова М.И. Конституционные основы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.....	164
Прончатов Д.С. Формирование правового положения иностранных граждан: историко-теоретический аспект.....	166
Радькова Н.О., Можаева Л.Е. К вопросу об ограничении прав лиц, страдающих игровой зависимостью	168
Савкин О.М. Правовая основа и особенности реализации права на образование в Республике Беларусь.....	172
Селюкова А.Г. Соотношение права на жизнь и эвтаназии.....	176
Снитко А.Г. Конституционные основы прокурорского надзора на стадии предварительного расследования в Республике Беларусь	178
Старикова Е.В. Некоторые аспекты правовой основы взаимодействия государства и молодежи в Республике Беларусь	181
Фадеева К.В. Государственная поддержка молодёжных общественных объединений в Республике Беларусь.....	184
Чередниченко А.Д. Правовое регулирование защиты животных: изучая опыт Федеративной Республики Германии	186
Цюга С.А., Ходан Е.С. Роль средств массовой информации в избирательном процессе	189
Шишкин А.А. Прямая демократия в Республике Беларусь: конституционно-правовой аспект.....	192

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ, АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И ТАМОЖЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Баранов С.О. Проблемы противодействия коррупции в таможенных органах государственной фискальной службы Украины.....	196
Баурина И.В. Правовое регулирование электронного декларирования.....	201
Богатко О.А. Особенности административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства.....	205

Бойко О.А. Дисциплинарная ответственность государственных служащих в Республике Беларусь.....	206
Войтова М.А. Актуальные вопросы незаконного усыновления	208
Володько П.А., Береговцова Д.С. Прокурорский надзор как способ обеспечения законности в области административного права в Республике Беларусь	211
Гурина О.В. О некоторых направлениях совершенствования административного энергетического надзора.....	214
Дудчик А.И. Правовое регулирование деятельности по профилактике административных правонарушений в Республике Беларусь	219
Емельянова А.М. Административная ответственность за использование нацистской символики и атрибутики (на примере Республики Беларусь и Российской Федерации)	222
Жигунова В.В., Внученкова А.Ю. Особенности административной процедуры регистрации перемены фамилии, собственного имени, отчества	225
Ильющенко А.А. К вопросу об административной ответственности за нарушение законодательства о рекламе	228
Карпик И.С. Некоторые вопросы административной ответственности за правонарушения в области таможенного дела.....	231
Климашевская В.О. Пути совершенствования законодательства Республики Беларусь об административных процедурах	233
Клыш А.Г. Об обращении прокурора в экономический суд в целях защиты государственных и общественных интересов	236
Коваль А.И. Некоторые вопросы регулирования административной ответственности за правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта	239
Кунаховец Я.И. Применение мер административной ответственности за нарушение в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.....	244
Луцевич Ж.А. О некоторых перспективах реформирования системы таможенных органов Республики Беларусь.....	248
Максимук О.А. Исправительные работы как вид административного взыскания.....	249
Малайчик А.В., Сливко О.Я. Правовое регулирование обязанностей государственного служащего в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах	252
Манец В.Э, Полуян Д.О. Квалификация мелкого хищения по законодательству Республики Беларусь	255
Михальчук Ю.С., Кузич Ю.М. Кодекс этики как источник правового регулирования государственной службы.....	259
Павлющик С.В. Особенности правовых отношений организации военной службы как вида государственной службы	262
Предкова Е.В. Меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, принимаемые таможенными органами Республики Беларусь	265
Пухтецкая А.А. Значение принципов административного права для реализации и защиты прав граждан в сфере исполнительной власти	267
Расич А.Н. Понятие, сущность и субъекты исполнения воинской обязанности.....	270
Речиц Е.В. О некоторых аспектах правового регулирования государственного управления в области охраны водно-болотных угодий	272
Савец И.В. Правовое регулирование контроля (надзора) в сфере осуществления закупок товаров (работ, услуг).....	275

Сенькова Т.В. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс	278
Сикор О.С. Особенности производства по делам об административных правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними	281
Сильченко Т.В. Государственная служба в правоохранительных органах Республики Беларусь	284
Тарский А.А. Кинологическая служба в системе таможенных органов Республики Беларусь: историко-правовой и теоретико-правовой аспекты	286
Телеш В.А., Сливко О.Я. Вопросы квалификации управления транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки.....	289
Усова Е.И., Караваева Е.М. Доказательства в административном процессе	291
Ходжаева В.А. Актуальные проблемы дисциплинарной ответственности государственных служащих в Республике Беларусь и пути их разрешения	294
Чешко В.Ю. Об уровнях принципов дисциплинарной ответственности военнослужащих	297
Шаш В.И., Янчук И.А. Новеллы в административно-деликтном праве Республики Беларусь	300
Шукало С.А. Коллизия законодательства в сфере проведения таможенной процедуры выпуска товара для внутреннего потребления.....	303
Ярошук А.А. Некоторые вопросы классификации мер административного принуждения.....	305

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Антонович Д.Н. Криминологическая характеристика личности осужденного, в отношении которого устанавливается превентивный надзор	311
Блошук Т.Н. Реализация конституционного права на профессиональную юридическую помощь в уголовном процессе Республики Беларусь	313
Болмотов С.Н. Правовая регламентация заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	315
Галибус Е.Н. Судебно–психологическая экспертиза	319
Глухова О.В. Понятие «правосудие» в определении объектов преступлений и административных правонарушений	324
Григенча С.С. Уголовно-правовая характеристика оскорбления.....	327
Зинович А.В., Глухова О.В. Наказуемость уклонения родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении	330
Ивинская Д.С. Регулирование механизма общественного воздействия как средства исправления осужденных в Исправительно-трудовом кодексе 1971 года.....	332
Кальпинская О.Е. Основные направления противодействия взяточничеству	334
Макрушина А.В. Уголовная ответственность государственных служащих	337
Петречук Е.М. О способах преступного уклонения от уплаты сумм налогов и сборов (ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь).....	340
Прокопик Ю.П. Наркоконтрабанда в Республике Беларусь.....	343

Прокопович Д.С. Перспективы использования судебного прецедента в Республике Беларусь	346
Резюк В.И. Бюджетные правоотношения: криминологический аспект	348
Скалкович М.А. Пределы полномочий суда апелляционной инстанции в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ.....	351
Сурженко Ю.А. О развитии режима в исправительных учреждениях республики беларусь и средствах его обеспечения в период со второй половины 1-го тысячелетия до конца XVIII века.....	354
Храмов С.М. Уголовно-правовые последствия ошибок, допущенных при задержании лица, совершившего преступление	359
Чаплыгина О.А. Эволюция системы преступлений против государства в уголовном законодательстве Республики Беларусь	363
Чембрович В.А. Субъективные признаки преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств	365
Шабаль В.С. О вопросах правового обеспечения труда как средства исправления осужденных к лишению свободы	367
Шерайзина Л.О. Охрана тайны суррогатного материнства в Республике Беларусь... 369	
Шипук С.Н. О введении режима особого положения в исправительных учреждениях.....	371

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НОРМАМИ ГРАЖДАНСКОГО, СЕМЕЙНОГО, ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Авдеева Т.В. К вопросу о самостоятельности права кредитора требовать уплаты неустойки	375
Анциферова Э.Ю. Действие принципов добросовестности и разумности в современном гражданском праве	378
Барташ К.В. Сравнительный анализ основных положений института недвижимости в Республике Беларусь и Германии.....	380
Богданова К.В. Актуальные проблемы брачного договора	382
Брайчук Л.М., Попека В.Н. Проблема дискриминации работников в контексте трудового законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	385
Веселкова Е.Г. Публичное образование как субъект гражданского права.....	388
Войтова М.А. Актуальные вопросы незаконного усыновления	393
Воробель У.Б. Возвращение судебного сбора в связи с прекращением апелляционного производства по гражданско-процессуальному законодательству Украины	396
Грунтов С.О. Предпосылки становления и развития института акционерных соглашений в Республике Беларусь	400
Дутко А.А. Сравнительная характеристика института брака по законодательству Украины и Республики Беларусь.....	403
Козикова И.А. Ограничение договорной свободы при заключении публичных договоров	405
Колесова-Гудилина М.А. Срок правовой охраны фотографических произведений .. 408	
Макаревич И.И. Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Реларусь: проблемы судебного разрешения дел в области интеллектуальной собственности.....	410

Матвеева Е.А. Гражданская правосубъектность как элемент государственно-правового статуса гражданина в Республике Беларусь	412
Мещанова М.В. Содержание концепции характерного исполнения и ее место в системе коллизионного регулирования договорных обязательств	414
Навроцкая Ю.В. Современное состояние медиативных примирительных процедур в Украине	417
Наруцкая Н.В. Араво собственности на жилые помещения: отдельные вопросы правового регулирования и реализации	422
Никитина Х.Е. Система жилищных строительных сбережений как альтернатива льготному кредитованию в сфере жилищной политики Республики Беларусь	424
Пимашкин Д.С. Строительная адьюдикация как альтернативный способ разрешения строительных споров	426
Попова И.В. Виды договоров найма жилого помещения	428
Попова П.С. Предмет виндикации в материальном и процессуальном праве	432
Протасовицкий С.П. К вопросу о понятии услуг в гражданском праве	434
Русенчик Т.М. Актуальные проблемы в сфере регулирования личных неимущественных правоотношений родителей и детей	436
Салей Е.А. Отказ от права собственности и отчуждение имущества: вопросы соотношения	439
Свирида А.И. Проблемы судебного разрешения дел о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, признанного банкротом	442
Фадеева К.В., Неёлова А.И. Электронное правосудие в Республике Беларусь	444
Червякова Т.А. Особенности лицензирования банковской деятельности в Республике Беларусь	446
Шерзад Э.Н. Дополнительное основание ограничения дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет: ограничение права самостоятельно распоряжаться своими доходами	448
Шутов И.П. Суд по интеллектуальным правам в Российской Федерации: основы правового статуса	451
Щемелева И.Н. Проблемы правовой регламентации прав и обязанностей сторон договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда	457
Щербакова Д.А. Проблемы регулирования гражданско-правовых отношений в спортивном законодательстве Республики Беларусь	461
Янчицкий В.В. Актуальные проблемы расторжения брака	462

МЕЖДУНАРОДНО–ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Болдуева А.Д. Понятие и правила определения международной подсудности	466
Бондаренко К.Г. Ретроспективный анализ и современные подходы к определению международного терроризма	469
Веремеева М.В., Силивончик А.Г. Сравнительный анализ принципов международных коммерческих договоров (УНИДРУА) и принципов европейского договорного права (Принципы Ландо)	471
Вильковский Е.Л. Евразийский экономический союз: этапы становления и перспективы развития	474
Головач В.И., Цюга С.А. Система международного права	477

Граб М.С. История и перспективы развития института признания государств в международном праве.....	480
Григорович Е.В., Пуховская О.М. Тенденция и проблемы сотрудничества между ЕС и НАТО.....	483
Диковицкая Д.В., Селюжицкая Е.Д. Международные аспекты правового регулирования автомобильных перевозок грузов в Республике Беларусь	485
Ежова Т.Б. Документальное сопровождение международных морских перевозок грузов.....	488
Клочкова В.О. Актуальные вопросы миграции беженцев из Ближнего Востока в страны Европейского Союза: причины и последствия	491
Коротич Е.А., Чмыга О.В. Европейская договорная система защиты прав человека в сфере применения современных медицинских технологий: некоторые аспекты	494
Kryvtsova I. Integrative law as the trend of the global law evolution	497
Кузьмич И.В. Правовая регламентация термина «международная миграция».....	499
Куницкая О.М. Международно-правовой аспект организации экономических отношений в сфере электроэнергетики Республики Беларусь	501
Кушнаренок А.А. Тенденция развития посредничества как международно-правового средства разрешения споров	504
Лагуновская Е.А. Международно-правовые основы регулирования конфессиональных отношений.....	507
Лузикова Я.С. Компьютерное мошенничество как форма киберпреступности в международных общественных отношениях	510
Мотяс М.А., Брайчук Л.М. Международное усыновление на современном этапе	513
Навроцкая В.В. Прецедентная практика европейского суда по правам человека относительно судебской беспристрастности.....	515
Нуждина А.С. Роль и место международного обычая в правовой системе Республики Беларусь	519
Озимко К.Д. Проблемы международного сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности.....	522
Омаров И.Г. О международно-правовой ответственности государств.....	525
Перепелкин С.М. Объективность и историчность принципов международного таможенного права.....	527
Пешевич Н.В. Участие частных военных и охранных предприятий в миротворческих операциях ООН	529
Пичковская В.В. Имплементационные меры Республики Беларусь по реализации положений Конвенции о правах ребенка.....	532
Розгон О.В. Коллизии международного усыновления в Украине и Белоруссии.....	534
Федотов В.А. Оказание внешнеторговых услуг посредством коммерческого присутствия.....	538
Фризен М.В. Правовое значение международного коммерческого арбитража	541
Халецкая Т.М. Международно-правовое регулирование принципов медиации и их отражение в национальном законодательстве	543
Чубкова Н.С. Проблема юрисдикционных иммунитетов государства	548
Шалаева Т.З., Пашкевич И.П. Свобода перемещения товаров в рамках общего рынка ЕАЭС: систематизация правовых средств.....	551

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА**

Сборник материалов
Республиканской научно-практической конференции
25 ноября 2016 г.

Техническое редактирование

А. И. Дудчик